ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

ВЫПУСК I

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1926

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Февраль 1927 г.
Непременный Секретарь, академик *С. Ольденбург*

Редактор издания академик *В. В. Бартольд*

Начато набором в марте 1926 г. — Окончено печатанием в феврале 1927 г.

3 тит. л. + 406 стр. + 6 неп. + 4 табл. + 5 рис.

Ленинградский Гублит № 21794. — 26 $^4/_{16}$ печ. лист. — Тираж 800
Государственная Академическая Типография
В. О., 9 линия 12.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

Статьи и Заметки

Критика и Библиография

Список рецензированных книг

а) На русском языке:

б) На восточных языках:

в) На европейских языках:

Таблицы

SOMMAIRE DU TOME SECOND

Articles et Notes

Critique et Bibliographie

Comptes-rendus des livres

a) Russes:

b) Langues orientales:

c) Langues de l'Europe occidentale:

Planches

Мусульманское искусство в собрании Ханенко.

Обширное собрание предметов искусства, принадлежавшее Ханенко, давно пользуется большой и справедливой известностью. В настоящее время эти коллекции, оставаясь по прежнему в особняке бывшего владельца на Терещенковской улице в Киеве, обращены в «Музей искусств» Украинской Академии Наук. Будучи командирована Государственным Эрмитажем в Киев летом 1925 г., я имела возможность, в течении трехнедельного пребывания, ознакомиться с этим музеем, насколько это позволял ограниченный срок. Не касаясь совершенно общего состава, чрезвычайно разнообразного, я остановлюсь лишь на одной части (в связи с моими специальными занятиями), состав и объем которой повидимому наименее известен — предметах мусульманского искусства.[1] Распределение их в музее нельзя назвать удобным: в вестибюле, вдоль маршей лестницы около библиотеки, в двух так называемых кладовых и двух залах, среди совершенно разнородного с ними материала, что очень нарушает цельность впечатления. По материалу предметы можно подразделить на несколько групп, однако очень не равных количественно. Общее число экспонатов, включая сюда и запас, настолько велико, что при кратковременном пребывании в Киеве пришлось ограничиться беглым осмотром, несколько подробнее останавливаясь лишь на некоторых, представивших почему-либо бо́льший или специальный интерес.

I.

Самыми малочисленными являются, повидимому, группы тканей и резного камня. Среди тканей выделяются персидская фигурная ткань XVI в. и кусок турецкого бархата с крупным растительным узором XV в. В нижней кладовой находятся незанумерованные:

[1] Поскольку мне известно, некоторые из них упомянуты единственно в каталоге Н. Макаренко, Музей Мистецтв, Провідник, 1924 г.

1. Погребальная стэла из песчаника, около 70 см. высоты, с рельефной арабской надписью. Вдоль длинных сторон на краях ее расположено вертикально по одной строке. Между них семь коротких горизонтальных строк, под которыми в диагонально поставленном квадрате находится куфическая лигатурная надпись. Отбит верх стэлы, края и углы. Верхняя строка отсутствует. Даты не имеется.

2. Обломок каменной плиты зеленоватого цвета; на лицевой стороне вырезана часть декоративно-куфической надписи высоким рельефом и растительный узор низким рельефом.

3. Обломок каменной плиты более желтого цвета с арабесковым рельефным фризом. Этими тремя экземплярами кажется исчерпывается вся наличность этой группы.

Мусульманское оружие не выделено в особую группу и развешано вместе с прочим по стенам лестницы. Здесь можно отметить несколько кинжалов, украшенных цветной эмалью, с резными костяными рукоятями и арабскими надписями; костяную пороховницу, покрытую фигурками животных, близкую по типу к эрмитажной;[1] персидские шлемы и панцырь.

Коллекция бронзы состоит из нескольких десятков предметов различного достоинства. Размещена она главным образом в трех местах: в вестибюле, в иконном зале и, наконец, главный запас — в верхней кладовой. Бо́льшего внимания заслуживает выставленное в зале и часть запаса.

В иконном зале выставлены:

1. Бронзовый большой котел открытого типа, с крещатым бортом, на котором читается имя мастера Махмуда; вторая часть имени чтению не поддается. Аналогичный котел есть в эрмитажном собрании.

2. Большой бронзовый таз (№ 1037), с звездчатым бортом, украшенный гравировкой. Внутри на стенках изображены звери, птицы и сидящие фигуры. На дне, в центре — султан на троне, по сторонам его две фигуры; кругом шесть фигурных медальонов. Типы лиц монгольские. XIII в.[2]

3. Большой бронзовый таз (№ 1036), украшенный гравировкой, инкрустирован серебром и чернью; борт его горизонтальный. Узор фигурный; кроме того внутри два фриза надписей плетеным куфи и зигзаги. XIII—XIV в.

4. Бронзовое ведерко (№ 477), покрытое рельефной резьбой и серебряной инкрустацией. На подвижной дужке рельефные головы драконов. Венецианская работа XVI в.

---

[1] На выставке мусульманского искусства в Государственном Эрмитаже, в витрине с резной костью и деревом, № 8 и др.

[2] Ср. Sarre, Erzeugnisse islamischer Kunst. Berlin, 1906, Teil I, Metall, стр. 15, № 23.

5. Акваманиле в виде коровы с теленком, терзаемой набросившимся на ее спину хищным зверем. На боках ее выгравированы три фигурных пояса с изображением в одном — музыкального дивертиссмента, в другом — охоты, в третьем — шествия зверей. На голове и шее коровы вырезаны арабские надписи. Судя по стилю их, вероятно персидская работа конца XIII или XIV в.

В кладовой второго этажа хранятся:

6. Бронзовый высокий кувшин сасанидского типа, с ручкой (№ 2105); длинный слив его на узком горле напоминает птичий клюв. На овальном тулове несколько высоко-рельефных каплевидных украшений. Подобный тип орнаментации встречается довольно часто, например на нескольких ступках Эрмитажа, как КИ 1168 и 3650, на небольшом сосудике в форме вазы КИ 1546, на жаровенке с ручкой КИ 3540 и других образцах. Киевский кувшин, вероятно, наиболее ранний из всех здесь названных примеров и относится к VIII—IX в.

7. Большой бронзовый кувшин чеканной работы (№ 2643) относится к группе бронз с рельефными фигурными украшениями, достаточно обширной, разнообразной и довольно хорошо представленной в нескольких собраниях. Этот кувшин наделен в сущности всеми характерными признаками своей группы, украшен рельефами, гравировкой и инкрустирован двумя металлами: красной медью и серебром. На тулове его чередуются вертикальные выпуклости, с вертикальными арабскими надписями, и двускатные ребра, покрытые узким орнаментом и розетками. На плечах выделяется рельефная звезда; кроме нее есть еще фриз арабской надписи и розетки из семи кружков. Высокое, узкое горло украшено вверху и внизу надписями и двумя рельефными фигурами львов, сидящих на задних лапах. Носок кувшина длинный, приподнят вверх; на него наклепано сверху плоское перекрытие с рельефной фигуркой лежащего льва. Ручка в виде буквы Г тоже приклепана. По форме к этому кувшину очень близки: кувшин № 15, описанный и воспроизведенный у F. Sarre,[1] если не считать формы и рельефного украшения носка, который близок к кувшину № 17 того же издания,[2] и эрмитажный кувшин КИ 3527. Кувшины этого типа обычно относятся к северной Персии или Армении, работа конца XII — начала XIII в.

8. Бронзовый многогранный кувшин № 2999 примыкает к только что описанному типу. Существенное отличие между ними в форме тулова, в первом — ребристого, во втором — многогранного. На горле второго также

---

[1] F. Sarre, op. cit. стр. 9—10, рис. 7.

[2] Ibid. стр. 11, табл. V.

*

имеются две рельефные фигуры львов. Происхождение его, вероятно, такое же.

9. Бронзовый литой кувшин № 2642 является одним из представителей другого, вероятно, более позднего типа. Его характерные признаки — сфероидальное тулово, высокое горло, иногда круглое, иногда многогранное, типичные ручки с рельефными бусами, гранатами и яблоками — наследие поздне-сасанидской и ранне-мусульманской формы, исчезновение рельефных изображений с заменой их глубокой резьбой. Киевский кувшин № 2642 отличается всеми этими признаками. Он украшен глубокой резьбой: на брюшке спереди изображены два сфинкса в контуре из килевой и подковообразной арки; по сторонам ручки, имеющей в средней части выпуклые бусы, а сверху — гранат, на брюшке два дракона (змеиной формы) с длинными ушами; на боковых сторонах брюшка — летящие гуси. Из кувшинов эрмитажного собрания ближайший по форме кувшин КИ 3533, из описанных F. Sarre — № 12.[1] Аналогии в орнаментике брюшка дают несколько эрмитажных кувшинов; так например имеются изображения одиночных сфинксов, но в арке той же формы, или драконы по сторонам ручки; на кувшине КИ 1244 два крылатых сфинкса dos à dos в такой же арке. Указания в статье F. Sarre с одной стороны, сведения о происхождении некоторых подобных эрмитажных образцов с другой, позволяют отнести этот кувшин к средне-азиатскому типу и датировать его, судя по орнаментации, XV веком.

10. К этой же группе надо отнести и бронзовый кувшин № 2997, орнаментированный беднее, но в той же технике. На брюшке его выгравирован жгут и птицы.

11. Большой бронзовый кувшин чеканной работы № 3590 — образчик еще одной группы. Он украшен гравировкой, инкрустирован серебром и медью. Особо важным признаком является расположение арабесок поясами, характерный фриз арабской надписи жирным, крупным почерком тумар на брюшке, не исключающий соседства надписи почерком куфи и узор медальона с летящими утками и розеткой. Носок прямой, шестигранный; на ручке, как и на кувшинах средне-азиатского типа, имеется сверху яблоко, выгравирован побег и жгуты. Крышка, ручка и носок приклепаны. Вместе со следующим кувшином № 2998, а также тазами № 1036—1037 и несколькими ниже упоминаемыми тазами он входит в группу так называемых «мосульских» бронз и относится к XIII—XIV в.

12. Кувшин № 2998, покрытый гравированными параллельными

---

[1] Op. cit. стр. 7—8, табл. IV.

поясами арабесок, побегов, надписей и кружков с точкой внутри, инкрустирован серебром и чернью и имеет шесть фигур в медальонах.

13. Тазик № 2723 совмещает в себе роскошь отделки с орнаментальным богатством. Он гравирован, инкрустирован золотом и чернью. Медальоны его двух форм. Одни, овальные, заполнены арабскими надписями декоративным почерком тумар; в других, круглых — в центре изображены всадники, вокруг них идет надпись и кружки, заполненные зигзагами в форме буквы Z.[1] На дне внутри, в центре изображены плавающие утки, кругом них три концентрических пояса рыб, плывущих по окружности, в четвертом же, внешнем, рыбы расположены радиально.[2]

14. Бронзовый тазик № 2715 покрыт очень разнообразными гравированными орнаментами, без инкрустации. На дне снаружи изображены звери и птицы среди растений. На стенках тянется фриз стоящих фигур и растительные медальоны с птицами. Центр дна, внутри, занимает солнце в лучах; кругом него плавают утки и многочисленные рыбы, как реалистических, так и фантастических форм (например пила-рыба и др.).

15. Бронзовый таз № 2720, как и тазик № 2723, кроме гравировки, инкрустирован золотом. Его медальоны фестончаты, а внутренние розетки заполнены зигзагами.[3]

16. Фриз арабской надписи почерком тумар украшает снаружи верхнюю часть таза № 2721; помещенные в медальонах утки сплетаются хвостами.

17. Бронзовая чаша № 2722 с гравированными знаками зодиака, инкрустирована серебром. Внутри находятся обычные изображения рыб и зигзаги.

18. Бронзовый тазик с гравировкой № 2641 отличается от предшествующих профилированной на плечах рельефной звездой и сходен с чашей № 2722 по орнаментальному сюжету: на нем выгравированы арабески и двенадцать знаков зодиака.

19. Медная чаша на подставке № 3155 относится к значительно более позднему времени, вероятно, к XVII в. и происходит должно быть из Персии.

---

[1] F. Sarre многократно упоминает в своих описаниях орнаментики металла «Rosetten mit T — Muster» (F. Sarre, op. cit. № 9, 20, 23, 34—37 и друг.) и дает к № 23 рисунок № 17 с изображением такой розетки, из которого легко убедиться, что сопоставление с буквой T здесь неуместно, хотя оно очень подходит для примера, данного Kühnel'ем (E. Kühnel, Islamische Kleinkunst, Berlin, 1925, стр. 149, рис. 113). Примененное Sarre название «Zickzack muster» к орнаменту рис. № 27 (стр. 30, там же), того же характера, как в розетке рис. № 17 более удачно.

[2] Ср. Sarre, op. cit., стр. 17, № 28: «... Muster aus konzentrisch geordneten schwimmenden Fischen».

[3] См. выше описание № 2723 и прим.

Она украшена черной эмалью, фризами надписей почерком несхи, фигурным пейзажем и двумя цветочными побегами.

Между подсвечниками, среди которых имеется и несколько персидских XVI—XVII в., заслуживают упоминания следующие:

20. Нижняя часть бронзового подсвечника № 2717, замечательного по своей форме: она украшена крупными высокорельефными фигурами сидящих львов. Судя по их стилю, подсвечник должен быть отнесен в группу бронз с рельефными фигурными украшениями около XII в. Однако блеск и очень новый вид светлой, начищенной бронзы вызывает сомнение, не есть ли это подделка или копия какого-то пока повидимому не опубликованного оригинала.

21. Подставка бронзового подсвечника № 2656, средняя часть стенок которой профилирована выпуклыми шестиугольниками, расположенными в шахматном порядке.[1] На нем выгравированы два пояса куфической надписи, у основания тянется звериный фриз. Стержень его утрачен, верх заклепан.

22. Следующие два подсвечника принадлежат к группе «мосульских» бронз.[2] От них тоже уцелели только подставки. Подставка № 3156 отделана роскошнее: она гравирована, инкрустирована серебром и золотом. Узор состоит из четырех крупных медальонов с всадниками в звезде; в мелких медальонах арабески; применено заполнение зигзагами.[3]

23. Подставка подсвечника № 2664 отделана беднее, без инкрустации. Вместо фигур в средней части стенок помещены заостренные овалы с утками и фриз арабской надписи; фон заполнен зигзагами.[4]

24. Из прочих предметов назовем овальную медную шкатулку с плоским дном и крышкой. На ней снаружи выгравированы медальоны с арабской надписью. На внутренней поверхности крышки вырезана надпись, содержащая подпись мастера.

25. Очень оригинальна литая, бронзовая лампада на цепочке, № 2714. Крышка ее имеет форму большой птицы с длинным хвостом; на груди птицы выступает слив, назначение которого в данном случае непонятно.[5]

Прочие бронзовые кумганы и другие металлические предметы, представляющие меньший художественный интерес, за недостатком времени, отмечены мною не были.

---

[1] Ср. Meisterwerke Muhammedanischer Kunst, табл. 144.

[2] См. выше, № 11.

[3] Ср. № 2723, прим., № 2722 и № 2720.

[4] Ср. примечание к № 3156.

[5] Ср. Fr. Martin, Aeltere Kupferarbeiten aus dem Orient, 1902, табл. 26 (Stockholm),— Lampe zum Aufhängen, Buchara.

II.

Коллекция мусульманской керамики отличается разнообразием, причем некоторые важные категории представлены в ней достаточно хорошо, хотя и не всесторонне.

Первым по объему является собрание среднеазиатской керамики, состоящее из нескольких сотен преимущественно самаркандских фрагментов. Количество целых поливных сосудов относительно невелико. Многие из них были разбиты при неосторожной укладке без всякой упаковки кучами в больших корзинах и ящиках. В таком состоянии их пришлось увидеть при единственном осмотре нижней кладовой (первого этажа), дня за три до отъезда из Киева. От тяжести верхних рядов нижние сосуды поломались, на что ясно указывало расположение многих черепков. Поверхностный осмотр этой массы совершенно не изученного и в июле 1925 г. еще не перенумерованного материала позволяет установить следующее.

Перевес на стороне поливной и притом полихромной керамики, сходной по типам с материалом из раскопок Н. И. Веселовского и В. В. Бартольда на Афрасиабе.[1] Сосудов из обожженой, неполивной глины значительно меньше; среди них есть гладкие, с резным и штампованным узором; некоторые могут быть реставрированы. Характерной чертой является повидимому полное отсутствие «ртутных» сосудов и отдельных известных нам типов лампочек. Равным образом, отсутствует тип посуды, добытой А. К. Семеновым из Мургабского имения.[2] К среднеазиатской керамической группе следует отнести и обломок большой плитки из обожженой красноватой глины с рельефным узором, состоящим из контура арки, арабесок и волнистого побега с полупальметками. Выше упомянутая стэла и два обломка резного камня повидимому относятся к этой же коллекции.

Что касается времени и способа приобретения этой среднеазиатской коллекции в музей, точных данных от администрации музея получить не удалось. По сведениям, сообщенным С. М. Дудиным, хранителем Музея Антропологии и Этнографии, коллекция эта была составлена М. В. Столяровым, проживающим в Самарканде, и продана им одному из киевских профессоров за 3.000 рублей.

В помещении библиотеки музея временно находилось для работы (нумерации) только что поступившее из Института Народного Образования (бывший Киевский Университет) собрание мусульманской керамики, состоящее из нескольких десятков образцов. С их составом удалось ознакомиться

---

[1] Основные части этих собраний в настоящее время находятся в Государственном Эрмитаже и в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук (МАЭ).

[2] В собрании Гос. Эрмитажа.

несколько ближе. По большей части это — обломки среднеазиатской поливной посуды из розовой массы, расписанной по белой обмазке цветными ангобами. Характерна форма, широкое применение эпиграфических мотивов (например, в №№ 4909 и 4897), очерчивание слов контуром, заполнение фона пунктиром (№№ 4897—4898), побег с пальметками и полупальметками, роспись краев фестонами. Типичные тона: красный, черно-коричневый, оливковый по чисто-белому фону, с поливой прозрачной, иногда желтоватой. Встречается равным образом и пестрая роспись по рыжему фону.

Особую группу составляют десять однотипных обломков, преимущественно от поливной посуды крупных размеров. Все они имеют массу несколько другого характера и роспись медно-зеленого цвета, нанесенную широкими линиями. Мотивы узора очень крупные — растительные, сетка, пунктир и побеги с полупальметками. Этот тип керамики представлен в Эрмитаже фрагментами КИ 1479 и КР 36 и несколькими образцами в МАЭ. В этой коллекции, кроме обломков сосудов, есть среднеазиатские узкие кирпичики с голубой поливой, фрагменты изразцовой мозаики и изразцы, имитирующие мозаику. К ней же принадлежит небольшой обломок турецкой изразцовой плитки № 4942, покрытой белым растительным узором в черном контуре резервом по синему фону; дополнительные цвета раскраски кирпично-красный и ярко-зеленый. Судя по русской надписи на оборотной стороне, обломок этот происходит из мечети Сулеймана (Селимийи?) в Адрианополе; имеется и дата 18 августа 1878 г.[1]

Почти весь испано-мавританский фаянс музея занял особую витрину в иконном зале. Представлено главным образом производство Валенсии XV—XVII в. Один тазик XVI в. с горизонтальным бортом и цилиндрическими стенками, покрытый сетчатым узором желтоватым люстром, находится в другом зале, а несколько предметов в запасе. В соседней с испано-мавританским фаянсом витрине сосредоточена почти вся так называемая «родосская» керамика, дающая хорошее представление о ее технических и декоративных признаках. Имеются кружка, несколько блюд и другие сосуды. В этой же витрине внизу стоит отличное «дамасское» блюдо с синей росписью: по белому фону разбросаны листья и группы спиралек.[2] Этого же типа изразец висит в библиотеке на стене около камина.

Дагестанская керамика сгруппирована не так тесно, как две предшествующие группы. Образцы ее выставлены на столе и полке пятой ком-

---

[1] Напрашивается предположение, что появление этого изразца в России связано с русско-турецкой войной.

[2] Ср. эрмитажное блюдо КИ 4342, которое воспроизведено в издании Гос. Эрмитажа, Мусульманский Восток, 1925 г., табл. V.

наты музея, выходящей окнами во двор. Два экземпляра по своей желтой поливе цвета охры составляют одну общую группу с эрмитажными кувшинами КИ 3869 и 3870. Первый из них, № 752 представляет овальную бутыль с узким горлышком. Роспись на ней нанесена белым ангобом и расположена следующим образом: на брюшке помещены четыре симметричные растительные группы; между них, с одной стороны на фоне написано عمل — «работа»; имя мастера, однако, совершенно отсутствует и, судя по сохранности поливы, его никогда и не было; на горле — вертикальные полоски и сердца. Другой — № 754 — большой кувшин с носком и широким горлом; его ручка из сплюснутого валика заканчивается на тулове «бахромой». На горле выцарапаны две горизонтальные борозды и зигзаги. Кувшин № 2708 как по форме, так по тонам и технике имеет великолепную аналогию в эрмитажном кувшине КИ 3867. Гравировка его тулова, состоящая из спиралевидного побега, розеток и косой сетки на брюшке, выделяется углубленными коричневыми линиями на фоне зеленой поливы. Главное же его украшение составляет ажурный воротник, охватывающий высокое горло в нижней части.

Судя по материалу, приобретенному в разное время Государственным Эрмитажем из Дагестана, из того же источника вероятно поступили следующие предметы: 1) Большой кувшин со сферическим туловом, широким горлом и изогнутой ручкой, расписанный под мрамор марганцем (темновишневый цвет) и зеленым. На горле его ряды борозд и рельефные украшения. Эта техника обычно дополненная рельефной орнаментикой в виде розеток, стилизованных птиц, лошадок и проч., представлена в Эрмитаже целой серией различных форм и величин, преимущественно же блюд. Стоит он над дверью из пятой комнаты в кабинет карельской березы. 2) Чаша на кольцевой ножке, с узким горизонтальным бортом. Черный подглазурный узор внутри состоит из цветка в центре дна, заключенного в круг и многоугольник; фестоны на стенках разделены горизонтальной штриховкой; борт заштрихован радиально. Снаружи узор ограничивается дугами и радиальными полосами. Полива обеих сторон бирюзовая. 3) Поливное блюдо «до-родосского» типа с широким бортом. Фон его желтоват, в трещинах. Цветы и деревья на дне и группы чешуйчатого орнамента по борту в тусклых тонах: красноватом, желтом, зеленом и синем. 4) Поливное вогнутое блюдо подобной же техники, близкое по характеру тонов, но другого сюжета: среди пейзажа изображен по грудь юноша в синем полосатом тюрбане; на нем желтая одежда с крупным белым цветочным узором и зеленым воротником; тип юноши и форма тюрбана находятся в зависимости от персидских миниатюр времени шаха Аббāса. Тона желтый, красно-

коричневый и синевато-серый — тусклые, зеленый — яркий. В параллель к нему можно назвать в эрмитажном собрании — КР № 79, восьмиугольный изразец; к предшествующему более всего подходит блюдо КИ 3681. Оба блюда 3 и 4 висят на стене у камина в иконном зале. Чаши 5 и 6 — одна в витрине иконного зала, другая в кладовой — с растительным подглазурным узором кобальтом по белому фону стоит упомянуть, так как и они имеют несколько параллелей в Эрмитаже, например КИ 29, 34, 54, 71, 92. Эрмитажная чаша КИ 3827, принадлежащая к этой же серии, благодаря надписи на обороте, содержащей ясно читаемое имя мастера и дату, позволяет и киевские чаши датировать с бо́льшей определенностью первой четвертью XIX в.

Образцы персидской керамики достаточно разнообразны. Представлены наиболее важные этапы ее развития, как например, люстровая и пестрая роспись Рея, несколько типов изразцов, произведения Султанабада и времени шаха Аббāса I-го. Благодаря удачному подбору коллекции, можно получить представление как о технике, так о колорите и характерных формах. Наиболее интересные образцы, частью выставлены в витрине иконного зала, частью же находятся в кладовой.[1] Видное место занимает керамика с люстровой росписью. Из сосудов этой техники прежде всего останавливает внимание поливной кувшин № 2141, благодаря своей форме. Его луковичное тулово переходит в узкое горло, вверху которого моделирована петушья голова: ее гребешок образует края сверху овального зева. Подставка низкая, кольцевая. Ручка отбита, заменена S-образной, четырехгранной бронзовой, покрытой с трех сторон резьбой; укреплена она двумя винтами, выпущенными изнутри концами наружу, на которые навинчены восьми- и четырехгранная гайки. Сверху на ручке приделана на шарнире бронзовая крышка с птичкой. Край горлышка над клювом отбит и реставрирован белым сплавом; другой кусок (левая сторона головы с глазом) приклеен. На тулове по коричневому люстру белые арабески à réserve с мелкими завитками и точками, три расщепленные пальметки верхушкой вниз и цветок-пальметка на овальнозаостренном поле. В нижней части брюшка прочерчена по люстру курсивом очень неразборчивая надпись арабскими буквами. Низ кувшина разделен на вертикальные поля со спиралевидным узором. На горле надпись того же характера, как на брюшке. Глаза, бородка и клюв выписаны широкими мазками. Kühnel дал воспроизведение более раннего кувшина той же формы, принадлежащего Kaiser-Friedrich

---

[1] Снимки с произведений керамики не даются, так как в одном из изданий Киева вскоре будет опубликована посвященная им работа.

Museum в Берлине.[1] Киевский кувшин следует датировать повидимому XIII веком.

Фрагмент № 2136 представляет донышко поливной чаши на кольцевой ножке, с люстровой росписью. На внутренней поверхности полива блестящая, молочного цвета; снаружи на выступах и отчасти на ножке — молочно-голубоватая. Цвет люстра зеленоватый; в отблесках лилово-голубой. В круге, обрамленном фризом куфического стиля, изображен всадник, скачущий на коне налево. Конь темной масти, с белым лбом и бабками; его белая сбруя и чепрак усеяны темным пунктиром. Крупная голова всадника окружена нимбом. Из под низкой, круглой шапки падают до плеч две пряди волос, прикрывая уши и оттеняя овальное лицо. Дуги бровей срослись; рот маленький. Одежда состоит из короткого кафтана с пятнистым узором и белых шаровар. Левая согнутая рука держит узду. Носок левой ноги пропущен в стремя. Справа и слева от всадника стоят два кипариса, покрытые шахматным узором.[2] Сверху и снизу пять дуг образуют ламбрекены; чередование широких полос и спиралевидного орнамента на них имитирует полосатый узор ткани. Остальной фон покрыт криволинейными стеблями трав и цветов.

Разложистая чаша на кольцевой ножке № 3234, с выступающим наружу бортом, в дополнение к росписи красно-коричневым люстром по фону цвета слоновой кости имеет частичную заливку синей и бирюзовой краской. Внутри изображен пейзаж с тремя сидящими по восточному фигурами. Приблизительно в середине чаши возвышается бирюзовый кипарис. Перед ним, на первом плане видны две синие рыбы в бассейне. Фигуры изображены с нимбами, очерченными синим контуром. Их лица крупные, широкие, глаза миндалевидные, с длинным разрезом; рты маленькие, а носы обозначены прямой чертой. Левая фигура, обращенная в три четверти направо, крупнее двух других. Мастер выделил ее не только величиной, но изобразил на ее круглой, как и у прочих, бирюзовой шапочке более высокое украшение, дав двум остальным украшение в форме сердца. Точно также и пряди волос, падающих на виски и спину, у левой фигуры длиннее. Заполнительный узор одежд приблизительно одинаковый, но у левой дополнен синими сердцами, у средней — тремя вертикальными полосами, у правой — побегом. Над головами фигур летят синие и бирюзовые водяные птички. Фон покрыт люстром и заполнительным узором. На борте по люстру между синих полос процарапана надпись мелкими арабскими буквами; приблизительно две трети ее стерлось. Стерт кроме того почти весь узор на обороте

[1] Kühnel E., Islamische Kleinkunst, стр. 86, рис. 47.

[2] Ср. Rivière, La céramique musulmane, т. I, табл. 38.

и нижняя часть внутреннего поля. Чаша имеет трещину. Диаметр ее около 18 см.

Глубокая чаша № 2205 сильно отличается от предыдущей и формой, и узором. Дно ее коническое, высокий борт сильно загнут внутрь. Цвет массы сероватый, полива очень блестяща; кроме росписи красно-коричневым люстром, отблеск которого внутри перламутрово-голубой, снаружи, особенно внизу — красно-золотой, внутри изображен синий крест на дне, по борту два пояса окаймлены тремя синими горизонтальными полосами. Четыре части внутреннего круга поделены на восемь радиальных полей. В четырех из них выделен по фону перистый узор и косая сетка; в других четырех криволинейный орнамент, напоминающий вопросительные и подобные значки. В верхнем поясе борта пары вертикальных полос чередуются с ланцетами, в нижнем изображены кружки с точкой внутри. Снаружи по борту тянется фриз довольно крупной, очень неразборчивой арабской надписи, залитой синим. Крупный сердцевидный узор конической части местами стерт; стертые места желтоваты. Несмотря на выше отмеченную разницу, в этих чашах (2205 и 3234) есть сходные признаки: 1) Общий тип ножки в виде кольца конической, а не цилиндрической формы. 2) Одинаковый тон синего и остатков сошедшего люстра, также как и цвет люстра в хорошо сохранившихся частях узора. Указанная в описании фрагмента № 2136 зеленоватость люстра столь же характерна для керамики рейского типа,[1] как и типичны фигура всадника на этом донышке и три фигуры чаши № 3234. К чаше № 2205 по типу подходит чаша из собрания Skaller в Берлине, датированная 1211 годом.[2] Поэтому чаши №№ 2205 и 3234 относятся вероятно к XIII веку.

Из сосудов с люстровой росписью назовем еще одну чашу № 2155, сильно разбитую, склеенную и реставрированную. Цвет массы ее желтовато-белый, полива блестящая; по фону крем роспись желтая, с зеленоватым оттенком, особенно на дне. Она глубока, дно плоское, ножка кольцевая, стенки конические, борт вертикальный, окраек волнистый. На дне внутри узор из запятых и подобных значков слагается в подобие вазы. Образование орнаментальных частей из мазков этого рода достаточно характерно для части керамики рейского типа.[3] На покатых стенках надпись цветущим куфи с побегами образует вокруг дна шесть лучей и шестиконечную звезду с округленными концами. На разделе стенок и борта горизонтальная бо-

---

[1] Kühnel, Islamische Kleinkunst, стр. 89—90.

[2] Kühnel, Datierte persische Fayencen, Der Cicerone, XVI Jahrg., 1924, Heft 1, стр. 25, рис. 9.

[3] Ср. Kühnel, Islamishe Kleinkunst, рис. 49, 50.

роздa. По борту—вертикальные борозды, восемь круглых пятен и столько же отрезков мелкого узора. Снаружи чаша орнаментирована крупной надписью курсивом.

Вслед за сосудами с оловянной поливой и люстровой росписью, в некоторых случаях, как было указано, оживленной синей и бирюзовой заливкой, в коллекции можно отметить и несколько изразцов, выполненных в той же технике.

Изразцовая восьмиконечная звезда № 3148 расписана красно-коричневым люстром с синим отливом. Узор белый à réserve, люстр стерт по краям. Изображено животное кошачьей породы с длинным хвостом и двумя торчащими вверх ушами, шествующее налево среди листвы с цветком-пальметкой. Шерсть обозначена мелким пунктиром и крупными пятнами.

Изразцовая восьмиконечная звездочка № 2133 имеет роспись темно-коричневым люстром, светло-голубой и фиолетовый отблеск и белый, à réserve, узор: в поле, отделенном полосой, изображена лань с поджатыми ногами среди растительных разводов; голова обращена налево, шерсть обозначена пунктиром, который также покрывает листки. Четыре конца этой звезды сбиты, часть излома опилена.

На звезде № 3147 красно-коричневый люстр с золотисто-зеленым отблеском. Изображена à réserve газель, скачущая налево. Шерсть ее обозначена мелкими и крупными пятнами. Кругом газели листья, сверху цветок. Заполнительный узор по люстру в виде точек, запятых и латинских S сильно заплыл.

Узор звезды № 2710, той же формы и техники, как и предыдущие, составляют две противостоящие птицы (павлины); их крылья распущены, хвосты подняты вверх, а длинные клювы направлены в верхний угол. Фон крем, люстр желтовато-коричневый.

На звезде № 2135 уже не животный узор, а фигурный, золотисто-желтым люстром. В белых частях рисунка à réserve видна красноватая, цвета кармина, сильно выгоревшая краска. Вдоль края оставлена белая полоса. Внутри поля расположены три фигуры сидящих по восточному людей в пятнистых одеждах. Средняя выше и крупнее боковых; две обращены в три четверти к зрителю правым плечом, третья—левым. На головах низкие, круглые шапочки. Волосы средней фигуры спадают двумя длинными прядями почти до колен, у левой—длинная прядь справа, у правой обе пряди короткие. Лица полные и круглые, брови обозначены большими дугами, глаза крупные, носы и рты маленькие. Черты лиц видны очень слабо.

Все перечисленные уже изразцовые звезды по типу должны быть отнесены к рейскому производству XIII в. Следующая шестиконечная

звезда № 215 по стилю от них отличается введением 1) рельефа и 2) светло-бирюзовой и кобальтовой росписи, кроме обычного темно-коричневого люстра. Цвет массы желтоват. Один угол звезды отбит. Белым резервом по коричневому фону изображен симург, летящий налево, и растительные элементы. На птице местами синие и бледно-бирюзовые пятна. Край обведен кобальтом. Это употребление готовой дальне-восточной декоративной формулы является третьим отличием от предшествующих изразцов, позволяющим поэтому отнести звезду № 215 к XIV веку и предположить изготовление ее в Султанабаде. Диам. 15,3 см. К тому же периоду и центру относится и восьмиконечная звезда № 2128. Ее неполитая поверхность имеет желтовато-серый цвет. Люстровая роспись, с фиолетовым и красновато-золотым отблеском, дополнена кобальтом. В звезду, диам. 15,5 см., вписан касательно внутренних углов круг, в него — восьмиконечная звезда. В малой звезде à réserve изображена среди цветов и листьев птица; люстровый фон усеян квадратными точками. Круг образует со сторонами обеих звезд треугольные поля, в каждом из которых помещен овал с четырьмя кружками; фон их залит растекшимся кобальтом. Такие овалы с кружками видны на многих персидских люстровых изразцах.[1] На обороте изразца от руки готическими буквами сделана надпись «Gustave Dreyfus», может быть имя предшествующего владельца.

Восьмиконечная звезда № 2137 из желтовато-сероватой массы покрыта обычной оловянной поливой, но ее молочный цвет имеет здесь сероватый оттенок. Люстр коричнево-фиолетовый, в отблесках зеленоват; дополнительная раскраска кобальтовая. Диам. 21 см. Один угол приклеен. Геометрическая схема узора одинаковая с № 2128, но иного размера, при почти равной ширине бордюра. В меньшей звезде помещена птица à réserve, типа симурга, без длинного хвоста. Она летит налево; голова ее окружена нимбом неправильно-круглой формы. Узор борта сходен с № 2128, но виден отчетливее: овалы выписаны не только люстром, но и кобальтом; внутри каждого помещен кобальтовый крест, между его концами—четыре кружка или точки; от овалов в углы треугольника развеваются ленты. Этот орнамент воспроизводит несомненно китайские эмблемы.

Восьмиконечная звезда № 2127, диам. 15,5 см., расписана темно-коричневым люстром с неярким радужным блеском. Плоскость ее поделена геометрически: в восьмиугольную звезду вписаны последовательно восьмиугольник, малая восьмиконечная звезда и малый восьмиугольник. В центральном поле белый арабесковый узор и квадратный пунктир. Бордюр покрыт

[1] Очень отчетливо у Wallis, The thirteenth century lustred wall-tiles, табл. XIX—XXI; также на изразцах верхнего ряда у Кубе, История фаянса, табл. VII.

орнаментом из дуг и точек. В геометрических полях по краям звезды тройные листки, пунктир и тот же орнамент, как по краям звезд № 2128 и 2137. Надпись на обороте «Gustave Dreyfus» сделана той же рукой, как и на звезде № 2128. Основываясь на стилистическом сходстве двух последних звезд № 2137 и 2127 с двумя предшествующими им, можно и эти отнести к Султанабаду XIV в..

Безусловно наибольшего внимания залуживает восьмиконечная изразцовая звезда № 2131. По колориту она не отличается от только что описанных. Узор нанесен коричневым люстром по белому блестящему фону и залит частично синим и бирюзовым. Во внутреннем звездообразном поле на темно-коричневом фоне изображен всадник на верблюде, скачущем среди пейзажа налево. В промежутках между растений процарапаны мелкие, очень тонкие спирали. Листья имеют перистую форму или очерчены дугой. Лицо всадника одутловато-круглое, обращено в три четверти; глаза миндалевидные, левый с длинным разрезом; нос прямой, рот обозначен маленькой черточкой и точкой под ней. На голове всадника, окруженной нимбом, круглая, украшенная белыми полосами шапочка; из под нее выбиваются на виски пышные волосы, уходящие к затылку. Корпус до пояса показан с небольшим раккурсом, а от пояса ниже—в профиль. Правая рука вытянута вперед вниз по направлению к затылку верблюда, левая сильно согнута в локте, отведенном назад вверх. Таким образом, обе руки приходятся на одной косой линии; их положение передает держание лука и спускание тетивы, которые однако на изразце не показаны, как не показана и цель, в которую метит охотник. Кафтан его синий; рукава узкие, длинные; на правом чередуются белые полосы с заполнением из кружков с точкой внутри; остальная ткань усеяна кружками в крупных медальонах. От талии виден разрез полы. Из под него выделяется нога в бирюзовых штанах. Синий верблюд, усеянный люстровым пунктиром, обозначающим шерсть, покрыт бирюзовым чепраком с люстровыми крестиками. Узор седла составляют спирали по люстру. Между задних ног верблюда, внизу, изображена птичка с маленькими распущенными крыльями, поднятой вверх головкой и круглым хвостиком. По краям звезды, обрамляя внутреннее поле, тянется между пары синих полосок персидская надпись, содержащая в конце дату: ... فى صفر سنة اربع و عشرين و ستمائة т. е. «в (месяце) сафар 624 г. (хиджры)», который по нашему летосчислению приходится на январь — февраль 1227 г. Сохранность изразца хорошая, хотя один угол звезды и надпись у головы верблюда реставрированы. Можно предположить, что изображенный сюжет стоит в связи с многочисленными воспроизведениями Бахрам Гура на охоте по Шах Намэ. Хорошо знакомо и не раз воспроизводилось в изданиях сере-

бряное казанское блюдо,[1] где достаточно полно передан один известный эпизод. С такой же полнотой передает тот же эпизод персидская миниатюра, находящаяся в собрании Demotte в Париже,[2] но с некоторой разницей сравнительно с казанским блюдом: вся сцена развернута гораздо просторнее в прямоугольном поле, дополнена пейзажем, а главное — Азаде лежит на земле, сброшенная с седла. Как переходная стадия, в смысле упрощения, обеднения композиции, интересна рейская тарелка-чаша;[3] здесь сохранена одна лань, поднявшая левую заднюю ногу к уху, у Бахрама в руках лук, позади него сидит Азаде с инструментом. Верблюд в этой последней композиции движется размеренным шагом налево. Это направление, а также положение рук охотника, не считая более согнутого на перед стана, уже сильно напоминает киевский изразец, в котором свойственная сасанидскому кругу памятников стремительность движения великолепно передана. Как пример распространенности этого сюжета укажем еще изразец изданный у Wallis.[4] Что касается формы птички, таковые встречаются в персидской люстровой керамике довольно часто, причем в некоторых случаях они несомненно представляют утят;[5] в данном случае, хотя тельце и крылья подходят, форма головки и клюва не определяются ясно. По своей дате этот изразец должен занять десятое место в общем хронологическом списке датированных персидских фаянсов, приведенных Kühnel'ем;[6] среди там же перечисленных люстровых изразцов он явится третьим по старшинству даты и первым (из пока известных) датированным после завоевания Рея монголами (1220 г.). Интересно отметить, что указанная в этом списке датированная 1227 годом люстровая чаша из собрания Келекиана имеет технические признаки, сходные с описываемым киевским изразцом № 2131: «Der Lüster hat eine bräunliche Färbung... und neben ihm sind Kobaltblau uud Türkisgrün zur Verwendung gekommen».[7]

Сверх перечисленных звездчатых изразцов с люстром, в музее имеется один большой квадратный (№ 1150). Кроме формы, он отличается от них и технически: применением высокого рельефа. Вдоль верхнего края тянется

---

[1] Я. И. Смирнов, Восточное серебро, № 56.

[2] Kühnel, Miniaturmalerei im Islamischen Orient, табл. 36.

[3] Кубе, История фаянса, табл. III. С нею имеет большое сходство чаша из собрания Келекиана, где у шеи верблюда ясно читается надпись بهرام كور — «Бахрам Гур», изображенная в красках у Rivière, op. cit, том I, табл. 62.

[4] Wallis, XIII century lustred wall-tiles, табл. XXVI.

[5] Wallis, Persian lustre vases, рис. 12; Wallis, Lustred wall—tiles, табл. VIII—утята на рельефном изразце с люстром; ibidem, табл. XXII — утята на пестром люстровом изразце с фигурами.

[6] Kühnel, Datierte persische Fayencen, Der Cicerone, XVI Jahrgang, 1924, Heft 1. стр. 27—28.

[7] Ibidem, стр. 17.

рельефный фриз пальметок и полупальметок резервом по люстру, отделенный уступом от большого поля с синей высоко-рельефной надписью арабскими буквами, составляющей часть фразы, остальные части которой должны находиться на соседних аналогичных плитках. Кругом надписи фон закрыт люстром, по нему выделен à réserve растительный узор, семь птиц и лежащий зайчик, местами раскиданы бирюзовые пятна. Нижний узкий борт гладко профилирован; узор его подразделен вертикально. Этот тип персидских изразцов относится к XIII веку.

Изразцовая капитель № 2158, составлявшая вероятно часть изразцового михраба, сильно профилирована. Глубокая вертикальная выемка на ее оборотной стороне имеет двоякое значение: она облегчает укрепление изразца к стене или нише, уничтожает излишнюю толщу массы, чем достигается более равномерный обжиг и уменьшается вес этой декоративной части. Довольно вздутый полуовал капители отделен внизу валиком от сохранившейся части полуколонки, имеющей около 3 см. длины; вверху посредством вытянутой шейки он переходит в раструб, на края которого поставлен высокий полуцилиндр, слегка расширенный вверх и падающий с боков короткими уступами к двум вертикальным бортам, образующим угол с вероятной плоскостью стены или ниши. Общая высота равна 31 см., ширина — 16,5 см. Масса серая; толщина слоя неравномерная. Полива блестящая, оловянная, стекла по краям в наплывы молочного и синего цвета; роспись кобальтом, бирюзовым цветом и коричневым люстром, имеющим фиолетовый отблеск. На капители симметричный арабесковый узор; расщепление пальметок образует по вертикали последовательно три заостренных овала; цветок или листок внутри их служит исходным пунктом следующего овала. Люстровый фон заполнен мелким белым растительным орнаментом à réserve. Пальметки и листки в овалах залиты синим или бирюзовым. Синие полосы отделяют валик и цилиндрическую часть от вазообразной. Валик украшен мелким плетеным орнаментом. По левому вертикальному борту люстром на белом фоне мелкими буквами написан отрывок из 92 суры корана, стихи 19—21, за ним обычная заключительная фраза: صدق الله العظيم و صدق رسول الكريم «Правдив аллах великий и правдив посланник благородный». Соответственно этому, по правому борту — отрывок из 55 суры, стихи 56—58. В тексте допущены грамматические ошибки.

Изображенная у Wallis'а[1] капитель михраба имеет некоторое сходство с киевской и некоторые отличия: эта капитель шаровидна, а не овальна, не имеет вертикальных бортов и валика; отношение высоты ее к цилиндри-

[1] Wallis H., Lustred wall-tiles, стр. 33, рис. 36.

ческой части около $^1/_1$, в киевской же это отношение около $^1/_2$. Подобную форму имеют также капители изразцового михраба из Кашана, находящегося в коллекции Preece; есть сходство и в орнаменте, но цилиндрическая часть их украшена куфической надписью, причем вертикальные боковые надписи отсутствуют.[1] Орнаментальные детали родственного типа и заостренные овалы в восходящем направлении можно указать там же.[2] Капитель эта тоже XIII в.

Заканчивая обзор люстровой керамики, остается упомянуть обломок поливной плитки с рельефом, не позже XIII в., и одну чашу времени шаха Аббаса Великого. Поливная плитка № 2124, от которой сохранился левый нижний угол, моделирована из белой массы, покрыта оловянной молочной поливой; она расписана коричневатым люстром, хорошо сохранившимся на гладком углубленном фоне, имеющем красивый, сильный красно-фиолетовый и перламутровый блеск. Высота обломка 11,5 см., шир. 9 см. По низу плитки возвышается горизонтальное рельефное обрамление; на плоскости видна нижняя часть (начиная от талии) идущей влево фигуры, облаченной в длинный узорчатый кафтан с разрезом спереди и поясом. Узор ткани состоит из точек и запятых в кружках, нанесенных люстром по белому фону. Подол кафтана свисает на боках углами. Ноги расставлены, обе в профиль, носками налево. Обувь высокая, мягкая, покрыта редким узором из спиралей и черточек под нею. На углубленном фоне, окружающем фигуру, выделены по люстру белые растения. Рельфное обрамление отбито почти целиком, сбита полива с правой ноги, потерта роспись одежды.

Полусферическая чаша на кольцевой ножке № 3396 имеет крупные дефекты: она треснула, а потому реставрирована металлическими скобками, на край наложена большая металлическая заплата. Роспись коричневым люстром сделана внутри по белому, снаружи по синему фону и имеет снаружи радужный отлив, особенно сильный на ножке. На плоском дне внутри изображен обращенный направо петух среди пучков цветов; на внутренних стенках четыре листовидные картуша и столько же пучков цветов; снаружи — шесть крупных цветов-пальметок разделены и опоясаны снизу цветущими ветками. На дне снаружи помещена скромная подпись мастера по имени حاتم = «Hâтим». Это имя уже известно; не одно керамическое произведение последнего блестящего периода люстрового производства им подписано. По этому поводу Kühnel пишет следующее:[3] «Als Signatur

[1] Rivière, op. cit., т. II, табл. 77.
[2] Op. cit. рис. 36 и 38; пилястр михраба т. XII.
[3] Kühnel, Isl. Kleinkunst, стр. 120.

kommt mehrfach der Name Khâtim vor; doch ist uns über diesen Töpfer ebensowenig bekannt, wie über den Herstellungsort der ganzen Gruppe». Этот экземпляр киевского собрания, до сих пор неизвестный, является третьим подписным с его именем, обнаруженным пока в керамических собраниях СССР; два других найдены мною в собрании Эрмитажа несколько ранее.

Следующая керамическая группа выделяется прежде всего своими техническими особенностями. Это сосуды разнообразных форм, а также изразцы с пестрой надглазурной росписью в нежных, похожих на акварель, тонах по фону крем, бирюзовому или синему, иногда с применением позолоты. Эта керамическая категория составляет второе и столь же высокое, как и люстр,[1] достижение рейских гончаров. Kühnel называет данную группу рейской керамики «Minaï»-Gattung.[2] Название это, повидимому, происходит от персидского слова مینا = émail.[3]

Донышко чаши на кольцевой ножке № 2219, из пористой массы желтоватого оттенка, склеено; линия излома идет острыми выступами. Полива снаружи блестяща, внутри сильно потускнела. На внутренней поверхности по фону крем роспись пятью тонами: черным, коричневым, бирюзовым, голубым и серовато-голубым; два последние тусклы и расплывчаты, первый служит и для нанесения контура. В центре дна изображен в фас мужчина, сидящий по восточному с поджатыми ногами на особом возвышении, которое на мусульманском востоке обыкновенно называется «дикка». Дикка коричневого цвета на низких треугольных ножках. На широкой, высокой спинке сверху заостренные украшения и острые выступы в обе стороны. Подобные формы украшений спинок этих сидений встречаются и на других известных чашах этой группы; так, на чаше, изображенной у Кубе,[4] у трона на дне снаружи — острые боковые выступы, а внутри — заостренные украшения сверху. Последняя форма украшения повторяется на известном кубке коллекции б. Sambon в Париже[5] и на

---

[1] В настоящее время, благодаря раскопкам Sarre и Herzfeld'a в Самарре, не подлежит сомнению, что техника люстра была развита высоко в аббасидском халифате IX в., но это нисколько не умаляет ни качеств, ни значения люстровой техники XIII в. См. Fr. Sarre, Die Ergebnisse der Ausgrabungen von Samarra im Kaiser-Friedrich-Museum, стр. 9—11; его же — Die Keramik von Samarra, Berlin 1925.

[2] Kühnel, E., op. cit., стр. 92.

[3] См. Dozy II, 631, ссылка на словарь Bochtor и Gloss. Geogr. Arab. IV, 359 на основании Мукаддаси, BGA III, 122, 15 со ссылкой на Vollers; по словарю Belot 973, مِينَا و مِينَاء = substance de verre, émail.

[4] Кубе, История фаянса, табл. I.

[5] Kühnel, op. cit., рис. 54; ср. Rivière, op. cit., т. I, табл. 45 и 49

эрмитажном донышке КИ 4390. На киевском донышке обе эти формы скомбинированы. Дикка прикрыта тканью бирюзового цвета с черными крестиками. Голова сидящего в круглой коричневой шапочке окружена нимбом. Черные волосы падают прямыми прядями на плечи. Длинная голубая одежда покрыта вертикальными зигзагами. На плечах слабо видны белые тирāзы. Правая рука согнута в локте, обнаженная кисть поднесена к груди. Справа и слева от трона симметрично поставлены две фигуры,[1] с оборотом в три четверти. Головы их окружены нимбами, почтительно наклонены вперед. Тип лиц круглый, брови очерчены дугой, большие глаза, нос и рот обозначены маленькими точками, волосы — сплошной закраской. Прическа стоящих фигур та же, как у сидящей. На левом: голубая шапка, бирюзовая одежда с черными крестиками (как ткань, покрывающая дикку),[2] белые тирāзы, голубая обувь. У правого: бирюзовая шапка, голубая одежда с горизонтальными зигзагами, белые тирāзы, коричневая обувь. Между боковыми фигурами и диккой расположены симметрично растения; их гибкие стебли унизаны голубыми кружками с сероватой точкой, на концах стеблей коричневые кружки. Перед диккой находится бассейн в коричневом обрамлении, закрашеный вертикально голубыми зигзагами. У линии излома над головами всех фигур видны остатки рисунка.

Следующий экземпляр, тонкостенная полусферическая чаша на кольцевой ножке № 3235, разбита на мелкие куски, склеена и реставрирована. Полива с обеих сторон довольно тусклая, внутри более матовая. Тона пестрой росписи по фону цвета крем следующие: вялый голубовато-сероватый, того же оттенка, как на донышке 2219; бледный зеленовато-бирюзовый, красный и черноватый. Чаша отличается от донышка не только разницей некоторых тонов, но и характером узора, там фигурного, здесь арабескового, который в центральном расположении украшает ее внутреннюю поверхность, исходя от шестиконечной звезды — розетки. Голубым исполнена основная сеть узора, составляющая благодаря тусклости и контрасту с более яркими тонами как бы задний план. Особенно характерны по рисунку расщепления листьев и геометрические сплетения в виде пересекающихся креста и квадрата.[3] По краям пояс голубых дуг образует фестоны, под ним красная полоса. Снаружи роспись помещена только в верхней части чаши: у края бирюзовая полоса, под нею — имитация арабского письма черным между пары красных полос.

---

[1] Кубе, op. cit., табл. I.

[2] Изображение тканей с крестиками встречается в керамике рейского типа довольно часто, например в узоре чепрака вышеописанного изразца № 2131; на одежде одной из сидящих фигурок снаружи той же чаши, у Кубе, op. cit., табл. I.

[3] См. ту же деталь на фляге с медным горлышком, Кубе, op. cit., табл. III.

Чаша № 2140 полусферической формы; вдоль края ее ножки снаружи борозда. Она разбита, склеена, недостающие куски реставрированы и подрисованы. Благодаря этому, впечатление от чаши не особенно приятное. Первоначально белая масса в обнаженных местах ножки пожелтела. Полива с обеих сторон бирюзовая, снаружи более блестящая. Пестрая роспись сверх поливы тусклее и шероховатее фона. Тона разнообразнее, чем в двух предшествующих экземплярах: черный, коричневый, фиолетовый, красный, серый, зеленый, розовый и белый. Узор построен симметрично. В середине чаши из серповидного участка почвы поднимается прямое дерево, имеющее круглые утолщения на половине высоты и наверху ствола. Ветви криволинейные, листья сердцевидной формы, круглые и овальные в четырех тонах — красным, фиолетовым, серым и коричневым. На верхушке сидит пестрая птица. Под деревом сидят по восточному две симметричные фигуры без нимбов.[1] Верхние части корпуса и головы обеих имеют оборот почти в три четверти. На левой фигуре круглая серая шапочка; черные волосы падают назад, а две длинные пряди наперед; узор коричневато-серой одежды чешуйчатый белым, на плече выделен тирāз цвета фона; обувь красная, с острым носком. Правая рука прижата к груди, левая протянута к собеседнику. У правой фигуры шапка красная, та же прическа, голубовато-серая одежда; узор ткани белый, геометрический: полосы образуют звезды, треугольники и шестиугольники; обувь черная. Левая рука этой фигуры поднесена к груди, правая оперта на колено. Под деревом, налево от ствола птица; еще две птицы расположены на фоне симметрично по сторонам голов сидящих. У птиц розовая грудка, серая головка и двухцветные крылья: верхняя часть серая или зеленая, нижняя (концы) серая или красная. Хвосты длинные, в частях около тела — красные, у концов — серые. Дополнительную орнаментацию птиц составляют белые черточки и пунктир. По краям чаши голубовато-серый дуговой орнамент;[2] ниже его внутри чаши помещен фриз арабского эпиграфического узора белым по черной полосе. Снаружи чаши сделана небрежно арабская надпись черным.

Кроме двух чаш и одного фрагмента к этой же группе принадлежит кувшин № 2226, с бирюзовой поливой, черной и синей росписью. Полива в трещинах, иризирует, растеклась, образовала местами наплывы. Тулово имеет луковичную форму и до половины двойные стенки; из них внешняя — ажурная, частью приплавилась ко внутренней; края прорe-

---

[1] Ср. Кубе, op. cit., табл. II.

[2] Ср. края чаши № 3235; чаши у Кубе, op. cit., табл. II; края сосуда у Kühnel, op. cit. рис. 55.

зов закруглены, некоторые отверстия залиты поливой. Горлышко узкое, высокое, охвачено выпуклым кольцом; вверху оно заканчивается пластичнo моделированной и расписанной черным петушьей головой, гребень которой образует края сверху сердцевидного зева, а отверстия клюва служили для слива (первоначально их было два, как на кувшине в Kaiser Friedrich Museum,[1] но одно из них залила полива). От покатых плеч к голове поднимается профилированная ручка, в виде хвоста из круглых валиков, концы которых закручены спирально.[2] В узоре ажурной стенки выделяются три пары крылатых сфинксов с рельефными головами. Крылья (по одному у каждого) парных сфинксов загнуты и соединены вверху, образуя сердцевидную фигуру. На брюшке широкая черная полоса, ниже ее написаны черным плавающие рыбки.

Этот кувшин, отличаясь формой, вполне сходен по технике и тонам с кружкой из Султанабада.[3] Из орнаментального убранства сходство обнаруживается в паре крылатых сфинксов, крылья которых однако не соприкасаются. Эта кружка датирована надписью 612 г. хиджры, т. е. 1215—1216 г. В примечании[4] и в тексте Dimand отмечает сходство ее с кувшином (ewer) из коллекции Sambon в Париже, воспроизведенным у Rivière.[5] Судя по тожеству этого последнего с киевским, следует заключить, что киевский кувшин № 2226 прежде находился в коллекции Sambon.[6]

Полусферическая чаша на кольцевой ножке № 2123, из массы телесного цвета, служит представителем этой же группы. Ее густо-синяя полива, цвета лапис лазури, внутри хорошо сохранила блеск, а снаружи иризирует, покрыта пятнами, в которых блеск почти исчез. Кроме росписи сверх поливы двумя тонами — розовато-белым и кирпично-красным, в ней применена еще позолота. Краски матовые; красный тон — тусклее, а белый — розовее, чем на сходных по типу обломках большой чаши из собрания Godman.[7] Точно также имеется разница и в оттенке золота, яркого, но не оранжевого, как оно изображено у Wallis'a. Часть узора внутри чаши стерта и потускнела. Его составляет крест из узорчатых лент, концы которых расширены по дуге у верхнего края, образуя между концов четыре

---

[1] Воспроизведен у Kühnel, op. cit., рис. 47.

[2] Ibidem.

[3] См. M. S. Dimand, A Dated Persian Jug from Sultanabad, The Burlington Magazine, May 1924, стр. 246—256; воспроизведение его на табл. A.

[4] Op. cit., стр. 246,1.

[5] Rivière, La céramique musulmane, Vol. II, pl. 64.

[6] Об этом кувшине у Н. Макаренко, op. cit., стр. 70, значится: «глиняна пляшка покрита пірузовою поливою з прорізною «сорочкою» кругом. Робота малоазійських майстрів з «Ражеса», XIII в.» При правильной датировке, данное определение вызывает полное недоумение своей формулировкой.

[7] Wallis, Lustred vases, pl. XVII и XXIV.

сердцевидные поля; в каждом из них помещены сердцевидные фигуры. Крест и фигуры одинаково окаймлены тонкими парными светлыми полосками и лежащей между ними более широкой красной. Средина заполнена узором красных кружков или ромбов с золотым ромбом внутри; те и другие в светлых контурах с мелкими завитками и точками.[1] Внешняя линия светлого контура сердцевидных фигур не замкнута в себе, а продолжаясь, последовательно обходит все четыре фигуры, очерчивая под крестом у перекрестья квадрат.[2]

В одинаковых с чашей № 2123 тонах, но с обогащением техники применением легкого рельефа исполнена восьмиконечная звезда № 2709. Среди низко-рельефных побегов скачет налево олень, выделяющийся более высоким рельефом; его голова обернута назад. Масса серовата. По темно-синей поливе красноватым нанесены контура и полоса по краям, белым—побеги и мелкие завитки. От бывшей позолоты видны лишь слабые остатки. Полива иризирует и потускнела.

Чаша № 2223 отличается от предшествующих по форме. Ее тонкие стенки имеют форму конуса, повернутого основанием вверх и усеченного плоским дном на кольцевой ножке. Она разбита и склеена. Полива сохранила в общем блеск, иризация незначительна. Узор, исполненный по фону крем синим, черным и бирюзовым, расположен внутри крестообразно. Крест образуют черные полосы в синем контуре, уширенные к краям. По черному прочерчены надписи арабскими буквами. В четырех полях помещено по цветку на прямом стебле синим и бирюзовым и по паре черных птиц с длинными хвостами. Снаружи семь пар синих вертикальных полос разбивают поверхность на поля, в которых расположены вертикальные стебли с листьями. В той же технике и тонах исполнена аналогичная ей чаша нью-иоркского Metropolitan Museum of Art.[3] Из орнамента в ней повторяются надписи, точно также помещенные на черных крестообразных полосах и парные черные же длиннохвостые птицы. Взамен цветов на прямых стеблях тут применены волнистые побеги с листками, совпадающие по рисунку с нижним орнаментальным поясом на кувшине V. Everit Macy, New York.[4] Вертикальное же расположение цветка встречается на чаше того же стиля.[5] Таким образом, по сумме признаков киевскую чашу № 2223 можно датировать первой половиной XIII века.

---

[1] См. Wallis, op. cit., табл. XXIV, треугольное поле обломка 4-го.

[2] Почти полную аналогию представляет чаша у Rivière, op. cit., табл. 52; выставленная в Эрмитаже чаша имеет большое сходство, но узор ее не крестообразный, а радиальный.

[3] Воспроизведена в вышеупомянутой статье M. S. Dimand'a, табл. B.

[4] См. выше, описание № 2226, прим. 3.

[5] M. S. Dimand, op. cit., табл. C.

Большая, глубокая чаша № 2236 представляет до сих пор не отмеченную в описании этой коллекции форму; дно ее коническое, борт вертикальный; от верхнего края до брюшка четыре ручки из плоских лент расположены попарно. Масса телесного цвета, роспись черным; бирюзовая полива покрывает внутреннюю поверхность сплошь, но не закрывает нижней части чаши снаружи, где наплывы ее затекли на ножку, сильно иризирует, покрыта craclé. На ручках, верхнем крае чаши, границе борта с брюшком черные ленты неравной ширины. Внутри по борту рассеяны тройные листки, а на дне расположены арабески из трех основных и дополнительных спиралевидных побегов. Снаружи борт украшен фризом плывущих налево рыб; на конической части редкие листки того же типа, как по борту. При определении датировки этой чаши полезно сравнить ее в некоторых отношениях с вышеописанным кувшином № 2226.[1]

Большая, глубокая, коническая чаша на кольцевой ножке № 2154 отличается крутым закруглением краев внутрь. Цвет массы желтовато-сероватый. Узор частью рельефный, белым ангобом в черном контуре по серовато-оливковому фону. Свинцовая полива образовала толстый слой зеленоватого цвета внутри на дне. Внутри сплетена из ленты сложная шестиконечная звезда (белым); в отрезках полей растительные элементы и пунктир (черным). Снаружи — ряд узких, высоких арочек. Любопытно отметить, что сбоку и ко дну приплавились бирюзовые куски других сосудов; это показывает что гончарная мастерская, выпустившая чашу № 2154, не только изготовляла бирюзовую керамику, но даже изготовляла оба типа одновременно, помещая их в тесном соседстве в обжигательной печи. Эта чаша подходит к группе, условно именуемой «султанабадской» и относится к XIV веку.

К тому же центру и не позднее того же времени относится кувшинчик № 2229, разбитый в обжиге по брюшку и криво осевший. Края излома частью сплавились между собой. Тулово имело первоначально овальную форму, подставка довольно высока, расширена вниз. Горло узкое; раструб его краев стиснут пальцами, таким образом образован слив. От верхнего края к брюшку идет *Г*-образная ручка из валика. На краю горла и подставке выбоины. Масса пориста, серовата; роспись черным, полива бирюзовая, с зеленоватыми пятнами и золотистой иризацией. На верхней части тулова расположены четыре крупных арабесковых украшения, между них поставлены по вертикали четыре пары листков. На горле несколько широких горизонтальных полос, на ручке сверху семь поперечных между двух вертикальных.

---

[1] См. стр. 21—22.

К «султанабадской» керамической группе относится и большая высокая ваза № 2753, с четырьмя ручками в виде плоских лент и рельефным растительным узором, покрытая темно-синей поливой.

Глубокая чаша № 2230 расписана по белому фону синим и черным. Ее характерное отличие составляют ажурные крестики, украшающие вертикальный борт. Они залиты свинцовой поливой и расположены по линии волнистого побега с завитками, оставленного белым на фоне синей заливки. Снаружи коническую часть вверху занимает пояс пунктира, ниже три ряда крупной чешуи. Внутри орнамент состоит из елочки, мелких зигзагов, вертикальных полосок, черного спиралевидного побега по синим пятнам и концентрических кругов с точками. На дне расположен круг с крестообразными отростками, усеянный черными крестиками; фон составляет синяя заливка с мелкими ланцетиками. Чаша эта разбита, склеена, сильно дорисована в реставрированных местах. В керамике этого рода несомненна зависимость от китайского фарфора «grain de riz» XVIII в.[1] Выше отмеченная[2] керамическая группа с кобальтовым узором, очень часто имеет подобные ажурные украшения.

Заканчивая этим обзор мусульманской керамики в музее б. Ханенко, следует упомянуть еще одну группу, правда, летом 1925 г. находившуюся в Киевском Городском Музее имени Шевченко, но назначенную к передаче в Музей Искусств Украинской Академии Наук. Эта группа состоит из шестидесяти с лишним фрагментов той посуды, которая в большом количестве извлекается из руин Фостата, так называемой «мамлюкской» керамики. Характерными признаками одной из ее категорий служат: красная глина, широкое применение гравировки, роспись по обмазке желтым, коричневым, зеленым, и поливы желтые, коричневые и зеленые различных оттенков. Узорами служат типичные «гербы», с изображением в поле разноцветных полос (№ 26595), сетки (№ 26633), чаши (№ 26612), радиальные полосы (№ 26628), особый тип жгута ломанными линиями (№№ 26610, 26614 и 26625), побеги с пальметками (№ 26591), эпиграфические мотивы (№№ 26586, 26593, 26606 и 26610), стилизованные растения (№ 26635), сплетения лент и арабески (№ 26592).

Не менее характерны и фрагменты из белой пористой массы, иногда посеревшей или пожелтевшей, со стекловидной свинцовой поливой, часто образующей толстый наплыв в глубоких и нижних частях формы, с подглазурной росписью синим, черным, зеленым или зеленоватым. Узоры керамики этого типа бывают плетеные геометрические, например, звезда в круге и

[1] Кубе, История фаянса, стр. 31.

[2] См. выше, стр. 10.

другие (№№ 26624, 26625, 26641, 26646), растительные (№№ 26599, 26596, 26602, 26604, 26623), комбинирующие геометрический и растительный узор (№№ 26597, 26600, 26638, 26639, 26644, 26645, 26647), наконец эпиграфические (№ 26621). Обломки №№ 26585, 26618 и 26626 покрыты свинцовой прозрачной бирюзовой поливой; роспись их черная, подглазурная. Любопытный экземпляр представляет № 26642. Это — конгломерат сплавившихся и разбитых в обжиге чаш, наставленных для экономии места одна на другую. От средней чаши сохранилось около четверти, с бóльшей частью дна и ножки. На дне внутри ее приплавилась трехконечная подставка, на стенке — отломившийся край чаши, стоявшей внутри, а снаружи приплавились части третьей, наружной чаши. Узор здесь геометрический, черноватым и синеватым по белому фону. Кажется на одном только фрагменте 26622 встречается животный орнамент — изображение двух рыб черным, с частичной заливкой синим, широкими мазками.

Встречаются и обломки сосудов с люстровой росписью, из массы разных цветов: розовой (№ 26616—26617), желтоватой (№ 26620) или серой (№ 26615). На них преобладает растительный узор (№№ 26617, 26619, 26620), но представлен также и линейный (№ 26616). Люстр некоторых экземпляров хорошо сохранил свой красивый цвет, например светло-желтое золото № 26620, или имеет фиолетовый отблеск, как например № 26615 с сердцевидным фризом, тогда как люстр № 26616 сильно потускнел.

Обломок № 26590 отличается от прочих ярко-розовым цветом массы, расписан по обмазке коричневатым и имеет сверх того на стенке своеобразное синее украшение, по форме напоминающее лиру.

Образцы аналогичные перечисленным категориям прекрасно представлены в эрмитажном собрании египетской керамики, а также имеются в других европейских собраниях[1] и, естественно, в Национальном Музее Арабского Искусства в Каире.[2] Обследовать эти киевские фрагменты со дна, с целью установления наличности или отсутствия подписей и имен, свойственных одной из групп египетской керамики, не оказалось возможным, так как все фрагменты были нашиты проволокой на щиты.

III.

Образцы живописи и каллиграфии в собрании б. Ханенко немногочисленны и не имеют специальной витрины. Часть их (№№ 2143, 2144,

---

[1] См. характеристику ее у Kühnel'я op. cit., глава «Ägyptische Keramik».

[2] Max Herz Bey, Catalogue raisonné des monuments exposés dans le Musée National de l'art arabe, Le Caire, 1906, II édit., стр. 237 сл.



Рис. 2. Рустем у замка на горе Сипенд (Шāх-Нāме).



Рис. 1. Лист из медицинского трактата Диоскорида.

2148, 2150, 2151, 2152 и 2161) развешана в витрине с персидской керамикой, остальные находятся в кладовой. В дальнейшем описании их по возможности соблюден хронологический порядок.[1]

1.

Миниатюра № 2148 представляет лист крупного формата, вырванный из сочинения на арабском языке. Он застеклен с обеих сторон. Размеры листа 30 × 19,5 см. Бумага желтоватого цвета. Лист в верхней части порван, приблизительно на две трети ширины и подклеен полоской бумаги. На одной стороне листа умещено тринадцать строчек текста четким несхи, из них четыре rubrum. На другой стороне (см. рис. 1) вверху одна строка текста, под нею прямоугольная миниатюра в красном обрамлении размером 12 × 17 см., ниже миниатюры еще пять строк текста, в которых часть первой, вся вторая и последняя rubrum. В тексте два раза rubrum ясно читается слово شَرَاب, а за ним следуют названия двух лекарств или сиропов. Композиция миниатюры построена симметрично, хотя левая часть несколько сжата, сравнительно с правой. Сюжет несомненно иллюстрирует текст: изображено приготовление какой-то жидкости в присутствии двух персонажей. Прямой связи с текстом миниатюра не имеет. Арабский текст на фотографии гласит:[2]

ثلثه اشهُر ثم صفّيه [3] وَارفعْه فهَو مُوافقٌ للمَغْص و الفُواق وَوجع الجَنب وَالارْواح
فى الجَوْف وَ لمن لا تهضم مَعدتهُ طَعامَهُ
شَرابُ النُونسون [4]
خُذْ منهُ اثنين فدقّهُما و اجعَلهُما فى ثلثة ارطالِ عَصيرٍ ثم ارفعْهُ فهو مُوافقٌ لوَجع المَعِدَة
و لمن به ارْجافٌ من ركض خيْلٍ او دَفْع سفينةٍ
شَرابُ الدقطيمون [5]

Фон заменяет самый лист бумаги. Первый контур цвета кармина, второй сделан тушью. Намеком на деревянную конструкцию могут служить рама и два голубых угольника, заполняющие ее верхние углы, со светлыми

---

[1] Помещаемые снимки некоторых из них изготовлены по моей просьбе киевским фотографом Аршеневским при любезном содействии Л. В. Линко, сделавшей также и обмер миниатюр.

[2] Арабский текст довольно точно передает греческий у Диоскорида, De materia medica, lib. V, cap. LV—LVII (по изданию C. Spengel, Lipsiae, 1829, I, 727—728). Соответствующие греческие заголовки περὶ βουνίτου οἴνου, περὶ διχταμνίτου οἴνου.

[3] Sic; чит. صَفِّهِ.

[4] Sic; чит. البونيون.

[5] Арабский текст разобран и определен И. Ю. Крачковским.

беловатыми разводами. Две полы синеватого узорчатого занавеса разделены вверху, левее середины и схвачены узлами у рамы на половине высоты рисунка. Орнаменты ткани довольно разнообразны. Вверху две зеленоватые горизонтальные полоски; ниже их идут последовательно: жгут ломанной линией, широкая золотая полоса с имитацией надписи куфическими буквами и опять такой же жгут. Далее, до узлов ткань покрыта растительным узором из побегов, заключающих в спиральном завитке цветок — пальметку. От узлов полотнища спадают складками, но не достают нижней горизонтали рамы. На узлах и под ними, до нижней золотой полосы — зеленые полосы того же цвета, как обе верхние и растительный узор. Нижняя золотая полоса украшена рядом крупных золотых кружков с маленькой черной точкой внутри, лежащим между двух рядов мелких подобных же кружков, залитых отчасти синим и зеленым. Между раздвинутых полотнищ большой фильтр воронкообразной формы свешивается на трех цепочках или прутах, каждый из которых состоит из двух звеньев и оканчивается голубым крупным кольцом. Верхняя часть фильтра белая, нижняя — желтая. Из фильтра жидкость тонкой струей стекает в широкий сосуд, подставленный на низком красном табурете. Направо от него стоит на полу высокий сосуд с двумя ручками, налево — небольшой сосуд с шаровидным туловом на узком, высоком табурете или столике желтоватого цвета. Роспись всех трех сосудов выдержана в тонах консолей и колец. Узор левого состоит из пояса кружков с точкой и отдельных кружков; узор правого в верхней части разбит на горизонтальные пояса, с такими же кружками и ломанным жгутом; в нижней части стилизованные полулисты с волютами и кружки. Узор среднего сосуда имеет совершенно другой характер и родствен, повидимому, дальневосточному орнаменту. С правой стороны, между занавесом и сосудом о двух ручках изображен в профиль, с поворотом налево, представительный старик, сидящий на табурете с зеленой подушкой. Фиолетовые ножки табурета скрещены в виде буквы х и украшены пятью золотыми кружками с точкой. Голова старика окружена золотым нимбом в тройном контуре. Черты лица характерные: крупный семитический нос, черные брови, борода и усы седые. Голова покрыта остроконечным капюшоном, края которого ложатся на плечи горизонтальными складками и расходятся веером на спину. С правого плеча длинный конец, украшенный золотой полосой и кружком, опущен на спину, прикрывая угол, распущенный с левого плеча. Тени складок фиолетово-вишневого цвета. На старике желтоватый кафтан, спускающийся ниже колен; на бедре круглые складки. На плече широкий тирāз из кружков между пары ломанных жгутов. Левая рука вытянута вперед и положена на край высокого сосуда. Правая рука,

прикрытая рукавом до локтя, согнута в кисти и локтевом суставе, поднята вверх, так что указательный палец приближен к носу. Ниже кафтана видна длинная, облегающая ноги одежда, белая, с группами черных штрихов, изображающих складки или узор. Из под нижней одежды видны ноги в черных туфлях, стоящие прямо рядом. С левой стороны, между занавесом и вазой на табурете, стоит мужчина средних лет, в тюрбане. Тюрбан у лица расположен вертикальными складками; на макушке гладкая ткань и поперечный тираз с золотыми кружками. Выразительное лицо с крупным семитическим носом приподнято и обращено к фильтру. Волосы, брови, усы и борода черные. Из под тюрбана на спину свисает почти до талии черная коса. Нимб у этой фигуры меньшего диаметра, в двойном контуре. Красный кафтан закрывает руки до локтя и ноги до колен, подобран в складки и заткнут у пояса. Складки кафтана, помимо черного контура, оттенены темно-красным. Плечо украшено золотым тиразом с двумя кружками. Левая рука, согнутая в локте и в кисти, хватается за прутья у края фильтра, правая вытянута и поднесена к его краям. Ноги в коричневой, вероятно, мягкой обуви, видны до колен. Правая отставлена назад; левая, несколько меньшего размера, выставлена вперед и неловко отделена от пола; носки показаны в профиль. Как видно из описания, художник имел достаточно разнообразную палитру — свыше десятка красок, свежих и приятно сочетающихся: белую, черную, красную, темно-красную, фиолетово-вишневую, телесную, которой покрыты лица и руки, желтую, коричневую, голубую, синюю, зеленую и золотую. Многие детали и техника этой миниатюры находят себе параллели в изданных ранее и очень известных разрозненных листах арабского перевода медицинского трактата Диоскорида, переписанного и разрисованного Абдаллахом ибн ал-Фадль в 619/1222 г. нашей эры.[1] В данном случае определение ее в каталоге Макаренко сделано правильно.[2] Не только сходны типы лиц, форма нимбов,[3] но и детали одежды, манера обозначения складок,[4] предметы обстановки,[5] наконец орнаментика.

---

[1] Изданные ранее листы перечислены в работе Kühnel, Miniaturmalerei im islamischen Orient, Berlin, 1923, стр. 51, объяснение к рис. 4—6.

[2] М. Макаренко, Музей Мистецтв б. ім. Б. І. та В. М. Ханенків Української Академії Наук, Провідник, 1924 г., стр. 71.

[3] См. например Kühnel, op. cit. табл. 5, где взаимоотношение нимбов такое же, хотя на табл. 4 у обеих фигур тройной контур нимба, а на табл. 6 — у обеих двойной.

[4] Например складки на плече старика киевской миниатюры и у левой фигуры на табл. 7,1 в издании Martin, The miniature painting and painters of Persia, India and Turkey, London, 1912.

[5] Kühnel. op. cit., табл. 4 — ножки подставки той же формы, хотя и ниже высокого желтого табурета; левая фигура сидит на табурете точно такой же формы, как и выше описанный старик. На только что упомянутой табл. 7 в издании Martin'а есть другая сцена с фильтром, где он изображен в менее сложной композиции, на трех палках, поставленных в козла между двух деревьев. Стоящий под ним сосуд подходящей формы к киевскому.

В описываемой миниатюре главную роль играет орнамент из кружков с точкой внутри, появляющийся решительно везде, начиная с занавеса. Широкое применение его мы видим и в прочих сравниваемых листах. Этот орнаментальный мотив чрезвычайно распространен в ранне-мусульманском искусстве, воспринявшем его от сасанидского. Растительный узор также повторяется,[1] как и ломанные жгуты.[2] Разницу составляет отсутствие в киевской миниатюре ланцетного, крестообразного узора и розеток, встречающихся в прочих листах. Зато новый тип орнамента дают средний сосуд и угольники в раме. Сходство со сравниваемыми миниатюрами идет и далее, сказываясь в каллиграфических приемах. Для сличения наиболее удобен лист, изданный у F. Martin'а в красках в натуральную величину вместе с текстом.[3] Вторая половина второй строки этого листа, считая снизу, заканчивается повторенной шесть раз лигатурой из двух букв,[4] поочередно красным или черным. В киевском листе лигатура того же начертания повторена семь раз в первой строке под миниатюрой и один раз в конце предпоследней строки. Красочная гамма этих листов совпадает. В воспроизведенном у Marteau[5] листе того же трактата верхняя строка оканчивается пятью лигатурами, из них три черные, две красные (на репродукции бледнее черных). Таким образом, в принадлежности киевской миниатюры мастеру Абдаллаху ибн ал-Фадлю можно не сомневаться.

2.

Миниатюра № 2147 (см. рис. 2) помещена на листе, вырванном из персидской рукописи. Размеры листа 23,8 × 14,2 см. Рисунок разбит четырьмя вертикальными столбцами текста так, что над столбцами изображена верхняя небольшая часть башни с бойницами, откуда смотрят двое людей в тюрбанах, бо́льшая же часть башни изображена под текстом. На средней площадке находятся трое людей; средний из них приветствует рукой приближение каравана. Угол стены при переходе от средней части башни к базе скошен, таким образом сечение в основании значительно меньше, чем в верху и в середине. В базе помещены двустворчатые стрельчатые ворота в прямоугольном обрамлении. Одна створка открыта, оттуда выглядывает привратник, с жестом удивления. От средней площадки до низу показана кирпичная кладка горизонтальными

[1] Имеется на кафтанах стариков, Kühnel, op. cit., табл. 4 и 5.
[2] Ibid., в узоре подушек за спинами стариков и ткани на тахте.
[3] F. Martin, op. cit., т. I, табл. B.
[4] Лигатура представляет сокращение слова انتهى = «кончено».
[5] G. Marteau et H. Vever, Miniatures persanes, табл. 38.

рядами, выше изображена облицовка геометрическими фигурами двух форм: промежутки между трехконечных фигур, образованных из слияния трех шестиугольников, заполнены небольшими правильными шестиугольниками. Все детали башни передают обычные архитектурные и декоративные приемы мусульманского зодчества, не исключая и скашивания угла: этот архитектурный прием применяется в мусульманском строительстве до настоящего времени, особенно на углах домов в поворотах узких улиц.[1] К башне приближается широким шагом проводник каравана в мохнатой высокой шапке, с палкой на плече, ведущий четырех верблюдов. На проводнике красная верхняя одежда, подоткнутая для облегчения ходьбы за пояс, нижняя — синяя, белые штаны до колен и черные туфли. В фигуре первого верблюда прекрасно схвачено движение и переданы его типичные черты; тоже можно сказать и о выразительных головах трех остальных животных. Лица имеют однообразное выражение, круглого типа, три без растительности, одно с усами и три с небольшими бородками, немного затеняющими нижнюю челюсть и кончающимися заострением. Тюрбаны всех обитателей башни круглые, большие, в складках, из которых высовывается небольшая часть шапочки, а сзади сверху выпущен конец. Сцена развернута на фоне следующего пейзажа: на переднем плане серовато-фиолетовые скалы, далее голубоватая почва с кустиками разнообразных цветов, вверху два больших облака (чи) на золотом небе. По определению Е. Э. Бертельса, текст представляет отрывок из Ша̄х-На̄ме,[2] передающий, как Рустем со спутниками, переодетый, проникает, под видом проводника каравана с солью, в замок на горе Сипенд. Таким образом, миниатюра иллюстрирует текст и изображает тот самый момент, когда кастелян замка, после переговоров через посланца с Рустемом, велел отпереть ворота и впустить чужестранцев. По сюжету, стилю и композиции ближе всего можно сопоставить эту миниатюру со сценой прибытия всадников к замку, датированной 1417 годом, изданной Marteau.[3] Принадлежит киевская миниатюра № 2147 вероятно бухарской школе XV в.

3.

№ 2146. В тонком, тщательном рисунке, оживленном гармоничными красками и золотом, изображена борьба витязя с дивом (см. рис. 4). Морщинистый фон бумаги не закрашен. Размеры рисунка 13,5 × 8,8 см.

---

[1] См. Osc. Reuther, Das Wohnhaus in Bagdad und anderen Städten des Irak, Berlin, 1910 (Beiträge zur Bauwissenschaft, Heft 16), стр. 44 и рис. 27, 76, 79 и 81.

[2] Schahname ed. Vullers, Bd. 1, p. 235 v. 1890—1909. За определение текста приношу Е. Э. Бертельсу мою благодарность.

[3] Marteau et Vever, Miniatures Persanes, pl. VII, Transoxiane.

Витязь одет в куртку с короткими рукавами и синим воротником. Под курткой светло-зеленая нижняя одежда, длинной до половины голени. Куртка стянута голубым поясом с тремя крупными бляхами. Ноги обуты в золотые сапоги на каблуках. Голова витязя защищена шлемом, украшенным конским хвостом, и бармицей, ложащейся на плечи. Вооружение состоит из кривой сабли в черных ножнах на левом боку (видна сзади), синего колчана со стрелами на правом, кинжала в правой руке; из за стрел видна часть лука. Лицо овальное, густые черные брови, небольшие черные усы и густая, острая борода. Глаза широко раскрыты, как бы вытаращены от усилия.

Див серовато-белого цвета. Его фигура значительно крупнее, мощнее витязя, который рядом с ним выглядит почти тщедушным. Голова великолепно разработана. На широком лбу торчат вверх два ветвистых, переплетенных рога, унизанные кольцами. Круглые, черные глаза сидят в темных впадинах. Нос широкий; рот раскрыт, оттенен сверху густыми черными усами, снизу окладистой и расщепленной на двое бородой. Во рту видны зубы и два длинных клыка. На темени и ушах густая черная шевелюра. Несмотря на фантастичность форм, выражение почти добродушное. Хорошо обозначена также грудная клетка и ребра. Когтистые передние и задние лапы украшены браслетами, при чем на задних лапах пять когтей находятся на носке, а шестой на пятке. На шею надета гривна. Див опоясан голубым поясом с золотой кисточкой, от которого спускается род короткой юбки; из-под подола высовывается гладкий длинный хвост, оканчивающийся головой дракона.[1] Пейзаж совершенно отсутствует.

Борьба происходит в пространстве, ограниченном лишь прямоугольной рамкой. Левой рукой витязь схватил длинную бороду дива, правой рукой всаживая кинжал в правую сторону грудной клетки и упираясь левым коленом в его живот. Левая рука дива согнута в локте, кисть сжата в кулак, голова сильно ушла в плечи; правой он охватывает витязя за спину (на правом боку видны пять когтей правой передней лапы); правая нога согнута в колене, а левая, отрубленная в предшествующий момент схватки, падает окровавленная. Правее дива, у края в середине рисунка виден предмет, состоящий из красного круга в золотой оправе и длинной рукояти, в конец которой пропущен шнурок, завязанный петлей. В обеих фигурах хорошо передано напряжение; их оборот в три четверти. Поза витязя на этой миниатюре имеет небольшое сходство с левым рыцарем в поединке работы мастера Джунайда

---

[1] У Marteau, op. cit., I, рис. 60 / LIV изображен див в ошейнике, браслетах на руках и ногах, с ветвистыми рогами, торчащими клыками, одетый в складчатую юбочку.

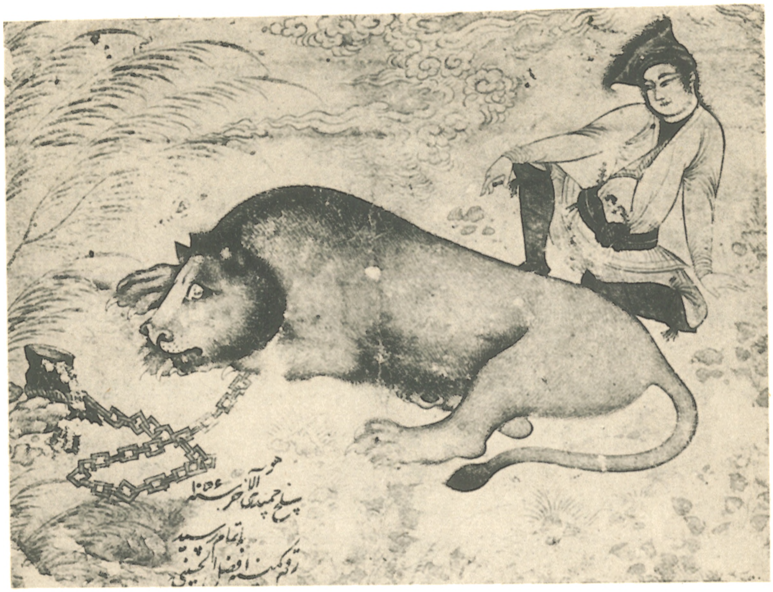


Рис. 3. Юноша со львом.



Рис. 4. Борьба Рустема с белым дивом (Шāх-Нāме).

Султāнӣ, 1396 г.[1] Короткие горизонтальные полоски его кафтана, изображающие вероятно пестрый, полосатый тигровый мех, такие же, какие часто встречаются в изображениях Рустема, напр., в известном изображении его сна, прежде принадлежавшем Мартину, и на миниатюре, изготовленной для шāха Тахмаспа и датированной 1537 годом.[2] Такой же рисунок кафтана и на миниатюре лейпцигского Kunstgewerbemuseum, изображающей победу Рустема.[3] Миниатюры в рукописи Шāх-Нāме XVII в. Публичной Библиотеки[4] (о ней см. ниже, стр. 35, 45—46) вполне это подтверждают. Прежде всего, на листе 32 изображена борьба витязя с тиграми. Их красновато-коричневая шкура покрыта полосками в поперечном направлении; они белые, в черном контуре, к концам утончаются. Такова же шкура тигра на панно листа 196-го. На ряду с этим, в этой же рукописи[5] множество раз повторяется изображение витязя в куртке с точно таким же узором и того же цвета.[6] На лейпцигской миниатюре над головой Рустема выше звериной маски развевается длинный султан из перьев. Между тем, в сцене поимки Рехша[7] на шлеме Рустема спереди эгрет, а сверху вставлен высокий султан из перьев. Если продолжить сравнение с лейпцигской миниатюрой, обнаруживается близость формы обуви, отчасти вооружения, которое дополнено здесь налокотниками и «лассо». На основании сходства указанных деталей у меня создалось предположение, что на киевской миниатюре № 2146 может быть изображен один из подвигов Рустема, которое вполне подтверждается сличением с миниатюрой в Шāх-Нāме Азиатского Музея из собрания проф. В. А. Жуковского.[8] Композиция этой миниатюры, изображающей борьбу Рустема с белым дивом среди пейзажа, гораздо сложнее киевской. Здесь большее количество фигур: кроме двух названных, третья привязана к дереву; из за скал видна голова коня и повидимому голова еще одного фантастического существа, глядящего из расселины. Белый див одет в красную «юбочку» с синим поясом, руки и ноги его украшены браслетами, из пасти торчат огромные клыки, но позолоченые рога другой формы, напоминают воловьи и на бровях языки пламени. На Рустеме одета

---

[1] Kühnel, Miniaturmalerei im islamischen Orient, табл. 35; оригинал находится в Британском Музее.

[2] См. Martin, op. cit., т. I, рис. 23; табл. 129; Kühnel, Miniaturmalerei, т. 42; Kühnel, Isl. Kleinkunst, рис. 18.

[3] Kühnel, Miniaturmalerei, т. 43.

[4] Публичная Библиотека, Вост. 333.

[5] Ibidem.

[6] Напр. лл. 181, 202, 209, 210 v., 212 v. и др.

[7] Martin, op. cit., т. 123; Kühnel, Miniaturmalerei, т. 59.

[8] Шāх-нāме. Жуковский 3, стр. 94. Приношу благодарность Ф. А. Розенбергу за указание ее.

барсова маска и бармица. Полоски куртки того же типа, как и на всех выше названных миниатюрах. С левого бока меч, руки защищены наручами. Левой он ухватил за челюсть дива, голова которого закинута подбородком вверх; правой он всадил ему меч в середину груди: одна отрубленная нога падает налево от борящихся. В изображенный на миниатюре момент див падает на бок и, обороняясь, левой рукой держится за левую руку Рустема, вытянув правую вперед. Миниатюра пострадала от времени, особенно в нижней части; вследствие этого положение ног борющихся не отчетливо. Тем не менее, повидимому не отрубленная нога дива приходится, как и на киевской миниатюре, за Рустемом. К числу сходных черт этих двух миниатюр можно отнести и взаимоотношение фигур: в обеих герой занимает левую сторону, побеждаемый див — правую. Правее дива на миниатюре рукописи Жуковского воткнута в землю длинная красная палица. Как сходство основного замысла двух фигур, так и сходство отмеченных деталей служат достаточными доказательствами тожества сюжета. Правда, одна подробность, очень характерная для многих изображений Рустема, а именно маска барса отсутствует на киевской миниатюре. Однако, даже на миниатюре Шāх-Нāме Жуковского, лист 189 Рустем только в шлеме, а пример этот не единственный. Можно вспомнить хотя бы вышеуказанную «поимку Рехша».[1] Таким образом, одинаково встречаются изображения Рустема и в барсовой маске, и без нее. Поэтому сюжет киевской миниатюры № 2146 можно считать установленным. В верхнем левом углу ее, у головы витязя имеется надпись. Она расположена вертикально по высоте листа. В связи с таким расположением ее, прежде чем перейти к ее содержанию, встает вопрос: почему надпись сделана в этом направлении, и не следует ли сообразно с нею изучать композицию горизонтально, а не вертикально? За горизонтальное направление рисунка, причем тогда див оказывается под Рустемом, — говорит положение пока не определенного предмета, который при вертикальном расположении висит в воздухе. На миниатюре рукописи Жуковского борющиеся фигуры в наклонном положении; однако, рассматривать киевского дива как лежащего все таки трудно, тем более, что как див, так и Рустем воспринимаются гораздо отчетливее в вертикальном направлении. Кроме того, свисание султана, меча и кисти на поясе дива при этом положении нормально, а при горизонтальном — неестественно.

Просматривая миниатюры Шāх-Нāме Публичной Библиотеки № 333, легко заметить в числе вооружения увесистые булавы, то в форме ребристого шара или овала на прямой рукояти,[2] то с массивной головой рогатого

---

[1] Martin, op. cit, табл. 123.

[2] Шāх-Нāме Публ. Библ. Вост. № 333, л. 28 v. — борьба рыцаря с драконом.

животного (быка?) на конце.[1] В боевых схватках ими замахивались,[2] в спокойную минуту или при употреблении другого оружия их опускали на плечо,[3] затыкали за пояс,[4] прикрепляли к седлу; наконец в мирной обстановке булава находилась возле рыцаря.[5] На одной из миниатюр этой рукописи[6] повторяется вышеописанная сцена борьбы Рустема с белым дивом. На ней следует остановиться подробнее. Борьба происходит в пещере, окруженной скалами; около нее деревья, трава и ручей. К большому дереву прикручен веревкой в несколько оборотов мужчина с бритой головой.[7] Див более крупных размеров, чем Рустем, мускулист и упитан; на его шее, ногах и руках человеческой формы надеты золотые украшения и браслеты. У него золотые рога, острые уши, черные густые брови, морщинистые щеки и лоб, большие клыки, рыжая борода и усы. Белая кожа на теле усеяна мелкими пятнами. Голубой пояс в два жгута с золотой пряжкой придерживает юбку из тигровой шкуры. Юный, безбородый Рустем в шлеме без барсовой маски, но с перистым султаном. Черты его овального лица правильны, выражение безмятежное. Костюм состоит из голубой рубашки, длинных красных штанов с узором из золотых «чи», тигровой куртки на подкладке с голубыми полосками. Воротник золотой; желтый пояс с золотом и черными полосками лежит пышно. На груди Рустема большая круглая бляха, на левом боку меч, на правом за поясом ножны кинжала. Кроме того надеты наручи, наколенники и поножи. В изображенный на этой миниатюре момент Рустем одержал верх. У дива отрублена левая нога, из раны льется кровь; он падает на левый локоть, закинув правую руку на голову. Правая нога вытянута, фигура изображена в три четверти. Рустем, стоя на правой ноге, наваливается на него, упираясь левым коленом в живот дива с правой стороны, а левой рукой—на середину его груди и заносит над ним кинжал, высоко подняв правую руку. За правой ногой дива видна в вертикальном положении громадная булава круглым концом вниз. Хотя все три сравниваемые миниатюры разного времени, сильно разнятся по стилю и вариантам некоторых деталей, совершенно ясно, что в них общий сюжет. Благодаря миниатюре рукописи 333, л. 231 v. из Публичной Библиотеки, можно не сомневаться, что круглый предмет с пря-

---

[1] Ibid. л. 181.
[2] Ibid. л. 77.
[3] Ibid. л. 186.
[4] Ibid. л. 206.
[5] Ibid. л. 319 — прислонена к трону.
[6] Ibid. л. 231 v.
[7] Ср. Шāх-Нāме Жуковского, стр. 94.

мой рукоятью на киевской исследуемой миниатюре ничто иное, как булава, выпущенная из рук, когда пришлось пустить в ход кинжал.

Определив положение миниатюры и значение отдельного предмета — булавы, следует вернуться к надписи. Она состоит из четырех слов, написанных очень мелко. Первое совершенно ясно читается عمل; второе очень напоминает некоторые автографы Бихзāда.[1] Предполагаемые буквы ب и ه (ба и ха) слиты; надстрочная точка ز (за) и подстрочная ب (ба) имеются; прямой алиф отделен; за ним буква, предполагаемая د (даль), благодаря утолщению, начертанием несколько напоминает و (вау), но подобное утолщение верхней части соответствующей буквы имеется и в подписи Бихзāда. Остальные два слова читаются повидимому как بلا شبه = «без сомнения».[2] Получается фраза: عمل بهزاد بلا شبه = «работа Бихзāда без сомнения». Из смысла этой надписи выясняется, что она не оригинальна, а приписана позднее. Несмотря на тонкость рисунка и большие художественные достоинства, он сильно отличается от стиля Бихзāда, что особенно заметно в передаче лица рыцаря. Автор этой миниатюры остается пока неизвестным, но повидимому он был современником Бихзāда, так как его произведение вполне можно отнести к концу XV — началу XVI в.

4.

На миниатюре № 2149 изображена пара, расположившаяся в павильоне. Сзади, в открытую дверь виден цветущий миндаль, направо миндаль и кипарис. По сторонам двери панель составлена из шестиугольников и трехконечных фигур, вероятно изразцовых.[3] Бордюр у двери и панели с золотом и красным. Стена голубая. Рисунок пола геометрический; на нем лежит зеленый ковер и розовая подушка. Мужчина сидит, обратясь к женщине; он одет в длинный, зеленый плащ, длинную синюю одежду, затканную золотом; светло-желтый высокий складчатый тюрбан обмотан вокруг высокой черной шапочки; конец тюрбана опущен на левое плечо. Женщина сидит направо от мужчины. На ней синий плащ, красное платье, в разрез ворота видна светло-зеленая нижняя одежда; на голове ее синее покрывало с зеленой каймой, на левом виске короткая прядь волос. Лица обоих неизящные, с очень крупными носами; углы ртов опущены. Эта миниатюра персидская, может быть XVI в.

---

[1] См. напр. Marteau, op. cit., CXXIX — 167; ibid. Texte, стр. 73, Signatures de peintres.

[2] Это чтение предложено Ф. А. Розенбергом.

[3] См. выше, № 2147, облицовка башни.

5.

Маленький рисунок № 2142 вставлен в паспарту. Он нанесен поверх не менее чем шести строк арабского текста, видных на фоне желтоватой бумаги, очень бледных, сероватых, повидимому смытых. На рисунке изображены два дерева с плодами, напоминающими грушу и персик. Земля под ними покрыта травой и красными цветами, похожими на мак. Из под паспарту вверху и внизу выглядывают концы строк текста арабскими буквами. Кроме того, в нижней части рисунка выходят из под паспарту мелкие ланцетные листики, теперь желтовато-коричневые, и не входящие в основную композицию. Возможно, что более ясный рисунок происходит из ботанического сочинения, первоначальный же текст по каким-то причинам подвергся уничтожению.

6.

Лист № 2143, размером в 33,5 × 20,5 см., застеклен с обеих сторон. Revers: На стекло наклеен ярлычок, содержащий адрес — «Paris, 12 Rue de la Paix, Kalebdjian F – res». Это дает повод думать, что миниатюра была вставлена в рамку и куплена в Париже. Возможно, что упомянутые братья Калебджан коллекционеры и антиквары.[1] На листе выделено прямоугольное пространство для помещения миниатюры, подготовлена рамка, поля покрыты золотым растительным узором, контуры которого ярче, заливка жиже.

Avers: Прямоугольная миниатюра с трех сторон (сверху, снизу и справа) обрамлена фестонами, роспись которых золотом, синим и мелким растительным узором не закончена; внешние края полей покрыты растительным узором. На миниатюре изображена сцена Миʽрāджа (см. рис. 6). На фоне синего неба и золотых «чи» витают восемь крылатых гениев, сопровождающих Мухаммеда на Борāке. Голова Мухаммеда окружена пламенем. Лицо, прикрытое белой тканью, слегка вырисовывается под нею. Кафтан коричневый; Борāк розового цвета. Эти две фигуры находятся в центре миниатюры. Гении несут различные аттрибуты, как то блюдо с крышкой, открытые блюда с пламенем, светильники; у одного (в левом нижнем углу) факел без огня. Семь фигур гениев в различных позах видны целиком; восьмая видна по-грудь направо вверху, из-за вертикального обреза. Кроме того налево вверху изображено отдельно крыло, не принадлежащее ни одной из этих фигур. В лицах и прическах их ясно выражен китай-

---

[1] В работе E. Diez, Einführung in die Kunst des Ostens, воспроизведен китайский рисунок (№ 52) из собрания Kalebdjan. Rivière, op. cit. издал фрагм. чаши pl. 59b и вазу, рис. 2, принадлежащие Kalebdjian frères.

ский тип. Движение устремляется налево. Как группировка, так и тип фигур, их уборы и костюмы находятся в зависимости от мастерской трактовки того же сюжета на миниатюре из роскошной рукописи Низāмӣ («Хамса»), изготовленной для шāха Тахмаспа в 946—949 г. хиджры, т. е. в 1539—1542 г. нашей эры,[1] и приписываемой Миреку. Введение в композицию киевского Миʻрāджа фигуры лежащего льва ставит ее в зависимость от миниатюры XVI в. из собрания Sarre в Kaiser Friedrich Museum.[2] Композиция киевской миниатюры беднее в отношении количества фигур, детали ее грубее и схематичнее, например языки пламени и завитки облаков; движение фигур хуже передано, в них нет непринужденности, и чувствуется склееность. Крылья гениев тщательно выписаны и изящны, но манера передачи перьев изменена значительно, причем исчезли отдельные длинные перышки на концах крыльев, которые заменила сплошная закраска этой части, в верхней же части крыльев возобладала пятнистая манера. По характеру крыльев подходит очень близко расписной лаковый переплет XVI в.,[3] а также турецкая миниатюра приблизительно того же времени.[4] Прическа гениев с прядями на висках тоже указывает на XVI в. Киевская миниатюра, хорошо передающая принятый канон, вероятно относится к концу XVI, а может быть и к началу XVII в. В каталоге Н. Макаренко о ней сказано:[5] «Зображення на синьому тлі «боракхів», перська робота XVII в.». В примечании дано правильное объяснение названия «Боракх» т. е. Борāк; непонятно только, почему в описании употреблен родительный падеж множественного числа «боракхів» вместо «боракх», когда само изображение — одно.

7.

Миниатюра № 2150 изображает загородную стоянку в гористой местности. (См. рис. 5). Она имеет размеры 21,5 × 12,5 см. и наклеена на лист желтоватого тона, иллюминованный тонкими разводами с листьями и персидскими пальметками золотисто-желтого и золотисто-зеленого цвета; среди разводов выделены пять картушей: бирюзовые помещены вверху, внизу и налево от миниатюры посреди поля, желтые поставлены диагонально против углов левой части миниатюры. Размеры листа 35,5 ×

---

[1] См. Martin, op. cit., т. 140; E. Kühnel, Miniaturmalerei im islamischen Orient, т. 58, стр. 10, 29, 58.

[2] См. T. Mann, Der Islam einst und jetzt 1914, рис. 1 (Monograph. zur Weltgeschichte, 32) — Миʻрадж со львом, солнцем и светилами.

[3] Marteau, op. cit. II, рис. 275; кроме того там же рис. 109 и 110.

[4] Kühnel, op. cit., табл. 95.

[5] М. Макаренко, Провіднік, стр. 70.

20,5 см. Миниатюра ясно расчленяется на три части. В верхней части пейзажа золотое небо и часть лилового «чи», голубая почва без травы, с редкими цветами. Из-за гор видны деревья. Средняя часть наискось сверху вниз прорезана извилистым ручьем, теперь темно-серым, так как серебро почти исчезло. По берегам ручья камни, ниже его лужайка и цветущее фруктовое дерево. В траве видны четвероногий зверек с длинным хвостом, овца и цветы. В нижней части, подобно верхней, голубая почва и пара цветочных кустиков. В оазисе раскинуты четыре палатки различных типов. Налево внизу видна часть большой цилиндрической палатки с куполообразным верхом; цвет ее серый, узор же ткани золотой. По средине нижней части миниатюры на высоком столбе укреплена палатка из одного треугольного полотнища, может быть ковра, один угол которого прикреплен к верхушке столба, концы оттянуты шнурами вниз направо и налево, а нижний край дугообразный. Эта палатка сверху желтая, изнутри зеленоватая, с мелким золотым растительным узором. Под ее прикрытием сидит поджав ноги бородатый мужчина в сиреневом кафтане и белом тюрбане на красной шапочке, держась правой рукой за пояс с голубыми и красными полосками; левой рукой он касается серых перехватов столба. Нижнее платье оливкового цвета видно в разрез ворота и у кисти. Пред ним лежит на золотой чаше круглый, желтоватый предмет, вероятно какой-нибудь плод. По другую сторону столба сидит на поджатых ногах юноша в золотом, складчатом тюрбане. Шапка его и кафтан синие (цвета индиго), воротник красный, узор кафтана и пуговицы золотые; пояс как у первого. Направо у палатки стоит приземистый, бородатый мужчина, опустив руки. На нем серый кафтан с белой подкладкой, нижнее платье оливкового цвета, коричневые длинные штаны, черная обувь. Пояс того же рисунка, как у предыдущих, а концы белого тюрбана свисают на плечи. Спереди, левее центральной фигуры, сидит поджав ноги еще бородатый мужчина. Он в коричневом халате на белой подкладке и сером нижнем платье. Верх его шапки золотой, а конец белого тюрбана падает на правое плечо. Руки протянуты в почтительной позе, голова склонена вперед. От серой палатки выступают к навесу две женщины. Одна из них в белом головном уборе, напоминающем апостольник, и красной верхней одежде на белой подкладке, с белым поясом и короткими рукавами. Из-под них и в разрезы видна нижняя синяя одежда с мелким золотым узором. Эта женщина держит за левую руку и плечо вторую. На второй зеленая верхняя и красная нижняя одежда, золотой платок в красную полосу на голове и узкий пояс с длинными концами. На ногах обеих черные туфли и длинные шаровары, которые на левой женщине, одетой более нарядно, в красных пятнах.

В средней части миниатюры прежде всего бросается в глаза фигура юноши в красном с золотом кафтане и нижнем оливковом платье, читающего книгу полулежа на траве у ручья и обняв левой рукой ствол цветущего дерева. У него белый тюрбан, штаны и пояс. За треугольной палаткой, описанной выше, видна мужская фигура, может быть стража, в сером тюрбане, синем кафтане и коричневом нижнем платье. Обе его руки подняты и сжаты у подбородка, он стоит, как бы опершись на посох. Налево от него стоит на коленях женщина в серой одежде и белом головном уборе. На спине у нее сидит мальчик в красной куртке, остроконечной шапочке и белых шароварах; ноги его без обуви. Эта женщина занята изготовлением пищи: в ее руках чаша и какой-то предмет, может быть вертел или головня. Из за скал у ручья выходит юноша в серовато-голубом колпаке с белым тюрбаном; кафтан его из красной с золотом ткани, с черным воротником. В левой руке он несет большой кумган золотого цвета (медный?), а в правой держит чашу. На право за скалой белая палатка, служащая фоном цветущему дереву. Ее конический верх отделен от стен широкой синей каймой с золотыми пятнами. Над скалой видна женщина в зеленой одежде и белом головном уборе; он того же типа, как у первой и третьей, закреплен посредством повязки, охватывающей лоб и завязанной сзади узлом. Она доит в кувшин коричневую корову с белым лбом, грудью и задом. На верху, за ручьем видна четвертая палатка, конической формы, притянутая к земле шнурами. Снаружи она черного, внутри сиреневого цвета. Из-за палатки наполовину высунулась коза. Перед палаткой на большом камне у воды сидит мужчина в желтом кафтане с белым поясом; на ногах у него синие чулки и белые башмаки, на голову одет серый колпак с белыми мушками. В левой руке он держит веретено, правой вьет нить. Лица всех описанных фигур, за исключением одной, показаны в три четверти; лишь доильщица изображена в профиль. Как видно из описания, художник располагал очень разнообразными красками. Список их следующий: золото различных оттенков, серебро, голубая, серовато-голубая, синяя, лиловая, сиреневая, красная, желтая, зеленая, оливковая, коричневая, серая, белая, черная. Краски покрывают совершенно бумагу (это не касается полей, где бумага видна); оливково-зеленая окраска двух женских платьев и палатки частью выкрошилась, обнажив коричневатый тон.

Композиция сложна, в нее включено пятнадцать человеческих фигур, несколько животных, и она содержит ценные бытовые детали. Лучшая фигура по непринужденности позы и отлично схваченным жестам—мужчина с веретеном. Подобные этой миниатюре сюжеты бытового характера встре-



Рис. 6. Вознесение Мухаммеда.

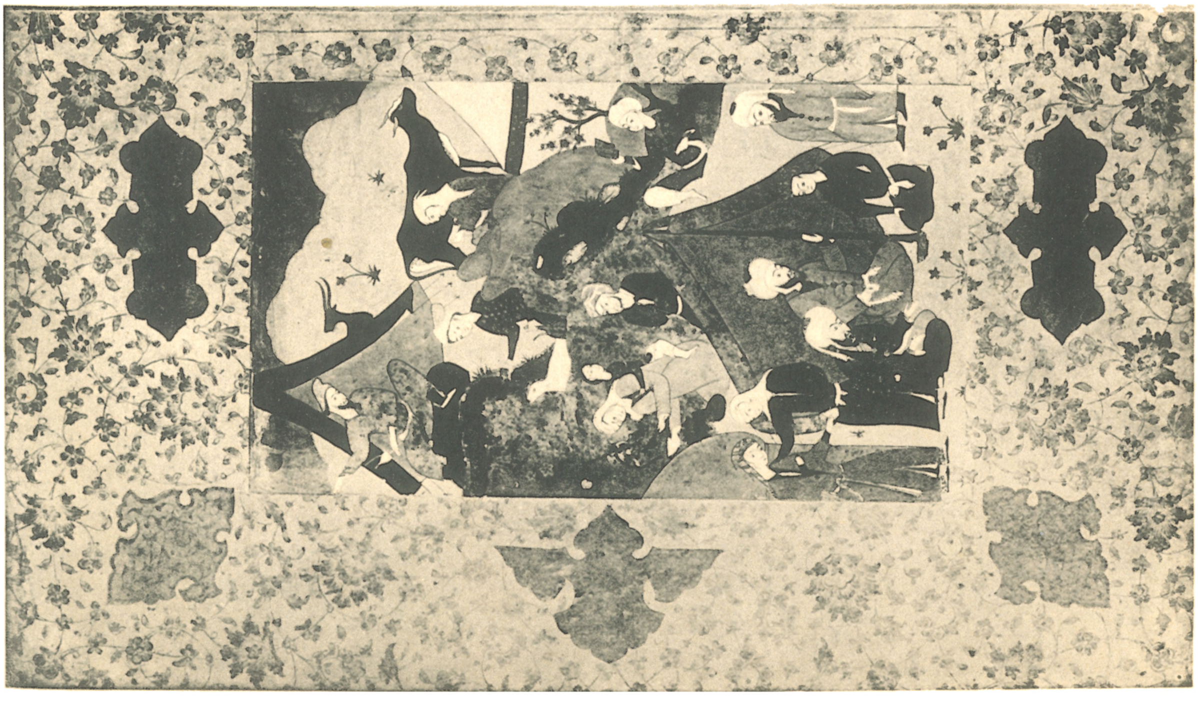


Рис. 5. Сцена в оазисе.

чаются в персидских миниатюрах сефевидского периода.[1] Среди них произведения Мухаммедӣ — тонкого наблюдателя, особо выделяются свежестью и одновременно изяществом и нежностью рисунка.[2] По сравнению с его работами, лица киевской миниатюры № 2150 мало выразительны, без мягкости и юмора, глаза холодные, как бы выпученные, фигуры менее гибки. Вся композиция сгруппирована слишком густо. Совершенно иначе, более схематично, чем у Мухаммедӣ, изображены деревья. Сличение этой киевской миниатюры с репродукциями 103 и 104 у F. Martin'a, приводит к заключению, что ее автор частично воспользовался их композицией, а именно: все шесть фигур нижнего ряда и фигура юноши у дерева заимствованы с сохранением группировки, поз в общих чертах и типов, но с перемещением всей группы, как бы отраженной в зеркале, на оборот. У некоторых фигур изменено положение рук и аттрибуты, например, юноша у ручья получил вместо чаши книгу, юноша у навеса лишен книги, у типичной фигуры приземистого мужчины сохранен платок в левой руке, как на табл. 103, но борода черная, как на табл. 104. Сохранился тип головного убора нарядной женщины, зато «апостольник» похож на женские уборы табл. 103,2. Тип лиц Мухаммедӣ удержался до известной степени лишь в удлиненных физиономиях трех старших мужчин нижнего ряда, у двух из них повторен также длинный конец тюрбана. Сцена из истории Меджнӯна и Лейлы Мир Сейида ʿАли[3] тоже дает некоторые параллели. В ней встречаются палатки нескольких типов; у верхней срезана вершина; из-за этой палатки, имеющей сходство с верхней палаткой киевской миниатюры, выглядывает голова козла; повторяется сцена доения, но вместо коровы тут уже коза; женских фигур на этой миниатюре больше, у них другой тип лиц с узкими, косыми глазами, но у некоторых встречается головной убор киевской доильщицы с повязкой на лбу. Таким образом, нужно признать, что автор киевской миниатюры использовал композицию Мухаммедӣ для нижней части своей миниатюры, из композиции же Мир Сейида ʿАли позаимствовал верхнюю часть композиции и некоторые детали, но не передает их стиля. На основании этих соображений и из сопоставления характера живописи киевской миниатюры № 2150 с рисунком ее полей приходится отнести ее к концу XVI — началу XVII в.[4]

---

[1] См. Martin. op. cit., т. 139, рукопись Низами мастера Мир Сейид ʿАли, изготовл. для шāха Тахмаспа в 1534—1539 г.; рукопись Публичной Библиотеки № 488, из Ардебильской библиотеки.

[2] Martin, op. cit., т. 103 — загородная сцена мастера Muḥammedī; т. 104 — повторение того же сюжета; Kühnel, Miniaturmalerei, т. 65.

[3] См. выше, прим. 1.

[4] Ср. М. Макаренко, Каталог, стр. 70.

8.

Продолговатая миниатюра № 2151, размером 22,3 × 12,5 см., оклеена бордюром из двух узких линейных рамок и цветочных золотых побегов на красном фоне. Изображен юноша, довольно высокий, широкий в плечах, с тыквенным сосудом в правой руке (см. рис. 8). Он стоит в три четверти, нагнув голову вперед к правому плечу; верхняя часть корпуса слегка откинута назад. Правая рука согнута в локте, опущенной левой он подхватил конец длинного желтого шарфа, переброшенного через плечи и уходящего под мышку правой руки. Длинная верхняя одежда зеленого цвета с деликатным узором и маленьким золотым воротником имеет спереди у шеи острый вырез и застегнута на шесть пуговиц. Она не обтягивает фигуру, а облегает ее свободно, образуя несколько неглубоких, легко обозначенных складок. Внизу показан отворот угла левой полы и кроме того короткий разрез от подола на боку; здесь видна подкладка в мелкую розовую полоску. Рукава довольно свободные, скрывают на половину кисть. Нижнее темно-лиловое платье покрыто очень тонкими золотыми полосками, немного длиннее верхнего. доходит до щиколоток и открывает ноги в белых чулках и красных, остроконечных туфлях. Упор фигуры на левой ноге; правая согнута в колене, стопа ее перекинута через левую стопу и касается носком земли. На голове юноши коричневая шляпа с полями, особенно широкими над затылком.[1] Вокруг тульи обмотана синеватая ткань с мелкими золотыми полосками, кончик ее выпущен вверх веером над левым ухом; с правого боку воткнуто изящное перышко того же приятного цвета и ветка белых цветов. Лицо юноши довольно полное, овальное; брови черные, дугой; глаза миндалевидные, с длинным разрезом; прямой длинный острый нос и извилистые губы. Волосы черные, очень пушистые, спускаются на спину и вьются на висках. Трактовка волос и перышка замечательно нежна. Вся поза изящна, но немного жеманна. Фигура юноши почти целиком заполняет высоту листка коричневато-желтой бумаги, служащей фоном, по которой распределена декорация неярким золотом: у правого края ветки плюща, у левого — перистый куст, вверху мелкие «чи»; в остальном пространстве мелкие цветы и травы. В левом от зрителя нижнем углу у корня куста сделана наискось подпись: رقم كمينه رضاء عباسى سنة ١٠٣٧ = «Нарисовал смиренный Ризā ʿАббāсӣ в 1037 году».

Сличение этой подписи с известными уже подписными произведениями

---

[1] В этом можно видеть европейское влияние. Ср. миниатюру Ризā ʿАббāсӣ, Kühnel, Miniaturmalerei, табл. 82 и объяснение к этому рисунку, стр. 61; Martin, op. cit., табл. 156, 1—2 работы Мир Юсуфа.

Ризā ʻАббāсӣ не оставляет сомнений в ее подлинности.[1] Кроме того, графические приемы и колорит одинаковые. Очень удобна для сопоставления его миниатюра «Пара влюбленных», воспроизведенная у Kühnel'я в красках,[2] с подписью и датой 1629 г. н. э. Тут на юноше зеленая одежда, на женщине желтый шарф тех же тонов, как на киевской миниатюре;[3] складки шарфа переданы в той же манере. Одинакова и декорация фона плющевидным и перистым растением, но здесь, в соответствии с бо́льшей подвижностью и страстностью группы, как бы колеблемыми ветром. Типы лиц и пушистость волос очень сходны, в особенности женское лицо, хотя оно продолговатее киевского. В другом рисунке за подписью «Ризā»[4] сходна, хотя и более расхлябана поза, тот же поворот, наклон головы, положение ног и шарф.

С определением этой миниатюры № 2151, довольно обширный список работ Ризā ʻАббāсӣ пополняется еще одним подписным произведением 1037/1627—1628 г.[5]

9.

Миниатюра № 2145. В большое паспарту цвета цинобера с изящным цветочным узором помещен тонкий рисунок, оживленный золотом и красками. Он отделен от красного листа накладным бортом, склеенным из нескольких кусков; разрезы полосы приходятся по двум узким сторонам (поперечные) и в углах (диагональные). Узор борта составляют чередующиеся золотые линейные рамки и растительный побег; более узкий побег нарисован внутри накладного борта, непосредственно обрамляя рисунок. Размер рисунка $=16{,}3 \times 19{,}9$ см.; весь лист $=29{,}5 \times 17{,}8$ см. Композиция рисунка (см. рис. 3) расположена по диагонали на коричнево-желтоватом фоне прямоугольного горизонтального листка. Центр рисунка занимает лежащий лев, привязанный цепью к пню. Шерсть на нем тонко прорисована и густа, голова покоится на лапах, взор, как и туловище, обращен налево. Позади льва, направо, юноша присел на левой ноге к земле, опираясь на нее левой рукой, что дает наклон в эту же сторону и верхней части корпуса. Правая нога его согнута в колене и поста-

---

[1] Marteau, op. cit., Texte, стр. 73, Signatures de peintres, № 15; подписные листы у Kühnel, Miniaturmalerei, табл. 78—81.

[2] Kühnel, Miniaturmalerei, табл. 80.

[3] Эти тона характерны для палитры Риза ʻАббаси. Ср. Martin, op. cit., I, т. 71; Ф. А. Розенберг, Персидская миниатюра конца XVI в., Известия РАИМК, т. II, стр. 183,2 и 184.

[4] Marteau, op. cit., pl. CXLVI, 202 «Опьяненный юноша».

[5] Определение, данное Н. Макаренко, как «Робота перського (Мирак) майстра XVI в.» — ошибочно. См. Музей Мистецтв б. ім. Б. І. та В. М Ханенків Українскої Академії Наук. Провідник склав Микола Макаренко, стр. 70.

влена стоймя: на этом колене лежит правая рука, кисть которой свесилась. Кисти рук очень изящны. Голова пригнута к правому плечу. Вся поза грациозна, но несколько вычурна. На голову одет фиолетовый колпак с двумя острыми углами, между которыми видна меховая выпушка; он образует на голове складки, а покроем напоминает мешок. На многих миниатюрах XVII в. встречаются подобные широкие головные уборы, различных форм, украшенные мехом.[1] Костюм состоит из распашной рубахи с отворотами, стянутой синим поясом, который завязан крупным узлом спереди. На ногах светло-розовые штаны до колен, голубоватые обмотки, укрепленные под коленом черной подвязкой и красные туфли. В очертаниях фигуры чувствуются графические приемы и большая уверенность; тонкие линии плавно переходят в сильный нажим. Бледным золотом обозначены над пнем перистые ветви, над львом сложные «чи», кроме того отдельные травы и камешки. В смысле сюжета, вероятнее всего представлен один из львов, которых содержали в дворцовых зверинцах и садах Персии для забавы, а иногда и для жестокой расправы, о чем красноречиво свидетельствует воспроизведенная у Marteau миниатюра:[2] на ней изображена казнь женщины, брошенной на растерзание пяти львам, каждый из которых привязан цепью к особому колышку или пеньку. Лев киевской миниатюры совершенно спокоен, его мирная поза, однако, передает мощность и заставляет юношу держаться в отдалении. С одиночными фигурами цепных львов мы встречаемся в издании Мартина,[3] где оба льва изображены в том же повороте.

Слева внизу на исследуемом рисунке подпись мастера и дата 1644 г. нашей эры:

هو رقم کمینه افضل الحسینی باتمام رسید سلخ جمدی الآخر سنة ۱۰۵۴

«Он![4] Нарисовал смиренный Афзаль ал-Хусейнӣ. Доведено до завершения в конце последней Джумады 1054 г.». Факсимиле Афзаля воспроизведено у Marteau.[5] Из работ этого мастера были известны до сих пор следующие:[6]

I. Фигура, датированная 1054—1644 г.[7] Эта дата точно совпадает с киевской. II. Портрет дервиша за подписью افضل, без даты.[8] III. Шāх-

[1] См. Marteau, op. cit., табл. CXXIX, рис. 166; т. CXXX, рис. 170; там же т. CXXXI, рис. 173—подписной Рпзā Аббāсӣ 1633 г.: Kühnel, Miniaturmalerei, тоже Р. Аббāсӣ. табл. 79—81.

[2] Marteau, op. cit., табл. LXIII, рис. 79.

[3] Martin, op. cit.. табл. 86, 2—3: «School of Bihzād».

[4] Обычное обращение к Аллаху.

[5] Marteau, op. cit., Texte, стр. 73, № 16.

[6] Извлечено у Martin, op. cit., стр. 125, List of painters.

[7] В коллекции Demotte.

[8] Собственность Cl. Anet, Martin. табл. 149.

Нāме Государственной Публичной Библиотеки, 1642—1650 г.[1] Так как последнее указание Мартина на рукопись, которая нам доступна в оригинале, содержит неточность, приходится на ней остановиться.

В крупных многофигурных композициях этой рукописи, представляющей большой том in folio, более 870 листов, действительно встречаются очень часто большие миниатюры за подписью мастера, но в сокращенной, сравнительно с киевской, формуле. Обычно здесь: هو رقم كمينه افضل الحسينى فى سنة... Года при этом в разных местах меняются: 1053, 1054, 1055. Эта формула иногда еще укорачивается, причем отпадает дата. Наконец значительное число листов без подписи принадлежит несомненно руке того же мастера. В перемежку с ними следуют однако и многочисленные миниатюры совершенно другого стиля, которые вероятно принадлежат еще двум авторам. Все три группы имеют характерные отличия и в графике, и в колорите. Так, в первой группе, работы Афзаля, очень распространен длинный тип лиц, часто горбоносых, широкий разрез миндалевидных глаз, обильное употребление черного цвета, как для густых длинных усов и бород (особенно в боевых сценах), так и в прочих деталях, резко вырисовывающихся при этом на светлых, часто голубоватых тонах почвы; особенно бросаются в глаза черные эгреты, знамена, ткани, кони, их уши и ноги. Афзаль для изображения облаков несомненно предпочитал форму «чи». Вторая группа выделяется прежде всего совершенно особым от Афзаля колоритом, в котором доминируют два постоянных тона: зеленый и лиловый. Здесь преобладают лица круглые, коротконосые, с мягким выражением глаз, с оттенением лиц, производящим впечатление небритых щек. Этому мастеру хорошо удавались лысые старческие головы. Он изображал охотно облака клубочками или сигарами, в двух тонах, бело-синем, или золото-синем. Траву он густо покрывал мелким пунктиром, который употреблял и на кронах деревьев, чем сильно отличается от трактовки Афзаля, придававшего кронам форму зеленых листьев с желтой каймой по краям. Третья группа характеризуется особой гаммой тонов нежных и ясных: например, желтым, зеленоватыми разных оттенков и особенно красивым розовым. Типы лиц этого художника менее характерны, чем двух предшествующих групп, встречаются иногда некрасивые молодые лица с выпяченными губами, а в пейзажах его выделяется небо — сплошь золотое, или в двух тонах, белом и синем, смешанных на подобие мрамора. Что касается сотрудничества этих трех лиц, можно предположить следующее: иллюстрировать этот экземпляр Шāх-Нāме взялись двое — Афзаль и Пӣр Мухаммед

[1] Вост. 333, каталог Дорна. См. выше, стр. 33.

ал-Хāфиз, подпись которого, в виде исключения, встретилась на листе 582 v. رقم کمینه پیر محمد الحافظ Работа тянулась долго, при чем миниатюры исполнялись не в порядке нумерации листов. Так, первая миниатюра за подписью Афзаля на л. 34 v. помечена 1054 годом., но ей предшествуют и за ней следуют миниатюры не его стиля. Следующая его работа л. 55 v. датирована 1053 г., л. 77 v. 1055 г., затем л.л. 127, 150, 156 v.—1054 г., л. 242 v.—1055 г., л. 256—1053 г. и т. д. Этих примеров вполне достаточно, чтобы в этом убедиться. Как миниатюры Афзаля, так и Пӣр Мухаммеда ал-Хāфиза идут то пачками, то в перемежку. Из таких пачек очень характерна группа в семь миниатюр от л. 473 r.—476 r. работы Пӣр Мухаммеда. К последней трети тома число работ Афзаля сильно уменьшается, зато усиливается третий стиль, редко встречающийся в начале. Поэтому, вполне возможно, что третий художник заполнял то, что осталось невыполненным двумя его предшественниками.

Выяснив попутно, что Афзаль ал-Хусейнӣ не был единственным автором миниатюр данного Шāх-Нāме, нужно вернуться к цели его привлечения, для сличения со стилем киевского рисунка № 2145. Подобный сюжет в Шāх-Нāме совершенно отсутствует. Что касается типа лица юноши и его головного убора, то он ближе всего передается юношескими же фигурами слуг и зрителей в различных сценах и событиях, напр. на л. л. 45, 127, 142, 169, 196 и других. Полного сходства с костюмом юноши нет: часто встречаются короткие штаны и чулки, подвязанные тонким шнуром с кисточкой.[1] Наличие нескольких десятков миниатюр работы Афзаля ал-Хусейнӣ в Шāх-Нāме Публичной Библиотеки,[2] киевского рисунка № 2145 и двух, выше упомянутых, показывает, что продуктивность его была очень велика, причем систематическая работа по крупному заказу хотя и влекла за собой некоторую небрежность, но не препятствовала созданию в то же время отдельных законченных произведений.

10.

Рисунок № 2512, оживленный красками, окаймлен двойным бордюром из линейных рамок и растительных побегов. Размер его = 19,5 × 13,5 см. На нем изображен пейзаж с тремя фигурами (см. рис. 7). От воды на первом плане местность, постепенно возвышаясь, представляет сперва луг, далее каменистую возвышенность с деревом и скалами наверху. Все три фигуры размещены на лугу. Направо стоит видный, высокий юноша;

---

[1] Л. 275.

[2] Число только подписных листов до folio 400 равно 24.

поворот его головы и фигуры налево в три четверти. На голове у него большой, пышный, белый тюрбан с редкими синими полосами; сверху вставлен черный султанчик. Из-под тюрбана распущены длинные волосы на спину, оттеняя шею и правую сторону лица, на левом виске вьется длинный локон, на лбу обозначены мелкие волоски. Лицо полное, с крупными чертами, широко разрезаны большие глаза, щеки румяные, выражение несколько самодовольное. На юноше белый кафтан, доходящий до половины голени. Широкий, складчатый пояс завязан спереди узлом; конец его намотан на правую, согнутую в локте руку. В левой, тоже согнутой руке, он держит золотой платок. Вырез золотого воротника — треугольный, в нем видно красное нижнее платье. От ворота до пояса расположены восемь золотых пуговок застежки и парные синие шнурки. На ногах белые чулки и красные туфли с каблучком. На юношу подобострастно смотрят двое пожилых мужчин, стоящих налево. Фигуры их значительно меньше юноши. У нижнего острая густая борода, крупный, слегка крючковатый нос. Подбородок поднят вверх, голова закинута к правому плечу. На голове золотой конический колпак и белый тюрбан мелкими складками. Согнутым корпусом он опирается на палку, которую держит в руках. Его костюм состоит из белого нижнего платья с рукавами, доходящими до кисти, розового пояса и белой обуви без каблуков; на правое плечо накинут верхний долгополый желтый кафтан на розовой подкладке с синей каймой; длина рукава этого кафтана раза в полтора превышает длину руки. Другой мужчина стоит выше него, причем ноги его скрыты корпусом первого. Фигура второго еще более согнута, голова сильнее ушла в плечи, борода более редкая; левой рукой он опирается на высокий посох, правую согнул в локте и протянул к юноше. На втором красная шапка, меньше закрытая белым тюрбаном, белый длинный кафтан с синим воротником и подбоем широких рукавов. По манере рисунок должен быть отнесен к поздним работам школы Ризā Аббāсй. Он напоминает одну «Беседу сидящих старика и юноши»[1] (немного слащавая улыбка старика), портрет дервиша с посохом.[2] Отличительные свойства его — жесткость и сухость при большой четкости. Многие подробности превратились в трафаретную схему, как например трава на лугу, мелкие камни, напоминающие яйца. В деталях есть некоторое сходство с рисунком, приписываемым Мухаммеду Кāсиму:[3] в краплении травы, расположении листьев веерными пучками, взаимоотношении фигур стоящего юноши и сидящего в левом углу старика, загибе головы последнего.

---

[1] Marteau, op. cit., CXLV, 200.
[2] Ibid. CXLVI, 203.
[3] Kühnel, Miniaturmalerei, т. 91.

Но вместе с тем названный рисунок весь мягче. По сухости и резкости манеры к киевскому ближе всего подходит рисунок, приписываемый Мухаммеду ʻАлӣ.[1] Рисунок № 2512 вероятно относится к концу XVII в.[2]

11.

Индийская миниатюра № 2144. В деревянной рамке между двух стекол находятся два рисунка. Avers — на белом паспарту портрет вельможи времени Моголов. Разм. 19,3 × 14 см. Он прямоугольный, заключен в рамку розово-рыжеватого цвета: по ней пущен тонкий волнистый побег с мелкими листками синим и золотом и цветочками из двух лепестков с тычинками. Эта рамка окантована золотыми полосками. Revers — на оборотной стороне помещен каллиграфический отрывок почерком насталик. Рассмотрим прежде портрет. Коренастая, довольно неуклюжая фигура выделяется на светло-голубом небе, слегка затемненном и облачном выше головы. Под ногами зеленая равнина с очень низко лежащим горизонтом, по которой раскиданы крошечные, непропорциональные фигуре деревца. Голова показана в профиль, повернута направо, тонко прорисована. Лоб нахмурен, взгляд пристальный, выражение лица угрюмое. Борода выбрита, усы тонкие, довольно длинные. На голове одет тюрбан оранжевого цвета с мелкими золотыми полосками. Корпус изображен в раккурсе с поворотом менее трех четвертей, имеет широкие бедра. Руки согнуты в локтях, а кисти их покоятся на длинной тонкой трости черного цвета. Верхняя одежда из тонкой белой кисеи, сквозь которую просвечивает тело, плотно облегает фигуру до талии. Запашка уходит к правой подмышке; вдоль нее, кругом шеи, у кистей и на плечах показан цветочный узор, тканый или вышитый. Рукава длинные, ложатся выше кистей мелкими складочками. От талии спускается широкая, пышная юбка из прозрачной ткани с белыми полосками и той же оторочкой на подоле и на правом боку от пояса до подола. Пояс двойной. Под белую ткань подложена золотая (парча). Узел приходится спереди: два равных белых конца спущены почти до подола; между них лежит крупными складками золотая ткань, покрытая геометрическим узором из полос и зигзагов красным и синим. На пра́вом боку за пояс заткнут кривой кинжал с золотой рукоятью, которая как и ножны осыпана цветными камнями. Узор ножен того же типа, как и оторочка одежды, но без листков. От пояса до стоп ног спускаются фиолетовые штаны, видные сквозь кисею и ниже

---

[1] Kühnel, op. cit., т. 92.

[2] В каталоге Н. Макаренко сказано об этой миниатюре на стр. 70. следующее: «Хлопець, що размовляе з двома дідами, работи перського, а можлива річ, і індійського майстра XVI—XVII в.»



Рис. 8. Портрет юноши.



Рис. 7. Юноша пред старцами.

подола, где на них показаны мелкие горизонтальные складки. Ноги расставлены, стопы параллельны между собой и повернуты в профиль к зрителю. Красные туфли без задков, с острыми носками, перехвачены сверх стопы широкой синей полосой в золотой оторочке, которая сужена к ступне. Белая краска, изображающая кисею на корпусе, лежит довольно толстым слоем и блестит. По форме тюрбана, покрою костюма и прочим подробностям, можно сравнивать эту миниатюру с изображениями придворных Джехангира.[1]

Каллиграфический отрывок, помещенный на обороте, тоже заслуживает некоторого внимания. По сероватой, повидимому плотной бумаге (насколько об этом можно судить сквозь стекло), выделен довольно узкий прямоугольник в синей рамке с побегом и золотыми листками. Такая же рамка обводит лист по краям. На полях, между внутренней и внешней рамкой расположены пестрые ветки цветущих растений. В центральный прямоугольник вклеен листок другой, пожелтевшей бумаги. Поверхность его разделена на геометрические фигуры следующим образом. Два прямоугольника поставлены наискось; внизу горизонтальная полоса срезает нижний угол второго из них. Кругом прямоугольников остаются шесть треугольников неравной величины. Четверостишие на персидском языке занимает оба косых прямоугольника, в каждом из них помещено по две строки; фразы на некотором расстоянии от букв обведены контуром, остающийся между картушами фон заштрихован тонкой золотой сеткой. Таким же способом использована горизонтальная полоса внизу. В левом нижнем треугольнике, который заполняет нижний угол поля, наискось написаны две строки более мелким насталиком и точно также обведены контуром; остающийся фон этого и весь противолежащий правый треугольничек заполнены мелким растительным узором. В последних двух строках значится: كتبه معز الدين محمد الحسينى فى سنة ٩٨٣ = «Написал это Му‘изз ад-дӣн Мухаммед ал-Хусейнӣ в 983 г», т. е. в 1575—1576 году нашей эры.

Huart упоминает в своей работе, посвященной мусульманской живописи и каллиграфии, известного персидского каллиграфа и коллекционера — любителя рисунков и каллиграфических образцов, Му‘изз ад-дӣна Мухаммеда Эмӣна из Кашана, происходившего из дома пророка и умершего в 981/1573 или 995/1587 г.[2] Нисба на киевском образце каллиграфа ал-Хусейнӣ может указывать на происхождение его из дома пророка; титул и имя его совпадают с приведенным у Huart'a, но отсутствует имя Эмӣн и название города. Последнее обстоятельство не может быть еще

[1] Martin, op. cit., табл. 216, 184.

[2] Huart, Les calligraphes et les miniaturistes de l'Orient musulman. Paris, 1908, стр. 232.

решающим, так как в подписях одних и тех же лиц, напр. в миниатюрах, приходится встречать одно и то же имя с бо́льшей или меньшей полнотой, как с указанием места происхождения, так и без него. Что касается времени смерти, то автор киевского каллиграфического отрывка умер не ранее 983/1575 г. Если оба названные здесь каллиграфа действительно одно лицо, то вероятнее вторая дата из двух, указанных Huart'ом, более поздняя.

Заключение индийского портрета в одну рамку с описанным каллиграфическим автографом заставляет предположить, что они занимают один лицевую, другой — оборотную сторону одного и того же листа. Отмеченная разница бумаги поля и прямоугольной вставки позволяет думать однако, что каллиграфический отрывок старше того листа, на который он наклеен, а также и портрета, который может быть отнесен к первой половине XVII в.

Если подвести итог, оказывается, что музей обладает одиннадцатью миниатюрами и рисунками; из них одна миниатюра багдадской школы XIII в., одна — бухарской школы XV в.; один рисунок конца XV — начала XVI в., две миниатюры конца XVI — начала XVII в., три — XVII в. относятся к различным периодам персидской живописи, с преобладанием влияния Ризā 'Аббāсӣ; одна миниатюра индийская, начала XVII в. Каллиграфия, ценившаяся у мусульманских народов наравне, а иногда и выше живописи, сливается с нею очень тесно. Так, одновременно с изучением миниатюры № 2148 (Диоскорид), можно изучать прекрасный почерк переписчика первой четверти XIII в. на двух страницах; подобную же возможность дает и миниатюра № 2147 с отрывком из Шāх-Нāме, переписанным в XV в. В № 2144 имеется самостоятельный каллиграфический образец — автограф конца третьей четверти XVI в. Если в № 2142 часть текста смыта, другая скрыта обрезом паспарту, то в трех миниатюрах можно знакомиться с характером подписей. Наконец, к этому еще присоединяется два листа из поздне-персидского или турецкого корана №№ 2161—2162 (размер каждого 39 × 30 см.), поля которых украшены фестонами с обильной позолотой и синей росписью.

Заканчивая этот обзор предметов мусульманского искусства в собрании б. Ханенко и сознавая все недочеты, пропуски и однообразие в описании, частью зависевшие от крайней спешности осмотра и обилия материала, а иногда и от технических условий (например, при осмотре миниатюр приходилось ограничиваться поверхностным взглядом на листы, плотно заделанные в рамы, через стекло), можно тем не менее надеяться, что сообщение о мало известных памятниках окажется полезным для лиц, интересующихся искусством мусульманского востока.

В. Крачковская.

И. Н. Березин как историк.[1]

Ориенталист того поколения, к которому принадлежал И. Н. Березин, не мог быть только специалистом, не мог тоже ограничиться чисто-филологическими и лингвистическими задачами; предметом его интереса был Восток в целом, настоящее и прошлое восточных народов, что неизбежно приводило к рассмотрению вопросов, составляющих предмет исторической науки. Во вторую половину долгой жизни Березина русское востоковедение находилось уже на иной стадии развития и ставило себе целый ряд специальных задач; но эти перемены мало отразились на трудах Березина, для которого период деятельной и плодотворной работы в сущности закончился вместе с 60-ми годами. По той же причине научное мировоззрение Березина не представляет картины постепенной эволюции; не только как филолог, но и как историк он успел себе выработать вполне определенные взгляды уже в первые годы своей учебной и ученой деятельности, и эти взгляды потом не подвергались существенным изменениям. Как сложилось это мировоззрение, мне не удалось вполне выяснить; в противоположность своему сверстнику В. П. Васильеву, Березин мало говорит в печати о своих студенческих годах и своих учителях. Нет также полной библиографии его трудов, чем затрудняется выяснение деталей его взглядов, особенно в области исторических вопросов, которых он касался во многих статьях, рассеяных по периодическим изданиям, но которым не посвящал специальных исследований.

[1] Читано в заседании Восточного Отделения Археологического Общества 7 мая 1919 г., по случаю столетия дня рождения Березина.

*

I.

Из своих учителей Березин называл только Ф. И. Эрдмана[1] и А. К. Казем-Бека. Первый был автором целого ряда нумизматических и исторических работ, на которых, как на всей его деятельности, отразился недостаток научной подготовки, отмеченный в некрологе, посвященном Эрдману в органе немецкого востоковедения.[2] Лучше известно отношение Березина к Казем-Беку, благодаря биографии этого последнего, составленной Березиным, по случаю смерти своего учителя, для протоколов заседаний Совета С. Петербургского Университета.[3] Березин был близок Казем-Беку еще в студенческие годы, с тех пор как попечителем Мусиным-Пушкиным был передан на суд Казем-Бека сделанный Березиным по собственному почину перевод персидской грамматики Жобера. Казем-Бек уже тогда сделал Березина своим личным секретарем, поручил ему свою переписку и исправление своих работ, писавшихся на русском языке. Те же обязанности Березин продолжал нести после окончания университетского курса, с июня 1837 г., когда был утвержден в степени кандидата, до июня 1842 г., когда началось его путешествие на Восток. Научная подготовка Березина не ограничивалась, однако, теми сведениями, которые он мог получить от Казем-Бека. Так Казем-Бек, по замечанию его биографа, почти не знал немецкого языка и оставался совершенно чужд немецкой науке, тогда как работы Березина свидетельствуют об основательном знакомстве с немецкой литературой, беллетристической и научной. Где, как и под чьим влиянием им были приобретены эти познания, остается мне неизвестным.

В годы оставления при Университете Березин покидал Казань, повидимому, только один раз, для поездки в Астрахань и калмыцкие степи, причем эта поездка, по его словам,[4] имела целью ознакомление с «персиянами и татарами». Очень вероятно, что она была совершена в 1839 г., когда в Астрахань для ревизии гимназии ездил Казем-Бек.

В феврале 1841 г. Березин был утвержден в степени магистра восточной словесности; тема его диссертации, по обычаю того времени оставшейся в рукописи, нигде не названа. В 1842 г. он был вместе с другим магистром, Вильгельмом Диттелем, командирован на три года на Восток.

---

[1] ЖМНП, ч. 79(1853), 224 («почтенный наставник»).

[2] ZDMG, XXIV, Suppl. Heft I, S. 57. Ср. В. Бартольд, Мат. для ист. Фак. Вост. Язык., IV, 29. Более благоприятный отзыв об Эрдмане дан в последнее время Ф. Бабингером в Festschr. Hirth, 1920, S. 8 («trefflicher Orientalist»).

[3] Протоколы etc., № 4, СПБ., 1872, стр. 100—130.

[4] Автобиография Березина в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» Венгерова.

Оба магистра должны были посетить одни и те же страны и руководствоваться одной и той же инструкцией, составленной Казем-Беком, по словам его биографа, еще в 1840 г., рассмотренной Академией Наук и утвержденной министром; самая поездка состоялась с высочайшего соизволения, последовавшего в 1841 г. Березин в одном из своих отчетов[1] с благодарностью упоминает о данных ему наставлениях, избавлявших его от необходимости «блуждать на удачу и ощупью отыскивать предметы»; в биографии Казем-Бека он, напротив, говорит об инструкции, что «работа эта, конечно, по своей спешности к известному сроку, не принадлежит к числу тех, которые выказали ученость Казем-Бека с выгодной стороны».[2] Инструкция требовала от обоих магистров, без всякого внимания к их специальным научным задачам, всестороннего изучения языков, литературы, современной жизни, в том числе «обычаев жителей, их религии и расколов», истории и памятников прошлого нескольких восточных стран, от Персии до Египта и на возвратном пути от Египта до Крыма включительно. Кроме того им, как магистру Васильеву при его отправлении в Китай в 1840 г.,[3] поручалось собирание семян, растений и других редкостей природы. Из дел архива Академии Наук видно, что составленная Казем-Беком инструкция в июне 1841 г. была сообщена Академии Наук, передана Конференцией на рассмотрение академиков Френа и Дорна и на основании их отзыва одобрена Конференцией в заседании 13 августа. В подлинном отзыве, написанном рукою Френа и подписанном им и Дорном, на ряду с общим одобрением инструкции были предложены некоторые частные поправки. Академики находили желательным, чтобы путешественники обратили особое внимание на мало исследованные прикаспийские области, Гилян и Мазандеран. Предлагалось также усилить лингвистические занятия и занятия в библиотеках на счет занятий каллиграфией, более необходимых для будущих дипломатов, чем для будущих профессоров, и изучения мусульманских сект, связанного с большими трудностями. Эти пожелания, однако, не были повторены в постановлении Конференции.

В отчетах Березина о его путешествии[4] находятся, напр., некоторые замечания о памятниках прошлого, представляющие несомненный интерес

---

[1] ЖМНП, ч. 46, отд. IV, стр. 23.

[2] Прот. Совета, IV, 110.

[3] Матер. для истор. Фак. Вост. Яз., IV, 64.

[4] Маршрут: Астрахань-Дербент-Баку-Ленкоран-Ардебиль-Тавриз-Тегеран-Исфаган-Шираз-Бендер-Бушир-Басра-Багдад-Мосуль-Диарбекир-Алеппо-Антиохия-Лаодикея-Триполи-Бейрут-Сидон-Тир-Акра-Яффа-Иерусалим-Назарет-Дамаск-Баальбек-Бейрут-Александрия-Каир-Смирна-Константинополь-Одесса-Крым-Петербург.

не только для своего времени и свидетельствующие не только о наблюдательности, но и о разносторонности дарований молодого ученого. Таково его замечание об ахеменидской клинописи, как об «исключительной принадлежности двора».[1] Столь же любопытны его слова о развалинах Рейя, как о памятнике исключительно мусульманской эпохи,[2] между тем как не только его предшественник Кер-Портер ставит вопрос, через какие ворота мог войти в Рей «небесный посланец книги Товита», но и современный иранист Джексон[3] ставит тот же вопрос о Дарии Кодоманне и без достаточных оснований видит в сырцовых кирпичах существующих теперь валов признаки до-мусульманского происхождения. Столь же мало устарело, к сожалению, замечание Березина[4] о мусульманской персидской архитектуре, как о «предмете высокого любопытства и до сих пор не обращавшем на себя надлежащего внимания». Известно, что недостаточное внимание к памятникам мусульманской архитектуры, под влиянием чрезмерного увлечения древностью и в особенности раскопками, отмечалось и в XX веке.[5]

II.

Последствием путешествия Березина, кроме научных отчетов,[6] были: популярное описание части путешествия (до северной Персии включительно) и большое число очерков и статей,[7] посвященных отдельным местностям, народностям, религиозным верованиям и т. п. Эти статьи доставили автору известность писателя с несомненным литературным талантом, что не раз отмечалось и специалистами-учеными,[8] но, рассчитанные на широкий круг читателей, они скорее могут быть названы произведениями публицистической литературы, чем произведениями литературы научной, хотя бы популярной. Из них более всего относится к области истории статья «Восточные реформаторы», посвященная средневековым исмаилитам (ассасинам);[9] но и на этой статье заметно влияние взглядов автора

---

[1] ЖМНП, ч. 46, отд. IV, стр. 41.

[2] Ibid., 40.

[3] A. V. W. Jackson, Persia past and present, New-York — London 1906, p. 434. Там же цитата из Ker Porter, Travels in Persia (Lond. 1821—22).

[4] ЖМНП, ч. 46, отд. IV, 44.

[5] В. Бартольд, История изуч. Востока [2], 147.

[6] ЖМНП, ч. 46, IV, 23—50; ч. 48, отд. IV, 19—28.

[7] Ср. перечень их у В. В. Григорьева, СПБ. Университет, СПБ., 1870, примеч., стр. 67 и сл.

[8] Отзыв Григорьева, цит. соч., 266; сравнение «с лучшими произведениями Морьера и Сенковского».

[9] Современник, т. 65 (1857), отд. II, стр. 93—122.

на современный ему Восток. Как знаток Востока и ученый, понимавший, что «дело веков поправлять нелегко», Березин не мог не относиться отрицательно к ходячим фразам и поверхностным суждениям о пробуждении и близком обновлении восточных народов и государств; но, несмотря на свое личное знакомство с Востоком, он был не чужд противоположного заблуждения ученых теоретиков, склонных преувеличивать силу инерции прошлого и на основании принципа «так было и так будет» видящих в прошлом ключ к объяснению всех вопросов, связанных с будущим. Заблуждения такого рода отмечались не только в среде ориенталистов. В 1912 г. в органе немецких студенческих исторических обществ[1] был отмечен интересный факт, что события, связанные с объединением Италии, были верно предсказаны людьми, далекими от исторической науки, как Лассаль, и совершенно опровергли предсказания таких ученых историков, как Раумер и Лебель (Loebell). Последний еще 31 марта 1859 г. доказывал, перед многочисленной и внимательной аудиториею в Дюссельдорфе, что создание единой Италии — сумасбродная мечта, опровергаемая двухтысячелетней историей Апеннинского полуострова.

Историков-ориенталистов часто вводило в заблуждение неверное или, во всяком случае, одностороннее представление о коренном различии между психикой народов Востока и психикой народов Запада. В статье «Восточные реформаторы», где исмаилизм рассматривается только как неудачная попытка религиозной реформы, автор говорит, что «восточный человек отодвигает жизненные вопросы на второй план и больше стремится к миру невидимому, в постепенном соприкосновении с которым держат его и предания отцов и местная литература». Даже в те годы такого мнения о «восточном человеке» придерживались не все ориенталисты. В отзыве доцента Л. З. Будагова о диссертации Л. Лазарева: «Разбор поэмы Мухаммеда Фузули Лейлэ-ве-Меджнун»,[2] представленной в факультет в 1861 г., рецензент решительно отвергает «заключительное мнение» автора диссертации, будто «восточный человек живет, так сказать, в сфере фантазии и мало думает об окружающем мире». По мнению рецензента, «все перевороты в судьбах восточных государств представляют картину беспрерывного волнения страстей, прямо касающихся интересов окружающей обстановки, следовательно и мира. Восточный человек, точно так же, как и европейский, стремится к возможно большему пользованию благами земного счастия».

---

[1] Mitteilungen des Leuchtenburg-Bundes Historischer Vereine an Deutschen Hochschulen.

[2] Дела Фак. Вост. Яз., 1861 г., № 4.

Для Березина Восток представлял «иной мир», как озаглавлена его статья о Бендер-Бушире;[1] в своих суждениях о прошлом, настоящем и будущем этого мира он исходил не из реальных фактов жизни, но из теоретических предписаний религии. С этой точки зрения написана его статья «Мусульманская религия в отношении к образованности», напечатанная в 1855 г.[2] Поставленный в заглавии вопрос решается в неблагоприятном смысле, не на основании исторических фактов, но на основании стихов Корана и изречений, приписанных Мухаммеду, который везде называется «лжеучителем». В конце статьи высказывается едва ли вполне состоятельное мнение, что «Ассирия и Персия были образованнее нынешних мусульманских держав», так что «вопреки историческому совершенствованию, ислам, всегдашний анахронизм, отодвигает человечество назад». Автор как бы забывает, что то же самое мог бы сказать с бо́льшим правом о христианстве наблюдатель IX или X веков, сопоставляя жизнь современного ему христианского мира с жизнью языческой Римской империи.

На статье Березина об исламе, как и на статье его «Современная Турция»,[3] могли отразиться обстоятельства, связанные с Крымской войной; но такое же мнение об исламе и его влиянии высказывалось Березиным впоследствии. В «Очерке внутреннего устройства улуса Джучиева» (1863) он замечает, что в Золотой Орде «на ряду с исламом идет и оседлость, возникают большие города, но с введением этой религии является также множество условий, задерживающих общественное развитие, так что упадок Орды настает раньше появления в ней умственного движения».[4] В биографии Казем-Бека[5] (1870) он находит нужным особо отметить, что Казем-Бек «даже ислам не считал препятствием цивилизации, о чем он заявил в предисловии к последнему своему сочинению о бабидах», где Казем-Бек свое положение, что ислам «не может быть преградой цивилизации», подкрепляет ссылкой на факт, что «во времена аббасидов все просвещение греков было перенесено в столицу ислама; оттуда, по берегу Африки и через Испанию, сушею и морем, войной или торговлей, все отрасли наук и искусств сообщены Европе».[6]

С другой стороны, и в работах Березина, написанных в годы Крымской войны, встречаются попытки объяснить исторические факты более

---

1 Русский Вестник, IX, 201—231.
2 Отечеств. Записки, т. 98, отд. II.
3 Отечеств. Записки, т. 104 (1856).
4 Очерк, стр. 96 и сл.
5 Протоколы СПБ. Унив., № 4, стр. 126 и сл.
6 Казем-Бек, Баб и Бабиды. СПБ., 1865.

реальными причинами; однако, и в этих попытках едва ли можно найти следы действительного изучения фактов по первоисточникам. Таково, напр., мнение о последствиях завоевания турками Византии. По словам Березина,[1] «застав Византийскую империю во времена почти общего упадка нравственности, кочевая орда завоевателей, по преданию от первых воителей ислама, не могла возыметь особенного почтения к истинной религии, представители которой перед глазами мусульман были так слабодушны и развращены; очень естественно, что свежее, здоровое племя воителей поверило своему мусульманскому превосходству и только в исламе видело спасение». Едва ли уровень нравственности в Византии XV в. был ниже, чем в культурных мусульманских странах того же периода, напр., в Египте и Персии. Та доля правды, которая заключается в словах Березина, объясняется скорее догадками талантливого ученого, чем его знакомством с историей.

III.

Многочисленные статьи и рецензии, напечатанные Березиным в 40-х, 50-х и 60-х годах, свидетельствуют о широте его образования и его научных интересов, выходивших далеко за пределы мусульманского мира. По поводу выхода в свет санскритской антологии П. Я. Петрова он дает очерк успехов санскритоведения в Европе со времени Вильсона.[2] Вопрос о так называемом обновлении Востока ставится им и решается в отрицательном смысле не только в применении к мусульманскому миру, но и в применении к Китаю, в двух статьях о Китае и отношениях его к Европе.[3] В «Буддизме» Васильева он видел некоторое увлечение северным буддизмом в ущерб южному; в рецензии на тот же труд[4] он ставит вопрос об исторических заслугах буддизма, сопоставляя его с исламом. В согласии со своим общим мировоззрением, Березин видит заслуги буддизма перед человечеством в том, что буддизм спас те страны, где получил распространение, «от множества кровавых столкновений, какие внес ислам в западную Азию». Березину не мог быть известен факт, что тибетцы выступили в роли завоевателей именно после принятия буддизма и что, вопреки основному характеру обеих религий, буддизм в новейшее время распространялся в Забайкалье посредством применения грубого насилия,[5] тогда как успехи ислама

[1] Статья «Православные и другие христианские церкви в Турции» (из «Библиотеки для чтения», т. 133, отд. III), стр. 1 и сл.

[2] ЖМНП, ч. 54 (1847), отд. VI, стр. 229—236.

[3] Современник, т. 72 (1858).

[4] Отечеств. Записки, т. 113 (1858), Крит. - биогр. листок, стр. 104—121.

[5] ЗВО, I, 171.

в ту же эпоху в киргизских степях были достигнуты исключительно средствами культурной борьбы. Для истории русского востоковедения характерно, что в то время, как специалист по изучению мусульманских народов отдавал предпочтение, по крайней мере в некоторых отношениях, буддизму перед исламом, специалист по буддизму говорил о вытеснении буддизма «со стороны Запада более чистым магометанством» и находил, что «не религиям Востока вытеснить жар, поселенный в сердцах идеями Запада».[1]

О широком общем образовании Березина свидетельствует, напр., его рецензия на I том «Землеведения» Риттера в переводе П. П. Семенова.[2] Признавая заслуги Риттера, но не разделяя «исключительного энтузиазма» его поклонников, рецензент находит, что «основания новейшей науки землеведения уже лежали в «Идеях Геерена». Факт, отмеченный Березиным, повидимому, не обратил на себя внимания других ученых, писавших о Риттере; между тем автор книги «Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der Alten Welt» действительно, во многом предвосхитил идеи великого географа. Уже им были сделаны некоторые замечания, ставшие, после Риттера, общепризнанным достоянием географической науки, как мысль о принадлежности арабского полуострова, по его физической природе, скорее к Африке, чем к Азии. Иногда Heeren'у успешнее, чем Риттеру, удавалось предсказывать будущее.[3]

Широким и разносторонним образованием Березина объясняется и тот интерес, который он проявлял к вопросам, касавшимся жизни русской высшей школы и повышения образовательного уровня русского общества. Уже в Казани Березин с 1852 г. был редактором официальных губернских ведомостей; по словам казанского биографа Березина,[4] этот орган переживал при Березине, как и при его предшественнике Артемьеве, «цветущую пору» своего существования. После переезда в Петербург Березин вполне проникся идеями конца 50-х и начала 60-х годов; в духе этих идей написано им в 1858 г. письмо из Парижа, цели его первой поездки в западную Европу, где яркими красками изображается оскорбительное отношение второй империи, несмотря не внешнее покровительство науке, к достоинству ученых.[5] Столь же интересна и характерна статья[6]

---

[1] ИАН, 1918, 556.
[2] ЖМНП, ч. 91, отд. III, 43—55.
[3] В. Бартольд, История изучения Востока [2], 158.
[4] Биограф. словарь проф. и препод. Казанск. Унив., ч. I, Казань, 1904, стр. 220.
[5] Русский Вестник, т. 17, современн. летоп., 109—119.
[6] Библиотека для чтения, 1865, №№ 3 и 4.

о центрах науки в Европе, составленная в 1865 г. по отчетам лиц, отправленных министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. В этой статье рассматривается научная жизнь в двух ее важнейших центрах, в Берлине и Париже, и вообще в Германии и Франции. Отмечается важность хранения в Германии университетских традиций; разбираются мнения отдельных выдающихся ученых, напр., мнение Ранке о реформации, как событии, заложившем «будущие семена нового общества». Березин находит, что реформация имела такое значение для жизни Германии, но что в жизни человечества вообще еще больше значения имела французская революция.

Вполне естественно, что Березин в те годы принимал более деятельное участие в жизни Петербургского Университета и вообще петербургского общества, чем другие профессора восточного факультета. В дневнике А. В. Никитенко под 16 окт. 1857 г.[1] есть запись о вечере у Березина, где Никитенко был радушно встречен многими из университетских товарищей и литераторов. В том же дневнике Никитенко отмечает свою встречу и свои совместные прогулки с Березиным летом 1861 г. в Либаве.[2] С 1860 по 1863 гг. Березин был членом, в 1861—62 гг. казначеем литературного фонда. В 1863 г. он был единственным из членов факультета, принимавшим участие в трудах ученого комитета по составлению нового университетского устава, и в том же году, после введения устава, был избран университетским судьей.

С влиятельным положением Березина в Университете и в обществе связано предприятие, доставившее ему наиболее широкую известность — издание Русского Энциклопедического Словаря. С 1861 по 1863 гг. он был редактором отдела истории и литературы Востока «Энциклопедического Словаря, составленного русскими учеными и литераторами», не доведенного до конца (вышло 5 томов на букву А и один том второго отделения на букву Е; потом предполагалось возвратиться к букве Б). Во главе всего предприятия стоял Краевский; из ориенталистов в нем принимали участие, кроме Березина, Валиханов, Васильев, Коссович, Мухлинский, Патканов, Пашино, Петров, Хвольсон, Чубинов. Березиным, между прочим, были написаны некоторые статьи по истории Персии и персидской литературе, в том числе статья о шахе Аббасе I, где говорится, что правление этого шаха привело «более к минутному величию Персии, чем к прочному ее процветанию», и что шах, «как человек, выросший среди грубых азиатцев, отличался страст-

[1] Русская Старина, т. 67, стр. 371.
[2] Ibid, т. 69, стр. 66 и 70.

ными порывами жестокости». Статья «Азия» составлена Березиным вместе с П. П. Семеновым и Ф. Ф. Брантом.

В 70-х годах Березиным было предпринято и успешно закончено самостоятельное издание «Русского Энциклопедического Словаря». Васильев писал в 1879 г.,[1] накануне окончания «Словаря», что к этому предприятию «теперь обращены взоры всей России». Н. И. Веселовский писал впоследствии в некрологе Березина: «кто же не знал проф. Березина, как издателя Энциклопедического Словаря».[2] По словам Васильева, товарищи Березина боялись за успех дела, «зная, что прежде предпринимавшие такой же труд с большими средствами и, повидимому, с большими надеждами и рекомендациями, не могли довести его и до половины»; теперь до окончания осталось каких нибудь два месяца; «успехом Березина, составляющим его гордость, может гордиться и самый наш Университет». Веселовский также находил, что «предприятие такого издания на склоне лет нельзя не считать очень смелым, а доведение его до конца, при отсутствии помощников и при существующих у нас условиях книжного рынка, по справедливости следует считать подвигом». Мне не известны условия издания словаря и потому я не решаюсь судить о том, насколько справедливы слова об отсутствии помощников и кому, главному редактору или его сотрудникам, издание больше всего было обязано своим успехом. В списке редакторов на первом месте после главного редактора названо имя опытного публициста, будущего сотрудника «Голоса», В. Р. Зотова. Березину удалось привлечь к участию в словаре целый ряд университетских преподавателей, в том числе двенадцать ориенталистов: Васильева, Гиргаса, Захарова, Коссовича, Лерха, Минаева, Петрова, Пещурова, бар. Розена, В. Д. Смирнова, Черняева, Чубинова. Обращает на себя внимание отсутствие в этом списке имен Григорьева и его ученика Н. И. Веселовского; вероятно, это объясняется личными отношениями между Березиным и представителем кафедры истории Востока. Статьи, за редкими исключениями, появлялись без подписи, чем затрудняется определение степени участия в словаре отдельных ученых. Такие статьи, как «Аравия» бар. Розена, «Бухара» и «Мавераннагр» Лерха были шагом вперед не только в популярной литературе и во многих отношениях стояли выше статей по тем же предметам в энциклопедических словарях последующего времени. В общем, однако, в словаре Березина востоковедению отведено меньше места, чем в словаре 60-х годов; так нет статьи об Аббасе I. Березин иногда перепечатывал, но в значительно со-

[1] Протоколы СПБ. Унив., № 21, стр. 98.

[2] Годичный акт СПб. Университета 8 февр. 1897 г., стр. 4.

кращенном виде, свои статьи из прежнего словаря; так статья об Аббасе-мирзе, подписанная в словаре 60-х годов инициалами Березина, со значительными сокращениями вошла в «Русский Энциклопедический Словарь» (где появилась без подписи), при чем некоторые места повторены буквально, напр., слова, что Аббас-мирза «по недостатку образования и слабости характера, не принес большой пользы Персии». Кроме того нельзя не отметить, что статьи словаря, больше всего связанные со специальностью главного редактора, принадлежат к числу самых слабых. О киргиз-кайсаках, киргизах, турецкой литературе, турецких племенах, турецком языке и т. п. сообщаются крайне скудные сведения; еще менее простительно было, даже в 1875 г., называть гуннов «азиатским кочевым народом калмыцкого происхождения».

Успешному окончанию дела, помимо достоинств самого словаря, способствовало, вероятно, и то сочувствие, с которым было встречено предприятие Березина в высоких сферах. Император Александр II подписался на словарь, наследнику-цесаревичу, будущему императору Александру III, словарь был посвящен; издание было одобрено министерством народного просвещения для приобретения библиотеками средних учебных заведений. Была ли эта поддержка достигнута стараниями главного редактора или его сотрудников, мне не известно.

IV.

В записке, представленной в Совет Университета по поводу баллотирования Березина на оставление в должности на ближайшее пятилетие, Васильев старался доказать, что работы, связанные с изданием Словаря, нисколько не ослабили деятельности Березина, как ученого специалиста. Н. И. Веселовский, напротив, доказывал, что «подвиг» издания Словаря «подорвал силы Березина, который после того долго ничего не издавал». В последние два десятилетия жизни Березина мы, действительно, видим почти полное прекращение его деятельности, как преподавателя и как специалиста-ученого. Ежегодно объявлявшиеся им университетские курсы фактически почти не читались; работы, начатые им в лучшие годы, остались незаконченными, в том числе и труд, составляющий его главную заслугу перед исторической наукой — издание и перевод «Истории монголов» Рашид-ад-дина.

Начало работ Березина в области истории монголов, повидимому, связано с его пребыванием в Петербурге, куда он был вызван в 1845 г., после окончания заграничного путешествия; только в следующем году,

после сдачи испытания в Академии Наук и представления пробной работы,[1] он был назначен профессором в Казань. Занимаясь в петербургских библиотеках (непосредственным плодом этих занятий было «Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга»),[2] Березин, помимо собирания материала для турецкой хрестоматии, изучал также источники по истории монголов; повидимому, та же цель имелась им в виду при занятиях, в 1847 г., в московском главном архиве министерства иностранных дел. Из биографических сведений о Березине не видно, приступил ли он к изучению истории монголов по собственному почину или под влиянием петербургских ориенталистов, особенно Френа, не перестававшего обращать внимание на эту научную задачу с тех пор, как она, по его инициативе, была предложена Академией Наук для соискания премии (в 1826 и 1832 гг.).[3]

В Казани Березиным было начато издание «Библиотеки восточных историков», первый том который вышел в 1849 г. Издатель предполагал обнародовать «в подлиннике и переводе сказания восточных писателей о монголах, а также о тюркских и других племенах, обитавших в первобытной России, пополняя эти известия извлечениями из географов мусульманских». В статье о «Внутреннем устройстве Золотой Орды», напечатанной в 1850 г.,[4] Березин выражает надежду, что в его «Библиотеке» будет «постепенно собрано все, что сообщают мусульманские писатели о монголах». В первую очередь было предположено издать и перевести несколько сочинений, которые все, в большей или меньшей степени, были основаны на труде Рашид-ад-дина. Издавать этот последний труд Березин первоначально не предполагал; по его собственным словам,[5] он тогда еще надеялся, что будет доведено до конца издание, предпринятое Катрмером. Предприятие Березина не было единоличным; в нем своим переводом Абулгази принял участие такой ученый, как Г. С. Саблуков, окончивший курс Казанского Университета еще в 1830 г. и в 1844 г. напечатавший «замечательное», как оценивал его Березин в 1850 г.,[6] исследование

---

[1] Предметом ее был грамматический обзор (revue grammaticale) «турецко-татарского» языка (Прот. АН 1846, IV, 47). Для производства испытания Березину и Диттелю была избрана комиссия, в состав которой вошли Френ, Броссе и Дорн (ibid., 1845, XIV, 155).

[2] ЖМНП, в отделе III: ч. 50, стр. 33—48; ч. 54, стр. 33—56; ч. 59, стр. 1—24; ч. 68, стр. 13—48.

[3] Ср. программы этих задач в книге В. Тизенгаузена, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, СПБ., 1884, стр. 554 и сл.

[4] ЖМНП, ч. 68, отд. II, стр. 1—24.

[5] ЖМНП, ч. 79, стр. 223.

[6] Тарханные ярлыки, 45.

о «внутреннем состоянии Кипчакского царства»;[1] к сотрудничеству были привлечены и молодые силы: Д. Банзаров, в то время кандидат Казанского Университета, и Н. И. Ильинский, в то время баккалавр Казанской духовной академии, окончивший в ней курс в 1846 г.

Одновременно с изданием «Библиотеки» Березин обращался к другим источникам по истории Золотой Орды — к ханским ярлыкам и к монетам. Работы Березина о ярлыках относятся к 1850 г.;[2] по ханским ярлыкам составлен и напечатан Березиным в 1850 г. очерк «внутреннего устройства Золотой Орды».[3] Задуманный менее широко, чем работа Саблукова, этот очерк заключает в себе только сведения о званиях, сословиях, чинах, податях и налогах. Березиным было описано собрание монет Казанского Университета[4] (он заведывал этим собранием с 1849 г.); описание считается неудачным,[5] и сам Березин впоследствии писал, что по случаю перевода в Петербург «не успел окончательно обработать этого каталога и должен был издать его, так сказать, вчерне».[6]

Березин дважды, в 1846 и 1852 гг., посетил развалины Булгара на Волге; составленное им описание этих развалин,[7] несомненно, должно быть признано одним из лучших и принесло много пользы при составлении, по случаю четвертого (Казанского) археологического съезда, монографии Шпилевского,[8] посетившего развалины в 1877 г., во время съезда, вместе с В. В. Радловым. Березин предполагал посвятить волжским болгарам целый ряд работ и даже составить «историческое обозрение» этого народа;[9] но вообще в его задачу не входило производство исторических исследований в собственном смысле слова; целью его было только доставление истории того материала, какого она имела право ожидать от филологии и археологии. Даже те из его работ, в которых по заглавию можно было бы предполагать исторические статьи, именно статьи «Первое нашествие монголов на Россию» и «Нашествие Батыя на Россию»,[10] в действительности являются фило-

---

[1] Прибавление к «Саратовским Губернским Ведомостям»; перепечатано в 1895 г. Н. Ф. Катановым в Изв. Общ. арх. Каз. Унив., т. XIII.

[2] Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу, изд. кн. М. А. Оболенским, Каз., 1850.—Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет Гирея, Каз., 1851 (цензурная пометка 1850 г.; ссылка на этот труд есть в напечатанной в 1850 г. статье «Внутреннее устройство Золотой Орды»).

[3] См. выше, стр. 62.

[4] ЖМНП, ч. 87 и 88.

[5] Отзыв Тизенгаузена в трудах III-го междун. съезда ориенталистов, I. 6.

[6] Проток. СПБ. Унив., IV, 113.

[7] Булгар на Волге, Каз., 1853 (первоначально в Учен. Зап. Каз. Унив., 1852).

[8] Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Каз. губ., Каз., 1877.

[9] Булгар на Волге, 3.

[10] ЖМНП, ч. 79 (1853), стр. 221—250; ч. 86 (1855), стр. 79—114.

логическими и заключают в себе главным образом перевод восточного текста, именно текста Рашид-ад-дина. Сделанные переводчиком исторические примечания не свидетельствуют о тщательном изучении литературы предмета; так город Матарха отожествляется, под вопросительным знаком, с Астраханью,[1] хотя тожество Матархи с Тмутораканью было известно еще в XVIII веке Байеру.[2] Статья о битве при Калке прошла в русской исторической литературе едва ли не совсем бесследно; мнение автора о дате битвы было основано на предложенном еще Клапротом неверном толковании часто встречающегося в болгарских надписях выражения جيات جور.[3] В статье о нашествии Батыя выяснено значение облавы, как приема, перенесенного монголами из области охоты в область войны; эти рассуждения Березина использованы в «Истории России» Иловайского.[4]

Изучение Рашид-ад-дина началось для Березина еще в Казани, куда ему была прислана академическая рукопись.[5] Кроме статей о битве при Калке и нашествия Батыя, мы находим перевод главы из Рашид-ад-дина, именно главы о Кераитах, в рецензии Березина на «Землеведение» Риттера в переводе Семенова.[6] В апреле того же 1856 г. в заседании Восточного Отделения Русского Археологического Общества, к которому Березин приписался еще до своего отъезда из Казани, в качестве члена-корреспондента, было заслушано и одобрено представление Березина об издании труда Рашид-ад-дина на средства Отделения. Из представления[7] видно, что в то время был близок к окончанию перевод описания турецко-монгольских племен; этот перевод вышел в свет в 1858 г. и составил 14 том «Записок» Общества или 5 том «Трудов» Отделения; текст вышел тремя годами позже. Впоследствии был издан еще текст и перевод истории Чингиз-хана, разделенный на две части. При печатании предполагалось, что в каждой части текст и перевод будут составлять особые томы; по этому расчету Березину было уплачено вознаграждение, по 200 р. за том; по той же причине Васильев писал в 1879 г., что Березин «приводит к окончанию печатание 6-го тома».[8] При выходе в свет, однако, текст и перевод были соединены каждый раз в один том и составили части трудов Отделения

---

[1] Ibid.. ч. 79, стр. 240.

[2] Карамзин, Ист. Гос. Росс., т. I, прим. 389.

[3] ЖМНП, ч. 79, стр. 249. Ср. Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваши, Каз. 1902, стр. 68, 89 и сл.

[4] Иловайский, История России, ч. II, стр. 375 и 561.

[5] Проток. ОИФ АН 1851, XVII, 166.

[6] См. выше, стр. 58, прим. 2.

[7] Н. И. Веселовский, История Русск. Арх. Общ., СПБ., 1900, 296 и сл.

[8] Проток. СПБ. Унив., № 21, стр. 99.

13-ую, вышедшую в свет в 1868 г., и 15-ую, вышедшую только через 20 лет, в 1888 г. Как мы только что видели, печатание этого тома уже в 1879 г. было близко к окончанию; выход его в свет, как было заявлено в заседании Отделения в октябре 1887 г.,[1] был задержан печатанием составленных В. А. Жуковским указателей к трем томам перевода — «указателя собственных имен» и «указателя слов монгольских и тюркских, приводимых в примечаниях». Еще в 1870 г. в биографии Березина, вошедшей в 2-й том «Histoire des Orientalistes de l'Europe» Дюга,[2] было печатно заявлено, что Березиным переведена вся история Чингиз-хана и его преемников до истории персидских монголов. Перевод некоторых мест из той части этой работы, которую Березин не успел издать, вошел в его докторскую диссертацию, вышедшую в 1863 г.

Я не буду подробно останавливаться на достоинствах и недостатках выполненного Березиным монументального труда. Надежды известного своими историко-географическими работами синолога Бретшнейдера, что труд Березина, благодаря знакомству переводчика с восточно-азиатскими языками, далеко оставит за собой прежние переводы,[3] оправдались только отчасти. Березин не обладал строго-филологической подготовкой, что не могло не отразиться на переводе и примечаниях. Одни и те же собственные имена и термины приводятся и объясняются в различных местах различно;[4] при толковании затруднявших его мест переводчик иногда допускает слишком свободное обращение с текстом. К счастью, несостоятельные с точки зрения филологической критики конъектуры вводятся только в перевод и примечания, но не в самый текст; кто имеет возможность проверять перевод по тексту, может, не прибегая к рукописям, исправлять толкование Березина. Некоторые из таких поправок были предложены или приняты самим Березиным. Так, отмеченная впоследствии Н. И. Веселовским[6] ошибка переводчика, создавшего небывалый чин «букаульного тамговщика» была исправлена еще в 1861 г. самим переводчиком при издании текста,[5] что не помешало «букаульному тамговщику» вновь появиться в 1863 г. в диссертации Березина,[7] откуда он перешел в словарь Будагова и даже, чего не заметил Веселовский,

---

[1] ЗВО, т. II, стр. VI.
[2] G. Dugat, Histoire des Orient. de l'Europe, III, 20.
[3] E. Bretschneider, Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, I, 198.
[4] Ср. пример, приведенный мною в «Туркестане», II, 415, прим. 6.
[5] ЗВО, XXIV, 201 и сл.
[6] Труды Вост. Отд., VII, стр. XI.
[7] Очерк внутр. устройства улуса Джучиева, 60.

в словарь Радлова.[1] Еще легче могли быть введены в заблуждение такими ошибками не-ориенталисты.

Ни в предисловии, ни в примечаниях издателя не выполнены основные требования внешней исторической критики, которые могут быть предъявлены к издателю восточных исторических текстов. Вопрос об отношении Рашид-ад-дина к другим источникам по истории монголов нередко затрагивается, но в крайне неясных и неточных выражениях. Так Березин повторяет несколько раз, что Рашид-ад-дин пользовался китайской историей,[2] в частности, отдельными «китайскими биографиями сподвижников Чингиз-хана».[3] В действительности черты сходства между трудом Рашид ад-дина и китайской историей скорее должны быть объяснены зависимостью от одного и того же первоисточника — монгольского официального предания.[4] В состав последнего входили и приписанные Чингиз-хану изречения, обозначавшиеся турецким термином بیلیك (знание), в переводе Березина «нравоучительные мысли».[5] Эти изречения следует безусловно отличать от ясы, т. е. от получивших силу закона норм обычного права. В своей диссертации[6] Березин только высказывает мнение, что в изречениях Чингиз-хана мы находим «некоторые дополнения к ясе» и что эти изречения, «может быть, также составляли часть ясы монгольского завоевателя». В примечаниях к переводу Рашид-ад-дина он прямо называет те же изречения, без всяких доказательств, статьями ясы,[7] чем потом был введен в заблуждение Васильев.[8]

Что касается языка перевода, то в этом отношении труд Березина обладает большими достоинствами. Как мне сообщил А. Н. Самойлович, из находящихся в Азиатском Музее Академии бумаг Березина можно вывести заключение, что работа по переводу поручалась Березиным другим лицам, но в печатном переводе замечается такое единство стиля, что он вполне может быть признан произведением Березина. Переводчик, очевидно, оставался до конца верен принципу, выраженному в предисловии к I тому «Библиотеки восточных историков», где он говорит о своем старании «представить перевод не только буквальный, но и столько же безыску-

---

[1] Опыт словаря тюркск. наречий, IV, 1803.
[2] Труды Вост. Отд., XV, 158, 160, 163 и др.
[3] Труды Вост. Отд., XIII, 261.
[4] У Березина «Официальная монгольская летопись» (напр., Труды В. О., XIII, 163).
[5] Труды Вост. Отд., XV, 120, ср. перс. текст, 178.
[6] Очерк внутр. устройства улуса Джучиева, стр. 32, 101 и сл.
[7] Труды Вост. Отд., XV, 173 и сл.
[8] ЗВО, IV, 381.

ственный, как и оригинал». Эта цель достигалась им с полным успехом; в этом отношении, как мне известно, высоко ценил перевод Березина такой знаток персидского языка и такой талантливый переводчик, как покойный В. А. Жуковский.

V.

Упомянутая уже несколько раз диссертация «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева», вышедшая в 1863 г.,[1] доставила Березину высшую ученую степень. Главное отличие этого «Очерка» от работы, вышедшей почти под тем же заглавием («Внутреннее устройство Золотой Орды») в 1850 г.,[2] заключается в том, что в «Очерке», кроме ярлыков, приняты во внимание также исторические тексты, особенно труд Рашид-ад-дина. По собственным словам Березина, он «после знакомства с историей монголов Рашид-Эддина» отказался «от некоторых положений» своей первой работы.[3] К сожалению, не всегда эти поправки представляются удачными и обоснованными. Так, Березин отказался[4] от совершенно правильного[5] чтения и перевода выражения ابندر حقّى «гуменная подать»,[6] потому что у Рашид-ад-дина будто бы встречается слово ابندرجق в смысле «повинность». В действительности в тексте Рашид-ад-дина,[7] как в начале 1865 г. писал Григорьеву Ильманский,[8] стоит انقرجاق «седло», что не имеет ничего общего с ابندر حقى ханских ярлыков. Столь же мало обосновано сближение[9] слов قوبور[10] в ярлыке Тимур-Кутлука и قوبجور у Рашид-ад-дина.

Вообще диссертация носит на себе следы крайней спешности, что объясняется теми условиями, в которых она писалась и печаталась. 13 сентября 1863 г. факультет постановил просить Совет Университета об удостоении степени доктора Березина, Васильева, Коссовича и Хвольсона, как лиц, приобревших общую известность учеными трудами;[11] в том же месяце в заседаниях Совета[12] выяснилось отрицательное отношение части профессоров к этому постановлению, что побудило Березина и Васильева доби-

[1] Дата оттиска; входит в состав VIII части «Трудов Вост. Отд.», вышедший в 1864 г.
[2] ЖМНП, ч. 68, отд. II, стр. 1—24.
[3] Очерк, 10.
[4] Очерк, 90.
[5] Потом восстановленного Радловым (ЗВО, III, 34).
[6] Внутр. устройство, 17.
[7] Труды Вост. Отд., VII, 156.
[8] ЗВО, XIII, 038.
[9] Очерк, 91.
[10] Осталось сомнительным и для Радлова, ЗВО, III, 34.
[11] Дела Фак. Вост. Яз.
[12] 16 и 24 сент.; см. дневник Никитенко в Р. Старине, т. 69, стр. 742 и сл.

ваться той же степени путем представления диссертации. В конце ноября обе диссертации были представлены, 10 декабря были написаны отзыв Голстунского о диссертации Березина и отзыв Березина о диссертации Васильева, 15 декабря состоялась защита обеих диссертаций. Естественно, что установление текста и перевод отдельных мест из Рашид-ад-дина в «Очерке» страдают еще более существенными дефектами, чем в других работах Березина. Перевод главы об администрации империи Хубилая представляет иногда шаг назад по сравнению с старыми переводами Клапрота[1] и д'Оссона.[2] Так в обоих старых переводах правильно передана фраза, искаженная до неузнаваемости переводом Березина: «Прежде были там Туда и Зейтун»,[3] где имя «Туда» явилось вместо глагольной формы بوده, а «Зейтун» из названия города обратилось в личное имя. Речь идет о временном переводе в Зейтун провинциальных правительственных учреждений.[4]

О таких филологических промахах, конечно, не может быть двух мнений. Более спорной представляется оценка высказанных в «Очерке» взглядов на исторические события. В одной из своих ранних работ[5] я назвал «Очерк» Березина «прекрасным для того времени исследованием»; Н. И. Веселовский в 1917 г. в рецензии на труд М. Д. Приселкова о ханских ярлыках признал работу Березина «далеко не удовлетворительной», так как в ней не выяснено, «действительно ли существовали в Золотой Орде все те подати, которые перечислялись в ярлыках, и существовали ли все те должности, которые упоминались в этих документах».[6] В частности, Веселовский указывает на невероятность существования в России должности «пардусников». Упрек едва ли вполне справедлив: тот же вопрос был поставлен самим Березиным уже в его работе о ханских ярлыках, при чем он допускал существование некоторых должностей не на деле, а только на бумаге, обратил внимание и на пардусников, указал, по Карамзину, на примеры дарения одним князем другому «барсов, как красивого и редкого зверя», упомянул о том, что пардусники, как и сокольники, были даже у русского духовенства, и выразил мнение, что в этом месте под этими названиями «должно разуметь звероловов, рыболовов и других промышленников».[7]

---

[1] J. A. 1833 (XI), 335—358, 447—470.

[2] Hist. des Mongols, II, 633—640.

[3] Очерк, III.

[4] Ср. текст Рашид-ад-дина в издании Blochet, Gibb. Mem. Ser., XVIII, t. 2, p. 490. Правильный перевод в J. A. 457 и в Hist. des Mongols, II, 638.

[5] ЗВО, X, 106.

[6] ЖМНП, нов. сер., ч. 68, отд. 2, стр. 120.

[7] Тарханные ярлыки, 32.

Каковы бы ни были недостатки «Очерка», некоторые из высказанных Березиным суждений представляются мне и теперь более правильными, чем мнения ученых, писавших после него. Так Радлов в 1891 г.[1] объяснял продолжительную, сравнительно с другими кочевыми империями, жизнь монгольского государства тем, что оно «распалось не на отдельные колена, которые его образовали, а на ряд культурных государств (Китай, Средняя Азия, Персия и т. д.), находившихся под властью потомков Чингиз-хана». Между тем еще Березиным был выяснен факт, что наиболее продолжительное существование было суждено именно тому из монгольских государств, которое более всего сохраняло характер кочевой державы — Золотой Орде.[2]

VI.

Из некоторых примечаний Березина к переводу Рашид-ад-дина видно, что он надеялся не только довести до конца труд издания и перевода, но сверх того еще рассмотреть в особых статьях несколько исторических вопросов, как вопрос о происхождении народа и названия «Монгол»,[3] о походе Чингиз-хана на Запад,[4] о летосчислении у Рашид-ад-дина[5] и т. п. Все это осталось невыполненным, отчасти, вероятно, под влиянием того ослабления интереса Березина к научным вопросам, которое замечается во второй половине 70-х годов. Обращает на себя внимание полное отсутствие имени Березина в списке участников петербургского съезда ориенталистов и в отчетах о заседаниях съезда; между тем Березин оставался летом 1876 г. в Петербурге или в его окрестностях, так как исполнял обязанности декана[6] и должен был заменять, в случае необходимости, ректора.[7] Возможно, что это объясняется теми же причинами личного характера, как отсутствие имени Григорьева в списке сотрудников «Русского Энциклопедического Словаря» (Григорьев был фактически председателем съезда); но характерен факт, что имя Березина, еще в 1849 г. ставшего членом «азиатских обществ в Париже и Лейпциге» и дорожившего этим званием, так как упоминает о нем на заглавном листе I тома «Библиотеки восточных историков», исчезло из списков членов Deutsche Morgenländische Gesell-

---

[1] К вопросу об уйгурах, СПБ., 1893, стр. 75; немецкий подлинник в Kudatku Bilik Theil. I, St.-P. 1891, S. LVI.

[2] Очерк, 21 и сл.

[3] Труды Вост. Отд., XIII, 148 и 194.

[4] Ibid., XV, 171.

[5] Ibid., 173.

[6] Прот. СПБ. Унив., № 14, стр. 65.

[7] Ibid., 79.

schaft еще в 1864 г., из списка членов Société Asiatique в 1877 г. Березин, однако, принимал участие в 1878 г. в IV-м съезде ориенталистов (во Флоренции).[1]

Повидимому, Березин никогда, даже в лучшие годы, не дорожил своей преподавательской деятельностью. Талантливый популяризатор, дороживший внешним успехом, не мог удовлетворяться теми условиями, в которых приходилось и приходится преподавать ориенталистам. В статье о европейских научных центрах[2] он говорит, что «трудно навязать русскому народу сухую, отвлеченную науку, которой дышет германский профессор», что у нас «никому нет охоты читать в пустой аудитории, перед двумя-тремя слушателями». Характерно, что Березиным, за всю его долгую профессорскую деятельность, ни разу не была предложена тема для соискания наград медалями. Не случалось ему, повидимому, вдохновлять чужие труды; мне не известно ни одно имя ученого, который бы печатно назвал Березина своим главным учителем. Повидимому, вполне соответствует истине проведенное в дневнике Никитенко,[3] после диспута 1863 г., сравнение между Березиным и Васильевым. Березин отличался бо́льшим «внешним образованием», Васильев более «любил свой предмет».

Сведения о курсах Березина довольно скудны. В Казани им, по записке Фойгта,[4] читались, кроме ханских ярлыков, только османские тексты; кроме того он читал попеременно «историю тюркских племен, историю турецкой империи и историю турецкой литературы». В Петербурге он, кроме чтения средне-азиатских турецких текстов, читал курс исторического содержания, иногда, судя по экзаменационным программам 1859 г.,[5] посвящавшийся китайским сведениям о турецких народностях до VIII века, иногда, как в обозрении преподавания 1863—64 гг.,[6] заключавший в себе «исторический и этнографический обзор всех нынешних турецких племен в России и в Азии», в качестве «Введения в историю турецкой литературы». Этот обзор иногда назывался «этнографическим обозрением турецких племен», чаще просто «обозрением турецких племен». Так был озаглавлен и курс, прослушанный мною в студенческие годы (около 1890 г.). Из сохранившихся у меня записок видно, что Березин в то время сообщал своим слушателям сведения о трех главных турецких кочевых народах—туркменах,

---

[1] ЖМНП, ч. 201 (1879), отд. IV, стр. 6.

[2] Библ. для чтения, 1865, №№ 3 и 4.

[3] Русская Старина, т. 69, стр. 759.

[4] К. Фойгт, Обозрение хода и успехов преподав. Аз. языков в Каз. Унив., Каз. 1852, стр. 12.

[5] Материалы для истории Фак. Вост.. Яз., I, 347 и сл.

[6] Дела Фак. Вост. Яз.

кара-киргизах и киргиз-казаках. В некоторых местах курс носил на себе явные следы трудов Радлова, нигде, однако, не названных. Подробнее всего излагались меры, принимавшиеся русским правительством для умиротворения киргизских степей от Петра I до 1860-х годов. Подобно Радлову,[1] Березин не одобрял политики генерал-губернатора Катенина (1857—1860), направленной к насаждению в степи хлебопашества в ущерб скотоводству, и находил сохранение степного скотоводства гораздо более выгодным и необходимым для России.

Как отмечено в некрологе Березина, составленном Н. И. Веселовским,[2] Березин «в последнее время снова стал думать об ученых работах и отчасти осуществил их». Речь может итти только об издании в 1890 г. последних выпусков «Турецкой хрестоматии»; к историческим вопросам, интересовавшим его прежде, Березин уже не возвращался. Желание престарелого ученого еще чем нибудь проявить себя в науке возникло, повидимому, в связи с пятидесятилетием его деятельности, праздновавшимся 7 января 1890 г. Петербургский Университет еще в декабре 1889 г. избрал Березина своим почетным членом. Своим поздравителям юбиляр сказал речь, в которой, как говорят, несколько неумеренно прославлял свои заслуги. В речи, сказанной нам, студентам, когда мы при входе его в аудиторию, в первый раз после юбилея, встретили его аплодисментами, Березин выразил убеждение, что ему удастся еще кое-что сделать для науки. Для славы и спокойствия престарелого профессора было только выгодно, что его намерение не осуществилось и что предполагаемые работы, на которых неизбежно отразились бы его преклонные годы и отсталость от науки, не явились в свет.

Березину сравнительно редко приходилось при жизни подвергаться нападкам критики; большею частью такие нападки не шли дальше частных разговоров и писем; некоторые из них, из переписки Григорьева,[3] были опубликованы после его смерти. Отношение самого Березина к трудам товарищей по науке, по крайней мере в лучшие годы, было чуждо мелочного тщеславия. В 1863 г. он выражал надежду, что места ханских ярлыков, оставшихся «сомнительными или темными» после его собственных работ, «объяснятся удовлетворительно при ожидаемом издании крымских дипломатических актов С.-Петербургскою Академиею Наук».[4] В 1863 г. он вместе с Григорьевым подписал представление о возведении издателя этих актов, В. В. Вельяминова-Зернова, в степень доктора.

[1] Aus Sibirien, I, 523.
[2] Годичный акт 8 февр. 1897 г., стр. 4.
[3] Ср. ЗВО, XIII, 138.
[4] Очерк, 9.

Заслуги того поколения ориенталистов, к которому принадлежит Березин, определяются не столько выполнением, сколько постановкой научных задач, и в этом отношении ученый, понявший, что «на русских ориенталистах лежит обязанность разъяснения» монгольского периода русской истории,[1] и не только словом, но и делом доказавший сознание этой обязанности, издатель «Библиотеки восточных историков» и труда Рашид-ад-дина, имеет полное право на благодарность потомства.

В. Бартольд.

---

[1] Труды Вост. Отд. Арх. Общ., V, предисл., стр. V.

Записки Коллегии Востоковедов, II.
Mémoires du Comité des Orientalistes.

Одна из испано-арабских проблем.[1]

I

Таких проблем очень много. Мы находим их и в области литературы, и в области философской мысли или искусства. Весь уклад старинной испанской культуры указывает на арабское творчество, как на один из своих ближайших источников. Одна из таких проблем касается арабского романа XII в., который недавно стал доступен и русскому читателю по переводу покойного И. П. Кузьмина.[2] Указанной проблемой интересовался и наш переводчик, но, конечно, не он первый поставил ее. Среди испанских моралистов, весьма близких к изящной словесности, нужно числить автора популярного романа «El Criticon», у которого в свое время был весьма большой круг читателей. Этот автор Baltasar Gracian (1601–1658), священник и член знаменитого ордена, основанного Игн. Лойолой. В состав «El Criticon» входит эпизод, источник которого, как думают, надо искать у упомянутого выше Ибн-Туфейля. Проблема о связях испанского автора с арабским особенно отчетливо была формулирована покойным M. Menéndez y Pelayo (1856—1912), самым крупным испанским филологом недавних времен. Научный авторитет M. Menéndez y Pelayo был велик и, конечно, заслужен. Начитанность его была поразительна. Он знал, между прочим, и русскую литературу. Из его школы вышло не мало славных ученых — филологов и историков литературы. Словом, то был magister, jurare in verba которого представлялось каждому и законным и желательным.

---

[1] [Посмертная статья: автор скончался 2 мая 1925 года].

[2] Всемирная Литература. Ибн-Туфейль. Роман о Хайе, сыне Якзана. Перевод Ив Кузьмина под ред. И. Ю. Крачковского. Петербург, 1920, 108 стр. in 8⁰.

Однако, восточные языки были чужды M. Menéndez y Pelayo; арабский, который всего более мог ему пригодиться, он также не знал. Понятно, что полной ясности относительно нашей проблемы (B. Gracian — Ибн-Туфейль) M. Menéndez y Pelayo достичь не мог. Однако, спорить с таким заслуженным и авторитетным знатоком литературы представлялось не лишенным риска, и вот почему формулировка нашей проблемы, данная M. Menéndez y Pelayo, принята была и другими учеными, среди которых и наш переводчик. В 1900 г. в «Colección de estudios árabes» была напечатана статья M. Menéndez y Pelayo, предпосланная испанскому переводу романа Ибн-Туфейля, который был исполнен безвременно скончавшимся арабистом Francisco Pons-Boigues.[1] На страницах XLVI и сл. своей статьи M. Menéndez y Pelayo ставит вопрос о зависимости испанского моралиста от Ибн-Туфейля. Зависимость эта была. Мало того. Было бы чудом, как думает M. Menéndez y Pelayo, если бы таковой зависимости не оказалось. Пришлось бы допустить, что B. Gracian вторично «выдумал» то, что уже было создано однажды арабом. Так велико сходство этих двух романов, наблюдаемое в одном из их эпизодов. Конечно, M. Menéndez y Pelayo можно было бы возразить, сказав, что автор «El Criticon» по арабски едва ли знал, и что его роман вышел раньше латинского перевода Ибн-Туфейля. Но, повидимому, в этих и схожих аргументах для славного испанского ученого не было полной доказательности. Не подчинился ли и он мысли, которая вообще играет видную роль в трудах испанских ученых, мысли о том, будто существует единая, непрерывно развивающаяся испанская литература, чуть ли не со времен римлян и до наших дней? Этот историко-литературный мираж, в котором есть, конечно, доза правды, без многочисленных оговорок принят быть не может. Пусть и Сенека и Ибн-Туфейль, и Ибн-Хазм были «Испанцами», но сущность их «испанизма» вовсе не та, что у Лопе де Вега, Сервантеса или Кальдерона. Увлекаясь миражем единой испанской литературы, не трудно преувеличивать сходство или указывать его даже в таких случаях, в которых его и не было вовсе. Мы думаем, что и M. Menéndez y Pelayo переходил через край, когда говорил о прямой зависимости «El Criticon» от романа Ибн-Туфейля. С его легкой руки эта мысль перешла и к другим филологам. Правда, ни один из них самостоятельно нашей проблемы не изучал. Каждый в большей или меньшей степени — повторял выводы испанского историка литературы.

---

[1] Colección de Estudios árabes, т. V, Zaragoza, 1900. El Filósofo autodidacto de Abentofail, novela psicológica traducida directamente del árabe por D. Francisco Pons-Boigues con un prólogo de Menéndez y Pelayo.

Это мы видим и у L. Gauthier,[1] и у И. П. Кузьмина. Правда, у них есть и оговорки, вообще они не так категоричны, как M. Menéndez y Pelayo, но, в общем, они примыкают к нему, на свой страх в проблему не углубляясь. Ничего интересного не дает по этой части и самая новая книга, посвященная автору «El Criticon». Это — небольшой труд британского ученого F. G. Bell, который напечатан в 1921 г.[2] Наша проблема занимает у Bell пять-шесть строк, и сколько-нибудь подробно не разработана. Однако, в противоположность M. Menéndez y Pelayo и его сторонникам, зависимость «El Criticon» от арабского романа представляется F. G. Bell почти неуловимой. Попробуем и мы — в свою очередь — заняться этим любопытным вопросом, но предварительно обратимся к переводу И. П. Кузьмина, послужившему отправной точкой всей нашей работы.

II.

У романа Ибн-Туфейля печальная судьба. Двое из ученых, занимавшихся передачей его на свои языки, скончались в молодых годах. Так было и с испанским филологом Francisco Pons-Boigues, и с русским арабистом, который умер в 1922 г. Правда, Pons-Boigues, помимо перевода Ибн-Туфейля, удалось закончить капитальную работу об испано-арабских историках и географах, но «Ожерелье голубки» Ибн-Хазма издал уже не он, а другой ученый.[3] И. П. Кузьмин погиб на первой ступени своей ученой жизни, унеся в могилу надежды друзей и наставников. И. П. Кузьмин принадлежал к самым младшим членам славной семьи петербургских арабистов, основанной О. И. Сенковским и главным образом — бароном В. Р. Розеном. Главою современных русских арабистов, И. Ю. Крачковским, уже дана краткая характеристика И. П. Кузьмина, в которой он очертил его оригинальный и привлекательный облик.[4] Поэтому мы немедленно перейдем к анализу его перевода.

Прежде всего надо с похвалой подчеркнуть самый выбор текста. Роман Ибн-Туфейля относится к числу очень важных памятников литера-

---

[1] Hayy Ben Iaqdhân, roman philosophique d'Ibn Thofaïl, texte arabe publié d'après un nouveau manuscrit avec les variantes des anciens textes et traduction française par Léon Gauthier, Alger, 1900. Его же, Ibn-Thofaïl, sa vie, ses oeuvres, Paris, 1909 = Publications de l'Ecole des lettres d'Alger, Bulletin de correspondance française, tome XLII.

[2] The hispanic Society of America. Baltasar Gracian by Aubry F. G. Bell (= Hispanic Notes and Monographs III, Oxford, 1921), стр. 59.

[3] Fr. Pons-Boigues, Historiadores y geógrafos arabigo-españoles, 1898. См. еще его статью Dos obras importantisimos de Aben Hazam — Homenaje á Menéndez y Pelayo, т. I, стр. 509—523. M. 1899.

[4] См. Восток, № 2, стр. 164.

туры. Он интересен и для философа и для богослова, и для любителя изящной словесности, и просто для историка. Он проникнут благородным духом ищущих правду, стремящихся понять смысл нашей жизни. Если не считать десятка начальных страниц романа, запутанных и стилистически не всегда ясных, да двух-трех подробностей, слишком уже отошедших от современных мыслей и чувств, Ибн-Туфейль вообще доступен и широкому кругу читателей, заслуживает быть распространенным и среди друзей глубокой внутренней жизни, друзей духовной свободы. Ибн-Туфейль писал прозой, и притом не ритмической, что опять-таки облегчает его передачу на иностранный язык. Неудивительно поэтому, что с 1671 г., когда Покок издал подлинник, сопроводив его латинским переводом, и вплоть до наших дней тянется длинный ряд переводов его на различные языки. Часть их относится к XVII—XVIII вв.; часть же—и притом значительная—исполнена очень недавно.[1] Особо удачным представляется нам перевод алжирского профессора Léon Gauthier, которому принадлежит небольшая, но содержательная работа о жизни и трудах Ибн-Туфейля. Называем работы Léon Gauthier не только в виду их выдающихся достоинств, но еще и потому, что книги эти, во многом, оказались полезными и нашему переводчику. На ближайших страницах мы и попробуем сравнить переводы Léon Gauthier и И. П. Кузьмина, приняв в расчет также и перевод Fr. Pons-Boigues, особенно интересный, потому что ему и предпослана статья M. Menéndez y Pelayo, в которой поставлена проблема «Ибн-Туфейль — Baltasar Gracian». Внимательно сличив эти три перевода, а также сопоставив их с арабским текстом, мы не можем отдать пальму первенства которому-либо из переводчиков. Они в равной степени удовлетворительны, и не знающего по арабски достаточно хорошо знакомят с подлинником. Конечно, нам, как русскому, чаще бросались в глаза недочеты русского же перевода И. П. Кузьмина, но этот личный момент не может исказить окончательного приговора. Мы сказали уже, что иногда И. П. Кузьмин пользовался переводом Léon Gauthier; конечно, знал он и работу Pons-Boigues. Но, говоря так, мы не хотим возбудить хотя бы отдаленной мысли о несамостоятельности И. П. Кузьмина, как переводчика; напротив, его перевод — работа самостоятельная, что мы сейчас же и обнаружим. Порою, и в трудных и в легких эпизодах романа, И. П. Кузьмин существенно расходится и с французом и с испанцем. В таких случаях мы сами иной раз отдали бы преимущество нашему переводчику; иной же раз, как нам кажется, иностранцы выразились лучше. Перевод испанского ученого также очень хорош; выполнен плавным, изящ-

---

[1] Переводы перечислены в издании Léon Gauthier, стр. VIII и след.

ным языком и — в иных случаях — через добавку пояснительных слов обладает бóльшей вразумительностью, нежели подлинник. Испанская проза вообще очень пригодна для переводов и, может быть, мы не ошибемся, если художественную прелесть испанского перевода поставим особенно высоко.

Самые грубые промахи любого переводчика зависят от того, что он мало знает язык, с которого переводит. Тогда мы говорим: переведено неправильно. Второй промах есть перевод не точный, иногда потому, что буквальный, иногда же потому, что недостаточно тонко передает сущность мысли или образов подлинника. Тут причиною промаха является не только то, что переводчик не достаточно знает иностранный язык; гораздо чаще в таких случаях ему плохо повинуется свой собственный. Переводчик, если позволительно так выразиться, не видит отчетливо ни своего, ни чужого слова. Припомним афоризм покойного В. Р. Розена: «перевод буквальный не есть перевод точный». Этот афоризм направлен на ту сторону работы переводчика, из-за которой перевод прозы затруднителен, а перевод стихов иногда невозможен. Есть и еще промахи, которые можно назвать стилистическими. Таковы неясность образов, малое изящество фразы, запутанность и т. д. Наконец, у каждого переводчика бывают пропуски или прибавки, которые зависят от мимолетной слабости его мысли во время самого процесса перевода. Перечисленные промахи есть у каждого из наших переводчиков, при чем, повторяем, они невольно больше бросились нам в глаза, когда мы читали перевод И. П. Кузьмина. Конечно, мы охотно допускаем, что и наша статистика не свободна от ошибок, да сверх того, неясность, неточность, малое изящество и т. д. — все это весьма относительно. Что касается переводов Léon Gauthier и Pons-Boigues, то мы не возьмемся судить, насколько изящен их стиль, насколько он близок духу их языков. Но у них есть недостатки, которые не ускользнут и от иностранца.

Как же будет гласить окончательный приговор наш об изучаемых переводах? Мы уже высказали его раньше. Каждый из них удовлетворителен, каждый есть плод внимательной, любовной работы. Переводчики отлично усвоили язык подлинника; слушается их и родное слово. Ни на одном из них не оправдалась старая пословица: traduttore — traditore. Высоко ставя достоинства перевода И. П. Кузьмина, не нужно забывать ни об ужасах современной русской жизни, ни о молодости переводчика, который погиб от самой жалкой случайности. Когда пишешь эти строки, в душу опять закрадывается та жгучая скорбь, которая охватила друзей и знакомых покойного, когда они пришли в маленькую часовню Бронницкой

общины, в которой лежали бездыханные останки юноши, так хорошо усвоившего трудный язык арабов и так искусно передававшего их по-русски. Скорбь их смягчалась только словами того же Ибн-Туфейля, понятными каждому, кто и в наше жестокое время не забыл высших начал жизни.[1]

III.

Своему переводу И. П. Кузьмин предпослал небольшую статью о жизни и трудах Ибн-Туфейля. В общем она не вызывает на существенную критику. Есть, правда, в ней два-три маленьких недочета. Так не «один из морисков», героев романа Э. Ларетта «La gloria de don Ramiro», упоминает имя Ибн-Туфейля; упоминает его Аиша, возлюбленная Рамиро.[2] Недоказанным остается и домысел И. П. Кузьмина, что «эстетика Ибн-Туфейля мистична и, может быть, эротична».[3] Мы, со своей стороны, никакой эротики у Ибн-Туфейля не видим. Но все это, конечно, мелочи. На этом мы могли бы и остановиться и предоставить каждому читателю, желающему ближе ознакомиться с романом Ибн-Туфейля, обратиться прямо к самому переводу. Но, как уже сказано выше, и наш переводчик среди книг, так или иначе связанных с Ибн-Туфейлем, упоминает «El Criticon». Правда, говорит он об этом весьма осторожно, но и его слова допускают мысль о реальности проблемы. Позволительно поэтому еще раз проанализировать роман Ибн-Туфейля, поскольку он напоминает «El Criticon». Роман, героя которого зовут Хай, сын Якзана, не был единственным трудом, вышедшим из под пера его автора. Ибн-Туфейль писал стихи, которые дошли до нас в ничтожных отрывках;[4] писал книги по вопросам медицины, но и эти книги не сохранились. Погибла также медицинская переписка Ибн-Туфейля с Ибн-Рошдом. Ибн-Туфейль был очень начитан в области богословской и особенно философской литературы, что видно и из нашего романа. Вся эта ученость снискала ему любовь и дружбу альмохадских халифов Абдульмумина (1130—1163) и Юсуфа (1163—1184), двор которых он долго украшал, занимая должности секретаря, врача и даже первого визиря. Свою жизнь он проводил то в городах Андалуса, то

---

[1] The history of the Almohades by Abdo-'l-Wáhid-al-Marrékoshi edited by R. Dozy, Leiden, 1881, стр. 174:

نُورٌ تردَّد فى طينٍ الى أجلٍ * فانحاز علوًا و خلّى الطين للكفنِ

[2] См. И. П. Кузьмин, стр. 23 и текст исп. романа по изд. М., 1908, 137—139.

[3] См. И. П. Кузьмин, стр. 120.

[4] См. издание Абдульвахида Марракеши, стр. 173—4.

в Марокко; там он и скончался в 1185 г.[1] Историк Альмохадов, Абдульвахид Марракеши, говорит, что Ибн-Туфейль был красою своего времени, блистая одинаково и природными дарами и ученостью, которую добыл сам.[2] Роман его не велик, написан, вообще, простым и ясным языком. Однако, малое количество страниц не препятствует автору коснуться основных вопросов жизни и мысли. Интересен этот роман и для историка культуры, ибо рисует взгляды арабов XII в. на то, что теперь назвали бы первобытною жизнью. Есть в нем и художественная прелесть. Возможно, что один из элементов фабулы, а именно третью часть романа, Ибн-Туфейль заимствовал у Ибн-Сины (Авиценны), который, в свою очередь, едва ли не почерпнул его из греческих источников.[3] Роман состоит из 4 частей. Первая — вводная, в которой автор, исполняя просьбу одного из своих друзей, стремившегося проникнуть в тайны мистики, трактует о двух путях науки — интуитивном и разумном. Оба они ведут в царство высшей истины. Но истина, познанная первым, не выражена словами, и потому приходится идти по второму. Чтобы познакомить своего друга с результатами, добываемыми на пути дискурсивном или разумном, Ибн-Туфейль передает ему легенду о том, что произошло с Хайем, сыном Якзана, Асалем и Саламаном. Но все-таки друг должен углубляться в мистику, в экстаз, ибо лишь через них можно по настоящему достигнуть высшей истины.[4] Вторая часть — психологическая. Ибн-Туфейль рисует жизнь Хайя, сына Якзана, до того момента, когда судьба свела его с Асалем.[5] Это — самая интересная и наилучше разработанная часть романа. Как именно произошел Хай, автор точно не знает. Об этом думают по разному. Одни — сообщает Ибн-Туфейль — думают, что Хай родился без отца и матери, что родина его — какой-то необитаемый остров вблизи экватора. Согласно данным этой легенды, Хай возник из какой-то мягкой глины длительным химическим процессом, который у Ибн-Туфейля подробно описан. Вторая легенда ведет нас в область сказки. Хай не возник самопроизвольно, из глины; он сын одной принцессы, родина его — богатый, густо населенный остров. Родив мальчика и желая скрыть позор, молодая принцесса положила Хайя в сундучек и бросила в море. Волны принесли сундучек на необитаемый остров. От толчка сундучек открывается и Хай, как богатырь русских сказок, выходит на сво-

---

[1] См. там же стр. 173 и И. П. Кузьмин, стр. 11—12.

[2] См. Абдульвахид Марракеши, стр. 172.

[3] См. И. П. Кузьмин, стр. 16—17. Подробности у Léon Gauthier, Ibn Thofail... стр. 59 и след.

[4] Gauthier, изд. арабск. текста, стр. 1—16.

[5] Gauthier, op. cit., стр. 16—102.

боду. Которая из двух легенд истинна, Ибн-Туфейль разыскивать не станет: пусть читатель выбирает сам. Дальше идет одна и та же новелла, в которой сказочные элементы переплетаются с остроумными психологическими домыслами, яркими картинами природы, переплетаются с глубокомысленной и благородной доктриной. Перед нами изображен ход людской культуры вообще и духовной жизни каждого из нас в частности. На крик младенца приходит газель, недавно потерявшая газеленка, кормит Хайя своим молоком, воспитывает и бережет его, как заботливая мать. Хай растет. Богато одаренный умственными и физическими способностями, Хай внимательно наблюдает все, что вокруг него, научается приготовлять пищу, прикрывать наготу, приручать диких животных, в скалах устраивать дом. И все это совершает Хай, еще не одаренный словом, своего рода Робинзон, который, однако, не говорит. Потом ему приходится узнать, что такое смерть. Умирает газель и Хай задумывается над причиной, которая превратила живое существо в недвижный труп. Он анатомирует сперва газель, а потом и многих других животных, стараясь внутри найти причину их жизни. Постенно он достигает такой опытности по этой части, что ему, по словам автора, мог бы позавидовать любой «натуралист». Он мыслит теперь наше плотское существо, как единый связный состав, одушевляемый животным духом. Покончив с физикой, Хай углубляется в метафизику. Оперируя общепринятыми в ту эпоху принципами формы и вещества, возможности и акта, сущности и акцидента, пользуясь астрономической наукой и т. д. — Ибн-Туфейль мало-по-малу доводит своего Хайя до мысли о том, что космическая жизнь едина, что есть единое верховное существо, слиться с которым и есть задача нашей жизни. Созерцая красу ночного неба, Хай видит, что оно движется, совершает правильные обороты. Подражая ей, он и сам начинает кругообразно вращаться, достигая через это экстаза, который приближает его к верховному существу. Поднявшись на такую высоту духовной жизни, Хай все прочее начинает считать ничтожным и совершенно жалким. За этой прекрасной, психологической частью романа идет третья[1] которую мы назвали бы драматической. Уединенный мудрец, который жил пока погружаясь в бога, принужден будет сблизиться с людьми, попытается открыть им подлинную истину и позвать их за собой в царство высшей правды и добра. Попытка окажется неудачной, ибо люди не созданы для истины и предпочитают идти не тернистым путем философской мудрости, а тою проторенной дорогой, которую издревле бог открыл благочестивым людям. На остров Хайя попадает Асаль, муж

---

[1] Gauthier, op. cit., стр. 102—116.

праведный, искренне преданный Исламу. Он считает остров Хайя необитаемым и хочет покончить на нем свои дни, предаваясь посту, молитвам и другим аскетическим подвигам. Мастерски, во многом предупреждая Дефое,[1] описывает Ибн-Туфейль, как сошлись два отшельника, как они изумились увидя друг друга, как постепенно познакомились, и, наконец, подружились. Асаль выучивает Хайя языку, а сам узнает от нового друга его возвышенную доктрину. Для него становится ясным, что философская наука и Ислам совпадают, что первая только глубже и тверже обосновывает истинность второго. Со своей стороны и Хай признает тожество своей доктрины и Ислама, признает Мухаммеда посланником бога. Однако, Ислам представляется Хайю все-же не столь совершенным способом излагать истину, как наука. К чему эти басни и притчи, которыми постоянно пользуется Мухаммед? Почему не сообщить людям истины без всякого покрова? Друзья и попытаются познакомить людей с подлинной истиной. Они отправляются на остров, на котором царит добрый Саламан. Но увы! Людям не до философской истины. Они заняты только одним: добывать и добывать богатства. Они не способны понять подлинной истины. Та форма истины, которую излагает священная книга Мухаммеда, и есть единственно доступная их убогому уму. Пророки и начальные учителя элементарных истин морали им необходимы. Испытав неудачу, Хай должен покинуть людей. Их пути разные. Он пойдет своим, но пусть и люди не сходят со своего, пусть держатся за Ислам и его откровенную истину. Простившись с людьми, наши друзья возвращаются на свой остров, на котором и живут мирно до самой смерти. Роман Ибн-Туфейля заканчивается просьбой автора не судить его слишком строго за недостатки книги.[2]

Таков сюжет прекрасного романа. Это — труд мудреца, хорошо знакомого с нашей природой, знающего, как ничтожны и слабы люди, но все же сохранившего любовь к ним. Жалко сих людей, мог сказать бы и наш автор. Для счастья людям не нужно знать высшей истины. Она доступна только немногим, понимающим, что философ и праведник, друг бога, учат одному и тому же. Результаты, достигаемые на том и на другом пути, таким образом, одинаковы, но все-таки, повидимому, Ибн-Туфейль путь философской мысли предпочитает путям Ислама, который для него есть лишь уступка нашей слабости. Абдульвахид Марракеши прав, когда говорит, что Ибн-Туфейль написал свой роман, дабы «изложить

[1] См. И. П. Кузьмин, стр. 99 и след.
[2] Gauthier, стр. 116—119.

начало рода людского, согласно доктринам натур-философов».[1] Но не так легко примкнуть к нему, когда от утверждает, что Ибн-Туфейль стремился согласить разум и Ислам. Если судить по роману, то таким согласителем Ибн-Туфейлю стать не удалось.

IV.

Итак людям не дано созерцать чистую истину. И вообще они довольно жалки и ничтожны. Таковы печальные выводы Ибн-Туфейля. Тот же пессимизм, но уже вовсе мрачный и непримиримый, найдем мы у автора «El Criticon». Baltasar Gracian — писатель весьма интересный. Начать хотя бы с его языка, в высокой степени своеобразного. B. Gracian лаконичен, любит сравнивать очень отдаленные предметы, любит всякого рода темные обороты, игру словами, вообще, как бы нарочно заостряет и закручивает словесный элемент так, чтобы читателю было не понять. Читать нашего автора затрудняются самые опытные испанисты и, не шутя, можно сказать, что легче понимать Ибн-Туфейля с его арабским языком, нежели испанца, участника нашей же культуры. B. Gracian увлекает широтою и мощью рисуемых картин и образов, иногда гротескных, но за то почти всегда внушительных, напоминающих порою Данте. Волнует читателя и злой юмор, беспощадная сатира, которою наш моралист бичует своих современников. Нравится читателю и оригинальная фантастика «El Criticon», величественная и потрясающая. Так и кажется, что автор видит каждого из нас насквозь, что он задолго до Ницше, с которым его любят сопоставлять, понял всю прелесть «menschliches-allzumenschliches».[2] В тиши монастырской кельи, окруженный книгами, держит наш мудрец суд над тогдашней Европой, суд над своей родиной, грозные признаки упадка которой были уже на лицо. Книга B. Gracian — первоклассный источник для анализа всего того, что называется «испанизмом». Но не взирая на пессимизм, есть у нашего сатирика и неприкосновенная святыня; это — глубокая внутренняя жизнь и к ней он постоянно зовет читателя. Все же остальное для B. Gracian, весь блеск и слава жизни — только прах и суета. Неудивительно поэтому, что и современники, и потомство интересовались этим оригинальным и сильным, хотя и жестоким писателем, этим арагонским Свифтом. Отголоски его идей и образов мы находим и у Ларошфуко и других моралистов, современников Людовика XIV, и у германских «придворных» литера-

---

[1] См. Абдульвахид Марракеши, стр. 173.

[2] См. об этом статью V. Brouillier, Notes sur l'Oráculo Manual de B. Gracian = Bulletin hispanique, 1911, стр. 316—336.

торов XVII в.[1] Наконец, глава и вождь пессимистов новой Европы, Артур Шопенгауэр в 1832 г. перевел «Oráculo manual y arte de prudencia» B. Gracian, в котором изложена самая суть его мрачных дум.[2] Можно с интересом читать B. Gracian и в наши дни. Сперва он немного отталкивает читателя и суровостью взглядов и остротою слов, но когда проникаешь в него глубже, уже не захочешь покинуть его книг, не дочитав до конца. Жаль только, что прелесть и изящество его трудов далеко не идут в уровень с богатством литературы о нем. Opera omnia его издавались не раз, но небрежно, со множеством опечаток, без всякого критического аппарата. Не изучены до сих пор ни стиль, ни язык его. Не составлено словаря к этому оригинальному автору. Также и работы о нем не могут считаться сколько-нибудь окончательными. Baltasar Gracian рядом с другими испанскими моралистами XVI—XVII вв. еще ждет своего историка. Но сейчас и мы не хотим писать подробную характеристику славного автора. Наша задача проще. Мы займемся только «El Criticon», стараясь, по преимуществу, выяснить, насколько допустима зависимость его от романа Ибн-Туфейля. «El Criticon» состоит из 3 частей (Madrid-Huesca, 1650—1653).[3] Как уже сказано — это картина нашей жизни, которая постепенно развертывается перед двумя пилигримами или путниками (pelegrinos del mundo, passageros de la vida).[4] Перед ними и перед читателями открываются три ступени жизни: юность, мужество и старость, три возраста, которые автор уподобляет временам года. Путников зовут Andrenio и Critilo. Имена эти, конечно, полны аллегорического смысла. Andrenio — это сын земли во всей безудержности его страстей и чувств. Не размышляя, не разбирая добра и зла, вреда и пользы, отдается он радостям жизни. На каждой ступени Andrenio изображен рабом страстей, обманутым и одураченным. Его постоянно выручает Critilo, который олицетворяет спокойный, умудренный опытностью ум. Он как бы природный критик. Во время пути, который ведет их по трем романским странам Европы, Andrenio и Critilo сталкиваются со множеством людей, а еще чаще фантастических существ, которые руководят ими, учат их и наставляют. Получается смотр всей

---

[1] См. работу V. Brouillier, а также книгу K. Borinski, Baltasar Gracian und die Hoflitteratur in Deutschland, Halle a. S., 1894, и Adam Schneider, Spanischer Anteil an der Deutschen Litteratur des 16 u. 17 Jahrh. Strassburg, 1898, стр. 153—161, 301.

[2] См. статью A. Morel-Fatio, Gracian interprété par Schopenhauer-Bulletin hispanique, 1910, стр. 377—407.

[3] См. El Criticon, изд. Хулио Сехадором (Julio Cejador) в Biblioteca Renacimiento, стр. IX. Части I—II «El Criticon» мы цитируем по этому изд. Сехадора, третью по Obras de Lorenzo Gracian, tomo primero, Barcelona, 1700 (экземпляр Публичной Библиотеки).

[4] El Criticon. III, стр. 284, 391 и 399.

Европы, не забыт ни один народ, даже Москвитяне и Поляки, при чем наши соотечественники представляются B. Gracian «легкомысленными».[1] Попутно производится обзор литературы: мелькают имена Лопе де Вега, Данте, Боскане, Сервантеса, Marino и др. Судит о них наш автор очень строго. Тут же приговор придворной жизни. Кто хочет занимать придворную должность, пусть раньше согласиться быть лакеем. Но достается и демократическим мечтам, чернь не пощажена. Хорошего вообще среди людей мало. Царит повсюду зло. Жизнь наша есть milicia á la malicia. Глупцы и безумцы распоряжаются умными. Политика — игра в мяч, но играет им только одна банда, участники которой для видимости перекидывают мяч друг другу. Посторонним он никогда не попадет в руки. Circulo politico es el mas vicioso. Зависть, глупость, ложная честь — вот идолы, которым поклоняются люди. Правды никто не любит, и мудрецу остается только одно — уйти внутрь своей собственной души. Там только и можно найти свободу и покой. Такова картина нашей жизни. Рисуя ее, B. Gracian обнаруживает крупный талант сатирика, проницательность знатока нашей природы, мощь художника-правдолюбца. Итог его дум и конец пути Andrenio и Critilo одинаково печальны. Оба путника приходят в «пещеру ничтожества» (La cueva de la nada),[2] куда должен попасть и каждый из нас. Пещера описана со всею мощью, которой не постыдился бы сам Данте. Даже и теперь жутко читать эти страницы! Выходит так, что не жизнь есть царица людей, а смерть, которая названа «тещей жизни» (la suegra de la vida).[3] Спастись из пещеры может только тот, кто в жизни подвизался добрым подвигом. Таких спасающихся очень не много. Их ждет остров, куда не может проникнуть смерть (Insula de la immortalidad). Напрасно мнимые герои и мнимые праведники пытаются проскользнуть на него. Этими безплодными попытками и заканчивается «El Criticon». Если пользоваться точными терминами, то, пожалуй, «El Criticon» трудно назвать романом. Такую малую роль играет в нем любовь и романическая интрига. Она сводится к тому, что Critilo сообщает Andrenio о своей жизни до их знакомства. Это, главным образом, его интрига с Фелисиндой, плодом которой, повидимому, и был Andrenio. Говорим, повидимому, потому что весь этот вопрос остается темным, так мало интересовался B. Gracian подобными мелочами! Может быть, что отец Andrenio и не Critilo, а кто-либо иной.[4] Взор Gracian направлен в другую сторону. Он близок к Данте,

---

[1] El Criticon, ч. II-ая, 8.
[2] El Criticon, III, стр. 377—390.
[3] El Criticon, III, стр. 414—430.
[4] Ср. El Criticon, I, стр. 164—166 и III, стр. 393.

с которым роднит его не только основная тема романа, но и кое-что из подробностей, иногда напоминающих итальянского поэта.[1] Удивительно лишь то, что бог и все, связанное с ним, если не считать начальных глав романа, не играет у Gracian почти никакой роли. Как будто автор не священник, не член братства Игн. Лойолы! Как ни странно, но мусульманин Ибн-Туфейль ближе к Данте, нежели ученик Христа, Baltasar Gracian! Для первых двух — главная задача каждого из нас — соединиться с богом; а автор «El Criticon» ведет нас в «пещеру ничтожества».

V.

Предложенный анализ «El Criticon» заставляет сильно задуматься над проблемой «Ибн-Туфейль-Baltasar Gracian», так блестяще и, повидимому, так тонко формулированной покойным M. Menéndez y Pelayo. Да в чем же, спросит себя читатель, сходство между двумя романами? Если анализ обоих, который мы только-что произвели, правилен, то в глаза бросится вовсе не сходство. Напротив, можно утверждать, что оба романа почти во всем различны. Различны и окраска, и тон мыслей, и сюжет, и фигура героев. Сходство только в том, что читая оба романа, мы находимся в области дидактической, полу-ученой литературы. У одного писателя картина всей людской жизни написана явно сатирическими красками. Жизнь вообще ничтожество, от которого спасаются лишь избранные. У другого — одинокая фигура благородного мужа, который полон любви к людям, который зовет их за собой в царство подлинной истины и, даже разочаровавшись, продолжает любить их. Мрачный пессимист Baltasar Gracian и филантроп Ибн-Туфейль, как далеки они один от другого. Замыслы и тон обоих романов не похожи друг на друга. Мало того, Ибн-Туфейль пишет спокойно и сдержанно, а у испанца на любой странице глядит на нас лик раздраженного сатирика. Всмотримся ближе в самих героев обоих романов. Неужели Andrenio и Critilo какими-нибудь чертами своего существа напоминают Хайя и Асаля? Andrenio — сын земли, бурный и страстный, и уединенный мечтатель, друг мудрости, Хай — неужели эти фигуры подобны одна другой? И существо их и роли в обоих романах задуманы совершенно по иному. Хай сам учил Асаля мудрости, тогда как его мнимый pendant, Andrenio, почти не выходит из школы своего старшего товарища Critilo. Не похож, конечно, и Critilo на Асаля. Наконец, как же быть с остальной

---

[1] Напр., люди, которые идут назад, El Criticon, I, 68, III, 284 и Dante, Inferno, XX, стихи 7 и след. или «La isla de la immortalidad» (El Criticon, III, стр. 430 и след.) и Purgatorio, I и сл.

массою фигур и образов, которые наполняют своим шумом «El Criticon», и подобных которым мы вовсе не находим у Ибн-Туфейля? Говоря так и умножая черты несходства, мы хотим сказать, что оба романа глубоко различны по существу, как только могут быть различны два художественных замысла. Попади роман Ибн-Туфейля в руки B. Gracian в то время, когда он сочинил «El Criticon», он просто бы не знал как им воспользоваться. Орбита его мыслей была иная! Но сверх того, очень трудно допустить, что B. Gracian когда-либо читал Ибн-Туфейля. Конечно, в жизни все возможно, но одно возможно больше, другое меньше. Надо помнить, что арабская литература у испанцев XVI—XVII вв. особым почетом не пользовалась. Арабы были для испанцев нисшей, зловредной расой, от которой не стоило бы что-нибудь заимствовать. Правда, B. Gracian был муж весьма ученый, большой друг книг, отличный знаток классических и романских (по преимуществу, итальянской) литератур.[1] Он читал даже Филона.[2] Но знал ли он по арабски? Никаких отзвуков арабской литературы мы у него не находим. Мало знаком он и с мусульманством. Только турки, тогда могущественный и гордый народ, иногда мелькают в его книгах.[3] Но допустим, что B. Gracian знал по арабски и интересовался арабской литературой. Как же мог он добраться до романа Ибн-Туфейля? «El Criticon» напечатан в 1650—1653 гг., а роман Ибн-Туфейля двадцатью годами позже. Значит, B. Gracian прочел роман Ибн-Туфейля в рукописи? Но что мы знаем об этой рукописи? Куда она улетучилась? И почему автор «El Criticon» ни слова не говорит о том, что позаимствовался у Ибн-Туфейля, он, который вообще охотно указывает свои источники? Друзья его, среди которых было много книжников, легко могли бы изобличить его, сказать ему, что он обманывает читателя, выдает чужое за свое. B. Gracian — писатель не для толпы, которую не трудно провести, он пишет для образованного тонкого читателя, перед которым трудно что-либо утаить. И так очень мало шансов за то, что B. Gracian мог прочитать роман Ибн-Туфейля. Эта книга была ему чужда по духу и едва-ли когда-нибудь попадала в его руки. Повидимому, проблема «Ибн-Туфейль — Baltasar Gracian» тоже должна отправиться в «пещеру ничтожества». Но как ни велика разница между романом испанца и араба вообще и по существу, проблема

---

[1] См. об этом программу курса A. Morel-Fatio в Bulletin hispanique 1910, 201—204 и 330—334 и A. Farinelli в Biblioteca de filosofia y sociologia, т. III, M. 1900, стр. 195—277. Книга F. G. Bell'я не дает ничего нового по этой части.

[2] El Criticon, т. I, стр. 34.

[3] Там же, стр. 111. B. Gracian называет арабов «bárbara morisma», от которых едва не погибла культура.

нata не может не сохранить своей силы, если ограничить ее какими-нибудь деталями и подробностями. Так и поступал в свое время M. Menéndez y Pelayo.[1] Именно он сосредоточивался на первых главах I части «El Criticon» и, опираясь на сходство между ними и романом Ибн-Туфейля, говорил о зависимости испанского писателя от арабского. Обратимся и мы, наконец, к этим деталям, просмотрим быстро суть первых четырех глав, или «crisi» романа, как их называет B. Gracian. Эти четыре «crisi» один из лучших образцов испанской художественной прозы, образуют настоящую симфоническую поэму. Начинается она с грозных аккордов. Перед нами остров св. Елены. Страшная буря. Гибнет корабль. Один из путешественников вплавь добирается до берега. Ему помогает выйти на сушу «красивый юноша, ангел по виду, и особенно по поступкам». Путешественник обращается к «островитянину» со словами благодарности, но юноша молчит, как будто не понимая его. Путешественник догадывается, что перед ним существо лишенное дара слова. Тогда он выучивает его говорить, дает ему имя Andrenio, а себя называет Critilo. Andrenio сообщает Critilo все, что знает о своей жизни до того момента, как судьба столкнула их. Сколько он помнит себя, он всегда жил в глуши этого острова. Его обиталищем была пещера в горах. Воспитала его самка какого то животного (una destas que tu llamas fieras). Вот пробуждается в нем разум. Он задался вопросами: кто я? Подобен ли я животным, с которыми общаюсь, или отличен от них? Откуда я? Существую ли я? Или все, что я ощущаю, только греза? Да, я существую, потому что знаю и мыслю — вот до каких выводов доходит Andrenio, являясь как бы предшественником Декарта. Andrenio внемлет шуму моря, бури, грома и т. д. Доносятся иногда до него и голоса людей, гибнущих в волнах около острова, но он одинок, как и в первые дни своей жизни (Crisi I). Итак Andrenio, хотя отчасти, познал самого себя. Вторая и третья crisi поведут Andrenio к богу. Путь — обыкновенный, по которому так легко идет каждая благочестивая мысль, от красы и мощи природы к художнику и создателю вселенной. Andrenio описывает землетрясение, с которого открывается новая глава его жизни. Придя в себя, Andrenio видит, что мрачная пещера, в которой он жил до сих пор, разрушена. По обломкам скал поднимается он на вершину горы, и вот перед ним чудный вид: «весь театр земли и неба». Andrenio поклоняется восходящему солнцу, любуется луною и прочими красотами ночного неба. И в нем начинает брезжить мысль, что есть верховный художник, который создал все это, художник, самым подходящим образом коего можно считать блистательное

[1] См. Colección de estudios árabes, ук. том, стр. XLVI—XLVII.

солнце (Crisi II). Andrenio продолжает знакомиться с красотами космоса. Перед ним множество животных. Трава и злаки украшают лицо земли. Благоухают розы и т. д. Как сладко и упоительно поют птицы! И какой во всем порядок! Как гармоничен строй всего того, что он видит! Правильно чередуются времена года, правильно вращается небо. Кто-то был так могуч, что гармонически сочетал противуположности. И снова — и теперь уже окончательно мысль Andrenio обращается к творцу (Crisi III). Ознакомившись с жизнью Andrenio, Critilo говорит ему о своей, чему посвящена 4 глава. Эти эпизоды напоминают обычную comedia de capa y espada, прямо нашей темы не затрагивают, и мы не будем задерживаться на них.

VI.

Какой же вывод можем мы теперь предложить читателю? Есть ли сходство между романом Ибн-Туфейля и четырьмя crisi «El Criticon»? Конечно, есть. Но так ли оно велико, чтобы можно было говорить о зависимости второго от первого? Не думаем. Нам кажется, что черточки сходства тонут в черточках несходства. И потому M. Menéndez y Pelayo напрасно полагал, что только при помощи «чуда» становится понятным сходство двух романов, если не допускать органической между ними связи. Главное сходство в том, что оба автора рисуют нам путь, которым люди достигают бога. Путь ведет от природы к создателю. Но эта мысль настолько простая, даже избитая, что такой образованный и умный писатель, как B. Gracian, мог и без посторонней помощи придумать ее. Таким аргументом пользовались и до него (напр. из испанцев Ramon Lull);[1] не забывали его и потом. Достаточно указать на все множество благочестивых философов XVII—XIX вв. Таким образом, эта черта ровно ничего не значит. Что же касается подробностей жизни Хайя и Andrenio, то утверждать, что и между ними большое сходство, также не приходится. Правда, перед нами одна и та же фигура: уединенный мудрец, закинутый судьбой на необитаемый остров. Но ход жизни Хайя и Andrenio иной. Укажем для бóльшей доказательности три-четыре мелочи из обоих романов. Хай развивается непрерывно. Andrenio проходит две ступени: до землетрясения он один, мысль его не в силах побороть мрак, который царит в нем. Когда же потряслась гора и разрушилась его пещера, Andrenio становится иным, глаза его открываются на красу природы и он быстро доходит до мысли о том, что существует бог. Роль газели или вообще самки, которая кормит младенца, у обоих писателей тоже не слишком оди-

[1] См. Menéndez y Pelayo, Origenes de la Novela, т. I, стр. XXII и след. (= Nueva Bibl. de Aut. Españoles, т. I. M., 1905).

накова. Вспомним, какой толчек получают мысли Хайя от смерти газели! Параллельного мотива мы вовсе не видим у B. Gracian. Пойдем дальше. Если автор «El Criticon» знал роман Ибн-Туфейля, то он напрасно опустил много ярких подробностей, говоря о том, как впервые Хай и Асаль увидели друг друга. Эти краски очень пригодились бы ему, когда он рисовал подобный же эпизод своего романа. Если обратимся теперь к психологическому искусству обоих писателей, то нельзя будет не отдать преимущества арабскому. Ход духовной жизни героя изображен у него ярче, богаче, с большим количеством тонко схваченных подробностей, нежели у B. Gracian. Да оно и понятно: для испанца ранняя жизнь героя только эпизод длинного романа, а для араба это все. Поэтому мы именно и назовем Ибн-Туфейля философом, а B. Gracian, по преимуществу, романистом. Возьмем теперь газель, которая вскормила Хайя, и «какую то самку», исполняющую ту же роль для Andrenio. И это сходство еще не знаменует зависимости. «Животных-кормильцев» мы знаем и по множеству других легенд. Назовем Кира, Вакха, наконец, Ромула и Рема...[1] При начитанности B. Gracian ему было легко натолкнуться на подобный мотив, который был весьма подходящ для его темы. Остается лишь то сходство, что Асаль и Critilo учат своих младших товарищей говорить. Но и тут, как мы думаем, наши авторы совпали лишь потому, что у них была одинаковая тема, естественно приводившая их на один и тот же путь. Вообще нам кажется, что для большей части элементов, входящих в состав первых четырех «crisi» «El Criticon», без всякого труда можно указать источники в богатых запасах испанской литературы XVI—XVII вв. и привязать, таким образом, этот остроумный роман к корням родной почвы. О четвертой «crisi» и говорить нечего: это, как сказано, обычная comedia de capa y espada. Но самая обстановка, в которой разыгрывается начало романа, переносит нас в сферу хорошо знакомую испанским поэтам той эпохи. Островитянин, который живет вдали от образованного общества, которого окружает первобытная природа, разнообразные мотивы гор и морей, противоположности культуры и первозданных, еще не тронутых мыслью сил космоса — не попадается ли нам все это в драмах Лопе де Вега или Мигель Санчеса?[2] Тоже и с воспитательной проблемой, которая очень интересо-

[1] См. об этом у А. Н. Веселовского, Собр. соч., т. II, вып. 1-ый, стр. 43—46 и указан. там литературу. СПБ., 1913.

[2] Ср., напр., драмы Л. де Вега, Los Guanches de Tenerife (около 1609) или El nuevo mundo descobierto por Cristóbal Colón (около 1614). Текст их в Obras de L. de Vega, изд. Мадридск. Корол. Акад., т. XI. Там же статьи M. Menéndez y Pelayo. Драма Санчеса (Miguel Sánchez) La isla bárbara (1614) издана H. A. Rennert в Publications of the University of Pennsylvania, Series in Philology, Literature and Archaeology, vol. V, 1896.

вала испанских писателей XVI—XVII вв. Назовем хотя бы героя знаменитой драмы Кальдерона «La vida es sueño», которая хорошо знакома и русскому читателю. Неужели между Andrenio и Сигизмундом, который тоже воспитывался вдали от людей в уединенных горах, мы не увидим сходства? Словом, если Ибн-Туфейль и B. Gracian сошлись на одном и том же пути, то лишь потому, что les beaux esprits se rencontrent. Вообще же, каждый из их романов прекрасен по своему и, мы думаем, что наслаждаясь одним, лучше, до поры до времени, не оглядываться на другой. Слава Ибн-Туфейля достаточно велика и без того, чтобы превращать испанского мудреца в его подражателя.

Д. К. Петров.

15 сентября 1922 г.

---

17 июля 1923 года.

Записки Коллегии Востоковедов, II.
Mémoires du Comité des Orientalistes.

К вопросу о значении османской глагольной формы на „мыш“.

Среди грамматических фактов османского языка чрезвычайный интерес представляет так наз. форма на «мыш»,[1] развитие коей в смысле морфологическом и синтаксическом, доныне мало исследованное, должно занять подобающее место в числе подготовительных материалов по сравнительной грамматике турецких языков. Решение этого сложного вопроса в его целом связано с рядом других (вопрос об алтайских и общетурецких прототипах; роль формы на مش в турецких письменных текстах и в народной словесности; освещение предмета в османской грамматической традиции и пр.) и, как естественно, не может служить предметом настоящего предварительного сообщения. Целью его является анализ современного значения формы и критика ранее предложенных объяснений, многие из которых до того запутали предмет, что твердая формулировка необходима здесь не только с научной стороны, но и со стороны чисто педагогической.

Как известно, форма на مش, которую, повидимому, можно сопоставить с письменно-монг. отглагольной формой на «mal (mel)»[2] (при нормальном соответствии монг. «l» турецкому «ш» и монгольского «а» не в 1-м слоге турецкому «ы». См. Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе. Из области вокализма монголо-турецкого праязыка, ДАН, 1924, стр. 34), засвидетельствована в тур. письменности очень рано — именно, в орхонских надписях, где она, имея 2 фонетических варианта аффикса («мыш» и «міш»),[3] морфологически выступает одновременно и как verbum infinitum (причастие, отглагольное имя), и как verbum finitum (в значении одного из прошедших вре-

---

[1] Термин еще у П. М. Мелиоранского, Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВО. XII, стр. 86.

[2] См. В. Котвич, Лекции по грамм. монг. яз., СПБ. 1902, стр. 57. А. Руднев, Лекции по грамм. монг. письм. яз. вып. I, СПБ, 1905, стр. 61. По-монгольски, форма означает «страдательное состояние предмета» (разданный, повешенный).

[3] Об этом см. Мелиоранский, op. cit., стр. 18.

мен[1]). В дальнейшем при дифференциации турецких языков аффикс مش и соответствующие ему образования стали типичной принадлежностью так называемой южно-турецкой языковой группы, где и сохранили свое двоякое употребление, тогда как в остальных группах, по общему правилу, удержались только отдельные причастные и именные образования (типа тат. طورمش жизнь), а характерное прошедшее на مش было вытеснено формой на غان. Ввиду продуктивности формы на مش в османском языке европейские грамматики с самых ранних пор пытались установить ее значение путем подыскания индоевропейских параллелей или, даже, логических умозаключений; турецкая традиция, к которой иногда обращались, не занималась подобного рода анализом и не давала решающих указаний. Вопрос усложнялся еще тем, что отглагольные образования на مش сопоставлялись с числительными типа осм. آلتمش ‘ يتمش. Можно сказать, что все более или менее существенные этапы в истории грамматической разработки османского языка европейскими учеными[2] сопровождались своеобразным пониманием[3] формы на مش. Ошибка исследователей была в том, что они не могли отрешиться от своей, индоевропейской, точки зрения и почти игнорировали наблюдение над живой разговорной речью, которая могла сообщить известные данные для ретроспективного анализа. А между тем, если разрешение вопроса в историческом аспекте является делом будущего, то о современном его положении можно сделать некоторые выводы и теперь, базируясь именно на данных османской разговорной речи. Прежде чем перейти к этим последним, остановимся на тех формулировках, которые дают старые и новые грамматики.[4] Из первых Meninski,[5] останавливаясь исключительно на образовании формы, называет ее Alterum Imperfectum (стр. 102) и Praeteritum Perfectum Secundum (132); ایمشم переводится: eram и fui (ibid.). В таблице иностранных аналогий даются переводы формы باقمشم на другие языки, из чего видно, что форма имеет несколько оттенков в значении. Viguier в своей работе[6] первый дает подробное определение Parfait indéterminé (стр. 103—4), которое у последующих авторов стало традиционным. Согласно ему, форма означает: действие, субъективно мало вероятное; действие, в реальности которого сомневается сам говорящий; действие,

---

[1] См. его определение у Мелиоранского, op. cit., стр. 86.

[2] Обзор ее подготовляется и может служить темой для особой статьи.

[3] В этом отношении весьма показательна пестрота европейской номенклатуры при турецком термине ماضئ نقلى (см. ниже).

[4] Неожиданная ликвидация фундаментальной библиотеки б. Лазаревского Ин-та (1 сент. 1925 г.) лишила меня возможности сделать предлагаемый обзор более полным.

[5] Institutiones linguae Turcicae, Vindobonae MDCCLVI.

[6] Éléments de la langue Turque, Constantinople, Mars 1790.

о коем говорящий узнает от других; оконченное действие с продолжающимся результатом (= perfectum logicum); оконченное действие для неопределенного промежутка времени и места. У Казем-Бека[1] форма объяснена, как прошедшее совершенное (я *уже* был — ایمشم в противоположность я был — ایدم; стр 182); на стр. 257 трактуется об особом наклонении (пояснительном) с внешней характерной частью — аффиксом مش, для действия, «совершение коего до последнего момента считалось самостоятельным или неизвестным». Pfizmaier[2] трактует форму на مش, как Parfait (p. 226) со значением «j'ai été» (ایمشم) и «j'ai fait antérieurement» (قیلمشم p. 239), причем допускаются только 2 фонетических варианта аффикса «mych» и «mich» (p. 238). В отделе «l'usage du Parfait» (p. 325) подчеркивается особый оттенок значения (perfectum logicum) помимо общего — «сомнения или неопределенности». Сочетание типа کلمش ایمش имеет особое значение: «*on dit* qu'il est venu». Л. Будагов[3] переводит ایمشم — «я был *уже*» (стр. 20) и آچمشم «открыл *уже* я» (39). У H. Jehlitchka[4] (стр. 148—9) «der unbestimmte Präteritum» объясняется в самой общей форме, как действие, известное говорящему не из собственного опыта, а косвенным путем (от других, в результате умозаключения и т. д.).[5] Грамматика эта, как известно, повлияла на русские руководства по османскому языку, в значительной степени отразившие ее точку зрения.[6] Ничего нового не вносит и определение L. Bonelli[7] («passato narrativo o indeterminato», p. 15). В грамматике Hagopian'a[8] форма эта, названная Dubitative Tense (p. 160), объясняется так, что говорящий не уверен в самом факте действия: или слышал о нем от других, или только предполагает его наличие. В крымско-татарской грамматике А. Н. Самойловича[9] не дается никаких объяснений этой форме, названной там «прошедшее неопределенное 2-е» (стр. 77); перевод: «я любил» — سومشم (стр. 77), но «я полюбил» — سودم (стр. 75). Грамматика Horten'a,[10] представляющая собой перепечатку труда Hagopian'a, не дала ничего оригинального и по нашему вопросу (см. о

---

[1] Общая грамматика турецко-татарского языка, Казань, 1846.

[2] Grammaire Turque, Vienne MDCCCXLVII.

[3] Практическое руководство турецко-татарскаго адербиджанскаго наречия, Москва, 1857.

[4] Türkische Conversations-Grammatik, Heidelberg, 1895.

[5] Напр. «یاپدی er hat gethan — یاپمش ich glaube, er hat gethan, man sagt, dass er gethan hat, er har wohl gethan» (стр. 149).

[6] См. Руководство для изучения османского яз. По материалу Еглички по-русски переработал В. А. Гордлевский, Москва, 1916, стр. 98—9.

[7] Il turco parlato, Milano, 1910.

[8] Ottoman-Turkish conversation-grammar, London — Heidelberg, 1907.

[9] Опыт краткой крымско-татарской грамматики, Птгр., 1916.

[10] Kleine türkische Sprachlehre, Heidelberg, 1916.

«zweifelhafte Vergangenheit»: سومشم «ich liebte, *wie man berichtet*», S. 61). Из более новых авторов J. Németh[1] в значительной степени придерживается традиции (§ 131 Praeteritum indefenitum: سومشم ich habe geliebt, wie man sagt; ich glaube, dass ich...). Некоторые особенности в формулировку вносит G. Weil:[2] «die unbestimmte Vergangenheit» (S. 108) обозначает истинное или сомнительное действие, происшедшее без нашего ведома, так что при немецком переводе следует добавлять: «sagt man» для 3-го лица (обычная форма повествования и исторического рассказа), а для 1-го и 2-го «sollen»: كلمشم «ich bin gekommen, ich *soll* gekommen sein», كلمش — «er ist gekommen, sagt man». Следующий автор крупного труда по османскому языку J. Deny[3] настаивает на том, что соотношение между османским passé déterminé и passé indéterminé вовсе не соответствует различию между французским passé défini и indéfini. Значение формы объяснено слишком обще: действие, свидетелем которого говорящий не был. Наконец, из трудов 1925 г. книга Чобан-заде,[4] как и естественно для турецкого издания, не останавливается на значении формы (стр. 80); зато в сравнительной части предлагаются гипотезы о происхождении مش в числительных (مش = 10, стр. 131), довольно близкие к прежней теории J. Halévy;[5] однако связь этого مش с глагольным مش все еще неясна. Проф. А. Н. Самойлович в своей новой работе[6] дает этому «прошедшему неопределенному» чисто традиционное толкование «заглазного действия» (стр. 78). Несколько шире поставлен вопрос во 2-й части грамматики Егличка, которая ныне в обработке проф. В. А. Гордлевского издается в Москве[7] (опубликовываю с разрешения автора). Здесь интересующей нас форме присвоено название «прошедшего субъективного» по тому общему (см. выше) признаку, что действие, передаваемое ей, не может считаться объективно достоверным, а выражает или мнение автора или мнение остальных, которое автор не разделяет (ср. выше определение Viguier). Весьма важен вывод, что форма эта, противоположная «прошедшему объективному» (или «категорическому»), не является единой по значению, а слагается из 4-х главных моментов: 1) момент следствия [= лат. perfectum logicum, например, «я пришел» = «я здесь», «он ушибся до смерти» = «он мертв» (субъективный вывод)], 2) момент сомнения [= conjunctivus potentialis: «кажется (как будто), ты ушибся»], 3) момент

[1] Türkische Grammatik, Berlin und Leipzig, 1917.

[2] Grammatik der osmanisch-türkischen Sprache, Berlin, 1917.

[3] Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), Paris, 1920.

[4] قريم تاتار عيلمى صارفى, Симферополь, 1925.

[5] См. Keleti Szemle II (1901), 103—6.

[6] Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка, Лгр., 1925.

[7] В качестве 2-й (заново переработанной) части упомянутого выше руководства.

исторической передачи (= perfectum historicum: «говорят, он был...»), 4) момент внезапного умозаключения («оказывается, меня обманули»).

Все приведенные определения, однако, хотя и основанные на текстах, были в значительной мере теоретичными; каждое из них, внося какой-либо новый штрих, все же не давало твердого определения. В качестве такового нам известна только одна формулировка, предложенная заслуженным московским преподавателем-османистом С. К. Церунианом,[1] который, являясь уроженцем Константинополя и обладая достаточными познаниями в европейских языках (французском, русском, итальянском), имеет все данные к тому, чтобы объяснить европейцу этот характерный факт османского языкового мышления. Согласно этой формулировке, европейские грамматики упускают из вида так называемую «дифференциацию лиц» формы на مش (намеки на это есть у G. Weil'я: см. выше) и переносят значение с формы одного лица на другие. В самом деле: форма 3-го лица «алмыш», которая действительно имеет отмеченные выше значения (говорят, как будто, кажется, оказывается — он взял), морфологически совершенно особая величина от passé indéfini — «алмы́ш-тыр» (он *уже* взял) с 1-м лицом «алмы́ш-ым» (я уже взял) и 2-м «алмы́ш-сын» (ты уже взял). Дело в том, что само по себе причастие «алмыш» (как и другие формы двоякого употребления) не может стоять в качестве личной формы без вспомогательного глагола — аффикса «дыр», который пропускается[2] в этих случаях только тогда, когда основа времени (= причастие) оканчивается на гласный, «р» или «з» (آلالى، آليور، آلماز، آلير; см. по этому вопросу Самойлович, Осм. гр. стр. 75, Weil, стр. 105, прим. 1, Németh, стр. 69 и 81). Таким образом при форме типа «алмыш» всегда подразумевается личная форма; это есть — ایمش (imiш), которое в разговорной речи *пропускается* в целях эвфонии: вм. آلمش ایمش «алмы́ш ымы́ш» или «алмы́ш-мыш» говорят просто آلمش «алмыш».[3] Форма же типа آلمش ایمشم (и ее 3-е лицо آلمش ایمش = آلمش), действительно, имеет особое значение: «говорят, что я, ты, он взял» (см. выше у Pfizmaeir'а)[4] или: «кажется, оказывается, как будто я...» и т. д. Как видно отсюда, грамматики совершенно произвольно переносят значение с одной формы на другую,

---

[1] Опубликовано в его «Курсе османских разговоров» т. 1, Москва, 1924. Там же (стр. 173, прим.) приводится мнение проф. Б. Цонева об аналогии турецких глагольных форм (в частности, формы на مش) с болгарскими («Опредѣлени и неопредѣлени формы въ българский езикъ», София, 1911).

[2] Особый случай пропуска در при вопросит. частице: вм. کلمش می در? говорят کلمش می?. В форме کله جکدر *нормальное* در иногда пропускается.

[3] Будагов (сравнит. словарь тур.-тат. наречий, СПБ. 1868, стр. 210) пытался объяснить это امش из ایتمش (говорят) от глагола ایت.

[4] Ср. в буд. времени کله‌جك امش, где нет столкновения двух аффиксов «miш» и потому опасность смешения 2-х форм устранена.

смешивая 2 морфологически различные формы 3-го лица. Первая форма (آلشدر — آلشم) может иметь значение: «кажется, как будто, говорят, что...» и т. д. только в том случае, когда эти оттенки выражены особыми словами: كبى، مكر، صانكه، كويا (напр. كلمشم كبى — кажется, я пришел); сама же форма такого оттенка в значении не заключает.[1] Изложенная формулировка, как легко заметить, в отдельных своих частях уже намечалась предшествующими грамматиками; кроме того, она может быть подтверждена живыми текстами (газеты, фольклорные записи и пр.). Так как место не позволяет приводить здесь обильные примеры,[2] мы ограничиваемся одной формулировкой, оставляя в стороне менее важные пункты — в частности, вопрос о номенклатуре формы на مش.

Н. Дмитриев.

[1] Ср. полную аналогию давнопрошедшего كلمش ايدم, где, по указанию самих грамматик, нет никакой «сомнительности» (Deny, op. cit., стр. 433—434).

[2] Статья эта, первоначально предназначавшаяся для ДАН, составлена с максимальной сжатостью, но тем не менее объем ее вышел несколько более нормального для данного издания. Когда же она была передана в ЗКВ и поступила в набор, автор уже не мог вставить собранные им многочисленные примеры, которые войдут, если это суждено, в особую монографию по данному вопросу.

Проблемы и достижения боснийской турκологии.

История славянских народов настолько тесно связана с историей турок в их различных племенных разветвлениях, что даже самое поверхностное обозрение славянского прошлого неминуемо затрагивает те или иные факты государственного развития отдельных турецких народностей. Если без этого дополнительного материала невозможно построить даже политической истории славянских народов, то исследование истории славянской культуры и языка потребует еще бо́льшего углубления в смежную область. Словарь восточных, южных и отчасти западных славянских наречий пропитан турцизмами, которые усваивались в течение столетий и в целом ряде языков (болгарский, сербский, русский) гораздо теснее примкнули к их исконному лексическому материалу, чем западно-европейские заимствования. Поэтому все серьезные начинания в области славянского словаря (русский академический словарь, болгарские словари Дювернуа и Герова, сербский — В. Караджича и др.) неизбежно вели к турецким лексическим материалам. Туда же вели отдельные, привнесенные факты из турецкой фонетики, морфологии и даже синтаксиса (ср. работы Ф. Миклошича о грамматическом взаимодействии турецкого и славянских языков); последнее, правда в полной мере применимо только к южно-славянским языкам и значительно слабее подтверждается в других славянских группах. Те же балканские славяне, язык коих так тесно соприкасается с турецким, удержали наибольшее количество переживаний из турецкого быта, и если их народная словесность хранит свежую память о турецком господстве, то их территория хранит целый сонм более прозаических и более доказательных — вещественных памятников этого господства. Таким образом можно сказать, что Балканы—это такой же туркологический музей, как, например, Анатолия или Туркестан. Естественно вытекающая отсюда обязанность для каждого вдумчивого туρколога и, особенно, специалиста по южно-турецкой группе языков — присматриваться к фактам балканской культуры и, когда нужно, аппеллировать к ним, поскольку это в каждом отдельном случае соответствует данным историко-сравнительного метода.

Прикладная туркология, которая была как бы спутницей славяноведения и для которой изучение турецкой культуры являлось не самоцелью, а только средством к достижению другой цели, — уже дала ряд ценных трудов, которые должны занять подобающее место в истории османистики, хотя, быть-может, некоторые из них почти неизвестны туркологам (ср. работу Ихчиева, опубликовавшего в 1910 г. в Софии богатейшее собрание турецких ферманов, хранящихся в Рильском монастыре).[1] Но балканско-славянская наука имеет и особую область, где изучение турецкого мира стоит в центре внимания и где, следовательно, ведется работа, примыкающая по методу к исследованиям русской, венгерской, немецкой, французской, австрийской и др. туркологических школ мира. Здесь мы имеем в виду боснийскую туркологическую школу, которая в настоящий момент, т. е. на 48-й год своего существования, уже вполне заслуживает такой аттестации. Как и в других европейских школах, чистая туркология возникла здесь из утилитарных жизненных побуждений, т. к. турецкий мир был родной стихией для отуреченных боснийцев-мухаммедан; впоследствии этот интерес к родной старине в союзе с европейским методом филологического исследования, который принесли боснийские ученые, воспитанные в австрийских и др. университетах, дал первые плоды местных научных изысканий. Те же требования жизни определили и фокус внимания боснийских туркологов — османистику, так как на Балканах, естественно, понятия «турок» и «османец» были синонимичны, и те же требования жизни, наконец, заставили изучать не одну какую-либо отрасль османистики (язык, литература и проч.), а все те факты прошлого, иногда настоящего, которые поступили из османской истории культуры в ее Боснийский Музей. И как бы символом этого грандиозного музея, насыщенного реликвиями османской старины, явился тот музей в Сараеве, который стал центром туркологического движения в Боснии и Герцеговине.

Деятельность этого учреждения, которая выступает в его периодических изданиях 1) Гласник Земальског Музеја у Босни и Херцеговини = Glasnik Zemaljskog Muzeja u Bosni i Hercegovini (выходит на 2-х шрифтах — сербском и хорватском) и 2) Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und

[1] Книга эта отсутствует в библиотеках; я пользовался личным экземпляром проф. А. М. Селищева, который в этом случае, как и всегда, охотно шел навстречу моим занятиям по Turco-Slavica и давал ценные библиографические указания.

Кроме отдельных изданий в роде книги Ихчиева необходимо иметь в виду большой материал, рассеянный по разным периодическим изданиям славянских ученых обществ; туркологические материалы находятся даже в полупопулярных журналах (напр. «Јужна Србија» за последние годы) — вплоть до сочинений типа «Источно благо» или جواهر شرقيه, где Mehmed beg Kapetanović-Ljubušak дает в переводе турецкие, персидские и арабские сентенции с целью их популяризации (издано в Сараеве, 1896).

der Herzegovina (оба начали издаваться с 1889 г.), — говорит о том, что этот культурный очаг, несмотря на скромное название (Земский музей — Zemaljski Muzej) является живым и действительным центром боснийской турκологии. Поэтому для ознакомления с отдельными фазами ее развития следует обратиться к рассмотрению отдельных томов Гласника и Mitteilungen, которые, поскольку нам известно, до настоящего времени турκологами, по крайней мере русскими, в их работах не привлекались. Нужно, однако, сделать оговорку, что затрудненные сношения с Юго-Славией, которые наблюдаются за последние годы, не позволяют судить о всем относящемся сюда материале и ограничивают наше поле зрения 1922 годом.

Прежде чем говорить об отдельных работах боснийских турκологов, будет уместно представить задачи боснийской турκологии в их общей схеме, вкратце обрисовать те цели и методы, которые сообщают боснийской школе ее специфическую окраску среди других научных школ турκологии. Один из видных деятелей боснийской школы D-r Safvet beg Bašagić говорит (Glasnik, т. XXXI, 1919 г., стр. 165), что на ее обязанности лежит освещать участие боснийцев в развитии мусульманской культуры, издавать классические мусульманские произведения боснийских авторов и воспитывать на этих образцах молодое поколение, для которого, по словам Башагича восточные классики гораздо ближе, чем для их европейских сверстников.[1] Все эти задачи он предполагал возложить на «Общество по изучению востока» (Društvo za poznavanje Istoka), созданное при материальной поддержке других ученых обществ, или на особую секцию при одной из местных (т. е. юго-славянских) Академий. Эти мысли, изложенные в 1919 г., в то время еще были пожеланиями (как, повидимому, и теперь, хотя самого последнего материала у нас нет), но востоковедная жизнь уже была направлена по несколько иному руслу. Именно, 2-я часть программы (развитие ориенталистики при каком-либо из действующих учреждений) была осуществлена таким образом, что Земский Музей в Сараеве принял эту функцию на себя, причем, конечно, общие задачи (в роде формулы Башагича) были введены в рамки музейного устава (статут Музея и описание его организации даны в юбилейном — XXV томе за 1913 г., стр. 236; там же изложена и

[1] «treba zainteresovati učena društva na slavenskom Jugu, da moralno i materialno potpomognu osnovati «Društvo za poznavanje Istoka», ili da koja naša akademija za to stvori jednu sekciju i organizuje radenike za izdavanje i prevadanje djela, koja su pisali naši djedovi u islamskim jezicima», (стр. 165).

«Ne samo da mislim nego vjerujem, da biše prevodi arapskih i perzijskih klasika blagotvorno djelovali na naš savremeni i mlađi naraštaj. Naša narodna lirika miriše istočnim duhom, za to bi mi imali više razumijevanja i smisla za istočne klasike, nego li drugi evropski narodi», (ibid., стр. 166.).

*

предшествующая история органов музея — Glasnik'а и Mitteilungen). Отсюда в дальнейшем главное внимание боснийских туркологов направляется скорее в сторону археологии и истории (с нумизматикой и палеографией), чем в сторону литературы и языка, хотя последнее тоже входит в программу. Правда, в тезисах Башагича, как мы видели, литературе и языку отводилось первое место, но тем не менее боснийские туркологи из мусульман (Башагич, Мудеризович, Кемура и др.) примкнули к основной группе музейных деятелей (из не-мусульман: Херман, Трухелка и др.), сторонников археологического исследования, и общими усилиями дали ряд ценных открытий. Методологическая разница между 1-й и 2-й, более квалифицированной, группой, впоследствии как-то стерлась; разница осталась, пожалуй, в выборе материала, т. к. туркологи-мусульмане интересовались более памятниками текста, чем вещественными памятниками, и брали свой объект изучения скорее из семейных коллекций и рукописных собраний, чем из общественных архивов, куда обратила свои взоры та часть туркологов не-мусульман, которая была воспитана на немецких образцах и методах. Эти две взаимно дополняющие друг друга группы сумели так слиться в общей работе, что результаты ее представляются чем-то единым по своему направлению. Общие усилия всех этих, довольно многочисленных, представителей туркологии были направлены на следующее: 1) археология и история (описание и опубликование памятников турецкой эпохи), куда примыкают обследования в области нумизматики и искусства, 2) этнография и право, 3) дипломатика и палеография, 4) история литературы, 5) язык. Все эти черты нашли себе богатое отражение в изданиях музея, и хотя журнал формально включал и другие отделы (минералогия, ботаника и проч.), ориенталистика преобладала даже с внешней стороны, и почти все статьи, кроме естественно-научных, испещрены турецкими текстами и переводами. Эта пресыщенность фактическим материалом и обилие документальных данных, часто имеющих не только местный, боснийский, но и общетуркологический интерес, делают издания музея особенно ценными в конкретных вопросах османской грамматики, лексики, диалектологии и т. д.

В кратком обзоре трудно дать равномерное представление о всех достижениях боснийской туркологии, но все же попытаемся обрисовать хотя бы главнейшие факты из того богатого материала, который опубликовала боснийская школа.

Из работ исторического содержания, изданных в Glasnik'е, обращает на себя внимание статья Kapitanović Ljubušak Mehmed beg'а — «Carski zet veliki vezir Rustem paša» (т. VI 1894 г. стр. 195 сл.), где дается биография боснийца Рустема-паши, который в восьмилетнем воз-

расте был пленен турками и впоследствии стал зятем султана Сулеймана Великолепного. Весьма интересна также биография «Ахмет паша Херцеговић'а», которую дал в том же выпуске (стр. 361) Карло Пец (Peez). В т. IX (1897, стр. 561) помещено любопытное исследование В. С. Џонић'а «Султан Џем, син Мухамеда II» — подробная биография и библиографическая сводка данных о Джеме. К той же серии работ относятся: Vjekoslav Jelavić «Veliki vezir Ahmet Ćuprilić» (т. XII, 1900, стр. 195 сл.) и его же «Pazvan-oglu od Vidina» (т. XVIII, стр. 173 сл.), Ćiro Truhelka — «Gazi Husrefbeg, njegov život i njegovo doba» (т. XXIV, 1912, стр. 91—234).[1] Все эти и другие жизнеописания турецких государственных деятелей из славян включают в себя богатый фактический материал и документы (в факсимиле и переводах). Ряд статей посвящен исключительно дипломатике; сюда относятся: К. Херман «Диплом султана Гази-Ахмет-хана» (документ 1127 г. х = 1714 г., т. IV, 1892), где дан фотографический снимок и перевод фермана, который получили от Ахмеда III-го представители Дубровницкой республики, Kadić efendija Ali «Ferman sultana Selima III o providbi broda l'Onorato Bocchese» (т. VI, 1894, стр. 783 сл.), где издан в факсимиле редкий документ, выданный в 1804 г. Селимом III-м итальянскому судну l'Onorato Bocchese на право навигации в Средиземном море. Весьма интересный материал опубликован S. b. Bašagić'ем под заглавием «Najstariji ferman begova Ćengića» (т. IX, стр. 437 сл.), где приводятся факсимиле и перевод документа на персидском языке, выданного в 1498 г. представителем династии Ак-Коюнлу Абуль-Музаффар Касимом князю Исфендияру. В статье Alfons Pavich pl. Pfauënthal «Prinosi povjesti Poljica» (т. XV, 1903 г.) изданы ферманы султана Мехмеда III. Ряд не опубликованных прежде документов содержится в статье Kemura Sejfuddin «Turski dokumenti za povijest bosanskih katolika» (XXI, 559). Интересные для османиста документы и замечания находятся в исследовании Horvat'a «Novi historijski spomenici za povjest Bosne i susjednih zemalja» (XXI, 1909), Трухелка Ђ. «Стара хришћанска црква у Сарајеву» (XXIII, 1911, стр. 298 сл.), Кемура Сейфуддин «Прилози за хисторију православне цркве у Босни и Херцеговини у XVIII и XIX столећа» (XXIV, 1912, стр. 413 сл.), Ћоровић В. «Из дневника Прокопије Чокорила» (XXV, 1913). Документы первостепенной важности для истории Дубровника издал Ћ. Трухелка в статье «Tursko-slovjenski spomenici dub-

[1] Знаменитый боснийский вали XV в., именем которого называется мечеть в Сараеве. Биографии известных мусульман славянского происхождения уже давно привлекали к себе интерес в славянских кругах. Ср. известную книгу Миленко Вукићевић'а Знатни Срби Мухамеданци, Београд, 1901 г.

rovaćke arhive»[1] (XXIII, 1913, стр. 1 сл., 303 сл., 437 сл.); из 180-ти документов, помещенных здесь в переводе и транскрипции, некоторые даны также в факсимиле (1-й из них — ферман султана Мюрада Дубровнику, датированный 1403-м годом). Турецкий подлинник и перевод وقفنامه Хусрев-бега издан Трухелка в упомянутой уже статье (XXIV, 1912, стр. 92 сл.). Не меньшее значение имеет и другая монография того же автора «Pabirci iz jednog sidžila»; там изданы хранящиеся в местном музее служебные записи кадия гор. Jaica с копиями старых документов на полях. Документ по поводу событий 1632 г. (свержение великого везира Хафиз-паши янычарами на глазах у султана) детальнее и обширнее того, что дает Hammer (Geschichte des Osm. Reiches, III, 100). «Sidžil» содержит много любопытного по внутренней организации «kadiluka»; приводятся нотариальные пометки, записи о браке и «буюрултии» местных властей, даются сведения о пограничных неурядицах и культуре Боснии в XVII в. Интересно место, трактующее об этнографии цыган, которые называются здесь kiptijan tajfesi (египтяне). Заслуживает упоминания и «Kronika Mula Mustafe Bašeskije», переведенная с турецкого Мудеризовичем (XXX, 1918, стр. 29 сл.) и содержащая историю Боснии с 1747 г. по 1802 г. Оригинал, т. наз. «Bašeskijina meǧmua» хранится в сараевской библиотеке Гази Хусрев-бега. В след. (XXXI) томе тот же издатель опубликовывает интересные «Nekrologi Mula Mustafe Bašeskije», где содержатся реестры мусульманских покойников Боснии за срок с 15/IX 1757 по 4/V 1802. Тому же Мудеризовичу принадлежит статья «Jedan popis sarajevskih janjičara iz početka XIX vijeka», где помимо реестра янычар, награжденных за отличия одеждой с плеча валиев (hilat), даются сведения об организации янычар, их иерархии («оджаклы, алемдар'ы» и пр.), истории янычарского корпуса и тех исторических реликвиях, которые сохранились от них в Боснии до настоящего времени. Последний, т. е. археологический, уклон ярко выступает в ряде статей Truhelka: «Grobnica bosanskog tepčije Batala, obrjetena kod Gornjeg Turbeta» (XXVII, стр. 365 сл.), «Osvrt na sredovječne kulturne spomenice Bosne» (XXVI, стр. 222 сл.), где в числе средневековых боснийских памятников описаны также и турецкие; в работах: Vejsil Ćurčić'a «Kaciga Mehmed paše Sokolovića, velikog vezira» (XIX), P. Mirković'a, «Turbe hazreti Alije» (II, 1890, стр. 42—3), где описана могила местного мусульманского святого Али и связанная с ней легенда, и Стевана Делић'а «Ћуприја на Мосту» (архе-

[1] Ссылку на них находим в капитальной работе австрийского турколога Fr. Kraelitz «Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der zweiten Hälfte des 15 Jahrhunderts» (стр. 6, 7); там же отмечено, что помимо изданных Трухелка дубровницких документов 15 в. в местном архиве находятся, по словам Трухелка, до 1000 несистематизированных османских исторических документов под общим заглавием «Acta Turcica» (ibid. стр. 6, прим. 1).

ологический памятник из эпохи турецкого ига; см. т. III, 1891, стр. 115). К этому разряду работ очень тесно примыкают статьи по турецко-мусульманскому искусству, которое изучается по тем же памятникам. Этому вопросу уделяют место след. монографии: K. Hörmann'a «Hadži-begova kula u Hutovu» (т. II, 1890, стр. 165), M. Kalabić'a «Hadži Sinanova tekija» (ibidem, стр. 143 сл.), Трђић'а Бјелокосић'а Лука «Мезар гази-дјевојke» (II, 316), работа 3-х авторов Zaržycki, Arndt i Stratimirović «Aladža-džamija u Foči», где приводятся турецкие надписи здания с переводом их, а также архитектурные планы и чертежи. Далее изучению мусульманских памятников искусства в Сараеве посвящена интересная статья Kemura Sejfuddin'a «Javne muslimanske gradjevine u Sarajevu» с массой турецких текстов и документов (XX, стр. 475 сл.) и его же «Sarajevske džamije i druge javne zgrade turske dobe», где издано большое количество надписей в мечети и документов в факсимиле. Кроме искусства, археологический интерес боснийских туркологов направлялся также по руслу нумизматики, и здесь мы имеем несколько ценных публикаций: Truhelka «Zanimiv turski novac kovan u Sarajevu» (о турецкой монете XVII-го века местной чеканки; см. I, 1889, стр. 57—9), его же «Još jedan u Bosni kovani turski novac» (тоже XVII в), о чем VI, 1894, стр. 419—20, и, наконец, его же «Jedan nalaz turskih akči iz Macedonije» (XXXI, 1919), которая представляет своего рода нумизматическое откровение; здесь описана найденная в Македонии коллекция турецких серебряных денег (1034 экз.), и даны подробные сведения об истории и постановке чеканного дела в Турции, о типах монет, специальной терминологии и эволюции монетного веса; кроме того воспроизведены образцы монет (в натуральную величину) и приведена скудная европейская и османская литература предмета. Сфрагистика, которая в применении к османско-турецкой культуре может считаться совершенно неразработанной, также находит себе подобающее место на страницах Glasnik'a. Этим вопросом занимались: Kosta Hörmann «Stari drveni muhur» (V, 1893, стр. 669), где дана фотография и описание турецкой оффициальной печати, сделанной в Боснии в 1463 г. в период известного вали Гази-Хусрев-бега, и Мудеризович, который поместил в т. XXVIII (1916, ч. 1 и 2) также единственную в своем роде статью на тему «Nekoliko muhurova bosanskih valija». Здесь даны репродукции именных перстней-печатей боснийских валиев, начиная с момента покорения Боснии и кончая последним вали, который сдал провинцию австрийской администрации. Автор выясняет понятие «bujurultija» (بيورلدی) и роль губернаторского перстня-печати в оффициальном обиходе Турции, а также обрисовывает техническую сторону изготовления «muhur» (مهر). Далее идет опись печатей

с транскрипцией и переводом их текста, а также биографические сведения о соответствущем вали. Интересно, что как сама резьба, так и надписи не свободны от шаблона и часто представляют близкие варианты одного и того же, обычно стихотворного, текста на арабском, персидском и османском языках.

В области истории права боснийская школа также опубликовала ряд дотоле неизвестных документов. Здесь, помимо общих обзоров в роде Ć. Truhelka «Državno i sudbeno ustrojstvo Bosne u doba prije Turaka» (XIII, 1901, стр. 71 сл., 152 сл.), Mitrović'а «Pravni običaji u našem narodu» (с библиографией; т. XXIV, 1912, стр. 525), Thallószy L. «Hrvatsko običajno pravo od godine 1551 i 1553», — даны специальные работы, как-то: Spaho «Turski rudarski zakoni» (XXV, 1918), где издан текст и перевод из анонимного сборника турецких законов, хранящегося в музее. Среди них находится один датированный закон о рудниках (943 г. х. = 1536 г.) и два недатированных; подобные тур. законы по горному делу до сих пор нигде не были опубликованы. На близкую тему написана работа Мудеризовича «Bosanski majdani za turske uprave» (XXX, 1918, стр. 21 сл.), составленная по архивным материалам. Свои выводы автор основывает на горном законе Сулеймана Великолепного и 3-х законах, изданных Спахо, о которых только что была речь; статья дает историю эксплоатации и описание боснийских рудников, размер добычи металлов и их экспорта, а также подробную турецкую терминологию по технике горного дела. В туркологии эта статья является единственной. Еще большее значение имеет классическое исследование Трухелка о турецких аграрных законах, которое заграницей давно пользуется заслуженной репутацией. Эта большая работа, озаглавленная «Historička podloga agrarnog pitanja u Bosni», вышла в 1915 г. (XXVII, стр. 125 сл.).[1] После библиографии и общего введения по истории землевладения в Боснии автор переходит к турецкой эпохе и турецкому аграрному законодательству. Турецкий земельный кодекс, который Трухелка имел в 14-ти списках, иллюстрирован бóльшими отрывками, чем это сделано в старой работе Hammer'а «Osmanische Staatsverfassung». Отдельная глава посвящена социальному строю Турции (Društvena struktura u Turskoj), военным ленам (viteška i voinička lena) и праву «тапу» (Tapu, осм. طاپو). «Dodatak» содержит выдержки из законов и, в частности, новый текст из «Stari popis zemalja carskoga hasa u Foči» (по оригиналу, хранящемуся в городской библиотеке Дубровника). Подробнейшая турецкая земельная терминология с комментариями делает

[1] Она же вышла отдельной книгой на немецком яз. «Die geschichtliche Grundlage der bosnischen Agrarfrage» в Сараеве еще в 1911 г.

эту работу необходимой для всякого, кто будет серьезно заниматься аграрным вопросом в Турции. Через 2 года (т. XXVIII) тот же автор обнародовал замечательный документ «Stari turski agrarni zakonik za Bosnu». Рукопись эта (90 стр. in 8°) по содержанию распадается на 2 части: 1) законы и 2) фетвы различных муфтиев по земельным вопросам (изложены в диалогической форме). Первоначально они приводились на полях архетипа, но последующими писцами были включены в текст. 1-ая часть, в свою очередь, дробится на след. три: 1) «Новая подробная книга о боснийских лива», написанная Мустафой-ибн-Ахмедом (ум. 973 г. х.) для Сулеймана Великолепного (стр. 2—17), 2) текст боснийца Мехмеда-эфенди, писца при шейх-уль-исламе Яхья-эфенди; заглавие отрывка — «О земельном положении» (стр. 18—29), 3) новые законы 1047 г. х. (= 1637) о боснийских лива. Основное ядро сборника (1-й отрывок 1-ой части) довольно легко выделяется от позднейших интерполяций. Содержание сборника — вопросы наследственного права и права «тапу». Интересно, что, редактируя земельный кодекс для Боснии, турки считались с местными традициями, благодаря чему в кодекс попали реминисценции из боснийского обычного права.[1] В заключение исследователь дает текст памятника (26 стр. турецкого шрифта по формату Гласника) и хорватский перевод к нему.

Работа В. Поповића «Задруга» (Die Hauskommunion) (XXXII, 1920), интересная по своим бытовым и этнографическим подробностям, открывает собою новый цикл. Сюда же относятся: Kalinović «Nešto o narodnom praznovjerju i liječenju u Muhamedanovaca u Bosni» (X, 503), где сообщены интересные турецкие народные приметы и народные рецепты от разных болезней, Драгичевић «Гатке босанске млађарије» (т. XIX), где даются образцы гаданий по арабским цыфрам, Леополд Глак «Хамајлије и записи у народнем љекарству Босне и Херцеговине» (II, 1890, стр. 45 сл.), где даны образцы гаданий и описаны мусульманские талисманы, K. Hörmann «Kumstvo u Muhamedanovaca» (I, 1889, стр. 36 сл.) и др.

Вопросы палеографии должны были разрабатываться уже потому, что все изыскания боснийской школы основывались на документах. Этим занимался Ć. Truhelka: 1) «Bosančica. Prinos bosanskoj paleografiji» (I, 1889, стр. 65 сл.), 2) названные выше «Tursko-slovjenske spomenici dubrovačke arhive» (XXIII, стр. 1 сл.), 3) «Bosanicom pisani turski tekstovi», о которых несколько ниже. Почти каждое исследование, дававшее текст или перевод документов, сопровождалось описанием рукописей, и из этих разрозненных данных можно было бы уже составить сводку о рукописном

[1] Подробнее об этом в моей рецензии, составленной в 1924 г. для очередного № журнала «Анналы», который с тех пор еще не вышел в свет.

фонде музея и отдельных боснийских туркологов. В отношении частных собраний особого внимания заслуживает коллекция Башагича,[1] описанная им в т. XXVIII, ч. 3—4 под заглавием «Popis orientalnih rukopisa moje biblioteke». Здесь охарактеризовано 349 арабских, персидских и турецких рукописей частного собрания автора, которое до того времени было неизвестно в науке, как неизвестен рукописный фонд музейной библиотеки и сараевской мечети Гази-Хусрев-бега, каталоги коих автор намерен впоследствии опубликовать. Наиболее древняя часть коллекции перешла к автору из сожженной в 1830 г. библиотеки некого Реджа-паши, собирателя старинных манускриптов; остальная, большая часть, приобретена позднее у частных лиц. Большинство рукописей хорошей сохранности. Арабские и персидские произведения являются обычно в копиях и переводах, турецкие — нередко автографы. Что касается даты, то арабско-персидские списки по большей части одновременны с чисто турецкими рукописями; последние, по состоянию османско-турецкой палеографии, могут считаться довольно ранними (XV, XVI в.). Наиболее ценными в своем собрании автор считает то, без чего нельзя построить истории мусульманской Боснии, а также ряд других в роде: كتاب ابى نصر الفارابى فى المنطق, затем ادب الكاتب Ибн-Кутейбы, كتاب نادر الوقوع — «jedinstvena zbirka na polju perzijske mistike», как выражается автор. Все собрание разбито на XV отделов (Наука о Коране,[2] Хадисоведение, О шариате и собрании фетв, Богословие, Молитвы, Мистика, Логика и Философия, Диалектика, Реторика, Поэтика и Метрика, Изящная Литература, История и Биографии, Энциклопедия, Лексикография и Грамматика, Астрономия, Разное). Недостаток места не позволяет говорить здесь о некоторых unicum'ах, кои остались неизвестными Хаджи-Хальфе.

Что касается далее литературы и языка, то здесь мы имеем ряд статей по отдельным вопросам устной народной словесности и художественной литературы. В т. XXVII (1915, стр. 337 сл.) В. Поповић поместил исследование «Из народне књижевности» с подзаголовком 2-й главы «Хороз Кардаш у нашим народним приповијеткама» (стр. 343), что представляет большой интерес для исследователей османского фольклора. Kemura Sejfuddin на протяжении нескольких выпусков (XX и сл.) дал в переводе все то, что относится к истории Боснии «Iz sejahatname Evlije Čelebije» по константинопольскому изданию 1315 г. х. (= 1897 г.). В статье Људе-

[1] По сведениям, полученным И. Ю. Крачковским от пражского профессора М. М. Мурко, в настоящее время рукописи Башагича приобретены чехо-словацким правительством.

[2] Настоящие заглавия представляют перевод с хорватского; в оригинале иногда приводятся также и арабские заглавия, соответствующие хорватским.

вита «Piesme i napievi iz Bosne i Hercegovine» (XVIII, стр. 183 сл., 354 сл., 439 сл.) найдется также много интересных данных по фольклору. В т. XXXI, стр. 165 сл. Башагич дал в переводе «Nizam ul alem», сочинение некого Hasan Čafi Pruščak'а (род. в 1544, ум. 1616). Произведение написано в 1595 г. и удостоилось награды со стороны султана Мехмеда III-го. Произведение — дидактического характера; прототипом его Башагич считает نصيحة الملوك Газали. Но в Nizam ul alem дано не только поучение, но и обличение — критика современной турецкой общественности. Совершенно особое место занимает по оригинальной теме и тщательности ее выполнения монография того же Башагича «Bošnjaci i Hercegovci u islamskoj književnosti» (XXIV, 1912, стр. 1 сл.). Здесь даются биографии мало известных мусульманских писателей боснийского происхождения, тексты и переводы их отдельных отрывков. В конце приложен список авторов и их произведений, что облегчает пользование этой, единственной в тюркологической литературе, статьей. Обильные турецкие термины объяснены в особом указателе. Подобные же указатели имеются и во многих других статьях Гласника, что при общей сводке дает любопытный материал не только по османской диалектологии, но отчасти и по истории османского языка. Пока мы имеем в этом отношении только статью Поповића «Памучинова збирка турцизама» (XXII, 173 сл.). Отдельные фонетические черты османского языка в их истории отражают все изданные документы, имеющие дату. Совокупность этих черт заставляет предположить, что в Боснии в Средние Века действовали особые турецкие диалектические группы, отличные от константинопольского говора. Исчерпывающий материал по данному вопросу мог бы послужить к уточнению в классификации южнотурецких языков и в частности османского с его диалектами. В этом отношении показательна статья Трухелка «Bosanicom pisani turski tekstovi» (XXVI), где издана по музейному оригиналу датированная турецкая рукопись 1590 г., написанная особым боснийским шрифтом (bosanicom). Судя по закону сербо-хорватского Anlaut'а (к' > ћ и г' > ђ), отражавшемуся и на передаче османских слов, можно сделать вывод (пока в гипотетической форме) о том, что боснийцы имели дело с особым османским диалектом, имевшем в Anlaut'е глухие «k» и «t» вм. нормальных звонких.[1] Из лингвистической же области боснийских тюркологов всегда интересовал вопрос о синкретизме языков (османского и славянских); вопрос этот, осложненный данными о социальной дифференциации языковых фактов, разработан в интересной статье «Баналашки (руднички, дунђерски) језик», где

[1] Подробнее об этом говорится в моем (ненапечатанном) докладе, который был сделан в 1924 г. в Московской Восточной Секции Научно-Исследовательского Института.

говорится об особом «плотничьем» языке, включающем в себя много албанизмов и турцизмов (XII, стр. 587 сл.).

Приведенный перечень статей не может, конечно, заменить той яркой картины, которую получает ориенталист при чтении оригиналов. В настоящее время боснийская школа настолько окрепла в своих традициях и настолько определила свои индивидуальные черты, что всякий будущий историк османистики обязан отвести ей место в своем исследовании. Можно сказать даже, что в некоторых отношениях боснийская школа стоит выше, чем все другие школы, разрабатывающие османскую филологию, этнографию и археологию. Ни одна из них не связана так тесно с живым материалом османской культуры, ни одна из них не сроднилась так с реликвиями османского быта, как боснийская школа. Неисчерпаемый сырой материал позволяет ей не зависеть от других школ в смысле объекта изучения, хотя, с другой стороны, это, быть-может, объясняет ее слабую связь с общей туркологи́ей, штудирующей и другие турецкие наречия, кроме османского. Общий принцип ее работы — территориальный: в настоящее время она изучает османскую культуру в преломлении боснийской истории, но изучает эту культуру во *всей* ее широте, а не только язык и литературу, как это делается в других туркологических центрах. Таким образом концентрация объекта исследования, его намеренное сужение, позволяет здесь расширить методологические рамки, что в руках исследователей, воспитанных на немецкой науке, не представляет опасности. Боснийская школа есть не только школа туркологов-лингвистов, но — и, быть-может, это единственный в мире пример — школа туркологов-юристов, археологов, нумизматов и искусствоведов. Отдельные работы Трухелка, Хермана, Башагича, Мудеризовича заняли бы почетное место в любой национальной туркологической школе. Когда обильный сырой материал боснийской туркологии будет до известной степени систематизирован и от анализа можно будет хотя бы частично перейти к синтезу, тогда боснийская школа туркологов автоматически войдет в контакт со своими коллегами по общей специальности для общей классификации общего материала. Тогда и встанет во всю широту вопрос о дифференциации туркологических дисциплин боснийской школы, ныне связанной территориальным принципом объекта изучения. А пока Zemalski Muzej u Bosni i Hercegovini, опубликовывая фактический материал своих работ, будет с честью истолковывать отдельные уголки того туркологического музея (Боснии), сердцем которого он является.

Н. Дмитриев.

О двух золотоордынских монетах.

В VI томе журнала «Новый Восток», Москва, 1924 г., стр. 329—335, напечатана статья И. Н. Бороздина «Восточные культуры СССР», в которой для иллюстрации влияния византийской культуры на Золотую Орду дается изображение двух медных золотоордынских монет, издаваемых здесь, как говорит автор, впервые. Не останавливаясь на том факте, что одного изображения только одной стороны монеты в увеличенном масштабе без подробного описания и без указания действительного размера и веса ее нельзя назвать изданием монеты, считаю необходимым указать на то обстоятельство, что данное автором статьи толкование этих монет совершенно неправильно.

Он видит на одной из этих монет изображение женщины с младенцем, полагает, что это богородица и связывает чекан этой монеты «с браком хана Узбека на византийской принцессе Байлунь». На его рисунке действительно находится круглое лицо и под ним второе тоже круглое лицо в короне. Однако, остается непонятным, что обозначают 3 дуги, из которых две верхние исходят от верхнего лица, а нижняя из середины короны, и которые кончаются справа и слева, у самого края монеты, каким-то неопределенным утолщением.

Надо сказать, что данное изображение весьма неточно. В Эрмитаже имеется 13 монет этого типа. Соединяя их все вместе, можно дать себе ясный отчет о рисунке монеты. Нижняя фигура вовсе не представляет собою круглого лица младенца. Это — пятиконечная фигура, а не круглая. Третьей дуги, исходящей из середины короны (?), ни на одном из эрмитажных экземпляров этой монеты нет. Очевидно, эти монеты того же типа, который описан Френом ровно 100 лет тому назад, Recensio 219: «Numus rarus et notabilis, idem atque 35[18], nisi quod hic loco leonis cancer conspicitur». Под № 35 описана монета с таким реверсом: «Leo, cuius dorso sol dimidius imminet».

Несомненно, здесь имеется именно такое изображение. На конверте,

в котором лежат данные эрмитажные экземпляры, рукою А. К. Маркова дано подобное же определение: «солнце в клешнях созвездия рака».

Действительно, пятиконечная фигура представляет собою туловище рака. Никакой короны нет, выступ, принятый И. Н. Бороздиным за средний зубец короны, на 11 экземплярах больше изображенного на рисунке, боковые зубцы вовсе не существуют, а должны быть заменены короткими черточками, представляющими собою усы рака. Непонятные при толковании И. Н. Бороздина утолщения с края представляют собою клешни.

Одна из 13 эрмитажных монет имеет с обеих сторон одно и то же изображение. На остальных 12 экземплярах на аверсе находится следующая надпись:

В поле: از حكم *по повелению*

همايون *высочайшему*

Между этими двумя строками находится украшение, подобное изображенному у Френа, Монеты улуса Джучиева tab. I, № XXIII, XXVI.

Френ говорит еще о круговой легенде:

ضرب // سراى // سنة // ٧٣٧ Moneta τοῦ Sarai anno 737.

На эрмитажных экземплярах это не так ясно: Дата ٧٣٧ находится на двух экземплярах внизу, на одном наверху, на двух справа (всегда основанием цифр к краю). Из остальных слов я могу с точностью установить только наличность слова ضرب (чекан), которое на двух монетах, без даты, находится наверху, основанием букв к краю.

Места чекана на большинстве монет совершенно не видно, на одном экземпляре, на котором дата не сохранилась, справа видно وارر..., на другом, с датой наверху, тоже справа ...خوار первая буква потерта и не может быть установлена с уверенностью. Чтению Хорезм мешают последние две буквы, которые имеют скорее вид ر, ــب или ار, اب. Для окончательного решения вопроса, как следует читать спорное имя города, необходимо ждать находки более хорошего экземпляра. У самого края на всех монетах находится точечный ободок. Размер этих монет от $5\frac{1}{2}$ до $7\frac{1}{2}$ мм. вес: 2,03; 1,89; 1,84; 1,82; 1,81; 1,79; 1,73; 1,55; 1,55; 1,38; 1,30; 1,11; 0,98 гр. Общий вес всех 13 экземпляров 20,79 гр., средний вес одной монеты, значит, 1,60 гр.

Что касается изображения оборотной стороны, воспроизведенной у Бороздина, то его, очевидно, следует сопоставить с другими монетными изображениями зодиакального характера. Как изображение льва и солнца, встречающееся на монетах малоазийских Сельджуков,[1] Хулагуидов,[2] Джу-

[1] Lane Poole, Catalogue of oriental coins in the British Museum, III, № 190—230.

[2] Lane Poole, l. l., VI, № 158, 159, 162, 264—266.

чидов,[1] Великих Моголов Индии[2] и персидских шахов,[3] обозначает солнце в созвездии льва,[4] так здесь изображено солнце в созвездии рака. Как дальнейшую параллель можно еще привести медные джучидские монеты с изображением двух рыб,[5] с изображением весов,[6] ортокидские монеты со стрельцом[7] и серию зодиакальных монет Великого Могола Джехангира, где на различных монетах изображены все знаки зодиака от овна до рыб.[8]

Другая изображенная у И. Н. Бороздина монета представлена в Эрмитаже двумя экземплярами с совершенно таким же двуглавым орлом и целым рядом монет с довольно близким типом орла.[9]

На лицевой стороне двух эрмитажных экземпляров находится следующая надпись: ضرب // سراى // الجديد اون // التى دنك (*чекан Сарая Нового, шестнадцать данк*).

Размер этих двух экземпляров 14 и 15 мм., вес 1,25 и 1,32 гр. Подобная монета описана также сто лет тому назад Френом, Recensio 404, № 13, который ее называет «notabilis, frequentissimus» (см. Монеты улуса Джучиева, 37, № 387, tab. X, № CCCXLIII). Вопрос о том, откуда золотоордынские ханы заимствовали двуглавого орла также сложнее, чем это дело представлено в статье И. Н. Бороздина. Необходимо отметить, что и Köhne[10] и Nützel[11] и А. В. Орешников[12] определенно высказались за восточное происхождение этой эмблемы. Древнейшие изображения двуглавого орла находятся в Каппадокии, в деревнях Богаз Кей и Эйюк[13] и относятся к VII в. до н. э. На восточных монетах двуглавый орел встречается уже в конце XII в. на монетах Зенгидов,[14] и в начале XIII в.

---

[1] Френ, Монеты улуса Джучиева, tab. XII, № 6, tab. XIII, № 8, 12.

[2] Lane Poole, Catalogue of indian coins in the British Museum, The Moghul Emperors, № 312—316, pl. IX.

[3] R. Stuart Poole, Catalogue of the coins of the shahs of Persia, № 547, 576, 628 и passim.

[4] См. Nützel, Embleme und Wappen auf muhammedanischen Münzen (Festschrift der Numism. Gesellsch. Berlin, 1893), 3.

[5] Френ, Монеты улуса Джучиева, 10, № 68, tab. II, № LVIII, Recensio, 404, № 12.

[6] Марков, Инв. катал., 506, № 1616.

[7] Lane Poole, Catalogue of oriental coins in the British Museum, III, № 429—437, Марков, Инв. катал. 417, № 52—56.

[8] Lane Poole, Catalogue of indian coins. The Moghul Emperors, № 322—401. Марков, 822, № 18—36. Интересно, что водолей на некоторых монетах этой серии изображен в виде кувшина (L. Poole, ук. с., № 357, pl. X), как и на некоторых медных монетах Джучидов. Френ, ук. с., tab. X, № CCCXL. Марков, ук. с., 506, № 1617; 505, № 1593.

[9] Марков, ук. с., 506, № 1606—1615.

[10] Vom Doppeladler, Berliner Blätter für Münz-, Siegel- u. Wappenkunde, VI, 1.

[11] Nützel, ук. с., 7.

[12] Тр. Моск. Нум. Общ., II, 13—14.

[13] См. все 3 указ. соч.

[14] Ghalib Edhem, Catalogue des monnaies turcomanes, Constantinople, 1894, 127. № 165, Lane Poole, Catal. of oriental coins in the Brit. Mus., III, № 615—619 (584 г.), 633, 634 (606 г.), Марков, ук. с., 425, № 1.

на монетах Ортокидов,[1] чеканенных в различных городах Месопотамии. Несколько позже мы его встречаем на ирбильской монете 678 г. (1279—80) персидского монгола Абага,[2] который, как указал Nützel,[3] несомненно перенял его от Ортокидов. Весьма вероятно, что и Джучиды заимствовали двуглавого орла у своих юговосточных соседей, а не у Византии.

В византийском гербе двуглавый орел впервые появился как раз при Андронике III[4] (1325—1343), современнике Узбека. Но в виду того, что двуглавый орел появился у ханов Золотой Орды не как государственный герб, а лишь как изображение на сравнительно незначительном количестве медных монет, приблизительно одновременно с целым рядом всяческих других изображений, главное внимание при обсуждении вопроса о его происхождении должно быть обращено именно на монеты, а не на что другое. Монеты же определенно указывают на восточное влияние. В то время как на восточных монетах двуглавый орел встречается неоднократно в предшествующие века, на византийских монетах всего предыдущего периода его нет, а встречается он только на медных монетах трапезунтских Комненов, Алексея III[5] (1349—1390) и Мануила III[6] (1390—1417), несомненно находившихся под восточным влиянием.

И вообще, мне кажется, если уже византийское влияние было так сильно, что византийские печати могли влиять на изображения на джучидских монетах, то следовало бы подавно ожидать и влияния самих византийских монет на монетное дело Золотой Орды. Между тем никакого сходства между монетами Джучидов и монетами Византии не наблюдается, все прочие изображения на джучидских монетах никакого византийского влияния не выявляют, а потому никак нельзя согласиться с вышеупомянутым мнением И. Н. Бороздина, высказанным им с полнейшей уверенностью, но без всяких доказательств.

В заключение надо заметить, что, если изображение джучидских монет в популярно-научных органах и весьма полезно, то было бы все-таки желательно, чтобы такие изображения были более точны и чтобы объяснения к ним хоть мало-мальски отвечали научным требованиям.

Р. Фасмер.

---

[1] Ghalib Edhem, ук. с., № 16 b, 19—22, Lane Poole, ук. с., III, 346—354, 358—360. Марков, ук. с., 411, № 10, 11.

[2] Lane Poole, ук. с., VI, № 56.

[3] Ук. с., 7.

[4] Köhne, ук. с., 7.

[5] Wroth, Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards, 301.

[6] Wroth, ук. с., 305, Retowski, Die Münzen der Komnenen von Trapezunt, Нум. Сборник, I, 289—290, Köhne, ук. с., 5.

Персы среди арабских поэтов эпохи Омейядов.

«... Влияние национальных различий трудно оправдать в каждом факте: поведши дело таким образом, мы непременно встретим множество исключений ... Главный колорит исторических фактов зависит от общих свойств и слабостей человеческой природы ... То, что привносит национальный элемент, слабо, но постоянно отражается в второстепенных тонах общего колорита; но в конце концов дает ... сумму влияний ...»[1]

«Борьба (шуʿӯбитов) была ожесточенная, но короткая. Она мало интересовала позднейшие поколения, которые не умели ценить ее значения. Между тем, мне казалось и кажется, что всестороннее исследование ее представляет одну из самых заманчивых задач арабской филологии ...».[2]

Вихрь арабского завоевания, объявший восточные, южные и западные берега Средиземного моря в VII—VIII вв., принес им своеобразный налет, налет пустыни, кочевой жизни бедуина, с ее верблюдами, с ее покинутыми стоянками. Эти мотивы звучат в поэзии всех стран, охваченных арабским завоеванием, вплоть до незнавшей верблюда Сицилии.

Одним из явлений, входящих в понятие арабизации, было принятие арабского языка вместе с арабской поэзией. Берега Средиземного моря, кроме северного берега, и поныне входят в состав Арабистана.[3] Испания едва сумела сохранить свою романскую культуру, о чем свидетельствует жалоба Альвара, кордовского епископа середины IX-го века, на то, что в его время христиане увлекаются чтением произведений на арабском языке и сами пишут арабские стихи, превосходя в этом самих арабов, в ущерб изучению латыни и своей литературы.[4] До сих пор не решен вопрос о

[1] Проф. В. В. Болотов, Лекции по истории древней церкви. III, 39.

[2] Бар. В. Р. Розен, ЗКВ I, 285.

[3] В широком значении слова, т. е. стран, где население говорит на диалектах арабского языка и пользуется классическим арабским языком для письма.

[4] Schack, Poesie und Kunst der Araber in Spanien und Sicilien, Bl. 1865, I, 70.

том, насколько возникновение средневековой романской любовной поэзии стоит под влиянием испано-арабской лирики.

Более упорным было сопротивление, оказанное арабам и арабизму православным восточно-христианским миром в лице Византии после того, как она потеряла полу-монофиситскую Сирию и Египет, сопротивление как в военном отношении (на малоазиатской границе),[1] так и в культурном.[2]

Но был и такой народ, который сумел стряхнуть чужое ярмо, приняв сначала ислāм и арабскую письменность вместе с арабской поэзией, и этим народом были персы. Позднée они создали значительную даже в общемировом масштабе поэтическую литературу. Правда, эта литература сохранила два отпечатка первоначально принятого персами арабского ига — арабский шрифт и метры вместе с арабской рифмовкой стиха, но в идейном отношении она вполне освободилась от арабизации и даже оказала обратное влияние.[3]

Униженное положение персов в эпоху раннего ислāма, до и при Омейядах, тяжелая жизнь вольноотпущенников — мавāлӣ (*ед. число*: маулā), способствовали тому, что некоторые из них нашли выход, вооружившись сильным среди арабов оружием — умением писать арабские стихи.[4] Другие персы, чтобы освободиться от положения мавāлӣ, становились рāвӣями — «передатчиками», т. е. знали наизусть массу стихов старых бедуинских поэтов, и рассказывали о жизни и «днях» арабов. Начало освобождения от арабского духовного гнета[5] относится уже к концу Омейядской эпохи, когда замечаются первые признаки движения шу'ӯбии, — литературного аспекта национального возрождения народов, покоренных арабами, — и проявляется оно в проповеди иранского национализма, облеченной в обычную форму старой арабской ḳаçӣды,[6] где иранофильство сказывается только в фаẖре поэта, т. е. в стоящем в конце стихотворения восхвалении предков и их доблестей. Такова поэзия Исмā'ӣля ибн Йасāра, такова первая стадия

---

[1] Ср. Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, Bl. 1902, S. 214.

[2] Вспомним, что жизнь такого крупного песнописца и борца за православие, каким был св. Иоанн Дамаскин, протекает в пределах халифата.

[3] Примером влияния персидской литературы на арабскую может являться мунāẓара между розой и нарциссом, ср. نفحة اليمن (изд. Бӯлâḳ 1324) стр. 65 сл. См. также статью И. Ю. Крачковского, Арабские переводы Гулистāна, ДАН, В 1924, стр. 101 сл. О форме دو بيت ср. Gies, Ein Beitrag zur Kenntniss sieben neuerer arab. Versarten. Lpz. 1879, стр. 22 сл.

[4] Еще Caussin de Perceval (J. A. 1834, t. 13, p. 291) писал по этому поводу: «Le talent poétique était alors chez les musulmans une véritable puissance et . . . l'arme du ridicule dont la blessure est si profonde parmi nous n'était pas moins redoutée dans les villes arabes et jusque sous les tentes des bédouins».

[5] Выражение В. Р. Розена (ЗКВ I, 284).

[6] Высказываемые в предисловии положения будут обоснованы в дальнейшем.

освобождения, вполне закончившаяся до падения Омейядской династии, этой хронологической рамки настоящей статьи. В дальнейшем намечаются и следующие стадии: творчество Абӯ Нувāса, современника Хāрӯна ар-Рашӣда, с его осмеянием приемов старой арабской поэзии,[1] — плача над следами покинутой ставки возлюбленной, и с его уклоном к испорченной красоте роскошной, развратной городской жизни; и, наконец, появление стихов на персидском языке с теми же сюжетами, но не говорящих о верблюде и обращающих бóльшее внимание на красоту садов и природы, построенных всё по тому же арабскому шаблону ḳасӯд. Персидские стихи появляются со времени халифа ал-Ма'мӯна, с первой четверти IX-го века,[2] когда и в политическом отношении Иран, и прежде всего Хорасан, обособляется от арабского халифата, под руководством правителей из династий Ṭāхиридов, Ṣаффāридов и Сāмāнидов. Расцветшее при дворе последних (875—999), новое творчество на персидском языке уже можно назвать именем литературы.[3]

До сих пор не вполне разрешен вопрос, было ли это новое творчество на персидском языке лишь продолжением творчества эпохи Сāсāнидов. Для рассмотрения этого вопроса нужно обратить внимание на следующие данныя.[4]

1) В столь высоко ценимом Christensen'ом[5] источнике для внутренней истории государства Сāсāнидов, как письмо Тансара, дошедшем до нас в новоперсидском переводе с арабского перевода Ибн ал-Муḳаффа', мы имеем указание[6] на то, что поэты (شعرا), на ряду с врачами (اطبّا), астроло-

---

[1] Ср. Ahlwardt, Diwan des Abu nowas. I. Die Weinlieder, Greifswald, 1861, nn⁰ 10, ст. 1—6; 26, ст. 1; 33, 1a; 60, 1; 68, 1.

[2] Ср. Bulletin of the School of Oriental Studies, Vol. II, part II, 218 сл. (C. E. Wilson) и part IV, 837 (W. Barthold).

[3] Другого мнения придерживается C. E. Wilson (Bulletin той же школы. II, 2, pp. 222-3), считающий персидское возрождение через 200 лет после арабского завоевания — «мнимой величиной», предполагая, что персидская светская литература периода сразу после арабского завоевания погибла при монголах, т. к. зороастрийские мобеды были заинтересованы в сохранении только религиозных произведений. Но где же были меценаты для поэзии на персидском языке, по крайней мере, в эпоху Омейядов, меценаты, без которых для Ближнего Востока развитие поэзии трудно себе представить? Исходный пункт персидской поэзии, мне кажется, нужно искать как раз на арабском языке, в поэзии первого века правления 'Аббāсидов, когда эстетические вкусы персов находили себе выражение на арабском языке.

[4] На полноту собранных здесь данных не претендую.

[5] A. Christensen, L'empire des Sassanides, le peuple, l'état, la cour. Copenhague, 1907; ср. экскурс на стр 111.

[6] Christensen, op. cit., со ссылкой на Darmesteter'a, Lettre de Tansar au roi de Tabaristan — (J. A. 1894, I, pp. 214 и 517-18).

*

гами (منجمان) и разного рода писцами относились к III классу, классу писцов (كُتّاب).

2) В «Китāб ал-махāсин ва-л-аддāд» сохранилось известие ал-Кисравӣ о празднике наурӯза. В конце рассказа[1] ал-Кисравӣ говорит о том, что перед царем среди песней обращения и весенних песней,[2] песней с упоминанием сыновей великанов и описанием дождевых созвездий пели песни — Āфрӣн, Ḫусравāнӣ, Māзарāстāнӣ, Фахлабад. Если Browne[3] и за ним Jackson[4] считают эти имена — именами певцов (minstrels), то русский исследователь[5] принимает это, не без основания, кроме последнего (Фахлабад), за название песней. И действительно, по Са'āлибӣ[6] и по 'Ауфӣ[7] Фахлабад был автором خسروانيات, т. е. песней, исполнявшихся в царском присутствии. Содержанием песней Фахлабада было, по тому же ал-Кисравӣ, восхваление царя, рассказ о его «днях» (по арабскому выражению فى كلام العرب), о его собраниях — меджлисах и о его победах.[8]

3) Как доказал Browne,[9] на основании 'Ауфӣ,[10] песни Фахлабада-Бāрбада не признавались поэзией, вследствии отсутствия размера (وزن شعر), рифмы (قافية) и соблюдения соответствий[11] (مراعات نظائر). Ввиду этого и 'Ауфӣ не приводит образцов его творчества (следовательно, ко времени 'Ауфӣ, ок. 1220 г. н. э., они еще не были утрачены), и арабские источники, за исключением Закарийā Ḳазвӣнӣ (Āсāр ал-Билāд),[12] не называют его произведений именем поэзии شعر (ср. напр. в Китāб ал-Махāсин ва-л-Аддāд, l. c. осторожное بمنزلة الشعر).

4) Следовало бы a priori ожидать, что противники арабов в шу'ӯбитском споре укажут на Сāсāнидскую персидскую поэзию, буде такая имелась, выставляя ее как доказательство того, что арабы не правы, называя поэзию делом только арабским. Однако, отрицая за арабами какую-нибудь роль в развитии ремесл и философии, шу'ӯбиты не оспаривают прав арабов

---

[1] Van Vloten, Le livre des beautés et des antithèses, p. 363.

[2] Такую весеннюю песнь мы имеем, должно быть, у Залемана, Manichaeische Studien I, n⁰ 554 v.: «leider ist von diesem frühlingsliede (5 + 6 Silben), das an so manches تغزّل erinnert, nicht mehr erhalten».

[3] Browne, op cit. I, 18.

[4] Early Persian Poetry, New York, 1920, p. 9, n. 1.

[5] Иностранцев, Сасанидские этюды, стр. 108-109.

[6] Zotenberg, Histoire des Perses, par al-Tha'âlibî, p. 698, 2-3.

[7] Ed. Browne, p. 20, 15-16.

[8] Са'āлибӣ (op. cit. 694 сл.) дает нам еще одно имя певца, Серджис (= Сергий).

[9] Bārbad and Rudagi в JRAS. 1899, p. 61.

[10] Ed. Browne, p. 20, 16-17.

[11] Об этом термине ср. Rückert-Pertsch, Grammatik .. der Perser, S. 356.

[12] Zakarija... el-Cazwini's Kosmographie, ed. Wüstenfeld, Göttingen, 1848, II, 156, 10 сн. и 296, 12 снизу.

на заслуги в области поэзии, но ограничивают и это указанием на греческую поэзию с ее устойчивыми метрами и с ее метрикой (وذلك أنّ للرّوم اشعارًا عجيبةً قائمة الوزن والعروض),[1] не упоминая о средне-персидской. Также такой враг всего арабского и знаток иранской старины, как ал-Бӣрӯнӣ,[2] критикуя пристрастие Ибн Ḳутейбы к арабам в его книге «Преимущества арабов», говорит, что исключительно арабам принадлежит только поэзия, в которой «они увековечивают то, что они знают или предполагают, правда ли то или ложь, слава или позор, в стихах, реджезах и рифмованной прозе...».

Итак, в шу'ӯбитских толках противники арабов не говорят о существовании средне-персидской поэзии (شعر) с устойчивыми метрами, так же, как творчество Бāрбада не признается поэзией, имеющей устойчивую форму. Должно быть, именно вследствие этой неустойчивости метрической формы творчеству на средне-персидском языке и не усвояется название поэзии, ши'ра.

Получившееся между известием о положении поэтов при Сāсāнидах и добытым выводом об отсутствии средне-персидского ши'ра противоречие может заполнить достоверный факт существования пения и певцов.[3] Припомним, что по «Книге песен» первый арабский певец, Ибн Сурейдж[4] или Са'ӣд ибн Мусаджжиḥ,[5] учившийся у персов и у греков, приспособил персидскую мелодию к арабским стихам, услыхав ее от персидских рабочих при постройке мечети в Мекке, при Ибн аз-Зубейре, и что по другому известию,[6] пение пришло в Ḥиджāз из Персии и Йемена. Из Персии его привез один из первых арабских врачей, учившийся в Джундишапуре Ḥāрис̱ ибн Келеда.[7] А в Йемен оно могло прибыть из той же Персии одновременно с персидскими завоевателями конца VI в.

Полагаю, что и слово شُعَرَا «поэты», в письме Тансара, нужно понимать в том смысле, что это были певцы. Возможно, что при двойном переводе, которому подвергся этот текст, был утрачен точный смысл этого

---

[1] 'Ыḳд (Миср 1293) II, 86, 17 сл.; ср. Goldziher, Muhamm. Studien I, 169.

[2] Chronologie Or. Võlker, ed. Sachau, S. 239: بل كان للعرب ما لمْ يكنْ لغيرهم وهو تخليدُ ما عرفوه أَوْ حدسوه حقًّا كان أَوْ باطِلًا حمدًا كان أَوْ ذمًّا بالاشعار والأُرجوزة والأَسجاع و كانوا يتوارثونها فتَبْقَى عندهم و بعدهم

[3] Ср. многочисленные упоминания о пении и певцах у Christensen'a, op. cit., pp. 3, 34, 90-91, 98, 99, 103-4, 108.

[4] كتاب الاغانى, Бӯлāкское изд. 1285 г. х. I, 98,3.

[5] Аг. III, 84.

[6] Ibn al-Qiftî, ed. Lippert p. 192.

[7] Ср. ЗКВ, I, 62-63.

слова, и новоперсидский переводчик руководствовался положением дел при дворе персидских мусульманских династий. Сведение о «поэтах» несостоятельно и потому, что когда речь должна, казалось бы, зайти о поэтах, называются или певцы, или даже только названия песней.

Переходя далее к рассмотрению персидских размеров и рифмовки стиха, нужно отметить, что персидские метры распадаются на две неодинаковых по величине категории: 1) приспособленные к персидскому языку арабские размеры (их большинство);[1] 2) размер рубā'ӣ, восходящий[2] к 4 + 7, к старой авестской строфе спĕнтамаінју.[3] Но не нужно забывать, что, по словам исследователя современных народных четверостиший,[4] «четверостишия эти *всегда поются*». Не есть ли эта форма рубā'ӣ 4 + 7, — форма национальной персидской песни? В рубā'ӣ при устойчивом счете слогов, отмечается еще «бесконечное разнообразие», т. е. неустойчивость в чередовании долгих и кратких слогов.[5]

Что касается рифмовки, то она, подобно размерам, распадается на α) заимствованную от арабов рифмовку ķаċӯд, газелей и ķыṭ'а и на β) характерную персидскую рифмовку месневӣ: аабббв; по мнению Е. Э. Бертельса, эта форма исстари присуща национально-персидской эпической балладе, исполнявшейся менестрелями-певцами.

Если мы теперь подведем итог всему сказанному, то у нас получится следующее: метрическая поэзия как таковая с метрикой и рифмовкой заимствована имевшими только зачаточный вид поэзии,[6] но развитую песнь, персами у арабов, обладавших выработанными размерами, в период после арабского завоевания, которые в свою очередь, и, должно быть, в самом начале ислāма, заимствовали из Персии искусство пения, оставив в стороне и форму персидского стиха, и форму персидской рифмовки. Вывод наш, вполне независимый, совпал с мнением К. А. Иностранцева, писавшего

---

[1] Неразрешенным остается вопрос о мутаķāрибе, размере персидских эпических поэм; ср. противоположные точки зрения Nöldeke (Grundriss der iranischen Philologie II, S. 187 § 53) и Salemann'а (Manich. Studien I, стр. VII).

[2] Залеман и Жуковский, Краткая грамматика новоперсидского яз. СПБ. 1890, стр. 83.

[3] Строфа эта была не единственной, как показывают выводы Salemann'а, Man. St. I, стр. VI.

[4] А. А. Ромаскевич, Персидские народные четверостишия I, стр. 4 (из XXIII т. ЗВО).

[5] 24 размера четверостишия, ср. ibid. стр. 3 и прим. 4.

[6] Ср. Browne в JRAS 1899 г., p. 61, сравнение с таснӣфами, у которых есть «both rhyme and metre, but of a very simple kind». Salemann (Manichaeische Studien I, SS. VI — VII) думает, что в обнаруженных им метрических манихейских фрагментах мы имеем «das lang gesuchte bindeglid, das von der ältesten metrik des Avesta zu den noch heute lebendigen volkstümlichen versmahsen herüber leitet»... Указанием на Залемана я обязан А. А. Фрейману, а разобраться в текстах мне помог М. Н. Соколов, коим приношу мою благодарность.

еще в 1904 г.[1] «недаром персидская музыка пользуется заслуженной известностью в мусульманском мире, не даром наш текст (т. е. Китāб... ал-аддāд) *противопоставляет персидских менестрелей-певцов арабским поэтам — декламаторам*».

Препятствием к развитию искусственной поэзии у персов до ислāма из лирической песни и эпической баллады могло являться, между прочим, и неудобное пехлевийское письмо с многочисленными семитическими идеограммами.

Обратимся теперь к древнейшим дошедшим до нас персидским тезкирэ. Даулетшāх,[2] писавший в 892/1487 г., приводит два мнения по вопросу о том, была ли поэзия у персов до ислāма:

а) «ученые и мудрецы не нашли до-исламской поэзии на персидском языке и не видели упоминания имен поэтов»;

б) как менее достоверное приводится им мнение (در افواه افتاده), что первый, кто сказал персидский стих, был Бехрāм Гӯр (420—438), но *только один стих*. Приводится далее и тот стих, который будто-бы во времена ʿАдуд ад-Дауля (949—983) Абӯ Ṭāхир Х̱āтӯнӣ нашел среди развалин замка Ḳаср-и-Ширин. И здесь речь идет об одном стихе. А ʿАуфӣ,[3] говоря о Бехрāме, как первом, кто сказал персидский стих, *сначала* повествует о его пребывании в пустыне среди арабов и *приводит его арабские стихи*, а *потом уже* только этот *персидский стих*.[4] Об арабских стихах Бехрāма он говорит, что они были собраны в дӣвāн (مدوّن), и что он видел дӣвāн его стихов в библиотеке в Бух̮āре (وبنده در كتاب خانهٔ سرپل بازارچهٔ بخارا ديوان او ديده است). Будучи наследником, Бехрāм V безусловно пребывал продолжительное время при дворе х̮ӣрских лах̮мидов.[5] Характерно, что предание приписывает именно ему произнесение первого стиха на персидском языке. Мне думается, что, если перевести это известие с языка предания на язык науки, мы получим новое подтверждение арабскому происхождению персидской искусственной поэзии (شعر).

Среди арабских стихов, автором которых называется Бехрāм Гӯр, безусловно неподлинно первое его стихотворение, приводимое ʿАуфӣ,[6] т. к. встречающееся в нем слово مُحَال в смысле «невозможное» в арабском

---

[1] Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в Сасанидской Персии стр. 44 (=Сасанидск. этюды, стр. 108).

[2] Ed. Browne, p. 28,22 сл.

[3] Ed. Browne, p. 19.

[4] Тезкирэ рассказывают несколько иначе, чем Darmesteter, Les Origines de la Poésie persane. Paris 1887, p. 1 о том, при каких условиях он был произнесен.

[5] Nöldeke, Geschichte... der Sasaniden, S. 86, Anm. 1.

[6] P. 20, 7-8.

языке появляется не ранее конца эпохи Омейядов.[1] Nöldeke[2] считает оптом все арабские стихи Бехрāма — вымыслом позднейших поколений. Полагая, что не только положительная, но и отрицательная научная критика должна основываться на доказательствах, и не имея таких в данном случае для других стихотворений Бехрāма, в возможности арабских стихов которого нет ничего невероятного, я отмечу лишь его «подписное» стихотворение, приводимое у Мас'ӯдӣ[3] и у 'Ауфӣ:[4]

«Я говорил ему (т. е. х̱аḳāну), когда я рассеял (var.: увидел) его полчища:

«Точно ты никогда не слыхивал о нападениях Бехрāма!
«Я — защитник всего царства Фāрса;
«Не хорошо то царство, у которого нет защитника».

Мас'ӯдӣ[5] приводит еще одно стихотворение Бехрāма:

«Люди на всей земле знают,
«Что они стали мне рабами.
«Я воцарился над их царями и победил
«Сильного из них, начальника и подначального.
«Эти львы их ищут осторожности по отношению ко мне,
«И боятся, из страха передо мною, итти на водопой.
«Когда пришло в расстройство царство земли,
«Я построил его отряды и полки,
«И оно предается моему руководству,
«Или же я тащу его, жалующегося на цепи и кандалы».

Таким образом, и древнейшие персидские тез̱кирэ отрицают существование искусственной поэзии (شعر) в до-исламской Персии, допуская, и то не на строго научном основании, а на основании молвы, существование отдельных стихов, бейт'ов.

Если мы в заключение, обратимся к тем перечислениям любимых развлечений отдельных народов, которые часто встречаются у арабских писателей,[6] то и здесь мы встретим подтверждение нашим выводам о взаимоотношении арабской поэзии и персидской песни: в «Китāб адеб ал-вузарā»[7]

---

[1] Ср. стих З̱ӯ-р-Руммы (ум. 719 или 735), Dīwān, ed. Macartney n⁰ 57, стих 48, приводимый у Джāх̣иза, Байāн I, 60, 14.

[2] L. c.

[3] Prairies d'or II, 192.

[4] P. 20.

[5] II, 192 — 193.

[6] Ср. Ahlwardt, Elfachri (Gotha, 1860) стр. 22, 1 сл. (о науках).

[7] ZDMG XIII, 243, Anm. 1. Ср. Goldziher, Muham. Studien I, 168, Anm. 2.

адеб делится на 10 отделов (أشياء), из которых к трем Нӯширва̄нским относятся: игра в шахматы, *игра на лютне* и игра в поло; а к арабским: *поэзия*, грамматика и «дни» арабов.

Начиная с восприятия арабизмов иранцами, я стараюсь в настоящей статье дать ряд портретов арабских поэтов персидского происхождения, живших при Омейядах, интересуясь преимущественно указаниями на персидские черты в их стихах и рассказах о их жизни, на их положение, как мава̄лӣ, и на их отношения к названной династии, этому оплоту арабского национализма и арабской империи.

I.

Ал-абна̄'.

Если оставить в стороне многочисленные упоминания об Иране и Са̄са̄нидах (между прочим, и о средне-персидском письме по шелку),[1] встречающиеся уже в стихах Абӯ-ç-Çальта,[2] отца известного доисламского поэта Умеййи (ум. 630—31), и затем идущие через поэзию 'Адӣ ибн Зейда,[3] ал А'ша̄,[4] 'Омара ибн абӯ Ребӣ'а,[5] вплоть до стихов халифа Валӣда II-го[6] и поэта Х̱а̄лида ал-Файйа̄да,[7] и обратиться к стихам самих персов, писанным на арабском языке, то первыми привлекут к себе внимание ал-абна̄' — «сыны»[8] или бенӯ-л-ах̱ра̄р — «свободные»,[9] потомки тех персов, которые при Хосрое I Ануширване (531—578) помогли арабскому вождю Сейфу ибн З̱ӯ Йезену освободить южную Аравию, так называемый Йемен, из рук Абиссинцев, захвативших ее по настоянию Византийцев, заинтересованных

---

[1] Стихи Х̣а̄риc̣а ибн Х̣иллизы ал-Яшкурӣ в Mufaḍḍaliyyāt, ed. Thorbecke nº 26, ст. 1: آياتُها كمهارق الفرس Ср. A. Grohmann, Allgemeine Einführung in die arabischen Papyri... Wien 1924, S. 59, Anm 2 и также Fr. Krenkow в сборнике в честь E. G. Browne, 'Adjab nameh, 1922, стр. 266.

[2] Ср. его известное стихотворение на Сейфа ибн З̱ӯ-Йезена, Ṭаб. I, 956-957 и его перевод у Nöldeke, op. cit., 234-236, также Ибн Хиша̄м, ed. Wüstenfeld, I, 44; Jacut, его же изд., III, 812; Ибн Ḳутейба, Liber Poesis ed. de Goeje, 281; Ar. XVI, 75; также в Nihàyatu'l-Irab, ср. Browne в JRAS, April 1900, p. 230.

[3] Ср. Nöldeke, op. cit. 38, 140 прим. Ибн Хиша̄м, Сӣра, 45, стр. 8 (по Siddiqi).

[4] Nöldeke 331, Anm. 4; 34, Anm. 37.

[5] Dīwān, ed. Schwarz, nº 386, 2a.

[6] Ar. VIII, 88, 3a.

[7] Умер. ок. 718 г.; о нем Browne, A lit. history, I, 14, note 2; pp. 17-18 (перевод его стихов).

[8] Nöldeke 220, Anm. 4.

[9] Ibid. 236, Anm. 2.

в этом по соображениям морской торговли с Цейлоном и Дальним Востоком. Сейф обратился к Хосрою I, и тот предоставил ему войско из 800 человек персов, которые в то время находились в темницах, т. к. он не хотел тратить на Йемен военных сил Са̄са̄нидской державы.

В эпическом рассказе о переговорах Сейфа и о походе этих персов, дошедшем до нас в двух версиях,[1] сохранилось героическое предание, как оно осталось в памяти самих ал-абна̄', по предположению Nöldeke.[2] Этому походу, во главе которого, кроме Сейфа, находился персидский вельможа Вахриз, и посвящено стихотворение анонимного перса, писавшего по арабски, и сохранившееся у Мас'ӯдӣ (нач. X в.). Вот эти стихи:[3]

1 نَحْنُ خُضْنَا الْبِحَارَ حَتَّى فَكَكْنَا * حِمْيَرًا مِنْ بَلِيَّةِ السُّودَانِ

2 بِلُيُوثٍ مِنْ نَسْلِ سَاسَانَ شُوسٍ * يَمْنَعُونَ الْحَرِيمَ بِالْمُرَّانِ

3 وَ بِبِيضٍ بَوَاتِرٍ يَتَلَأْلَأْ * كَسَرَى الْبَرْقِ فِى ذُرَى الْأَبْدَانِ[4]

4 فَقَتَلْنَا مَسْرُوقَ إِذْ تَاهَ لَمَّا * إِنْ تَدَاعَتْ قَبَائِلُ الْحُبْشَانِ

5 وَ فَلَقْنَا يَاقُوتَةً بَيْنَ عَيْنَيْ * هِ بِنُشَّابَةِ الْفَتَى السَّاسَانِ[5]

6 وَ حَوَيْنَا بِلَادَ قَحْطَانَ قَسْرًا * ثُمَّ سِرْنَا إِلَى ذُرَى غُمْدَانِ

7 فَنَعِمْنَا فِيهِ بِكُلِّ سُرُورٍ * و مَنَنَّا عَلَى بَنِى قَحْطَانِ

1. «Мы перешли моря и освободили
Химьяритов от бедствия, (приключившегося из-за) черных (т. е. Абиссинцев).
2. «Вместе со львами из рода Са̄са̄на, (у которых глаза) прищурены,
Защищающими заветное (имущество) гибкими пиками.
3. «И белыми (мечами), острыми, блистающими
Точно стремление молнии, (var.:) раздирающими тела.
4. «Мы убили Масрӯка, когда он кичился, в то время,
Как племена Абиссинцев звали (одно другое в бой).

---

[1] Ср. Nöldeke, op. cit. 220, Anm. 4.

[2] L. c.

[3] Prairies d'or, ed. Barbier de Meynard. III, 167.

[4] Рук. Аз. Музея, Колл. Учебного Отделения n⁰ 31 (по каталогу бар. Розена в «Collections Scientifiques de l'Institut des langues orientales» I, p. 18) I—1—5, f. 243 v.: كسنى البرق مهتكى الابدان.

[5] Здесь рук. вставляет стих: وهرز الديلمى لما ،اه * رابط الجاش ثابت الاركان

5. «Мы раскололи яхонт между глазами
Его, стрелою витязя Са̄са̄на.
6. «Мы овладели страною Ḳаẖт̣а̄на насилием,
Затем мы отправились во дворы (замка) Гумда̄на.
7. «И мы всячески наслаждались там,
И облагодетельствовали сынов Ḳаẖт̣а̄на».

Об эпохе, когда жил автор этих стихов, ничего не известно. Говорится только, что их сказал «один из сыновей персов» (بعض أَوْلاد فارس).

На этот же поход сказал стихи упомянутый Абӯ-ṣ-Ṣальт, араб из племени С̱аḳӣф, восхваляя в них воинские качества Сейфа и персов, которых он называет «благородными, вождями, чистыми, мерзуба̄нами (= маркграфами)».[1]

О первом персе, который, хотя и не писал, но «передавал», т. е. знал наизусть, арабские стихи и воспринял вполне арабский та'аддуб (арабизацию языка, литературных вкусов и воспитания), до нас дошли сведения, которых, повидимому, также коснулась эпическая обработка. Имею в виду Х̮урра Хосроя,[2] одного из преемников Вахриза в наместничестве над Йеменом. Он был сыном или наместника Мервеза̄на[3] (alias Мерзуба̄на)[4] или его сына Тӣнаджа̄на[5] (alias Бӣнаджа̄на).[6] Самые подробные сведения о нем дает Т̣абарӣ, которого и следует придерживаться.

Наместник ал-Мервеза̄н, назначенный Хормиздом IV (578—590), сыном Хосроя I-го, удачно усмирив повстанцев в одной местности Йемена при помощи своей дружины, к которой он обращался на персидском языке,[7] известил об этом Хосроя II-го и получил от него приказание возвращаться в Иран, передав наместничество по своему усмотрению. У Мервеза̄на было

---

[1] غُرٌّ جَحَاجِحَةٌ بِيضٌ مَرَازِبَةٌ ср. ниже, стихи Исма̄'ӣля.

[2] Имя его передается различно: то Х̮урраẖусра (это обычная форма: Т̣аб., Ибн ал-Ас̱ӣр, Мас'ӯди: Танбӣх и т. д.), то Х̮урраẖосроу (Мас'ӯдӣ مروج III 177, Hamzah); остальные формы Х̮урраẖасӣра (Ибн ал-Ас̱ӣр I, 359), حر حسر دز и خو خُسْرَوْ (B. G. A. VIII, 259 прим. *n*) нужно считать описками в рукописях. Сведения о нем собраны в «Iranisches Namenbuch» Justi s. v. Xurrah Xusrah; теперь их можно дополнить еще ссылками на Nöldeke, op. cit., 237, 351; Т̣аб. I 1573—1575; Мас'ӯдӣ, Танбӣх, B. G. A. VIII, 259, 13—20; Ibn Hadjar, ed. Sprenger I, 345; Fāiq II, 113; последним мне не удалось воспользоваться. Browne, A lit. history, I, 262 and note 4 со ссылкой на Goldziher, Muhammedanische Studien, I, 113.

[3] Ибн ал-Ас̱ӣр I, 359; Т̣аб. I, 1039.

[4] Мас'ӯдӣ III, 177.

[5] Ибн ал-Ас̱ӣр I, 327; Ибн Хиша̄м I, 46, 8, где имя «Х̮урра Хосрой» опущено.

[6] Т̣аб. I, 958.

[7] Т̣аб. I, 1039 زبرهم بالفارسيّة.

два сына, которые родились и выросли в Йемене;[1] один из них, любимый сын отца, Ḫурра Хосрой, полюбил арабский язык и передавал (√rwj) арабские стихи; другой был персидским витязем, асва̄ром, вел образ жизни персидского дихкана (يَتَدَهْقَن) и говорил по персидски.[2] Мервеза̄н передал наместничество своему любимому сыну и отправился на родину, но по дороге умер; рассказывается о судьбе его трупа, доставленного к Хосрою и погребенного в его сокровищнице в особых носилках с надписью о его воинских заслугах. До Хосроя дошел слух об арабизации Ḫурра Хосроя, о том, что он передает арабские стихи и проникся арабским адебом; он его сместил и передал наместничество Ба̄за̄ну, последнему из персидских наместников Йемена.

Так передает один Ṭабарӣ; у других авторов находятся только краткие намеки на эту историю.[3] С тем же, должно быть, Ḫурра Хосроем мы встречаемся во дни Муḫаммеда, во время наместничества Ба̄за̄на; Муḫаммед отправил посольство к Хосрою, передает легенда,[4] с предложением принять исла̄м; Хосрой велел Ба̄за̄ну послать к Муḫаммеду двух сильных людей (رجلين ... جلدين); выбор пал на Ба̄бӯю[5] и Ḫурра Хосроя. Когда они явились к Муḫаммеду с предложением, чтобы тот отправился с ними к Ба̄за̄ну, тот отложил ответ до следующего дня. Прежде, чем настал следующий день, к Муḫаммеду, как рассказывает легенда, пришло известие с неба о совершившемся в Персии политическом перевороте, — о том, что Алла̄х дал власть Шӣрӯе, который убил своего отца, Хосроя II-го. На утро он рассказал об этом послам Ба̄за̄на; они возвратились в Йемен; когда весть о перевороте подтвердилась, Ба̄за̄н и все ал-абна̄' приняли исла̄м.[6] Муḫаммед подарил Ḫурра Хосрою пояс из золота и серебра, полученный им в дар

[1] Ṭаб. I, 1039 и Мас'ӯдӣ III, 177.

[2] Ṭаб. I, 1040.

[3] Ср. гнев Хосроя: Ибн ал-Асӣр I, 327; Ṭаб. 958; смещение его Хосроем: Ибн ал-Асӣр I, 327, 359; Ṭаб. I, 958, 1039; Ба̄за̄н — преемник Ḫурра Хосроя — АС. I, 327, 359; Hamzah, l. c.; Мас'ӯди III, 177; Таб. I, 958, 1039; в противоречии с этим рассказом Табарӣ в Танбӣхе Мас'ӯди (l. c.) Ḫ. Х. назван асва̄ром.

[4] Ср. Browne, Some Account of the Arabic Work entitled «Niháyatu'l-irab» etc. JRAS, April, 1900, p. 251 (письмо Муḫаммеда).

[5] Так Мас'ӯдӣ, Танбӣх, 259; Ибн Ḫаджар I, 345, 1 сл.; Таб. I, 1572; у Ас. II, 164 نانويه; в Нихайат ал-ираб А̄ба̄нӯ'е. (JRAS, l. c.); у Мас'ӯдӣ l. c. еще другое имя — Фӣрӯз ибн ад-Дейлемӣ. О Фейрӯзе ад-Дейлемӣ ср. еще Ибн Ḳутейба «Кита̄б ал-Ма'а̄риф» издания Wüstenfeld'а, стр. 170 (по Browne, A lit. history I, 262, note 4) где рассказывается, что он убил ложного пророка Йемена, ал-Асвада ибн Ка'ба (ср. Энциклопедию Ислама, s. v. al-Aswad, статья Buhl'а).

[6] О посольстве Ḫурра Хосроя к Муḫаммеду: Ṭаб. I, 1573; Ибн Ḫаджар I, 344-345; Ас. II, 164-165; Мас'ӯдӣ, Танбӣх l. c. и Абӯ-л-Фида̄ I, 136-138; также Siddiqi, Studien über die Persischen Fremdwörter etc. Göttingen, 1919, S. 79-80 и 86.

от одного из царей;[1] поэтому потомки Х̮урра Хосроя стали называться خرخسره ذو المعجزة, так как المعجزة на химьяритском диалекте значит «пояс» المنطقة.[2]

В этом рассказе, по справедливому замечанию Nöldeke,[3] выведены типы двух братьев, встречающиеся при переселении в среду чужого народа. Симпатия рассказчика, как это видно из эпизода с поясом — на стороне Х̮урра Хосроя.

Что персидский язык был забыт потомками персов, покоривших некогда Йемен для Са̄са̄нидской державы, ясно показывает количество иранских слов, встречающихся в поэзии другого поэта из ал-абна̄', Ваддāх̮а ал-Йемен. Лексический состав иранских заимствований у Ваддāх̮а не превышает количества заимствованных персидских слов у современного ему известного поэта, 'Омара ибн абӯ Ребӣ'а, который, насколько известно, не имел персидских предков, но мать которого была из Йемена. Издатель дӣва̄на 'Омара, Paul Schwarz, говоря о южной Аравии, как о родине любовной поэзии, высказывает такое предположение: «In Südarabien könnte diese Liebespoesie ebenfalls erst von auswärts eingeführt sein; vielleicht von Persien. Der Dichter Waddah, der wohl bestbekannte Vertreter dieses südarabischen Liebesliedes, war ein Nachkomme der abnā... Ein Gedicht wie (seine Tenzone) erinnert stark an persische Poesie».[4] Неподлежащее сомнению полуперсидское происхождение Ваддāх̮а было причиной того, что во время 'Аббāсидов его личность стала предметом шу'ӯбитских споров. В той главе «Muhammedanische Studien», которую Goldziher отводит шу'ӯбитской полемике,[5] упоминаются почти все авторитеты, к которым восходят иснāды (= цепи передатчиков) статьи «Китāб ал-Аг̣ānӣ» о жизни Ваддāх̮а.[6] Вокруг его убиения халифом Валӣдом I, ревновавшим его к своей жене, Умм ал-Банӣн, создалась целая романическая повесть о том, как халиф закопал поэта, сидевшего в сундуке, живым в землю. Иснāды этой повести восходят в ее двух вариантах, к Хишāму ибн ал-Кельбӣ и к Абӯ Мусхиру, ученым начала IX в. н. э. Ныне собранные мною фрагменты его дӣвāна представляют две особенности, напоминающие позднейшую персидскую поэзию:

---

[1] О поясе — Т̣аб. I, 1574 и Ас̣. II, 165.

[2] Т̣аб. I, 1575.

[3] Op. cit. 351, Anm. 1.

[4] Schwarz, Diwan des 'U i a R, IV, S. 45, Anm. 2.

[5] I, S. 147 - 176, Die Shu'ûbijja.

[6] Приводимое здесь о Ваддāх̮е является результатом моей работы над биографией и фрагментами дӣвāна этого поэта.

1) автор 13 раз на протяжении 36 отрывков его дӣвāна называет свое имя в стихах, вернее, свой поэтический nom de plume — вспомним таха̮ллус̧ в персидской поэзии; — эта особенность встречается в дӣвāне ʻОмара 22 раза для имени ʻОмар и 15 раз для его куньи Абӯ-л-Ха̱т̣т̣āб. Характерно, что и в 5 бейтах, которые ʻАуфи[1] приписывает Бехрāму Гӯру, эта особенность встречается дважды (один раз по арабски,[2] а другой раз — по персидски).[3]

2) форма тенцоны, при которой первое полустишие начинается с قَالَ, а второе с قالت — вспомним گُفْت — گُفْتَا персидской поэзии. Характерно, что персидское полустишие Бехрāма, приводимое в персидских тез̱кирэ, в некоторых версиях дополняет второе полустишие, которое говорит возлюбленная Бехрāма, Дилāрāм.

Из рассмотрения этих двух поэтических особенностей Ваддāх̣а, у нас получается следующее предположение: не есть ли это — влияние той доислāмской персидской песни, которая была, может быть, образцом для поэзии Ваддāх̣а? Таким образом мы получили бы вывод, что как таха̮ллус̧, так и форма тенцоны — «стихомѵѳии»,[4] были уже характерными особенностями персидской песни до ислāма и перешли от нее в наследство к персидской поэзии после ислāма.

Косвенно этот вывод отражается и на нашем суждении о подлинности стихов Бехрāма, в которых эти особенности есть: если они не подлинны, то являются, во всяком случае, не случайной, а умелой подделкой. Считать эти два вывода надежными, мне кажется, еще преждевременно, ввиду неизученности как арабской поэзии эпохи Омейядов, так и ранней персидской поэзии с этой точки зрения.

Отсутствующее у Ваддāх̣а персидское национальное самосознание сохранялось среди ал-абнāʼ, и даже в эпоху ʻАббāсидов нам известен поэт из С̧анʻā, главного города Йемена, явившийся в депутации к халифу ал-Мехдӣ (775—785 н. э.), по имени Абӯ-с-Симт̣ ал-Фейрӯзӣ, прославивший в удачных стихах и халифа, и Бармекидов, которые, сами будучи персами, قاموا به على حلّ الفارسيّة.[5] Даже в середине IX в. в стихах араб-

[1] Ed. Browne, I, 20.

[2] كَأَنَّكَ لَمْ تَسْمَعْ بِصَوْلَاتِ بَهْرَامِ.

[3] نام من بهرام گور و کنیتم بو جبله или по Даулетшāху (ed. Browne, 29): نام بهرام ترا و پدرت بو جبله.

[4] Ср. Brockelmann, Энциклопедия Ислāма, I, 405-а английского издания, s. v. Arabia (говорит о Ваддāх̣е).

[5] Выражение для меня не ясно. Может быть: «в отношении к нему придерживались персидских обычаев»? — Hamdānī, Gezīrat al ʻarab, ed. D. H. Müller, I, 57, 17 сл. Интересно

ского поэта и собирателя поэзии ал-Бухтурӣ (ум. 897), обращенных к одному из потомков ал-абна̄', встречается такой восторженный и полный необычной для араба скромности стих:

«Вы (= ал-абна̄')—сыны милостивого благодетеля, а мы (= арабы)—сыны
«Того, кто обрел у вас дар милости и благодеяний».[1]

II.

ʻИра̄ḳ и Хорасан.

Обратимся теперь к поэтам ʻИра̄ḳа и Хорасана. В этой группе наше внимание остановит на себе прежде всего типичный араб эпохи завоевания, скорее симпатичный, несмотря на многие недостатки, даровитый поэт,[2] пользовавшийся довольно широкой известностью еще при своей жизни,[3] химьярит[4] (Абӯ ʻОсма̄н)[5] Йезӣд (ибн Зия̄д ибн Ребӣʻа) ибн Муфарриг.[6] Еще автор «книги песен», Абӯ-л-Фараджал Исбаха̄нӣ, отмечает[7] противоречивость рассказов о нем. Признавая его замечание вполне обоснованным, и не вдаваясь в излишние детальные подробности его биографии,[8] остановлюсь только на тех двух сторонах его

параллельное место у ал-Хаййа̄та, Кита̄б-ал-Интиса̄р (ed. Nyberg, 1925, стр. 12, 3-5), сообщенное мне И. Ю. Крачковским: فهل يجوز ان ياكل اهل الجنّة بعد ورود تلك الغاية او يتكلموا اويتزاوروا على حدّ ما كانوا يفعلون جميع ذلك قبل ورود تلك الغاية ? На мой запрос Fr. Krenkow прислал мне такое толкование этого места Хамда̄нӣ: I understand this to mean «they treated him as if he were a Persian» that is they showed him special favour.

[1] Масʻӯдӣ, Мурӯдж, III, 168; ср. Дӣва̄н, Константинопольское издание 1300, II, 122, 15 или АМ. рук. n⁰ 26 fol. 351-б, строка 4.

[2] Аг. XVII, 52, 10; Абӯ-л-Маха̄син I, 204; Ибн Халлика̄н, ed. Wüstenfeld, n⁰ 831, стр. 14.

[3] Ср. его стихи в устах Хусейна — Таб. II, 221-222; Ибн Ḳутейба, Poesis, 211, 6-7. Его стихи в устах бедуина-матроса из Кӯфы: Аг. XVII, 73, 2 сл.

[4] Poesis, 209, 11; Аг. XVII, 52, 1, 5; Ибн Халлика̄н n⁰ 831, стр. 13 и 14; Абӯ-л-Маха̄син I, 204.

[5] Аг. XVII, 52, 1; Ибн Халл. стр. 13.

[6] О значении прозвища Муфарриг ср. Poesis, 209, 12-14; Аг. XVII, 51, ult.-52; Ибн Халл. стр. 13; ал-ʻАйнӣ на полях к Хыза̄не I, 442; Хыза̄на II, 212. Другая версия: Аг. XVII. 52, 10; еще другая: Хыз. II, 212; Ибн Халл. стр. 13.

[7] Аг. XVII, 52, 17-20.

[8] О нем ср. Аг. VII, 2; XVII, 51-73; Ибн Халлика̄н, ed. Wüstenfeld, n⁰ 831 (стр. 13-31); Бела̄зорӣ 354, 392, 434; Таб. II, 221, 191-195; Ибн Ḳутейба, Liber Poesis, ed. de Goeje (в цитатах: Poesis) 206, 209-213; Лиса̄н ал-ʻАраб III, 119; Ка̄миль, ed. Wright 66, 154 211, 254, 381; Хыза̄нат-ал-адеб II, 210-216, 514-521, III, 537; комментарий ал-ʻАйнӣ на ее полях I, 442, IV, 315; Jacut, II, 329, 903; III, 7, 133, 287, 437; IV, 184, 249, 527, 528, 541; Ибн Хиша̄м 737; Ас. III, 431; Абӯ-л-Маха̄син I, 204; Джа̄хиз, Байа̄н, II, 20 и 59. Fr. Krenkow сообщил мне еще следующие места: Л. ʻА. III, 506 (анон.); IV, 54 (bis); VII, 347; VIII, 7, 8 (bis); X, 95, 264; XII, 23, 302; XVI, 25, 93; XVII, 313; XIX, 144, 156 (bis), 296;

жизни, которые связаны с Персией: 1) его персидская фраза, сказанная им в Басре, в 59/678 г.[1] во время своеобразного наказания, которому его подверг ʿОбейд Аллāх, наместник ʿИрāка, за сатиры на своего отца, «брата» халифа Муʿāвии, Зиāда ибн Абӣхи, и на своего брата ʿАббāда; 2) отношения нашего поэта к Анāхӣд, дочери дихкāна Аʿнака, у которого было поместье вблизи Ахвāза. Последнее может быть прольет некоторый свет на ту неизвестность, о которой говорит Ethé[2] и которая, по его словам, покрывает общественную и интеллектуальную жизнь персидского народа в течении первых 150 лет после арабского завоевания.

К сожалению, иранистами до сих пор не обращено должного внимания на одну страницу риторики «ал-Байāн ва-т-Тебййн» Джāхиза (ум. 255/869 г.). Арабистам она не осталась неизвестной: на нее обратил внимание и покойный бар. В. Р. Розен, останавливались на ней и И. Ю. Крачковский и английский арабист Fr. Krenkow. Но никто из них не решился опубликовать ее; не решусь сделать это и я, ввиду трудности ее понимания и недостаточной сохранности текста приводимых там арабских стихов, начиненных персидскими словами и даже рифмующих на них.[3] Но обратить на нее внимание, мне кажется, и можно, и должно.

Через одну страницу после окончания «муʿтазилитского трактата о литературном творчестве», изданного И. Ю. Крачковским,[4] Джāхиз говорит:[5] «Араб украшает (свою речь), вводя в свои стихи несколько персидских слов, вроде стиха ал-ʿУмāнӣ о Рашӣде из касӯды в его честь. . . . الكرد т. е. шеи, и в ней он еще говорит: . . . . . и вроде стиха другого (поэта). . . . . Подобное этому можно найти в поэзии ал-ʿУзāфира ал-Киндӣ и других. Бывает также, что поэзия походит на поэзию ал Хуррӯшāза и Асвада ибн Абӯ Керӣмы. Вроде того, как и Йезӣд ибн Ребӣʿа ибн Муфарриг сказал: [следуют 3 полустишия, о которых речь ниже]. А Асвад

XX, 20, 37; Бекри 134, 439, 557, 715, 783, 823; Заджжāджӣ 29—31, 73; Муртадā I, 39; II 95-96, 172; Байāн I, 61; II, 2, 21; ʿУмда II, 210; Шавāхид Мугнӣ 291; Маджмӯʿат ал-Маʿāнӣ 54, 178; Джурджāнӣ, Кинāйа I, 13; Асмаʿӣ, Хайл 334; Хамāса ал-Бухтурӣ 37-38; Асāс ал-Балāга [1] I, 186, II, 208, 217 (= [2] I, 285, II 313, 330); Ибн Дурейд, Geneal. Wörterbuch 295; Маʿāхид ат-Тансӣс I, 251; Дамӣрӣ II, 295; Иктидāб 395, 449, 252; I Q, ʿUyûn, ed. Brockelmann 201. В Энциклопедии Ислāма (s. v. Sayābidja) упоминается один стих этого поэта.

[1] Год по Табарӣ II, 191—195.

[2] Grundriss d. iran. Philologie II, 217.

[3] Browne (A lit. hist. I, 475) отмечает также арабские стихи в Йатӣме с персидскими выражениями, оставшимися для него непонятными из-за плохой сохранности; «Numerous similar introductions of Persian words and sentences into the Arabic verses produced in Persia at this period might no doubt be found by a more careful examination of the still somewhat inaccessible sources of information on this subject», замечает он далее.

[4] ИАН, 1919, 441—450.

[5] Ал-Байāн, Миср 1313, I, 61; ср. рук. АМ колл. Уч. Отд. n⁰ 167 (Rosen I, 158), ff. 23-б — 24-а.

ибн Абӯ Керӣма сказал: ...... и также как не годится, чтобы речь была простонародна, низка, рыночна, также не следует ей быть необыкновенной, (носящей отпечаток) пустыни (وحشيا), разве что говорящий — житель пустыни, бедуин. Ибо относящуюся к пустыне речь понимает человек пустыни, так же как проводящий жизнь на рынке понимает рыночный говор (رطانة السوق); речь людей делится на категории, так же как и сами люди делятся на категории...»

К сожалению, о приведенных поэтах, кроме ал-ʿУмāнӣ и ибн Муфарриġа, мы знаем, по выражению Ethé, so gut wie gar nichts. Жизнь ал-ʿУзāфира, цитаты из одной пьесы которого всё же имеются, как мне любезно сообщил Fr. Krenkow,[1] в арабских филологических и лексикографических трудах,[2] падает, по мнению того же английского арабиста,[3] на вторую половину II века. А бар. В. Р. Розен в свое время отметил на чистой странице в начале принадлежащего Азиатскому Музею экземпляра «Китāб ал-Ḫайавāн» того же Джāḫиза 2 стихотворения Ибн Абӯ Керӣмы.[4] Думается, что приводимые в этом месте «Байāна» Джāḫиза стихи являются образцами немногих уцелевших попыток «пригнать» арабскую метрику к персидской речи, или, точнее, персидские слова в арабскую метрику. Подобные попытки впоследствии, должно быть, и дали начало поэзии на новоперсидском языке, пользующейся несколько видоизмененными арабскими метрами.

Обратимся теперь к самому Ибн Муфарриġу. Абӯ-л-Маḫāсин[5] называ-

---

[1] Письмо от 6. X. 1925.

[2] Лисāн ал-ʿАраб V, 133 = Jauhari I, 195; Ибн Ḫашшāб, Истидрāкāт, Констатинополь, 1328. стр. 7; Тальвӣх фӣ шарḫ ал-фасӣḫ, Каир, 1325, стр. 88; Л. ʿА. XX 82 = Jauhari II, 539; Ибн Дурейд, Jamhara. Все эти ссылки я беру прямо из письма Fr. Krenkow.

[3] Письмо от 29. X. 1925: «it will be difficult to fix the exact date of ʿUdhāfir, but as Ibn Duraid cites him in the Jamhara and the other quotations are probably by al-Asmaʿî we can say that he lived before 200 A. H., but I do not believe that he is earlier than the time of the Abbasides. We have to place him in the second half of the 2-nd century of the H.».

[4] Хайав. I, 115 и II, 133, где поэт назван полнее: Аḫмед ибн Зийāд ибн Абӯ Керӣма. Вопрос в том, как этот Аḫмед относится к Асваду «Байāна»? Есть ли это одно лицо? В письме от 18. XII. 1925 Fr. Krenkow любезно сообщил мне цитату Джāḫиза (Ḫайав. VI, 162). Далее он пишет: «Now arises the question are the two verses of a poet Abū Karima (cited Qālî III, 73 and Sināʾatain 173) also by Aswad or was his father also a poet. Qālî says that Abû Karima took his idea from Abû Nuwâs which fixes his date approximately late enough for Ġāhiz to have known him as a contemporary poet». Кроме того, Fr. Krenkow сообщил мне, что Ибн Абӯ Керӣма, как рāвӣ, фигурирует у Джāḫиза, Ḫайав. III, 108, 109, 157, 164; IV, 102, VI, 128; у Ṭаб. III 687 (цитата по указанию Krenkow'а) приводятся два стиха из элегии на падение Бармекидов, что особенно ценно; этими стихами, хотя слабо, но уже намечается связь Бармекидов с Ибн Абӯ Керӣмой, от которого, если это тот же, сохранились арабские стихи, рифмующие на персидские слова (напр., بجفت — خركفت — بانخست — بمست у Джāḫиза (Байāн l. c.)

[5] I, 204.

вает его жителем Басры, и, должно быть, не без основания. Выехав из Басры в Сеистан, потом еще три раза возвращается он в Басру.[1] Сын халифа ʻОсма̄на Саʻӣд, выезжая из Басры в Хорасан, куда он был назначен наместником,[2] хотел взять нашего поэта с собою. Но тот предпочел общество ʻАбба̄да, сына Зия̄да ибн Абӣхи, который выезжал[3] в Сеистан. И Саʻӣд, и брат ʻАбба̄да, ʻОбейд Алла̄х, предупреждали поэта, первый о том, что ʻАбба̄д человек не порядочный (لئيم),[4] второй — что ʻАбба̄д будет занят войной и не будет обращать внимания на поэта.[5] Но поэт стоял на своем намерении ехать с ʻАбба̄дом. В Сеистане, неудовлетворенный ʻАбба̄дом, который, будучи занят войной с турками,[6] медлил оказать внимание поэту, он начал сочинять сатиры против ʻАбба̄да и задевал в них происхождение его отца, Зия̄да, сына блудницы Сумеййи, усыновленного халифом Муʻа̄виею отцу халифа, Абӯ Суфья̄ну. О дальнейшем ходе отношений между ʻАбба̄дом и поэтом есть противоречие. ʻАбба̄д призывает сына поэта в полное собрание и ставит على رأسه персидского раба, чтобы бичевать его, если он откажется прочитать сатиру, направленную против его отца. Сын поэта читает, но выйдя говорит сатиру против Зия̄дитов.[7] Дальнейшие перипетии в жизни поэта для нас не интересны. От ʻАбба̄да поэт бежал, но был обнаружен в Басре ʻОбейд Алла̄хом, которому вся история была известна. Существует версия, говорящая о том, что халиф (Муʻа̄вия или Йезӣд I) запретил ʻОбейд Алла̄ху убивать Ибн Муфарриға, так как его казнь могла вызвать недовольство войска халифа — йеменцев, считавших Ибн Муфарриға своим соплеменником.[8] Но наказать поэта халиф позволил. Наместник дал поэту слабительное (الشبرم Аг. XVII, 56,25; التربذ I. Q. Poesis 210,9), затем посадил его на осла, с которым вместе были запряжены свинья и кот,[9] что̀ засвидетельствовано стихами самого Ибн Муфарриға.[10] Поэта возили по улицам Басры. Его сильно слабило, и жидкие экскременты обливали свинью, а она визжала. Конечно Ибн Муфарриғ не остался в долгу: каждый раз, как свинья издавала пронзительный визг, он повторял:

---

1 II-ой раз: Аг. XVII, 56, 2; III-ий раз: 60, 27; 64, 17; IV-ый раз — 61, 1; 64, 20.
2 По Таб., II, 177, в 56 г. х.
3 По Таб., II, 189, 4-5, в 59 г. х.
4 Аг. XVII, 52, 27 сл.; Ибн. Халл. стр. 14; Хыз. II, 212.
5 Аг. XVII, 53, 1-11; Ибн Халл. 14-15; Хыз. l. c.
6 Ас. III, 431; Таб. II, 191.
7 Аг. XVII, 54, 26 сл.
8 Аг. XVII, 55, 11; Ибн Халл. 17; Аг. XVII, 56, 20-21.
9 Аг. XVII, 56, 26.
10 Аг. XVII, 58, 11-12; 59, 14.

— «Кричала Сумеййя, когда к ней прикасался запряженный с нею. «Не отчаявайся! Наихудшее состояние есть отчаяние!»

Под именем Сумеййи он намекал на свинью. А когда народ[1] кричал ему вслед по персидски: «این چیست? что это?», он отвечал:

آبسْتْ ، نَبِیذاَسْتْ ، عُصَارِتْ زَبِیبَسْتْ ، سُمَیَّه رُو سَفِیدَسْتْ

т. е.: «Это вода; это вино; это выжимки из изюма; у Сумеййи чистое (букв.: белое) лицо». Два источника[2] из пяти, приводящих этот рассказ, передают последние слова иначе: سميه روسبيست «Сумеййя — блудница». Но в таком случае теряется параллель между Сумеййей и свиньей, проходящая как в арабском бейте, так и в первой версии.[3]

В этих словах мы видим известный refrain, простейший редӣф اَسْتْ. Рифмовки نبيذ и سپيد не может быть, так как и у Фирдаусӣ, по указанию Ф. А. Розенберга, эти слова не рифмуют между собою, при ī в первом и ē во втором слове. Нельзя отказать этим словам Ибн Муфарриґа в том, что в них чувствуется, если не размер, то, по крайней мере, известный каданс. Поэтому и Джāх̮из̣ приводит их среди поэтических отрывков, состоящих наполовину из арабских, наполовину из персидских слов.

Вернемся к нашему поэту. Едва оставшись в живых после поноса, который он перенес, сидя на осле, он вымылся и сказал:

«Вода смывает то, что ты (= ʻОбейд Аллāх) сделал, но мое слово стойко пребудет связанным даже с твоими костями, когда оне обратятся в прах».[4]

ʻОбейд Аллāх послал его в Сеистан к ʻАббāду. По дороге он должен был ногтями сцарапывать строки своих сатир, которые он написал[5] на стенах постоялых дворов, х̮āнов; а когда он стер себе все ногти, то его заставляли стирать костями пальцев, истекавших при этом кровью. Сопровождавшим его было велено заставлять его молиться только на восток, на кыблу христиан الى قبلة النصارى.[6] Пробыв долго в заключении у ʻАббāда,

[1] По Аг. XVII, 56, 26 — басрские мальчишки; по Ṭаб. II, 192-193 — прохожий перс.

[2] Ṭаб. l. c. и Х̮ыз. II, 516, 8 даже с арабским переводом: وهذه كلمات بالفارسية اى هذا الذى ترونه انما هو نبيذ و عصارة زبيب و سمية البغى يعنى بها الخنزيرة.

[3] Первую версию приводят: IQ, Poesis, 210, 16; Аг. XVII 56, 26-27; Джāх̮из̣ Байāн I, 61, 18. Кроме того, такое понимание дается в примечании к восточному изд. Амāлӣ аз-Заджжāджи (Миср̣, 1324 г. х., стр. 29, прим. 1), где приводится персидский текст с вариантом إينست и его арабский перевод آى الذى ترونه: انما هو نبيذ عصارة زبيب و وجه سمية ابيض Такого же понимания придерживается и Fr. Krenkow, как он любезно сообщил мне в письме от 2. III. 1926.

[4] Аг. XVII, 57, 1; IQ Poesis, 211, 3; Ас̱. III, 432, ult. и др.

[5] Sic! поэт *пишет*; ср. Аг. XVII, 59, 29-30: пишет на клочке.

[6] Аг. XVII, 59, 6-7; Х̮ыз. I, 443 (на полях), II 215, 216.

*

он послал йеменцам Дамаска стихи, и те потребовали его освобождения.[1] Побывав у халифа,[2] Ибн Муфарриг̣ поселяется в Мосуле[3] и женится там.[4] После свадебной ночи он поехал на утро на охоту[5] вместе со своим слугою Бурдом и встретил продавца благовоний на осле.[6] Спросив его: «откуда ты приехал», он узнал, что тот из Ахва̄за. Тогда поэт расспросил его о том, что делает Масрук̣а̄н[7] и что делает дих̮ка̄нка Ана̄хӣд, дочь А'нак̣а. «Ты говоришь о приятельнице Ибн Муфарриг̣а?» осведомился сидящий на осле. Узнав, что она тоскует по нем, он тут же, забыв всё остальное, и молодую жену в том числе, едет, несмотря на упреки Бурда, в Ахва̄з.[8] Связь нашего поэта с Ана̄хӣд предполагается уже широко известной, должно быть, из стихов поэта, которые делали столь распространенным в устах современников имя возлюбленной поэта.[9] «Книга песен» приводит некоторые из стихов Ибн Муфарриг̣а в честь своей возлюбленной персиянки. В одном из них он перечисляет дорогие ему по воспоминаниям места, как то: Масрук̣а̄н, Суррак̣, Тустер, Курбудж, и заканчивает так:[10]

بِلَادُ بَنَاتِ الْفَارِسِيَّةِ إِنَّهَا * سَقَتْنَا عَلَى لَوحٍ شَرَابًا مُعَتَّقًا

«Страна персиянок! Они
Напоили нас, когда мы жаждали, выдержанным питьем».

Аг̣. приводит также несколько отрывочных сведений об Ана̄хӣд. Ее отцу, дихк̣ану А'нак̣у (имя арабское!) принадлежало то, что между (ما بين) ал-Ахва̄зом,[11] Суррак̣ом,[12] Мана̄з̱иром[13] и ас-Сӯсом.[14] Рассказывается, что у нее были еще три сестры. Имя одной ра̄вӣ забыл, а другие: Асма̄' и ал-Джума̄на.[15] Судя по стихам, где все имена относятся к возлюбленной поэта, это имена одного лица, т. е. мы получаем вывод, что Ана̄хӣд — ее зороастрийское имя, Асма̄' — мусульманско-арабское, а Джума̄на «жемчу-

---

[1] Аг. XVII, 59, 28; 62, 63.
[2] Аг. XVII, 64,5.
[3] Аг. XVII, 64, 13.
[4] Таб. II, 195; Ас̣. III, 433; Аг. XVII, 69, 18.
[5] Персидский обычай!
[6] По другой версии: дихк̣а̄на (Аг. XVII, 64, 14). Все дело в одном ق: دهانا или دهقانا.
[7] Jac., ed. Wüstenfeld, IV, 527.
[8] Аг. XVII, 64, 17; 69,4 снизу.
[9] Имя Ана̄хӣд в стихе Аг. XVII, 69, 8.
[10] Аг. XVII, 69, 15.
[11] Jac. I, 410.
[12] Jac. III, 80.
[13] Jac. IV, 644.
[14] Jac. III, 188; ср. Аг. XVII, 69, 5-6.
[15] Аг. XVII, 69,6.

жина» — прозвище, которое дал ей поэт. Затем интересны еще следующие подробности: вызванный в Сеиста̄н к ‘Обейд Алла̄ху ибн Абӯ Букре[1] и обогащенный им, он привез все свои богатства в подарок Ана̄хӣд, которой он по этому случаю приказывает отворить ворота.[2] Еще интереснее рассказ о том, что дядя поэта, ‘Амр ибн Муфарриг̣, человек богатый и влиятельный, не одобрял связи своего племянника с этой Ана̄хӣд. Только хитростью удалось поэту уговорить дядю поехать в Ахва̄з, будто бы для того, чтобы помочь ему своим влиянием получить крупную сумму от должников; свидание дяди с Ана̄хӣд, которая вышла к нему в роскошном убранстве, дало неблагоприятные результаты: дядя поэта уехал в Бас̣ру, обругав своего племянника. Тем не менее связь Ибн Муфарриг̣а с Ана̄хӣд продолжалась.[3]

Несмотря на это, он, как истинный араб, высмеивает неправильности в языке ‘Обейд Алла̄ха ибн Зийа̄да, выросшего среди асва̄ров; имя его матери-персианки было Мерджа̄на;[4] однажды он сказал افتحوا سيوفكم вместо سلوا سيوفكم, за это поэт и высмеивает его в одном стихе.

Этот рассказ Аг̣. об Ана̄хӣд дает нам: 1) сведения о приблизительных размерах владения хузистанского дихк̣а̄на; 2) подробности насчет имен, зороастрийских и арабско-мусульманских; 3) понятие об отношении арабской знати к подобным смешанным «бракам».

Стихи Ибн Муфарриг̣а разделяются на сатиры, панегирики, личные Gelegenheitsgedichte и несӣбы — «г̣азели». Среди первых в очень грубой сатире мы имеем персидское слово دَيْدَبانا — страж,[5] затем обвинение ‘Обейд Алла̄ха ибн Зийа̄да в мужеложстве.[6] Как уже было сказано, в его стихах много упоминаний иранских местностей (кроме названных еще: Шастук̣,[7] Самарк̣анд,[8] К̣андаха̄р.[9]) В его стихах, по мнению de Goeje,[10] встречается ломанное множественное ч. от ед. سَرْهَنْك в форме سَرَائِنْك, что

---

[1] Ср. Wellhausen, Reich, 144; Wüstenfeld, Register zu den geneal. Tabellen S. 345, где годом его назначения в Сеистан назван 78 г. х. (sic!) По Т̣аб. II, 1033 Мухаллеб указывает Х̱аджжа̄джу в 79 г. на ‘Обейд Алла̄ха как на человека, хорошо знающего Сеистан.

[2] Аг. XVII, 71, 9.

[3] Аг. XVII, 71, 27-72, 10. О mésalliance у арабов, см. Goldziher, Muh. Stud. I, 130.

[4] Байа̄н II, 2: وكان زياد تزوجها من شيرويه الاسوارى.

[5] Аг. XVII, 65 ult. Слово dîdbân, должно быть, было корабельным термином, ср. Mez, Die Renaissance des Islāms, S. 457 «Ausgucker».

[6] Аг. XVII, 66, 15; 67, 3-2 снизу.

[7] Jac. III, 287, 19.

[8] Аг. XVII, 55, 4; Ибн. Х̱алл. 16 paenult.; Jac. II, 133, 15; Х̱ыз. II, 215, 4; 520, 9 снизу.

[9] Jac. IV, 183-184.

[10] Белā̱зорӣ 434, прим. f.

всё же несколько сомнительно. Интересно сочетание мотива *кочующего племени* Джумāны с речным пейзажем Тигра.[1] Умер Ибн Муфарриг̣ во время чумы при Мус̣ʿабе ибн аз-Зубейре в 69/688 г.[2]

К ʿирāк̣ской и хорасанской группе поэтов относится и Зийāд ал-Аʿджāм,[3] бедуин-пролетарий (с̣уʿлӯк̣),[4] оффициальный поэт при наместнике Хорасана Мухаллебе и его сыновьях.[5] Эпоха его жизни определяется двумя очень далекими друг от друга границами: он присутствовал при завоевании Истахра Абӯ Мӯсой ал-Ашʿарӣ (ум. в 42 г. х.) и, с другой стороны, он посетил двор халифа Хишāма (105—126 г. х.).[6] Что он был долговечен, видно из того, что его называют современником Джерӣра и Фераздак̣а,[7] расцвет творчества которых падает во вторую половину Омейядского периода, т. е. в эпоху Мервāнидов. Был ли он арабом или персом, в точности установить трудно: с одной стороны, в многочисленных хиджā’ сатирах, нанаправленных врагами против него, содержится немало указаний на его темное происхождение,[8] на то, что племя Яшкуритов, во всяком случае, лучше и более благородно, чем его отец, невооруженный[9] (т. е., не араб, лишенный права носить оружие?).[10] Он называется также необрезанным,[11] земледельцем в положении клиента (عِلْج مُعَاقَد)[12] и земледельцем-варва-

[1] Аг. XVII, 70, 5-6. Отметим попутно, что по ал-Ас̣маʿӣ, он является автором рассказов о йеменском тубба' и его стихов (Аг. XVII, 52, 11-13). Ему же приписывается знаменитый стих «вы оживили рынок славы, который ранее не считался среди рынков» (ср. Ahlwardt Elfachri 12, 7; Ибн. Х̮алл. стр. 14 и стр. 13 наверху; Аг. XVII, 69, 2).

[2] Ибн Х̮алл. стр. 22, 2; Х̮ыз. II, 216; Абӯ-л-Мах̣āсин I, 204; Аг. XVII, 72, 10.

[3] Имя — IQ Poesis, 257; Аг. XIV, 102; Хыз. II, 502.

[4] О нем ср. IQ Poesis, 257-259, 460; Х̣амāса Абӯ Теммāма, ed. Freytag, 678, 780; نقد الشعر Кудāмы ибн Джаʿфара изд. Константинополь (ал-Джавā'иб), 1277 г. х. стр. 31, 32, 60; Дӣнаверӣ ed. Гиргас, 282; Х̮ыз. II, 90, 548; III 290; IV, 192-194, 278-282; и поля к Х̮ыз. II, 420, 502; III, 346, 348; ʿЫк̣д III, 296; Амāлӣ ал-К̣āлӣ III, 9, 11; Brockelmann, Gesch. d. ar. Lit., Weimar, 1898, I, 60; Кāмиль ed. Wright, 188, 366; Huart, Lit. arabe, 54-55; Goldziher, Muh. St. I, 118, II, 41 Anm.; Аг. X, 115-116, 151, 155, XI, 162, 165, 166-168, 170-171; XIII, 58-59, 62; XIV, 102-109; Ибн Халл. n⁰ 214, 298, 764, 826; Buḥturî, Ḥamāsah n⁰ 1174; Sibaweihi, ed. Derenbourg II, 313, 13; J. A. 1853, I, 551; Mehren, Rhetorik, 278. Эта библиография может быть дополнена, по указанию Fr. Krenkow'а, следующим образом: ЛʿА I, 369; VII, 259, (293), 306; VIII, (108), 359; X, 156, 204; XII, 36-37; XIII, 67; XVI, 28; XVIII, 251; XIX, 174, 359; XX, 271; Асāс, [1] II 302 (=[2] II 459); Маʿāхид I, 195-196; Амāлӣ ал-Муртад̣ā I, 51; IV 109-111; Ибн ʿАсāкир, IV, 375; V 401-3; Синāʿатайн 238, 240; Байāн, I, 32. 124; II, 13-14; Шарӣшӣ I, 282; Ибн З̣āфир I, 28; ʿУмда I, 37, 220; II 140-141, 217; Ислāх̣ I, 13.

[5] Ибн Х̮алл. n⁰ 764; Дӣнаверӣ, 282.

[6] Хыз. IV, 194.

[7] Х̮ыз. IV, 282.

[8] Х̣амāса Абӯ Теммāма, 678: قَوْمٌ عَرَفْتَ أَبَاهُمْ و نَفَوْا أَبَاكَا.

[9] Аг. X, 115 сл.

[10] Ср. Wellhausen, Oppositionsparteien, S. 80 и прим. 1 о мавāлӣ Мух̮тāра вооруженных деревянными дубинами.

[11] Аг. XIII, 62, 6.

[12] Goldziher, M. St. I, 118 Anm. 3 со ссылкой на Аг. XI, 168, 8.

ром (وأنتَ علجٌ أعْجَمُ).[1] С другой стороны указывается, что он получил свое прозвище ал-а'джам «варвар» только за варварское произношение[2] арабского языка.[3]

Местом его жизни был по одним — Истахр,[4] по другим — Исфахан;[5] но бывал он в Хорасане,[6] Нишапуре,[7] в Фāрсе[8] и Сеистане;[9] некоторые эпизоды его жизни переносят нас в Басру[10] и на Tummelplatz поэтов — в квартал Мирбад.[11] Он был вольноотпущенником племени 'Абд ал-Ḳайс,[12] принадлежавшего к большой группе северно-арабских племен Ребӣ'а,[13] находившихся в союзе с Аздом против Темӣмитов и Бекритов. Но из этого не следует, что все его хиджā', которые составляют центр его творчества, обязательно были бы направлены только на Темӣмитов;[14] как человек очень самолюбивый, он не щадил никого, кто бы его ни задел.[15] Даже сам наместник Мухаллеб имел основания его побаиваться; один анекдот рассказывает, как к Мухаллебу вошел высокий нервный человек. Увидав его, наместник проговорил: «Боже, прибегаю к Тебе от его злости!» Тот сказал один стих в его честь и потребовал большого вознаграждения, прямо назначая ему сумму. Этот человек был Зийāд.[16] В другом случае Зийāд сказал только один стих против Ḫабӣба, сына Мухаллеба,[17] и этого было достаточно, чтобы вызвать опасение наместника, что Зийāд направит свои сатиры

---

1 Аг. XI, 166, 11.

2 Интересен упрек Зийāда, направленный против нечистой арабской крови Аздитов: Аг. XIII, 59, 10-6 واستعربوا ضلة و هم عجم.

3 'Ыкд III, 296, внизу; Кāмиль 366; Poesis, 257; Аг. XI, 165, 8; 166, 11; 167, 12; XIV, 102; Ḫыз. IV, 193 и Goldziher, M. St. I, 118 Anm. 3.

4 Poesis, 257; Аг. XIV, 102.

5 Аг. l. c.

6 Ibid.

7 Аг. X, 155, 20 сл.

8 Аг. XIV, 104.

9 О его пребывании там у богатого Ṭальḫи ат-Ṭалахāта ср. ربيع الابرار аз-Замаḫшарӣ (рук. АМ n⁰ 747-а f. 142-б).

10 Аг. XIV, 108.

11 Аг. XIV, 107 внизу.

12 Ḫыз. на полях II, 502; Аг. XIV, 102.

13 О доверии Ребӣ'итов к Зийāду Аг. XI, 167, 6-7. В сатире против них ал-Муг̣ӣра осуждает их за покровительство варварам. Аг. XI, 167, 12 сн.

14 Ḫыз. IV, 280.

15 О его хронической вражде с темӣмитом ал-Муг̣ӣрой ибн Ḫабнā', выражавшейся в сатирах, ср. Аг. XI, 162, 10-9 сн. Начало этой вражды объясняется тем, что Мухаллеб предпочел ал-Муг̣ӣре Зийāда, подарив ему красноречивого слугу для чтения его стихов لأنّ زيادًا كان ألكن لا يفصح, Аг. XI, 165, 8. Ср. дальше, Абӯ 'Атā ас-Синдӣ.

16 Аг. XIV, 107.

17 Трогательный рассказ о Зийāде и голубке (Аг. XIV, 103-104; Ḫыз. IV, 194) заслуживает быть отмеченным.

против его семьи.[1] Вот до какого независимого и, даже больше, властного положения могло возвысить вольноотпущенника с темным прошлым умение высмеивать в стихах — владение сатирой, хиджā'!

Сюда же относится инцидент с Ферездаком, одним из самых выдающихся поэтов того же направления — сатиры против племен и отдельных личностей, — стихи которого отличались немалой долей ядовитости. Когда Фераздак собирался сочинять хиджā' на ʿАбд ал-Кайс, Зийāд, узнав об этом, послал ему сказать: «Не спеши, пока я не сделаю тебе подарок». Фераздак ожидал, что тот, желая избежать яда его сатир, пошлет ему настоящий подарок. А Зийāд послал ему стихи, в которых говорится, что сатиристы не оставили Фераздаку ни целого места на коже, ни целой кости, после состязания с ним. «Если ты пошлешь хиджā' на нас, мы будем подобны морю: чтò бы ни бросить в море, всё потонет». Фераздак, узнав об этом, сказал: «Пока жив этот раб., нет мне пути (= возможности сочинить) хиджā' на них».[2] Иногда хиджā' Зийāда превышали всякую меру. Так, один араб, услышав, что Зийāд читает свою сатиру, сказал ему: «не боишься ты смерти, что не перестаешь бесчестить твоих же соплеменников?» На это Зийāд ответил злой сатирой, из-за которой ему пришлось извиняться в группе людей из ʿАбд ал-Кайса перед задетым им арабом.[3] В упреке этого араба, может быть, слышится некоторая тревожность; ведь как раз из-за племенных раздоров среди хорасанских арабов и погибла Омейядско-арабская империя, от неожиданного удара персидских мавāлӣ, организованных для целесообразных действий тайными ʿАббāсидскими агитаторами.

В стихах Зийāда мало намеков на персов: только в элегиях на Мухаллебидов говорится иногда о местах и городах Ирана, как то: о Мерве, Хорасане или даже об ӣвāне Кисры (= портике Хосроя).[4] В анекдотах о нем еще упоминается обычный для него персидский костюм из парчи,[5] чтò интересно подчеркнуть, т. к. в европейской литературе уже отмечалось, что арабы в Хорасане носили персидский костюм.[6] Когда один из воспетых им правителей просил его пожелать всё, что ему нужно в награду за прочитанное восхваление, Зийāд между прочими вещами называет и полный гардероб; здесь применяется персидское слово تخت.[7] Но вообще у этого

---

[1] تبعث علىّ هَذا يهجونى Ar. XIV 104, 5.

[2] Ar. XIV, 107-108; Poesis, 258; Х̱ыз. IV, 193.

[3] Ar. XIV, 107.

[4] Ar. XIV, 104.

[5] Ibid.

[6] Wellhausen, Reich, 307.

[7] Ar. l. c. ср. دست ثيابى И. Ю. Крачковский, Диван ал-Ваʿвā n⁰ III, стих 34; ср. الدست... بمعنى اللباس Тāдж-ал-ʿАрӯс I, 543 внизу.

поэта, вращавшегося в сфере чисто-арабской племенной сатиры, национальное чувство было слабо и не выражалось в стихах, если он и был перс по происхождению, по указанию одной сатиры, направленной против него, где он обвиняется в кровосмесительной связи с матерью, т. к. он «считал это дозволенным согласно религии магов»,[1] т. е. зороастрийцев-персов.

Особенностью стиля стихов Зийāда, которого «Книга песен» называет «хорошим поэтом»[2] и автором одной из лучших сочиненных в его время элегий[3] на смерть сына Мухаллеба, Мугӣры,[4] была любовь к тавтологиям и игре слов; так он говорит: يَزِيدُ يَزِيدُ الخَيْرِ[5] или آخِرُ آخِرٍ «последний из последних»[6], в двух значениях употребляется слово كاهل в одной строчке.[7] Некоторые стихи — сплошная тавтология:[8]

وَأَحْسَنَ ثُمَّ أَحْسَنَ ثُمَّ عُدْنَا   فَأَحْسَنَ ثُمَّ عُدْتَ لَهُ فَعَادَا

В какой степени эта особенность стоит в зависимости от пребывания Зийāда в персидской среде, сказать трудно. Тавтология в персидской поэзии встречается уже у Фирдаусӣ в Шāхнāмэ;[9] возникает вопрос, не есть ли это влияние уже выработавшейся ко времени жизни Фирдаусӣ (нач. XI в.) в арабской поэзии любви к тавтологии? Поэтому до специальных наблюдений как над арабской поэзией эпохи Омейядов, так и над ранней новоперсидской поэзией,[10] решать этот вопрос о заимствовании или влиянии еще рано. До настоящего времени было отмечено только персидское происхождение гиперболы в арабской поэзии, согласно показанию Абӯ 'Обейды.[11]

Жизнь среди персов безусловно отразилась на стихах Зийāда и в другом отношении: Ибн Ḳутейба[12] отмечает неправильность синтаксического построения одного его стиха и многочисленные иḳвā' — неодинаковость огласовки рифмы. «Книга песен» приводит анекдот о том, как он неправильно произносил арабские слова, за что и получил прозвище ал-

---

1 Goldziher, M. St. I, 118, Anm. 4, по Аг. XIII, 62, 6.

2 Аг. XIV, 102.

3 Аг. XIV, 103.

4 Полностью у ал-Ḳāлӣ, Амāлӣ, III, 11-12.

5 Ḫамāса ал-Бухтурӣ, ed. Cheikho, n⁰ 1174, 1.

6 Аг. XIV, 108: Ḫыз. II, 420 на полях.

7 Наḳд аш-ши'р, стр. 60, 18; Аг. l. c.; XI 171, 7 снизу; Ḫыз. II, 548; Ṣинā'атайн, 238.

8 Аг. XIV, 102. Интересен еще таṭрӣз, ср. Ṣинā'атайн, 340

9 Сообщение Ф. А. Розенберга.

10 По сообщению Fr. Krenkow'а, индус Umar Daudpota занимался вопросом о взаимных влияниях между арабской и персидской поэзией под руководством E. G. Browne'а.

11 Кāмиль, ed. Wright, 351; Суйӯṭӣ, Музхир II, 253.

12 Poesis, 259.

А'джам, изменяя ع на *а*,[1] х̣ на *х* хеввез[2] и т̣ на *т*.[3] Арабы вообще любили передавать анекдоты о неправильном произношении их языка устами инородцев: им отведена глава риторики «ал-Байа̄н» Джа̄х̣из̣а, и встречаются они в рассказах о Джундишапурских врачах[4] и о двух современниках Зийа̄да — не арабах, жизнь которых падает в конец эпохи Омейядов и начало правления 'Абба̄сидов,[5] бывших и при новых порядках сторонниками низверженной династии.[6] Один из них — поэт Абӯ 'Ат̣а̄ ас-Синдӣ, по отцу выходец из Синда,[7] — автор очень занятных стихов на свое плохое произношение, с которыми он обратился к одному человеку, прося его подарить ему красноречивого раба, чтобы тот читал стихи поэта,[8] до того его трудно было понять;[9] другой — знаменитый ра̄вӣ, т. е. передатчик чужих стихов, Х̣амма̄д ар-Ра̄вия; он происходил от перса (имя его отца было Са̄бӯр)[10] и возвысился из униженного положения маула̄, которое его привело к воровству и жизни пролетария-с̣у'лӯка,[11] до возможности пользоваться уважением и подарками халифов обеих династий также благодаря внешней арабизации, а именно: благодаря своей баснословной памяти на арабские к̣ас̣ӣды и стихи; о нем говорится, что он при чтении Корана делал ошибки в 30-ти буквах с небольшим.[12] Интересно отметить, что в рассказах о Х̣амма̄де мы встречаем две характерных для Ирана черты: 1) склонность к мужеложству[13] (ср. рассказ о Х̣амма̄де и мальчике, передаваемый согдийцем Исх̣а̄к̣ом ал-Х̣ уреймӣ)[14] и 2) склонность к ереси и синкретизму[15] (ср.

---

[1] Х̣ыз. IV, 193; Аг. XIV, 102.

[2] Аг. XIV, 103.

[3] Ка̄миль, ed. Wright, 366.

[4] ЗКВ, I, стр. 61.

[5] Аг. XVI, 81, 7 сн.

[6] О Х̣амма̄де ср. Аг. V, 169, 21 и 170, 5; об Абӯ 'Ат̣а̄ ср. Аг. XVI, 83-85, но иное у Замах̣ша̄ри ربيع الابرار, рук. АМ n⁰ 747-а ff. 214-б — 215-а.

[7] Аг. XVI, 81: وكان ابوه يسار سنديا اعجميا لا يفصح وكان فى لسان ابىعطا لكنة شديدة و لثغة فكان لا يفصح.

[8] Аг. XVI, 82 и 86.

[9] О его плохом произношении: Аг. XVI, 83-84, 87; IQ. Poesis, 483.

[10] Аг. V, 164, 7.

[11] Аг. V, 171, 23-26.

[12] Kosegarten, Chrestomathia arabica, Lpz. 1828, p. 129 (из Ибн Х̱алликāна, ed. de Slane I, 242, 8—9); ср. يلحن Аг. V, 172, 18.

[13] Ср. И. Ю. Крачковский, ал-Ва'ва̄, стр. 187. Christensen, op. cit., p. 108, отмечает эту черту и ссылается на Аммиана Марцеллина (XXIII, 6, 76), но чтение этого места Аммиана спорно (по словам А. П. Алявдина).

[14] Аг. V, 170.

[15] Того же мнения Christensen, op. cit., p. 18 и note 2 и Browne (A lit. hist. I, 136): «... the Persians, who have probably produced more great heresiarchs than any nation in the world».

обвинение кружка Х̣аммāдов в зиндӣк̣стве).[1] В следующую эпоху из среды арабских поэтов персидского происхождения характерны в первом отношении — Абӯ Нувāс, во втором — Бешшāр ибн Бурд.[2]

В упомянутой главе о «лах̮не» у Джāх̮из̣а[3] встречается цитата из одного поэта, обойти которого нельзя, несмотря на незначительность сохранившихся о нем известий.[4] Имя его, ал-Бердах̮т — чисто персидское (= بردخت) и переводится арабским словом الفارغ «незанятый, пустой» в анекдоте о его встрече с Джерӣром.[5] Явившись к этому поэту, Бердах̮т попросил его сказать на него сатиру. — «Кто ты?» — «Я ал-Бердах̮т». — «А что значит ал-Бердах̮т? — «Пустой (الفارغ) по персидски (بالفارسيّة)». — «Буду я заниматься твоею пустотою!» был ответ. Об обстоятельствах его жизни мы почти ничего больше не знаем. В Кӯфе по его имени называлось одно место صحراء البردخت.[6] Его мусульманское имя было ʿАлӣ ибн Х̮āлид,[7] и принадлежал он к бенӯ-с-Сӣд,[8] отделению[9] племени Даббы.[10] Из его стихов сохранились отрывки[11] элегии на смерть нескольких Даббитов и Рийāх̮итов, между прочим, на смерть Абӯ Х̮ус̣айна, начальника в Исфахане. Но главный интерес представляет его сатира на Х̮афс̣а ибн Абӯ Бурду, неизвестного ближе филолога, кропотливо изучавшего لَحْن в стихах ал-Муракк̣иша старшего. В сатире[12] на его некрасивую наружность поэт говорит: «вся твоя природа построена на лах̮не. Твой глаз — ик̣вā'; твой нос — страдает икфā'; твое лицо — ӣт̣ā', а сам ты — заштопанный (المُرَقَّع)». Приписываемые в одном месте «книги песен» Х̮аммāду ʿАджраду,[13] в другом[14] — Мусāвиру ал-Варрāк̣у, но сказанные всё же о Х̮афс̣е, эти стихи дали бы возможность ближе определить время появления трех приведенных терминов арабской поэтики, если бы удалось напасть на след этого Х̮афс̣а.

---

[1] Аг. V, 166, 3; XIII, 73, 3-2 снизу; Poesis, 490, 5-6.

[2] В зиндӣк̣стве обвиняется еще Г̣айлāн аш-Шуʿӯбӣ ал-Варрāк̣ (Х̮ыз. II, 519, 11 сн.).

[3] Байāн II, 2 сл.*

[4] I. Q. Poesis, 447—8; Белāз̱орӣ 285, 12; Джāх̮из, op. cit., II, 3 (ср. Аг. XIII, 87, XVI, 168); Jac. III, 370; Амāлӣ ал-К̣āлӣ, III, 80 сл.

[5] Poesis, 447, 14 сл.

[6] Jacut и Белāз̱орӣ l. l. c. c.

[7] Ibid.

[8] Амāлӣ ал-К̣āлӣ III, 80 ult.

[9] Ср. Wüstenfeld, Genealog. Tabellen, J, 8-12.

[10] Poesis, 447, 14; Белāз̱орӣ, Jac., ll. cc.

[11] 2 строки у IQ (Poesis, 448, 1-2) и 7 строк в Амāлӣ III, 81.

[12] Poesis, 448, 4-6 и Джāх̮из, op. cit., l. c.

[13] Аг. XIII, 86 ult. - 87.

[14] Аг. XVI, 168.

III.

Поэты Медӣны.

Ибн Ḳутейба в «Книге о поэзии и поэтах» говорит, что в Медине все поэты из вольноотпущенников-мавалӣ по происхождению были из Азербейджана и перечисляет затем поэтов: Исма'ӣля ибн Йасāра, его брата Мӯсу Шахавāта[1] и Абӯ-л-'Аббāса. Этих трех поэтов объединяет в одну группу общее азербейджанское происхождение, общее место жизни — Медина, и общая эпоха — конец Омейядского периода, когда многие и разнообразные причины способствовали гибели Омейядской династии, а вместе с нею, как это выяснил Wellhausen,[2] и национально-арабского государства; одною из этих причин, и одною из крупнейших — было возрождение персидского национального самосознания, нашедшее себе выражение и в литературе в так называемом движении шу'ӯбии, вполне развернувшемся в лучший период правления 'Аббāсидов. Фигуры трех названных поэтов, как они вырисовываются на основании, главным образом, «книги песен» 'Алӣ ал-Иṣбахāнӣ, может быть, прольют некоторый свет на начало шу'ӯбитского движения.

1.

Абӯ-л-'Аббāс ал-А'мā,[3] т. е. слепой, по имени ас-Сā'иб, отец которого носил иранское имя Фаррух̮,[4] был современником изгнания Омейядов из Медины во время междоусобий при халифе Йезӣде I[5] (680—683) и дожил, по известиям «книги песен» до правления 'Аббāсидского халифа Манṣӯра (754—775), всё время, т. е., при Зубейридах, и при 'Аббāсидах, сохраняя симпатии к Омейядам, чтó видно из анекдота, приводимого автором «книги песен» со слов самого халифа Манṣӯра о его двух встречах с поэтом: в первый раз во дни Мервāна II (744—750), когда поэт направлялся к этому Омейяду, чтобы прочитать ему стихи в его честь; во второй — уже во время правления самого Манṣӯра, на горах Зерӯда, где поэт читает этому 'Аббāсидскому халифу элегию на гибель Омейядов и рас-

---

[1] См. ниже мою поправку к этому месту издания de Goeje, Liber Poesis, 366 на основании Х̱ыз. I, 144.

[2] Das arabische Reich u. sein Sturz.

[3] О нем: Poesis, 366; Аг. I, 12, 14; III, 65; XV, 59-63; Anonymus, ed. Ahlwardt, 23-24, 176.

[4] Имя его — Аг. I, 12; XV, 59.

[5] Аг. I, 12 стихи на событие, передаваемое у Wellhausen, Reich, 93—94; Аг. I, 14; XV, 60, 21; 62, 3-4.

сказывает ему о том, как щедр был к нему Мерва̄н II.[1] Другой источник[2] называет Абӯ-л-ʿАбба̄са ʿосма̄нидом по симпатиям, но рассказ, подобный приведенному, не позволяет считать его только за ʿосма̄нида, и приходится согласиться с автором «книги песен»,[3] указывающим на его принадлежность к Омейядской партии: وكان من شعرآء بنى أُميّة المعدودين المقدّمين فى مدحهم والتشيّع لهم و انصباب الهوى لهم. Даже во время власти ʿАбд Алла̄ха ибн аз-Зубейра над Мединой у Абӯ-л-ʿАбба̄са были тайные сношения с Мерва̄нидами[4] и, в частности, с ʿАбд ал-Меликом: поэт посылал им свои панегирики и сообщал им о слабых сторонах в делах ʿАбд Алла̄ха (بعوراته), а ʿАбд ал-Мелик присылал ему дары и подарки. Мекканский анти-халиф задумал убить его, но его отговорили на том только основании, что Абӯ-л-ʿАбба̄с— слепой. Тогда он сослал его в ат-Та̄ʾиф, где поэт стал сочинять хиджа̄ʾ против Зубейридов.[5] Только с одним Мусʿабом поэт был в дружественных отношениях[6] и сочинил элегию на его трагическую гибель.[7] ʿАбд ал-Мелик впоследствии попросил Абу-л-ʿАбба̄са прочитать ему эту элегию и, выслушав, ее, сказал: «Ты говоришь правду, клянусь Алла̄хом, именно таким он был!»[8] Живя в Медине, Абу-л-ʿАбба̄с собирал ха̄дӣсы и передавал их дальше.[9] Его поэтическое творчество ограничивалось областью панегирики, элегии, сатиры и иногда — стихотворений на случай из личной жизни.[10]

По своему положению Абӯ-л-ʿАбба̄с был маула̄ одного из мелких племен;[11] несмотря на то уважение, которым он пользовался благодаря покровительству Омейядов, угнетенное положение мава̄лӣ касалось, очевидно, и его, если он в стихах, обращенных к знаменитому ʿОмару ибн Абӯ Ребӣʿа, порицает его за 4 черты характера: «Ты — витязь, и сын витязя и брат витязя; ты — наш сейийд, если бы не 4 свойства: то, что ты избегаешь

---

[1] Ar. XV, 60-61.

[2] Anon. Ahlwardt'a, 23.

[3] Ar. XV, 59, 2-3 снизу.

[4] Ar. XV, 63, 4 сл.

[5] Другие черты против Зубейридов ср. Ar. I, 12, 14; XV, 61, 62.

[6] Ar. XV, 62, 21.

[7] Anon. Ahlwardt'a, 23 и 176; Ar. XV, 62, 22.

[8] Anon. Ahlwardt'a, 24, 6.

[9] Об этом Ar. XV, 60. Хадӣсы, в иснаде которых упоминается его имя, восходят непосредственно от него к ʿАбд Алла̄ху ибн ʿОмару (Wüstenfeld, Tabellen P. 24) и Саʿӣду ибн ал-Мусайiабу (R. 24).

[10] Ar. III, 65; авторство Абӯ-л-ʿАбба̄са сомнительно. По другой версии «герой» этого случая — Бешша̄р. Ср. приведенный ниже анекдот об ʿО и а Р, где слепой поэт — явный противник нового чувственного жанра.

[11] Или бенӯ-л-Лейс, или бену-д-Дӣль, ср. Ar. XV, 59.

битвы, любишь говорить непристойное, бранить маулā и что ты — вечно влюблен».[1] В этих двух строках содержится и поэтическое *credo* Абӯ-л-'Аббāса, который, как видно, был противником нового эротического направления в поэзии.

2.

Его современником[2] и собратом по роду поэзии[3] был Мӯсā Шахавāт,[4] выросший в Медине,[5] прозванный так потому, что он, по одной версии был надоедливым попрошайкою,[6] и, как только, бывало, увидит что-либо хорошее, одежду ли, или какую-нибудь вещь, или верховое животное, так начинает плакать и на вопрос: «Почему ты плачешь?» отвечает: «Я *хочу* иметь эту вещь (أَشْتَهِي هذا»), поэтому его и называли «Мӯсā хотений». По другой версии он получил прозвище شهوات (похотей) за стих против Йезӣда I: «Ты не наш, и твой дядя (по женской линии, خال) не наш, о, губящий молитву *похотями*».[7] По третьей версии он делал закупки для 'Абд Аллāха ибн Джа'фара, покупая для него то, что тому *хотелось* приобрести, и наживался на этом.[8] Наконец, по последней и самой интересной для нас версии, он привозил сахар и леденцы из Азербейджана в Медину и продавал их там; одна мединская женщина сказала: «Мӯсā всё время привозит нам то, что нам *хочется*».[9] Интересно в связи с этим отметить, что в стихах мединского поэта того времени, упомянутого 'Омара, для понятия «леденец» употребляется персидское слово طبرزذ.[10]

Отцом Мӯсы называется то بشار Бешшāр, то يسار Йасāр.[11] Последнее имя приводится у автора, пользовавшегося упомянутой «Книгой о поэзии и поэтах» Ибн Кутейбы, в экземпляре которой наш поэт был назван

---

[1] Аг. XV, 63, 17-18 = Ответ на n⁰ 400 дӣвāна 'О м а р — а (ed. Schwarz). Другой анекдот о враждебном выступлении Абӯ-л-'Аббāса против 'О м а р ср. там же.

[2] Жил в эпоху Сулеймāна, 'Омара II (ср. Аг. III, 118, 119, 121, 124); его современниками названы 'Абд Аллāх ибн Джа'фар (Х̱ыз. I, 144; Poesis, 366; ум. 90 г. х.) и Са'д ибн Ибрāхӣм (Аг. III, 122, — ум. 127 г. х. Wüstenfeld, Tabellen, S. 24).

[3] Писал мадӣхи, начинающиеся несӣбами, хиджā' и Gelegenheitsgedichte. Иногда в его творчестве нотки рефлексии — ср. Аг. III, 122, 19-20; IQ, 'Uyûn, ed. Brockelmann, стр. 408, 5-7.

[4] Говорится: Мӯсā شهواتُ и شهواتٍ ср. Х̱ыз. I, 144.

[5] Аг. III, 118.

[6] Ibid и Х̱ыз. l. c.

[7] Х̱ыз. l. c. ср. Lammens в Mélanges de la Faculté Orientale III, 163 со ссылкой на Дӣнаверӣ 275, 9 и Танбӣх Мас'ӯдӣ 305, 6-7.

[8] Х̱ыз. l. c. и Poesis, 366.

[9] Аг. III, 118, Х̱ыз. l. c. Об его азербейджанском происхождении еще I. Q. Poesis, 366.

[10] Дӣвāн, ed. P. Schwarz, n° 15,8 a.

[11] Х̱ыз., l. c.

братом Исмā'ӣля ибн Йасāра, поэта, о котором речь впереди; европейский издатель, прибавив лишний союз «и» وَ, ввел в перечисление поэтов еще другого брата Исмā'ӣля, не названного здесь по имени, но известного из другого источника. По этому в европейском издании теперь мы читаем: «затем он перечисляет: Исма'ӣль ибн Йасāр *и* его брат *и* Мӯсā Шахавāт и Абӯ-л-'Аббāс».[1] В рукописи, которою пользовался ал-Багдāдӣ (ум. 1621 г.), после слов «и его брат» не было союза, и братом был назван Мӯсā Шахавāт. Так, должно быть, нужно исправить и в европейском издании; а имя отца Мӯсы, Йасāр, يسار, легко можно прочитать как Бешшāр, переменив точки.

Омейядские халифы ценили Мӯсу и одаряли его; их подарки привозились к нему в Хиджāз.[2] Из мелких членов семьи Омейядов он воспел многих,[3] между прочим Фāṭыму, вдову 'Омара II[4] и Са'ӣда, одного из потомков Асӣда.[5] В последних двух стихотворениях встречаются неблагоприятные намеки на других членов Омейядской фамилии.

Об его отношениях к Зубейридам мы знаем следующее: он восхвалял в стихах Муṣ'аба после его смерти, говоря, что «его кремни были более горючие, чем кремни Мервāнида» (т. е. 'Абд ал-Мелика).[6] Еще рассказывается о том, что он сговорился с Ма'бедом и сочинил стихи в честь Хамзы, сына 'Абд Аллāха ибн аз-Зубейра, а Ма'бед пропел его стихи, когда оба они нуждались в деньгах.[7] Другой Зубейрид отклонил его денежную просьбу.[8]

Он был клиентом Ḳорейшитов.[9] Как поэта его постигали иногда невзгоды: наместник Медины Са'д ибн Ибрāхӣм ополчился на дураков, поэтов и певцов; это постигло и Мӯсу, который отомстил, сочинив две сатиры на некрасивого лицом наместника.[10] В его творчестве[11] мы встречаем так же

---

[1] Poesis, 366 и not. *n*.

[2] Ar. III, 124.

[3] Йезӣда, внука Халифа Йезӣда I, затем Абӯ Бекра, сына 'Абд ал-'Азӣза, ср. Ar. VIII, 89.

[4] Ar. III, 121 и 124.

[5] Ar. III, 118-119; Poesis, 367.

[6] Anon. Ahlwardt'a, 12.

[7] Кāмиль ал-Мубаррада, ed. Wright, 397 и 399; Ar. III, 120, 124.

[8] Ar. III, 122.

[9] Точнее — вольноотпущенником Сулеймāна ибн абӯ Хейсамы ибн Хузейфы ал-'Адавӣ (Ar. III, 124, ср. Wüstenfeld, Tabellen, P. 23). О принадлежности его к клиентам Ḳорейшитов — Ar. III, 118; Хыз. I, 144; упоминается то его принадлежность к племени Сахм (Poesis, 366, Хыз. l. c.), то к Тейм ибн Мурра (Хыз. l. c., Ar. III, 118), то к 'Адӣ ибн Ка'б (Ar. l. c.).

[10] Ar. III, 122.

[11] Интересен рассказ Ar. VIII, 89, как показатель чувства собственности у арабских поэтов.

много тавтологий и теджнӣсов, как у Зийада,[1] и намек на его связи с Ираном в стихотворении, сказанном им во время его свадьбы на дочери вольноотпущенника, Дā'ӯда ибн Абӯ Ḥумейды, который спросил его: «что (нужно) для подарка (невесте)?» Поэт ответил стихами:

تَقُولُ لِيَ النِّسَآءُ غَدَاةَ تُجْلَى * حُمَيْدَةُ يا فَتًى مَا لِلْجَلَآءِ
فَقُلْتُ لَهُمْ سَمَرْقَنْدٌ و بَلْخٌ * وَ مَا بِالصِّينِ مِنْ نَعَمٍ وشَآءِ
أَبُوهَا حَاتِمٌ اِنْ سِيلَ خَيْرًا * وَ لَيْثُ كَرِيهَةٍ عِنْدَ اللِّقَآءِ

— «Говорят мне женщины утром, когда я одарял
«Ḥумейду: Молодец, что (нужно) для подарка (невесте)?
«Я ответил им: Самарканд и Балх
«И все верблюды и овцы, какие есть в Китае!
«Ее отец — Ḥāтим (по щедрости), когда у него просят дара,
«Но он — лев сражения в день стычки».[2]

Здесь интересны два момента: его брак на дочери вольноотпущенника и намек на богатства Самарканда и Балха и на стада Китая. Для характеристики его положения, как маулā, интересны еще рассказы о его бедности, о которой говорит не только эпизод с Ма'бедом, когда он делит полученное от Ḥамзы вознаграждение, но еще повесть о его любви и о браке на рабыне,[3] который не мог бы состояться, если бы Омейяд Са'ӣд, потомок Асӣда, не помог ему выкупить рабыню у ее владельца.[4]

3.

Исмā'ӣль ибн Йасāр,[5] последний из трех поэтов Медины, характеристикой которых я заканчиваю настоящий обзор, является самою яркою личностью и как поэт, и самою интересною для моей темы, как первый бо-

---

[1] Ср. سيّد و مسود (Ar. III 120); الاعزّ — العزيز (Ar. III, 121; еще Poesis, 367, 6, 10).
[2] Ar. III, 121.
[3] Ar. III, 118 сл.; Poesis, 367.
[4] Литература о Мӯсе: IQ Poesis, 366-367; Кāмиль, ed. Wright 397, 7, 399, 2; Ar. III, 118-124; VIII, 89; IX, 99; Jac. III, 128; Х̱ыз. I, 144; Anon. Ahlwardt'a, 12; 'Умда, II, 108; 'Uyûn, 408.
[5] Литература об Исмā'ӣле ибн Йасāре: IQ Poesis, 366; Kremer, Streifzüge 29 сл.; Goldziher, Muh. St. I, 160; Brockelmann I, 62 n⁰ 9; Huart, Lit. arabe 55; Ar. IV, 118-127; VI, 130; XIII, 102, 135; XVI, 45; Jac. II, 525; Browne, A literary history of Persia I, 266; Schwarz, Der Diwan des 'UiaR IV, 60; Маджмӯ'ат ал-Ма'āнӣ (Константинополь, 1301), стр. 136; Бекрӣ, I, 159.

рец за угнетенную персидскую нацию, смело выступавший с ḳаṣыдами в честь персов даже в присутствии Омейядских халифов; за такой образ мыслей ему пришлось немало натерпеться, и он «не переставал быть побиваемым, не имеющим ни в чем успеха и гонимым за свою персидскую партийность и похвальбу персами».[1] Его характер, сильный и самолюбивый, отталкивающий иногда своим притворством, выступает таким в анекдотах, приводимых в «книге песен». Это был человек «себе на уме». Он отличался талантом выше среднего,[2] был остроумен,[3] умел подлаживаться и, где нужно, льстить. Время его жизни захватывает правление Зубейридов,[4] ʿАбд ал-Мелика, Хишāма и Валӣда II;[5] до ʿАббāсидов он не дожил.[6] Он был вольноотпущенником ḳорейшитского племени (Тейм ибн Мурры)[7] и был преданным роду Зубейридов, в частности ʿУрве ибн аз-Зубейру (ум. 713),[8] одному из самых ранних арабских историков, автору одного из многих, и, может быть, первого كتاب المغازى.[9] Жил он в Ḫиджāзе,[10] в Медине или около нее (Ḫудейле);[11] бывал и в Дамаске,[12] сопровождал ʿУрву в его путешествиях ко двору халифов. Лаḳаб его отца — يَسَارُ النِّسَاء «богатство для женщин» — был дан за то, что он продавал свадебные кушанья, которые можно было достать у него во всякое время дня и ночи.[13] У него было два брата (кроме Мӯсы); все они были из персидских пленников: «книга песен» называет имена его братьев: Муḥаммед и Ибрāхӣм;[14] оба они были поэтами; приводится элегия Исмāʿӣля на смерть Муḥаммеда;[15] уже во времена Абӯ-л-Фараджа ал-Иṣбаханӣ известия о его жизни были утрачены, ходили только романсы с его именем.[16] У Исмāʿӣля был сын, тоже Ибрāхӣм[17] и тоже поэт. Абӯ-л-Фарадж приводит начало его ḳаṣӣды:

---

[1] Аг. IV, 125 внизу.
[2] Аг. IV, 119, 12.
[3] Аг. IV 119 в двух анекдотах.
[4] Аг. IV, 124-5.
[5] Аг. IV, 130.
[6] Аг. IV, 119, 12.
[7] Аг. IV, 119, также как его брат Мӯсā Шахават.
[8] Ibid.
[9] Sachau в Einleitung к III тому изд. Ибн Саʿда и Крымский, Источники для истории Мохаммеда, стр. 113, прим. 2.
[10] Аг. IV, 122.
[11] Аг. IV, 119 внизу.
[12] Аг. IV, 124, 10 и XVI, 45, 16; еще Аг. IV, 119 и 123.
[13] Аг. IV, 119.
[14] Аг. IV 121, 5; о них ср. Poesis, 366, note *n*; Huart, Lit. arabe 55; Аг. IV, 121 и 126-127.
[15] Аг. IV, 126.
[16] Аг. IV, 127.
[17] Нет ли здесь ошибки? Не звался ли его брат Мӯсой, а сын — Ибрāхӣмом?

مَضَى الْجَهْلُ عَنْكَ إِلَى طِيَّتِهْ * وآبَكَ حِلْمُكَ مِنْ غَيْبَتِهْ

[1]وَأَصْبَحْتَ تَعْجَبُ مِمَّا رَأَيْـ * ـتَ مِن نَقْصِ دَهْرٍ ومن مَرَّتِه

«Ушла от тебя глупость к своей цели.
«И вернулось к тебе твое благоразумие после отсутствия.
«И ты стал удивляться тому, что увидел
«Из недостатков судьбы и из ее горечи».

«Эта касыда длинная: он хвалится в ней персами, но я боюсь затянуть, приводя ее (полностью),» прибавляет Абӯ-л-Фарадж (وهى طويلة يفتخر فيها بالعُجْم كَرِهْتُ الإطالةَ بِذِكْرِها).[2]

Если мы обратимся к творчеству самого Исма̄ʻӣля, «шуʻӯбита с сильной персидской партийностью», как его называет Абӯ-л-Фарадж,[3] то в сохранившихся стихах мы имеем два фахра в честь персов, на которые уже было обращено внимание европейскими арабистами Kremer'ом и Goldziher'ом, историками «внутренней жизни халифата».[4]

Первая касыда начинается с несӣба в честь Хинд и переходит затем к восхвалению персов:

١ مَا عَلَى رَسْمِ مَنْزِلٍ بِالْجَنَابِ * لَوْ أَبَانَ الْغَدَاةَ رَجْعَ الْجَوَابِ

٢ غَيَّرَتْهُ الصَّبَا وَ كُلُّ مُلِثٍّ * دَائِمُ الْوَدْقِ مُكْفَهِرُّ السَّحَابِ

٣ دَارُ هِنْدٍ وَهَلْ زَمَانِى بِهِنْدٍ عَائِدٌ بِالْهَوَى وَ صَفْوِ الْجَنَابِ

٤ كَالَّذِى كَانَ وَالصَّفَآءُ مَصُونٌ * لَمْ تَشُبْهُ بِهَجْرَةٍ واجْتِنَابِ

٥ ذَاكَ مِنْهَا إِذْ أَنْتَ كَالْغُصْنِ غَضٌّ * وَهْىَ رُودٌ كَدُمْيَةِ الْمِحْرَابِ

٦ غَادَةٌ تَسْتَبِى الْعُقُولَ بِعَذْبٍ * طَيِّبِ الطَّعْمِ بَارِدِ الْأَنْيَابِ

٧ وَ أَثِيثٍ مِّنْ فَوقِ لَوْنٍ نَقِيٍّ * كَبَيَاضِ اللُّجَيْنِ فِى الزِّرْيَابِ

٨ فَأَقِلِّ الْمَلَامَ فِيهَا وَأَقْصِرْ * لَجَّ قَلْبِى مِنْ لَوْعَةٍ واكْتِئَابِ

---

[1] В тексте ر вместо و.

[2] Ar. IV, 127, 9 снизу.

[3] Ar. IV, 121, ср. Kremer, Culturgeschichtliche Streifzüge, Textbeilage, n⁰ VI.

[4] Слова Гольдциэра о Кремере, относимые В. В. Бартольдом к самому Гольдциэру в его некрологе Гольдциэра, ИАН, 1922, стр. 157.

٩ صَاحِ أَبْصَرْتَ أَوْ سَمِعْتَ بِرَاعٍ * رَدَّ فِي آلضَّرْعِ مَا قَرَى فِي الْعِلَابِ

١٠ اِنْقَضَتْ شِرَّتِي و أَقْصَرَ جَهْلِي * واسْتَرَاحَتْ عَوَاذِلِي مِن عِتَابِ ى

١١ رُبَّ خَالٍ مُتَوَّجٍ لِي وَعَمٍّ * مَاجِدٍ مُجْتَدِى[1] كَرِيمِ النِّصَابِ

١٢ إِنَّمَا سُمِّيَ الْفَوَارِسُ بِالْفُرْ * سِ مُضَاهَاةً رَفْعَةَ الْأَنْسَابِ

١٣ فَاتْرُكِي الْفَخْرَ يَا أُمَامَ عَلَيْنَا * وَ اتْرُكِي الْجَوْرَ وَانْطِقِي بِالصَّوَابِ

١٤ وَ اسْأَلِي إِنْ جَهِلْتِ عَنَّا وَ عَنْكُمْ * كَيْفَ كُنَّا فِي سَالِفِ الْأَحْقَابِ

١٥ إِذْ نُرَبِّي بَنَاتِنَا وَ تَدُسُّو * نَ سَفَاهًا بَنَاتِكُمْ فِي التُّرَابِ

11 [2] «Сколько у меня увенчанных дядьев по матери и отцу,
«Знатных, домогающихся благородного происхождения.
12 «Всадники (*фава̄рис*) называются так из-за персов [3] (*фурс*)
«По сходству, из-за высоты происхождения персов.
13 «О, Ума̄ма,[4] оставь похвальбу над нами
«И оставь несправедливость и говори то, что подобает.
14 «Спроси о нас и о вас, если ты не знаешь:
«Какими мы были в старые времена?
15 «Когда мы воспитывали наших дочерей, а вы
«Зарывали ваших дочерей по глупости в землю.» [5]

Человек из племени Касӣра ибн ас-Сальт сказал на это: «Наша нужда в дочерях была иною, чем ваша»; он устыдил его этим, желая сказать, что персы воспитывали своих дочерей, чтобы жениться на них, арабы же этого не делали.[6] В конце анекдота говорится, что люди засмеялись, а Исма̄ʿӣль был готов провалиться сквозь землю от стыда. Интересно отметить, что та же тема, χᵛētōkdas,[7] не раз, должно быть, была затра-

[1] Ср. Та̄дж-ал-ʿАрӯс X, 68, 5-4 снизу.

[2] В переводе приводится только фахр.

[3] Goldziher указывает здесь на параллель у Ibn Badrûn'a, ed. Dozy, p. 8, 7: فسموا الفرس بالفروسية و فى ذلك يقول خطاب بن المعلي الفارسى

و بنا سُمِّيَ الفوارس فرسا * نا ومِنَّا مناجب الفتيانِ

[4] У Goldziher'a, Muham. Studien I 160, Anm. 3, по недосмотру «Има̄м», хотя повелительное наклонение дальше 4 раза в женск. р.

[5] Ar. IV, 120, 12-20, 22-26.

[6] Ar. IV, 120 внизу. По другой версии, его собеседник, Ашʿаб еще прибавляет, что зарывали арабы своих дочерей только из боязни позора (Ar. IV, 121); дальнейшее по 2-ой версии.

[7] Согласно Grundriss d. iran. Phil. II, 434 сл., факт брака на дочерях установлен исторически (указанием на Grundriss я обязан Ф. А. Розенбергу).

гиваема арабами в шу'ӯбитских спорах; об этом говорит анекдот, приводимый Ибн Ḳутейбою в «книге об арабах, или возражении против шу'ӯбитов»,[1] анекдот о том, что некий араб, Ḥāджиб ибн Зурāра, отправился в делегации к Хосрою и увидел, что персы женятся на своих сестрах и дочерях. Его душа подстрекла его к подражанию им и к принятию их веры; он женился на своей дочери, но затем раскаялся в этом и сказал стихи.[2] О том же говорится и в сатире, направленной против Зийāда, которая приведена выше.[3]

Другая ḳаṣӣда Исма'ӣля в честь персов была сказана им при следующих обстоятельствах: он вошел к халифу Хишāму, сыну 'Абд ал-Мелика, во время его правления (724—743), когда тот в Руṣāфе сидел около пруда в своем замке. Хишāм просил поэта прочитать ему стихи, думая что он прочитает панегирик в честь халифа, а поэт сказал ḳаṣӣду, в которой он хвалит персов:[4]

١ يَا رَبْعَ رَامَةَ بِالْعَلْيَاءِ مِن رِيمِ * هَلْ تَرْجِعَنَّ إِذَا حُيِّيتَ تَسْلِيمِى

٢ مَا بَالُ حَيٍّ غَدَتْ بُزْلُ الْمَطِيِّ بِهِمْ * تَخْدِى لِغُرْبَتِهِمْ سَيْرًا بِتَقْحِيمِ

٣ كَأَنَّنِى يَوْمَ سَارُوا شَارِبٌ سَلَبَتْ * فُؤَادَهُ قَهْوَةٌ مِن خَمْرِ دَارُومِ

٤ إِنِّى وَ جَدِّكَ مَا عُودِى بِذِى خَوَرٍ * عِنْدَ الْحِفَاظِ وَلَا حَوْضِى بِمَهْدُومِ

٥ أَصْلِى كَرِيمٌ وَ مَجْدِى لَا يُقَاسُ بِهِ * وَلِى لِسَانٌ كَحَدِّ السَّيْفِ مَسْمُومِ

٦ أَحْمِى بِهِ مَجْدَ أَقْوَامٍ ذَوِى حَسَبٍ * مِنْ كُلِّ قَرْمٍ بِتَاجِ الْمُلْكِ مَعْمُومِ

٧ جَحَاجِحٍ سَادَةٍ بُلْجٍ مَرَازِبَةٍ * جُرْدٍ عِتَاقٍ مَسَامِيحٍ مَطَاعِيمِ

٨ مِنْ مِثْلِ كِسْرَى وَسَابُورِ الْجُنُودِ مَعًا * وَالْهُرْمُزَانِ لِفَخْرٍ أَوْ لِتَعْظِيمِ

٩ أُسْدِ الْكَتَائِبِ يَوْمَ الرَّوْعِ إِنْ زَحَفُوا * وَهُمْ أَذَلُّوا مُلُوكَ التُّرْكِ وَ الرُّومِ

١٠ يَمْشُونَ فِي حَلَقِ الْمَاذِيِّ سَابِغَةً * مَشْىَ الضَّرَاغِمَةِ الْأُسْدِ اللَّهَامِيمِ

١١ هُنَاكَ إِنْ تَسْأَلِى تُنْبَىْ بِأَنَّ لَنَا * جُرْثُومَةً قَهَرَتْ عِزَّ الْجَرَاثِيمِ

---

[1] Издана в сборнике „رسائل البلغاء“, Миṣр., 1913/1331, стр. 269-295.

[2] Ibid, pp. 290-291.

[3] См. стр. 137.

[4] Аг. IV, 125, 16-18, 20-27; ср. Kremer, Streifzüge S. 30. Первые четыре строки также Jac. II, 525.

4[1] «Клянусь твоим счастьем, мое дерево — не слабое,
«Когда нужно оберечь (моих сородичей от врага), и мой бассейн — не разрушен.
5 «Мой корень — знатен, и моя слава — ничто не сравнится с нею!
«И у меня язык — как отравленное лезвие меча.
6 «Им я охраняю славу родовитых людей
«Из числа[2] предводителей, увенчанных короной царства;
7 «Вождей, государей, приветливых мерзубāнов,[3]
«Чистокровных, щедрых, снисходительных гостеприимных,
8 «Вроде Хосроя и Сāбӯра войск,
«И Хурмузāна по славе и по достоинству.
9 «Львов отрядов в день битвы; когда они продвигаются вперед,
«[А они покрыли позором царей турок и ромейцев],
10 «Они идут в мидийских кольчугах, спускающихся до земли
«Походкой львов, скимнов быстроходных;
11 «Там, если ты спросишь, тебе сообщат, что у нас
«Корень, одолевший славу (всех других) корней!».

Хишāм рассердился, выругал его грубым словом и воскликнул: «Передо мною ли ты хвалишься и мне ли ты читаешь ḳаṣӣду, в которой ты воспеваешь себя и варваров твоего народа? Бросьте его в воду!» Его «бросили в пруд, так, что душа его чуть было не вышла; затем халиф приказал вытащить его . . . (وهو يشّر?)[4] и сейчас же изгнал его и выслал из Руṣāфы в изгнание в Ḫиджāз».[5]

Приведенный анекдот заслуживает доверия, так как вспыльчивость Хишāма при встрече с иначе мыслящими поэтами засвидетельствована и другим анекдотом, где будущий халиф гневается на ʿалидские стихи Фераздаḳа в честь Зейн ал-ʿĀбидӣна.[6] Может быть, тут уместно вспомнить, что, по

[1] Три строчки несӣба опущены в переводе.

[2] Kremer переводит «gegen».

[3] Ср. те же эпитеты у Абӯ-ṣ-Ṣальта, Ṭаб. I, 956, 12 (выше у меня, стр. 123 прим. 1); так же в стихах Умеййи Аг. III, 187, 4-6 снизу.

[4] Это выражение мне не ясно. Fr. Krenkow объясняет так: I understand «and he was publicly disgraced» from أَشَّرَ.

[5] Аг. IV, 125, ср. Browne, A literary history of Persia I, 266; Kremer, Streifzüge, 30. Подобный этому анекдот рассказывается об Исмāʿӣле и наследнике Хишāма, будущем халифе Валӣде II; не указана лишь причина того, что Валӣд приказал бросить поэта в пруд. Вряд ли причина этого заключалась в шуʿубитском настроении Исмāʿӣля, который сказал очень хорошие стихи на этот случай, а тот послал ему дорогой халат и подарок, и они примирились. (Аг. IV, 121). Позднее Валид II, будучи в Медине, присылает поэту вино (Аг. VI, 130, 1-2).

[6] J. A. 1834, t. 13, pp. 544-547; ср. Hell, Al Farazdaks Loblied auf ʿAlî ibn al Ḥusain Zain al ʿÂbidîn) в Festschrift Sachau, Berlin, 1915, S. 368. См. еще ниже, об отношении Хишāма к Йӯнусу ал-Кāтибу.

новейшим данным,[1] самое ожесточенное гонение на ḳадаритов, т. е. людей, допускавших свободу воли в человеке, было именно во время Хишāма и его преемника Валида II. Не является ли этот рассказ свидетельством того, что и шу‘ӯбиты подвергались в это время таким серьезным преследованиям, которых они не знали со стороны правительства покровителей всего иранского — ‘Аббасидов?

В упомянутом «возражении против шу‘ӯбитов» Ибн Ḳутейбы мы встречаем рассуждение, направленное как раз против той претензии персов, которая сказывалась и в двух переведенных отрывках из ḳаṣӣд Исмā‘ӣля — претензии *каждого* перса возводить свой род к мерзубāнам и царям.

«Персы в то время, пишет Ибн Ḳутейба, покрывали землю на востоке и западе, на суше и на море, кроме тех мест (где жили) Ма‘аддиты и Йеменцы.[2] Неужели же все они были благородные? А где же (были) тогда низкие и презренные, метельщики, цырюльники, кожевники и кабатчики, чернь и слуги? Разве благородные не были (и тогда) среди всей массы людей, точно светлое место на коже верблюда? Но где же их внуки и потомки? Неужели же все они умерли, не оставив детей, и неужели же не осталось никого из них, кроме сыновей царей и вельмож?».[3]

В своем иранском патриотизме Исмā‘ӣль пошел еще дальше. Прославляя брата халифа Валида II, Гамра, он сравнивал его с Хосроем, а людей, его окружающих — с персидскими витязями, асвāрами, смиряющимися перед Хосроем:[4]

فَمَا مَرَّ مِنْ يَوْمٍ عَلَى الدَّهْرِ وَاحِدٍ * عَلَى الْغَمْرِ إِلَّا وَهْوَ فِي النَّاسِ غَامِرُ[5]

تَرَاهُمْ خشوعًا حِينَ تَبْدُو مَهَابةً * كَمَا خَشَعَتْ يَوْمًا لِكِسْرَى الْأَسَاوِرُ

О том же Гамре рассказывается следующее: Исмā‘ӣль однажды просил у него позволения войти к нему. Тот задержал его некоторое время, затем позволил. Поэт вошел плача. На вопрос Гамра о причине его слез Исмā‘ӣль ответил: «Как мне не плакать, раз меня задерживают, когда я

---

[1] В. В. Бартольд в некрологе Гольдциэра (ИАН, 1922, стр. 164). Гольдциэр как раз ссылается на то же место Wellhausen'a Reich, 217 в Vorlesungen über den Islam (Heidelberg 1910) S. 97, Anm. 4 (ср. русский перевод «Лекции об исламе», Пгд., 1912, стр. 89, прим. 1).

[2] Т. е. южно-арабские племена, выселившиеся из Йемена.

[3] رسائل البلغاء, стр. 274—275.

[4] Аг. IV, 126, 8—9.

[5] Игра слов; غَمْر и غامِر.

посещаю тебя, несмотря на мой мерва̄низм и мерва̄низм моего отца!» Гамр стал извиняться, а тот не переставал плакать, пока не получил от него большую сумму. Выйдя от него, Исма̄ʽӣль встретил человека, который спросил его о его мерва̄низме, в чем он выражался? — «В нашей ненависти к ним!» был ответ: отец разводился с женою, если она ежедневно не проклинала Мерва̄на и его род вместо славословия Алла̄ху, и умирая он произнес проклятие Мерва̄ну, вместо обычного исповедания единобожия Алла̄ха, желая этим проклятием стать ближе к Алла̄ху.[1]

ʽАбд ал-Мелик высмеял Исма̄ʽӣля, когда тот явился к нему после победы халифа над Зубейридами, спросив: «каким языком ты, (принадлежащий к партии Зубейридов), прочитаешь мадӣх в мою честь?» — «О эмир правоверных», отвечал поэт: «я меньше по положению, чем то, (чтобы принадлежать к партии). А ты прощал людей более преступных и более полезных для твоих врагов, чем я. Ведь я только смешной поэт!» Халиф улыбнулся, а его сын Валӣд (будущий Валӣд I) велел поэту читать стихи.[2]

Такие случаи, как эпизод с ʽАбд ал-Меликом или с Хиша̄мом, не могли пройти даром для самолюбивого поэта. Он ясно сознавал, что Омейяды — оплот арабской национальной державы. Но и со стороны Зубейридов он не всегда чувствовал поддержку, хотя, может быть, не случайной была его привязанность к ним. Так, когда он сочинил свою лучшую элегию на смерть своего брата Мухаммеда и прочитал ее Хиша̄му, сыну ʽУрвы, тот выругал его, т. к. Исма̄ʽӣль был «поэт, владеющий своим словом, и несмотря на это истратил свое лучшее произведение на (такого ничтожного не-араба, как на) своего брата».[3] И о самом ʽУрве говорится, что он находил его общество приятным, но мало считался с ним.[4]

В подобных черточках сказывается неполноправное положение Исма̄ʽӣля, как маула̄. В стихах своих он был представителем новой школы, школы чувственного ʽОмара ибн абӯ Ребӣʽа,[5] хотя в противоположность последнему, ему не чужды ни панегирик, ни сатира. Интересно, что в одном его любовном стихотворении сохранился как бы общий план знаменитой тенцоны Ваддаха ал-Йемен. Иранское происхождение сказалось в стихах Исма̄ʽӣля только в подчеркивании его шуʽӯбитского шовинизма. Если припомнить, что и сына он воспитал в том же шуʽӯбитском духе, то станет ясно,

---

[1] Аг. IV, 120 наверху: текст мне не вполне ясен.
[2] Аг. IV, 124 внизу.
[3] Аг. IV, 127.
[4] Аг. IV, 119.
[5] Того же мнения и Paul Schwarz, ср. Dīwān des ʽU i a R, IV, 60.

как живуча была в нем одна идея — идея освобождения персидской национальности из под ненавистного ему Омейядско-арабского ига.

В лице его современника, перелагавшего и его стихи на музыку,[1] Йӯнуса-ал Кāтиба, (полное имя его было Йӯнус ибн Сулеймāн ибн Курд ибн Шахрийāр из сыновей Хурмуза),[2] мы имеем первого перса, занимавшегося собиранием арабских песен, предшественника многочисленных арабских ученых и филологов, персов по происхождению. На его книгу песен[3] неоднократно ссылается Абӯ-л-Фарадж ал-Иc̣бахāнӣ, а автор Фихриста, ан-Недӣм,[4] называет три его произведения, между прочим, «книгу певцов» и «книгу мелодий».

Родился и жил он также в Медине,[5] и был клиентом ʿАмра ибн аз-Зубейра.[6] Бывал он также в Сирии, сначала по торговым делам,[7] и познакомился там с наследником, будущим халифом Валӣдом II, а потом и по приглашению халифа Валӣда.[8] При Хишāме он навлек на себя гнев Хишāма, так как поэт Ибн Рухейма сочинял стихи на родственницу халифа Зейнаб, а Йӯнус перелагал его стихи на музыку;[9] таким образом составились 7 зайāниб, или романсов в честь Зейнаб, создавших славу Йӯнуса.[10] Узнав о гневе халифа, он скрылся до воцарения Валӣда II.[11] Во время своего первого пребывания в Сирии он пропел в присутствии наследника Валӣда стих в честь Муc̣ʿаба и смутился. Но Валӣд просил его не смущаясь продолжать, сказав: «Муc̣ʿаб ушел и его след пресекся; и нет вражды между мною и им».[12] Потом этот клиент Зубейридов был вызван к Валӣду, ставшему халифом, и неотлучно находился при нем до его смерти. В старости Йӯнус съумел оценить таланты молодого Ибрāхӣма ал-Мауc̣ылӣ и предсказал ему блестящую карьеру певца.[13] Будучи стариком, он передавал рассказы о Мединских знаменитостях.[14]

---

[1] Аг. IV, 118.
[2] Аг. IV, 114, 6 сн.
[3] Ср. Brockelmann, Gesch. der. ar. Lit. I, 49 § 7.
[4] Fihrist, ed. Flügel, Rödiger, Aug. Müller, I, S. 145.
[5] Аг. IV, 114, 5 снизу.
[6] Аг. IV, 114, 6 снизу.
[7] Аг. IV, 116, 1 сл.
[8] Аг. IV, 116, 13-14.
[9] Аг. IV, 118.
[10] Аг. IV, 117, 3-2 сн.
[11] Аг. IV, 118, 11.
[12] Аг. IV, 116, 5, 6, сл.
[13] Аг. V, 36, 14.
[14] Ср. Аг. I, 98, 19 и др. Литература о Йӯнусе: Fihrist I, 145; Аг. I, 22, 90, 98; II, 63, 75: IV, 101, 114-118, 165; V, 36, 49, 175; VI, 7, 15; VII, 129, 140, 141, 174; XI, 23, 171; XII, 110; XIII, 12, 83, 97, 133, 147; XVII, 167; Brockelmann, Gesch. d. arab. Lit. I, 49.

Из всех рассмотренных выше Исма̄ʻӣль является самым ярким представителем персидской национальной идеи среди поэтов персидского происхождения, живших в эпоху Омейядов. В его стихах мы видим следы той червоточины, которой в конце концов удалось сокрушить Омейядскую династию и вместе с нею арабскую империю. Движение мава̄лӣ, о которых так много было речи, началось давно; еще во времена Зубейридской междоусобной войны в Кӯфе Мух̮та̄р, стремившийся к независимой от халифа и анти-халифа власти, пытался основать свое могущество на поддержке этих людей,[1] и, как выяснил Wellhausen,[2] те же мава̄лӣ пол века после неудачи Мух̮та̄ра завязали из Кӯфы сношения с Хорасаном, в целях ʻАбба̄сидской пропаганды, откуда и удалось одному из них, Абӯ Муслиму, сокрушить шатающуюся Омейядскую державу, воспользовавшись теми племенными раздорами в среде самих арабов, поселившихся в Хорасане, следы которых отразились и в приведенных рассказах о Зийа̄де ал-Аʻджаме.

Такова жизнь и деятельность поэтов-мава̄ли, на фоне общей исторической картины Омейядской эпохи. Как видно, обобщать их анти-омейядским настроением не приходится, когда в их среде—Абӯ-л-ʻАбба̄с, Х̣амма̄д и Абӯ ʻАта̄ ас-Синдӣ. Но не приходится также отрицать анти-омейядское настроение некоторых из них, напр. Исма̄ʻӣля, представителя персидского национального элемента, сумма влияний которого привела к гибели Омейядов. Нельзя говорить о влиянии на них какой-нибудь иной поэзии, кроме арабской, так как все они идут по проторенным дорогам арабских поэтов. В самой арабской поэзии к этому времени, ко времени проникновения в Х̣ид̈жа̄з из Персии и из Йемена персидской песни, сказывается влияние этой песни, начавшееся, должно быть, с юга, из Йемена; можно также с достаточной достоверностью установить две характерных черты этой персидской песни: 1) что она была «подписная»; 2) что ее любимой формой была «стихомѵѳия» — тенцона; обе эти черты не исчезнут и в новоперсидской поэзии. Попытки творчества на персидском языке, приспособления арабских метров к персидским словам, идут, должно быть, со 2-ой половины II века хиджры,[3] когда и в эстетике самой арабской поэзии, под влиянием перса Абӯ-Нова̄са, чувствуется перелом, от картин мертвого кочевого трафарета к красоте иной, к красоте роскоши, охоты, садов, к цветочному орнаменту.

---

[1] О них Wellhausen, Oppositionsparteien, 79-80.

[2] Ibid, S. 94-95.

[3] Ср. выше, о странице из Байа̄на ал-Джа̄х̮из̤а.

А пока в рассмотренную нами эпоху, т. е. к концу Омейядского периода, иранизм всколыхнулся только в национальных тенденциях упорного шу'ӯбита — Исма̄'иля.[1]

В. А. Эберман.

[1] Настоящая статья представляет собою несколько видоизмененный и дополненный доклад, читанный в заседании подсекции Ближнего Востока V Секции Института Сравн. Изуч. Яз. и Лит. Востока и Запада в начале декабря 1924. Лицам, оказавшим мне помощь, в особенности же И. Ю. Крачковскому и Fr. Krenkow, приношу мою искреннюю благодарность.

Замо́к из Билярска с арабской надписью.

При чтении «Краткого Указателя Казанского Городского Публичного Музея имени А. Ф. Лихачева»[1] мое внимание привлекли различные восточные вещи с восточными же *надписями*. Напр., круглые металлические зеркала (стран. 10 и 18), медный замо́к с восточной *надписью* из билярского городища (стр. 16), четыре стеклянные пластинки с восточными *надписями* из Билярска (стр. 20), камни с различными *надписями* из Персеполиса (стр. 24), красноватое стекло из Билярска с *надписью* (стр. 25), форма для отливки медальонов с вырезанными, повидимому, монгольскими *письменами* из Билярска (стр. 25), два сердолика из Болгар с куфической *надписью* (стр. 25), сердолик с тамгой из Болгар (стр. 25), перстни с различными *надписями* из Болгар (стр. 25), ятаган и кинжал с *надписями* (стр. 27) и др.[2]

К сожалению, большинство из этих отмеченных мной вещей обозреть мне в Музее, теперь Центральном для всей Татарской Республики (в гор. Казани), по разным причинам (отсутствие ключей, неразобранность коллекций, передача некоторых вещей из одного отдела в другой) не удалось. Из осмотренного же в 1922 г. заслуживает опубликования «медный замо́к с восточной надписью из Билярска» (по Рукописному каталогу Лихачевской коллекции, стр. 79).

Замо́к лит из бронзового сплава и представляет собой отдаленное изображение животного (конька[3] или собачки). Весьма приблизительная фи-

[1] Казань, 1895 г., 1-е издание.

[2] Ср. Н. Ф. Катанов, О некоторых восточных вещах Каз. Городск. Музея. О татарских вещах с арабск. надписями. II. О мраморном блюде из Самарканда. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этнограф., т. XXX, стр. 97—102.

[3] Ср. во множестве находимые на Болгарской территории коньки—замочки с кружковым орнаментом.

гурка лошадки (не замка́) конца X в. имеется в музее Кордовы.[1] Замок имеет восемь граней, величиной от 6 до 8 мм, из которых четыре гладкие,



Рис. 1.

Замо́к из Билярска с арабской надписью. Три грани (1, 2 и 3) с одной стороны замка и верхний придаток.

три — заполнены надписями и одна покрыта орнаментом ‖ ⊙ ⊙ ‖. Этим же кружковым орнаментом покрыта и верхняя часть замка, его придаток с обеих сторон.

Надписи оказались на арабском языке и их я читаю так:

(а) عَمِل أَبُو بَكْر

(б) بنُ اَحْمَدَ

(1) الْعِزُّ الدَّائمُ و الْاقْبَالُ السَّالِمُ و الدَّوْلَةُ

(2) الشامِلُ والبها و النِعْمةُ لِصاحِبِهِ

(3) بتاريخ سنه احد[2] و اربعين و خمسماية

В надписи (конец 1-й строчки и начало 2-й) замечается неправильное согласование слова الشَّامِلُ (муж. р.) — «всеобъемлющий» с существительным الدَّوْلَة (женск. р.) — «счастье». Резчик надписи, стремясь, вероятно,

[1] G. Migeon, Manuel d'art musulman, Paris, 1907, II, p. 224, fig. 185. Ср. изображение тибетского замка́ (с такой же системой втыкания ключа и выталкивания им дужки), в соч. W. W. Rockhill, Diary of a Journey through Mongolia and Tibet, Washington. 1894, p. 281.

[2] احد один (муж. р.) вместо следуемого اِحْدَى одна (женск. р.). Ср. Ch. M. Fraehn, Recensio . . . nummorum, 1826, I, p. 737.

сохранить рифму, допустил грамматическую ошибку. Очень может быть, что мастер копировал надпись с какого-либо другого предмета и изменил ее, напр., в целях вместить надпись в данном пространстве (в трех строчках) на нашем замке́. При этом он легко мог перепутать и переставить существительные имена с относящимися к ним прилагательными.

Наша надпись весьма шаблонна. На других, напр., вещах можно встретить при слове السَّالِمُ, вместо الاقْبَالُ, как на замке, существительное العُمْرُ, т. е. вместо слов (по русски) «мирный успех» будет тогда «мирная жизнь». Слово же الشَّامِلُ встречается в других надписях в согласовании с существительным الاقبال. В такой связи эти две фразы встречаются в надписи на бронзовом зеркале музея изящных искусств Харьковского Университета.[1] Существительное же الدَّوْلَة «счастье» могло в надписи, лежавшей пред глазами нашего мастера, быть связанным с словом الكَامِلَة (полное, совершенное), как, напр., это имеет место на одном бокале времени Гарун-ар- Рашида.[2]



Рис. 2.

Замо́к из Билярска с арабской надписью. Те же три грани (1, 2 и 3) замка в несколько увеличенном размере, без верхнего придатка.

Надписи, подобные нашей, как уже было упомянуто, весьма употребительны. Чаще всего они встречаются на так называемых восточных металлических зеркалах, находимых в большом количестве в районе Болгарского царства. По времени своей отливки они относятся к IX — XI вв. нашей эры, т. е. ко времени торговых сношений Руси с восточным хали-

[1] Н. Ф. Катанов и Д. В. Айналов, Восточные металлические зеркала из Харьковск. и Екатеринославск. губ., Харьков, 1902 г., стр. 1—2. (Отд. отт. из Зап. И. Харьковск. Университета за 1902 г.).

[2] M. Reinaud, Monuments arabes, persans et turcs ... Paris, t. II, 1828, p. 421—422.

фатом. Зеркала эти имеются в Археологическом Отделе Центрального Музея Татарской Республики.[1]

Подобные благожелательные фразы встречаются еще на востоке, напр., на котелках,[2] кувшинах,[3] блюдах,[4] медалях, браслетах и, отчасти, монетах, на последних можно встретить чаще отдельные слова из этих благожеланий.[5]

Русский перевод надписи будет таков:

(а) Работа Абу-Бекра

(б) сына Ахмеда.

(1) Постоянная слава и мирный успех, и счастье

(2) всеобнимающее, и величие, и благосостояние (да будут) владетелю сего (замка́)!

(3) В летосчисление пятьсот сорок первого года.

Как видим, в нашей надписи, кроме обычных благожеланий, имеется и точная датировка: 541 год мусульманского летосчисления, т. е. 1146—7 гг. нашей эры.[6]

Эта точная дата придает еще бо́льшую ценность нашему замку́ и надписи. После первых болгарских монет X века[7] — наша надпись середины XII века является самым древним датированным эпиграфическим памятни-

---

[1] Н. Ф. Катанов, Описание одного металлического зеркала ...., см. Изв. Общ. Арх., Ист. и Этнограф., т. XIV, стр. 662 (= отд. отт. Д. В. Айналов и Н. Ф. Катанов, Описание метал. зеркала... Казань, 1900 г.); ср. те же Изв., т. XIII, вып. 1, стр. 35—36 и т. XVI, стр. 288; см. еще С. М. Шпилевский, Древние города.... Казань, 1877 г., стр. 263.

[2] Н. И. Веселовский, Гератский бронзовый котелок 559 года гиджры (1163 г. по Р. Х.), СПБ, 1910, стр. 5, табл. III.

[3] См. надпись на медном кувшине Музея Семиреченск. Областного Статистическ. Комитета. Доклад Н. Н. Пантусова о находке этого кувшина из Пишпекского уезда, см. в Прот. засед. туркестанск. кружка любителей археологии, т. X, Ташкент, 1904 г. стр.11, — ср. Зап. Вост. Отд. И. Рус. Арх. Общ., т. XVII, вып. IV, стр. XXIX, СПБ, 1907.

[4] Н. Ф. Катанов, Бронзовое зеркало с арабскою надписью, Москва, 1909 г., стр. 4; Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XIV, стр. 664.

[5] C. M. Fraehn, Recensio... nummorum. 1826, I, p. 192—193. Его-же, Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's, 1832, p. 2. Г. С. Саблуков, Монеты Золотой Орды. Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XIII, стр. 524. Prof. E. Bérésine, Catalogue des monnaies..... du cabinet numism. de l'Univ. Imp. de Casan. 1855, p. 1. Tabl. I, № XIII.

[6] Н. Ф. Катанов, Восточная хронология. Изв. северо-восточн. Археол. и Этн. Института, т. I, Казань, 1920 г., стр. 195, отд. отт., стр. 63.

[7] C. M. Fraehn, Drei Münzen der Wolga-Bulgharen... Mémoires de l' Acad. Imp. des Sciences de St. Petersbourg. VI ser., t. I. А. Марков, Инвентарный каталог мус. монет И. Эрмитажа. Литогр. СПБ, 1896, № 184. Его-же, Топография кладов вост. монет. СПБ, 1910, стр. 145 (Указатель). Акад. В. В. Бартольд, К вопросу о записке Ибн-Фадлана. ЗВО, т. XXI, вып. 1, протоколы, стр. XLII — XLIII. Этим же болгарским монетам посвящена статья Р. Р. Фасмера, предположенная к напечатанию в очередном выпуске «Материалов по изучению Татарстана» (Казань).

ком Волжской Болгарии; затем следуют уже монеты конца XII и XIII вв.[1] и болгарские намогильные памятники XIII — XIV вв.[2]

Замо́к, как значится в каталоге, найден в билярском городище.

Все внешние данные говорят за признание этого замка́ подлинным произведением XII в., а не позднейшей подделкой. В надписи буквы ـخ в слове بتاريخ очень сходны по начертанию с таковыми на датированных сосудах XI — XII вв.; то же надо сказать и о конечной букве م, которая имеет конец с большим уклоном влево.[3]

Мне хотелось бы думать, что замо́к этот болгарско-билярского, а не привозного (из Азии) происхождения. К этому ведет мысль как общий характер выделки замка, так и орнамент на нем.

Кружковый (с точкой) орнамент весьма употребителен на различных предметах из болгарского и билярского городищ.[4] Напр., среди болгарских древностей Центрального Музея в Казани он, этот орнамент, встречается как раз на лошадках-замках,[5] — на болгарских предметах из серебра и кости;[6] имеется он и на маленьком топорике XI — XII вв. из Билярска[7] и на фрагменте металлического болгарского зеркала.[8] В 1889 г. в Болгарах — Успенском (теперь в Спасском кантоне Татарской Республики) было найдено несколько медных сосудов, из коих два — кувшин и сосуд

---

[1] А. Лихачев, Новый Болгарский клад 1887 г. ЗВО, т. III, стр. 165.

[2] Н. Ф. Катанов, Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XXI, Казань, 1905 г. Ср. Казанск. Музейн. Вестник, № 1—2, 1922, Казань, стр. 54. Н. И. Ашмарин, Об одном мусульманском могильном камне... Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XXI, вып. 1, стр. 107—108.

[3] Н. И. Веселовский, Гератский бронзовый котелок...., стр. 5, табл. III.

[4] Н. Ф. Высоцкий, Несколько слов о древностях Волжской Болгарии. Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XXIV, вып. 4, 1908 г., стр. 346—348; табл. V, 9—10; табл. VII, 3, 6, 10. Его-же, Несколько слов о болгарах и болгарской культуре. Каз. Музейный Вестн., № 1—2, 1921, стр. 65.

[5] И. Н. Березин, Булгар на Волге, Казань, 1853 г., стр. 70. На табл. болгарских древностей под № 11. Атлас к Трудам IV Арх. Съезда. Казань, 1889 г., табл. X, № 9.

[6] А. Ф. Лихачев, Бытовые памятники Вел. Булгарии. См. Труды II Археол. Съезда, вып. 1, СПБ, 1876 г., стр. 10, 14—15, 26. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисл. А. А. Спицына. СПБ, 1902 г., стр. 46, табл. XXXIX, № 30 и стр. 47, табл. XXI, № 11 и 14 (= Матер. по арх. России... № 26). Древности бассейнов рек Оки и Камы. В обработке А. А. Спицына, вып. 1, СПБ, 1901 г. Табл. XXVII, 11. Атлас к Трудам 4 Арх. Съезда... табл. XI, № 13—15. Ср. Собрание карт, планов и рисунков к Трудам I Арх. Съезда. Москва, 1871 г., табл. XXVII, рис. 12; табл. XXXIII, рис. 24 (из мерянских городищ). Сравн. A. v. Le Coq, Volkskundliches aus Ost-Turkestan, Berlin, 1916, p. 18—19.

[7] А. Спицын. Декоративные топорики. Зап. Отд. Русск. и Слав. Археол. И. Р. Арх. Общ., т. XI, стр. 223, рис. 16 (на табл.); ср. рис. 12.

[8] 1-е издание Археологического Атласа А. Ф. Лихачева. Казань, 1923 г., табл. XXV, 1; ср. табл. XXIII, 4, 11, 20 (21).

в форме котелка — с арабскими надписями, близкими к надписи описываемого замка из Билярска.[1] В настоящее время (1925 г.) эти сосуды находятся в Эрмитаже;[2] кувшин под шифром КИ 1246, а котелок — КИ 1247.

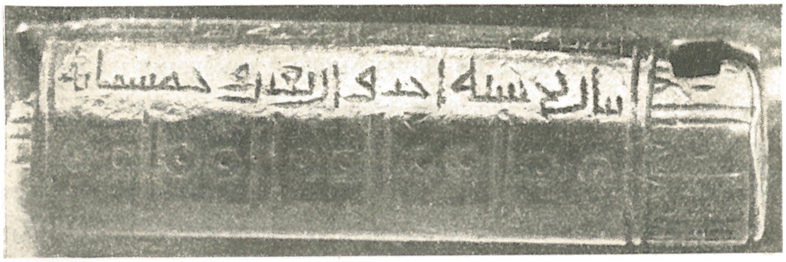


Рис. 3.
Замок из Билярска с арабской надписью. Боковая грань (3-я) с арабской надписью — датой и нижняя грань с кружковым орнаментом.

По краю первого сосуда (кувшина) идут украшения, характерные, как пишет Н. П. Лихачев, особенно для древностей из Билярска, где они наичаще встречаются. Это узор в форме кружков с точками внутри.

Н. П. Лихачев ничего не пишет об орнаменте у второго сосуда — котелка. Там тоже имеется этот кружковый с точкой орнамент на подвижной ручке, а именно: на верхней стороне ручки два кружка и на двух боковых по три кружка; немного можно заметить этот орнамент и по снимку в статье Н. П. Лихачева.

Н. П. Лихачев относит по некоторым соображениям эти сосуды к концу XIV столетия и пишет, что отсутствие имен владельцев сосудов позволяет высказать предположение, что найденная утварь привозная, а не сделана на заказ местными мастерами. Не пытаясь решать вопрос о болгарско-билярском или привозном (азиатском) происхождении этих сосудов, я хочу сказать, что довод Н. П. Лихачева о не болгарском происхождении кувшина и котелка, по моему, не может говорить ни за, ни против болгарско-билярского их происхождения. Кружковый же орнамент скорее мог бы говорить за их болгаро-билярское происхождение. Не лишне вспомнить, что в Болгарии были свои чеканщики монет и искусные резчики по камню эпитафий весьма трудным, красивым и замысловатым почерком ثلث, т. е. тройным, соответствующим нашей славянской вязи.

---

[1] Н. П. Лихачев, Новая находка вещей в г. Булгаре. ЗВО, т. V, СПБ, 1890, стр. 105 и след.

[2] Пользуюсь случаем принести свою благодарность В. А. Крачковской, полному содействию и вниманию которой я много обязан при своем обозрении этих болгарских вещей в Эрмитаже.

Будем ждать других подобных материалов, которые впоследствии уже дадут нам возможность точно ответить на эти вопросы происхождения болгарских древностей на основании всестороннего анализа памятников, их надписей, орнаментов, композиции, производственной техники и проч.

Благодаря любезности одного из служащих Центрального Музея Татарской Республики П. Е. Корнилова — я имею возможность сообщить здесь, в конце, несколько дополнительных (цифровых и др.) данных об этом Билярском замкé. Нижепомещаемые сведения и рисунки (4 и 5)[1] взяты из письма ко мне П. Е. Корнилова.

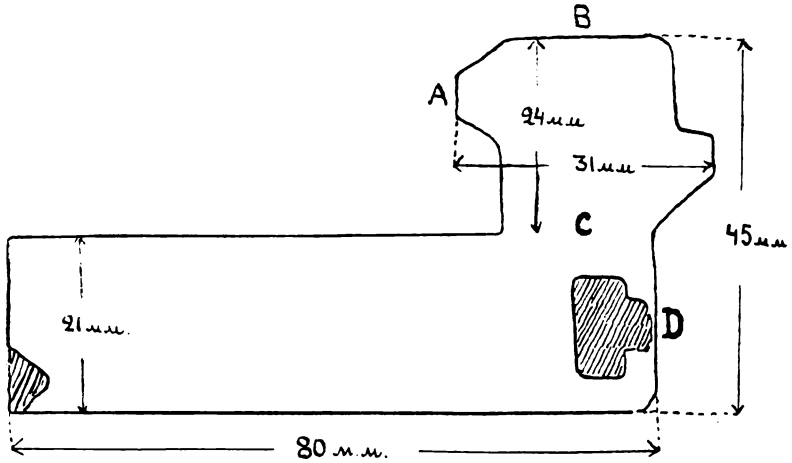


Рис. 4.

Замóк из Билярска с арабской надписью. Схематическое изображение замкá и его размеры

В точке А у замкá (см. рис. 4) излом и утрата металла; в точке В желобок и отверстие до точки С—диаметром 4 мм.; D – отверстие внутрь замкá.

Один конец замкá имеет двойную порезку (см. рис. 1—3), а противуположный двойную порезку и орнамент.

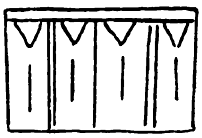


Рис. 5.

Замóк из Билярска с арабской надписью. Орнамент на замке.

Одна плоскость верхнего придатка замкá покрыта надписью (см. рис. 1), а противуположная ей (плоскость) покрыта вся кружковым (с точкой) орнаментом. Кружки сделаны инструментом и все совершенно правильны.

[1] Рисунки перечертил С. М. Дудин, за что выражаю ему глубокую благодарность.

В заключение считаю своим долгом поблагодарить заведывавшего (в 1922 г.) археол. отд. Музея в Казани М. Г. Худякова за предоставление мне полной возможности и удобств при изучении билярского замка́ в Казани; глубокая благодарность и П. Е. Корнилову за содействие по получению мной фотографического снимка с замка́, (исполненного Н. П. Засыпкиным), и за сообщение некоторых цифровых данных о его размере.

Сер. Малов.

Казань, 1922.
Ленинград, 1925.

Записки Коллегии Востоковедов, II.
Mémoires du Comité des Orientalistes.

Д. К. Петров—арабист.[1]

Арабы подчинили Испанию в VIII веке. Настал период, когда эти понятия — Испания и арабы почти совпадали. Но пришел XV век и с тех пор дороги их окончательно разошлись. Если в IX веке Альваро Кордовский жаловался, что испанские юноши забыли свой язык, читают и пишут только по арабски, то в XVI веке Николаю Кленарду нужно было проехать всю Испанию до Гранады, чтобы найти хотя одного человека, знавшего хорошо по арабски. Разрыв был резок и сказался на испанской науке; позже других стран в Испании утвердилась прочно арабистика. Только к концу XIX века испанцы заняли подобающее им место в ряду европейских ориенталистов, оправившись после жестоких ударов, направленных Dozy на испанскую национальную науку, которая недостаточно серьезно относилась к источникам.

Однако, отчуждение между Испанией и арабами продолжается: мало было в Испании арабистов, но еще меньше их было среди испанистов. Не надо приводить примеров; достаточно вспомнить самые крупные имена, как Menéndez Pelayo или Menéndez Pidal, которые говорят сами за себя.

И нашему испанисту, которого мы сегодня поминаем, надо было пройти долгий путь, чтобы дойти до арабского языка. Впечатления юности, когда случайно попавшая в руки арабская грамматика открыла, что там есть какие то странные звуки, были слишком мимолетны. Русская университетская школа не познакомила его с арабским языком; не вынес он его из заграницы, где прошел вторую школу у крупнейших романистов того времени; не подействовало даже знакомство с испанскими арабистами — талантливыми учениками Francisco Codera; — и здесь оказалось необходимым влияние того, кому так много обязано современное русское

[1] Доклад, прочитанный 2 ноября 1925 года (в полугодовой день смерти Д. К. Петрова) в объединенном заседании Яфетического Института Академии Наук, Факультета Языкознания и Материальной Культуры Ленинградского Университета и Кружка друзей греческого языка при том же Университете.

востоковедение — и не одно только востоковедение — бар. В. Р. Розена. Он был, говоря словами самого Д. К., «notre premier maître et inspirateur», это он — «nous a donné le goût des études orientales».[1] Поздно, по обычному представлению, подошел Д. К. к арабскому языку: 33 лет он начал изучать азбуку — в то смутное время, когда Университет в 1905 г. был закрыт и, когда за невозможностью учить, как он сам говорил, он решил снова учиться.

Дело было начато поздно, но, раз оно было начато, Д. К. со свойственной ему определенностью поставил ясную цель и своими твердыми большими шагами пошел к ней. Основательно, как школьник, он штудировал грамматику у бар. Розена; с ним вместе прошел неизбежную для испанского арабиста хрестоматию Lerchundi y Simonet. Систематичность его в занятиях была достойна удивления. Ни одного дня он старался не пропустить без того, чтобы не заглянуть в арабскую книгу; даже в путешествиях она оставалась его постоянным спутником. В 1907 году на летний семестр он едет в Тюбинген, чтобы заняться у проф. Seybold'a, единственного в Германии арабиста знатока Cosas de España. Оттуда он возвращается уже с идеей о труде, который оказался его основной работой в этой области — об издании трактата De amore испанско-арабского писателя XI века Ибн-Хазма. В. Р. Розен не вполне был доволен таким быстрым решением, находя, что молодому испанисту прежде всего следовало бы направить свое внимание не на издание текста, который не всегда под силу и арабистам по профессии, а на привлечение и переработку уже изданных арабских источников для университетских курсов по истории Испании. Однако, настойчивость превозмогла все трудности. Барона В. Р. Розена в начале 1908 года не стало, но Д. К. продолжал свои занятия у акад. П. К. Коковцова, и когда я вернулся с востока в 1910 году, он был уже в разгаре своей арабистической работы, и как преподаватель, и как исследователь. Сочетание испаниста и арабиста не замедлило сказаться в его университетских курсах. С одной стороны, он старался внушить своим молодым ученикам ту же любовь к арабскому языку, которой пылал сам, и с этой целью часто вел занятия по элементарному курсу арабского языка, где обычно фигурировала все та же хрестоматия Lerchundi y Simonet; с другой стороны, темы его лекций теперь нередко основываются на параллельном изучении европейских и арабских источников. Особенно он любил возвращаться к эпохе завоевания Испании арабами и связанным с этим периодом леген-

[1] Abû-Muhammed-Alî-ibn-Hazm al-Andalusî. Ṭauk-al-ḥamâma publié d'après l'unique manuscrit de la Bibliothèque de l'Université de Leide par D. K. Petrof. St.-Pétersbourg — Leide, 1914, стр. V.

дам, которые дают такой благодарный сравнительный материал. Нужно сказать, что для молодых романистов эти темы часто продолжали казаться непривычными и экзотическими. Один год, курс завоевания Испании арабами, начатый при довольно обширной аудитории, закончился при двух слушателях: одним был я — тогда приват-доцент Университета, другим — молодой магистрант Истории Востока, теперь профессор Львовского Университета С. Смогоржевский.

Не смущаясь такими мелкими неудачами в своих начинаниях, неустанно работал эти годы Д. К. и над второй задачей — подготовкой критического издания Ибн-Ḥазма. Эта работа еще ближе свела его с рядом арабистов — особенно с мадридским профессором Julian Ribera, наиболее талантливым из всех здравствующих учеников Fr. Codera, и современным главой исламоведения проф. Snouck-Hurgronje, который не мало облегчил работу Д. К. Петрова во время пребывания его в Лейдене. В своем издании Д. К. с большой скрупулезностью оговорил даже в мелочах всю помощь, которой он обязан своим друзьям. Увидело свет издание в трудную годину: оно было выпущено в 1914 году, уже после начала войны, в Лейдене и экземпляры долго не могли дойти до Ленинграда. В Европе работа к счастью быстро нашла себе отклик: уже в 1915 году ей была посвящена обширная рецензия-исследование покойным венгерским исламоведом Ign. Goldziher'ом;[1] статья об Ибн-Ḥазме в международной Энциклопедии Ислама, напечатанная в 1918 году,[2] показывает, насколько вошло в обиход европейской науки новое издание.[3]

Задача, стоявшая перед Д. К. при этом издании, была нелегка и не даром его предостерегал В. Р. Розен. Предстояло установить критический текст по одной рукописи, хотя и удовлетворительной в общем, но не всегда хорошо сохранившейся; прозаический трактат испещрен поэтическими цитатами, а так как стихи в большинстве случаев принадлежат самому автору Ибн-Ḥазму, то издатель не имел возможности пользоваться параллельными источниками, которые значительно помогают в аналогичных случаях. В работе над этим текстом Д. К. имел таких славных предшественников, как Dozy и Pons y Boigues, но труд его оказался вполне достойным того, что было сделано до него.

Разница в подходе у испаниста и арабистов, однако, была. Ибн-Ḥазм интересовал Д. К. конечно не как известный философ или богослов, историк

---

1 ZDMG — LXIX, 1915, 192 — 207.

2 C. van Arendonk, Ibn Ḥazm (Enzyklopaedie des Islam, II, стр. 407 — 410).

3 Ср. еще переводы из Ибн-Ḥазма, данные по этому изданию E. Wiedemann'ом в его Beiträge zur Geschichte der Naturwissenschaften — XLII, Erlangen, 1915, стр. 93—97.

или моралист, которым он является. Его привлекало то, что мировоззрение Ибн-Ḥазма и его взгляды «rappellent bien des fois les penseurs et les poètes de la Renaissance» (стр. X) и что при чтении его «nous nous souvenons de l'auteur de la «Vita nuova» (XIX). Поэзия трубадуров и особенно их теория любви — вот что может найти освещение при помощи этой книги (стр. XXXVII), вообще целиком «le beau problème des relations et des influences réciproques de l'Islam espagnol et de la civilisation catholique du Moyen Age» (стр. XXXVIII). Желание послужить решению этой проблемы и вызвало его работу над изданием (ibid.). Однако этому послужило не только самое издание, но и то обширное введение, которое он предпослал своей книге (стр. VII — XXXVIII). С легкостью и изяществом, свойственным работам его и его учеников, Д. К. дал анализ содержания и всех связанных с ним вопросов, искусно выделяя те пункты, которые могут представить интерес для поставленной им проблемы. В руки исследователей был дан таким образом не только текст, но и ключ к нему, для тех, кто не владеет арабским языком. В своей работе над Ибн-Ḥазмом Д. К. шел еще дальше и подготовлял русский перевод, который, к сожалению, остался неоконченным.

В последние годы Д. К. мог с удовлетворением видеть, что эта «problème des relations et des influences réciproques», значительно подвинулась к своему решению, главным образом благодаря трудам ученых близкой его сердцу Испании.[1] Как и большинство романистов, впрочем, он не счел известную тезу Asín Palacios о зависимости Божественной Комедии от мусульманских источников достаточно убедительной,[2] но с тем большим ударением подчеркивал значение истории судей ал-Ḫушанӣ, изданной Риберой.[3]

К этой самой проблеме о соотношениях и воздействиях он вернулся еще раз, работая над анализом большого произведения из того-же испанско-арабского цикла. В 1920 году вышел русский перевод известной философской новеллы Ибн-Туфейля — Ḥай-ибн-Якẓāн, исполненный молодым арабистом И. П. Кузьминым.[4] Перевод был не первым, появляющимся на европейских языках. Работа над сравнительной оценкой трех наиболее

[1] Главная заслуга принадлежит здесь тому же Julian Ribera (особенно в работах Huellas de una poesia epica romanceada en los siglos IX y X, Madrid, 1915; La musica de las cantigas de Santa Maria. Estudio sobre su origen y naturaleza, Madrid, 1922; La musica andaluza medieval en las canciones de trovadores, troveros y minnesinger, I — II, Madrid, 1923-1924).

[2] См. La Escatologia musulmana en «La Divina Comedia» (Historia y critica de una polemica) por Miguel Asin Palacios. Madrid, 1924.

[3] Historia de los jueces de Cordoba por Al Joxanî. Testo arabo y traduccion española por Julian Ribera. Madrid, 1914 (Восток № 3, 1923, стр. 201 — 202).

[4] Ибн Туфейль. Роман о Хайе, сыне Якзана. Перевод Ив. Кузьмина под редакцией И. Ю. Крачковского. Петербург, 1920. Издат. «Всемирная Литература».

распространенных переводов — испанского, французского и русского завлекла Д. К. Петрова в новое рассмотрение проблемы о влиянии этого произведения Ибн-Туфейля на известный El Criticon Балтазара Грасиана. Под анализом Menéndez Pelayo 25 лет тому назад решение проблемы склонялось в положительную сторону.[1] Д. К. Петров показал, что и здесь обращение к тексту требует большой осторожности. Его вывод в противоположность мнению испанского ученого и с большой основательностью говорит об отсутствии здесь непосредственного влияния.[2]

Третья фигура влекла Д. К. Петрова к изучению в аспекте все той же проблемы связей и влияний двух культур — фигура известного арабско-испанского поэта XII века Ибн-Кузмāна, поэта на народном диалекте. Некоторые общие линии намечены здесь J. Ribera в речи в 1912 году,[3] но текст поэта по прежнему остается неизданным и не исследованным в полном масштабе.[4] Последние годы Д. К. Петров исподволь начал изучение рукописи уника Азиатского Музея; трудности предстояли здесь еще бóльшие, чем с текстом Ибн-Хазма, но быть может систематичность и настойчивость и здесь побороли бы препятствия, если бы обстоятельства, в которых работа была начата, не были столь неблагоприятны.

Внутренняя закулисная работа в области арабистики продолжалась у Д. К. Петрова неустанно до последних лет. Его любимым чтением был объемистый историк Андалусии ал-Маккарӣ, в котором страница за страницей с обычной систематичностью он штудировал уже четвертый том, заполняя листки заметками, выписками и цитатами. Выступать печатно по арабистическим темам последние годы ему приходилось мало. Скорее как историк всеобщей литературы он оценил очерки «Литературы востока» (изд. Всемирной Литературы), показав всю широту своей начитанности и интереса к самым отдаленным областям;[5] в этом же аспекте он дал оценку «Китайской поэмы о поэте».[6] Цикл публичных лекций о поэзии различных народов востока, организованных Институтом Истории Искусств весной 1923 года, дал ему повод выступить с чтением на тему: «В чем прелесть поэзии Востока» (28 апреля 1923 года). Здесь он формулировал свою собственную теорию восприятия поэзии и дал сводный разбор и оценку всех

---

[1] В предисловии к работе D. Francisco Pons, El Filosofo Autodidacto de Aben Tofail (Zaragoza, 1900).

[2] Доклад об этом был прочитан Д. К. Петровым в Коллегии Востоковедов и напечатан в настоящем томе Записок (стр. 73—90).

[3] D. K. Pétrof, op. cit XXIV, n. 4.

[4] Cp. C. Seybold, Ibn Ḳozmān (Enzyklopaedie des Islam II, 1918, 423 — 424).

[5] Восток № 3, 1923, стр. 169 — 170.

[6] Историческая поэтика и стансы Сыкун Ту, Восток № 2, 1923, стр. 141 — 143.

русских работ последнего десятилетия по восточным литературам. Лекция была потом переработана в статью «Наша поэтическая культура и восток (мысли о поэтике востока)», но света не увидела. [1]

Оставаясь, как достойный ученик А. Н. Веселовского, историком всеобщей литературы, одновременно он становился все более широким и разносторонним ориенталистом. Как испанист, он подошел к арабскому языку, но сила открывшейся перед его взорами культуры и литературы оказалась настолько мощной, что он незаметно для себя стал арабистом. Арабская литература невольно влекла дальше к сопредельным областям, очарованию которых он не мог не поддаваться и как историк всеобщей литературы. Он принимается за изучение персидского языка и скоро мы видим его ревностным участником собраний кружка любителей Шах Наме, который группировался около Академии Наук. Шах Наме влечет его к себе неизменно — соперника Фирдауси он видит только в Гомере. «Ни «Chanson de Roland», ни «Aliscans», ни «Contar del mio Cid», ни Нибелунги даже издали не могут сравниться с восхитительной книгой о царях» [2] — вот его собственные слова, а они много значат в устах ученого, по основной специальности романиста. Это увлечение Шах Наме нашло свое отражение и в печати: одной из последних работ Д. К. Петрова явилась статья «Забытая поэма о Фирдауси», [3] которую он посвятил мало известному произведению немецкого ученого и поэта O. F. Grupре. Обусловленная определенным размером, статья носит характер конспекта и чувствуется, что автор не может вместить в четыре уделенные ему странички то богатство материала, которое у него накопилось по этому вопросу. В статье дано общее освещение легенды о Фирдауси, установлены источники поэмы Grupре и характер разработки им легендарного сюжета. И здесь сказываются все преимущества объединения в одном лице историка всеобщей литературы и филолога-востоковеда; чувствуется, что став арабистом, Д. К. Петров с таким же правом мог бы стать иранистом, если бы его занятия направились определенно в эту область.

Соперником его увлечения персидским языком и литературой явилась в последние годы яфетидология; и в этой области, оставаясь верным себе, он хотел дойти до истоков и принялся за изучение грузинского языка. И тут им достигнуто многое, но эта сфера уже выходит за пределы моего зрения и деятельность Д. К. Петрова в ней лучше очертит другой.

---

[1] Она была прочитана в Заседании Восточного Отделения Русского Археологического Общества 30 августа 1923 г.

[2] Восток, № 3, 1923, стр. 170.

[3] ДАН — В, 1924, 75 — 78.

Все таки арабистика осталась областью, к которой преимущественно устремлялся его взор; в ней он находил удовлетворение не только как ученый, но и поэт, уделяя свои досуги стихотворным переводам памятников арабской поэзии.[1] В печатном виде из таких опытов появился только один;[2] на его докладах и сообщениях нередко приходилось слышать и другие: вероятно, еще больше их хранят записные книжки.

Заканчивая свою первую и основную работу по арабистике, Д. К. Петров просил извинить романиста, который осмелился предложить ученым целиком изданный им арабский текст.[3] Подводя итог его деятельности в этой области, легко видеть, что и тогда уже он был не только романистом, но и арабистом. Двадцать лет продолжалась его деятельность, как арабиста. Срок в жизни зрелого ученого не малый, но уже на девятом году этой работы Д. К. Петров оказался отрезанным от той страны, ради которой начал занятия арабским языком. Это не могло не отразиться на дальнейшем ходе его студий; он конечно не опустил руки и продолжал работать, но невольно чувствовал себя находящимся в полной изоляции. До самой смерти ему не удалось восстановить прежней связи с испанскими коллегами.

Между тем картина испано-арабских студий в Европе теперь уже не такова, какой она была четверть века тому-назад. В самой Испании они стали на твердую почву: имена работающих преимущественно в этой области Julian Ribera и Asín Palacios с честью занимают место в первом ряду европейских арабистов. Из их школы вышел уже не один ученый и едва ли теперь справедлив упрек Asín Palacios, что в Европе не хотят знать испанских работ.[4] Отзывы немецких ученых говорят другое;[5] перевод труда Asín'а о Божественной Комедии на английский и французский язык не менее показателен. Испано-арабские студии находят себе адептов не только в крупных центрах: даже в маленькой Финляндии мы видим ученого, который, подобно Д. К. Петрову составив уже себе достойное имя как романист, не побоялся перейти и к арабским источникам.[6]

---

[1] Не всем ученым известен сборник оригинальных стихотворений Д. К. Петрова, изданный им в 1911 году: «Д. К. П. Элегии и песни (1889 — 1911), С. Петербург, типолитография А. Э. Винеке. 1911. 8° VI + 137».

[2] Перевод стихотворения о книгах Ахмеда Ибн Ризы из Малаги (XI в.) — Похвала книге, частное издание И. А. Шляпкина, Петроград, 1917, стр. 87.

[3] D. K. Petrof, op. cit., стр. XXXVIII.

[4] Op. cit. 101.

[5] См. например, анализ работ Ribera, принадлежащий W. Mullert'y в Der Islam XIII, 1923, 170-177.

[6] Имею в виду O. J. Tallgren'a, исследующего вопрос об арабской терминологии у Альфонса Мудрого. Ср. его статью Sur l'Astronomie espagnole d'Alphonse X et son modèle arabe (Studia Orientalia I, 1925, Helsingfors, 342-346).

Хотелось бы думать, что и у нас рано или поздно эта область опять найдет своего энтузиаста из той же среды. И этот продолжатель работы пионера, вспоминая романиста Д. К. Петрова, помянет его и как арабиста «не злым тихим словом».

И. Крачковский.

10 октября 1925 г.

Памяти Алексея Н. Веселовского.[1] (1843–1918).

Когда бы не печальная группа молодых девушек, курсисток с Высших Женских Курсов, которым он отдал последние звуки академической речи — трудно было бы и подумать, что хоронили крупного ученого, с чутким общественным тепмераментом, десятки лет возглашавшего с кафедры историю художественного слова. Перед ним прошли сотни слушателей и на историко-филологическом факультете Московского университета, и в Специальных Классах Лазаревского Института Восточных Языков, и на Высших Женских Курсах — еще Герьевских, и в Народном Университете имени Шанявского, и в Театральной школе — всюду будил он в юных сердцах уважение к сильной личности, в борьбе обретавшей воплощение художественных идеалов. Его разносторонняя образованность, изящная воспитанность, говорившие о прочных — унаследованных — традициях, всегда выпукло выделялись на фоне серого гелертерства. Черновую, подготовительную, работу он искусно прятал, и все обрисовывалось у него, как законченное здание, с которого убраны леса. Только последние годы, отягченный сотнями образов, которые мелькали перед ним, он разбрасывался: он спешил воплотить частичку того, что теснилось у него в голове, и стройность изложения утрачивалась — лекция представляла как-бы литературную causerie в салоне искусного маэстро.

Веселовский был присяжный общественный лектор — «свободный профессор». Всякий раз, как устраивался литературный вечер или поминки по русском или западно-европейском писателе, неизменно подымалась на кафедру осанистая его фигура, вдохновлявшая от созерцания людной аудитории.[2] За время свыше чем пятидесятилетней сознательной активной

[1] В основу положено поминальное слово, произнесенное перед студентами б Лазаревского Переднеазиатского Института.

[2] Частью, речи Веселовского. собраны в его «Этюдах и характеристиках» (М., 1912. 4-е издание в двух томах), частью — разрослись в целые монографии.

жизни собрал он богатую художественную летопись знакомств, в нем сокрыта была неписанная галлерея, и забытые дорогие тени «откочевавших в дом вечности» превращались в очаровательные портреты. А когда тема захватывала его, он умел создать дивные образы — образцы художественного творчества. Теперь уста его сомкнулись; последний могикан цвета московского общества 70-х гг., жившего интенсивной жизнью в кружках, литературных, общественных, политических — навеки унес он все в могилу.

Москва потеряла в нем идейную связь между Россией и Западной Европой. Имя общепризнанного русского ученого — мольериста,[1] байрониста,[2] автора очерка русской литературы, написанного специально для серии Kultur der Gegenwart,[3] близко было и «знатному иностранцу», посещавшему Москву; ежегодно, уезжая летом в Западную Европу, Веселовский знал там всех и все, там был он везде, как свой. В нем культурный европеец видел своя от своих, а Россия, естественно, входила через него в орбиту общеевропейскую.

Труды Веселовского отражают на себе взгляд его на художественное слово, как на проявление единого общечеловеческого духа. Как далек был от него узкий, однобокий специалист, уткнувшийся в одну точку! Он искал жизни всюду; литературную жизнь рассматривал он в масштабе общеевропейском — так построен у него один из первых обширных его трудов — «Старинный театр в Европе» (М., 1870), к переработке которого он неоднократно подумывал вернуться.

Он, только он один, мог бы оправдать упраздненный университетским уставом (1884 г.) титул «профессор всеобщей литературы»; всеобщая литература для него означала международное литературное взаимодействие. Устанавливая мировые литературные типы, он создавал интернациональное культурное братство. В период «болезненного пароксизма племенной исключительности» захотел он показать, чем обязана Россия Западной Европе; так вырос у него труд «Западное влияние в новой русской литературе» (М., 1916, 5-е издание). Профессор русской словесности в Специальных Классах Лазаревского Института, он на Востоке усматривал зачатки тех литературных течений, которые пышно расцвели на Западе. Россия и Европа, Восток и Запад мыслились у него не как противоположные обособленные понятия — везде находил он звенья той же цепи.

---

[1] Этюды о Мольере. Тартюф, М., 1879; Мизантроп, М., 1881; третий выпуск из «Мольеровской трилогии», Дон-Жуан, начатый, не был, однако, выпущен.

[2] Байрон. (М, 1914, 2-е издание).

[3] Die russische Literatur, Berlin-Leipzig, 1908.

В истории Специальных Классов Веселовский занимает исключительное положение.[1] В старые, до-Миллеровские, времена, когда Специальные Классы были не что иное, как бесцветная востоковедная школа, медресэ— лекции Веселовского были своего рода откровением. Не-ориенталист, он слушателям, задавленным восточными вокабулами, раскрывал красоты восточной поэзии, он внушал им интерес к востоковедению. Вступив в Специальные Классы в 1881 г., он одно время делал там больше, чем кто-либо другой,—«ориенталист». Его лекции в востоковедном заведении, в которых профессор русской словесности контрабандой знакомил и с западно-европейскими литературами, вводили в неведомый мир литературных идей и движений; это был как-бы литературный мост, перекинутый с Востока на Запад; восточная поэзия находила себе место и освещение среди литератур других народов. «Лирическая поэзия на Востоке», «История начального периода драмы на Востоке и в европейской литературе», «Кавказ и Крым в литературных отражениях», «Восточное влияние в русской народной поэзии», «Восточное влияние в мировой литературе XVIII и XIX веков», «История научного и художественного ориентализма на Западе и в России» — вот заглавия некоторых специальных курсов, читанных им студентам-лазаревцам.[2]

Избалованные трудами ориенталистов, научившиеся предъявлять к профессору, приступающему к изучению восточных литератур, требования, которым Веселовский, конечно, не может удовлетворить — не забудем все-же, что курсы эти намечены были им в 80-е гг., когда о них не помышляли у нас в единственном научном рассаднике востоковедения — на Факультете Восточных Языков. Они показывают, однако, как широко понимал свои обязанности не-ориенталист; историк литературы, он шел навстречу запросам студентов-востоковедов и, уча их, учился, знакомился сам с литературной жизнью Востока.

Слушатели Веселовского могли бы немало рассказать о том, как отзывчив и прост был он, когда кто обращался к нему на дому. Ему близка была и нужда студенческая en masse. В 1899 г. он прочел в пользу недостаточных студентов Института публичную лекцию «Накануне Пушкинского юбилея». Благодаря (в феврале 1917 г.) студентов за избрание в почетные члены возродившегося студенческого Общества, он собирался

---

[1] Специальные Классы всегда это сознавали, и в 1914 г. отметили 70-тилетие А. Н. Веселовского изданием «Восточного Сборника», заключающего в себе переводы с различных восточных языков.

[2] Заглавия курсов извлечены, частью, из пачки сохранившихся у меня за старые годы «Обозрений преподавания в Специальных Классах».

опять внести литературную лепту, но над страной веяли уже вихри революции — скоро заброшено было Общество, забыты были и будничные интересы.

Друг свободы, поклонник писателей, борцов за свободу — Байрона, Герцена,[1] он дважды, в годы, когда Россия была у порога свободы, испытал от судьбы удары; он, мечтавший о свободе академического преподавания, дважды был отстранен от кафедры. В 1906 г. в Московском университете освободилась кафедра русской литературы; ему, заслуженному европейскому ученому, почетному академику предложено было конкурировать с «провинциальными искателями фортуны», и оскорбленный, ушел он из университета, тяжело переживая разлуку. В 1918 г., наспех сколоченные Специальные Классы, давно нуждавшиеся в капитальном ремонте, рухнули, и когда на обломках их воздвигалось новое учреждение — А. Н. Веселовский, «почетный член Лазаревского Института Восточных Языков», оказался не ко двору; на смарку пошла 35-тилетняя плодотворная работа в востоковедном учреждении, стало-быть — на пользу русского востоковедения.

Он умирал сиротливо, не изжив, однако, себя; смерть подкралась к нему неожиданно; еще накануне, посетив его, я застал его лежащим на тахте, но лицо его было одухотворено и новые планы бродили у него в голове.

Вл. Гордлевский.

---

[1] А. И. Герцен-писатель, М., 1909.

Памяти И. П. Кузьмина.[1]

Сегодня день тризны для восточной секции Института; смерть, точно желая показать свое могущество, вырвала сильной рукой первое и последнее звено нашей цепи — профессора В. Д. Смирнова и преподавателя И. П. Кузьмина, старшего и младшего, действительного члена Института и только что утвержденного научного сотрудника. Пятьдесят лет разделяет начало их работы в Университете: Смирнов был оставлен для подготовки к профессорскому званию в 1870 году, Кузьмин избран преподавателем в 1920-м. Но только три дня отделяют даты их смерти. Пятьдесят лет и три дня стали рядом, и как-то стерлись для нас перед этим зрелищем людские категории времени. Один миг, одна минута, кажется мне, прошла с того заседания Филологического Отделения Факультета Общественных Наук, когда только два года тому назад я внес предложение об избрании оставленного при Университете Кузьмина преподавателем по кафедре исламоведения. Тяжко теперь вспоминать картину, которая мне рисовалась при этом предложении. Кафедра исламоведения, органически выросшая из кафедры арабской филологии, получила свое осуществление, несмотря на долгие старания Факультета Восточных Языков, только с реформой 1919 года; теперь, казалось мне, наступал момент, когда ее существование будет закреплено специально к этому подготовлявшимся лицом. Не прошло и двух лет после этого представления, как приходится подводить разбивший все мечты итог по обеим линиям — и кафедры, и человека. С новой реформой Университета в 1921 году кафедра исламоведения оказалась уничтоженной и, нужно говорить прямо, не в силу сокращения штатов, потому что в таком случае самостоятельное существование ее, конечно, удалось бы отстоять, как удавалось и многое другое; нет, к этому времени отчетливо уже почувствовалось отсутствие живых сил для ее поддержания. Основной

[1] Прочитано в заседании Научно-Исследовательского Института имени А. Н. Веселовского при Петроградском Университете 10 июня 1922 г.

и полноправный представитель ее переехал в Ташкент, а теперь судьба как бы желая подтвердить наши опасения, отняла и того, кто предназначен был его заменить.

Слабая человеческая личность не удовлетворяется простым принятием законов мира, которые направляют наше бытие: в узеньких рамках жизни хочется найти какое-то утешение, потому что без него тяжко и жутко жить в наше жуткое время. И подводя теперь итог, с удовлетворением можно видеть, что наследие И. П. Кузьмина не только в тех разбитых субъективных надеждах, которые всегда так хочется связать и учителям, и товарищам со всякой даровитой молодостью; целый ряд объективных, уже закрепленных нерушимо, данных говорит о том, чего можно достичь при энергии в наше время. Может быть в этом и есть утешение для оставшихся.

Кузьмин получил свое ученое крещение и даже рождение в годы войны и революции; для нас, современников тяжких и суровых годин, все этим сказано. Но была и в его индивидуальности одна черта, которая, переплетаясь с внешними событиями иногда усложняла жизнь больше, чем у других современников, более уравновешенных, может быть менее сложных. В Университет он поступил в 1914 году 21 года от роду, т. е. приблизительно года на два позже обычного срока окончания гимназии. Произошло это отнюдь не по слабой успешности в среднем учебном заведении, а потому, что он отправился в круговое путешествие юнгой на торговом пароходе. И вот, это стремление к неизведанному, неусыпная пытливость духа, направлявшаяся в самые разнообразные области, не только научные, но и житейские, никогда не давала ему устойчивости, полной убежденности в том, что настоящее место есть для него настоящее, что оно задержит его надолго. «Даль зовет» — он чувствовал этот призыв не только в области физической — в стремлении к путешествиям, но и в духовной. То юнга на пароходе, то участник бродячего оркестра летом на Волге, то приятель заводских рабочих — во всех обличиях он сохранял свою живость и стремящийся проникнуть в самую суть дела интерес. Арабская философия и филология приковали его к себе прочно и окончательно, но самый выбор был обусловлен, вероятно, такими же случайными импульсами, как и большинство его поступков до последнего почти времени. Среда, из которой он вышел, не давала никакой почвы для интересов востоковеда и здесь роль личности сказалась вполне ясно. Не нужно особо оттенять, насколько мало способствовали планомерной работе в Университете последние восемь лет — постоянные мобилизации, революционные перерывы, хронические реформы всем нам памятны. Для характеристики достаточно отметить, что из восьми студентов мусульманского разряда, перешедших в 1915 году

с Кузьминым на 2-й курс, Университет кончил только он один и из этих восьми уже трех нет в живых, а три пропали без вести. Если несмотря на всякие препятствия со стороны внешней и внутренней жизни, он не только не изменил намеченному в Университете пути, но и достиг солидных результатов, то это объясняется преимущественно двумя условиями — способностью к большой интенсивности работы в каждый данный момент, независимо от того, куда бы она ни направлялась, и той средой, в которую ввела его научная работа. Если наука засасывает прикоснувшегося к ней с серьезным интересом, то еще более засасывает среда научных работников. Раньше мы не всегда могли оценить эту силу, склонны были относиться к ней презрительно, смешивая иногда ее с слепой кастовой привязанностью, но великая школа последних лет обнаружила, что эта сплоченность часто оказывалась для нас едва ли не единственно реальным в жизни. Развертывая всю мощь единения, созданного на основе единства высших запросов, она иногда развертывала и всю красоту человеческой личности — высшего что есть на земле. Особенно остро чувствовали мы это в те моменты, когда приходилось или хотелось покинуть Россию или Петроград; остро почувствовал это Кузьмин в последний самый тяжелый год его жизни, когда снова послышался «призыв дали», а внешние обстоятельства назойливо твердили о всем дон-кихотстве увлечения чистой наукой в наши дни. После тяжких колебаний он увидел, что нельзя уйти из этой среды тому, кто духовно с ней сжился; может быть, его конец и служит доказательством того, что лучше смерть, чем духовное одиночество, духовная смерть оторванного от той почвы, на которой он духовно вырос.

Если после этого взглянуть на те восемь лет учебно-ученой работы, которые судьба так скупо отпустила Кузьмину, то нас не удивит, что в них чувствуется внутреннее единство основного течения, несмотря на все его извивы. Уже в Университете, пройдя серьезную историческую школу у проф. Бартольда, он сосредоточил свои занятия преимущественно в области исламоведения под руководстом проф. Шмидта; разные отрасли арабской филологии изучались им у меня, мусульманское искусство у Я. И. Смирнова; у него он, к сожалению, оказался одним из последних учеников. Рано оформившийся интерес к вопросам религиозно-философского мышления мусульман побудил его, для расширения философского горизонта, принять участие в серии курсов и семинариев у проф. Введенского, Лапшина, Лосского. В дополнение к этому по окончании Университета он серьезно занялся историей средневековой европейской философии под руководством проф. Миртова. Основательная общая подготовка выгодно сказалась уже на его студенческой работе «Вопрос о предопределении и свободе воли в Коране»—

тема кардинальная не только для ислама, но вероятно и для всякой другой религии. Вопрос, если и не был решен окончательно, что едва ли возможно, то разработан, по отзыву проф. Шмидта, очень серьезно. Особенную ценность труду придало выяснение связи между воззрениями Фахр-ад-дина ар-Рази, богослова XII века, и современных модернистов в исламе, в частности бывшего великого муфтия Египта Мухаммеда ʿАбдо.

В 1918 году Кузьмин кончил курс и был оставлен по кафедре исламоведения. Стремление к новым областям на время вернуло его к мусульманскому искусству, главным образом, к эпиграфике и тесно связанному с ней орнаменту. Он работал над разбором надписей с туркестанских мечетей и надгробий в Академии Истории Материальной Культуры, изучал мусульманские бронзовые сосуды Эрмитажа. Помимо моей воли заражал его и мой интерес к различным областям арабской филологии, тем более, что состоявшийся около этого времени переезд проф. Шмидта в Ташкент оставил меня уже единственным руководителем Кузьмина по специальности. Из мелких работ им за это время был выполнен новый перевод арабской версии повести об Акире Премудром, напечатанный в 1920 году. В том же году вышел в свет и большой его труд — перевод психологического этюда Ибн Туфейля, испанского философа XII века «Живой сын бодрствующего». Эта работа сыграла решающую роль в окончательном закреплении его интереса за арабской философией. Смелая попытка обрисовать зарождение и развитие человеческого интеллекта и интуиции вне обычных рамок людской среды и традиционного воспитания создала это замечательное произведение арабско-испанской философии, быть может один из интереснейших памятников средневековой литературы вообще. Оно не могло не увлечь Кузьмина глубже, чем это требовалось только для добросовестного перевода. В работе над Ибн Туфейлем у него были серьезные предшественники уже в XX веке. Если испанца Pons Boigues можно было считать только хорошим филологом, к которому нельзя предъявлять особо строгих философских требований, то француз Gauthier считается одним из немногих в Европе специалистов по арабской философии. [1] Однако, серьезный анализ, произведенный Кузьминым над его работой, показал, насколько она неудовлетворительна прежде всего с общефилософской точки зрения; здесь мы опять имеем дело только с филологом, который при одном знании арабского языка наивно полагает, что для него доступны все области арабской мысли. Увлеченный Ибн Туфейлем, именно его Кузьмин наметил объектом магистерской диссертации. Основательная переработка арабского философского

---

[1] См. теперь анализ всех трех переводов выше в работе Д. К. Петрова, стр. 76—79.

материала, хорошее знакомство с греческим и средневековым европейским позволяли надеяться, что в этой работе мы получим труд, который одинаково удовлетворит и филолога и философа, — получим одну из тех монографий, которые только и создадут настоящую историю арабской философии, арабской мысли. Лишь слабое представление об этой работе Кузьмина дает статья, приложенная им к переводу Ибн Туфейля, так как надо иметь в виду, что все специально разработанные им вопросы здесь сознательно изъяты в виду самой задачи издания.

Успех перевода Ибн Туфейля подал нам идею дать русскому читателю ряд произведений арабской философской или философствующей мысли, которые по своей форме представляют самостоятельную литературную ценность. Кузьмин с обычной живостью взялся за выполнение этой идеи. В первую очередь в хронологическом порядке нами был намечен перевод арабской Калилы и Димны, при том не по более поздней хорошо известной версии, а по той ранней, еще лишенной яркого мусульманского налета, которая была издана в Бейруте в 1905 году. Эта работа была им почти закончена и можно надеяться, что она когда-нибудь увидит свет. И здесь попутно Кузьмин произвел одно интересное наблюдение: об отношении слога переводчика Калилы и Димны Ибн аль-Мукаффы к стилю его собственных произведений. Этот вопрос до сих пор не был затронут в науке, так как сочинения его опубликованы лишь недавно в Египте. Судя по тем соображениям, которые высказывал Кузьмин в беседах со мной, и здесь могла получиться интересная монография историко-литературного характера. Вслед за Калилой и Димной по нашему плану должна была идти энциклопедия «Верных братьев» X века; для перевода была намечена последняя глава — известная и в мировой литературе сказка «О человеке и животных перед судом царя гениев». Работа была только начата, но оказалась прерванной на третьем листе. В таком же положении остался и третий том предположенной серии, в который должен был войти один или несколько трактатов ал-Газали. Выбор решило одно внешнее обстоятельство: незадолго перед тем в Азиатский Музей Российской Академии Наук поступила одна очень хорошая рукопись известного трактата Destructio philosophorum, повидимому, с более древней датой, чем те, на которых основаны существующие исследования.[1] Насколько мне известно, Кузьмин успел только проработать и частьюскопировать текст для задуманного им критического издания, но к переводу еще не приступал.

На ряду с научной работой, интенсивность которой ярко характе-

[1] Об этой рукописи см. теперь мои статьи в ДАН — В, 1925, стр. 47—49 и 72—73.

ризуется не только тем, что предположено было сделать, но и тем, что было осуществлено, у Кузьмина развивалась и преподавательская. Недостаток научных сил заставил его приступить к ней, к сожалению слишком рано — уже через два года по окончании Университета и при том сразу в двух учебных заведениях: в Университете и вновь возникшем Институте Живых Восточных Языков. В связи с его специальными занятиями стоял и первый прочитанный им в Университете курс — истории арабской религиозной философии, который обещал вылиться в серьезную работу. Много сил потребовал от него Институт, так как с самого основания вся арабская часть лежала исключительно на нем. Здесь ему пришлось вести все занятия по языку, а в то же время готовить курсы и обзоры общего характера. В первый год им был прочитан общий очерк исламоведения, во второй — начат курс мусульманского права; полное отсутствие русских пособий по этим областям может уже показать, насколько много усилий требовали такие курсы от составителя. В Институте Кузьмин был втянут быстро и в организационно-административную деятельность, как член правления и ученый секретарь совета.

За последний год почти все время уходило у него, как и у нас, на мелочи текущей работы, но точно в силу закона известной реакции мысль интенсивнее направлялась в сферу специальных занятий. Та же реакция поддерживала и колебания воли, когда все внешние обстоятельства казалось говорили о несвоевременности занятий чистой наукой. Только этим и можно объяснить продуктивность, которая при подведении итогов не может не броситься в глаза; и нельзя забывать, что эта продуктивность падает на одинаково для всех нас тяжелые годы 1918 — 1921. Может быть в этих результатах короткой жизни и есть то удовлетворение, которое ощупью приходится искать оставшимся.

Нам — учителям Кузьмина — утешения не надо. Как севастопольские солдаты, которым месяц зачитывался за год, мы давно выслужили свои сроки и имеем право на отдых, но мы забытые часовые и не уйти нам со своего поста; а если не подойдет смена, мы на нем и кончим жизнь. Так судила судьба и в этом может быть скрытая от нас мудрость. Но на товарищах и будущих преемниках Кузьмина лежит великий долг: показать, что они, помилованные роком, могут сделать больше, чем наш молодой рано отшедший друг.

И. Крачковский.

Записки Коллегии Востоковедов, II.
Mémoires du Comité des Orientalistes.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

13. М. Г. Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань. Государственное издательство. 1923. 302 стр. 8⁰ и карта.

Внешняя история Казанского царства здесь излагается в четырех главах соответственно устанавливаемым автором периодам: могущества ханства (начинается этот период очень рано, с 1438 г.), эпохи русского протектората, национального возрождения и падения ханства. Следующая глава посвящена внутреннему строю ханства, особая — городу Казани, главным образом ее топографии и зодчеству. Основная мысль истории ханства, как она определена в предисловии, покоится на признании в основе данного государственного организма местной старинной бóлгарской культуры, к которой привита сильная военная власть. Благодаря этому сочетанию, царство выступило сразу «во всеоружии своей мощи» и имело все данные для долгого существования, но быстрый рост московского соседа установил условия не в его пользу.

Осветить историю ханства во всей полноте М. Г. Худяков не имеет намерения, по его словам «целые категории источников» остались ему недоступными. Но он взялся за перо с целью «обратить внимание знатоков и специалистов» на предмет, «имеющий так много права на разработку и до сих пор так мало исследованный». Автор не удовлетворен отношением к его предмету русских историков — общим недостатком большинства их он считает тенденциозность, отводяшую Казанскому ханству «слишком пассивную роль». Эта основная задача книги выступает весьма отчетливо во всех главах. Наибольшую заботу доставляет М. Г. Худякову, как бы кто не умалил значения Казанского царства в истории восточной Европы, не оставил в тени элементов казанской государственности, не отклонил влияния на русскую культуру татар, в частности казанцев.

Заботы эти начинаются с хана, которого автор признает первым царствовавшим в Казани, Улу-Мухаммеда. В пышных чертах изображена его деятельность. «План основания Казанского ханства можно назвать гениальным, потому что хан Мухаммед понял особность древнего культурного местного населения и, задумавши восстановить мусульманское государство в верхнем Поволжьи, правильно оценил шансы на его прочное существование. Дальновидный проект был выполнен с огромным умением... Военный талант и организаторский гений основателя Казанского ханства дали ему возможность поставить величие государства сразу на должную высоту и достигнуть такой полноты верховенства над Россией, которая заставила считаться с Казанью более, чем с ханством Сарайским». Такая постановка представляется нам сопряженной с немалыми трудностями. Здесь соединены два положения: одно никем не оспариваемое, что в княжение Василия Темного золотоордынские выходцы, в числе их и главным образом Улу-Мухаммед, имели огромное влияние на судьбы зарождавшегося московсковского единодержавия; другое, весьма спорное, что Улу-Мухаммед вообще был основателем и организатором Казанского царства. Взгляд на него, как первого Казанского хана, приходится основывать на позднем памятнике, так называемом Казанском летописце, тогда как летописи, следящие за событиями по месяцам, называют основателем его сына Махмутека, а когда московские дипломаты (при в. кн. Василии Ивановиче) имели нужду в доводе для отвода крымских притязаний на Казань и в пользу давности казанской династии, они писали: «ино изначала Казань юртъ не ихъ, а были на Казани опришніе цари: царь былъ на Казани Мамутекъ...». Маловажный сам по себе вопрос, отца или сына следует назвать первым казанским ханом, приобретает для М. Г. Худякова особое значение может быть потому, что по его признанию «никто из ханов татарских после Улу-Мухаммеда уже не достигал такого прочного могущества над Россией» (171). В основании Казанского ханства Улу-Мухаммедом автор убеждает следующим доводом: поход Улу-Мухаммеда на в. князя в 1445 г. и условия, какие он Москве поставил, могли быть реализованы лишь в том случае, «если хан Улу-Мухаммед опирался на многочисленное население, доставлявшее ему обширный кадр войска и имел перед собою широкие государственные задачи». Можно и по существу оспаривать доказательность таких доводов (в те же годы другой, не столь счастливый, ордынский выходец, царевич Мустафа нападал на рязанскую украйну с неменьшей энергией, отнюдь не разрешая широких государственных задач; обширный кадр войска тоже не к чему усматривать в той полчетверти тысячи вместо ранее у него бывших трех, с каковой ратью Улу-Мухаммед нанес поражение не успевшему стянуть своих сил в. князю),

но прежде всего читатель вправе ожидать, что М. Г. Худяков соберет все показания источников pro и contra своего положения и выскажет свое отношение, например, к такому показанию Воскресенской летописи: «тоя же осени (1445) царь Мамотякъ, Улу-Магметев сынъ, взялъ городъ Казань, вотчича казанского князя Либѣя убил, а самъ сѣлъ въ Казани царствовавати». У М. Г. Худякова: «Русские летописи намекают на то, что Улу-Мухаммед взял Казань силою и овладел городом лишь после убийства правившего там местного князя . . .» (18). Столь велика у автора уверенность в точности своих представлений, что он переправляет слова летописи и видит намек на Улу-Мухаммеда там, где у летописца прямое указание на Махмутека.

Как нечто данное, М. Г. Худяков описывает, как вследствие выгодного договора 1445 г. и при следующем хане Махмутеке продолжался «приток из России денежных средств», дававших возможность расширять торговые предприятия (напомним, что А. Е. Пресняков задавал себе подобный вопрос, но, по его мнению, тяжкие обязательства Василия Темного не перешли по наследству к Махмутеку. Образ. великорусск. госуд., 412); сообразно с этим по мнению М. Г. Худякова мирные отношения между русскими и казанцами в его царствование «ни разу не нарушались». Но как быть опять с летописями? Архангелогородский летописец, хорошо знакомый с устюжскими событиями, повествует под 6954 летом, как весной казанские татары («а все царевъ дворъ») приходили ратью на Устюг, зажгли город и взяли окуп; под 6956 (Воскрес., Никон.) царь Казанский Мамутек послал всех князей своих воевать отчину в. князя; в послании русских иерархов к Шемяке (того же года, А. И., I, № 40) высказан упрек, что за его посылкой к Мамотяку тот держит у себя в железах великокняжеского киличея. В специальной истории Казанского ханства всему этому следовало бы найти место и собрать факты ранее, чем рисовать казанского хана «царем-миротворцем», а московского государя его послушным данником.

Не следя даже за изложением внешней истории Казанского царства и вообще не принимая на себя обязанности читать книгу М. Г. Худякова целиком, остановимся на некоторых частностях внутреннего строя царства.

Курултаю у казанских татар посвящено М. Г. Худяковым 5 страниц. Он осведомлен, что это был орган законодательный или даже учредительный, собрание трех чинов, что волеизъявление народа при помощи курултая нельзя назвать совершенным, в нем находили выражение стремления и пожелания лишь привилегированных слоев населения и т. д. Но так как о курултае у казанских татар в источниках нет ни одного упоминания, то доказывать его существование автору приходится при помощи толкований.

Он утверждает, что курултай был известен русским памятникам под именем «всей земли Казанской»; термин по его подсчету (по Царств. книге) употребляется 14 раз в важные моменты жизни государства — при низложении ханов, избрании новых, заключении договоров. Число 14 можно бы и увеличить (так М. Г. Худяков не упоминает о 1549 г.: «когда не стало въ животѣ Сафа-Гирея, бывшіе въ Казани крымскіе князья и вся земля Казанская учинили себѣ государемъ Утемишъ-Гирея» (См. Кунцевич, 365). Но сколько бы раз «термин» ни повторялся, остается весьма сомнительным, чтобы это обыденное выражение московских актов означало курултай. Например, в 1503 г. московскому дипломату велено было наедине говорить Менгли-Гирею о хане Абдул-Летифе, что он людям, как Руси, так и бесерменам «учалъ велику силу чинити и всей землѣ Казанской учалъ лихъ быти» (Сб. Р. Ист. Общ. 41, № 92); самое пылкое воображение не усмотрит тут признаков народного собрания. Остается сосредоточить внимание на единственном собрании, описание которого, по мнению автора, дошло до нас — собрании в августе 1551 г. перед вступлением в Казань Шигалея; происходило оно под открытым небом при устье Казанки. Проследим (по Никоновской летописи) обстоятельства этого события. Казанцы посылали к московскому государю мурзу, тот подал челобитную (дать Шигалея на царство) от всей земли Казанской: после духовных лиц, князей, уланов и проч. упомянуты «и чюваша и черемиса и мордва и тарханы и можары и вся земля Казанская». По уговору с боярами, Шигалею и боярам надлежало ехать на Казанское устье и утвердить докончанье «и всей земли Казанской тутъ встрѣтити». Там и тут переговоры, возвращение русского полона и, наконец, все люди казанские пошли к правде и ходили три дня. Признать здесь что-либо подобное съезду знати, каковым был монголо-татарский курултай, едва ли возможно. Автор, однако, не только ставит на сцену этот заманчивый для обоснования казанской государственности предмет, но и задумывается (231), не под влиянием ли казанских курултаев возникли на Руси земские соборы: «для Казанского ханства собор всей земли был старым, привычным учреждением, для нарождавшейся новой России, он был нововведением». При этом М. Г. Худяков не спрашивает себя, какой успех ему обещает подобное сопоставление, если бы и удалось доказать, будто состав того и другого учреждения сходен. Татарский сейм не был представительным учреждением, а вечевые начала давно отжили свой век на Руси.

В выборе примеров татарского культурного влияния на Русь автор вообще неистощим. У Василия Блаженного не спроста восемь глав, они находят себе «поразительное соответствие» в 8 минаретах казанской мечети (291); мечеть, правда, не сохранилась и никем не описана, но предание о

ее 8 минаретах записано в XIX в. муллой Шигабуддином. В длинном списке татарских изречений, заимствованных русским языком (233), попадается даже жемчуг, известный Слову о полку Игореве. Почему все это нашло себе место в истории Казанского ханства, объясняется тем, «что большая часть культурных влияний шла в Россию именно через Казанское ханство».

Под заголовком «князья и помещики» автор желает дать представлевление о размерах поместного землевладения в Казанском ханстве и считает возможным получить сведения из русских писцовых книг второго после взятия Казани десятилетия. Он уверен, что есть и хранится в Моск. Архиве Мин. Юстиции подлинная писцовая книга 1563 г. бывших ханских владений, присвоенных государем (196). Упоминание такой книги очевидно недоразумение, навеянное, может быть, неправильно понятой ссылкой Перетятковича (I, 249), но не говоря о фантастической книге и сохранившимися пользоваться для указанной цели весьма рискованно — за промежуточное время заселялись нови, ставились починки на лесу. Игнорируя этот период энергичного освоения края русскими поселенцами и переименовывая русскую историю в татарскую, автор забывает использовать материал, послуживший С. В. Рождественскому для краткого очерка землевладения служилых татар, из которых иные владели отцовскими жеребьями по старине без дач, чем те владели и до Казанского взятия. Техническую сторону пользования писцовыми книгами нельзя назвать удачной, и таблица цифровых данных (196) неприемлема даже в приблизительных размерах. В площади поместно-вотчинных дач леса в 76 раз превышают пашню, между тем при нормальном отношении (данные С. В. Рождественского) пашни бывало больше. Автор не посвятил читателя в способ, которым он получил такие цыфры. Позволим себе высказать догадку, что М. Г. Худяков доверился зыбкой Московской математике, имевшей обыкновение в итогах вместо сложе́ния площадей складывать отдельно, сколько намерено лесу в длину и сколько в ширину, и перемножил эти цифры.

Русскими писцовыми книгами автор широко пользуется и говоря о «крепостных и рабах», с той же неудержимой склонностью переименовывать показания русских источников в факты эпохи Казанского ханства. «Полоняники» русских книг неизбежно оказываются у него русскими, взятыми в полон и не пожелавшими после покорения Казани вернуться на родину (о том, как правительство Грозного посылало в Казанский край людей, взятых в войнах с западными соседями, напр., после взятия Полоцка, автор не вспомнил). Трудно пересказать, соблюдая серьезность, какие выводы отсюда получаются. Например, в момент письма такие то полоняники оказались дома, тогда как их соседи татары и чуваши были на государевой

службе. «Нет сомнения, говорит М. Г. Худяков, что в этих чертах сохранились следы положения, существовавшего в Казанском ханстве до завоевания — военнопленные не привлекались к военной службе казанским правительством» (208).

В предисловии автор счел нужным дать краткое обозрение источников и определить свое отношение к обработке их историками. Где проходит по взглядам М. Г. Худякова граница между этими двумя половинами потребной для истории ханства литературы, мы затруднились бы сказать. Например, на стр. 94 ссылка: «Дела Крымские № 8, л. 480», однако цитата, приведенная под этой ссылкой, дает образец совсем не того стиля, какой обычен в сохраненных архивом памятниках дипломатических сношений XVI в. («Говоря о твоих мнимых правах, молчишь о существенных правах России» и проч.). Не трудно угадать, у какого знаменитого писателя (т. VIII, пр. 54) взят этот пересказ читанного им в крымских делах документа. Список источников столь краток, что назван I том «Пам. дипл. сношений» с восточными державами (Сб. Р. Ист. Общ., т. 49), но о втором томе (там же, т. 95) не упомянуто и, повидимому, он не использован, несмотря на его важность для темы.

Что касается обработки истории Казанского царства, то о своих предшественниках М. Г. Худяков упоминает весьма кратко и в большинстве случаев пренебрежительно. К числу «компилятивных» причислен им, напр., труд Перетятковича. Из оцениваемых М. Г. Худяковым «русских историков» остановимся только на С. М. Соловьеве. Как и другие, он не свободен от тенденциозности, проникнутой «сильным патриотическим фанатизмом, который доводит изложение фактов до каррикатурного искажения». Пользоваться Соловьевым автор впрочем не отказывается, но обличает его попутно, на ходу. Например, автор не согласен с представлениями Соловьева о финансовых взаимоотношениях Казани и Москвы. По Соловьеву, на казанские волости наложена была известная подать, шедшая в московскую казну и собиравшаяся московскими чиновниками: М. Амин жаловался, что Федор Киселев притесняет цывильских жителей, берет лишние пошлины. «В действительности же (поправляет М. Г. Худяков) в дипломатической переписке речь шла не о какой-либо подати в московскую казну с казанских волостей, а о таможенных пошлинах, которые русскими пограничными чиновниками взимались с казанцев в Нижнем и Муроме с излишком против установленного тарифа». Наставляя Соловьева, о чем речь шла в «действительности», М. Г. Худяков пользуется, повидимому, только самим Соловьевым. Если бы он заглянул в те памятники дипломатических сношений, которые Соловьев изучил в рукописи и которые теперь доступны в печатном

виде (Сб. Р. Ист. Общ., т. 41, № 26), он нашел бы вполне конкретную картину этого будто бы таможенного сбора: Киселев «съ Цевели» брал «пріехавъ», вязал десятского, взял и корову и овцу и т. д.

В руках М. Г. Худякова была возможность заставить читателя забыть на время об историках, не удовлетворивших автора, и заинтересовать свежим материалом, вводимым им в обращение. Разумеем открытый в недавнее время ярлык казанского хана Сахиб-Гирея. Автор привлекает его к уяснению весьма интересных вопросов из области общественного строя ханства, но русский читатель избалован точными приемами плеяды русских ориенталистов, писавших о «России и Азии» и ждет другого изложения. Не употребляя в книге нигде арабского набора, М. Г. Худяков предлагает прямо свою передачу нужных ему мест памятника, который все еще ждет палеографической и дипломатической критики.

В предисловии автор приносит благодарность Гаязу Максудову и Г. С. Губайдуллину, которым книга «обязана своим появлением». Появилась книга при ауспициях исключительно благоприятных — ни казанский университет, ни старейшие ученые общества Казани не могут в то же время предать тиснению ни одной страницы своих исторических трудов. При появлении книга была приветствована рецензией проф. Н. Н. Фирсова в официальных казанских «Известиях» (1923, № 233). «Это книга, которой недоставало (пишет рецензент). Татарская республика должна иметь историю того государственного союза, из которого она вышла через длинный период тяжелой зависимости от другого государственного союза». Работа М. Г. Худякова признается исполненной с «большим знанием источников и пособий нелегкого предмета». Мы позволили себе привести эту ссылку на чужую рецензию потому, что без ее пособия не могли бы себе уяснить ни запросов, которым книга М. Г. Худякова должна была удовлетворить, ни того круга читателей, который своим появлением она уже удовлетворила.

1924, февраль **С. Порфирьев.**

14. मिश्रबन्धु (गनेशविहारी मिश्र, श्यामविहारी मिश्र, शुकदेवविहारी मिश्र) हिन्दी साहित्य का संक्षिप्त इतिहास । प्रयाग १९७५ । ४ + ९८

т. е. Mıçrabandhu **(Ganeçvihārī Miçra, Çyāmvihārī Miçra, Çukdevvihārī Miçra).** Hindı Sāhıtya kā saṁkṣipt itihās. Prayāg (Аллахабад) 1975 (т. е. 1919), стр. 4 + 98.

15. F. E. Keay. A history of Hindi Literature. Mysore 1920, стр. 116.

16. Sayyid ʻAbdul-Latif. The Influence of English Literature on Urdu Literature. London 1924, стр. XIII + 141.

Еще в самом начале развития индологии Wilson писал: «The Hindi dialects have a literature of their own and one of very great interest»... Ближайшим выражением интереса к литературе хинди и урду явился труд M. Garcin de Tassy «Histoire de la littérature hindoui et hindoustani».[1] Двухтомный труд Garcin de Tassy не имел предварительной базы в виде научных изысканий, посвященных отдельным представителям литературы хиндустани, либо отдельным эпохам ее. Огромное большинство рассматриваемых или упоминаемых им авторов не было издано, да и по настоящее время остается не изданным, и первому историку пришлось работать по рукописям отдельных поэтов и по кратким обзорам различных туземных авторов.

Эти обстоятельства обусловили примитивность построения «Истории Литературы» Garcin de Tassy. Он перечисляет 750 авторов, называет свыше 900 произведений, но, во первых, биографии авторов у него в одном томе, образцы их произведений (во французском переводе) в другом; во вторых, представители литературы хинди и урду рассматриваются вперемежку — по алфавиту, т. е. начиная с ʻAbd ul barr'a и кончая Zuhuri. Автор даже не пытается внести какую либо схему, так как даже самая простая — хронологическая — система ему казалась преждевременной за отсутствием дат как на самих произведениях, так и у туземных примитивных историков литературы. Несмотря на указанную примитивность построения, труд Garcin de Tassy и по настоящий момент не утратил своего значения.

Значительным шагом вперед в деле изучения литературы хиндустани является труд G. A. Grierson «Modern Vernacular Literature of Hindustan».[2] В связи со своими более широкими заданиями Грирсон, естественно, уделяет значительно меньше, чем Garcin de Tassy, внимания литературе хиндустани, однако он вводит, насколько это возможно, хронологическую схему и выдвигает на передний план все наиболее значительное, имеющееся в литературе на том или ином из новоиндийских языков.

Трудами Garcin de Tassy и Grierson'a, а также краткой заметкой Winternitz'a[3] исчерпывается наличность работ, трактующих на европейских языках об истории литературы хиндустани в целом. Различные авторы направляют свое внимание либо на отдельных поэтов, либо суживают свою задачу рассмотрением того или иного литературного явления. Исключительное внимание привлекал, естественно, Tulsi Das.

---

[1] Первое издание в 1839—47 гг., Paris.

[2] Calcutta, 1889.

[3] Geschichte der indischen Literatur III. Leipzig 1921.

На туземных языках, кроме литературных обозрений, посвященных более или менее значительной группе авторов и уже отмеченных Garcin de Tassy,[1] наиболее значительной является «История литературы хинди» Çiv Sinh Seṅgar'a (शिवसिंह सेंगर), которая послужила важнейшим пособием для Грирсона в его работе над указанным трудом. Труд Çiv Sinh Seṅgar до последняго времени являлся наиболее полной сводкой исторических данных о поэзии на хинди. Автор называет тысячу имен поэтов литературы хинди, дает, где это возможно, краткую биографию, указывает даты важнейших произведений и иллюстрирует их извлечениями, характеризующими язык и стиль автора.

При такой скудости научных трудов о литературе хиндустани понятен тот интерес, который вызывается появлением трех указанных в подзаголовке работ, из которых две посвящены литературе хинди и одна литературе урду, так как они свидетельствуют о несомненном сдвиге, о возрастании интереса к литературе хиндустани.

Небольшая книга Miçrabandhu представляет сокращение большого труда трех братьев Miçra, носящего название मिश्रबन्धुविनोद Miçrabandhu Vinod. В этом большом труде авторы рассматривают свыше 3500 поэтов и писателей. Hindī Sāhitya kā saṁksipt itihās является извлечением, построенным по тому же принципу, что и большой труд.

В развитии литературы хинди авторы различают шесть периодов: 1) начальный — с VII до начала XVI века; 2) период созревания (1505—1623); 3) начало расцвета (1624—1704); 4) период полного расцвета (1705—1830); 5) новый период (1830—1869) и 6) современный с 1870 по настоящее время.

Хотя в основу своего разделения авторы поставили эволюцию языка, однако, как и всякое разделение, оно является в значительной мере искусственным, и в данном случае продиктовано стремлением отметить параллелизм, который наблюдается в развитии языка и литературы хинди, с одной стороны, и языка и литературы английской, с другой.

Авторы отмечают, что начальные периоды хинди и английского языка совпадают ये दोनों भाषायें समकालीन हैं. Синхроничны также и моменты расцвета обоих литератур, (что отмечалось уже Грирсоном). Шекспиру, указывают авторы, в литературе хинди и по времени и по своему значению соответствует Tulsi Das, в «Рамаяне» которого наблюдается такое же разнообразие и художественное изображение характеров, как в «Гамлете» (हैमलेट), «Макбете» (मैकबथ), «Отелло» (ओथेलो), «Короле Лире» (किङ्गलिर) и

[1] Кроме Histoire de la littérature, см. также Les auteurs hindoustanis et leurs ouvrages. Paris 1868.

всех других драмах в целом. В поэзии Sītal (सीतल) отмечается сходство с Байроном, равным образом Вальтер Скотту соответствует Padmākar (पद्माकर). Проведение подобного параллелизма приводит иногда к натяжкам, но если принять во внимание, что значительное количество современной индийской интеллигенции лучше знает английскую литературу, чем литературу хинди, оно оказывается не бесполезным.

В каждом из названных периодов авторы отмечают меньшие промежутки, которые характеризуются расцветом поэтической деятельности того или иного крупного автора. Так, например, во втором периоде, соответствующем по времени эпохе европейского ренесанса (पुनरुत्थान), авторы отмечают три момента: Sūr Dās (सूर दास), поэты двора Акбара и Tulsi Dās (तुलसी दास).

На руководящих поэтах авторы останавливаются довольно подробно, причем биографических сведений почти не дают, а кратко, метко и четко характеризуют важнейшие произведения, и, что особенно важно, отмечают особенности стиля и языка каждого из них. После каждого из больших поэтов кратко рассматриваются либо только называются второстепенные авторы (दूसरी श्रेणी के कवि).

Каждый период заканчивается общей характеристикой языка данной эпохи. Таким образом развитие литературы рассматривается на фоне эволюции языка и стиля хинди. Этот принцип проведен последовательно и сообщает оригинальность и стройность небольшой работе Miçrabandhu. В конце книги авторы дают выдержки из стихотворных и прозаических произведений, начиная с XI в. по наше время. Эти краткие выдержки выбраны очень умело, и очень выпукло представляют характерные особенности той или иной эпохи.

Рассмотрение книги Miçrabandhu убеждает, что индийские историки литературы могут умело пользоваться европейским историческим методом изучения и построения истории литературы, и заставляет ожидать появления на туземной почве солидного труда по истории литературы хинди.

Небольшая книга F. E. Keay (A history of Hindi Literature) посвящена литературе на западном и восточном хинди. Кратко очертив этапы в развитии индоарийского языка, отметив положение и значение хинди в среде других новоиндийских языков и указав на характернейшие черты просодии хинди, автор на нескольких страницах дает общий обзор литературы на хинди и намечает, кроме начального развития литературы хинди, три периода: 1) 1400—1550, 2) 1550—1800; 3) 1800 по наше время.

Лишь перечислив древнейших авторов (с 700 по 1150), Keay рассматривает поэзию бардов. На трех из них Chand Bardāī, Jagnayak и

Sarang Dhar он останавливается подробно, давая довольно полные биографии и образцы их поэзии в английском переводе. В следующей, четвертой главе автор рассматривает «early bhakti poets» (1400—1550), то есть поэтов, связанных с развитием Вишнуитского движения (Ramananda, Kabir, Nanak, Mira Baī, Malik Muhammad Jayasi и др.). Пятая глава трактует вопрос о влиянии двора моголов на развитие поэзии хинди (1550—1800). Шестая посвящена Tulsi Das и культу Рамы. Седьмая — последователям Кабира (1550—1800), восьмая носит название «the Krishna Cult» (1500—1800), девятая — «bardic and other Literature» (1550—1800), десятая «the modern period»...

Уже простое перечисление названий различных глав показывает, что автор не следует даже им самим выставленной хронологической схеме, привлекая, как главное средство характеристики литературных периодов, явления не литературного порядка. В этом имеется, конечно, своя доля основания, так как различные религиозные движения Индии пользовались разными диалектическими формами хинди, но они сосуществовали почти в каждом из указанных периодов и взаимно влияли друг на друга, поэтому вряд ли уместно отгораживать их один от другого стеной. Относительно подробно Keay рассматривает поэтов с 1550 по 1800 г., то есть периода, который в значительной мере был освещен и предшествовавшими авторами. Поэтов девятнадцатого столетия он только называет.

Таким образом книга Keay, страдая конструктивными недостатками, игнорируя эволюцию поэтических форм вообще и языка в частности, во многом уступает краткому труду Miçrabandhu. Она, кроме того, не дает ничего нового. Тем не менее она все же не лишена значения в данный момент, так как труд Грирсона, от которого автор в полной зависимости, давно вышел из продажи и стал недоступным.

Труд Sayyid 'Abdul-Latif (The Influence of English Literature on Urdu Literature) поднимает вопрос огромного значения о влиянии английской литературы на литературу урду. Книга представляет докторскую диссертацию автора, питомца Лондонского университета.

Она разделяется на три части: 1) Литература урду до английского влияния, 2) английское влияние, 3) результаты английского влияния.

Литературе урду до английского влияния автор посвящает всего 25 страниц, да и то больше половины их занято изложением политических, религиозных и социальных условий, в которых развивалась литература урду. В понимании автора, эта литература до английского влияния была нездоровым продуктом разлагающегося общества. В то время «the outlook was altogether dark and gloomy, and there was nothing in the life of the

Muslims to clear and brighten it... Urdu poetry, which took its rise in an atmosphere such as this, was uninspiring and lifeless (стр. 18).

Положение о безжизненности ранней литературы урду автор совсем не доказывает, так как нельзя же считать доказательством указание, что литература урду усвоила персидские поэтические формы: газели, касиды, рубаи и др. О том, как воплощались эти формы у поэтов, писавших на урду, автор не говорит ничего конкретного, кроме того, что они много заимствовали от персидских авторов. Меж тем, не говоря уже о других, еще Garcin de Tassy[1] отметил, что даже в просодии поэты урду вовсе н были пассивными. Новые образы, новые идеи, которыми блещут Ghalib, Zauq и др. оставляются автором без внимания, и он ставит в заслугу старым авторам лишь то, что они отшлифовали язык, сделав его прекрасным средством выражения здорового духа и идей, привезенных англичанами.

Современное увлечение индомусульманских националистов своими старыми поэтами вызывает его презрительное замечание: «it has become the fashion with the younger school of Muslim literary critics to glorify and exalt the leading Urdu poets out of all proportion to their intrinsic worth» (стр. 103). Ни из первой части, ни из кратких замечаний, рассеянных в других частях, нельзя вывести заключения, что высказанные автором взгляды основаны на серьезном изучении материала, подлежащего его рассмотрению. Его штудии не шли дальше труда Азада, آب حیات

Вторая часть «English Influence» (31—44) указывает «пути», которыми проникало английское влияние в Индию. Первый из этих «путей» называется «the Atmospheric Influence», под которым автор понимает факт утверждения английской власти в Индии: «with 1858 (т. е. с переходом управления Индией к короне) there dawned a new era in the country». Следующими проводниками влияния англичан являются: система воспитания, религиозные, социальные и политические движения, а также пресса. В этой главе о влиянии английской литературы мы не находим ни слова.

Третья часть (Results of English Influence) должна вызвать наибольший интерес, но, к сожалению, и она в значительной своей доле трактует о фактах не литературного порядка. Из фактов, относящихся к литературе, автор говорит о деятельности Gilchrist'а, который способствовал развитию прозы на урду и хинди, привлекши ряд мусульманских и индуских авторов к переводческой на урду деятельности — все это факты, известные из предисловий к школьным изданиям باغ وبہار Mir Amman[2] и प्रेम सागर

[1] Rhétorique et Prosodie des langues de l'Orient Musulman. Paris, 1873 (стр. 379 и сл.).

[2] Bāgh o Bahar, London, 1873 (предисловие).

Lallu Lāl,[1] и не выходящие за пределы того, что дается в соответствующих местах в «Encyclopaedia Britannica».

Говоря о проникновении в урду английских лексических элементов, автор отмечает всего десятка два слов. Этого слишком мало, так как, например, газетный язык в сильной степени перешел на английскую, вернее на европейскую в английской окраске, терминологию.

Новыми формами прозаических произведений автор считает биографию, историю, драму и литературную критику; их по его мнению «урду заимствовал из английской литературы» (стр. 87). На следующей же странице он сам отмечает, что уже в XVIII веке были многочисленные «Sawanih-i-Umri», «Hayāt», «Sirat», «Tazkirah» и т. д., при чем значительная часть их говорила о жизни святых, то есть была написана лицами, в которых очень трудно видеть проводников английского влияния в такую раннюю пору. Не взирая на этот факт, автор считает «биографию» заимствованием на том лишь основании, что якобы под английским влиянием явились «серьезные биографии».

То же самое наблюдается и с повествовательной художественной литературой: после перечисления существовавших до англичан художественных форм, носивших названия «Afsāna», «Qıṣṣa», «Kahānī» и т. д., указания на переводы европейской прозы и перечисления названий новых произведений на урду, приходится только поверить автору, что английское влияние наблюдалось.

Едва ли прав автор, приписывая исключительно английскому влиянию появление драмы на урду. Правда, драма урду усвоила английскую терминологию для самого названия драмы (دراما), акта (ایکٹ), сцены (سسین) и т. д., но могло быть влияние и местной индийской драмы.

Относительно поэзии автор сам указывает, что попытки ввести европейскую просодию совершенно не удались. Вместо ghazal, qasida в новое время стали более употребительны musaddas, masnawi, qiṭa' и др. Автор приписывает эту смену английскому влиянию на том основании, что эти формы ближе к европейским. Это утверждение, по существу, возможно, и верное, не доказано. Большая свобода и искренность несомненно являются характерными для новых поэтов, особенно Hali, который многократно цитуется автором, но они могли явиться и результатом изменения общего положения ислама.

Автор совершенно не ставит вопроса о том, что могло явиться естественным результатом исторического развития литературы урду и что несомненно обязано своим появлением английскому влиянию.

---

[1] Prem Sāgar. Hertford, 1851 (предисловие).

Из всей книги 'Abdu'l-Latif'а с несомненностью видно только два факта влияния: 1) под английским влиянием получила свое развитие проза; 2) английскому (или вообще европейскому) влиянию обязана своим возникновением социальная повесть или роман. Но эти факты были известны и до появления настоящего труда.

Английское влияние на литературу и на язык урду несомненны. Урду, особенно разговорный или газетный, представляет пеструю мозаику, в которой английские лексические элементы являются очень частыми вкраплениями. Научная и техническая терминология в своей значительной части английские. Огромно также и влияние на литературу, преимущественно прозаическую, и на идеологию авторов урду. Однако автор, больше знакомый с английской литературой, чем с литературой урду — насколько об этом можно судить по рассматриваемому труду — не справился с поставленной задачей. Это совершенно понятно, так как вопрос поставлен слишком широко для данного момента, когда совершенно отсутствуют подготовительные в данной области работы.

А. Баранников.

17. ज्वालादत्त शर्म्मा। उस्ताद ज़ौक और उनका काव्य। तृतीय बार। कलकत्त १९२४ (6 + 119 + 8).

18. ज्वालादत्त शर्म्मा। महाकवि गालिब और उनका उर्दू काव्य। तृतीय संस्करण। कलकत्त १९२४ (6 + 96).

Во взаимоотношениях индийских мусульман и индуистов за последнее время произошел весьма чувствительный перелом. Напряженный антагонизм, который длился несколько столетий, заметно ослабел. Хотя и теперь любая туземная газета пестрит известиями о розни между мусульманами и индуистами, но эти раздоры получили более мирный, чем прежде, характер. Индуистам удалось привлечь мусульман к делу национального освобождения, и с той поры, то есть с 1916 года,[1] когда мусульмане вошли в национальный конгресс, дело объединения заметно подвигается. Огромную роль в этом сближении сыграло гандистское движение и его вождь Ганди.[2] В своих произведениях и речах он постоянно указывал, что в единении — общее благо индуистов и мусульман, и звал к этому единению. В результате этой взаимной тяги к единению проявилось стремление ко взаимному пониманию. Это вызвало интерес к литературе своих соседей иноверцев — у мусульман к литературе бенгальской и хинди, у индуистов — к литературе урду.

[1] См. सिधनाथ माधाव लोंढे। कांग्रेस का जन्म और विकास। कलकत्ता १९७८, стр. 20 и след.

[2] Ср. गोरखपुर में गान्धी जी। कलकत्त १९७८. Из серии «Hindi pustak agency».

Две небольшие книжки Jvālādatt Çarmmā на хинди—одна о Галибе (غالب) и другая о Зауке (ذوق) являются проявлением интереса индуистов к литературе урду, в лице ее лучших классиков, лучших мастеров слова.

Обе работы указанного автора написаны по одному и тому же плану: в предисловии кратко выясняется значение и положение данного автора в литературе урду, в первой части дается краткая биография поэта, которая иллюстрируется выдержками из его произведений; во второй части — образцы газелей автора, причем текст урду дается в транскрипции деванагари, и за каждой газелью или отрывком приводится комментирующий ее перевод на хинди. Наконец, в третьей части прилагается краткий словарь лексических элементов автора, мусульманских, не вошедших в словарь хинди.

Jvālādatt Çarmmā сознается, что его целью было познакомить индуистов с лучшими образцами поэзии урду, и не претендует на самостоятельность. Работу о Зауке он писал, основываясь на трудах проф. Азада, которого многократно цитует, о Галибе—на основании биографии его, написанной Хали (یادگارِ غالب).

В виду того, что на европейских языках о Зауке были только случайные упоминания, мы дадим в кратком извлечении биографические данные о нем. Устад Заук, которого действительное имя было Мухаммед Ибрахим, родился в 1786 году в Дели и был сыном простого сипая. Первый его учитель, Гулам Расуль сообщил ему элементы персидской и арабской грамматики и литературы. Через некоторое время он переходит в ученье к одному из больших тогдашних поэтов Шах Насиру и под его руководством проходит высшую школу арабского и персидского языка и литературы. С раннего детства начав писать газели, он совершенствует здесь свою технику стиха и углубляет знания мусульманской поэтики. Через одного из своих покровителей он получает доступ ко двору Акбар Шаха, от которого получает титул خاقانی هند и, как руководитель в поэтических опытах наследного принца, а позже императора, он становится придворным поэтом. Это звание упрочило его материальное положение, и он весь отдается научным занятиям в разнообразнейших областях, но преимущественно занятиям поэтикой и литературой, выходя в своих изучениях за пределы мусульманских литератур. Он был одним из главных поэтов, осознавших значение литературы урду, и сознательно ставил себе в заслугу поэтические творения на этом языке. Как результат глубокого внимания Заука к своим произведениям, его язык значительно проще и больше приближается к живому языку той эпохи, чем язык Галиба, сильно персизировавшего свои произведения на урду. Сознательный отход от персидских образцов

дал Зауку возможность проявить яркую индивидуальность, и его произведения, наравне с произведениями Галиба, являются прекрасными образцами сочетания глубоких, тонких и оригинальных идей с чарующей формой. К сожалению, значительная часть произведений Заука пострадала во время мятежа 1857 года (он умер в 1854 г.), и от него дошло немного, да и то благодаря самоотверженю его ученика, проф. Азада.

Таковы в сжатом виде те краткие биографические сведения, которые сообщает Jvālādatt Çarmmā о Зауке. Как курьез, интересно отметить, что, стремясь представить индуистам поэта мусульманина в наилучшем виде, автор несколько раз отмечает, что Заук за всю свою жизнь не убил ни одной живой твари.

Как пример комментирования автором Заука, возьмем один стих

जो चश्म कि बे नम हो वह हो कोर तो बहतर ।
जो दिल कि हो बे दाग वह जल जाये तो अच्छा ॥

Комментарий к нему звучит следующим образом:

जिस आँख में प्रेम के आँसू नहीं आते वह गड्ढे की समान है और जिस मन में प्रेम का दाग नहीं वह जल जाय तो अच्छा ॥ т. е.

«Глаза, в которых не появляются слезы любви, подобны щелям, душа, в которой нет страдания любви, еслиб она сгорела, — было бы прекрасно».

Это не перевод оригинала Заука, а свободное толкование его.

Ни в какие исторические или филологические тонкости Jvālādatt Çarmmā не вдается. Такого же типа и комментарий к поэзии Галиба. В обеих работах выдержки даны яркие, характерные для того и другого поэта.

Приложенный к каждому из изданий словарь слишком краток и рассчитан скорее на владеющих урду, а не на тех, кто знает только хинди.

Книги Jvālādatt Çarmmā, как первые образцы поэзии урду на хинди, встречены в Индии с большим сочувствием; это доказывается тем фактом, что в короткое время каждая из них выдержала три издания.

В заключение не безынтересно отметить, что в «Восточном Сборнике» (М. 1924) напечатан перевод на русский язык шести газелей Галиба. Перевод исполнен М. Клягиной-Кондратьевой. К переводу приложены краткие биографические данные о Галибе.

А. Баранников.

19. Furdoonjee D. J. Paruck. Bibliography of Sasanian Numismatics. Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal, New Series, XVII, 1921, № 1. Calcutta, стр. 101—116.

Работа Paruck'а носит малосамостоятельный характер и с научной точки зрения может быть рассматриваема только как компиляция.

Статья состоит из двух частей: краткого очерка изучения сасанидских монет и списка всех известных автору работ, посвященных этому отделу нумизматики.

Исторический очерк всецело основан на работах Haug'a, Essay on Pahlavi, Stuttgart, 1870, и Drouin'a, Histoire de l'épigraphie sassanide (Muséon, 1898), причем из этих работ, как обратил мое внимание проф. Ernst Herzfeld, выписаны дословно целые отрывки. В общем исторический очерк составлен хорошо. Всем ученым, занимавшимся сасанидской нумизматикой, отведено должное место и значительных пропусков не замечается. Нельзя согласиться с автором только в некоторых частностях — так, в трактовке вопроса о значении монограмм, толкуемых большинством ученых как названия монетных дворов. Автор находится в некотором недоумении, кому приписать это толкование и называет Mordtmann'a и Thomas'a, которые, по его мнению, пришли к такому толкованию приблизительно одновременно и независимо один от другого. Печатно, как правильно отмечает Paruck, первым высказался Mordtmann. Однако, если автор считает нужным, кроме Mordtmann'a упоминать здесь и Thomas'a (Morgan, Revue numism., 1913, 16, приписывает это толкование исключительно Thomas'y), то следовало бы назвать также и Olshausen'a, Bartholomaei и Дорна, которые все трое тогда же заявили, что придерживаются именно этого мнения. Olshausen заявил об этом в приписке к той статье Mordtmann'a, в которой этот ученый впервые выступил с этим толкованием (ZDMG II, 115). Из двух мест в основной работе Olshausen'a, (Die Legenden etc. 51,61) видно, что он действительно уже и раньше в некоторых случаях толковал загадочные буквы именно так. Из статьи Дорна Bhph XI, 230—231, вытекает, что он пришел к этому толкованию независимо от Mordtmann'a (ссылка на Mordtmann'a в Bhph V, 229 была им, очевидно, приписана уже при чтении корректуры), но что приоритет принадлежит не ему, а Bartholomaei. И Дорн и Bartholomaei впоследствии отказались от этого толкования и находили, что загадочные монограммы означают или имена разных чиновников, работавших на монетных дворах (Bartholomaei, Mél. as. III, 152—153) или относятся к культу (Mél. as. III, 466—469, 526—531). Эта эволюция в их понимании монограмм игнорируется в статье Paruck'a и создается впеча-

тление, будто толкование монограмм как имен городов было изобретением Mordtmann'а и Thomas'а и будто оно всегда оспаривалось русскими учеными. Не прав Paruck, когда он говорит, что Бартоломей и Дорн отказывались принять теорию Mordtmann'а без всяких оснований; слишком смело его заявление, что толкование загадочных букв, как названий монетных дворов, несомненно верно. Некоторые из высказанных Бартоломеем сомнений сохраняют свою силу и по сию пору. Если толкование Mordtmann'а и принято большинством ученых, то только потому, что оно по аналогии с испехбедскими и древнейшими халифскими монетами должно считаться весьма вероятным, но доказанным его считать нельзя и теперь, несмотря не только на возражения Mordtmann'а, но и на объемистую работу de Morgan'а о монетных дворах Сасанидов (Revue Numism. 1913). В виду этого следовало бы на этом вопросе остановиться поподробнее. Неверно также замечание автора, что Дорн сохранил ошибочное чтение bh вместо bagī. В приведенной у Paruck'а работе (Bhph. I, 276, 278, 284), правда, Дорн читал еще bh, но уже в Mél. as. III, 429, 432, он, совершенно отказавшись от своего первоначального чтения, заявляет, что считает чтение bagī, предложенное Thomas'ом, более правильным чем чтение bag, принятое в первых работах Mordtmann'а. Статья посвящена только обзору трудов по нумизматике Сасанидов, а не по монетам, чеканенным по сасанидскому типу первыми халифами и испехбедами. Тем не менее в историческом очерке упоминаются также и Stickel[1] и Савельев,[2] которые описали только несколько монет первых халифов и табаристанских испехбедов и наместников. Собственно сасанидских монет в их трудах нет. Поэтому, если автор упоминает о них, то наряду с этими именами можно было бы назвать еще целый ряд других имен: Möller,[3] Lavoix,[4] Тизенгаузен,[5] Nützel,[6] Ghalib Edhem,[7] Гагарин,[8] Ahmed Ziya,[9] Zambaur,[10] которые все описывали монеты или первых халифов или табаристанских наместников и в статье Paruck'а не упоминаются (кроме Nützel'я, две небольшие, но важные статьи которого упомя-

---

1 Stickel, Handbuch II, 79—119.
2 Савельев, Мухам. нумизм. 129—143.
3 Möller, De numis orient. in numophylacio Gothano asservatis, 8 — 10.
4 Lavoix, Catalogue des monnaies musulmanes, I, 49 — 57.
5 Тизенгаузен, Мон. вост. халифата, 9 — 28.
6 Nützel, Katalog der orientalischen Münzen, I, 23 — 64.
7 Ghalib Edhem, Meskukati qadimei qatalugy, 2 — 22.
8 Revue de la Numism. Belge. 3 ser. VI, 462 — 463.
9 Ahmed Ziya, Catalogue of islamic coins, 2, 40.
10 Zambaur, Kollektion Windisch Grätz 9.

нуты,[1] нет также и Recensio Френа). Для полноты несомненно следовало бы назвать Nesselmann'a,[2] Tornberg'a,[3] Lindberg'a,[4] Erdmann'a,[5] Blau,[6] Шерцля[7] и Трутовского[8] которые кроме табаристанских монет описали также и сасанидские монеты. Новейшие законченные работы в области сасанидской нумизматики, упомянутые в историческом очерке — это 3 короткие статьи самого Paruck'a JASB 1917 — 1918.

Библиографический список, составленный главным образом на основании библиографических данных Маркова,[9] но пополненный новейшими сочинениями, не совсем полон: опущен целый ряд трудов, упомянутых в историческом очерке. Понятно, хотя на вряд-ли правильно, что автор опустил здесь такие труды, в которых сасанидским монетам отведено мало места, как Visconti, Iconographie grecque III, Mionnet, Description de médailles antiques V, VIII, Marsden, Numismata orientalia, Prinsep, Essays on indian antiquities и другие, упомянутые в историческом очерке; но действительным пробелом является опущение таких важных работ, как Thomas, Contributions to the numismatic history of the early mohammadan arabs in Persia и Cunningham, Coins of the later Indo-Scythians (Num. Chron. 1893, 1894), которые обе упомянуты в историческом очерке. О Ханыкове сказано (в истор. очерке) только, что он высказал свое мнение о монограммах в письме к Dorn'y. В библиографическом списке его имя не приводится. Следовало бы, по крайней мере, в историческом очерке указать, где данное письмо напечатано (Mél. as. III, 149—151). Весьма существенным упущением является полное неупоминание нескольких важных работ Мордтманна, напечатанных в S. B. Bayer. Akad. 1869, 1871 и 1876: Hekatompylos, Chronologie der Sasaniden, Chronologie der ältesten muhammed. Münzen (там же Chronologie der Tabaristanischen Geschichte и Zur vergleichenden Geographie Persiens), из которых две первые значатся уже в списке Маркова (p. IX), а также аукционных каталогов коллекции Whiteking (Amsterdam, 1904) и фирмы H. Hoffmann в Париже (Le Numismate, 1865, № 34), где даны

---

[1] Но пропущена третья мелкая статья его «Goldmünze des Sasanidenkönigs Varahran» (Amtl. Berichte aus d. Kgl. Kunstsammlungen 29, 212—214).

[2] Nesselmann, Die orient. Münzen in Königsberg, 6 — 8.

[3] Tornberg, Symbolae III, 21 — 27.

[4] Lindberg, Lettre à Bröndsted, 7 — 8 pl. II.

[5] Erdmann, Num. asiatici, 7 — 11.

[6] Blau, Die orient. Münzen des Museums zu Odessa 1, также 3 Одесск. О. И. Д. XI, 321.

[7] Шерцль, Опис. медалей и монет Харьковского Университета, 1 — 5.

[8] Трутовский, Каталог вост монет Московск. публ. и Румянц. Музея, 1 — 7.

[9] Markoff, Catalogue des monnaies arsacides, subarsacides etc. St. Petersbourg, 1889.

изображения некоторых чрезвычайно редких сасанидских монет. Следовало упомянуть в библиографическом списке также и такие работы, в которых даются наиценнейшие нумизматические сведения, хотя они и не составляют их главного содержания: Marquart, Beiträge zur Geschichte und Sage v. Ērān (ZDMG, 49), его же Ērānšahr, Berlin, 1901, Drouin, Monnaies des Grands Kouchans (Revue Numism. 1896), Dorn, Über die Geographie Persiens (Mél. as. VI). и др.

Настоящая рецензия была написана мною в начале 1924 г. В том же году вышел большой труд Paruck'a, Sasanian coins. Bombay. 1924, в который, между прочим, вошел и рецензуемый мною библиографический очерк. Я надеюсь дать отзыв об этом большом труде Paruck'a в ближайшем будущем.

Р. Фасмер.

20. Gustav Haloun. Seit wann kannten die Chinesen die Tocharer oder Indogermanen überhaupt, von —. Erster Teil. Leipzig, MCMXXVI. Im Verlag der Asia Major. VII + 207 pp. in 8°.

Только что вышедшая книга является первой частью трехтомного исследования, по китайским источникам, о датировке первых достоверных сведений относительно появления в Средней Азии индо-европейских народностей. Лучшим подходом к этой цели автор считает посильное выяснение сложного вопроса о Тохарах. С тех пор как китайские источники дают возможность впервые получить некоторое представление о государствах и племенах Восточного Туркестана, с Тохарами отождествлялись различные народы, подозреваемые в принадлежности к индо-европейской группе, между прочим, народ Ta-hia 大夏 и косвенно также и Yueh-chi 月氏. Проверку этих сближений автор считает наиболее подходящим введением в крайне запутанные до сих пор взаимоотношения ранне-китайских и западных сведений; она необходима в виду того, что за исключением безусловно правильного уравнения 塞 (Seh) = śaka все предлагаемые отождествления приходится пока считать сомнительными. Только когда окончательно выяснится, какие из народов Восточного Туркестана, которые во II столетии до нашей эры под натиском Гуннов отхлынули на запад, должны считаться индо-европейскими, только тогда можно будет попытаться проникнуть в более древние периоды.

Самыми древними непосредственными сведениями являются китайские, — местные начинаются значительно позже, — но и они уже с III столетия до н. э. в смысле исторической достоверности отказываются служить, поэтому автор ставит себе задачею привлечь и использовать также китайское пре-

дание, надеясь при помощи добываемого этим путем материала поближе подойти к решению намеченной задачи.

Настоящая первая часть труда посвящена критическому разбору сведений о T'a-hia, встречающихся в китайской литературе до 126 г. до н. э. т. е. до экспедиции на запад Chang-K'ien'a (Чжан-цзян). Автор относится отрицательно к уравнению T'a-hia = Tochari, впервые выставленному Kingsmill'ом, потом установленному Marquart'ом (Erānšahr), и принятому проф. O. Franke, который пытался распространять его также на T'a-hia китайских текстов, предшествующих 126 году. Сомнения у автора вызывает одинаково отождествление Sieg'a, принятое Franke, Sten Konow и другими: *Yueh-chi* = *Asiani*[1] (reges Thogarorum) = *Ārśi*. Этому последнему вопросу и вопросу об этническом месте народа *Wu-sun* будет посвящен второй том работы, причем предполагается сопоставление и отчасти новый перевод соотвествующих китайских источников. Первые два тома не что иное, как prolegomena к третьему, в котором автор предполагает осветить передвижения окраинных племен на севере и северо-западе Китая с конца IX-го по VII столетия до н. э. и роль занимаемую в этих предвижениях индо-европейцами, надвинувшимися до пределов Кан-су. Автор не сомневается, что удастся заставить заговорить китайский материал при условии, правда, если Восточный Туркестан не считать входящим в область Urheimat индо-европейцев. В третьем томе будет затронут также вопрос о возможности того, что толчок, приведший в XIII—XII столетиях до н. э. к завоеванию северного Китая народом Chou, исходил от индо-европейских племен.

В Festschrift по случаю 75-летия Friedrich Hirth'a (Ostasiat. Zeitschrift, Jahrg. 8, Berlin, 1920) помещен ряд статей по тохарскому вопросу, которые, каждая в отдельности, чрезвычайно интересны, однако в совокупности показывают, что этот крайне сложный и запутанный вопрос еще очень далек от окончательного решения.[2] В статье Das alte Ta-hia der Chinesen проф. Franke, основываясь на многочисленных китайских источниках, приходит к выводу, что еще в XII столетии до н. э. народ Ta-hia = Тохары (старое произношение по Franke *Ta-ha*) китайцам был известен, а предания о нем восходят к периоду за более чем 1000 лет до этого времени (стр. 117, 118, 130, 134). Страна Ta-hia для китайцев являлась не одним только географическим понятием, а реальной величиною, с которой, пишет Franke, их связывали политические, экономические и культурные отношения. После

---

[1] У Трога Помпея = Ἄσιοι Страбона.

[2] Feist, Der gegenwärtige Stand des Tocharerproblems (стр. 74—84); Franke, Das alte Ta-hia der Chinesen (стр. 117—136); Sten Konow, Beitrag zur Kenntnis der Indoskythen (стр. 220—237)

прекращения этих отношений, воспоминания о них, хотя в расплывчатом виде, у китайцев сохранились. Установить связь Ta-hia, живших в XII стол. до н. э. в северо-западном Кан-су и на юго-восточной окраине Гоби с Ta-hia Чжан-цзяна цель работы Franke. Он не считает заслуживающими доверия толкования китайских коментаторов, определенно проводящих различие между Ta-hia — областью в пределах Китая и Ta-hia — тохарами или бактрийцами, а также не разделяет в этом вопросе мнения Chavannes, следующего за китайцами. Коренная мысль построения исследования Franke, говорит автор, сводится к тому, чтобы где бы ни встречался комплекс знаков 大 夏 видеть в нем одну единицу.[1]

Принимая гипотезу Marquart'а о переселении в Бактрию народа Ta-hia = Τόχαροι из восточного Туркестана, Franke распространяет ныне многими признанное, но, по мнению автора, отнюдь не доказанное уравнение «младшие» Ta-hia = Τόχαροι, также на «старых» Ta-hia в Kan-su. Автор не оспаривает методологическую допустимость рабочей гипотезы Franke, однако просит при чтении его книги не считать эту гипотезу за непоколебимый факт. Он пользуется богатейшим материалом источников, на стр. 95 графически представленных в их взаимной зависимости и филиации; для их обозначения использованы все буквы алфавита. Они обнимают период времени от 500 до н. э. до эпохи позднейших Han (нач. III ст. н. э.). Дело синологов проверить предлагаемые, отчасти исправленные, отчасти новые переводы. На стр. 192—202 автор дает сводку результатов своих исследований. Я ограничусь в сущности краткой передачею этой части, ссылаясь на текст исследования лишь в тех случаях, когда сводка мне показалась недостаточно полной или не вполне ясной, что случалось нередко. Вообще надо признать, что книга принадлежит к числу не легко читаемых, не только, кажется мне, для не-синологов; однако, ввиду широко поставленных вопросов, она заслуживает внимания не только китаеведов, а всех, интересующихся проблемами истории Средней Азии.

Изложение достигнутых результатов автор разбивает на следующие 8 пунктов:

1) Из неоднократно переведенного, но до сих пор неудовлетворительно толкованного пассажа книги Tso-chuan Chao, датированной 541 г. до н. э. и также из параллельного текста позднейшего Shi-ki (ок. 100 до н. э.), компиляции Семасяна, явствует, что 大 夏 есть название области, стоящей под покровительством зодиакального знака Shih-ch'en, т. е. название тогдашнего окраинного владения Tsin, ядро которого представляет нынешний

[1] Такой категорической редакции я у Franke не мог найти, ср. о. с. стр. 129.

юго-западный Shan-si. Ta-hia несомненно чисто китайское название, и возводить его к транскрипции имени инородческого народа, как этого желает Franke, в этой коренной древне-китайской области недопустимо. Комментарии дают право связывать географический термин T'a-hia со столицею древней династии Hia, царствовавшей во втором тысячелетии до н. э. С языковой стороны толкование T'a-hia или вернее T'ai-hia как «Великий Hia» вполне законно. Доводы для подтверждения такого взгляда, как и вообще многое в книге, направлены против Franke, который хотя также не отрицал возможности такого толкования, но относится весьма скептически к комментаторам и их «столь же неожиданному как и смелому утверждению», что «область, где когда-то правила династия Hia, есть Ta-hia» или другими словами: «потому что два знака передающие Ta-hia могут означать и «великий Hia», по этому Ta-hia должен быть местопребыванием (der Sitz) династии Hia». Franke объясняет такое толкование тем, что комментаторы II и III стол. до н. эры «имели лишь весьма отдаленные представления о народе Ta-hia на дальнем западе, не узнавали в этом комплексе знаков транскрипцию чужого имени, а считали его за китайское, «переводили» его, т. е. восприняли его по смыслу, а не по звуку».[1]

2) В подтверждение того, что Ta-hia не представляет нераздельного комплекса, а состоит из Hia предшествуемого прилагательным t'ai «большой, великий», приводится по примеру Franke название династического танца, встречаемое также в виде hia-yoh, kiu-hia или просто hia. Отношение танца hia к династии того же названия (приводится 15 источников) автор считал пока только вероятным (bis auf weiteres glaubhaft), между тем как Franke не допуская сомнения в такой связи, для танца и также для особого рода музыкального мотива опять таки выдвигает тохарское происхождение.[2]

3) Подтверждаются, против Franke, сведения источников с III по I столетие до н. эры о тождестве области T'ai-hia с юго-западным Shan-si, гласящие, что великий Yü, основатель династии Hia, прорытием горы Lung-men установил сообщение с T'ai-hia. Franke толкует это предание в благоприятном для его теории смысле, а именно так, что Yü урегулированием верхнего течения Hoang-ho открыл доступ в страну дальнего запада.

4) Критический анализ той группы текстов, которые дают сведения о походах князя Хуана Тс'ийского, специально о его походе на запад, на Ta-hia, чрезвычайно ценен и занимает сравнительно большое место в книге, свыше 60 страниц. Этот отдел автору особенно близок, как соприкасающийся

[1] Festschr. Hirth, p. 129.
[2] Ibid. стр. 133; ср. стр. 118, 119.

с его исследованием Contributions to the settlement of Ancient clans (Asia Major I) и с его занятиями военной историей Китая. На стр. 189 автор дает графическую родословную главных версий «формулы походов» Хуана. Все они восходят к одному архетипу, к романическому «житию князя Хуана Тс'ийского, относящемуся к периоду до 500 г. до н. э.; их всего 17. Повествуется в них о походе князя Хуана (685—643 до н. э.) на запад, на Ta-hia и на страны «текучих песков». Но оказывается, что текст Kuoh-yü, записанный около 400 г. до н. э., имеет не Ta-hia, а просто Hia. На основании этого текста и некоторых других, главным образом современной Хуану хроники области Лу, автор приходит к выводу, что, во первых, князь Хуан безусловно представитель северо-восточной китайской державы, а не западной и, во вторых, что Hia здесь = Tsin, и речь идет о походе его на Тсин, который можно в точности приурочить к январю 650 г. до н. эры. Ta-hia вместо Hia = Tsin а также «безсмысленное для старого периода» упоминание «текучих песков» не что иное как позднейшие поправки, внесенные под влиянием возникшего после экспедиции Чжан-цзяна уравнения Ta-hia = Бактрия. На основании того, что в позднейших текстах знак 大 стоит вместо 泰 автор делает вывод, что он и фонетически ему соответствует, что и тот и другой должны читаться t'ai, а не t'a, и что он, как мы уже отметили, не образует одного нераздельного комплекса с следующим 夏, а представляет прилагательное со значением «большой, великий» (ср. стр.108). В восходящую к псевдо-Kuan-tze группу текстов вкралось искажение первоначального предания, относимое автором приблизительно к 300 г. до н. эры, которое впоследствии приобрело большое значение, а именно, сдвиг области T'sin-hia < T'ai-hia с запада, где она до сих пор помещалась, на север.

5) С той-же группою текстов связано дальнейшее искажение первоначальных представлений. Северная область T'ai-hia превращается в северный народ T'ai-hia. Реально неуловимая область или народ становится мифическим, каким-то сказочным народом на окраинах обитаемого мира и появляется как таковой в перечнях «мировых углов»; в более позднее время, во второй половине 2 столетия до н. эры даже рядом с такими народами как «однорукие», «длинноногие», «вывернутые пятки» и тому подобные.

6) Во II веке до н. эры происходит дальнейший сдвиг, на этот раз в обратном смысле, т. е. с севера на запад, под прямым влиянием, полагает автор, предания о «походах князя Huan'a». Оставаясь одной из мифических окраинных областей, T'ai-hia переносится на крайний запад. Незадолго до экспедиции Chang-Kien'a географическое понятие T'ai-hia находится в полном разложении; оно приурочивается к астральной среде и встречается

в одной и той-же серии с полярной звездою, мировой горою (Kun-lun), «красной водою» (мировая река) и проч.

7) Географическое положение горы Kun-lun весьма неясно. На нем помещается девятисложный город богов и трехсложный рай, от него берут начало 4 мировых реки, из которых только одна все время была реальна, а именно (Hoang-) Ho. Conrady (Indischer Einfluss in China im 4 Jahrh., ZDMG, LX p. 344) видит в нем дубликат индийского Meru (ср. стр. 163). Преобладает представление, помещающее его на западной окрайне обитаемого мира. Впоследствии устанавливается географическая фикция о реке Тариме, как о верхнем течении Ho, и таким образом Kun-lun перемещается в область Тарима (стр. 168).

8) В противоположность Franke, считающему книгу Chou-shu, существовавшую «повидимому еще до Конфуция» [1], за подлинную хронику Чоуской династии, автор усматривает в ней компиляцию хотя бы большею частью старую (ок. 400 до н. э.). Интересующий нас отдел, описывающий съезд князей, созванный Чоуским царем Ch'eng'ом, распадается на 3 части. Третья часть, где перечисляются страны и народы приносящие дань, среди которых и Ta-hia, до сих пор считалась самой старою; Franke (стр. 130) относит съезд данников к 1100 г. до н. э., и как раз в этой 3-ей части автор открыл позднейшую интерполяцию, ибо здесь T'ai-hia, — и это Franke совершенно упустил из виду — упоминается в ближайшем соседстве с представителями Yüeh-chi и с So-kü; последнее значит Ярканд. Вывод автора: эта часть ни в каком случае не может быть старше чем 126 г. до н. эры, т. е. чем поход Chang-kien'a (стр. 115), так как город Ярканд не был и не мог быть известным китайцам раньше. Другой текст считавшийся раньше старым, Shan-hai-king, где среди стран «по ту сторону текучих песков» упоминается Ta-hia = Бактрия, по новейшим исследованиям Maenchen-Helfen'a восходит всего к началу III-го века до нашей эры (стр. 146).

Вот вкратце итоги автора: проследить географический термин 大夏 дальше первой половины первого тысячелетия до н. э. не удается. Имя это, чисто китайское, восходит к имени древней династии Hia и является в первую очередь названием культовым. Большое количество источников дает возможность проследить постепенное развитие содержания этого термина вплоть до двадцатых годов II-го века до н. эры. Ни в одном месте не оказалось необходимым прибегнуть к реально существующему чужому народу, в качестве виновника видоизменений значения этого областного китайского названия, в какой бы то ни было стадии его содержания. Относительно урав-

[1] Festschr. Hirth. p. 117.

нения Чжан-цзяна T'a-hia = Бактрия гораздо проще допускать, что он воображал открыть в этой стране хорошо ему известный по преданию мифический окраинный народ и поэтому ее назвал T'a-hia, чем полагать, что он этими двумя знаками хотел передать единственнно только (durchaus nur) название обитавшего в Бактрии, народа западными формами имени которого являются: Τόχαροι, Tochari, Tukhāra, Tuṣara, Toxrï и т. д., тем более что с этими формами фактически плохо вяжутся формы, к которым восходит нынешнее T'a-hia, а именно D'âi-γa, T'âi-γa < D'âd-g'a, T'âd-g'a. Здесь, как и неоднократно раньше, мне кажется, на лицо некоторая легкая передержка. Franke (l. c. p. 125) констатирует, что Chang-kien, попавши к подвластному Yueh-chi народу, назвал его хорошо ему известными, как старое имя, знаками Ta-hia — Ta-ha, и дальше он пишет: ясно, что эти звуки должны были передать чужое имя (Es ist klar, dass diese Laute einen fremden Namen wiedergeben sollten....). Однако он отнюдь не отрицает, что эти знаки могут означать «великий Hia», ни что китайские источники помимо Ta-hia на Аму-дарье знают такое, помещаемое то в Shan-si, то в Kan-su. Только это последнее он, на основании свидетельства Сюн-дзяна, считает возможным отождествить со «старым Ta-hia», помещаемым на границе Китая с Хотаном.

Во втором томе своего труда автор, не претендуя на окончательное выяснение этих сложных вопросов истории Средней Азии, предполагает показать, что и с вещественной точки зрения уравнение Ta-hia = Тохары не безупречно.

Книга G. Haloun'a производит впечатление очень солидной работы, предпринятой во всеоружии современной синологии. Текст разделен на 120 параграфов, но мне кажется, что на этот раз такое разделение не особенно способствует наглядности изложения. Автор, может быть, и сам это чувствовал, и поэтому посвятил сводке изложения § 121, обнимающий 9 страниц, и сверх того сводке сводки § 122, на одной странице с небольшим, причем в отдельные пункты сводки входят иногда пространственно разрозненные параграфы текста, напр. пункт 5: §§ 72—82, 86, 115 или п. 8: §§ 75, 92. Иногда поражает некоторый полемический задор, без которого, на наш взгляд, можно было бы обойтись не в ущерб заслугам работы. С другой стороны, книга Haloun'a лишний раз свидетельствует о том как два ученых, работая на том же или почти на том же материале, могут придти иногда к диаметрально противоположным выводам.

Ф. Розенберг.

Март. 1926 г.

21. Friedrich Sarre. Die Keramik von Samarra. Unter Mitwirkung von **Ernst Herzfeld** mit Beiträgen vom Materialprüfungsamt der Technichen Hochschule Berlin und von Dr. **Hans Arnold.** Стр. X + 103; с 202 рис. и тремя таблицами A — C в тексте и XXXVI таблицами позади текста, из них 12 таблиц в красках. 4° maj. Изд. Dietrich Reimer (Ernst Vohsen). Berlin, 1925.

Археологическое исследование обширных руин Самарры, столицы аббасидских халифов, лежащей на левом берегу реки Тигра в Месопотамии, особенно подвинулось в начале XX века. Если посещения Самарры целым рядом путешественников и ученых не прошли бесследно для науки,[1] то поездка двух германских археологов в 1907—1908 г.[2] по своим результатам оказалась еще значительнее. Вслед за этими разведками теми же археологами, профессорами F. Sarre и E. Herzfeld были проведены две археологические кампании, длившиеся 18 месяцев. Собранные обильные материалы опубликовывались обоими участниками германской экспедиции в Самарру не сразу, а постепенно, сперва в форме предварительных отчетов, кратких статей и очерков.[3] Уже предварительные публикации материала, исключительно интересного и важного по значению для истории мусульманского искусства и культуры, привлекли внимание специалистов и заставили их с напряжением ожидать окончательной обработки его в издании, которое предположено было выпустить в семи томах. В 1923 году E. Herzfeld, главный руководитель археологических работ, издал первый том этой серии — «Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik».[4] К сожалению, в Ленинграде до настоящего времени этого издания не имеется, и судить о нем приходится лишь по рецензии A. Dessus-Lamare-Leenhof в журнале Syria.[5] Наконец в апреле 1925 г. F. Sarre

---

[1] Подробное перечисление литературы о Самарре до 1912 г. дал E. Herzfeld в своей работе Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra, Dietrich Reimer (Ernst Vohsen). Berlin, 1912, стр. 3 — 5, прим.

[2] Archäologische Reise im Euphrat und Tigrisgebiet (Forschungen zur islamischen Kunst, I, Berlin, E. Vohsen).

[3] Ernst Herzfeld, Samarra, Aufnahmen und Untersuchungen zur islamischen Archaeologie, Berlin, Behrend. 1907; его же — Expedition Samarra, Der Islam, т. II, 1911, стр. 294 — 295; т. III, 1912, стр. 314—316; его же — Mitteilung über die Arbeiten der zweiten Kampagne von Samarra, Der Islam, т. V, 1914 г., стр. 196 — 204; его же — Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra, 1912.

Friedrich Sarre, Die Kleinfunde von Samarra und ihre Ergebnisse für das islamische Kunstgewerbe des IX Jahrhunderts, Der Islam, т. V, 1914, стр. 180—195; его же — Die Aufstellung der Ergebnisse von Samarra. Berliner Museen. Mai-Juni 1922 (Heft 5/6). Его же — Die Veröffentlichung der deutschen Ausgrabungen von Samarra, D. Lit. Ztg. XXXXIV, 1923.

[4] Mit 321 Textbildern und 101 z. Teil farb. Tafeln. Berlin (D. Reimer) 1923. XII + 236.

[5] Syria, том VI, 1925, стр. 93—97.

закончил второй том этой серии, вышедший в виде обширной книги прекрасной крупной печати, на хорошей бумаге, с многочисленными, великолепно исполненными репродукциями.

В коротком предисловии (стр. V — VII) он прежде всего указывает на свое введение к изданному Herzfeld'ом первому тому, в котором изложено все существенное о возникновении и целях экспедиции в Самарру. о раскопках и выводах. Далее, отметив значение керамики при изучении культуры отошедших времен, F. Sarre оттеняет особо важность самаррской керамики. Подавляющее большинство керамических находок, извлеченных из руин Самарры, относится к периоду между основанием этой столицы в 836 г. и ее упадком через полстолетия. Этому керамическому материалу, частью местного, частью дальневосточного производства, посвящена настоящая работа, с присоединением к нему более поздней керамики, изготовлявшейся в гончарных мастерских небольшого поселения вблизи почитаемых до настоящего времени гробниц святых. Во второй том совершенно не входит описание черепков и сосудов с краснокоричневой росписью, найденных при древних погребениях в двух местах на высоком восточном (т. е. левом) берегу Тигра. Этот материал должен быть опубликован в одном из следующих томов. Из нескольких строк предисловия ниже выясняется, как повлияла начавшаяся в 1914 г. война на судьбу добытого в Самарре материала.

Извлеченные из руин мелкие находки, в том числе и керамика, при окончании работ летом 1913 года были запакованы в ящики и сданы на хранение каиммакаму Самарры в ожидании указаний турецкого правительства, куда их надлежит отправить. До начала мировой войны никаких предписаний не было получено, и ящики оставались на месте вплоть до занятия Самарры английскими войсками весной 1917 г., когда часть из них сгорела, особенно штукатурные украшения со стен, обернутые в солому. Все уцелевшее было отослано в Лондон. Здесь материал был разделен между Британским Музеем, получившим львиную долю «военной добычи», и целым рядом крупных музеев трех частей света — Европы, Африки и Америки, причем и Берлинскому Музею была дана «in dankenswerter Weise» возможность пополнить свою коллекцию, составленную ранее при содействии главного директора константинопольских музеев, Dr. Halil Edhem Bey. Превосходно налаженная работа экспедиции, аккуратное ведение записей, а также обилие чертежей и рисунков с размерами, сделанные E. Herzfeld'ом на месте, позволили F. Sarre даже и при таком ограничении обойтись за малыми исключениями наличным в Берлине материалом. Автор поясняет далее во введении принятую в издании систему классифи-

кации и нумерации, однотипную с первым томом, и перечисляет своих сотрудников по работе.

Содержание тома распадается на несколько неравных частей. Основными являются два крупные отдела: керамика неполивная (стр. 1—22) и керамика поливная (стр. 23—77). Отделу неполивной керамики предпослан очень сжатый очерк (стр. 3—4), где Sarre выдвигает на первый план до сих пор мало разработанное изучение неглазированной посуды, отлично передающей тонкости формы, особенно рельеф, не скрытый глазурью, и игравшей в первые века ислама в Месопотамии, как и теперь, большую роль в быту. Затем следует в немногих словах обзор видов техники, применявшейся для неполивной глины в Самарре, перечислена необычайно скудная литература по этому вопросу — два-три воспроизведения в издании Pézard,[1] и упомянуты аналогичные самаррскому материалу находки в Кордове X века и в Кал'а Бени Хаммад (Магриб) XI века. Вся неполивная самаррская керамика подразделена в зависимости от техники на семь групп, начиная с простейших форм. Прежде всего автор знакомит с посудой безо всяких украшений или с незначительными украшениями (гр. I, A — C, стр. 5—7). Вторую группу образует керамика с рельефной орнаментацией, оттиснутой штемпелями различных форм и в различных комбинациях (гр. II, A — E, стр, 8—15). В третью группу входят образцы, украшенные гравировкой и шлифовкой (стр. 16), в четвертую — керамика с накладными украшениями, так называемая Barbotintechnik (стр. 16—18). В пятой группе рассматриваются преимущественно различные формы ручек сосудов, с разнообразными рельефными и пластичными украшениями в виде шишечек, листообразных выступов, пальметок и головок животных (гр. V, A — Д, стр. 18—20). Масса во всех этих группах почти без исключений имеет бело-желтоватый цвет, зато шестую группу составляют образцы из до-красна обожженной глины (гр. VI, A — B, стр. 21), и наконец седьмую — совершенно особая категория из желтой глины, облитой красной окисью железа и отполированной, в которой Sarre находит сходство с античной terra sigillata (гр. VII, стр. 22). В заключение этого отдела дан фрагмент глиняной формы (№ 89, табл. IX. 13, 15) с узором en creux, служившей для изготовления керамики с рельефным узором, а также изображена подобная же форма с пробной отливкой (рис. 67 a. b.), купленная в Каире и находящаяся в Берлине.

Каждый издаваемый образец этих семи групп описан сжато и точно; экземпляры, добытые из раскопок в Самарре и воспроизведенные в настоя-

[1] La céramique archaïque de l'Islam et ses origines. I (264 pp.) II (150 pl.) in 4⁰, Paris, 1920.

щем издании, имеют порядковую нумерацию, за которой следует инвентарный номер и указаны все виды воспроизведения, как то таблица, рисунок, фотография, эстампаж, затем размеры и место находки; все предметы, хранящиеся не в Берлине, значатся под литерами, соответственно списку сокращений.

Отдел поливной керамики по материалу еще разнообразнее (стр. 23—77). Он разбит на двенадцать различных групп по тому же принципу, как неполивная керамика, то есть начиная с простейших видов техники, причем Sarre рассматривает сперва типы местного производства, затем ввозные и подражания им. Очень интересны предпосланные различным группам характеристики их, с любопытными указаниями технического характера, где автор стремится, между прочим, анализировать стиль и собрать все ему известные аналогии данного типа. Совершенно справедливое замечание Sarre, что поливная керамика третьей группы с налепными украшениями (гр. III, стр. 28—29) отличается от соответствующей не глазированной группы IV только присутствием поливы, повидимому, может быть распространено и на некоторые другие группы, напр. гр. I, А — В — поливная керамика без всяких украшений (стр. 25—27) и гр. II стр. 28 — поливная керамика, украшенная резьбой и гравировкой. В группе тонкостенной керамики с одноцветной и многоцветной глазурью IV (стр. 29—31) особенно выделяется своими техническими и декоративными качествами подгруппа C. В нее входят сосуды и черепки, расписанные блестящими цветными глазурями, которые лежат на неглазированной поверхности сосудов рельефно и дают на воспроизведениях сильные блики. Sarre отмечает большую редкость этого керамического типа, кроме самаррских фрагментов известного по пяти образцам нескольких европейских музеев. Общим признаком пятой группы служит рельеф, а подразделения ее различаются по цветам глазурей (гр. V, стр. 31—36). Здесь следует отметить особо интересную рельефную керамику с одноцветной золотисто-люстровой глазурью (V B). Несомненно, что этот тип и близкий к нему вариант керамики V C, отличающийся лишь добавлением зеленых или зеленовато-синих пятен, могли пожалуй, войти и в общую группу VI по признаку люстра, так как туда включены все виды росписи люстром по белому фону. Sarre не сомневается, что сплошь покрытые люстром сосуды имитировали золотую утварь: «man wollte, um das religiöse Gebot zu umgehen, dem Tongefäss den Anschein des Goldgefässes geben» (стр. 32) и находит в характере рельефных узоров этих глиняных сосудов зависимость от металлического стиля. Что касается техники, глазурь их сидит в большинстве случаев на черепках из крепко обожженной желто-розовой или кирпично-красной массы, покрытой обмаз-

кой. В параллель этой керамике, сплошь покрытой люстром, Sarre приводит другую группу, родоначальником которой является фрагмент Fouquet из Ахмима, где люстр заменен желто-коричневой эмалевой окраской, и которая по аналогии с самаррской группой должна быть признана раннемусульманской.

Одну из существенных частей книги составляет обзор люстровой росписи (гр. VI, A — F, стр. 36 — 46). Здесь Sarre обращает внимание прежде всего на очень известные изразцы с люстровой росписью в мечети Сиди 'Окба в Кайруане, которые по традиции считались месопотамскими IX века. Они оказались, по сравнении, тождественными с самаррским материалом. Особенно это бросается в глаза при сличении двух рисунков с изразцов Кайруана (рис. 86— 87) с узором глубокой чаши № 155, табл. XVI, 2, что по мнению автора бесспорно подтверждает им ранее высказанное предположение о месопотамском происхождении кайруанских изразцов.[1] Останавливаясь на сходстве расписной люстровой керамики Самарры с керамическими находками в Верхнем и Нижнем Египте (Фостат и Бехнаса), нескольких пунктах Персии (Рей и Сузы), на среднем Ефрате, наконец в Магрибе (Мединат аз-Захра и Кал'а Бени Хаммад), он одновременно отмечает и разницу в стиле. В люстровом материале из Фостата, а в особенности из Рея довольно часты фигурные мотивы, тогда как в Самарре найдено всего одно блюдо со стилизованным изображением орла. В остальном стиль этих трех районов в люстре, по признанию Sarre, общий. Между прочим, такую воздержность от фигурных сюжетов автор объясняет религиозным значением Самарры, как столицы халифата, и употреблением этой изящной посуды во дворце (большинство образцов с люстровой росписью найдены во дворце и в погребе Каср ал-'Ашик) и приходит к выводу, что люстр был изобретен в Месопотамии и экспортировался в другие страны, причем для Кайруана считает экспорт доказанным (ср. стр. 37—38 и Schlusswort, стр. 101).

С этим выводом F. Sarre здесь интересно сопоставить слова Ch. Vignier, который говорит, что люстровая керамика Рея (раннего периода) «is so closely allied to the pottery collected by the German mission that it may be called, as it is called, 'Samarra faïence'... With at least equal reason all the Samarra faïence might be called 'Rhages faïence'».[2] Несколькими строками выше, в той же статье, Vignier определяет самаррскую керамику, как «only a section of a much more comprehensive and perfectly

[1] Точно такой же взгляд высказал G. Migeon. См. H. Rivière, La Céramique dans l'art musulman. Avec préface de Gaston Migeon, Paris. 1913, стр. 3—4.

[2] Ch. Vignier, The new excavations at Rhages, Burl. Mag. 1914, стр. 218.

homogeneous whole, which comes, as stated at the beginning of this paper, from the subsoil of Rhages». Однако, до тех пор пока взгляды Vignier документально не будут доказаны, преимущество на стороне Sarre, имеющего фактический, достоверный материал в противовес общим соображениям Vignier, на основании, может быть, и обширного материала, но не получившего до сих пор должного освещения в науке.

Самаррский люстр необычайно разнообразен по своей окраске, проходя через всевозможные тона золотые (VI A), желто-коричневые, зеленые (VI B — C — D) и рубиновые (VI E). Некоторые оттенки автор приписывает изменению окраски в обжиге от проходящего дыма, в чем он несомненно прав. Выделенная в VII группу кобальтовая роспись по оловянной глазури различается в зависимости от орнамента (стр. 44—50). Орнамент первого типа — растительный, родственный орнаментике Так-и-Бустана; эпиграфический орнамент второго состоит из куфических надписей, которые или расположены по диаметру сосуда в одну строку, или по сторонам квадрата, вписанного в дно. Здесь Sarre поддерживает мнение Pézard о дальневосточном влиянии на ранне-мусульманскую керамику и усиленно подчеркивает сходство в украшении борта чашки, приписываемой танскому периоду (рис. 101) с растянутыми сегментами, которыми украшались борта этой самаррской группы.

В обзоре самаррских изразцов (гр. VIII, стр. 50—54) прежде всего встречаются крупные, квадратные изразцы 34 × 31,5 см с изумрудной и охряно-желтой поливой (VIII A), служившие по мнению автора для облицовки пола; они часто находились во дворце, напр. в гареме. Несколько меньших, но все же крупных размеров квадратные изразцовые плитки с пестрой люстровой росписью (VIII B). Чрезвычайно интересен их орнаментальный сюжет — изображение петуха в лавровом венке на пятнистом, мраморовидном фоне. Узор этот, как полагает Sarre, заимствован из сасанидского круга памятников, в частности от изображений тканей на рельефах Так-и-Бустана и тканей шелковых, но передан более натуралистично. Шестиугольные изразцы группы C исполнены в одинаковой технике с изразцами B, лишены фигурных и растительных узоров и украшены только пятнами «под мрамор». Как полагает Sarre, они обрамляли квадратные изразцы типа B, составляя с ними целые поля (см. реконструкции рис. 121—122), и служили для украшения стен дворца (найдены во дворце Джаусак). В четвертую категорию D входят изразцы с люстровой темно-коричневой росписью, узор которых, согласно реконструкции E. Herzfeld'а, состоял из бесконечного побега с цветком в завитках, по одному на каждой плитке (рис. 125—126).

Если на материале, изумительном по своему разнообразию, колориту и красоте перечисленных групп поливной керамики, Sarre удалось прийти к важным выводам, то вся девятая глава или группа (стр. 54—64) представляется не менее существенной. Здесь речь идет о керамике, совершенно отличной от самаррской по качествам, виду черепка, свойствам глазурей и стилю, а именно о каменной посуде «Steinzeug» (гр. IX, A — E) и белом фарфоре (гр. IX, F), дальневосточное происхождение которых повидимому не может быть оспариваемо. Обстановка, при которой было найдено большинство образцов этого типа (преимущественно Джаусак), по мнению автора, не допускает никаких сомнений, что эти образцы датируются IX веком. Отсюда он делает чрезвычайно важный вывод: белый фарфор и каменная посуда не только изготовлялась в Китае в танский период, но и вывозилась далеко за его пределы в столицу халифата, как морским путем через Персидский залив, так и сухим, через Туркестан и Хорасан. В подтверждение Sarre напоминает собранные A. Mez'ом и Fr. Hirth'ом сведения по арабским и китайским источникам о культурных сношениях арабов с китайцами.

Типичные черты китайской каменной посуды, с блестящими глазурями и пятнистым, расплывчатым узором, преимущественно желтым и зеленым, частью с гравировкой, с которой Sarre знакомит читателя в гр. IX, повторены, но с меньшим совершенством на образцах гр. XI, (стр. 66—74), в декоративном отношении тесно связанных с дальневосточной керамикой. В техническом отношении качества некоторых образцов настолько высоки, что от китайских их трудно отличить; другие значительно разнятся в черепке и глазурях, причем особенно выдается местное происхождение в изделиях из самаррской глины желтовато-белого цвета. В дополнение к указанию Pézard на зависимость подобных персидских изделий от танской керамики, Sarre здесь высказывается за возможность непосредственной работы китайских мастеров в Месопотамии. «Ob Samarra selbst oder ein anderer Ort Mesopotamiens in Frage kommt, bleibt zweifelhaft». В этой группе, между прочим, важно отождествление типа C (стр. 71) «mit Überlaufglasuren und eingeritzter Musterung» с керамикой, называвшейся ранее «византийской», распространенной не только по Ефрату, но в Египте, Малой Азии, Византии и Южной России. Этого рода находки были сделаны в одном из районов Самарры — Кура, где, судя по различным признакам, находились обжигательные печи, работавшие не только в IX веке, но и в последующие, вплоть до XIII века (см. стр. 74—77, гр. XII).

За двумя основными частями работы F. Sarre следуют два дополнения. В первом дополнении (стр. 81—92) E. Herzfeld дал детальный разбор

эпиграфического материала самаррской керамики, изложенный почти в той же последовательности, как он сгруппирован F. Sarre. Таким образом, исследованы прежде всего надписи A — Stempelkeramik, состоящие исключительно из подписей и имен мастеров. По содержанию вторая категория B — Reliefkeramik дает еще менее, так как настоящую, хотя и фрагментированную надпись представляет только обломок из Ахмима. На соответствующем же материале из Самарры надписи не поддаются чтению, и шрифт арабский, как предполагает Herzfeld, был применен орнаментально, что однако не может служить доказательством неграмотности мастеров (стр. 82). В третьей категории C — Rahmfarbene Ware mit kobaltblauer Zeichnung отмечены указанные выше (гр. VII стр. 44—50) два способа группировки надписей и составлен алфавит встречающихся букв. Куфический почерк этой группы, как и в рельефной с глазурью, соответствует по мнению Herzfeld'а стилю каменных надписей эпохи тулунидов. Однако, все разбираемые Herzfeld'ом надписи сильно фрагментированы, нуждаются в значительных коньектурах, и далее подписей мастеров или формул благопожеланий содержание их не идет. Категория D — Goldlüsterware — в этом отношении еще беднее, так как здесь нет даже и подписей. Из в высшей степени неясных и неразборчивых надписей тушью на черепках китайской каменной посуды (E), содержащих по предположению Herzfeld'а инвентарные указания арабского хранилища (найдены «in einem Vorratsraum im Südosten der grossen Grube des Djausaq al-Khâqânî»), скоропись которых автор сравнивает с курсивом арабских папирусов, наиболее интересен пожалуй фрагмент 19 (№ 212, рис. 187), где в конце читается слово صين, т. е. Китай. На других образцах (F. 23, 24), где упоминается мера رطل, может быть при обозначении емкости сосудов, надписи тушью к сожалению также не разборчивы. Деформированные и выродившиеся из некоторых обычных формул надписи, между прочим и цветущим куфи XIII века (G). по содержанию своему дают еще меньше, чем предшествующие категории. В целом это дополнение нам представляется гораздо более важным для изучения мусульманской эпиграфики, чем в смысле исторических данных.

Во втором дополнении (стр. 95—100) помещены сравнительные анализы черепков и глазурей. Material-Prüfungsamt Высшей Технической Школы в Берлине занялся преимущественно испытанием дальневосточной каменной посуды и родственных ей типов керамики; Dr. Hans Arnold в Эссене исследовал другие самаррские керамические группы. Благодаря этим анализам точно установлен состав масс, температуры, при которых велся обжиг (Anh. II, A. 3, стр. 96) и выяснился в некоторых случаях очень сложный процесс изготовления (напр. Anh. II, B. 3, стр. 98 —

люстровая роспись по белому фону; B. 6, стр. 99 — люстровые изразцы), а также химический состав красок. В заключении (стр. 101—103) F. Sarre дает краткую сводку выводов своего исследования.

В этом издании, как видно из изложения, материал обработан всесторонне. Внешнему описанию сопутствует стилистический и технохимический анализ. Сопроводительные рисунки и разрезы в тексте, вместе с великолепными таблицами, дают полное представление об издаваемых образцах. Важнейшие экземпляры изображены иногда в двух — трех репродукциях несколькими способами и в разных поворотах, что чрезвычайно облегчает изучение. Можно отметить лишь не совсем удобную систему нумерации предметов на таблицах. Номера расставлены на полях по диагонали или в разброс, и в тех случаях, когда на таблице воспроизведено значительное число образцов, и они расположены по несколько в ряд, не вполне ясно, к какому из них относится какой номер. К своей работе F. Sarre отнесся необычайно внимательно и постарался подобрать весь доступный ему параллельный материал. Кое-что ему осталось, однако, неведомо.

На стр. 4 в конце краткого очерка он упомянул, что неглазированная керамика из Фостата (Египет) ему неизвестна. Это дает повод здесь указать, что в коллекции, собранной В. Боком в Египте и находящейся в Государственном Эрмитаже, имеется несколько круглых штемпелей с куфическими надписями, а также фрагменты больших глиняных сосудов с арабскими надписями, оттиснутыми штемпелями.[1] Первые, за одним исключением, имеют желтоватый цвет массы и надписи почерком куфи. У вторых черепок пористый, красно-бурый с поверхности, серый внутри, надписи почерком несхи. Одна печать розовато-желтая. Надписи на трех фрагментах сосудов содержат названия местностей, на четвертом черепке более светлой окраски трижды повторен небольшой штамп с надписью четким куфи بركة كاملة (КИ. 460). Надписи на штемпелях, поскольку их удалось прочесть, содержат повидимому различные благопожелания. Из них, например, на № КИ. 459 читается при оттиске بركة لصا[حبه]; окончания второго слова этой формулы حبه, указанного в скобках, на печати не имеется; оно могло быть помещено в верхней, отбитой части круга. В одном штемпеле из всего содержания пока читается ясно слово مصر, т. е. Миср. У верхнего края видны значки, похожие на арабские цифры, из них отчетлива только одна — ٧. Куфические надписи могут быть отнесены ко времени Фатими-

[1] На подобный же материал с названиями местностей указывает Max Herz Bey, Catalogue raisonné des monuments exposés dans le Musée National de l'Art Arabe, Le Caire, 1906, стр. 225 и 248, vitrine E, v.

дов.[1] Из этих немногих данных ясно, что содержание приведенных примеров существенно разнится от штемпелей Самарры; тем не менее они свидетельствуют о распространении керамики этого рода и в Египте.

Далее можно назвать еще одну керамическую группу, в типах которой есть сходство с самаррской керамикой, группу нам очень близкую, а Sarre пока неизвестную. Это — туркестанская керамика ранне-мусульманского периода. При сравнении самаррской неполивной керамики, изданной Sarre. с материалом из раскопок в западном Туркестане, находящимся в Государственном Эрмитаже и Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук, а также на основании отчетов археологических изысканий в Туркестане, можно отметить следующее.

1. Все перечисленные Sarre технические приемы обработки поверхности неполивной керамики встречаются и в мусульманской керамике Туркестана. Так, проф. Бартольдом найдены были в 1904 г. кирпичи со штампованными именами;[2] имеются образцы сосудов с куфическими надписями, оттиснутыми штампом, на других — вытиснены различные орнаменты и изображения животных (напр. на обломке Гос. Эрмитажа, колл. Бартольда. КИ. 1777). Точно также, в Туркестане найдены не только гладкие, неполитые сосуды, но и украшенные гравировкой и резьбой. Встречается, хотя в очень ограниченном количестве, тонкая накладная орнаментация (барботин); более грубые налепки, как и пластично обработанные части предметов и сосудов, распространены в мусульманский период шире (гр. V). Найдены и подобные по технике VII группе образцы с красной полированной поверхностью (колл. Веселовского). Способ изготовления сосудов с рельефными узорами посредством оттиска их в форме (ср. Sarre, стр. 22, Nachtrag) не только был известен в Туркестане, но и развит до высоко художественной степени. Для примера можно назвать в Эрмитажном собрании часть формы-матрицы с куфической надписью из колл. Вяткина (КИ. 1743) и две великолепные фляги: одна (КИ. 1770), с растительным узором, найденная в урочище Аксай Семиреченской обл.,[3] другая, с рельефными надписями, куплена Н. И. Веселовским в Касане (КИ. 636).

2. Судя по описанию Sarre, неполивная керамика с желтовато-белым черепком встречается в Самарре значительно чаще, чем керамика с розовым черепком, которой отведена целиком шестая группа и отдельные

---

[1] Чтобы не загромождать рецензию подробностями, полное описание этих штемпелей я предполагаю дать в другом месте.

[2] В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г. стр. 23 (Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии № 4, 1904 г.).

[3] См. Отч. ИАК. 1901 г., стр. 144, рис. 259.

номера в других группах; черепок серый весьма редок. В отличие от этого, керамика с розовым черепком в Туркестане количественно пожалуй перевешивает желтоватую группу, а сосуды с серым черепком, встречаясь достаточно часто, образуют не менее самостоятельную группу, чем две предшествующие. По поводу замечания Sarre о примеси золотисто блестящих частиц в розовой массе группы VI, B (стр. 21, ср. Anhang II, B, I a.), представляющих частицы слюды, можно указать, что примесь таких частиц в розовых черепках Туркестана мусульманской эпохи, главным образом из развалин Афрасиаба, далеко не редка. Смотря по тонкости обработки массы, они бывают и очень мелки, и очень крупны. Эта же примесь наблюдается также в черепках хотанских терракот (в Эрмитажной коллекции Петровского) и аналогичных с ними по формам и технике предметах из Афрасиаба (в Эрмитажной коллекции Н. Веселовского, Бухарина и др.).

3. Что касается сходства форм, то в Туркестане были распространены между прочим овальные сосуды с более или менее широким зевом, обведенным толстым валиком, иногда с низкой шейкой, напоминающие очертаниями некоторые сосуды из Самарры, напр. №№ 110—111 (табл. VI) и №№ 211, 213 группы IX. Из кувшинов особенно близок тип самаррского кувшина № 7 рис. 6, и часто встречаются ручки с шишечками. Цилиндрическая, очень характерная форма тулова кувшинов гр. I, напр. № 1 рис. 1, № 2 рис. 2, № 4 рис. 3, № 6 рис. 5, пока в Туркестане не наблюдалась. Заметим попутно, что для некоторых из только что перечисленных кувшинов (напр. № 2 инв. № 300; инв. № 298; № 8 инв. № 295 и 296), а также для ряда образцов других самаррских групп (напр. гр. I A поливной керамики № 93 инв. № 301, 302; № 97 инв. № 311; № 101 инв. № 317; № 105 инв. № 373) F. Sarre указывает место находки — «Parthischer Friedhof». Так как ни об этом кладбище, ни об условиях, в которых эта посуда была найдена на нем, к сожалению Sarre ничего не сообщил, следует отнестись к датировке этих предметов с некоторой осторожностью.

4. Если сравнить самаррскую керамику с туркестанской в отношении орнамента, то во многих случаях станет ясна их близость, а иногда и полная аналогия. Ее легко можно указать для гравированного гребенчатого орнамента рис. № 47, № 58 и № 59 — Табл. IV, 9. Также широко распространен во всевозможных комбинациях узор из кружков, напр верхний борт фрагмента № 44, рис. 37 из Самарры очень близко подходит к верхнему поясу узора фрагмента КИ. 776 в Эрмитаже. Не удивительно, что в глубокой резьбе проявляется значительное сходство, обусловленное методами работы, которые ограничивают мастера в рамках геометрического узора. Гораздо удивительнее полное тожество некоторых пластических форм,

например пальметообразного украшения ручки № 70, табл. IV, 2, известного нам в двух эрмитажных образцах (из колл. проф. Бартольда КИ. 1773 и Бухарина-Веселовского) или глиняных фигурок животных №№ 63—65, рис. 50—53, аналогии которым добыты из Афрасиаба.

5. При сличении поливного материала, обнаруживается прежде всего отсутствие в Туркестане некоторых типов, главным образом люстра, столь блестяще представленного в Самарре. Находки этого рода в Туркестане крайне малочисленны; кроме того, часть из них по своему стилю несомненно не туркестанского, а скорее рейского происхождения (напр. два обломка в Эрмитаже из колл. проф. Бартольда, КИ. 1491—1492). В керамике с цветными глазурями группы VI В имеется сходство между № 117—119 и ручками средне-азиатских сосудов со звериными головками под зеленой поливой (две ручки эрмитажа, КИ. 1535—1536 и сосудик в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук). Встречаются также случаи применения орнамента, одинакового с самаррским, но к другой керамической группе или технике. Таким образом, поливные образцы издания Sarre № 107, 108, рис. 8 и 7, табл. V, встречаются в Туркестане без поливы; весь геометрический узор с ромбами и кружками на перекрестьях, сформованный в самаррском образце № 48, рис. 40 рельефно, повторен в Туркестане с вариантом: середина ромбов ажурно вырезана, обломок покрыт поливой оливкового цвета (Эрмитаж, КИ. 637). В посуде с черно-красной росписью из Афрасиаба встречается тот же мотив перистого листка, вписанного в дугу (напр. на фрагменте № 1248—572 Музея Антропологии и Этнографии), который вероятно был очень эффектен в самаррской рельефно-глазурной технике (группа IV, С, № 123, табл. VII, 2). Известны, однако в плоскостной трактовке, и варианты ланцетного орнамента, выходящего из круга сасанидских заимствований, где четыре ланцета сгруппированы крестообразно у одного центра (напр. на эрмитажной чаше КИ. 633 или фрагментах Музея Антропологии и Этнографии № 1083, 188, 222). В Самарре он представлен в группе IV, С, № 128 а, табл. IX, рис. 12. Заметим, кстати, что аналогичного типа узор фрагмента № 126, табл. IX, рис. 11, состоящий из диагонально расположенных ланцетов, довольно странно назван Sarre «schmetterlingsförmige Motive» (см. стр. 32). Далее, из опубликованного самаррского материала следует остановиться на большом сосуде (гр. III № 110, табл. VI, 1) под зеленой поливой, с накладным и отчасти гравированным узором, для которого Sarre указал аналогию — сосуд из Суз, находящийся в зале Моргана в Лувре, «fälschlich der frühsasanidischen Epoche, dem 2—3 Jahrhundert n. Chr., zugewiesen» (стр. 28). С этим сосудом № 110 полезно сопоставить обломок № 106 гр. II, «von

der Wandung eines grossen, aussen und innen blaugrün glasierten Gefässes. Eingeritzte Borte mit Wellenlinien, in deren Vertiefungen die zusammengeflossene Glasur dunkler erscheint» (стр. 28). По характеру он одинаков с № 110; его орнамент из горизонтальных рядов гравировки и одной волнообразной линии сроден с волнообразной линией в средней части овального сосуда № 110. При изучении четырех эрмитажных фрагментов подобной техники и декорации (КИ. 928, 929, 930, 931) мною замечено было ранее сходство их с материалом Моргана из Суз, опубликованным Pézard.[1] Повидимому, весь этот перечисленный здесь материал относится к одному типу. Благодаря точности описания Sarre и сходству репродукции фрагмента № 106. не исключая и пятнистости его, с эрмитажными образцами, можно теперь датировать последние IX веком.

6. Сравнивая каменную посуду дальневосточного происхождения, найденную в Самарре, и ее имитации с туркестанской керамикой, нужно сказать, что каменной посуды дальневосточного характера в материале из средне-азиатских раскопок до сих пор не было найдено (по крайней мере, таковой не имеется в коллекциях Н. И. Веселовского, В. В. Бартольда, В. Л. Вяткина). Однако, дальневосточное влияние обнаруживается в некоторых типах ранней керамики очень ясно. Оно сказывается в форме некоторых чашек с характерным выгибом краев и ребристыми стенками (ср. Sarre, табл. XXIII, 14; XXV, 6; Музей Антропологии и Этнографии, 1054—439), в широком распространении цветных пятнистых глазурей в различных сочетаниях. Особенно часто встречаются зеленые расплывчатые пятна по белому фону (ср. Sarre, табл. XXVI, 1 и XXVII, 2), излюбленные между прочим для украшения одного из типов ламночек, представленного также и в инвентаре Самарры (№ 257, рис. 156). Другая разновидность этого же типа — пятна зеленые, желтые и коричнево-фиолетовые по белому фону, расположенные в известном порядке и имеющие более или менее клинообразную форму, на подобие самаррской чашки № 227, табл. XXXI, 2, напр. на образцах Музея Антропологии и Этнографии №№ 1248—863 (крышечка), 1054—439 (обломок чашки), 1248—847 (высокий сосуд). В третьей разновидности пятна тех же цветов, но значительно более расплывчатые по фону с гравированными узорами (ср. Sarre, гр. IX, G, № 220, табл. XXVII, 4 и керамика гр. XII), пример которой имеется на серии фрагментов из коллекции Вяткина и В. В. Бартольда в Эрмитаже. К числу дальневосточных заимствований, воспринятых самаррскими керамистами и встречаемых в ранней мусульманской

[1] M. Pézard, La céramique archaïque de l'Islam. Paris, 1920. Pl. IV, 2; CL 2.

керамике Туркестана, относится также декорация бортов чашек фестонами — сегментами.

Основываясь на сходстве указанной туркестанской керамики с находками в Самарре, нельзя тем не менее утверждать, что эта керамика ввезена в Туркестан из Самарры. Не подлежит никакому сомнению, что большинство образцов упомянутых категорий, отличающихся от самаррских особенно по характеру черепка изготовлено в Туркестане, в частности в Самарканде. Связи последнего с Китаем и прохождение большого караванного пути из Китая через Самарканд и Мерв в направлении к Хорасану и Месопотамии показывает ясно, что подражания дальневосточной керамике могли возникнуть одновременно как в Самарканде, так и в Самарре. Общность вкусов, царивших в Месопотамии при аббасидах и в Туркестане при саманидах, сказалась еще между прочим в применении эпиграфики для декорации сосудов. Развитие ее в Туркестане шло независимо от Самарры и достигло высокого совершенства. Однако, в некоторых случаях можно подметить общие графические приемы. Herzfeld определил одну самаррскую категорию следующими словами: «Die Schrift läuft einzeilig, als Streifen, quer über die Schale von Rand zu Rand» (Anh. I, стр. 83. 1). Слова эти полностью подходят и к одной группе туркестанской поливной керамики, но с разницей в технике. А именно, в Туркестане распространены черно-коричневые и рыже-красные куфические надписи, повидимому марганцем и железом; керамики с люстровыми надписями до сих пор не найдено. Прием оконтуривания надписей и заполнения части фона пунктиром, который известен не только по образцам люстра Самарры (Sarre № 151, табл. XIV, 2), но и по многочисленным находкам люстровой керамики в Рее и Египте (ср. обломок чашечки с изображением зайца, пунктиром и фестонами люстром в Эрмитаже, КИ. 263), практиковался и в Туркестане в тех же черно-красных тонах (напр. в Эрмитаже на фрагменте КИ. 1464). Надпись кобальтом, из неизвестной коллекции в Эрмитаже, по диаметру одного донышка, не может служить, вследствие своей единичности, для каких-нибудь определенных выводов.

Этих бегло намеченных параллелей совершенно достаточно, чтоб показать, насколько может быть полезно сравнение самаррской керамики с туркестанской. Благодаря такому сличению еще раз обнаруживается единство стиля в ранне-мусульманском искусстве, несмотря на все разнообразие местных отличий. По одному этому примеру уже можно судить, что работа F. Sarre не имеет узко-специального значения, а широко затрагивает интересы самых отдаленных частей мусульманского мира и вопросы о культурных сношениях халифата с различными странами.

В. Крачковская.

22. Dr. Fr. Kraelitz. Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der 2-ten Hälfte des 15. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatik. Wien 1922 (отдельный оттиск из S. W. A. W. 197. Band, 3. Abhandlung).

Эта интересная работа, даже и теперь мало известная среди русских туркологов, имеет весьма необычную внешнюю историю. В основе публикации лежит сборник османских документов, прежде составлявший часть архива республики Дубровник (Рагуза) и в 30-х годах прошлого столетия переданный в венский K. u. K. Haus-Hof-und Staats-Archiv; по окончании мировой войны (1914—18 г.) Австрия обязалась, согласно специальному пункту одного из недавних международних трактатов, передать названное собрание документов Юго-Славии, — государству, включившему в свои пределы территорию прежнего Дубровника (Рагузы). Поэтому работа Kraelitz'а, начатая ранее этой передачи документов, закончилась уже в период действия юго-славянской приемочной комиссии, которая, как подчеркивает наш автор, отнеслась к его работе очень внимательно и оставила нужные ему документы в венском архиве долее оффициального срока (S. 43). В другом месте автор указывает на то, что юго-славянская наука имеет моральные права на владение рагузанским архивом, т. к. ей принадлежит начало их разработки (стр. 6): именно, он имеет в виду издание известного боснийского турколога Dr. Čiro Truhelka Tursko-slovjenski Spomenici dubrovačke arhive (Glasnik Zemaljskog Muzeja u Bosni i Hercegovini, том XXIII), где некоторые из опубликованных османских документов восходят ко 2-й половине XV в.; в предисловии издатель Truhelka указывает, что в одном из зал рагузанского архива хранится под общим наименованием Acta Turcica несколько сотен неразобранных документов на османском языке. Подобного рода публикации являются редкостью, и османская дипломатика, можно сказать, еще только создается. Своей работой F. Kraelitz надеется «die ersten Bausteine für eine osmanische Diplomatik zu liefern und auf diese Weise zu weiteren und ausgreifenden Arbeiten auf diesem noch unbebauten Gebiete anzuregen» (стр. 4). Предшествующие труды, в роде статей Абд-ур-рахмана Шерефа и Мусы Кязима в تاريخ عثمانى انجمنى مجموعهسى (т. I, стр. 9 sq. и 65 sq.) и европейского издания G. Jacob'a, Türkische Urkunden aus Ungarn (Kiel 1917), не имеют большого научного значения и не дают ничего в смысле метода для разработки османской палеографии и дипломатики. Между тем, как справедливо отмечает автор, документальное изучение османского прошлого необходимо также в целях истории, которая со времен J. Hammer Purgstall'я отклони-

лась от архивных изысканий[1] и базируется главным образом на данных османских историографов. Последние, однако, по общему правилу, не придавали документальным материалам особого значения; одно из немногих исключений составлял Ибрахим Печеви (1574—1651), «der den Wert der Urkunde für die Geschichtschreibung erkannte» (стр. 1, о нем — статья F. Kraelitz'а в Der Islam, Bd. 8, S. 257).[2] Разработка константинопольского и большинства европейских архивов, где имеются османские грамоты, находится в зачаточном состоянии; при этом иногда оффициальное описание рукописи с точки зрения ее содержания не всегда соответствует действительности (стр. 5). При таких условиях работа Kraelitz'а, дающая факсимильный текст и комментированный перевод 24-х султанских ферманов второй половины XV в., а также содержательное введение палеографического характера, вляется большим событием в османистике. Изучение балканских архивов, внешним образом соприкасающихся с Австрией и Юго-Славией, ведется общими силами венских и боснийских туркологов, и надо надеяться, что в результате этих усилий поднимется на известную высоту османская палеография и дипломатика, одинаково необходимая для лингвиста, историка и историка литературы.

Документы, изданные Kraelitz'ем, принадлежат к числу весьма древних в серии известных нам османских документов; поэтому он довольно подробно останавливается на внешней стороне рукописей. Бумага, как о том позволяют судить водяные знаки, — итальянского происхождения (Венеция, Палермо). Формат, за некоторыми исключениями 40 — 47 см. в длину и 14—17 в ширину. Вообще формат 43 × 15 см. Kraelitz признает типичным для султанских ферманов XV в. Шрифт документов — توقيع или «Diplomschrift», при чем стиль шрифта не выдержан: от свойственной ему формы, близкой к персидскому تعليق'у, наблюдается отклонение в сторону позднейшего канцелярского шрифта ديوانى. Чернила — черные, хорошо сохранившие цвет вплоть до наших дней; отдельные места писаны золотой краской آب زر. Для высыхания чернил свеже-написанный текст посыпали «золотым песком» (آلتون ريك). Что касается внутренней стороны документов, то они содержат разрешения султана, выданные иностранным державам, или распоряжения местного характера, обращенные к турец-

[1] Причину этого автор видит в отсутствии у большинства исследователей палеографической школы, а также в неразработанности османской дипломатики.

[2] В названном журнале за последние годы помещено несколько статей различных авторов по вопросам османской дипломатики. На Западе вообще эта отрасль османистики за последнее время оживает.

ким властям. Техническое выражение для этих актов, носящих знак тугры, — حکم (с синонимами: امر и فرمان); при нем обязательны постоянные эпитеты شریف، سلطانی، همایون и др. (стр. 10). Интересно отметить, что Высокая Порта выдавала документы не только на османском, но также на греческом, латинском, итальянском, сербо-хорватском, персидском, арабском и даже немецком (стр. 10) языках, в виду чего ей приходилось иметь квалифицированный штат переводчиков.

Все случаи относительно применения каждого языка были строго регламентированы; неменьшему шаблону подчинялось и само содержание фермана, которое Kraelitz делит на 3 части: введение (Einleitung oder Eingangsprotokoll), собственный текст документа (eigentlicher Urkundentext), заключение (Schluss oder Schlussprotokoll). Каждая из них, в свою очередь, допускает более мелкие подразделения, также чисто стереотипные. Введение должно заключать: во-первых призыв к Аллаху (invocatio, нем. Anrufung), по осм. تمجید или تحمید, каковой может быть текстуальным (ряд известных мусульманских формул, часто в рифмованной прозе) и монограмматическим. В последнем случае в тексте стоит символический знак سو, который Karabaček объяснял, как сокращение эпистолографической формулы «басмала» (Basmala-Formel). Полемизируя с ним, автор становится на сторону традиционного толкования, выводящего سو из هو (Он, т. е. Аллах), и в отдельном палеографическом экскурсе (стр. 15) подкрепляет это объяснение ссылкой на персидские рукописи и установленное влияние персидских переписчиков на их османских учеников. Далее (стр. 16 — 17) приводятся таблицы графической эволюции هو, написанного почерком تعلیق, а также указываются нумизматические данные по этому вопросу. Вторая часть введения—знак «тугры»; этимология слова (из чаг. طوغراق от глагола طوغرامق, согласно Махмуду Кашгарскому) дается на стр. 18 — 19, прим. Далее автор подробно описывает значение тугры, как султанской печати, роль نشانجی или «государственного секретаря», как ее хранителя, и случаи, когда тугра прикладывалась к указу (стр. 19—20). Приводится и легенда о том, что форма тугры, как монограммы, возникла из отпечатка руки Мюрада I-го, который, по неграмотности, скрепил договор с Дубровником-Рагузой оттиском руки, предварительно обмокнув ее в чернила. Третья часть — обращение (inscriptio — Adresse), которое состоит из обозначения лица или страны (القاب) и приветствия (salutatio, Segenwunsch) по-турецки دعا; образцы того и другого приведены автором на стр. 24 — 26. Далее следует собственно текст с его характерными подразделениями: 1) изложение повода к письму (expositio, narratio; по нем. Darlegung des Sachverhaltes), технически называемое ابلاغ (формулы приведены на стр. 27).

2) dispositio (Verfügung des Sultans), логически связанное с предшествующим: ... كرك دركه es ist notwendig, dass... (другие формулы на стр. 27), вслед за чем идет 3) «подкрепление» (dispositionis sanctio; Bekräftigung der Dispositio), по османски تأكيد в роде ...شيله بالاسز so sollt Ihr wissen... и мн. др. (стр. 28). Иногда фразы заключают явно выраженные угрозы: قول كوندرب عظيم بلايه اوغرادرين ... so will ich Truppen schicken und über sie schweres Unheil kommen lassen (стр. 29), 4) удостоверение подлинности документа, т. е. указание на наличие тугры: علامتِ شريفه اعتماد أيدەسز ... Ihr sollt dem erhabenen Handzeichen Vertrauen schenken... и др. (стр. 29—30). Далее следует заключительная часть, которая начинается 1) с датирования документа: ...تحريراً فى (реже ...حرر فى или ...كتب فى). Дни месяца обозначаются или точно (فى خامس رجب المرجب), или приблизительно, по «декадам» (غره ‘ سلخ и منتصف); имена месяцев арабского сакрального календаря часто обозначаются сокращенно (م = محرّم الحرام, ص = صفر الخير, را = ربيع الاول, ر = ربيع الثانى и т. д. стр. 31—33); 2) с указания места (Angabe des Ausstellungsortes), при чем применяется тройная формула с особыми оттенками значения: بمقام бі-мäкам-і (in der Rezidenz), بمدينۀ бі-мäдінä'-і (in der Stadt) и بيورت бі-jурт-і (sic!) (im Feldlager zu...). Из них первая ставилась для трех столиц — Брусы, Адрианополя и Стамбула (стр. 35), 2-я — для провинциальных центров (стр. 36), а 3-я для военных лагерей, т. к. султан, идя в поход, брал с собой и весь гражданский аппарат, причем лишь впоследствии уходившие с ним в поход сановники стали оставлять в Константинополе своих заместителей (стр. 37). При указании лагерей часто отмечается летняя и зимняя стоянка; названия местечек, городов и столиц имеют при себе стереотипные epitheta ornantia (в роде: المحروسه ‘ المحميه ‘ الموقيه и т. д.; стр. 38). В заключение ставится م из традиционного تم; в XV веке это не столь распространенный знак, как в XVII и XVIII. Завершает все печать. Акты XV в. обычно не имеют печати, т. к. султанская тугра заменяет собой печать; только на документах финансового характера стоят иногда (сбоку, рядом с обозначением места) печати дефтердаров. Для бумаг обще-юридического и дипломатического значения датировка производилась в «государственной канцелярии» (ديوانِ همايون قلمى), для финансовых — в اوامرِ ماليه قلمى. Впоследствии были образованы особые Datierungsbüros (تاريخچى قلمى), и документы стали снабжаться, сверх всего остального, особой надписью صحّ («верно») и подписью соответствующего чиновника (مميّز). Общая

схема султанских эдиктов, несмотря на свои окаменелые частности, не оставалась неподвижной и менялась в течение десятилетий; в ходе этой эволюции Kraelitz усматривает влияние европейской практики, которое усиливалось в последующее время, постепенно оттесняя традиции персидского и византийского ритуала.

Далее (стр. 44—111) следует текст (арабским шрифтом) и комментированный перевод 24-х ферманов (первый от 9/VI 1456, данный Мехмедом II князю молдавскому Петру;[1] последний дан 30/VIII 1497 султаном Баезидом II по поводу доставки почтовых лошадей). За переводом идет указатель собственных имен и факсимиле подлинного текста; документы изданы в 2/3 оригинальной величины. В тексте встречается много архаизмов, которые дают известный материал по исторической грамматике османского языка и потому заслуживали бы специального обследования. Важность изданного материала, а также богатое критическими замечаниями введение, быть-может, впервые систематизирующее методологические указания по османской палеографии, — все это делает книгу Kraelitz'а ценным пособием, а выводы ее — исходным пунктом для дальнейших работ по османской палеографии и дипломатике.

Н. Дмитриев.

[1] В противоположность остальным, этот ферман, по указанию Kraelitz'а (стр. 5 прим. 44), находится в Москве, в Государственном (?) Архиве. Проверить это, а также сличить оригинал с изданным текстом до сего времени, к сожалению, не удалось.

Записки Коллегии Востоковедов, II, вып. 2.
Mémoires du Comité des Orientalistes.

Упоминание иудеев в ранней эллинистической литературе.

Народ иудеи позже других народов древнего Востока попал в кругозор греческого мира. Еще Геродот, вечный странник эпохи Перикла, который, подобно Одиссею,

πολλῶν δ'ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω (Od. I, 3)

ничего не слыхал об иудеях.[1] Его Σύροι οἱ ἐν τῇ Παλαιστίνῃ, научившиеся вместе с финикиянами у египтян обрезанию,[2] конечно согласно его же географическому определению Палестины,[3] могут быть лишь филистимляне,[4] и наверное не евреи.[5] О тех же филистимлянах говорит Геродот и в II, 159 своего труда, повествуя о победе Нехо над «Сирийцами» при Магдоле

[1] Wellhausen, Isr. u. Jüd. Gesch.², стр. 195.

[2] Геродот II, 104.

[3] Уже из III, 91 и VII, 89 вытекает с очевидностью, что Палестина включала, согласно терминологии Геродота, одну лишь береговую полосу Сирии. Еще ближе определяет III, 5 Палестину, а именно береговой полосой, начиная с Финикии вплоть до Газы (Κάδυτις), т. е. Филистией. Интерес отца истории к Филистии объясняется тем, что из всех областей Сирии он познакомился, главным образом, с ней (II, 106) и с Финикией.

[4] Вопрос об обрезании, или необрезании филистимлян довольно сложен, и я коснусь его в специальной статье.

[5] Аргументацию см. у K. B. Stark, Gaza u. d. philistäische Küste, 1852, стр. 97—98. Он же приводит в качестве довода (стр. 59) и цитату из Иосифа Флавия (Ant. Jud. XII, 50), доказывающую, что еще в эпоху последнего Палестина и Иудея различались друг от друга. См. также A. v. Gutschmid, Kleine Schriften, IV, 565—6; Th. Reinach, Textes d'auteurs Grecs et Romains relatifs au Judaisme, Paris, 1895, стр. 2. — Вопрос оставляет открытым A. Wiedemann, Herodots zweites Buch, стр. 412. Ed. Meyer, G. d. A. III, § 131 A и Israeliten u. ihre Nachbarstämme стр. 449 пр. 2 отстаивает отожествление иудеев с Σύροι οἱ ἐν τῇ Παλαιστίνῃ, но без приведения убедительных аргументов. В своем Urspr. d. Christ. II, стр. 27, он, кажется, отказывается от этого взгляда и полагает, что иудеи стали знакомыми греческому миру лишь с Александра.

и занятии египетским царем после этой победы «Κάδυτις, который является большим городом в Сирии».

Действительно, ведь Геродот в III, 5 своих «Историй» упоминает Κάδυτις в следующем контексте: «Начиная с Финикии вплоть до границы города Κάδυτις земля принадлежит сирийцам, которые называются филистимлянами (палестинцами). Начиная с Κάδυτις, который является городом, как мне кажется, немного меньшим, чем Сарды, принадлежат гавани у моря вплоть до города Ἰήνυσος[1] Арабу. Начиная с Ἰήνυσος (область) опять принадлежит сирийцам вплоть до Сербонидского озера, у которого Касийский горный хребет доходит до моря. С Сербонидского же озера.... начинается уже Египет». Геродот, таким образом, причисляет Κάδυτις к городам филистимлянского побережья.

Из всех городов этой области можно, конечно, лишь Газу отожествить с Κάδυτις.[2] Очевидно, та же самая филистимлянская Газа кроется и в Κάδυτις, взятой Нехо после победы при Магдоле.[3] Вероятно об этом же взятии Нехо Газы свидетельствует и Иеремия 47, 1 b «перед тем, как фараон еще взял

[1] Этот город может быть тожествен с «c-y-n-n» Anast. I, 27,6, городом, находящимся несколько к югу от «R—ph», современного «Rafah». Первое «σ» вставлено, как и в «αὔατις», восходящем к егип. wh}-t, коптск. ⲟⲩⲁϩ.

[2] Аргументы, требующие отожествления Газы (библ. עזה, Hazati T. Амарнинск. переп. изд. Knudzton) 289, 17, 33, 40 и совр. الغزّة) с Κάδυτις Геродот III, 5 ср. Stark, у. с. стр. 219–223 (К истории вопроса ср. E. Schürer, G. d. j. V. II[4], стр. 110 пр. 4 и Benzinger, Gaza в Pauly-Wissowa. Я со своей стороны мог бы прибавить еще только то, что на замену Геродотом звонкого «γ» (Γάζα) глухим «κ» (Κάδυτις) повлияла, вероятно, передача иной раз египтянами имени города — Kdt (наравне с Gdt, ср. M. Burchardt, Altkanaanäische Fremdworte, №.№ 962, 1071).

[3] Ср. Stark, у. с., стр. 224; Ed. Meyer, G. d. A. I[1] (1884) § 482 A; idem, Gesch. d. alt. Ägyptens (1887), стр. 381; Krall, Studien z. Gesch d. Alt. Ägyptens III в Wiener Akad. Berichte 116 (1889), стр. 660, пр. 3; Wiedemann, Herodots zweites Buch (1896) стр. 566—67, где перечислена вся предшествующая литература; Reinach, Textes, стр. 4; Benzinger, Gaza (в P.-W., стр. 881) колеблется отожествить Κάδυτις Геродота II, 159 с Газой и допускает возможность отожествления с каким нибудь из Кадешей севера. Kittel, Geschichte d. Volkes Israel[2], I, стр. 545, пр. 1, категорически настаивает на тожестве Κάδυτις Герод. II, 159 с одним из Сирийских Кадешей, ср. также R. A. Stewart-Macalister, The Philistians, London, 1914, стр. 65—66. Все эти 3 автора обходят молчанием решающее вопрос определение географического положения Κάδυτις Геродотом в III, 5. J. V. Prášek, Forschungen z. Geschichte des Altertums, II, (1898), стр. 6 сл. пытается доказать нетожественность Κάδυτις (Герод. III, 5) и Κάδυτις (Герод. II, 159). Первый он отожествляет с Газой, а для второго он находит эквивалент в Кадеше на Оронте. В качестве аргумента он указывает на то, что юг Филистии, начиная с Асдода (завоеванного Псамметихом I, см. Герод. II, 157), а следовательно и Газа находилась уже во власти Нехо. Я думаю, что этот аргумент не решает дела, так как согласно новой таблетке Gadd'a (The Fall of Niniveh, London 1923) мы знаем, что борьба Нехо в Сирии сводилась к борьбе за спасение Ассирии от гибели со стороны Вавилонии и Мидии. Вавилонские происки могли привлечь к антиегипетской и антиассирийской коалиции также Газу, номинально подвластную Египту.

Газу». Если же Нехо после битвы при Магдоле взял Газу,[1] то из этого следует, что Магдол нельзя ни в коем случае отожествить с Мегиддо на далеком севере, где согласно II Царст. 23, 29—30, Иосия царь Иудеи потерял битву и жизнь.[2] Греческое Μάγδωλος не может соответствовать еврейскому מגדו (LXX Μαγεδδώ), а может соответствовать лишь еврейскому מגדל, означающему «сторожевая башня, кастелл, крепость» и т. п. Этим словом назывались различные города Сирии, как в Библии,[3] так в клинописных[4] и в египетских[5] памятниках. «Крепостью», наверное, назывался и один из соседних Газе городов, служивших для нее опорным пунктом против нападения с юга. Нехо в своем завоевательном походе на Сирию должен был сперва побороть сопротивление Газы, которая еще для походов Тутмеса III служила исходным пунктом.[6]

Сломив Газу, он уже мог устремиться далее на север и у Мегиддо разбить коалицию сирийских государств, среди которых был и Иосия с иудейским ополчением. Библия сохранила, как это само собой понятно, главным образом память об этой последней битве похода Нехо на кровавых полях Мегиддо, где и на этот раз погибли мечты о политической самостоятельности Сирии. Геродот же, в противуположность Библии, мог знать лишь о первой битве похода Нехо, а именно о победе его при Магдоле. Дело в том, что Нехо пожертвовал доспехи свои после победы при Магдоле и взятия Газы в Дидимейский храм Бранхидов в Милетской области,[7] а с традицией греческих храмов в Малой Азии Геродот был, конечно, знаком. Ввиду всего вышеуказанного, становится, я думаю, очевидным то обстоятельство, что Геродот еще ничего не знал об иудеях, точно также, как и прочие писатели V в.[8] Иудейская традиция эпохи Птолемеев откровенно сознавалась и высказывала свое смущение по поводу неупоминания иудейского народа или иудейского закона ни одним из греческих историков

---

[1] Эти слова отсутствуют в LXX и поэтому являются позднейшей вставкой (ср. Cornill и Duhm в их комментариях). Очевидно, читатель, зная о взятии Газы одним из современных Иеремии фараонов, ввел это примечание. Из современных эпохе Иеремии фараонов, один лишь Нехо мог взять Газу. Сирийские походы Псамметиха I были около 630 г. до н. э. прерваны нашествием скифов; о разрушении последними Филистии повествует и 47 глава Иеремии. Но к походам Псамметиха предсказания Иеремии вряд ли могли быть отнесены.

[2] Мегиддо Библии и Магдол Геродота отожествляют и почти все авторы, перечисленные в прим. 3 на стр. 228, которые отожествляли Κάδυτις Герод. II, 159 с Газой.

[3] Buhl-Gesenius, מגדל и מגדל.

[4] Т. Ам. переписка 69, 20; 185, 29; 234, 29; 256, 26. Weber различает в своем комментарии (стр. 1283) 4 Magdali.

[5] Burchardt, Altkanaan. Fremdwörter, № 527 и 538.

[6] Sethe, Urk. d. 18 Dyn.

[7] Геродот II, 152.

[8] О свидетельстве Хойрила Самосского ср. Reinach, Textes, 5—6.

или поэтов Эллинского периода. Оригинальным образом пытается объяснить это молчание греческой литературы классического периода об иудеях автор письма Аристея о переводе LXX толковников. Он объясняет его чудом: бог не допускал язычников повествовать о своих священных законах, и те греческие писатели, которые решались на это, карались богом.[1] Первые подлинные упоминания иудеев мы встречаем у писателей конца IV века. Тогда только внимание греческого мира было привлечено несколько к этому странному народу-секте. Довольно неопределенные и не совсем правильные сведения об особенностях своеобразного культа иудеев передают нам ученики Аристотеля — Феофраст и Клеарх из Соли, но тенденция обоих писателей определенно благожелательна к этому новому для греков этническому организму. Феофраст характеризует иудеев философами,[2] а Клеарх считает их происходящими от философов Индии.[3] Эта догадка Клеарха заставила Мегасфена в его Ἰνδικά упомянуть наряду с брахманами Индии и иудеев Сирии в качестве тех, которые предаются философии вне Греции.[4] Более обстоятельные и правильные сведения мы встречаем несколько позже у Гекатея Абдерита, современника Птолемея I.[5] Один из его трудов Αἰγυπτιακά, являющийся «философским романом», или этнографической утопией,[6] сохранился частично у Диодора, пересказавшего его в своей истории. В этом труде Гекатей коснулся и иудеев. Он познакомился, очевидно, в личном общении с некоторыми из них с своеобразностью их традиций и культа, сознательно лишенного изображения божества. Его рассказом воспользовался Диодор в XL книге своего труда для ознакомления с древнейшей историей иудейского народа. Здесь мы читаем следующее:[7] «Страшная болезнь, поразившая народ Египта, послужила для последнего, согласно Гекатею, знамением гнева богов на пребывание в стране многочисленных иностранцев с их чуждым культом, вследствие которого стал пренебрегаться египетский национальный культ. Поэтому египтяне решили изгнать чужаков, и одна часть этих людей, наиболее замечательные и деятельные, отправились под руководством выдающихся вождей, в роде Даная и Кадма, в Грецию, а толпа народа выселилась в Иудею, бывшую в то время совсем

---

[1] Aristeas § 312—316.

[2] Reinach, Textes, стр. 8, § 1; Ed. Meyer, Urspr. u. Anf. d. Christ. II, стр. 28 пр. 1.

[3] Reinach, y. c. стр. 11 § 3. Здесь передается разговор, который вел Аристотель с гречески образованным иудеем.

[4] Там-же, стр. 13.

[5] F. Jacoby, Pauly-Wissowa VII, ст. 2751.

[6] Там-же, ст. 2755. См P. Wendland, Handbuch z. N. T. I, ч. 2-ая и 3-я, стр. 116 сл.

[7] Русский перевод Гекатея и прочих родственных ему эллинистических писателей ср. у Серединского, Рассказ Манефона о прокаженных и отношение этого рассказа к исходу евреев из Египта, в Екатериносл. Епархиальн. Ведомостях 1882—1883.

безлюдной.[1] Во главе этих эмигрантов стоял некто, по имени Моисей, отличающийся, как мудростью, так и мужеством.[2] Он основал в стране несколько городов и среди них тот, который называется Иерусалим (Ἱεροσόλυμα). Он воздвиг также храм.[3] Народ он разделил на 12 колен, согласно числу месяцев.[4] Им не были изготовлены антропоморфные изображения богов, так как, согласно его учению, единственным богом являлось небо.[5] Установленные им жертвы резко отличались от жертв других народов, и вследствие изгнания своего собственного народа он ввел образ жизни чуждый людям (ἀπάνθρωπον) и враждебный иноземцам. Самых выдающихся из народа он сделал жрецами и передал им наряду с заведыванием культа также и судоговорение в наиважнейших делах,[6] охрану законов и нравов.[7] Самый мудрый и добродетельный из жрецов, под именем верховного жреца, управлял народом, вместо царя, которого у иудеев никогда не было.[8] Он возвестник повелений бога, поясняющий их народу,[9] и народ почитает его, падая ниц перед ним.[10] В конце законов написаны эти слова: «Моисей услышал эти речения от бога и передал иудеям».[11] За приведением этой цитаты из законодательства Моисея Гекатей повествует о военной организации иудейского народа и о войнах его с соседними народами. Завоеванные земли были распределены Моисеем равными наделами между частными лицами, но жрецы ради лучшего обеспечения получили бóльшие наделы.[12] Он запре-

---

[1] Гекатей, очевидно, не совсем понял слова своего иудейского посредника. Ed. Meyer, Urspr. u. Anf d. Christ., II, стр. 28, правда, заявляет, что «жреческому кодексу» некоторые территории обетованной земли представлялись необитаемыми.

[2] Если Гекатей ничего не упоминает о патриархах и называет одного лишь Моисея, то в этом нет ничего удивительного. Для иудея эпохи Гекатея начиналась история его народа лишь с момента исхода из Египта, являющегося часом его национального рождения; ср. Midr. Tehillim, перев. Aug. Wünsche, II, стр. 113.

[3] Рассказ Гекатея об основании Моисеем и Иерусалима и храма восходит к несколько неверно понятым главам 25—31 книги Исхода (Жреческий кодекс).

[4] Деление на 12 колен приписывает Моисею и Филон. См. Reinach, Textes, стр. 16 пр. 1. Здесь же приводится и иудейская традиция о связи числа колен с числом месяцев.

[5] Ср. Sachau, P. Eleph. 1, 2—«бог неба» «אהל שמוא» или 1, 27—28 «Ягу бог неба» «יהו אלח שמיא». Ср. Ed. Meyer, Urspr. II, 20.

[6] О судоговорении жрецов в особо важных делах см. Девтер. гл. 17, 8—11.

[7] Очевидно указание на функцию жрецов удалять грехи народа, напр., Levit, гл. 9; ср. Schürer, G. d. j. V. II, 240.

[8] Отрицание царской власти в прошлом иудейского народа вытекает из воззрения жреческого кодекса, ср. Ed. Meyer, Urspr. II, стр. 29, и также Reinach, Textes, стр. 18 пр. 1.

[9] Намек на оракул «Урим и Тумим». Оракул давался в позднее время, действительно, верховным жрецом. См. Reinach, Textes, стр. 18 пр. 1.

[10] Ср. Иисус Сирах, гл. 50, 17,

[11] Lev. гл. 26, 46 и гл. 27, 34, действительно, заканчиваются почти тожественными словами, ср. Willrich, Judaica, стр 88 и Ed. Meyer, Urspr. II, 29.

[12] В эпоху второго храма жрецы, действительно, и экономически властвовали, ср. Reinach, Textes, стр. 19 пр. 1 и Ed. Meyer, Urspr. II, стр. 29 пр. 2.

тил также частным лицам продавать свои наделы, чтобы земли бедных не скупались богатыми.[1] Особенно подчеркивает Гекатей постановление, требующее, чтобы все дети были взращиваемы.[2] В связи с этим он указывает, что и прочие постановления семейного права, а также обряды погребения, установленные Моисеем, резко отличались от соответствующих постановлений прочих народов. Отрывок Гекатея, посвященный законам иудеев, оканчивается следующим наблюдением: «Во время же впоследствие установленного господства персов и сменивших их македонцев были по причине смешения с инородцами (ἀλλόφυλοι) изменены многие из древних законов иудеев».[3]

Таковы те довольно обильные сведения, которыми располагал Гекатей об иудеях и о главном достижении их национальной культуры — законодательстве Моисея. В повествовании греческого историка отразились, главным образом, воззрения жреческого кодекса, который в эпоху персидскую и ранне-эллинистическую, очевидно, существовал еще в виде самостоятельной книги, отодвигающей в сознании верующих пятикнижие с его пестрым, нестройным изложением прошлого избранного богом народа. Свои сведения получил Гекатей, вероятно, от иудеев, последовавших за Птолемеем I после его сирийского похода 311 г. в Египет[4] и успевших ознакомиться несколько с греческим языком.[5] В рассказе Гекатея Reinach хочет найти следы «египетской версии исхода».[6] Я полагаю, что это мнение почтенного французского ученого безусловно ошибочно. Гекатей, познакомившись с версией жреческого кодекса об исходе, передал ее лишь изменив несколько в том египтофильском духе, которым проникнут весь его большой труд по египетской истории.

Кроме того он связал ее с традициями греков об исходе из Египта их героев Даная[7] и Кадма.[8] О какой-нибудь неприязни к иудеям нет следа в рас-

---

[1] Запрещение жреческого кодекса (Lev. гл. 25).

[2] О своеобразности этого постановления в глазах грека ср. Reinach, Textes, стр. 19 пр. 2.

[3] Очевидно намек на замену еврейского языка арамейским под влиянием все учащающихся смешанных браков. Об них см. Wellhausen. Isr. u. Jüd. Gesch. [2], стр. 196 сл. Ed. Meyer, G. d. A. III, § 129. Об образовании общей «orientalische Kultur» в мировом Персидском государстве ср. Ed. Meyer, Der Papyrusfund von Elephantine, 1912 и его же Urspr. II, стр. 17 сл.

[4] Согласно Псевдо-Гекатею (см. ниже) источником греческого историка являлся верховный жрец Ἐζεκίας (Josephus, C. Ap. I, 187), взятый Птолемеем в Египет. Возможно, что это сообщение восходит к подлинному Гекатею.

[5] О гречески образованных иудеях в эту эпоху ср. 19.

[6] Textes, стр. 15 пр. 1.

[7] Геродот II, гл. 91 и 171. См. Ed. Meyer, Forsch. z. A. G. I. стр. 67 сл. и Waser, Danaos в Pauly-Wissowa.

[8] О связи Кадма с Египтом см. O. Crusius, Kadmus (Roscher, I, 1, ст. 843—44).

сказе Гекатея.[1] Наоборот он пытается объяснить и извинить единственную несимпатичную ему сторону Моисеева законодательства, а именно его тенденцию резко отделять иудеев от прочих народов. В целях смягчения обвинения иудеев в «человеконенавистничестве» Гекатей указывает на их собственное изгнание из Египта. Сами иудеи эллинистического времени рассматривали Гекатея как писателя, относящегося к ним доброжелательно, ибо лишь в таком случае они могли выпустить впоследствии под его именем сочинение, всячески восхваляющее иудейский народ и его закон.[2] Тот же «филосемитизм» продолжает наблюдаться в греческой литературе всего III в. Так объявили себя спартанцы, одно из наиболее гордых племен Греции, при царе Арее (309—265) в письме верховному жрецу Онии I, братьями иудеев.[3] И во вторую половину III в. философ Гермипп возводил к мировоззрению иудеев учение Пифагора,[4] а Варрон, как римлянин еще не охваченный антииудаизмом, даже в I в. до н. э., с гордостью сопоставлял древний культ Римлян, лишенный изображений богов, с культом иудеев.[5] Резким диссонансом в этой литературе, еще не зараженной антииудаизмом, звучит голос Манефона, Севеннитского жреца, жившего во всяком случае не позже царствования Птолемея II.[6] С именем этого египетского жреца большинством из исследователей связывались самые ранние и очень резкие выпады против иудаизма. Свои экскурсы по истории иудеев в Египте Манефон поместил, якобы согласно традиции, в своем трехтомном труде Αἰγυπτιακά, но невольно возникает мысль, что эти отрывки Манефона, со столь «несвоевременными» антииудаистическими выпадами, в действительности не принадлежат перу этого египетского историка, а являются позднейшими вставками, введенными в его труд впоследствии, в эпоху расцвета антииудаизма. Данное предположение тем более вероятно, что эти

---

[1] «Es ist ein sehr anschauliches und im wesentlichen zutreffendes Bild, das Hekataeos von den Juden gezeichnet hat. Von Gehässigkeit und Judenhass ist noch keine Rede». Ed. Meyer, Urspr. II, стр. 30.

[2] О Псевдо-Гекатее (Josephus c. Ap. I, 183 сл. II, 43 сл. и Antiquit. I. 158) см. Willrich, Judaica, стр. 87 сл. и Jacoby, Hekataios v. Abdera (Pauly-Wissowa). Судьбу Гекатея в руках иудейских литераторов метко определяет Wendland: «Erst benutzte man ihn, dann fälschte man unter seinem Namen». (Handkom. z. N. T., т. I, ч. 2-ая и 3-я, 1912 г., стр. 200 пр. 2).

[3] Я следую в данном случае аргументации Ed. Meyer (Urspr. II, стр. 30—31), допускающего некоторую долю исторической ценности в традиции Мак. I, 12, 7 и Иос. Флавия, Ant. XII, 225. К объяснению связи между спартанцами и иудеями, данному Ed. Meyer, я бы прибавил еще то сходство в обычаях, которое наблюдалось греками между египтянами и спартанцами (Геродот II, гл. 80), а спартанцы через Даная были братья по несчастью с иудеями (см. выше).

[4] Reinach, Textes, стр. 39—40.

[5] Там-же, стр. 242.

[6] Точное определение времени жизни Манефона на основании новых данных см. следующее мое исследование «Манефон и его время».

антииудаистические отрывки Манефона полны самых невероятных нелепостей с точки зрения египетской истории. Манефон же, будучи египетским жрецом, казалось бы, должен был знать историю родной страны. И я думаю, это предположение о том, что антииудаистические отрывки Манефона со всеми их историческими невозможностями являются поздними вставками, можно доказать вескими аргументами и таким образом спасти доброе имя Манефона, как историка. Правда, для этого доказательства требуется целый ряд кропотливых исследований над всем тем, что нам известно о жизни Манефона, и над теми отрывками, которые согласно традиции восходят к труду Манефона о египетской истории.

В. Струве.

Записки Коллегии Востоковедов, II, вып. 2.
Mémoires du Comité des Orientalistes.

Из жизни цехов в Турции.[1]

К истории «ахи».

I

Цехи[2] в Турции изучены слабо. Техника производства, социально-экономическое значение цехов, их организация — все это вопросы, на которые отсутствует ясный и точный ответ.

Цехи — одна из бесчисленных «очередных» задач турецкой этнографии,[3] очередных потому, что капиталистический строй, — вторжение иностранных фабрикатов подрывает уклад средневекового цеха и на Востоке. Только случайно упоминают европейские путешественники о цехах, и эти мимолетные замечания так же кустарны, как кустарно и ремесло.[4]

Культурно-историческая сторона цехов освещается материалом на восточных языках; но он переведен и исследован только отчасти. В Турции на цехи обратил внимание уже в XVII веке Эвлия-челеби; согласно приказу султана Мурада IV, он перечислил цехи Константинополя (1100), их «пиров», количество членов и т. д.;[5] зарисовал и грандиозное шествие цеховщиков за священным знаменем пророка Мохаммеда перед походом

---

[1] Читано 15-го апреля 1923 г. на соединенном заседании Восточной секции Научно-исследовательского Института Языковедения и Истории Литературы и б. Восточной Комиссии б. Московского Археологического Общества.

[2] В цехи на Востоке входили и ремесленники, и земледельцы, и лица «свободных профессий», как напр., костоправы, карагёзчики, меддахи, музыканты, студенты; по профессиональному признаку объединялись в провинции и погонщики; так, E. J. Davis, Life in Asiatic Turkey. London, 1879, стр. 194, говорит о «шейхе» погонщиков в Адане.

[3] А. Самойлович, Живая Старина, 1914, стр. 229.

[4] Литература о цехах указана у F. Babinger'a, Der Islam in Kleinasien (ZDMG Band 76, стр. 135, прим. 6-е).

[5] Текст издан по-османски: Эвлия-челеби сейхат-нāмеси. Константинополь. 1314 г. х., т. I, стр. 511, след.; описание переведено было J. Hammer (Konstantinopolis und der Bosporos. Pesth. 1822); Хаммера широко использовал Ch. White (Häusliches Leben und Sitten der Türken. Nach dem englischen bearbeitet. Berlin, 1844, Band I), внесший, впрочем, большие добавления.

султана на Багдад (в 1634 году). И раньше, очевидно, да и впоследствии цехи, со знаменами, дефилировали по улицам города, окружая священное знамя.[1] Как бы введением к каталогу цехов, — у Эвлия-челеби служит «футуввет-намэ» («уставная грамота»), где он описывает обряд принятия «ученика» (послушника) в орден дервишеский.[2] Незадолго до обще-европейской войны вышел обстоятельный труд Г. Торнинга[3] (уже покойного), который обследовал эти «футуввет-намэ», трактующие об обязанностях братства «фитьян»,[4] об инвеституре[5] и т. д. Автор использовал литературу восточную (арабскую и, частью, османскую) и западно-европейскую и заключает, что религиозно-рыцарские обряды (напр., посвящение) заимствованы были позже у «фитьян» как дервишами, так и цехами на Востоке. Построение Г. Торнинга всетаки сомнительно: внутренняя связь между дервишами и цехами — исконна; на труде, исполненном тщательно, отрицательно обнаружилось умолчание о современном цеховом укладе в Турции: он склонен думать, что цехи распались в Турции уже во время эпохи реформ («танзимат») султана Махмуда II, т. е. в первой трети XIX столетия.

Ремесло, — всякое занятие, которым человек добывает себе кусок хлеба, как верят мусульмане, имеет божественное происхождение; у цехов — покровители-святые, так сказать, основоположники труда человеческого.[6] Цехи опираются на мулл, а муллы охотно поддерживают цеховщиков,

---

[1] Ср. характерное описание шествия цехов, — буффонаду, организованную цехами, в Journal d'Antoine Galland pendant son séjour à Constantinople (1672—1673). Publié et annoté par Ch. Schefer. Paris, 1881, I, 117—120 или у A. Vandal, Les voyages du marquis de Nointel. Paris, 1900, стр. 92—93. См. также Ch. White, I, стр. 192—193. В Дамаске, как мне сообщал М. О. Аттая, цехи собирались также для проводов священного каравана в Мекку.

[2] Эвлия-челеби, I, 489 след. — Немецкий перевод у J. Hammer (Narrative of Travels of E. London, 1850). Я вспоминаю, что в 1923 г. я видел в теккэ квартала Азиз в Бахчисарае копию «футуввет-намэ» Эвлия-челеби. В Британском Музее хранится сборник XVI в., заключающий четыре трактата на османском языке о «людях футуввет». Ch. Rieu, 239; см. также Fr. Babinger, стр. 135, прим. 6.

[3] Beiträge zur Kenntniss des islamischen Vereinwesens auf Grund von Bast Madad et-Taufiq von D-r Hermann Thorning. Berlin 1913 (=Türkische Bibliothek, Bd. XVI).

[4] Единственное число — «аль фата», о значении термина (у Кушайри, XI в) см. R. Hartmann, Kuschairi's Darstellung des Sufitum's. Berlin. 1914, стр. 46 (Türkische Bibliothek, Bd. XVIII).

[5] По стопам Торнинга обрядом опоясания — «шеддом» занялся P. Kahle, Der Islam, Bd. VI (1916), 149—169. У Fr. Taeschner (там же, стр. 169—172) описана старая итальянская миниатюра, изображающая прием ученика в цех. H. Ritter (там же, Bd. X 1920), 244—250 дал анализ сообщений из персидской энциклопедии Амули, VIII в. х.

Впрочем, как говорил мне в Конии Абд-ул-Кадир Хамди-задэ, есть и позорные ремесла (банщики, брадобреи, землекопы — «кюнчкю»; уборщики падали на улицах, бурлаки — «йедекчи»); здесь как-будто обнаруживается внутренний конфликт с представлением о божественном происхождении ремесла, когда, как заметил Гезиод: «труд никакой не позорен, позорно одно лишь безделье».

потому что, таким образом, через них они поддерживают среди народа духовный свой авторитет.[1]

Религиозные отзвуки слышатся и в Константинополе: артель старьевщиков на Большом Базаре, как сообщал мне перед войной мой приятель Исмаил, ежедневно собиралась на общую молитву, поминая благодетеля, султана Баязида II Святого, и уклонение от молитвы влекло исключение из артели.[2] «Меддахи» (народные рассказчики) неизменно начинали речь возгласом мистико-суфийским «хакк достум, хакк» (истина-бог — мне друг, истина-бог!).[3]

Во времена Эвлия-челеби черты эти выступали отчетливее; так, напр., у цеха дубильщиков было право убежища, так сказать, «бест»;[4] воры и преступники могли укрываться у кожевников (дубильщиков) в кварталах: Йеди-кулэ («Семибашенный за́мок») и Касим-паше, будучи обязаны за то оставаться там до смерти.[5]

Османцы, собственно, народ земледельческо-пастушеский; ремесла все-таки у них побочное, второстепенное занятие, и организация цехов (и не только, конечно, ремесленных) в Турции, несомненно, сложилась под воздействием персидской культуры; она заимствована из Персии[6] или занесена турецкими поселенцами Малой Азии, или даже, быть может, — общее культурное достояние переднеазиатских народов. Иранские отголоски слышны всюду. Среднеазиатские статуты, трактаты «рисоля» у сартов-ремесленников носят ярко выраженный шиитский отпечаток,[7] но и регламентация шаманского цеха в Восточном Туркестане, как говорит термин «перихон»

---

[1] Ср. A. Gobineau, Trois ans en Asie. Paris. 1905, стр. 376. В Средней Азии (в Ташкенте) муллы ходят по мастерским и читают «рисоля» («уставные грамоты»), см. М. Гаврилов, Рисоля сартовских ремесленников. Ташкент. 1912, стр. 11.

[2] Вл. Гордлевский, Османские исторические сказания. Этнографическое Обозрение, 1915, № 1—2, стр. 15.

[3] На Большом Базаре в Константинополе, как замечал еще Т. Готье (Gautier), Constantinople. Paris, 1854, стр. 125, каждая улица отведена была особому цеху; впоследствии, разумеется, это изменилось (ср. А. Барт, Царьград. 1915, стр. 205).

[4] Эвлия-челеби, I, 594. — Дубильщики, как указывают легенды о происхождении этого ремесла, очевидно, — излюбленные чада Алия; как рассказывает Эвлия-челеби (I, 595), предметом их гордости являлось старое кожаное знамя на зеленом древке; и в Крыму цеховое знамя было зеленое и на зеленой дощечке вырезано было слово «Аллах» [см. Е. Булатов, Реван или торжественный обряд татарских ремесленников в Крыму (1827 г.); Очерки России, издаваемые В. Пассеком, М. 1840, кн. III, стр. 148—150]; естественно, что у этого цеха были особые прерогативы и привилегии.

[5] Ср. А. Расим, Османская история. Константинополь 1326 г. х., т. II, стр. 856.

[6] Оттуда же цеховое устройство попало и на Кавказ. Ср. А. Гакстгаузен, Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни. СПБ. 1857, стр. 104.

[7] М. Гаврилов, стр. 8—9.

(т. е. заклинатель «пери»), конструкция заглавия и план, и строй «рисалэ»,[1] — также отражают персидские (иранские) культурные элементы. Перед борьбой, над пехливанами на Кавказе (в Нухе), после пляски (которая заключала что-то мистическое, религиозное), произносили молитву: «Царь Али, пособи!»...[2]

Прочно удержался всюду один момент цеховой жизни — общественное празднество, носящее обрядовый или религиозный характер. Во времена Эвлия-челеби ювелиры раз в сорок лет собирались на гулянку в Кяат-ханэ. Торжество, длившееся 20 дней, установлено было султаном Сулейманом Великолепным, который царевичем изучил в Трапезунте ювелирное ремесло у грека Константина.[3] Муаллим Наджи в воспоминаниях из детских лет (середины XIX века) передает о гуляньи, ежегодно справлявшемся в Константинополе цехом шорников, где отец его был казначеем, заведуя общественными деньгами.[4] Невольники, и те, составляли как бы отдельную организацию — отдельный класс общественный, и так велика была, очевидно, сила предания, что ежегодно (весною?) господа освобождали их на день для празднования памяти их патрона.[5] Здесь как-будто — темные отголоски весеннего праздника — оживания природы.[6] Общественное гулянье «теферрюдж» сохранилось в Константинополе у цырюльников;[7] общественные гулянья школьников недавно еще совершались, как рассказывал мне О. Акчокраклы, в Крыму (в Бахчисарае).

✓ В жизни цеха культурно-религиозная старина соединяется, сливается как-будто с обрядом посвящения подмастерья в мастера. Обряд этот, именуемый в Крыму «реван»,[8] совершался открыто, так-сказать, напоказ;

✓ [1] С. Малов, Шаманство у сартов Восточного Туркестана. Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Российской Академии Наук. П. 1918, т. V, ч. I, стр. 15—16.

[2] Увеселения татар. Сборник газеты «Кавказ». Первое полугодие 1846 года. Тифлис. 1846, стр. 160—161.

[3] Эвлия-челеби, I, 483—484.

[4] Восточный Сборник в честь А. Н. Веселовского, М., 1914, стр. 334.

[5] Собираются в Константинополе под 23 апреля (день св. Георгия) и женщины, загадывая о судьбе, см. J. Kúnos, (Образцы народной литературы тюркских племен, ч. VIII стр. XXII).

[6] Современные персы, справляя тринадцатый день от наступления нового года («ноуруз»), т. е. 4 апреля, уходят за город in's Grüne («сиздеһ бедäр»), труд в этот день предосудителен.

[7] Описано было в газете «Ватан», от 4-го сентября 1923 года.

✓ [8] См., напр., описание у Е. Булатова, стр. 139—154. Слово «реван» не турецкое, по-персидски значит душа и заключает тогда религиозно-суфийский смысл. Е. Булатову давали толкование — открытие пути или разрешение к свободе, стр. 152. Ф. Хартахай (Историческая судьба крымских татар. «Вестник Европы», 1867, т. II, 172—173) думал, что обряд уже забыт, однако, в Карасубазаре чин посвящения происходил еще в конце XIX века, см. Ф. М. «Реван», в газете «Салгир». 1897, № 123.

он нередко описывался у ремесленников крымских; знает о нем и Средняя Азия; кратко отмечен он был уже и в Малой Азии, в Эгердире (городке Конийского вилайета) Сюлейманом Шюкри (придворным чиновником султана Абд-ул-Хамида II, эмигрировавшим из Турции),[1] который определенно заявляет, что празднество совершалось ежегодно весной.

Теперь представления об этом обряде пополнились.

II

В ангорской газете «Йени гюн» (1922, № 639—1006 от 26-го октября) напечатана была корреспонденция из Бордура, городка Конийского вилайета; хотя в ней чувствуются промахи и лакуны, она бросает все-же свет на культурную жизнь Турции. У анонимного автора подробно описана картина старых нравов, — дарование подмастерьям («чираг») кузнечного цеха («демирджи»)[2] звания мастера («уста») — разрешительная молитва и опоясание запоном («дестур дуасы», «пештамал кушатма»).[3]

А обрядовая сторона кузнечного цеха может сохранять древние религиозные (шаманские) верования и представляет важное значение для этнографии: народная мысль смотрит на кузнеца, как на выученика и пособника черта, — покровителя ремесла.[4] У якутов, напр., записан обряд посвящения кузнеца «вечному кузнецу», Кытай-Бахсы, которому приносится жертва («душа» — сердце трехлетнего черного бычка), чтобы он снял с кузнеца хворь и покровительствовал ему.[5]

Вот чин торжества, который я перевожу почти дословно, вставляя кое-где пояснения.

В саду, под большим тутовым деревом, на старинных коврах, уселись почетные гости; перед ними выстроились подмастерья, а кругом, тесным кольцом, их обступили родственники — отцы, матери. Подмастерья все — молодые люди, только один между ними — запоздалый ученик, бородатый мужчина. На них надели «трехполые» красные шелковые «энтари», которые они должны носить в течение трех дней. За одеждами, за движениями, словом, — за порядком среди подмастерьев наблюдал «калфа», т. е. старший, первый подмастерье. Встал почтенный мастер, «ахи-бабá», и степенно начал обучать подмастерьев церемониалу («эркян»). Подмастерья поставили

---

[1] См. его «Сеяхат-и кубра». Петербург, 1907, стр. 29—31.

[2] Среднеазиатское «рисоля» о кузнечном цехе см. у М. Гаврилова, стр. 34—41.

[3] В Словаре («Камус-и тюрки») Сами-бея, I, 356 техническое выражение «пештамал кушавмак» значит «уста чикмак», т. е. выйти в мастера.

[4] См. А. Афанасьев, Народные русские легенды.

[5] И. Корнилов, Из якутских поверий. Известия Восточно-Сибирского Отдела И. Р. Г. О., т. XXXIX (1908). Иркутск 1910, стр. 84—85.

большой палец левой ноги на большой палец правой ноги, а руки, ладонями вниз, скрестили на плечах (приняв, таким образом, смиренную, дервишескую, позу). Руководил торжеством мастер, носящий звание «джигит-баши» (глава молодцов) — должностное лицо цеха (в Крыму так называют второго подмастерья, наблюдающего за учениками-новичками); председательствовал местный шейх, Хаджи Хамид-эфенди, открывший торжество молитвой. «Джигит-баши» повязал подмастерьям шелковые запоны, предварительно обернув три раза вокруг стана (черта, сохранившаяся и в Крыму). Перед тем, как повязать, и во время повязывания он все время произносил формулу «тахлиль», т. е. исповедание единства бога. Потом наступил черед четырехкратных поклонов — на четыре стороны («дёрт капу селямы»).[1] Поклонами руководил «эркян чаушу» («столповой чауш»),[2] Канджи-задэ Мехмед; поднявшись с места, он подошел к ближайшему подмастерью и, взяв его за правое ухо, вывел на середину и приветствовал четыре раза, говоря: привет Вам (тебе), стремящийся к сонму людей закона («шариат»); привет тебе, стремящийся к истине («хакикат»); привет тебе, стремящийся к правому пути («тарикат»); привет тебе, стремящийся к познанию («марифет»), т. е. с каждым разом, с каждым новым приветом он желал повысить степень духовного очищения и обновления, употребляя терминологию суфийства.[3] Потом, обращаясь к мастеру, «эркян-чауш» начал просить у него разрешения («иджазет») для подмастерья:[4] «Подмастерье мастера (имя рек) просит разрешения, чтобы восприять благословение от очага старца старцев, святого между святыми, ока султанов, властителя столпов, нашего старца Дауда (= Давида),[5] да будет над ним мир. Вы все, шейх,

---

[1] Если мне только не изменяет память, прежде устраивались и четыре двери («капу»), символически изображавшие, быть может, четыре суфийские степени на пути познания истины — бога.

[2] «Эркянами» называются основные обязанности мусульманина, как-то: молитва, пост и т. д.

[3] Думаю, что корреспондент перепутал порядок терминов, истина («хакикат») у него на втором месте. Ср. A. Gobineau, стр. 325—328.

[4] «Иджазет» называется акт разрешения на учительство, даваемый ходжей (духовным учителем) ученикам, а «диплом» называется «иджазет-намэ», и в нем перечисляется длинная цепь учителей, восходящая к «асхабам», сподвижникам Мохаммеда.

[5] Ср. Коран, XXI, 80, XXXIV, 10, где Аллах говорит, что он размягчил для Давида железо и научил его выделывать кольчуги; как это случилось, — рассказывает египетская легенда (сообщенная Лэном), см. Тысяча и одна ночь (изд. И. Д. Сытина). Москва, 1904, I, 770; кузница Давида указывается на персидско-турецкой границе (около Сер-пуля), она усердно посещается сектантами «дауди» (потомки евреев, рассеянных после Вавилонского пленения), см. Ch. White, I, 183—184; но культ Давида широко распространен и в Малой Азии — у курдов-кочгири, см. Вл. Гордлевский, Из религиозных исканий в Малой Азии. Кызылбаши. Русская Мысль, 1916, № 11, стр. 82. О «дауди», как ответвлении али-илахи, говорит и A. Gobineau, стр. 328.

ахи-баба̀, джигит баши, старые мастера, что̀ скажете»? Мастера молчат, как-будто думают. Через минуту один из мастеров, из «слуг религиозной общины» («хадеме-йи миллет»), Атакчалы Мехмед-ага спросил: «Ну, как эти молодцы, искусны ли они в ремесле»? Взоры всех устремились на мастеров. Мастера отвечали: «Да, ага, они хорошо изучили ремесло». Вторично Мехмед-ага спросил: «Довольны ли вы своими подмастерьями»? Те еще раз подтвердили. Тогда «эркян-чауш» брал подмастерье за ухо и вел к джигит-баши, а тот — к мастеру, у которого подмастерья целовали руку. Джигит-баши спрашивал: «Ну, как, простил ты ему его прегрешения перед тобой»? («хаккыны хеляль эттин-ми»). «Да», — отвечал мастер. И так повторялось трижды. После этого джигит-баши объявлял, что такой-то подмастерье стал мастером. На глазах мастера и подмастерьев показались слезы. Подмастерья обошли почетных гостей, начав с шейха, и целовали руки, а те высказывали им благие пожелания. В заключение шейх совершил краткую молитву, а ахи-баба́ обратился к новым мастерам со следующими словами: «Дети, братья, вы должны выказывать начавшим за два часа до вас изучать ремесло старшим — почтение, младшим — любовь и сострадание; не лги, совершай в свое время молитву, не ешь запретного».[1] Торжество закончилось обедом, состоявшим из супа, пилава, зелени и «халвы» («ирмик хельвасы»).[2]

Весь тон обряда — нарочито религиозный, местами суфийский. Цех — не столько профессиональное объединение, сколько духовно-нравственное братство, построенное на иерархии, на ступенях,[3] строго подчиненное главе, шейху, которому принадлежит и право наказания непослушных, и все восходят к старцу-пиру, пророку Давиду.[4] Ясно, устав сложился давно;

---

[1] Подробная формула дана у Эвлия-челеби (I, 498). В Крыму формула наставительная несколько отличается: там мастер говорил: «Не запирай никогда своих дверей», Ф. Хартахай, стр. 173; Е. Булатов, стр. 151; здесь выражен, как будто, призыв к великодушию и щедрости, ср. бекташийские заповеди. P. Brown, The Dervishes. London, 1868, стр. 146.

[2] С. Г. Дзеруньян, которого я расспрашивал о цехах, мог мне только сообщить, что подмастерье, выпускаемый, подносит мастеру подарки (см. тоже в Крыму, у Е. Булатова, стр. 152; в Грузии — яблоко, начиненное мелкими деньгами. Уста-баш. Сборник газеты «Кавказ», издаваемый О. Константиновым. Второе полугодие 1846 года, Тифлис. 1847, стр. 258—262).

[3] Число чинов в цехах равно 7 (символическое число), но термины варьируют, см. Ch. White, стр. 196—197; ср. также у Е. Булатова («серчешмэ»); у кузнецов малоазиатских точно устанавливается всего пять чинов: ахи-баба, джигит-баши, эркян-чауш, уста, калфа, но виною тому, конечно, дефектность записи; быть-может, следовало бы включить еще — шейх или пир, кяхья; о должностях в цехах — см. также H. Thorning, стр. 99.

[4] К покровителям ремесл — пророкам и святым обращаются в Средней Азии и бакши во время сеанса, моля об исцелении больного. Н. Пантусов, Таранчинские бакши. Известия Туркестанского Отдела И. Р. Г. О., т. VI. Ташкент. 1907, стр. 82—83.

здесь обнаруживаются пережитки старого, векового ритуала.[1] Однако, ввиду очевидной недоговоренности корреспонденции, в детальный анализ всех ее элементов я не буду входить.

III

На религиозном фоне чина термин «ахи-бабá» поднимает значение описания. Теперь этот термин окаменел, содержание выветрилось или затушевано, а между тем, некогда, ахи действовали на территории Турции, и не скученно, а на большом пространстве. В Европейской Турции — в Адрианопольском вилайете — одна казá носит имя «Ахи-челеби», и жители ее отличаются мужеством.[2] В Ангоре, в мечети ахи Шереф-эд-дина хранится родословная, составленная отцом его, шейхом ахи Хисам-эддином Хусейном, скончавшимся 72-х лет от роду в 695 году хиджры,[3] т. е. при последних румских сельджукидах; из нее видно, что дед его (прадед?) также был «ахи» (ахи Исхак), т. е. в середине уже XIII века «ахи» были в Ангоре. В областях Ангоры и Сиваса у «ахи» были княжества; они играли там большую роль, но когда возвысился в Малой Азии род Османа, «ахи» постепенно отходят на второй план. Так, один «ахи», ахи Хасан (построивший теккэ) был сподвижником Османа.[4] Позже, воспользовавшись тем, что султан Мурад I (1359—1389) направился в Европу, караманский бей возмутил-было «ахи» ангорских, но в конце-концов «ахи» уступили цитадель султану.[5] «Ахи» потеряли самостоятельность, но они все-таки представляли силу и, борясь за власть, члены рода Османа, видимо, привлекали их на свою сторону. Так, жители Гермиянского княжества отправили к сопернику султана Мурада II (Мустафе) послов (среди которых были и «ахи»: «ахи» Якуб и др.), чтобы объявить ему, что они присягнули Мураду.[6] После этого «ахи» исчезают с политической сцены; «ахи» превращается в фамильное имя. В XVII веке (в царствование султана Мурада IV) муфтием был Ахи-задэ, пострадавший за смелое заступничество.[7] Но в Малой Азии, должно быть,

---

[1] Ср., напр., пережитки в христианской молитве при посвящении портного, заключающей обращение к Соломону. Л. Загурский, Поездка в Ахалцихский уезд в 1872 г. Записки Кавказского Отдела И. Р. Г. О., кн. VIII, стр. 26—27 (прим.)

[2] Ш. Сами-бей, «Камус-уль-алам», II, 806.

[3] A. Tevhid Bey, Les Achis à Angora. Revue historique, publiée par L'Institut d'Histoire Ottomane. Constantinople (1913), № 19, стр. 1202.

[4] J. Hammer, Histoire de l'Empire Ottoman. I, 157. См. теперь Историю Ашик-пашазадэ. Константинополь, 1332 г. х., стр. 29, 36.

[5] J. Hammer, I, 214, также A. Tevhid, стр. 1204.

[6] J. Hammer, II, 243. Ашик-паша-задэ, стр. 101.

[7] J. Hammer, IX, 217.

фамилия эта живет. В Конии одно время (в 1913 году) ответственным редактором газеты «Бабалык» был Ахи-баба́-задэ Юсуф Зия, потомок, стало-быть, ахи-баба́. [1]

Эпоха расцвета «ахи» в Малой Азии падает на появление там монголов. В смутное время, когда сельджукидское государство рассыпалось, и в Малой Азии всюду были монгольские наместники-насильники, — выдвинулась (в XIII веке) религиозная рыцарская организация (орден), которая исповедывала братство и гостеприимство. [2] Ибн-Баттута, [3] путешествовавший по Малой Азии в 1332 году, неоднократно бывал в «завия» (подворьях) «ахи», гостеприимство которых он неукоснительно превозносит, и говорит, что они стояли на страже свободы и убивали тиранов и их приспешников. [4] «Ахи» наводняли не только города, но и деревни («аль-карья») [5] Ибн-Баттута, как известно, по-османски не знал, и термины приводятся у него по-арабски, но, очевидно, арабские слова «аль-фата», «аль-фитьян» — эквивалент слова «джигит» (ср. термин «джигит-баши» — должностное лицо цехов); [6] возможно, что словом «аль-фата» невольно он передает и шиитский отпечаток, [7] а термин «футуввет» (молодечество), уцелевший в Крыму, как наименование, синоним цеха, содержит воспоминание об орденских обязанностях. «Ахи», главы братства, собирали вокруг себя ремесленников; у них тогда уже были цеховые знамена, музыка (Ибн-Баттута описывает процессию в Ладике во время байрама). Днем они работали, ходили грязные, оборванные, а вечером задавали роскошные пиры гостям и чужестранцам, — гостеприимство была первая орденская (цеховая) обязанность.

Постепенно функции цехов — организации общественно-политико-религиозной — сузились, цехи превратились в профессиональный союз. В стране водворилась сравнительно твердая власть османских султанов,

---

[1] Повидимому, по условиям момента, он опускает теперь родовое имя.

[2] A. Tevhid, стр. 1202.

[3] Voyage d'Ibn-Batoutah (Texte et traduction). Par C. Defrémery et B. R. Sanguinetti. Paris. 1854, II; перевод малоазиатских отрывков, с анализом, дан C. Defrémery (Voyage d'Ibn-Batoutah dans l'Asie Mineure. Paris 1851).

[4] Устав братства говорит о помощи угнетенным (см. H. Thorning, стр. 192) и, таким образом, предположение (единичное, см. там же, стр. 216), что это — «бид'а» (новшество), отпадает. В. В. Бартольд, Ислам. Петроград, 1918, стр. 64 и определяет «ахи», как «духовно-рыцарский орден, боровшийся против тиранов».

[5] «Ахи» были и в Крыму, — Ибн-Баттута упоминает, напр., Ахи Бычакчи (ножевщик) в Азове, принадлежавшего к влиятельным горожанам, стр. 368.

[6] P. Brown, стр. 77, перечисляя дервишеские ордена, упоминает и джигит-баши (Yagit-bashee), орден, основанный уже в Турции; необходимо было бы произвести доследование и определить, кого он разумел под ними.

[7] Ср. выражение «ла фата илла Али» (нет героя, кроме Алия), — выражение, обычно гравируемое на мечах, на оружии.

и «ахи» должны были распустить свои дружины, — освободить цехи, так сказать, от воинской повинности.

Однако, утратив политическое значение, «ахи» еще в XIV веке занимали видное место среди духовных организаций Малой Азии. Историк Ашик-паша-задэ, говоря о странствиях Хаджи-Бекташа, упоминает и «румских ахи» (اخیان روم).[1]

В XVII веке Эвлия-челеби, писателю наблюдательному, значение религиозное «ахи» было уже неясно, и он сообщает росказни народные,[2] что греки или: в Малой Азии (روم مابیننده) называют дубильщиков «ахи» (آهی).[3] Их «пир», ремесленник, ахи-баба́, проживавший в Кайсари, в эпоху сельджукидских султанов, явил однажды чудо, — стеной (اورن) задавив и обратив в бегство чиновников, требовавших с него «ушюр», и был прозван «ахи вуран» (آهی اوران) — «ахи разящий» или: «ах вуран» (آه اوران).[4] Могила его находится в городе Денизли.[5]

Рассказ Ибн-Баттуты от XIV века и современное описание XX века взаимно дополняют друг друга. Разбор устанавливает тесную связь или равенство между «ахи» и цехами; как тогда, так и теперь, цехи состояли из молодых людей, холостых. Жизнь цехов (руководимых «ахи») била ключем; они были богаты и смелы. Но только обряды-символы, сохранившиеся в Бордуре, говорят о былом величии цеха. А шестьсот лет тому назад, когда Ибн-Баттута посетил Бордур, город поразил его богатством садов и благородным великодушием местного братства «ахи».[6]

IV.

Использовав[7] или установив в Малой Азии цехи для политических целей, «ахи», после утверждения османского могущества, смолкают, — их

---

[1] Ашик-паша-задэ, стр. 205.

[2] Эвлия-челеби, I, 594—595.

[3] Т. е. آخی. Что-то слышал об этом и Ахмед-Вефик-паша (Словарь, I, 13—14); «ахи», — так называли (где, когда?) ремесленников, «пиров», а в другом месте (стр. 862), «аху-баба́» — старый волк! Сами-бей (Словарь, I, 24) хочет производить термин «аху-баба́» (почтенный старец) от «ак» (белый).

[4] Редактор Истории Ашик-паша-задэ, Али понимает прозвище этого ученого времени султана Орхана в смысле: стойкость, соответствие (стр. 200, прим. 3-е).

[5] Присутствовавший на заседании З. Навширванов напомнил мне легенду об «ахи» Эрване, родоначальнике «ахи», современнике Джеляль-эд-дина Руми (похороненном в Кыршехире). Ср. легенду об Эрване в Крыму. Е. Булатов, стр. 148—149 (имя, несомненно, стоит в связи со словом «реван»).

[6] C. Defrémery, стр. 18. Voyage, II, стр 265—266.

[7] «Ахи» могли застать в стране сложившийся цеховой строй; на это указывает, как-будто, то обстоятельство, что в цехи в мусульманскую эпоху входили (и входят) и христиане: армяне и греки, см. Е. Булатов, стр. 151—152, также С. Шюкри, A. Galland, стр. 120 (роль христиан в цеховых развлечениях на улице).

имя пропадает со страниц истории. Возникают вопросы: откуда же они взялись, и как они исчезли.

Строй общины, их расположение к шиитским именам (родословная, напр., Ахи Хисам-эд-дина восходит к Алию) обличают иранскую культурную волну в Малой Азии, еретическую с точки зрения ортодоксального суннитства. Исследователям (затрагивавшим, впрочем, вопрос мимоходом) «ахи» рисуются религиозным орденом, который требовал от членов великодушия — исповедания братства («ухуввет») и молодечества («футуввет»).[1] Так выражается османский историко-географический словарь, цитуемый А. Тевхидом;[2] видимо, этот взгляд разделяет и Тевхид. Г. Якоб, исходя из прозвища «ахи» шейха Ахи Мирим Хальвети, предполагает, что «ахи« перевоплотились в орден дервишей хальвети.[3] Но одно сочетание «ахи» и «хальвети», конечно, неубедительно. Фр. Бабингер, констатируя неизученность «ахи», видит в них шиитствующее образование.[4] Правдоподобнее мнение, брошенное В. В. Бартольдом,[5] что «ахи» в XVI веке, так сказать, всплывают во образе бекташи. Несомненно, что «ахи», как шиитствующий орден, уклоняются в ересь, и кое-какие черточки сближают «ахи» и бекташи (напр., термин «бабá»; безбрачие). Видоизменив, сообразно требованиям жизни, форму, бекташи пытались на протяжении веков влиять на политику страны. Они долго, до XIX века, сохраняли силу, благодаря янычарам, организация которых походила на организацию, с одной стороны, дервишей (см., напр., церемонию вступления в янычарские войска — баш-чауш хватал новичка левой рукой за ухо и ударял правой),[6] с другой, — ремесленников — янычары в мирное время занимались ремеслами (ср. также значение котлов во время обряда «реван» в Крыму).[7] Внешне, остроконечная шапка янычар напоминает шапки братства «ахи». Т. е. в янычарах как-бы отразилась схема «ахи». Во время мировой войны бекташи обнаружили воинственный

[1] Ср. древо молодечества («шеджере-йи футуввет») в Крыму: А. Самойлович, «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии». Серия II, № 2 (1913), стр. 57.

[2] A. Tevhid, стр. 1202.

[3] G. Jacob, Beiträge zur Kenntniss des Dervisch-Ordens der Bektaschis. Berlin, 1908, стр. 80 прим. 3.

[4] Fr. Babinger, Schejch Bedr-ed-din. Ein Beitrag zur Geschichte des Sektenwesens im altosmanischen Reich. Berlin-Leipzig, 1921, стр. 101 (Оттиск из Der Islam, Bd. XI).

[5] В. В. Бартольд, Турция, ислам и христианство. «Ежемесячный Журнал», 1915, № 2, стр. 76.

[6] Th. Menzel, Das Korps der Janitscharen (Оттиск из Beiträge zur Kenntniss des Orients. Bd. I) стр. 30—31. Ср. также Fr. Babinger (ZDMG), стр. 135, с прим. 3.

[7] Е. Булатов, стр. 144. И только ли из-за привилегий вступали ремесленники в янычарское войско (Th. Menzel, там же) и не было ли здесь старых реминисценций?

*

пыл; воскресив дух ордена «ахи»,[1] они поставили военный отряд из дервишей в десять тысяч человек. Разумеется, для окончательного решения все это — ничтожные мелочи; необходимо, с одной стороны, изучение цехов, с другой — религиозных орденов, и прежде всего — бекташи и их духовных питомцев — янычар.

Но где лежат корни братства «ахи»? Издатель Ибн-Баттуты, Дефремери, полагал, что община «ахи» порождена была культом гостеприимства; гостеприимство издавна так было распространено в Малой Азии, что создало ассоциации или братства — братство «ахи джигитов» («аль-ахийятуль-фитьян» — jeunes gens frères),[2] цель которых заключалась в том, чтобы давать приют путешественникам и чужестранцам.[3] Ремесленники, принадлежавшие к одному цеху, и молодые люди, холостые, соединялись и выбирали себе главу из «ахи». Но молодые люди, холостые, именно и составляли (да и составляют) кадр подмастерьев. Таким образом, для Дефремери братства «ахи» — институт, вызванный местными, малоазиатскими условиями.[4]

Однако шиитство «ахи» говорит, что на братстве отслоились иранские культурные элементы, братство легко пересажено было в Малую Азию (где для этого была благоприятная почва). Белый цвет головного войлочного убора «ахи»[5] (переданный, очевидно, и янычарам) говорит, насколько это вытекает из слов византийца Дуки XV века,[6] что — «ахи» были пришлый элемент: турки носили красные головные уборы, и цветом определялось, так сказать, этническое различие. Малоазиатские «ахи», естественно, напомнили Ибн-Баттуте братство «фитьян», процветавшее в эпоху халифа Насира (1180—1225);[7] на цехах (арабских) влияние братства заметно уже в XII веке.[8]

Толчок шел, все-таки, из Персии[9] и мог быть дан философским обще-

---

[1] Впрочем, и «мевлеви» участвовали в войне.

[2] На неловкости этого сочетания обратил внимание уже Сильвестр де Саси (в рецензии на перевод эксцерпта Ибн-Баттуты, С. Ли), Journal des Savants (Paris), 1829, стр. 482.

[3] C. Defrémery, стр. 6—7.

[4] Вcп. ἔρανοι, erani в Самсуне — религиозная община для взаимной помощи, отмеченная Плинием Младшим, см. С. Егиазаров, Исследования по истории учреждений в Закавказье. Часть II. Городские цехи. Казань, 1891, стр. XXII.

[5] Ibn-Batoutah, II, p. 264.

[6] Karl Dieterich, Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde. Leipzig, 1912. Th. 2, 35.

[7] H. Thorning, стр. 205.

[8] H. Thorning, стр. 211.

[9] У цехов в Туркестане (напоминающих религиозно-мистические ордена) «завия» Ибн-Баттуты соответствует «такия», т. е. теккэ дервишей. См. Сборник материалов по мусульманству. Составлен под редакцией В. И. Ярового-Равского. СПБ, 1899, стр. 31,

ством в Басре «ихван-ус-сафа» («верные братья»),[1] среди членов которого, между прочим, обычно было обращение «я ахи» («о, мой брат»).[2] Дервишески-интимный термин «ахи» перешел и к туркам.

Т. Ценкер регистрирует это слово в «восточно-турецком языке».[3] У себя в материалах нашел я запись со слов Хамди-задэ Абд-ул-Кадира (в Конии), который, характеризуя грубость речи Конийского вилайета, говорил, что в одной деревне вместо «кардаш» («брат») жители употребляют арабское слово «ахым» (т. е. мой брат — арабо-османское образование).

Когда «ахи», из философского общества в Басре, выросли в политическую силу, опиравшуюся на реальную почву — на ремесленников, — «ахи» значили уже «аян», т. е. вельможные, именитые граждане, богатые землевладельцы,[4] ибо они сосредоточили в своих руках большие участки земли (вакуфы).

Общество «ихван-ус-сафа», носившее франк-масонский отпечаток, склонное к тайной пропаганде, вмешивалось в политическую жизнь мусульманского мира,[5] и в период малоазиатских смут, когда народ, утомленный и разочарованный, тяготел к дервишизму, — «ихван-ус-сафа» захватили и цехи, посадив туда своих членов. И не только, конечно, в цех кузнечный, выделывавший оружие, т. е. то, что нужно им было для борьбы, но вообще, во все цехи.

Порядок, свидетельствующий о неизменности на Востоке и внешней формы, дожил до XX века. Эпоха римского владычества в Малой Азии застала уже клубы, объединявшие цехи, которые подготавливали восстания;[6] революционное движение и в Персии поддерживалось и направлялось цехами (во главе которых было духовенство). Регулируя на базарах торговлю, больше: грозя приостановить торговлю или, попросту, грозя забастовкой, — цехи (согласно указаниям духовенства) производили давление на правительство, и персидская конституция, — ее строй, отражает, собственно, строй цехов.

и, конечно, трудно предполагать, чтобы культурное движение (заимствованное) шло с запада, из Малой Азии на восток — в Среднюю Азию.

[1] А. Крымский, История арабов и арабской литературы. М. 1914, ч. I, стр. 148 передает: «верные друзья», отвергая обычный перевод.

[2] G. Jacob, Die Bektaschijje, стр. 6, прим. 3.

[3] Th. Zenker, Словарь, I, 19 (без указания примера и автора). Мне осталась недоступной статья J. Deny, который также считает слово «ахи» турецким в значениях: рыцарство, религиозная община, цех ремесленный (Fr. Babinger, o. c., стр. 135, прим. 4).

[4] J. Hammer, I, 398 (цитата из Идриса).

[5] А. Крымский, стр. 149.

[6] G. Grupp, Kulturgeschichte der römischen Kaiserzeit. München, 1903, I, 408—409.

Здесь, таким образом, перед нами широкая перспектива заманчивых (хотя и скользких) гипотез: как «ихван-ус-сафа», теоретики-философы, защищали активно политические, свободолюбивые, идеалы; как раскинули они сети в Малой Азии; и если это были «ихван-ус-сафа», куда они или «ахи» делись, и насколько современные цехи в Малой Азии сохранили следы «ахи».[1] Я пытался приподнять уголок завесы, но необходимо планомерное изучение цехов — этнографо-культурное и историческое.

Вл. Гордлевский.

---

[1] Как видно, Кёпрюлю-задэ М. Фуад («Тюрк эдебиятында ильк мютесаввифлер». Константинополь, 1918, стр. 393) готовит исследование об «ахи».

Записки Коллегии Востоковедов, II, вып. 2.
Mémoires du Comité des Orientalistes.

Древнеарабские контекстные формы в народном языке сирийского диалекта.

(Этюд по исторической грамматике вульгарно-арабского языка).

Настоящее исследование произведено на основании вульгарно-арабского текста «Ṭūlit il'umr», опубликованного E. Mattsson'ом в «Le Monde Oriental», VI — 1912, pp. 82—117, 206—231; VIII — 1914, pp. 16—57, 92—115; текст передает в фонетической транскрипции произношение христианского населения Бейрута и по своей точности является наиболее подходящим материалом для лингвистического исследования. Мы использовали, главным образом, первую часть.

При передаче слов в нашей работе мы пользуемся транскрипционной системой Международного Фонетического Общества (Association phonétique internationale) с некоторыми изменениями и дополнениями для звуков, специфических для арабского языка. Без изменения употребляются следующие знаки:[1] [m, b, ɱ (зубно-губной назализированный голосный смычный), v, f, r, l, n, d, t, z (= русскому з), s, ʒ (= русскому ж), ʃ (= ш), ŋ (заднеязычный назализированный голосный смычный), g, k, q, h]. Через [ɣ, x] мы передаем заднеязычные щелинные (голосный и неголосный), соответствующие арабским غ и خ. ع, ح и ء транскрибируются через [ε, ʓ, ъ]. Веляризованные переднеязычные мы обозначаем соответствующими литерами русского алфавита: [л, д, т, з, с]. [w] и [j] служат для передачи неслоговых [u̯] и [i̯]. Так поступать мы сочли себя в праве по той же причине, по которой Jespersen,[2] Vietor[3] и др. употребляют [j] для обозначения английского [i̯]. Таким образом, употребляемые нами для согласных знаки следующие: [m, b, w, ɱ, v, f, r, l, л, n, d, д, t, т, z, з, s, с, ʒ, ʃ, ŋ, g, k, j, q, ɣ, x, ε, ʓ, ъ, h].

[1] Транскрипция поставлена в квадратные скобки.

[2] В своем Lehrbuch der Phonetik.

[3] Elemente der Phonetik, 1898, § 80, Anm. 1. В § 41, Anm. 3 он, например, говорит о трифтонге [juw], т. е. [i̯uu̯].

Гласные мы передаем следующим образом: Нелабиализованные: переднеязычные [i, æ, a]; среднеязычные [ï, ë]; заднеязычные [ы, ɑ]. Лабиализованные: заднеязычный [u], среднеязычные [ü, ö]. Последние два знака стоят вместо ə Mattsson'овской транскрипции, соответственно тому, что он говорит в своих «Etudes phonologiques sur le dialecte arabe vulgaire de Beyrouth», p. 78.

Древнеарабские фатха, кесра и дамма передаются нами через [a, i, u] без отношения к возможным их оттенкам.

Прочие знаки: ̥ под буквою означает слоговую функцию данного согласного, например: [n̩bi:d] = «вино»; кружок под буквою указывает на отсутствие голосности, например: [b̥sæjni] = «кошка»; долгота передается следующим двоеточием, полудолгота — одной, например: [mæʃru·bæ:t] = «напитки».

---

1. а) Древнеарабские краткие [i] и [u], находясь в открытом, неударенном слоге внутри слова и в абсолютном конце, исчезли. Например:[1]

[ca:ʒibi:] > [cɑ:ʒbi] = мой друг;
*[ʃiribna:] > [ʃribnæ] = мы выпили;
[xajrajni] > [xæjræjn] = двойное благо;
[fataʒtu] > [fætaʒt] = я открыл.

б) Если благодаря выпадению гласного, предшествующий, ранее открытый, слог становится закрытым, то [i, u], которые могли бы находиться в означенном слоге, не выпадают. Например:

[ca:ʒibuna:] > [c·ɑʒëbnæ] = наш друг;
*[ʃiribu:] > [ʃirbu] = они выпили.

2. В других позициях [i] и [u] в нашем диалекте нормально не выпадают,[2] исключая тех случаев, когда данное слово, вследствие частого употребления, нередко в застывших фразах, претерпевает изменения, противоречащие общим законам развития данного языка (ср. Meillet, Введение в сравнительную грамматику индо-европейских языков, русский перевод, Юрьев, 1911, стр. 29), например: [ki:f cɑ:jr fi:k] «как поживаешь»; нормальная форма есть [cɑ:jir].

---

[1] Звездочкой мы отметили такие формы, которые, лежа в основе современных форм, не сходны с формами классического языка. Не желая возбуждать здесь этого вопроса, мы так поступаем лишь в случаях, не подлежащих сомнению.

[2] Формы вроде [ʒæjt] из [ʒa:ъit] следует считать за общевульгарное изменение: в нашем диалекте утеря долготы в закрытом слоге не происходит, исключая проклитических слов, вроде [ki:f] и т. п., гласные которых сокращаются, когда слово находится в слабой позиции, ср. § 3 в.

3. С другой стороны, если мы в настоящее время встречаем [i] и [u] в открытых, неударенных слогах, то это объясняется нижеследующими путями:

а) [i, u] репрезентируют слоговые [j, w], напр.:

[ʒakju] > [ʒaki] = разговор;

[ʒulwu] > [ʒëlu] = сладкое;

[juqi:m] > [iъi:m] = он поднимает;

[wila:jatu] > [ulæ:ji] = провинция.

б) [i, u] происходят от [i:,u:], сократившихся в открытом, неударенном слоге в абсолютном конце,[1] напр.:

[ȝammi:] > [ȝammi] = мой дядя;

[katabu:] > [kætæbu] = они написали.

в) В некоторых случаях такое сокращение происходит и в контексте: почти всегда это случается в относительных именах мужского рода во множественном числе, например: [libnæ:niji:n] = «ливанцы»; часто такое сокращение бывает в проклитических словах, например:

[ʃu cыftu] = каков его нрав;

[ʃi bint] = какая-нибудь девушка;

[fi bæjtu] = в его доме.

Параллельно с этими формами встречаются и формы с нормальными полудолгими гласными (если слово не ударено) и с долгими гласными (если слово имеет ударение). Это объясняется, вероятно, тем, что краткие гласные появляются в слабой позиции.

г) [i, u] находятся в заимствованных словах, напр.:

[muʒa:l] = невозможность (из литерат. яз.);

[ъurubbæ] = Европа;

[lisænsæ] = лицензия (из франц. яз.);

[kæmbju] = вексельный курс (из итальянск. яз.);

[bærki] = может быть (из турецкого языка);

множество слов по форме [ъiftiȝa:l], заимствованных из литературного арабского языка.

д) [i] происходит из окончания женского рода [atu] в абсолютном конце, например: [sikkatu] > [sikki] = «дорога».

е) [i, u] перенесены из других форм, где они закономерно сохранились, например: [bjiʒi:læk] = «к тебе приходит», по примеру [bjiʒi] = «он

[1] Такие [i, u] по качеству своему соответствуют долгим [i:(resp. ы:), u:]. То же самое надо полагать и о случаях § 3 а, 3 в (ср. для [i] Крымский, Семитские языки, ч. VIII—X, II изд., Москва 1912, стр. 406).

приходит»; [misiknæ] = «он нас схватил», по примеру [misik] = «он схватил».

4. Выпадение кратких [i, u] в открытом, неударенном слоге, о котором мы говорили выше (§ 1), является критерием для решения вопроса о том, сохранились ли старые контекстные формы, или же туда перенесены паузальные формы. Мы расследуем те случаи, где мы в праве ожидать сохранение конечных гласных, если бы в контексте сохранились старые формы. Мы рассмотрим отдельно глагольные формы (131 случай), именные формы мужского рода в status absolutus (100 случаев), именные формы женского рода в status absolutus, частицы (107 случаев), именные формы мужского рода в status constructus (38 случаев) и именные формы женского рода в status constructus (63 случая).

5. Глагольные формы (131 случай).

а) В 69 случаях гласный отсутствует:

[b̥tïъdir tъïlli] = можешь ли ты мне сказать;

[cɑ:r mnыддru:ri] = стало необходимым;

[næbæt l̥gëʃb] = трава выросла;

[dæfæʃ l̥mɑrɑд] = он отразил болезнь;

[ъaxad l̥ъïdri] = он взял котел;

[ʃirib l̥kæ:s] = он выпил рюмку.

б) В 59 случаях гласный имеется, однако, сохранение гласного нынешнего конечного (в таком случае открытого) слога указывает на незакономерность данного гласного. Например:

[lizim ilъæmr̥] = дело вынуждает; (старая форма дала бы [lizmilъæmr̥] с закономерным исчезновением второго [i] в [lizim], см. ниже в).

[tʒassanit ilʒa:li] = положение улучшилось;

[дɑ:ъït ilʒa:li] = положение стало стесненным;

[jilbis ilbürnæjtɑ] = он носит шляпу;

[bjïxrüb ïlbæjt] = он разрушает дом;

[nitrük ilblæ:d] = мы оставляем страну (страны);

[tiktüb ïlkittæ:b] = писцам приходится писать;

[n̥ʃækkil-ë-gmæ:lnæ] = мы разнообразим свои работы;

[igajjïт-ï-kti:r] = он много кричит.

в) Случаев наличия гласного с закономерным исчезновением гласного предыдущего слога имеется всего 3:

[n̥hæ:rʒ ilъɑwтɑ:n] = мы покидаем родные места;

[kæ:nt ilmaræ] = жена была;

[ʃæ:ft ilgëzzi] = величие (бога) увидело.

г) В виду вышесказанного мы считаем, что все глаголы имеют паузальную форму; где налицо гласный (§ 5 б), он частью перенесен из других мест (§ 11), частью объясняется правилами образования вспомогательных гласных.[1] Случаи, приведенные в § 5 в, мы считаем образованными по аналогии status constructus (§§ 9 г, 10 г).

6. Имена мужского рода в status absolutus (100 случаев).

а) В 91 случае гласный отсутствует:

[ssikr̥ bjьrъcuf] = пьянство ломает;
[ъæmæl kbi:r] = большая надежда;
[ʒa:kim bъi:du] = независимый;
[lъinsæ:n bjïъdir] = человек может;
[ъætær zɣi:r] = небольшая памятка;
[ъæktar mnilъislæ:m] = больше мусульман;
[ʃu: daxlæk lmæ:jid] = что такое, прошу тебя, маид;
[xcu:cɑn lmæ:l] = особенно деньги.

б) В 8 случаях гласный имеется, при незакономерном сохранении гласного предшествующего слога (см. выше § 5 б).

[ттыrııъ ïʃʃæri:fi] = честные пути;
[ttæʒammüs iddi:ni] = религиозный фанатизм;
[lmɑnɑ:зïr iʒʒæmi:li] = красивые виды;
[lɡwɑ:tïf iʃʃæri:fi] = благородные чувства;
[ʒɑ:cïl iljɑwm] = происходящий сегодня;
[ttæ:ʒir ilъæʒnæbi] = чужеплеменный купец;
[lwæ:ʒëd-i-nʃɑллɑ] = кто-нибудь, хотя бы он...

в) Наличие гласного при закономерном исчезновении гласного предшествующего слога мы имеем в одном лишь случае:

[ʒʒæra:jd ilʒörræ] = свободная печать.

г) На основании вышеприведенных примеров, мы, в отношении именных форм мужского рода в status absolutus, приходим к тем же выводам, что и относительно глаголов (§ 5 г), именно: перед нами паузальные формы; там же, где имеется на лицо гласный, он частью перенесен из других мест (§ 11), частью объясняется правилами образования вспомогательных гласных.[1] В примере § 6 в мы склонны видеть перенесение отношений status constructus (§§ 9 г, 10 г).

---

[1] См. E. Mattsson, Etudes, p. 100—103. К сожалению, он недостаточно точно их формулировал.

7. Имена женского рода в status absolutus.

В этих формах отпадение окончания [tu] служит наиболее ясным доказательством, что имена в status absolutus суть паузальные формы. Примеры приводить излишне.

8. Частицы (107 случаев).

а) В 61 случае гласный отсутствует:

[ъin l̥maræ] = что жена;

[maɕ zɣa:rhæ] = вместе с их молодыми;

[ki:f thællæl] = как заблестел;

[hæj l̥ъimmi] = это — нация;

[min l̥xamr̥] = от вина;

[ъin l̥xamræ] = что вино;

[ъin l̥fïъr̥] = что бедность.

б) В 6 случаях гласный имеется при незакономерном сохранении гласного предыдущего слога (§ 5 б):

[læ:kin ilmill] = однако «махотка» (вместо [sill] = чахотка);

[min irraʒül] = от мужчины.

в) В 40 случаях гласный имеется при закономерном исчезновении гласного предшествующего слога:

[mnin tku:n] = чем тебе быть;

[mnilɀъu:ъ] = от прав;

[mnirræʃwi] = от взятки;

[mnæjn] = откуда.

Мы видим, что повсюду дело идет о предлоге [min].

г) Мы приходим относительно частиц к тем же выводам, что и относительно выше рассмотренных категорий, именно: в контексте находятся паузальные формы. Исключение представляет из себя предлог [min], который, в некоторых случаях, где он образует новые наречия или предлоги с другими частицами, сохранился в контекстной форме. Однако, и сюда проникают паузальные формы: на ряду с формой [mnil...] мы встречаем [min l̥xamr̥] (§ 8 а] и [min irræʒül] (§ 8 б).

9. Имена мужского рода в status constructus (38 случаев).

а) В 13 случаях гласный отсутствует:

[næʒæ:ɀ blæ:dnæ] = преуспеяние нашей страны;

[zæmæ:n slæjmæ:n] = время Соломона;

[mïtwαccтыːn l̥ʒaːl] = средние слои населения;

[ʒidd l̥wæːʒëd] = чей-нибудь дед;

[xαтαr l̥mαwt] = угроза смерти.

б) В 12 случаях гласный имеется при незакономерном сохранении гласного предшествующего слога (§ 5 б):

[sæːlif izzæmæːn] = времена минувшие;

[mαcαːjib iddinjæ] = напасти света;

[тαbαːjëg ëlmikru·bæːt] = природные качества микробов;

[tlëgwük ilъækl̥] = пережевывание пищи;

[cαːlëʒ ëlwαтαn] = преуспеяние родины;

[bʒæːnib ïlbæjt] = возле дома.

в) В 13 случаях гласный имеется при закономерном исчезновении гласного предшествующего слога:

[gwæːjd ilblæːd] = обычаи страны;

[lαwæːzm issikkæːn] = потребности жителей;

[ъaraːjn ilъmuːr] = коньюнктура (мн. ч.) дел;

[ʒαwæːds ilkαwn] = новости мира;

[kitb ilъariːni] = списки амулетов;

[xaːrʒ ilbæjt] = вне дома;

[ʒæraːjd ilъislæːm] = газеты мусульман.

г) Здесь мы встречаемся с фактом наличия большого числа случаев, где имеется гласный при закономерном исчезновении гласного предшествующего слога, в то время, как они чрезвычайно редки при глаголе (3 на 131), при имени мужского рода в status absolutus (1 на 100), при имени женского рода в status absolutus (вовсе нет) и при частицах (только после [min]). Это обстоятельство дает нам право считать конструкции § 9 в за сохранившиеся старые. Примеры § 9 а показывают, что и в эту категорию начинают проникать паузальные формы. Вполне это проведено во множественном числе, где паузальная форма стала нормой, как видно из вышеприведенного примера [mitwαccтыːn l̥ʒaːl]. Наличие старых форм наряду с новыми дало повод к возникновению смешанных форм (§ 9 б).

10. Имена женского рода в status constructus (63 случая).

а) В 13 случаях наблюдается отсутствие гласного при сохранении окончания [it]:

[ʒaːlit blæːdnæ] = положение нашей страны;

[fыrcït γjæːb] = случай отсутствия;

[тαbxït m̥ʒæddæræ] = блюдо «мжаддары»;

[xa:bjit n̥bi:d] = кувшин вина;

[m̥daъъit l̥kibbi] = сечка (для приготовления) киббы;

[ʃaɣlit l̥bæ:l] = обременение мысли;

[ъalbit l̥kæ:s] = опрокидывание рюмки;

[тu:lit l̥gömr̥] = продолжительность жизни (ср. ниже [тu:lt ilgömr̥] с закономерным выпадением [i].

б) В 8 случаях имеется гласный при незакономерном сохранении гласного предшествующего слога (ср. § 5 б):

[кitrit iʃʃɑwъ] = многочисленность тоски;

[ʒku:mit ïccылтɑ:n] = правительство султана;

[ъɑ:cmït ïccɑлтɑni] = государственное имущество;

[lüъmit illёʒʒa:m] = кусок мясника;

[tirbjit ыттju:r] = разведение живности; ср. ниже закономерную форму [dæ:xli:t ilblæ:d].

в) В 42 случаях гласный имеется при закономерном исчезновении гласного предшествующего слога:

[ъarbagt iʃʒɑ:c] = 4 лица;

[ъïdr̥t ыттɑbʒ] = котел для приготовления пищи;

[тu:lt ilgömr̥] = продолжительность жизни;

[dæ:xli:t ilblæ:d] = внутренняя часть страны (из *[da:xilijitu] > [da:xilijt]);

[дɑʒы:t ilxamr̥] = жертва вина ($\sqrt{}$[дʒw] > [дʒj]);

[næъi:t ilъalb] = чистая сердцем ($\sqrt{}$[nqw] > [nъj]);

[sjæ:st ilblæ:d] = политические дела страны;

[sirъt ilgënæb] = хищение винограда;

[bɑ·тыlt ilъɑbɑ·ты:l] = суета сует;

[zjæ:tt ilxæjr] = увеличение блага.

г) Здесь мы наблюдаем полное преобладание форм старой конструкции над паузальными. Даже при отсутствии гласного мы имеем окончание [it], и поэтому мы считаем, что формы с отсутствующим гласным перенесены из таких мест, где за данным словом следовало слово, начинающееся одним согласным, напр. [bint ʒalæ:l] = «честная девушка»; в этом случае конечный гласный фонетически должен был исчезнуть.

11. Таким образом, мы видим, что только в status constructus сохранились старые контекстные формы, в других же случаях они были заменены паузальными формами. Последние начинают проникать и в status constructus (§ 9 г).

Я. Виленчик.

Записки Коллегии Востоковедов, II, вып. 2.
Mémoires du Comité des Orientalistes.

Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV.

ЧАГАТАЙСКИЙ ПОЭТ XV ВЕКА АТАЙ.

Продолжая использование архива незаконченных или неизданных моих работ, я выпускаю ныне в переработанном виде, как очередную часть[1] моих «Материалов», доклад, читанный 28 декабря 1922 года в Коллегии Востоковедов, об единственной доселе известной рукописи стихотворений поэта Атаи, о существовании которого ранее мы знали по сообщениям Неваи.

Среди временно хранящихся в Азиатском Музее рукописей оказался сборник в картонном футляре с кожаными краями и затвором. На затворе старый ярлычек с надписью: دیوان شیخزاده «Диван Шейхзаде», а на картонной части футляра другой, более крупный ярлычек и с совсем другой надписью по-русски старого времени: «№ 1. Турец. Стихотворения Névahi». Сама рукопись в простом, но изящном красном кожаном переплете. На первой странице слева (по европейской системе) запись старинным русским почерком «Въ знакъ памяти подарена Фатали Ханомъ Беглярь-Беки Тавризскимъ сего 1818 года Іюня 12 дня Князю Василію Бебутову».

В рукописи 76 листов формата 19 × 13 см. (текст без полей 13 × 8½ см.). На листе I a квадратная печать Фатх-Али и тонкой работы хорошими красками миниатюра с изображением охоты. Еще две миниатюры находим на листах 25 b (сцена угощения всадника на коне) и 62 b (встреча влюбленных в саду). На л. 1 b перед текстом заставка тонкой работы в красках с золотой надписью دیوان شیخزاده آتایی «Диван Шейхзаде Атаи». На последнем листе 76 b под текстом в рамочке с украшениями золотом пометка: تمت الکتاب دیوان شیخزاده اتایی احسن الله عواقبه «Кон-

[1] См. ЗВО XXII (1914 г.), стр. 127.

чена книга: диван Шейхзаде Атаи́, да сделает благим Аллах конец его дней». Имя переписчика и хронологическая дата отсутствуют. Все стихотворения заключены в золотые рамки и разделены между собой золотыми виньетками со словами «وله». На странице от 11 до 13 строк. На втором из двух дополнительных чистых листов в конце рукописи, на той-же странице, на которой имеется вышеприведенная русская запись, внизу приложена маленькая миндалевидная печать со словом صح «верно» между двух цветочков, из чего явствует, что список проверялся. Действительно, в рукописи встречаются исправления другой рукой и другими чернилами; целое полустишие на листе 43 a (1-ая строка снизу) переписано со значительным исправлением на полях, причем поправка сделана еще и в основном тексте (см. также л. 3 a, 4 a, 5 a, 7 b, 16 b, 22 b, 29 a, 36 b, 38 a, 39 b, 40 a, 51 b, 52 a и др.). На л. 19 b отсутствует одно полустишие, для которого оставлено место. Почерк переписчика — ясный, за исключением некоторых мест, но не калиграфический «насталик». Особенности письма те-же, что в Парижском списке стихотворений Бабура, т. е. характерные для рукописей XV—XVI веков. Правописание — среднеазиатско-турецкое с некоторыми уклонениями в сторону переднеазиатско-турецкого: حقدان вм. حقدين (4 a, 1 снизу), سيندان вм. سيندين (8 a, 4 сверху), ميكيك вм. مينكينك (8 b, 1 сверху), طاغ вм. تاغ (27 a, 5 снизу; 51 a, 5 сверху), باختى вм. باقدى (68 a, 3 сверху), خالونك вм. خالينك (59 a, 7 сверху), كيربوك вм. كيربيك (14 b, 7 снизу), دوشتى вм. توشتى (7 b, № 21, ст. 6).

Вышеприведенная приписка об окончании сборника относится ко времени жизни поэта, т. е. к XV веку, но относится ли к тому же времени и настоящая рукопись, или она является позднейшим списком рукописи, современной автору, доказать не умею. Допустимо предположение, что копия относится к XVI веку и сделана лицом, привыкшим к переднеазиатско-турецкому правописанию, может быть азербайджанцем сефевидской эпохи.

Диван состоит только из газелей, числом 260, расположенных в алфавитном порядке рифм, за исключением начальной газели, с рифмой ار ايلاكان — (л. 1 b). В конце каждой газели упоминается имя آتايى, за исключением газели № 82 (л. 24 b), в которой, очевидно, не достает последнего, седьмого стиха.

Неваи[1] упоминает Атаи́ наряду с Секкаки, Хайдаром Хорезмским, Мукыми, Якыни, Эмири, Гадаи, которых он считал второстепенными поэтами чагатайской литературы, не могущими претендовать на сопоста-

---

[1] محاكمة اللغتين, изд. Катремера, стр. 32.

вление с персидскими классиками, и сообщает о нем следующее:[1] مولانا آتایی بلخ‌دا بولور ایردی اسماعیل اتا فرزندلاریدین‌دور درویش‌وش و خوش خلق و منبسط کیشی ایردی ترکی‌کوی ایردی شعری اتراك اراسی‌دا کوب شهرت تابتی و بو مطلع انینك دور کیم

اول صنم کیم سو قیراغیندا پری‌تیك اولتورور
غایت نازُکلیکیندین سو بیله یوتسه بولور

قافیه‌سیدا عیب عینه‌سی بار امّا مولانا ترکانه ایتور ایردی قافیه احتیاطیغه مقید ایماس ایردی قبری بلخ نواحی‌سیدا دور — «Мевляна Атай пребывал в Балхе. Он из детей Исмаил-ата. Был человеком дервишествующим, добронравным, простым. Сочинял по-турецки. Его поэзия пользовалась большой известностью среди турков, и этот начальный стих — его (газель № 78):

Того кумира, который, подобно пери, сидит на краю воды,
Можно, из-за его крайней нежности, проглотить вместе с водою.

В его рифмах имеются очевидные дефекты, но Мевляна сочинял на турецкий лад и не заботился о рифме. Могила его в окрестностях Балха».

Хусейн Ваиз Кашифи сообщает в своем труде رشحات عین الحیات, как это отмечено в работах академика К. Г. Залемана[2] и проф. Кöпрюлюзадэ Фуада,[3] что Исмаил-ата был родом из Хузиана (между Сайрамом и Ташкентом) и являлся самым известным из преемников Сейид-ата в цепи последователей Ахмеда Есеви. Сейид-ата в свою очередь был учеником Зенги-баба, умершего в 656 г. х. (1258—9 н. э). Таким образом Исмаил-ата должен был жить в XIV веке. Из его сыновей особенно известен Исхак-ата,[4] которого упоминает и Неваи в своей переработке труда Джами نفحات الانس под названием نسایم المحبت من شمایم الفتوت. Заметка Неваи в том-же его труде, текст которой ниже приводится, об Исмаил-ата носит легендарный характер.[5] Упоминаемый в ней в качестве младшего брата Есеви и отца Исмаил-ата Ибрагим-ата по другим источникам является сыном Ахмеда Есеви, умершим при жизни отца.[6] Неваи пишет:[7]

---

[1] مجالس النفائس, рук. Азиатского Музея №а 281, лист 43а.

[2] Легенда про Хаким-ата. Известия Академии Наук, IX, № 2 (сентябрь 1898 г.), стр. 141, 106.

[3] تورك ادبیاتنده ایلك متصوفلر, Стамбул, 1918 г., стр. 108—109.

[4] Кöпрюлюзадэ Фуад, цит. труд, стр. 109.

[5] Другой интересный случай легендарного характера некоторых сообщений Неваи в том-же его сочинении отмечен проф. Кöпрюлюзадэ в т. I تورکیات مجموعه‌سی, стр. 255—7 (об авторе عیبة الحقایق Эдиб Ахмеде).

[6] Кöпрюлюзадэ Фуад, цит. труд, стр. 47 и 86.

[7] Рукопись Азиатского Музея № 580е из коллекции Петровского, новая копия, л. 346b. Отдельно об Исхак-ата л. 346b, о другом сыне Исмаил-ата Хусейн-шейхе л. 350.

اسماعیل اتا علیه الرحمة ظاهرا خواجه احمد یسوی قدس الله سره‌نینك ابراهیم اتا اتلیغ اینی‌سی‌نینك اوغلی‌دور و خواجه‌نینك مریدی و نظر قیلغاندور انکا مرید و اصحاب کوب بولوبتور کرامات و مقامات و خوارق عادات بی نهایت و یاشی یوزکا یاقین و اولادی اون یته یا اون سکیز بار ایردی و عالم‌دین اوتاردا اولادی آراسیدین اسحاق اتانی اوز قایم مقامی قیلیب عالمدین اوتوبتور — «Исмаил-ата (да будет над ним милость божия) является, повидимому, сыном младшего брата ходжи Ахмеда Есеви (да освятит бог его тайну) по имени Ибрагим-ата и учеником ходжи, которого он видал лично. У него было много учеников и сподвижников. Чудес, подвигов и сверхъестественных явлений (у него) было без конца, и возраст его приблизился к ста годам, а потомство у него было в семнадцать или восемнадцать душ. Покидая мир, он назначил своим преемником Исхак-ата из своих сыновей и скончался».

Поэтическое имя «Атаи́» (آتایی) свидетельствует о том, что носитель его действительно принадлежал к потомкам туркестанских отцов-мистиков. Жил он в XV веке при тимуридах, из коих в его стихотворениях упоминаются: Абдуллятиф—сын, убийца и преемник Улугбека (см. последний стих газели № 97, л. 29), Алауддоуле—сын Байсункара и внук Шахроха (последний стих № 193, л. 57) и Мухаммед Джуки, сын Шахроха, правитель Балха (последний стих № 153, л. 45 b), имена коих находим и в стихотворениях другого, более, чем Атаи́, известного чагатайского поэта Лютфи.[1]

Из 260 газелей самая крупная по размеру № 1, в которой 11 стихов. Преобладают газели из 7 стихов, много газелей из 5 стихов, изредка попадаются в 9 стихов (7, 35, 41, 141, 226 и др.). Упоминавшаяся выше газель № 82 имеет одна четное число стихов — 6 и является, повидимому, дефектной (отсутствует 7-ой стих с именем поэта). Стихосложение квантитативное. Основные принципы стихосложения применительно к турецким словам те-же, что у Юсуфа хасс-хаджиба в XI веке и у Абду-с-Саттар-казы в XIX, т. е. закрытые слоги — долги, открытые — кратки и долги, закрытые слоги на конце слов могут обращаться из долгих в краткие путем отнесения конечного согласного к следующему слову, начинающемуся на гласный.[2] Бывают случаи, когда, как и в некоторых стихотворениях, например, Бабура,[3] закрытые турецкие слоги принимаются аналогично с закрытыми персидскими слогами, имеющими внутри долгий гласный, за

[1] Его произведениями по статье А. З. Валидова пользовался В. В. Бартольд в своем труде «Улугбек и его время» (Зап. Ак. Наук, сер. VIII, по Ист.-Фил. Отд., том XIII, № 5, 1918 г., см. указатель имен).

[2] См. мою работу «Книга рассказов о битвах текинцев» (1914 г.), стр. 057—067.

[3] Мое издание «Собрание стихотворений императора Бабура» (изд. Фак. Вост. Языков Петроградского Университета, № 44, 1917 г.).

более чем долгие (так предпоследний закрытый слог во всех рифмующих турецких словах газели № 243 на л. 71 b от باشنى до تاشنى принимается за более чем долгий: - ⌣ -). Но встречаются и обратные случаи, когда в персидских и арабских словах более чем долгие слоги принимаются, аналогично закрытым турецким слогам, только за долгие: خوبلار - - (№№ 1, 7, 20 и др.), جراغدين - - - ⌣ (№ 94), رقيبلارغه - - - - ⌣ (№ 212), а долгие открытые, тоже по аналогии с открытыми турецкими слогами, — за краткие: جانيم - ⌣ (№ 120). В газели № 184 (л. 54), стих 1-й, слово «Хызр» خضر должно читаться в угоду метру по народному произношению «Хызыр».

Любимейшим метром Атаи, как и Бабура[1] и многих других поэтов, является رمل مثمن مقصور, встречающийся на 260 газелей 109 раз; второе место занимает هزج مسدس محذوف, стоящий у Бабура на четвертом месте и примененный Атаи 62 раза; третье место принадлежит مضارع مثمن اخرب مكفوف مقصور (محذوف) (30 раз; у Бабура — восьмое место); четвертое — هزج مثمن اخرب مكفوف محذوف (29 раз; у Бабура — девятое место); пятое — هزج مثمن سالم (11 раз; у Бабура — второе место); шестое — مجتث مثمن مخبون مقصور (6 раз; у Бабура — одинадцатое место); седьмое — هزج مسدس اخرب مقبوض محذوف (3 раза; у Бабура шестое место); восьмое — رجز مثمن مطوى مخبون (3 раза: №№ 27, 59, 127; у Бабура этот вид раджаза не встречается); девятое — مجتث مثمن مخبون مقطوع (2 раза; у Бабура — пятое место); пять метров встречаются по одному разу: 1) رجز مثمن سالم (№ 10; у Бабура нет); 2) مجتث مثمن مخبون (№ 22; у Бабура нет); 3) خفيف مخبون محذوف مقطوع (№ 76; у Бабура 2 раза); 4) رمل مسدس محذوف (№ 85; у Бабура 12 раз); 5) هزج مثمن اخرب (№ 205; у Бабура 3 раза).

В большинстве газелей рифмы сопровождаются редифами несамостоятельными или самостоятельными.[2] Последние бывают в 1—2 слова, но встречаются и более длинные. Примеры:

سين‌سيز بو جهان عيشى الم — دور منكا اى دوست № 23 (л. 8)
شادى‌ليغى هم محنت و غم — دور منكا اى دوست
هجر بينكدا بيكيم آه — ديكوم‌دور داغى اولكوم № 136 (л. 40 b)
ياد ايلاكيل اى شاه — ديكوم‌دور داغى اولكوم

[1] Мое издание, стр. 20.
[2] См. «Книга рассказов о битвах текинцев», стр. 073.

*

№ 204 (л. 60) شها بيزكا نظر — قيلسانك نى بولدى
كدانى معتبر — قيلسانك نى بولدى
№ 232 (л. 68 b) كونكل وصال ايله افتنى — كورمكان تيك ايدى
ييراقليق ايجره مسافتنى — كورمكان تيك ايدى
№ 248 (л. 73) اى عارضى شمس و قمريم — نيتى نى بولدى
وى تيشلارى درّ و كمريم — نيتى نى بولدى

Исключительно турецкие слова рифмуют в 8 газелях, которые я здесь издаю (№№ 19, 46, 64, 130, 132, 181, 212, 217). Турецкие слова преобладают в рифмах 14 газелей (№№ 15, 18, 28, 75, 78, 92, 98, 111, 134, 172, 179, 240, 243, 245), из коих я издаю одну (№ 28). В остальных газелях, т. е. в большинстве среди рифмующих слов преобладают персидские и арабские. Примеры на игру рифмующих слов находим в газели № 130 (л. 38): آتايم «выстрелю-ка я», آت آيم «стреляй, мой месяц», آتايم «мой Атаӣ». Отсутствуют рифмы, оканчивающиеся буквами: ث, خ, ذ, ص, ض, ط, ظ. Мало газелей, рифмы коих оканчиваются буквами ب (4 газели), ت (5), ج (2), ح (2), د (5), ز (1), ش (1), ع (1), غ (1), ف (3), و (2).

Язык Атаӣ — чагатайский, т. е. литературный среднеазиатско-турецкий, оформлявшийся в XV веке на смену языка уйгурского, употреблявшегося еще в XIV веке (Кысасу-ль энбия), с незначительными архаизмами уйгурского характера и с более значительными элементами «огузско-туркменскими», свойственными специально стихотворному чагатайскому языку в отличие от прозаического. Присутствие этих элементов, которые мы находим в известной степени и в стихотворных произведениях не только Лютфи, но и Неваи, Бабура и других, должно объяснять главным образом влиянием переднеазиатско-турецкого литературного языка на чагатайский в период его формирования. Произведения Атаӣ и Лютфи дают стихотворный чагатайский язык в той стадии его развития, которая предшествовала литературной деятельности Неваи. Переднеазиатско-турецкий литературный стихотворный язык в свою очередь складывался в сельджукидскую эпоху на туркменизованной уйгурской основе, как это явствует из так называемых «сельджукских стихов», а позднее испытывал на себе некоторое чагатайское влияние. Поэтому в обоих языках, чагатайском и переднеазиатско-турецком, представленных ранними стихотворными памятниками, мы находим некоторые общие архаические элементы. Примеры на архаизмы языка Атаӣ:

ازون «мир» (№ 105, стих 6, л. 31 b). Это слово встречается в мусульманскую эпоху в Кутадгу-билиг, у Рабгузи (примеры в словаре Радлова, I, 526), Мир-Хайдара, Лютфи (примеры в словаре Абушка, стр. 9); в диване Бабура нет.

اوش «вот» (№ 151, стих 3, л. 44 b; № 162, стих 3, л. 48 a). См. Кутадгу-билиг, Махм. Кашгарск. (I, 40), Мир-Хайдар: Махзан (изд. Паве-де-Курт., 68, строк. 5), егип.-кыпч. Хосров и Ширин XIII в.; в стихах Бабура нет, в прозе в соединении с موجه (Паве-де-Курт. 65), у Фузули (Паве-де-Курт. 65); اوشته «вот» (№ 8, стих 2, л. 3 b).

اوكوش öкӱш «много» (№ 227, стих 6, л. 67 a). См. Махм. Кашг. (I, 60), Кут.-бил., Рабг. (Радлов, I, 1812), сельдж. стихи (статья Радлова, стр. 42); в стихах Бабура нет.

ايدكو «добрый, благочестивый» (№ 123, стих 5, л. 37 a). См. Махм. Кашг. (اذكو — I, 104, 115), Кут.-бил., Рабгуз. (Радлов, I, 844), Мирадж-намэ (изд. Паве-де-Курт., стр. 15, строка 4 сн. اِنْكو); у Бабура нет.

قاموق «все» (№ 20, ст. 1, л. 7 a; № 210, ст. 6, л. 62 a). См. Махм. Кашг. (I, 314: قمغ), Кут.-бил. (Радлов, II, 488: чит. kамуꝗ), Рабгузи (ibid. 489: قاموغ), Абушка (قاموق без цитаты, стр. 324); в стихах Бабура нет. Сельджукские стихи قمو (Радлов, стр. 44).

قودق «колодезь» (№ 53, ст. 4, л. 16 a). См. Кут.-бил. (Радлов, II, 1002), Тезкере-и-эвлия (изд. Паве-де-Курт., стр. 45, строка 6 сверху); в языке Бабура нет.

اداق «ноги» (№ 27, ст. 5, л. 9 a). См. Махм. Кашг. (I, 63), Кут.-бил., Рабгузи, Бабур-намэ (Радлов, I, 477—8). Абушка и Паве-де-Курт. значение «нога» не приводят.

اينجو «наемник» (№ 13, ст. 3, л. 5 a; № 79, ст. 3, л. 23 b). См. Неваи (Абушка, 82); «удельное владение» (№ 219, ст. 1, л. 64 b).

توار «имущество» (№ 43, ст. 3, л. 13 b). См. Кут.-бил. и чагат. язык без указания памятников (Радлов, III, 985; Паве-де-Курт. 219). Выражение Атай مال توار встречается в сельджукских стихах (Радлов, стр. 19, стих. 4; Залеман, стр. 183, стих. 4; в истории Ибн-Биби, изд. Хоутсма, стр. 9, строка 12). Ср. уйг. нең-тавар (Слов. Радлов, III, 966).

قيا kыjа «косой, вкось» (№ 59, ст. 2, л. 17 b; № 98, ст. 1, л. 29 a и др.). См. словарь Сулеймана Бухарского (стр. 243) с чагатайским примером; в словаре Радлова (II, 710) ссылка на Ценкера не точная (см. Ценкер, 725 и 730). Ср. в сельджукских стихах كيرو قيا (Радлов, 24, стих 115).

بيكين «как, подобно» (№ 6, стих 3, л. 3 a; № 11, ст. 7, л. 4 b, где в стихе 2-м كيبى; № 21, ст. 5, л. 7 b и др.). См. Мир-Хайдар, Лютфи

(Абушка, стр. 144); у Бабура в стихах нет; в переднеазиатско-турецком بکی (сельджукские стихи, Радлов, 56 со ссылкой на Флейшера; Залеман, 235 со ссылкой на чаг. بیکین; сельджукская хроника Ибн-Биби, изд. Хоутсма, стр. 14, строка 20).

دیکول «не» (№ 59, ст. I, л. 17 b, дважды). См. Мир-Хайдар: Махзан (изд. Паве-де-Курт., стр. 68, стих 1 снизу; 77, стих 7 сверху; 82, стихи 4 и 5 снизу: تاکول), Паве-де-Курт. без цитат (стр. 319). Сельджукские стихи (Радлов, 51: داکل, دکل).

دیلو «безумный» (№ 159, ст. 5, л. 47). Сельджукские стихи دلو (Радлов, стр. 51).

Сообщая выше о правописании, мы указали уже некоторые переднеазиатско-турецкие черты. К этому можно добавить такие формы, как مینوم вм. منینك (31 a № 104, ст. 4), как дательный падеж на «а»: یاره «другу» (№ 194, ст. 4), بوحاله «в это положение» (№ 196, ст. 6), سجوده وجوده (№ 185, стихи 1, 5), اوزکالاره (№ 164, ст. 3), причем эти формы дательного падежа закреплены метром; такие слова, как کیبی (№ 11, ст. 2, л. 4 b), اولق вм. بولاق (№ 17, ст. 2, л. 6 a).

В образных выражениях Атаи встречается немало личных имен и названий городов, стран и народов. Страны и города: Туркестан (№ 116, л. 34 b), Мазандеран, Индустан, Кашмир, Хотан, Герат (№№ 125, 140, 187, 206), Кабул (№ 211), Ирак, Исфаган, Рум, Китай, Египет.

Из личных имен, кроме вышеупомянутых тимуридов, мусульманских пророков и героев персидского эпоса, встречаются خجندی (№ 255, ст. 7, л. 75 b: اتایی شعری نینك لطفینی بیلسه * لطافت‌نامه‌دین کیچکان خجندی), فردوسیٔ طوسی (№ 36, ст. 5, л. 11 b).

В газели № 147 (ст. 4, л. 43 b) упоминается сочинение منطق الطیر. Из этнических имен отметим:

1) монголов — مغل ، مغول ، مغولانه (№ 57, ст. 3, л. 17 a; № 62, ст. 5, л. 19 a; № 220, ст. 6, л. 65 a);

2) татар — تاتار (№ 118, ст. 8, л. 35 b: مشك تاتار; № 157, ст. 5, л. 46 b; № 222, ст. 4, л. 65 b: نافهٔ تاتار). См. Залеман, Noch einmal die Seldschukischen Verse, стр. 230;

3) турков — ترك ، ترکانه (№ 70, ст. 4, л. 21 b; № 82, ст. 4, л. 24 b; № 109, ст. 2, л. 32 b).

4) чагатай — جغاتای (№ 220, ст. 6, л. 65 a);

5) узбеков — اوزبیك ، اوزباك (№ 56, ст. 4, л. 17 a; № 109, ст. 4, л. 32 b; № 220, ст. 6, л. 65 a);

6) русских — اوروس (№ 208, ст. 2, л. 61 a: بیر اوروس قول بیش ایماس دور خسرو سیاره‌سی).

В газели № 56 (ст. 4, л. 17 а) встречается племенное имя Кыят — قيات, повидимому, в нарицательном значении «династический, владетельный род»: بو خان اوروغى قايسى اولوس‌نينك قياتيدور — «Этот ханский род какой страны владетельным родом является?» (См. словарь Абушка, стр. 331).

Турецкая пословица XV века также находит свое место в газелях Атаи́. Нижеследующие пословицы известны у ряда турецких племен поныне:

1) يخشى‌ليق قيل سال سوغه «сотвори добро и брось в воду» (№ 8, ст. 4, 3 b; № 75, ст. 3, л. 22 b).

2) كيشى بال توتسه بارماغين يلار «если человек держит мед, то облизывает свои пальцы» (№ 75, ст. 4, л. 22 b).

В этнографическом отношение заслуживает внимания упоминание турецкого названия русалки — سو قيزى «су kызы» (водяная дева) в газели № 78, стих 4-й (л. 23 b). Словари знают это выражение только в значении «пиявка» (Радлов, IV, 753). Автор говорит: «теперь я узнал: вероятно, это правда, своими глазами видал я ту, которуют называю водяной девой и которая иногда показывается на глаза». В начале газели это существо названо по-персидски پرى «пери». В известной ногайско-казацкой былине про Едигея также упоминается русалка, которая в версии Чокан Валиханова, изданной Мелиоранским,[1] называется просто قيز «kыз» — «дева» (стр. 2—3); вместо нее в крымско-ногайской версии Радлова (т. VII, стр. 198, 1 строка снизу) находим «пäрі» без упоминания воды. В казацкой версии из собрания А. А. Диваева[2] в соответствующем месте упоминается превращение в лебедей трех الله پيرينڭ قزدارى. В башкирских сказках солнце появляется в виде «красной водяной девки».[3]

Не входя в более детальное рассмотрение газелей Атаи́ со стороны литературной, для чего пришлось-бы после критического их издания обратиться к изучению их сравнительно с газелями персидских поэтов, служивших для Атаи́ прямыми или косвенными образцами, я ограничиваюсь изданием, насколько это возможно при единственной и притом не вполне исправной рукописи, 17 его стихотворений, интересных или в отношении метра, или по своим рифмам или, наконец, по содержанию.

---

[1] Приложение к XXIX т. Записок Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографии «Сказание об Едигее и Тохтамыше», 1905 г.

[2] قازاق — قرغز بلم قوميسياسى. ابو بكر ديوايفدڭ جيناغان سوزده‌رى. باترلار. جيتنچى بولم مرزا ايديگه. تاچكه‌ند. ۱۹۲۲ جل Стр. 4—5.

[3] Руденко, Башкиры, ч. II (1926 г.), стр. 299. См. еще Потанин, Дочь моря в степном эпосе (Этнографическое обозрение, 1892, кн. I).

№ 1.

اي كه خوبلار[1] كوزكوسينده اوزين اظهار ايلاكان
هم اوزى اول كوزكوكا باقيب مينى زار ايلاكان
نركس عيارهلاردا كفر و ايمان كوركوزوب
قدرتى بير غنچهدين هم خار و كلزار ايلاكان
طرهسى طرارلار مشكين عبيرى لطفىدين
انفعال نافۀ چين بيرله تاتار ايلاكان
سرو قدلار زلف و خالين دانه و دام ايلابان
عاشق بيچارهنينك كونكلين كرفتار ايلاكان
حسن باغيندا بويى شمشادلارنينك شوقيدا
اهل دللار خاطرين غمكين و غمخوار ايلاكان
غمزهسى غمازلارنينك كير بيكين نشتر قيليب
خستۀ مجروحلار بغرينى افكار ايلاكان
أى[2] يوزلوك زهره كوزلوك زلفى يلدا كونكلىنينك
مهرينى كم جورينى بسيار بسيار ايلاكان
بيروبارى كيم صنملار اغزينى سوز سوزلاتيب
صنعيدين هربير نفسدا يوقتين[3] بار ايلاكان
ليلة المعراج قاشينده ايكى يا كيلتوروب
قاب قوسين اتحاديدين خبردار ايلاكان
دين و ايمانيمدين أييرمه دم اخر مينى
اى صنملار زلفينى بيليمكا زنار ايلاكان
قيل اتابىنينك يوزين[4] آل عبا چينيندين أل
اى محمدنى ايكى عالمده مختار ايلاكان

---

[1] Метрически это слово читается: — — (хублар). Ср. № 109, стих 4, где: — ᴗ —.
[2] Метрически читается: ᴗ —.
[3] Метрически это слово читается: — ᴗ —.
[4] Рукопись здесь попорчена, и я читаю по догадке.

№ 10.

ای کونکلوم آلغان دلربا جانیم فدا بولسون سنکا
آب حیات خضر ایله عمربقا بولسون سنکا
قیلسام نصیحتنی کنه قان توکمه دیب سوکتونک مینی
هر بیر سوکونجونک اورنیدا یوز مینک دعا بولسون سنکا
هر نیچه کیم جور وجفا قیلدینک منکا بو دنیادا
محشردا لطف و مرحمت حقدان عطا بولسون سنکا
کرچه رقیب مدعی هر دم خوارجلیق قیلور
همراه و همدم همت آل عبا بولسون سنکا
سورسانک اتایی خستهنی که کاه بخشی ات اوجون
ای شهسواریم تا ابد شهلار کدا بولسون سنکا

№ 19.

نی روا بولغای بو کیم محراب ابجینده اولتوروب
اولتورادور مین دعاجینی کوزونک باقیب توروب
بیر تویا کورکای مو مین دیب طلعتینکنی تولون آی
تونکلوکونکده اولتورور تا صبح مین دیک تیلموروب
تیشلارینک دیک دانهٔ عمان ابجیندا تابادی
هر نیجا کیم ایستادی مسکین صدف اغزی قوروب
نیجا زنجیر ایلاسام کونکلوم اوبی‌نینک ایشیکین[1]
نیلایین قاندین کیلور زلفونک خیالی باش اوروب
جوهر روحی کیم اصلین بیلمادی اهل کلام
بنده بیر سوز بیرله ناکه بیلدی اغزینکدین سوروب
کیریبکینک ناوکلاریندین ساقلانور کونکلوم ولی
بیر آتیب یازماس نشانین ایکی عیارینک جوروب

[1] Рукопись: ایشی کین.

غایت[1] بیلماسلیکندین مدعی کافر بولور
کر سجود ایلار آتایی سیزکا حق نوربن کوروب

№ 22.

کوزونك خیالیده یوقتور بلادین اوزکا مصاحب
وصالینك ارزوسیدا هم دعادین اوزکا مصاحب
صبا کیتورکالی زلفونك نسیمیدین بویی
کونکل تیلامادی هرکز صبادین اوزکا مصاحب
نیجا که ایستادی درد و غمینك مصاحب و یاری
ولی تابیلمادی بو مبتلادین اوزکا مصاحب
کوزونك نی طرفه انیجی قراقجیدور که همیشه
قاشیندا یوقتور انینك اوق و یادین اوزکا مصاحب
کونکلنی تیغ بلا بیرله باره باره قیلایین
اکر توقع ایتار دلربادین اوزکا مصاحب
ایتینکا هر کیجه تا صبحدم ایشیکتا یاتوردا
قانی که سر بسر اینکای کدادین اوزکا مصاحب
اتایی کوزلاریکا یار خاك راهینك ایرور
که کوزکا لایق ایماس توتیادین اوزکا مصاحب

№ 28.

بوزونکنی ای ملاحت خانی بیر آچ * تویا کورسون سینی بو مستحق اچ
نیتای مین غمزانك ایلکیندین که هر دم * تیکار جانیمغه کوز کونکلومنی ألغاج
کلستاندا جیقار بیراهنینکنی * صبا تیك غنجه بیرله اوینا سوباج
بنفشه قیلسه زلفونك بیرلا دعوی * ایکیلدی بوینی ییل دین کوب یبدی کاج
تیلارانك کیم جهان أشفته بولغای * زمانی سنبلونکنی کل اوزا ساج
قرا ساجینك کونکلکا کیلسه دیرمین * قراریمغه که بات بول باشینك آل قاج
اتایی سیوکالی أهو کوزونکنی * آنی صید ایتمادی هیج کوزی قیماج

---

[1] Судя по метру, чит. «ḫajäti» (— ᴗ —). См. еще № 78.

№ 46.

یوزونك تا بردەدین ظاهر بولوب تور * صنم‌لار حسن دعوی‌سین قویوب تور
زهی عشرت سنینك اوسروك كوزونكا * كه كلزار ایجره خوش مجلس توزوب تور
شكر اغزینك قاشیندا لعلكانین * مینكینك هندولاری ساقلاب توروب تور
تلاشمیش غنجه اغزینك بیرله تارلیق * صبا اغزینه اغزینه اوروب تور
اوتا جیقتی بغیردین تیر غمزانك * ولی بیكانی جانده اولتوروب تور
فراقینك‌نینك مكر كیم جانی یوقتور * مینی سین‌سیز تیریك مونداق توتوب تور
اتأییغه ییماك ایجماك كیراكماس * كه هجرینك ایلكیده جاندین تویوب تور

№ 59.

ای بیكیم اوشبو یوز دیكول شمس بیلا قمرمودور
ای بیكیم اوشبو سوز دیكول شهد بیلا شكرمودور
كوز اوجیدین قیا قیا شیوه بیله باقیشلارینك
جان تمورین قیار اوجون تیغ مو یا نظرمودور
باد صبا كه كیلتورور جانغه ساجینك نسیمینی
شهر صبانینك ایلجیسی هدهد خوش‌خبرمودور
زلف معنبرینك كیم اول كوزدین اوجار اوزون كیجا
سرو سهی‌نینك اوستیدا زاغ و عبیر ترمودور
زاری و ناله كم قیلای راست آییت ای[1] باسبان
ایتلارینكا بو نالەدین هر كیجا ذرد سرمودور
لعل لبینك خیالیدین بیر كذر ایلاییین دیدیم
جان عزیزدین ولی آدمیغه كذر مو دور
سورسانك اتایی حالیدین نیتی ای بادشاه حسن
لطف و كرم كداییغه تینكری اوجون ضررمودور

---

[1] Метр мунсарих требует здесь краткий слог.

№ 64.

ایا سمین بدنلیك آل منكیزلار * اكر جانیم كیراك الینك منكیزلار[1]
كدابیم بیر نواغه بیتكای ایردیم * اكر عشاق قدرین بیلسانكیزلار
.... * مثل بار كیم دیكانلارنی دینكیزلار
جفادین یوز اویورماس سیزنی سیوكان * ولی هم بیر یولی اولتورمانكیزلار
فراقینكدا كوزوم سرجشمه‌سیندین * كورارمین هر قیان باقسام تینكیزلار
محبلار عشق خوانیندین همیشه * بغیر قانین ابجیب هم غم بینكیزلار
خرامان اوتسه هر یولدین اوشول ای * اتایی خاكین انده ایستانكیزلار

№ 78.

اول صنم كیم سو یقاسیندا پری تیك اولتورور
غایت[2] نازكلوكیندین سو بیلا یوتسا بولور
تا مكر كیم سلسبیل أبینه جولانی قیلا
كیلدی جنت روضه‌سیندین آب كوثر ساری حور
اول ایلیك كیم سودین اریق تور یوماس أنی سودا
بلكه سونی باك بولسون دیب ایلیكی بیرلا یور
ایمدی بیلدیم راست ایرمیش بلكه كوردوم كوز بیلا
اول كه دیرلار سوقیزی كه كاه كوزكا كورونور
قاشلارینك یاسین اتایی كوركالی حسن ایجره طاق
صبحدم محرابلارده سورهٔ یاسین اوقور

№ 97.

ساقیا كیلتور قدح كیم بولدی وقت كل لطیف
نركس سیراب سرخوش نغمهٔ بلبل لطیف
جار طاق سرو اوزا قمری قیلور كوینده‌لیك
دیر صراحی هم عربجه قمریغه قلغل لطیف

---

[1] Второе полустишие мне непонятно.

[2] Судя по метру читается: ḫajätï. См. еще № 19.

توشسه مشکین ساچلارینک باد صبادین یوز[2] اوزا
ساچیلور کل برک اوستیندا عجب سنبل لطیف
لوحش الله اول زمان کیم بادهٔ کلکون ابجیب
عارضینکدا بولسه بیدا عکس می کل کل لطیف
یوز اتایی اولکای ایردی نازنینلار طلمیدین
بولماسه عدل شهنشهزاده خان عبد اللطیف

№ 109.

حسن باغیندا یوزونکدیک ورد حمرا کورمادوک
مصر ملکینده لبینک تیک قند زیبا کورمادوک
چین و ماچین وختندا کوزلارینک تیک رحمسیز
بی خطا قان توکوچی بیر ترک یغما کورمادوک
قامتینک بالاسینه باردوق تماشه قیلغالی
بیر بلا کوردوک تعال الله که بالا کورمادوک
بو اولوستا خوبلار کوردوک ولی ای اوزبیکیم
دلربالیقتا سیزینکدیک شوخ رعنا کورمادوک
سیوکالی ای سیمتنلیک کونکلی فولادیم سینی
دنیادا تیغ جفادین اوزکا قعطا کورمادوک
نازنینلاردا وفا و مهر بار دیرلار ولی
کوب ایشتوک بیز داغی بو سوزنی اما کورمادوک
دیسالار نی عیب اتایینینک سوزین درّ یتیم
کیم فراقینکدا انینک باشیجه دریا کورمادوک

№ 130.

دیسانک کیم جان سبر قیلغیل اتاییم * توروبمین اوشوناک تولدور أت أییم
قولونک مین ساقلاسانک جانیم بارینجا * اکر ساقلاماسانک سین بیل سات أییم
نیجا سرخوش ایسانک حسنونک میدین * وفا جام میدین هم تات أییم

[2] Слово یوز вписано другой рукой.

بقاسیزدور بو بیش کون عمر فانی * بقابین أی یوزونکا بات بات أییم
فلکنین اوتکارورمین مهرینک اوقین * دیسانک کیم قایدەسین أیا آتاییم

№ 132.

خسته کونکلومدین خیالینک بیر زمان کیتماس بیکیم
نیچه کیم وصلینک ایتاکیکا قولوم بیتماس بیکیم
نیتابین درمانده بولدوم مین بو کونکلوم ایلکیدا
سین سیزین هیچ بیردا بیر لحظه قرار ایتماس بیکیم
کرچه سین دشنام ایتارسین مین دعاجیمین سنکا
عاشق صادق جفادین أنلینی جیتماس بیکیم [1]
سین مینی تعظیم ایتیب قوللار سانینده توتماغیل
ایتلارینک خیلیندا بولسام نی منکا بیتماس بیکیم
طعنەدین قاوماس اتایینی ایشیکینکدین رقیب
هیچ کدای ایت اورسا ایشیکنی قویوب کیتماس بیکیم

№ 181.

ای مینکلاری مشك و اینکی لاله کوزی أهو
زلفونك غمیدا توتی کونکلنی قرا قایغو
ای وآی قجان شام فراقینك تانکی أتقای
کیم بولدی منکا اوشبو یاروق دنیا قرانغو
کونکلوم.... تولغاشماق ایلاندیك ساجینکا آه
نی سود قیلور ابدی جو بیلمای بیدیم أغو
بحث ایتسا شکرنی لبینکز بیرله سورالی
اغزینك بیله تارلیق تالاشور بستە نی یارغو
کر دامن وصلی ساری قول سونسانك اتابی
بغرینکنی سو ایله داغی جانینکدین ایلیك یُو

[1] Это полустишие мне непонятно.

№ 212.

کونگل الدینك بیكیم یاشورماغینك نی * جفانی حدبدین أشورماغینك نی
رقیبلارغه قیلور لعلینك تبسم * قانیم‌نی غصه‌دین تاش اورماغینك[1] نی
کونگل شیشه‌سیدا مهربنك میی‌دور * جفا بیرله انگا تاش اورماغینك نی
یوروردا یینك بیلا اغزینگنی توته * نیما کیم یوقتورور یاشورماغینك نی
اتایی ییرکا ییل زلفین تیکورماس * قرا ییرکا سنینك باش اورماغینك نی

№ 217.

المنة لله بنه کوردوك یوزونگوزنی
ایشیتی قولاق درّ عدن‌تیك سوزونگوزنی
أی‌نینك نی..... کوزی بار نی قرا قاشی
اوخشاتماغاسیز اول فلکیکا اوزونگوزنی
قسام ازل حسن و ملاحت اولاشوردا
ارتوق یراتیب تور باری‌سیندین توزونگوزنی
کیش جبه حرارت کیتورور کیمانگیز آنی
أس تیك تانینگیز[2] اوزره یایینك قوندوزونگوزنی
ای یوزی قمر قیلماس اتاییغه موافق
دوران فلك هجری بیله یولدوزونگوزنی

№ 251.

جالینك‌دور بو خسته جان امیدی * که گل‌دور بلبل و بستان امیدی
کهی مرجان توکار که درّ مکنون * کوزوم‌دین اول لب و دندان امیدی
ساجار یولدوز بیكین تونلار یوزوم‌دا * یاشیم‌نی اول ایکی جلبان امیدی
مینی سرکشته قیلدی کوی ینگلیغ * خم زلفونك‌داغی جوکان امیدی

---

[1] Вместо تاش اورماغینك чит. تاشورماغینك?
[2] Чит. تنینگیز?

عنایت قیل که باردور بو کدانینك * باشیندا خدمت سلطان امیدی
بو قول یوز قاتله غم‌دین اولکای ایردی * بیکیندین بولماسه احسان امیدی
اتایی دردیغه ای جان طبیبی * وصالینك‌دین ایرور درمان امیدی

А. Самойлович.

Записки Коллегии Востоковедов, II, вып. 2.
Mémoires du Comité des Orientalistes.

Вершикское наречие канджутского языка.

Очерк по диалектографии Гиндукуша.

§ 1. Предлагаемый очерк основан на записях, сделанных осенью 1915 г. со слов Саид-Мурса, жителя селения Умыцульт (*húmәcult*), находящегося в долине р. Вершигум, между Ясином и пер. Даркот. (На 10-верстной карте, изд. Топографического отдела Туркестанского военного округа, р. Вершигум названа р. Даркот, с. Умыцульт нет вовсе; оно нанесено под именем Umalsat на карту G. W. Hayward при письме, помещенном в JRGS 1871, XLI). Записи произведены в течение недельного пребывания Саид-Мурса в ваханском селении Шергин, куда он пришел к своему пиру Саид-Абдуррахману. Саид-Мурса говорил, кроме родного языка, на читральском языке (*kůhwår*) (родители Саид-Мурса происходили из Читрала) и языке шина (*dangrík*); посредником при записи служил Саид-Абдуррахман, кроме родного ваханского языка, знавший также по-читральски и по-персидски. В виду ограниченности времени записи не могли быть обширны: записаны две сказки, около 600 слов и некоторое количество коротких разговорных текстов; большинство их использовано в настоящем очерке.

Работа была написана в 1922 г. и была начата набором для издания в серии «Материалов по изучению языка и быта припамирских народов»; это издание не осуществилось. При пересмотре рукописи перед сдачей ее в печать в настоящем издании, в первоначальный текст внесены некоторые изменения и значительные сокращения. Настоящее изложение ограничивается лишь систематизацией собранного материала; общие суждения и сопоставления, всегда более или менее субъективные, сведены к минимуму. Сведения о канджутском языке, и особенно о вершикском наречии, слишком еще нуждаются в дополнениях, в установлении недостающих фактов, чтобы можно было думать о его законченном грамматическом очерке. Как новый материал, однако, работа может быть полезна для занимающихся изучением гиндукушских языков.

§ 2. Первые материалы по канджутскому языку помещены в обширном труде A. Cunningham, Ladak, physical, statistical, and historical, London, 1854. Глава XV содержит Comparison of the various Alpine Dialects, где приведено около 100 слов на языке Khajuna, которые были записаны автором в Сринагаре, со слов посланных к кашмирскому махарадже туземцев; по замечанию Лейтнера, большая часть слов ошибочна; судя по названию Khajuna, осведомителями Кённингэма были гильгитцы.

G. W. Hayward, Letters on Explorations in Gilgit and Yassin (JRGS 1871, XLI) содержат, наряду с описанием путешествия трагически погибшего исследователя, Vocabularies of the Dialects of Dardistan, Wakhan, Shighnan, and Roshan, где помещено около 300 слов на вершикском (Yassin) и буришском (Hunza and Nagar) наречиях. Словарь записан в месте распространения языка и весьма тщательно.

С 1866 г. начал работы по дардским языкам G. W. Leitner, которому удалось провести в Гильгите всего несколько дней; но его записи по Khajuna, сделанные главным образом со слов двух сыновей владетеля Нагара, весьма обширны. Его первая работа The Languages and Races of Dardistan, Lahore and London, в первых двух частях содержит обширный, преимущественно, словарный, частью грамматический материал по ряду дардских языков, в том числе и Khajuna. III-я часть этой работы осталась недоступной при составлении настоящего очерка; можно думать, что она содержит, главным образом, географический и этнографический и материал, частью помещенный в Indian Antiquary за 1872 г. и впоследствии перепечатанный. Было выпущено и второе издание этой книги.

R. B. Shaw, On the Galchah Languages (Wakhi and Sarikoli) (JASB 1876) уже использовал опубликованные Лейтнером материалы для некоторых сближений Khajuna с Galchah в области послелогов (-r, -kath, -tzum).

W. Tomaschek, Centralasiatische Studien, II, Die Pamir-Dialecte, Wien, 1880 на основании предшествующих материалов, в частности, касающихся вигезимальной системы счисления гиндукушских языков, приходит к заключению, что «die Khaǧuna's bilden gegenwärtig den spärlichen Überrest eines von Zeiten weit verbreiteten, unarischen Volkselementes, dessen Verwandschaft mit den Võlkern Nepal's, Tübet's und Čīna's oder selbst vielleicht mit den Drawida's noch nicht festgestellt werden kann, weil das sprachliche Material nicht ausreicht» и что «die Sprache zu den agglutinirenden gehört».

Hyde Clarke, The Khajuna language (небольшая заметка в Indian Antiquary, 1872, VIII) указывает на связь между Khajuna и рядом диалектов Абиссинии, также Abkhass на Кавказе, Rodiyas на Цейлоне...

«A Siberian class and two American classes are also related».—И заключает: «The group which I have named at present — the Siberio-Nubian must have had possession of the whole of India before the Dravidians».

J. Biddulph, Tribes of the Hindoo Koosh, Calcutta, 1880 (русский перевод П. Лессара, Народы, населяющие Гиндукуш, Асхабад, 1886) и Dialects of Tribes of the Hindu-Kush, from Colonel Biddulph's Work on the subject (corrected) (JRAS 1884, XVI) — замечательный труд, дающий обширный материал, собранный в значительной части непосредственно; местами, впрочем, имеются некоторые противоречия. Лингвистическая часть заключает в себе материалы по boorishki (Nager Dialect), обработанные и представленные весьма отчетливо и сжато; имеется грамматика, тексты и английско-буришский словарь; транскрипция неудобна. Книга в обеих частях имеет руководящее значение. Биддёльф в буришах видит потомков юечи и относит их язык к туранской семье языков.

G. W. Leitner, The Hunza and Nagyr Handbook, Calcutta, 1889 (second edition, 1893) и Dardistan in 1866, 1886, and 1893. Обширные работы, заключающие в себе большое количество материала, как перепечатанного из предшествующих работ автора, так и нового. Лингвистический материал по Khajuna (Burishaski) сосредоточен преимущественно в первой, значительную часть которой занимает словарный материал, чередующийся с диалогами, заметками более или менее случайного характера, но также и более крупными и содержательными текстами; местами значительные повторения одного и того же материала в разных местах. Грамматическая часть согласуется с грамматикой Биддёльфа, но уступает ей, как и вся книга, в ясности и стройности обработки.

Его же La langue, la religion et les moeurs des habitants du Hounza (Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres, 4 série, t. XVII, pp. 350—354), краткое сообщение, сделанное 4 октября 1889 г.

В 1888 г. Канджут (Гунзу и Нагар) посетил Б. Л. Громбчевский. Им собран значительный лингвистический материал, о чем свидетельствует находящийся в Азиатском Музее карточный словарь Kanǰutî, C. Salemann excerpsit. Словарь этот заключает в себе свыше 1000 карточек (к сожалению глаголы отсутствуют), составленных на основании материалов Громбчевского (большая часть), Биддёльфа (из его работы Vocabulary of Sarikoli, Wakhan, and Kunjoot Dialects в Reports of a Mission to Yarkund in 1873, under Command of Sir T. D. Forsyth, Calcutta, 1875) и Аракулова. Материалы последнего (в копии В. Ф. Каля, 1892) (оставшиеся также недоступными при составлении настоящего очерка), упомянутые К. Г. Залеманом в его работе Шугнанский Словарь Д. Л. Иванова,

Спб., 1895, а также предшествующие, очевидно, позволили К. Г. вывести заключение, что «он (кунджутский язык) ни иранского, ни тюркского корня».

M. W. Conway, Climbing and Exploration in the Karakoram-Himalaya, London, 1894, на 243 и 280 стр. помещает несколько десятков буришских слов и в разных местах сообщает кое-какие этнографические сведения. Помещенная во 2-й части книги статья A. G. Durand, The Eastern Hindu-Kush дает общую характеристику страны и населения.

В 1898 г. М. С. Андреев, проездом через г. Урумчи, со слов бывшего правителя Канджута (Хунзы) и двух-трех канджутцев, бывших с ним, составил карточный словарь, находящийся ныне в Азиатском Музее. Словарь заключает в себе около 400 слов, подбор которых не может считаться удачным: очень много заимствованных персидских и арабских слов и отсутствуют глаголы; кроме того, пользование затрудняется своеобразной транскрипцией, объяснение которой отсутствует.

G. A. Grierson, Specimen Translations in the Languages of the North Western Frontier, Calcutta, 1899, после общих замечаний, в которых он считает вероятным, что буриши представляют остаток расы, занимавшей некогда территорию всего или большей части Дардистана, и указывает на наличность буришских слов в кафирских языках, дает указатель литературы и краткий грамматический очерк (по Биддёльфу и Лейтнеру). Новыми материалами в книге является перевод притчи о блудном сыне на буришский диалект (составленный Munshi Ghulam Murtaza в 1899 г.) и вершикский (составленный Khan Sahib Abdul Hakim Khan в 1898 г.). Запись вершикского текста, весьма важная и интересная, как записанная, повидимому, в месте распространения языка, не свободна от некоторых очевидных погрешностей и недоразумений. Тексту предшествует одна страница грамматических замечаний. Приложен небольшой буришский словарь и короткие тексты, заимствованные, повидимому, у Лейтнера. Грирсон считает язык «unclassed, non-aryan language».

Его же The Piśaca Languages of North-Western India, London, 1906, содержит лишь сопоставления нескольких буришских слов с дардскими.

Его же Specimens of the Dardic or Piśacha Languages, Calcutta, 1919 (Linguistic Survey of India, VIII, 1) заключает в себе перепечатку материалов, помещенных в названном издании 1899 г., лишь с некоторыми незначительными добавлениями в словарной части.

Philip Lemont Barbour, Buruçaskī, a Language of Northern Kashmir (Journal of the American Oriental Society, february 1921, pp. 60—72), указывает на систему прономинализации и вигезимальную систему счисления, характерные для языка, и делает попытку классифицировать его, но при-

ходит к выводу, что «there is apparently no language which is sufficiently closely connected with Buruçaskı to admit of the latter's being classified with it». Однако, преимущественно культурно-исторические соображения позволяют автору высказать мнение, что буришский и вершикский диалекты «are the most direct and least-changed descendants of the prehistoric and even pretraditional tribe». Новых материалов работа не заключает.[1]

Мало по языку, но сравнительно много этнографического и географического материала дают книги: A. Durand, The Making of the Frontier (русский перевод А. Снесарева, Созидание границы, Спб., 1905, важен примечаниями переводчика, лично посетившего Дардистан) и А. Снесарев, Северо-индийский театр, военно-географическое описание, Ташкент, 1903. Первая книга излагает результаты пятилетних наблюдений автора, вторая интересна тем, что автор мог пользоваться туземными и разведочными сведениями. Последнее относится и к секретному Отчету о поездке в Кашгар и южную Кашгарию в 1885 г. Б. Л. Громбчевского, Н. Маргелан, на правах рукописи, без указания года. На стр. 122—124 помещены распросные сведения о Канджуте, между прочим, приводится три слова на канджутском языке.*

§ 3. Саид-Мурса называл свою страну *veršigúm,* народ—*veršik* и язык—*veršikwār*. По Биддёльфу (стр. 56), население Вершигума не превосходит 3000 душ; оно состоит из буришей, говорит на том же языке, как в Хунзе и Нагаре, лишь с незначительными изменениями; имя бурише обратилось в вуршик, откуда получила название и сама долина; жители Ясина и Читрала называются иногда своими восточными соседями поре, а страна их Подиаки, от слова *boor* «запад» (Кённингэм приводит слово *bur* со значением «запад» в языках Shina и Khajunah; в карточном словаре К. Г. Залемана со ссылкой на Громбчевского и Аракулова-Каля «запад» *сабýр*). Биддёльф называет также население Ясина (включая и Вершигум) йешкунами, но употребляет этот термин, как название касты. С другой стороны, Конвэй (стр. 242) говорит, что жители Нагара называют свой язык «yeshkun, and did not know of it as Burishki», но в перечне каст, составляющих население Нагара, он же упоминает Berichu (or Dom). Явная неустойчивость терминологии происходит от недостаточной выясненности вопроса. Во всяком случае, население Вершигума в лингвистическом отношении весьма близко к населению Хунзы и Нагара, которое, по Биддёльфу, достигает цыфры соответственно 6000 и 10000 душ. Таким образом, цыфровые

[1] Знакомством с этой работой, полученной в Ленинграде лишь летом 1926 г. и потому ставшей доступной для меня лишь во время чтения последних корректур, я обязан указанию Ф. А. Розенберга.

пределы языковой группы, объединенной употреблением вершикско-буришского языка, приближаются к 19000. В этих пределах Биддёльф насчитывает три диалекта: буришки, буришаски и вуришки. Впрочем, в другом месте он же указывает, что язык, называемый буришки и буришаски, одинаков, отличаясь в Хунзе лишь более протяжным произношением. Лейтнер, помимо ясинского (вершикского) диалекта, отличает, подобно Биддёльфу, от диалекта Хунзы диалект Нагара, которому главным образом посвящена его книга и который он называет Khajuna (Kajuna), как то̀ делается в Гильгите (самоназвание населения Хунзы и Нагара, по сведениям Лейтнера, Burisho). Однако Грирсон считает это мнение ошибочным, так как оба диалекта тожественны. Очевидно, что только новые материалы помогут решить этот вопрос. Все же, самая наличность разногласия показывает, что различия между речью Хунзы и Нагара не столь значительны, чтобы можно было считать установленною наличность двух буришских диалектов, наряду с вершикским.

Повидимому, племенные границы шире языковых: в Гильгите, Асторе, Пониале и других местах йешкуны или буриши составляют половину населения и сохранили свое имя в качестве кастового названия, но утратили свой язык и говорят на языке шина. Арийское население Драса и некоторых восточных округов Балтистана (близ границы с Ладаком) также говорит на языке шина, но известно у своих соседей под именем бруша или ƀrōkpa. Поскольку можно делать заключения по терминам, записанным в различных и притом несовершенных транскрипциях, все эти наименования представляют одно и то же племенное имя *ver* или *ƀur* с чередованием губных: смычного и спиранта, и с различными огласовками. В исходе же имеются различные множественные суффиксы: *-šu*, *-šku*, представленные и в наличных материалах (см. § 19, 3, 7). Термин ƀrōkpa может быть объяснен допущением чередования *k* || **x* || *š* (вполне возможного, ср. чередование: шугн. *x̌* || сарык. *x* || перс. *š*) и осложнением добавочным суффиксом *-pa*.

§ 4. Звуковой состав вершикского наречия выражается в следующих звуках:

гласные: *a ä e i o u ə*

согласные: *y w*, *h*, *q x γ*, *k g*, *č ǰ*, *c j*, *t d*, *s z*, *š ž*, *p ƀ f v*, *ṭ ḍ ç̣*, *r l ł*, *m n*.

§ 5. Гласные:

a — широкий, открытый звук, как русское *a* под ударением; один из самых излюбленных звуков вершикского вокализма: *ałtan* два, *yana* взял.

ä — широкий звук, средний между *a* и *e*, ближе к последнему: *äčam* сделаю, *ratułä* в степь.

e — закрытое *e*, как русск. *э* в слове *эти*; в зависимости от характера гласных в предшествующем и последующем слогах часто звучит более открыто, иногда значительно приближаясь к *ä*; в начале слова встречается редко, преимущественно, где следующий гласный *e* или *i*: *ēti* сделал, *duγaresen* спросили, *ne* он, тот.

i — закрытый звук, соответствующий русскому в слове *сиди*: *iske* три, *diya* пришел, *seni* сказал.

o — закрытый звук, близкий к немецкому в слове *Ofen*; сравнительно редко встречается, чередуется с *u* и стремится быть им замененным: *osqayam* убиваю (их), также *usqayam*; *uho* сова, филин, мн. ч. *uhumu*; *momu* она, ее (косв. пад.), также *mumu*.

u — отчетливый закрытый звук, близкий к русскому; составляет вместе с *a* один из самых употребительных гласных: *ut* верблюд, *bušu* теленок.

ə — краткий неопределенный гласный «неполного образования», иногда в его произношении слышатся оттенки *ä, ö*; сравнительно мало употребителен: *əčuγún* малый; с переменой ударения: *ắčuγun*.

§ 6. Дифтонги мало употребительны. С уверенностью можно говорить лишь о наличии дифтонга *ai* (изображаемого *ay*); число примеров ограничено: *bay* есть, имеется, *duwašqaynum bi* кажется вымазанным, *heríštay* заплакал. Напротив, раздельное произношение двух рядом стоящих гласных представляет обычное явление: *ai* (наряду с *ayi*) не, *šaγauľä* в одно место.

§ 7. Количество гласных, несмотря на старания, приложенные к его установлению, осталось темным. Наличность долгих звуков во многих случаях несомненна и постоянна; таков, например, гласный *a* в глаголе *yārča* заботиться, где этот звук сохраняет свою долготу во всех случаях, иногда даже будучи произносим *yāarča*. Но гораздо больше таких случаев, где бо́льшая или ме́ньшая протяжность звука определяется, повидимому, положением слова во фразе, его логическим значением и наличностью или отсутствием ударения (которое также носит чрезвычайно неустойчивый характер), меняясь в зависимости от всех этих условий. При записи словарного материала к тому же могло иметь значение и более или менее случайное произнесение гласных то короче, то протяжнее, что̀ проверить по условиям работы было не всегда возможно. Вот почему, хотя долгота гласных показывается всюду, где имеются соответствующие указания в записях, необходимо считать этот вопрос открытым и не придавать указаниям количества решающего значения.

§ 8. В некоторых случаях наблюдается, повидимому, стремление к слоговому уподоблению гласных путем изменения огласовки

предшествующего слога в зависимости от последующего. Как правило, подобное явление наблюдается в огласовке глагольного префикса, если за ним следует (в качестве инфикса) одна из местоименных характеристик (о них см. § 14), что имеет место в глаголах с префиксом *d-* и в деепричастных формах, начинающихся с *n-*; в таких случаях префиксальная огласовка меняется соотвественно следующему гласному местоименной характеристики:

damana	*dukumana*	*dumumanu*	*dimimanen*	*damamanen*
я родился	ты родился	она родилась	мы родились	вы родились
daγaši	*dukoγaši*	*dumoγaši*	*demeγaši*	*damaγaši*
я нашел	ты нашел	она нашла	мы нашли	вы нашли
nayan	*nukuyan*	*numuyan*	*nemeyan*	*namayan*
		заснув (я, ты, она, мы, вы).		

Подобное же приспособление гласного одного слога к огласовке другого можно усмотреть и в огласовке причастных форм глагола на *-am*, *-um*, *-im*, — но там это явление сложнее и, повидимому, должно быть объяснено не столько фонетическими, сколько морфологическими причинами.

§ 9. Согласные:

y — среднеязычный спирант: *yana* взял; *ayi* не.

w — губногубной спирант (согласное *u*): *we* они, *duwa* есть, имеется.

h — гортанный спирант: *hen* один, *tahi* так.

q — самый крайний задненебный смычный глухой, вполне соответствующий подобным персидскому и турецкому звукам; не является очень употребительным звуком; в исходном положении он не отмечен (кроме заимствованного *rafēq* любовница); в начале слова встречается, главным образом, также в заимствованных словах: *qači* ножницы, *äsqanen* убили (его).

x — подобный предыдущему глухой спирант, вполне соответствующий таким же персидскому и турецкому звукам; обычно произносится без заметного хрипа, что часто наблюдается в турецких и иранских говорах; не особенно употребителен, в исходе не встречается: *xat* рот, *xaḱxučing* тина, ил.

γ — подобный предыдущим звонкий спирант, соответствующий таким же персидскому и турецким звукам; один из основных звуков вершикского консонантизма; встречается во всех положениях; в исходе отмечен лишь в заимствованных словах: *γusanum* длинный, *duγaresen* спросили, *čirāγ* светильник.

k — задненебный смычный глухой; встречается во всех положениях: *kitēp* книга, *uçukon* братья, *cek* (частица).

g — такой же звонкий; весьма употребителен в начале и середине слов: *gagayu* короткий.

č ǰ — передненебные аффрикаты; произношение такое же, как в персидском; первый довольно употребителен, в исходе не отмечен; второй менее употребителен; в заимствованных словах встречается и в исходе: *čap* мясо, *äča* делать, *ǰōndōr* овца, коза, *ilǰi* назад, *g'rinǰ* рис.

c ȷ – небнозубные аффрикаты; первый вполне соответствует русскому *ц*; второй — соответствующий звонкий, имеется в припамирских диалектах, представляет единый звук, слитый из *d* и *z*; первый довольно распространен во всех положениях, даже в исходном отмечен один пример; второй, обычно сопровождаемый умеренной палатализацией, встречается только в исходе в сочетании с носовым — *nȷ*: *cuyen* понесли, *dumuca* привел (ее), *ōc* это, что, *gunȷ* день.

t d, *s ṡ*, *z ž* — небнозубные согласные, вполне сходные с соответствующими персидскими; за исключением двух последних, принадлежат к числу наиболее частых звуков вершикской речи; последние менее распространены, особенно *z*; *s* и *š* встречаются во всех положениях; остальные в исходе не наблюдались, кроме *z* в заимствованном *arz* жалоба; между гласными *d* обычно заменяется чрез *t*: *tamāšā* зрелище, *daman* хозяин, *ułtu* день, *bādšā* царь, *sese* люди, *äsqanen* убили, *tares* сирота, *šiy* съел, *za* мокрый, влажный, *bāzāra* базар, на базар, *žayaułä* в (одно) место.

p b — губные смычные обычного типа; одни из основных звуков вершикского консонантизма; *p* занимает всякое положение, даже исходное и между гласными, *b* — преимущественно в начале и в середине: *api* нет, не имеется, *pu* огонь, *kitēp* книга, *bam* был.

f v — обычные губные спиранты (*v* — губнозубной); оба звука довольно редки, особенно первый: *farengi* ситец, *rafēq* любовница, *nōf* пуп, *vali* упал, *avalča* упасть.

r l ł — плавные, из которых первые два произносятся, как соответствующие персидские, последний — как русский твердый *л*: *ren* рука, *herča* плакать, *łayam* я могу, *ratułä* в степь, *latukres* круглый, *awulum* безпомощный, *ahūlal* бабочка, мотылек.

m n — обычные носовые, губной и небнозубной; очень часты во всех положениях; перед *g* носовой небнозубной *n* становится задненебным, но это явление не носит, повидимому, постоянного характера: *mu* она, та, *ne* он, тот, *dumanen* родились, *äsqanum* убитый, труп, *gušiṅga* девушки, женщины.

ṭ ḍ č̣ — церебральные *t*, *d* и *č*; не являются очень употребительными в языке, но различаются вполне отчетливо; иногда чередуются

с соответствующими нецеребральными: *ṭap* ночь, *ḍos* грудь, *ç̣angu* хромой, со сломанной ногой, *buṭ* очень, много, *huruṭing* садитесь, сажайте, *uç̣am* я даю, *garç̣ äča* продать.

§ 10. Почти все согласные, кроме самых крайних задненебных, могут подвергаться палатализации, хотя она не является столь излюбленной, как в некоторых из соседних иранских диалектовъ: *ś̌üwa* красивый, *haŕyo* быки, *reń̌* руки, *ź̌a* я.

Чрезвычайно сильной палатализации подвергнут звук, который изображается через *ź̌*. В акустическом отношении преобладающее свойство этого звука — его палатальность: он занимает среднее место между чрезвычайно палатализованными *ź* и *ž*. С другой стороны, первоначальное впечатление таково, что это — аффрикат, средний между палатализованными *j* и *ǰ*. Повидимому, аффрикативно этот звук воспринят Лейтнером и Бидделфом в буришском наречии, если только в последнем в соответствующих случаях имеются те же звуки, что и в вершикском. Подобный звук, акустически средний между до крайности палатализованными *ź* и *ž*, имеется также в мунджанском языке.

§ 11. Характерным свойством вершикской фонетики является нелюбовь к стечению согласных. Три согласных подряд не допускаются. Группа из двух согласных возможна только в том случае, если первый из них носовой, плавный, *s* или *š*. Лишь немногие заимствованные слова представляют исключение, при чем даже в таких случаях, если первый согласный смычный, после него иногда появляется вставочное *ə*, как например, в слове *bādś̌ā* царь, которое иногда произносится *bādᵊś̌ā*.

В исходном положениии могут находиться не все согласные. Обычно слова оканчиваются на один из согласных, допускающих соседство с другими согласными, т. е., плавный, носовой, *s*, *š*, также *k* и *p*; из прочих согласных в исходе отмечены, правда, *t*, *ṭ*, *č*, *ç̣*, *x*, *q*, *ź*, но сравнительно редко, так что эти исходы не могут считаться типичными.

§ 12. Между гласными звонкие смычные (*b*, *d*, *g*) избегаются; исключения очень редки (всего 6 примеров, из которых два относятся к заимствованным словам); стремление избежать в интервокальном положении звонких вызывает замену их соответствующими глухими (*p*, *t*, *k*); подобная замена, как правило, имеет место, когда глаголу предшествует отрицание *a*-, когда местоименная характеристика 2-го лица ед. ч. (*gu*-, *go*-) занимает место инфикса и в некоторых других случаях; примеры: *bam* был, *apam* не был, *deγaši* нашел, *ateγaši* не нашел, *gumana* ты сделался, *dukumana* ты родился, *bulṭu* день, *hepulṭu* завтра и др.

§ 13. Личные местоимения представлены двумя формами: само-

стоятельною и префиксальною; последняя употребляется только слитно с следующим словом, и в этом виде местоименные префиксы могут быть присоединяемы к глаголам, именам, местоимениям и неизменяемым словам.

Самостоятельная форма местоимения 1-го лица *ǯa*; никаким изменениям не подвергается; косвенный падеж, если он существовал в отличном виде, ныне совпал по форме с именительным (нехарактеризованным); поэтому *ǯa* употребляется в качестве логического субъекта, логического объекта, а также родительного падежа. Значение *ǯa* определяется местом, занимаемым им, т. е., чисто синтаксически: в качестве логического объекта оно занимает второе место, в остальных случаях — первое. Примеры: *ǯa bi*, *ǯa bim* у меня есть, имеется, *ǯa nii* я велик, *ǯa ha nii dułum*, *ǯa ha nii duwa* мой (меня) дом велик есть, был.

Самостоятельная форма местоимения 2-го лица имеет два падежа: именительный (неоформленный) и косвенный. Первый — *un*, второй — *gu*, *go*. Оба падежа представляют собою лишь фонетические разновидности одного корня, что ясно видно из представленных в буришском наречии форм: *um, ume*, *ung*, *unge*. В качестве логического субъекта и объекта употребляются оба падежа, в притяжательном значении — косвенный. Примеры: *un gunii* ты велик, *un yārčuma* ты заботишься, *gu bi*, *gu bim* у тебя есть, имеется, *gu dekoγaši* ты нашел, *ǯa un gučam* я тебе делаю, *ǯa un gusqayam* я тебя убиваю, *ǯa go gucum yayam* я от тебя беру, *go gunī* твоя (тебя) борода.

Во множественном числе местоимение 1-го лица — *mi*, 2-го — *ma*; косвенный падеж особого выражения не имеет. Примеры: *mi api*, *mi apim* мы не имеем, у нас нет, *ne mi mäčimi* он нам делает, *mi minuyu* мы велики, *mi mäču* наш брат, наша сестра, *ma bi*, *ma bim* у вас есть, имеется, *ma manuyu* вы велики, *ǯa ma masqayam* я вас убиваю, *ǯa ma macum yayam* я от вас беру.

В третьем лице личное местоимение заменяется указательным. В зависимости от грамматического рода[1] (категории) существ и предметов, к которым оно относится, указательное местоимение имеет 4 вида:

I	категория: ед. ч.	*ne*,	множ. ч.	*we*	относится к мужчинам,
II		*mu*,		*we*	женщинам,
III		*se*,		*ce*	животным,
IV		*te*,		*k̇e*	неодушевл. предметам.

[1] О разделении предметов и их имен на категории и их грамматическом значении, см. § 18.

Во всех этих видах местоимение указывает, при наличности нескольких предметов, более отдаленный предмет и значит «тот, он». При желании определить ближайший предмет или усилить указание, к перечисленным формам прибавляется префикс *ke-*, *ku-*, *gu-* (*-ko-*).

Косвенный падеж во всех случаях совпадает с именительным, кроме лишь местоимения единств. ч. II категории (женск. р.), которое имеет в косвенном падеже также *муmu*, *моmu*; впрочем, вместо этой формы, по-видимому, употребляется безразлично также форма именит. падежа. Примеры: *ne sese pul buṭ bi* тем человеком денег много имеется, *ne bi, ne bim* у него есть, им имеется, *ne hen yē bay* им один ребенок (сын) имеется, у него один ребенок (сын) есть, *ne äḉu* его брат, *ža ne γayam* я его вижу, *ne nii* он велик, *ža ne deγarišam* я его спрашиваю, *ža ne äsqayam* я его убиваю, *моmu bi*, *моmu bim* у нее есть, ею имеется, *муmu hen yē bay* ею один ребенок (сын) имеется, у нее один ребенок (сын) есть, *mu muhuläs* ее брат, *ža муmu γayam* я ее вижу, *mu munii* она велика, *ža mu dumuγarišam* я ее спрашиваю, *mo mulči* ее глаз, *we bi, we bim* ими имеется, у них есть, *we uyast* их сестра, *ža we γayam* я их вижу, *we ипиуи* они велики, *ža we usqayam* я их убиваю, *we upaya* к ним, перед ними, *ža se γayam* я его (ее) вижу, *se ingiγa* ему (ей) навстречу, *ce bo?* это что? (буквально: они, оне есть?), *ža ce γayam* я их вижу, *ža ce äsqayam* я их убиваю, *ža ce yavičam* я их ищу, *ce ingiγa* им навстречу, *te ha nii duwa* тот дом велик есть, *ža te γayam* я его вижу, *ža ke γayam* я их вижу, *gute ha nii duwa* этот дом велик есть, *kene äḉu ha nii duwa* его брата дом велик есть (букв.: этого брата дом велик есть), *kene äy čüst bu* этого (его) дочь красива есть, *kumu gus mucum hen yē dimani* этой женщины (от нее) один ребенок родился, *kene hircum aḷtan yū dumanen* у этого человека двое детей родилось. Многочисленные примеры также имеются в текстах.

При ослаблении указательного значения соответствующие местоимения превращаются в определенный член. Примеры см. в текстах.

§ 14. Личные и указательные местоимения могут не только употребляться самостоятельно, но также присоединяться в виде префиксов к глаголам, именам, местоимениям и адвербиальным послелогам, составляя с ними одно целое. Употребляемые в такой префиксальной форме местоимения имеют целью указать, охарактеризовать лицо (или предмет), с которым находится в тесной связи понятие, выражаемое словом, снабженным местоименным префиксом. Они указывают или характеризуют обладателя предмета (если подобной префиксальной местоименной характеристикой снабжено существительное), носителя свойства, выражаемого прилагательным (если оно охарактеризовано местоименным префиксом),

субъекта или объекта действия, выражаемого глаголом с местоименным префиксом, лицо или предмет, находящийся в известном отношении, выражаемом адвербиальным послелогом.

Местоименный префикс (характеристика) 1-го или 2-го лица выражает соответственно связь понятия с 1-м или 2-м лицом. Местоименная характеристика 3 лица имеет три различные формы: для мужского рода, женского и множественного числа (общую для обоих родов). Соответственно самостоятельным местоимениям можно было бы ожидать особых префиксальных форм для животных и неодушевленных предметов, но таковые наличными материалами не отмечены. При этом местоименный префикс 3 л. женск. р. имеет значение не столько характеристики лица, сколько рода, и употребляется в применении и к 1-му и ко 2-му лицу, если только понятие, выражаемое словом, снабженным такой характеристикой, относится к женщине (см. § 18, 5).

Местоименные префиксы таковы:

ед. ч.	1 л. *a-* (*ä-*)	мн. ч.	1 л. *mi-* (*me-*, *mä-*)
	2 л. *gu-*, *go-* (*-ko-*)		2 л. *ma-*
	3 л. м. р. *ä-*, *i-*		3 л. *u-*, *o-*, *ŭ-* (*w-*).
	ж. р. *mu-*, *mo-*		

Из приведенных форм поставленные на первом месте употребляются обычно, помещенные в скобки — сравнительно редко; в частности характеристика 2 лица ед. ч. *-ko-* употребляется лишь как инфикс в сложных глаголах.

Местоименные префиксы представляют собою или те же местоимения в самостоятельной форме, как это видно в характеристиках 3 л. ед. ч. ж. р. и 1 и 2 лл. мн. ч., или их фонетические разновидности. В частности, относительно характеристики 1 лица ед. ч. среди буришских записей Лейтнера (стр. 225) имеется перевод фразы: that letter was given to me в двух вариантах, именно: *etté khatt djare aúmi* и *etté khatt djare djaúmi*, где чередуются формы *djaúmi* и *aúmi* или характеристики *dja-* и *a-*. Характеристика 2 лица представляет собою лишь косвенный падеж соответствующего местоимения в самостоятельной форме. Характеристика 3 л. мн. ч. *u-*, *o-*, является лишь разновидностью *we*, что видно из формы *w-reŋ̆* их руки и буришских: *û* they и *ué* of them. Также буришские формы 3 л. ед. ч. м. р. *in*, *iné*, засвидетельствованные Лейтнером, могут помочь выяснению связи между самостоятельной формой *ne* и префиксальными *ä-*, *i-*.

Не все имена и глаголы снабжены местоименными характеристиками. Поскольку позволяют судить сделанные записи, большинство глаголов и

имен употребляются без таковых; некоторые, повидимому, могут иметь местоименные префиксы или обходиться без них; сравнительно небольшая часть имен требует обязательной префиксации характеристик в категорической форме: без характеристики не может существовать самое понятие, выражаемое именем. Такие имена находятся в тесной связи с говорящим лицом; к ним принадлежат названия частей тела, ближайших степеней родства, наречия и послелоги, имеющие отношение к лицу, вообще, то, что находится в сфере непосредственного воздействия лица.

§ 15. **Имена, употребляемые исключительно с префиксацией местоименных характеристик:**

	Руки (мои, твои и т. д.).	Шея.	Глаз (мой, твой и т. д.)	Глаза (мои, твои и т. д.)
ед. ч. 1 л.	*a-reǹg̀*	*ä-š*	*a-lči*	*a-lčimu*
2 л.	*gu-reǹg̀*	*go-š*	*gu-lči*	*gu-lčimu*
3 л. м. р.	*reǹg̀*	*ä-š*	*i-lči*	*u-lčimu*
3 л. ж. р.	*mu-reǹg̀*	*mo-š*	*mu-lči*	*mu-lčimu* и т. д.
мн. ч. 1 л.	*mi-reǹg̀*	*me-š*	*mi-lči*	
2 л.	*ma-reǹg̀*	*ma-š*	*ma-lči*	
3 л.	*w-reǹg̀*	*o-š*	*u-lči*	

	Борода.	Сердце.	Рост, стан, талия.	Сон, сновидение.
ед. ч. 1 л.	*a-nī*	*a-s*	*ašṭing*	*a-wilǰi*
2 л.	*gu-nī*	*go-s*	*go-šṭing*	*gu-wilǰi*
3 л. м. р.	*nī*	*ä-s*	*ä-šṭing*	*wilǰi*
3 л. ж. р.		*mo-s*	*mu-šṭing*	*mu-wilǰi*
мн. ч. 1 л.	*mi-nī*	*me-s*	*mă-šṭing*	*mi-wilǰi*
2 л.	*ma-nī*	*ṁa-s*	*ma-šṭing*	*ma-wilǰi*
3 л.	*u-nī*	*o-s*	*ů-šṭing*	*wilǰi*

	Брат, сестра.	Брат, парень, юноша.	Сестра.	Большой, великий.
ед. ч. 1 л.	*a-č̣u*	*huɫäs*	*a-yast*	*nii*
2 л.	*go-č̣u*	*gu-huɫäs*	*gu-yast*	*gu-nii*
3 л. м. р.	*ä-č̣u*	(*huɫäs*)	*yast*	*nii*
3 л. ж. р.	*mu-č̣u*	*mu-huɫäs*		*mu-nii*
мн. ч. 1 л.	*mä-č̣u*	*mi-huɫäs*	*mi-yast*	*mi-nuyu*
2 л.	*ma-č̣u*	*ma-huɫäs*	*ma-yast*	*ma-nuyu*
3 л.	*u-č̣u*	*u-huɫäs*	*u-yast*	*u-nuyu*

Подобным же образом требуют обязательной префикации местоименных характеристик многие другие имена и послелоги. В сделанных записях отмечены следующие имена[1] (приводятся с характеристикой 1-го лица ед. ч.): *ä-meš* палец, *a-wuł* желудок, *a-ken* печень, *a-wuru* ноготь, *a-ce* след, *a-wus* жена, *a-y* дочь.

§ 16. Таковыми же являются местоимения *a-ya* мой собственный, свой, *a-kar* я сам.

Вот примеры употребления этих местоимений и их местоименных префиксов. *ža a-ya arene yana* я моей-собственной моей-рукой взял, или: моею моею-собственной моей-рукой взято, *ža a-ya arend̃ yaṭe yana* я моими-собственными моими-руками пользуясь взял, *ža a-ya alčimu yaṭe yeca* я моими-собственными моими-глазами пользуясь видел, *un gu-ya gulčimu yaṭe yeca* ты твоими-собственными твоими-глазами пользуясь видел, *ne i-ya ulčimu yaṭe yecí* он его-собственными его-глазами пользуясь видел, *mu mu-ya mulčimu yaṭe yecu* она ее-собственными ее-глазами пользуясь видела, *mi mi-ya mirend̃ yaṭe yanen* мы нашими-собственными нашими-руками пользуясь взяли, *ma ma-ya marend̃ yaṭe yanen* вы вашими-собственными вашими-руками пользуясь взяли, *we u-ya wrend̃ yaṭe yanen* они их-собственными их-руками пользуясь взяли, *a-ya hulǰa* меня-самого посадив, или: я сев, *ža a-ya muyana* я себе-самой взяла.

Вторая основа представлена в виде *-kar, -kara, -karu* с соответствующими местоименными префиксами.[2]

Примеры: *ža a-kar äsqayam* я меня-самого (себя) убиваю, *un gu-kara yana* ты тебе-самому (себе) взял, *ne i-kara yaní* он ему-самому (себе) взял, *mu mu-kara yanu* она ей-самой (себе) взяла, *mi mi-karu yanen* мы нам-самим (себе) взяли, *ma ma-karu yanen* вы вам-самим (себе) взяли, *we u-karu yanen* они им-самим (себе) взяли.

§ 17. Основное свойство всех имен с обязательной местоименной характеристикой то, что местоименный префикс неразрывно сливается с корнем слова, которое без него существовать не может, почему разбивка таких слов должна считаться лишь условным отвлечением, преследующим цели наглядности. Слова «сердце» в языке не существует, и освобожденный от префиксов звук *s* не значит ничего; то же нужно сказать о понятии «шея», где корнем, повидимому, должен считаться *š* с предшествующим гласным, но *ä-š* значит «моя (или его) шея», *o-š* — «их шея»,

[1] Послелоги, характеризованные местоименными префиксами, приводятся ниже.

[2] По аналогии с буришским, имеющим, по Лейтнеру, послелоги *er-* to и *yer-* before, можно и в приводимых примерах выделить суффикс *ar-*; но в вершикском иных примеров этого суффикса не имеется.

а не «шея» вообще без отношения к ее носителю. В тех случаях (чаще в 3-ем л. ед. ч., а иногда в 1-м л. ед. ч. и в 3-м мн. ч.), где префикс отсутствует, его отсутствие не придает слову общего значения, а является лишь своеобразным отрицательным показателем отношения к лицу, в противоположность другим случаям, где отношение выражено. Поэтому среди приведенных образцов слово *reṅd*, в котором местоименная характеристика, повидимому, отсутствует, все-таки значит не «руки» вообще, а «его руки», *nī* — также без внешне выраженного отношения к лицу — значит «его борода», а не «борода» вообще и т. д. Единственным, но при этом лишь кажущимся исключением может считаться слово *ḥuḷäs*, которое в смысле «парень, юноша, молодой человек» употребляется без местоименных характеристик, а в смысле «брат» с ними. Но и тут двойного смысла быть не может, и определяя степень родства *ḥuḷäs* может значить только «мой брат», а не «его брат»: в последнем смысле употребительно слово *äçu*. Дело в том, что в вершикском есть два слова со значением «брат», но ни одно из них не соответствует нашему пониманию этого слова. *a-çu* значит и «брат» и «сестра», смотря по тому, к кому относится это слово: для мужчины оно значит «брат», для женщины — «сестра»; его значение можно выразить описательно: дитя родителей подразумеваемого лица одного пола с ним. *ḥuḷäs* значит «брат», только когда речь идет о женщине; *a-yast* значит сестра мужчины, и женщинами или в отношении женщин это слово не употребляется.

Для точного и ясного понимания имен, снабженных местоименными префиксами, надо иметь в виду, что имя даже с соответствующей характеристикой еще не выражает понятия принадлежности. Например, *a-reṅd* не значит еще «мои руки» (как в то же время не значит «руки» вообще); для того чтобы получить это значение, надо сказать *ža areṅd*, т. е., буквально: я я-руки, я мои-руки, мои мои-руки, мои руки; отдельно употребленное *areṅd* значит «руки», но только в тех случаях, когда это слово относится к 1-му лицу. Поэтому для выражения принадлежности предмета или свойства лицу вершикский язык употребляет имя вместе с соответствующим личным местоимением, ставя его впереди; имя, помимо того, имеет префиксальную характеристику. В тех случаях, когда именительный и косвенный падежи местоимений имеют различную форму, что имеет место во 2 л. ед. ч. и 3 л. ж. р. ед. ч., местоимение ставится или всегда в косвенном падеже (во 2 л. ед. ч.) или иногда в косвенном, иногда в именительном (3 л. ед. ч. ж. р.). Поэтому имеем (для 2-го лица): *go goçu* твой брат, сестра; (для 3-го лица): *mumu muçu* ее сестра, *mumu muṣ̌ting* ее рост, *momu mos* ее сердце; но также: *mu muḥuḷäs* ее брат, *mu mulči* ее глаз, *mu*

moš ее шея, *mu muwilǰi* ее сон. В тех же случаях, когда местоимение определяет носителя известного свойства, оно ставится только в именительном падеже: *un gunii* ты велик, *mu munii* она велика, *un guya* ты сам, *mu muya* она сама.

Система префикации местоименных характеристик, повидимому, уже подвергается разложению. Если в некоторых случаях отсутствие местоименного префикса может считаться показателем определенного лица, то в других случаях уже может появляться смешение различных форм; так, например, *nii* одинаково относится и к 1-му и к 3-му лл. ед. ч., *wilǰi* — к 3-му л. ед. и мн. ч. В других случаях совпадают префиксы: *äš* (1 и 3 л.), *ulčitu* (ед. и мн. ч. 3 л.); в последнем случае переход префикса мн. ч. на ед. ч. объясняется, очевидно, мн. числом самого понятия, потому что в соответствующем случае ед. ч. имеется правильная форма *ilči*. Характеристики иногда смешиваются и семасически, чему примеры имеются в первых трех фразах записанного текста сказки (см. примечания к текстам).

§ 18. Вершикское наречие делит имена на четыре грамматических рода (категории). К 1-ой относятся наименования мужчин, ко 2-ой — женщин, к 3-ей — животных (также некоторых неодушевленных предметов), к 4-й — остальных неодушевленных предметов. Различие между 3-ей и 4-ой категориями, вероятно, потребует дополнений, при наличности новых материалов. То же деление существует и в буришском наречии, хотя ни один из его исследователей о категориях не упоминает: и Лейтнер, и Биддёльф применяют к буришским именам обычное разделение на 3 грамматических рода, причем средний у них имеет различные формы (в некоторых случаях) для одушевленных и неодушевленных предметов. Конечно, это — те же 4 категории, только описанные в иных выражениях.

Разделение имен на категории выражается в целом ряде явлений.

1. Указательное (заменяющее личное 3-го лица) местоимение имеет для каждой категории особые формы (см. § 13).

2. Вспомогательный глагол в 3-м лице ед. ч. имеет особые формы для каждой категории (см. § 27).

3. В соответствии с этим в некоторых глаголах отмечена наличность различных, в зависимости от категорий, сложных форм:

I и II (м., ж. р.)	наст.-опр. вр. *dayaščam ba*,	давно-пр. вр. *dayašiyam bam*
III (жив.)	*deyaščum bi*	*dayašum bim*
IV (неод.)	*dẹyaščum duwa*	*dayašum dułum*

4. Местоименные характеристики 3 лица, как именные, так и глагольные, различны для первых двух категорий:

I (м. р.) *ä-*, *i-*
II (ж. р.) *mu-*, *mo-*.

5. Глагольная местоименная характеристика женского рода (II-й категории) во многих случаях имеет определенно выраженное назначение указать на связь глагола с предметом II категории (существом женского рода), независимо от грамматического лица; иначе говоря, женская местоименная характеристика в глаголах (по крайней мере, некоторых) может служить префиксом во всех 3-х лицах: *ža goya muĉam* я тебе (женщине) даю, *ža mumuya muĉam* я ей даю, *ža aya muyana* я себе взяла, *un gukara muyana* ты себе взяла, *ža muyana* я взял (ее, женщину).

Во всех этих примерах префикс *mu-* выражает принадлежность существа, тесно связанного с глаголом, к женскому роду (категории), независимо от грамматического лица, к которому относится глагол. При этом один и тот же префикс (*mu-*) является то в субъективном, то в объективном значении. Иначе говоря, *muyana* во всех случаях может быть понимаемо, как «ее взятие» (т. е. «взятие ею» или «взятие ее»), взятие в отношении женщины, будет ли она субъектом или объектом действия.

6. Первые числительные имеют по нескольку различных форм. Отмечены три формы для понятия «один» и по две формы для «два» и «три». Эти различия также находятся в зависимости от категорий. В буришском различные формы имеются для первых десяти числительных, и Лейтнер ставит их в зависимость от разделения на роды.

§ 19. Множественное число имен образуется различно:

1. Многие имена образуют множественное число прибавлением гласного окончания, чаще всего *-a*, иногда других. Таким способом образуют множественное число преимущественно имена с суффиксом *-um* (прилагательные и иные) и вообще с согласным исходом: *urk-a* волки, *ħayur-a* лошади, *ceŀäm-a* самцы, *šütum-a* очаги, *äsqanum-a* трупы, *aqulapim-a* глупцы, *buš-a* (ед. ч. *bušu*) телята, *duw-a* (ед. ч. *du*) козлята, *teh-a* (ед. ч. *teš*) брови, *wec-o* телята, *gaṭo* узлы, *gunj-i* дни, *ħur-i* (ед. ч. *ħir*) мужчины.

2. Имена с гласным исходом образуют множественное число прибавлением суффикса *-mu*: *ħuĉu-mu* сапоги, *yanǰi-mu* мельницы, *pate-mu* блюда, *tuxli-mu* бараны, *nī-mu* бороды, *yaŀyu-mu* (ед. ч. *yaŀyo*) черви, *uhu-mu* (ед. ч. *uho*) совы, *šöka-mu* (ед. ч. *šöqa*) халаты, сукна, *šaṭu-m* (ед. ч. *šaṭ*) яйца (животных).

3. Большинство имена с исходом на *-s*[1] и многие имена с согласным

[1] Это *-s* (с различной огласовкой) не принадлежит к основе, а является суффиксом, характеризующим единственное число. То же относится и к *-n* (с различной огласовкой)

исходом имеют суффикс *-šu*: *beli-šu* (ед. ч. *beläs*) овцы, *yaṭi-šu* (ед. ч. *yaṭes*) головы, *pene-šu* (ед. ч. *penas*) волосы, *tapu-šu* (ед. ч. *tapus*) орлы, *dulä-šu* (ед. ч. *huläs*) мальчики, *awi-šu* (ед. ч. *ayišen*) гости, *tušhalalə-šu* (ед. ч. *tušhalal*) женихи, невесты, *ceraxi-šu* (ед. ч. *cerax*) искры, *cigiri-šu* (ед. ч. *cigir*) козы, *pitiki-šu* (ед. ч. *pitik*) овцы.

4. Имена с исходом на *-n*, а также некоторые другие, имеют множественное число на *-yu* (*-yo*): *žaku-yu* (ед. ч. *žakun*) ослы, *γamu-yu* (ед. ч. *γamun*) вороны, *γa-yu* (ед. ч. *γan*) пятки, *alγa-yu* (ед. ч. *alγan*) стремена, *asumi-yu* (ед. ч. *asumen*) звезды, *pi-u* (ед. ч. *pen*) мухи, *čī-u* (ед. ч. *čen*) воробьи, *šāhī-yu* (ед. ч. *šāhīn*) ястребы, *warγa-yu* (ед. ч. *warγan*) трупы людей, *γo-yu*, *γuyu* (ед. ч. *γon*, *γun*) перепелы, *haldī-w* (ед. ч. *halden*) козлы, *čidī-w* (ед. ч. *čidin*) котлы, *har-yo* (ед. ч. *har*) быки, *sar-yu* (ед. ч. *sar*) зайцы, *ayū* (ед. ч. *ay* и *ayē*) мои дети, *unu-yu* (ед. ч. *nii*) большие (они).

Очевидно, фонетической разновидностью *-yu* (*-yo*) надо считать окончание множественного числа *-ǰu* (*-ǰo*), которое представлено в нескольких именах: *hāl-ǰu* (ед. ч. *hāl*) лисицы, *tal-ǰu* (ед. ч. *tal*) голуби, *teṅ-ǰo* (ед. ч. *ten*) кости.

5. Суффикс *-nj* принимают во множественном числе имена, как с гласным, так и с согласным исходом: *uṭ-anj* (ед. ч. *uṭ*) верблюды, *behē-uk-anj* (ед. ч. *behē-uk*) суки, *dēw-anj* (ед. ч. *dēw*) дивы, *šar-anj* (ед. ч. *šar*) ветви, *behē-nj* (ед. ч. *behē*) самки, *tiš-anj* (ед. ч. *tis*) ямы, *γamu-nj* (ед. ч. *γamu*) льды, *babr-enj* (ед. ч. *babur*) барсы.

6. Наиболее распространенным является заднеязычно-носовой показатель множественности, представленный рядом разновидностей (этот показатель прилагается почти исключительно к именам III категории).

a) *-ng*: *telä-ng* (ед. ч. *telä*) орехи, *dase-ng* (ед. ч. *dase*) заплаты, *re-ṅg* (ед. ч. *ren*) руки, *buye-ng* (ед. ч. *buye*) деревянные лопаты.

b) *-eng*: *har-eng* (ед. ч. *harč*) плуги, сохи.

c) *-ong*: *tap-ong* (ед. ч. *tap*) листы.

d) *-ung*: *baṭ-ung* (ед. ч. *baṭ*) кожи.

e) *-ing*: *huṭ-ing* (ед. ч. *huṭes*) ноги, *šawōlek-ing* (ед. ч. *šawōlek*) штаны, *pu-ing* (ед. ч. *pu*) огни, *rat-ing* (ед. ч. *rat*) степи, *huma-ing* (ед. ч. *huma*) броды, *balt-ing* (ед. ч. *balt*) яблоки, *daš-ing* (ед. ч. *das*) пещеры, *parīt-ing* (ед. ч. *parī*) пэри.

(см. ниже), причем даже в заимствованных словах исход *-n* чувствуется, как примета единичности: *gīrwān* воротник, мн. ч. *gīrwāyu*, *lāman* пола, мн. ч. *lāmayu*. В слове *halmunes* ребро, мн. ч. *halmuyu*, наблюдается соединение обоих суффиксов единичности одновременно.

f) -*ang*: *tēšk-ang* (ед. ч. *tēšk*) ножи, *säl-ang* (ед. ч. *säl*) иглы, *tan-ang* (ед. ч. *tanes*) острия.

h) -*hang*: *cere-hang* (ед. ч. *ceriš*) корни, *γate-hang* (ед. ч. *γatenj*) мечи, сабли, *pu-hang* (ед. ч. *puš*) женские рубашки.

g) -*yang*: *tur-yang* (ед. ч. *tur*) рога, *ulki-yang* (ед. ч. *ulkiš*) норы, гнезда, ножны, *sawk-yang* (ед. ч. *saw*) пески.

i) -*čing*: *gan-čing* (ед. ч. *gan*) дороги, *polγo-čing* (ед. ч. *polγo*) перья, *tal-čing* (ед. ч. *tal*) замки, *bel-čing* (ед. ч. *bäl*) лопаты железные, *gili-čin* (ед. ч. *gili*) гвозди.

k) -*ičang*: *hak-ičang* (ед. ч. *ha*) дома, *hin-ičang* (ед. ч. *hing*) двери.

l) -*ičing*: *xawang-ičing* (ед. ч. *xawang*) одеяла, *ṭong-ičing* (ед. ч. *ṭong*) груши, *hesk-ičing* (ед. ч. *hesk*) гребни, *tuwäk-ičing* (ед. ч. *tuwäk*) ружья.

7. Лишь в трех случаях отмечен суффикс -*šku*: *šunga-šku* (ед. ч. *šung*) долины, *kūna-šku* (ед. ч. *kūna*) палки, *ṭeṭe-šku* (ед. ч. *ṭeṭe*) канаты.

8. Суффикс -*taru* (после носового -*n*- обычно -*daru*) прилагается почти исключительно к именам первых двух категорий (разумным, человеческим существам): *ās-taru* (ед. ч. *āzkir*) тести, *yas-taru* (ед. ч. *yast*) сестры, *xakin-daru* (ед. ч. *xakin*) невестки, *saγun-daru* (ед. ч. *saγun*) внуки, племянники, *maristan-daru* (ед. ч. *maristan*) рабы, рабыни, *γen-daru* (ед. ч. *γen*) воры, *hālkit-daru* (ед. ч. *hālkit*) козочки.

Часто суффикс -*taru* (-*daru*) усиливает иной, уже наличный показатель, образуя сугубое множественное число (с двойным морфологическим показателем): *tati-š-taru* (ед. ч. *tati*) отцы, *nani-š-taru* (ед. ч. *nani*) матери, *bāp-iš-taru* (ед. ч. *bāp*) деды, *waw-iš-taru* (ед. ч. *waw*) бабушки. В этих случаях -*taru* усиливает множественное число, уже выраженное при помощи -*š*- (-*iš*-), получившегося из -*šu* (-*išu*) (см. 3).

В следующих примерах представлен еще аффикс -*in*- (-*en*-): *āzkuš-in-daru* (ед. ч. *āzkuz*) тещи, *awiš-in-daru* (ед. ч. *awus*) жены, *rafēq-en-daru* (ед. ч. *rafēq*) любовницы. Но едва ли следует считать этот аффикс особым способом образования множественного числа, хотя в именах и имеется случай множественного числа на -*n*, именно, *aċukon* (ед. ч. *aċu*) братья; в глаголах же -*n* (-*an*, -*ėn*) является постоянным суффиксом множественного числа, кроме повелительного наклонения, где, в качестве такового, имеется -*ing*. Вероятнее возникновение -*n* из заднеязычно-носового показателя -*ng*, что может подтверждаться наличностью, наряду с *āzkušin-daru* и *awišin-daru*, такой формы множеств. числа, как *gušiñga* женщины, жены.

9. Некоторые имена образуют множественное число двояко: *kama-mu* и *kama-nj* (ед. ч. *kama*) войлоки, *kurtani-mu* и *kurtani-čing* (ед. ч. *kurtani*) мужские рубашки, *žiñge-mu* и *žiñge-čing* (ед. ч. *žiñge*) рукава.

10. Многие имена употребительны только в форме множественного числа: *xaǐxučing* тина, ил, *peting* зола, пепел, *aṡting* тело, стан, рост, *cering* внутренности, кишки, *ƀayu* соль, *māmu* молоко, *pulčing* кость, бахрома, *tilihang* седло, *tamang* узда, поводья.

§ 20. Отношения между именами, помимо реальной обстановки, находящей в языке лишь частичное отражение или не отражающейся вовсе, выражаются расположением слов и послелогами, часто приобретающими суффиксальный характер. Кроме того, в языке имеется косвенный падеж, к сожалению представленный в записанных образцах весьма немногими примерами, так что трудно определить степень его жизненности. При этом, наряду с употреблением косвенного падежа, в аналогичных случаях иногда появляется имя в неохарактеризованной форме (именительном падеже) или в сопровождении послелога. Косвенный падеж местоимений проявляет больше устойчивости.

В именах косвенный падеж образуется прибавлением к основе, совпадающей с именительным падежом, окончания *-e* и употребляется для выражения как родительного падежа, так и логического субъекта; примеры (в значении родительного падежа): *ne uṭe daman* тот верблюда хозяин (I, 21), *se uṭe xat* того верблюда рот (I, 14); (в значении логического субъекта): *gu uṭe ža ƀušu šīy* твой верблюд моего теленка съел (I, 17), *uṭe ƀušu aí šiçimi* верблюд теленка не ест (I, 18), *sese duγarasen* люди спросили (I, 30, 55), *sese senen* люди сказали (I, 32), *sese izā učiyen* люди поношение дали (I, 57), *ne sese pul ƀuṭ ƀi* тем человеком денег много имеется, *ža aya arene yana* моей моей-собственной моей-рукой взято, т. е., я взял своей рукой.

§ 21. Однако, наряду с косвенным падежом, в аналогичных случаях употребляется и именительный (неоформленный); причем родительный падеж выражается простой постановкой определяющего имени пред определяемым; примеры: *ne aču ƀušu* того брата теленок (I, 8), *se ƀušu multan* того теленка кровь (I, 14), *ne se ƀušu daman* тот того теленка хозяин (I, 16), *ža äçu ha* моего брата дом. При этом возможно, что в последних случаях наблюдается лишь формальное совпадение именительного и косвенного падежей, в виду гласного исхода имен в примерах и отпадения поэтому особого окончания *-e*, характеризующего косвенный падеж.

В значении логического субъекта именительный (неоформленный) падеж употребляется, как при непереходных, так и при переходных глаголах: *hen hir cāǐ yayum ƀay* один человек умолот собирал (I, 41), *se žakun te cāla gali* тот осел в то зерно пошел (I, 43), *ne hir daň yaṭe deli* тот человек камнем ударил (I, 44), *we uçukon duγaresen* те братья спросили (I, 52) и др.

Логический объект также выражается неоформленным (именительным) падежом; примеры: *ne äčuyon iya se buši yārčum cek* тот младший того своего теленка берег (I, 5), *se uṭ yarki* того верблюда взял (I, 14), *mi ne nani mosqayan* мы его мать убьем (I, 36), *qōzī kitēp seni* судья книгу читал (II, 1) и др.

§ 22. Прочие отношения выражаются при помощи послелогов; большинство их носит вполне самостоятельный характер, некоторые теснее примыкают к имени, сливаясь или почти сливаясь с ним и приобретая характер суффиксов. Разницу провести трудно, в виду ограниченного количества материала. Некоторым критерием может служить наличность или отсутствие местоименной характеристики (префикса) при послелогах. Те послелоги, которые могут соединяться с местоименными характеристиками, имеют еще вполне самостоятельный характер.

Послелог *yaṭe* обозначает нахождение наверху (*yaṭes* голова); он же употребляется в значении инструментальном, указывая средство, орудие; примеры: *uṭ yaṭe* на верблюде, на верблюда (I, 22, 23), *žakun yaṭe* на осла (I, 39), *dañ yaṭe* камнем (I, 44), *reñ yaṭe* рукой (II, 6), *qalam yaṭe* пером, *aya alčimu yaṭe* собственными (моими) глазами. Примеров употребления *yaṭe* с местоименными характеристиками не имеется; но для буришского Лейтнером приводится (стр. 211) случай присоединения послелога *yaṭe* к предшествующему послелогу *-cum: hatsum yette* over the house.

Послелог *cum* обозначает происхождение, отделение; чувствуется еще вполне самостоятельным; употребляется с местоименными префиксами; примеры: *hen nani mu-cum bam* от одной матери были (букв.: одна мать от-нее были) (I, 2, 3), *te dorŭ cum xəǰal numa* от того поступка смущенными сделавшись (I, 33), *kene hir cum hen yē dimani* от этого человека один ребенок родился, *kumu gus mu-cum aḷtan yū dumanen* от этой женщины двое детей родилось.

Послелог *gandi* для, ради, чувствуется самостоятельным; употребляется с местоименными префиксами; примеры: *uṭe gandi* за верблюда (I, 31), *äsqanuma buša gandi* за мертвых телят (I, 32), *šüwa gus mu-gandi* за красивую девушку (I, 56).

Для выражения места употребляется три частицы: *-uḷä* (*-ḷä*), *-ḷa* (*-a*) и *-uḷum* (*-ḷum*, *-um*); все они утратили самостоятельность, в качестве суффиксов сливаются с именем и с местоименными префиксами не соединяются.

Суффикс *-uḷä* (*-ḷä*) обозначает нахождение внутри или достижение чего-нибудь (*uḷ*, *auul* желудок), служа для выражения местного падежа; примеры: *rat-uḷä* в степи, в степь (I, 12), *žaya-uḷä* в месте, в место (I, 40),

uš-ułä в возмещение (I, 21, 50), *kitēp-ułä* в книге (II, 2, 12), *äs-ułä* в (его) сердце (II, 4), *mušk-ułä* в лесу, *tarce-ułä* в Вахане, *ha-łä* дома.

Суффикс *-ła* (*-a*) обозначает стремление, направление к чему-либо, являясь выражением направительного падежа; примеры: *bāzār-a* на базар (I, 29, 54), *cāł-a* в умолот (I, 43), *mušk-a* в лес, к лесу, *ha-ła* домой, в дом, к дому, *to-ła* туда, *ko-ła* сюда.

Направление откуда-нибудь, отделение от чего-нибудь, исход из чего-нибудь выражается суффиксом *-ułum* (*-łum*, *-um*), имеющим смысл исходного падежа; примеры: *mušk-ułum* из лесу, *ha-łum* из дому, *to-łum* оттуда, *ko-łum* отсюда, *tarce-um* из Вахана, *an-um* откуда?

Пребывание перед кем-нибудь, достижение кого-нибудь выражается послелогом *paya*, чувствуемым вполне самостоятельным и соединяющимся с местоименными префиксами; в буришском наречии этому послелогу соответствует с аналогичным значением *patsh*; примеры: *bādšā äpaya* к царю (I, 20, 48), *ne hir äpaya* к тому человеку, перед тем человеком.

Послелог с противоположным значением пребывания позади кого-нибудь, удаления от кого-нибудь не встретился в соединении с именем. Однако наречие *i-lǰi* назад, назад от него, представляет собой этот послелог с местоименной характеристикой. В буришском наречии Лейтнером (стр. 210) отмечаются *a-lǰi* behind me и *gu-lǰi* behind thee. Вероятно, только недостаток материала не позволяет привести примеры употребления *-lǰi* вместе с именами.

Частица *-γa* выражает направление, стремление к чему-либо, воздействие на кого-нибудь. В соединении с именами она встречена лишь в первом значении; пример: *ža tarce-γa da-curam* я в Вахан еще приду. При глаголах со значением спрашивать и давать она соединяется с дополнением лица. Примеров ее употребления вместе с местоимениями больше.

Значение частицы *-ce* недостаточно ясно. Вот примеры ее употребления с именами: *se uṭe xat-ce maltari* того верблюда рот помазал (I, 14), *xat-ce małtan ka žü duwašqaynum bi* рот испражнениями и кровью обмазанным кажется (I, 19), *reṅ yaṭe nī-ce duhoni* рукою бороду схватил (II, 6), *kaṭar čirāγ-ce duhoni* половину в светильник опустил (II, 7), *nī-ce pu bali, ren-ce bali* бороду огонь охватил, руку охватил (II, 8), *nī kul-ce bali* бороду всю охватил (II, 10).

§ 23. Местоимения соединяются с теми же послелогами, что и имена; послелоги при этом иногда снабжаются добавочными местоименными характеристиками.

Послелог *yaṭe* в соединении с местоимениями среди вершикских

записей не встречается. Но в буришском имеется, по Лейтнеру (стр. 210), сочетание *dja-ett* в значении over me.

Послелог *сит* с местоимениями соединяется очень часто. Примеры: *ип ẑа сит уауита* ты от меня берешь, *ẑа пе сит уауат* я от него беру (в зависимости от категории вместо *пе* может быть поставлено *se* и *te*), *ẑа go дисит уауат* я от тебя беру, *ẑа ти тисит уауат* я от нее беру (в такой разбивке *ти* понимается, как именительный падеж, а *тисит*, как послелог с местоименной характеристикой; возможно, однако, принять *тити* за косвенный падеж, сопровождаемый послелогом *сит* без местоименной характеристики, в таком случае было бы *тити сит*), *ẑа та тасит уауат* я от вас беру, *ẑа we исит уауат* я от них беру (в зависимости от категории вместо *we* может стоять *ce* или *k̀e*; но в таких случаях послелог *сит* употребляется без префикса *и-*, характеризующего I и II категории).

Послелог *gandi* с местоимениями не отмечен.

Послелог *paya* с местоимениями отмечен, как с добавочными местоименными характеристиками, так и без них; примеры: *ẑа apaya* ко мне, передо мною, *we ираya* к ним, перед ними, *go paya* к тебе, перед тобою, *ти paya* к ней, перед нею, *та paya* к вам, перед вами, *те paya* к нам, перед нами.

Частица *-γа* присоединяется к косвенному падежу местоимений при употреблении их с глаголами, значащими спрашивать и давать; примеры: *ẑа goγa, титиγа, таγа, weγa duγarišат* я тебя, ее, вас, их спрашиваю, *ип ẑаγа, пеγа, титиγа, тiγа, weγa duγarišiта* ты меня, его, ее, нас, их спрашиваешь, *пе ẑаγа, goγa, титиγа duγarišiті* он меня, тебя, ее спрашивает, *ẑа пеγа, титиγа, seγa, weγa, ceγa иуат* я ему, ей, им дал, *ẑа goγa guċат* (*тuċат*) я тебе даю, *ẑа таγа таuċат* я вам даю, *ẑа пеγа, weγa uċат* я ему, им даю, *та ẑаγа, weγa, титиγа uċітеп* вы мне, им, ей даете.

Исключительно в соединении с частицею *-γа* встречается в вершикских материалах послелог *-пg-* (*-ngi-*, *-n̄gu-*): *ẑа, пе, se ingiγa* мне, ему навстречу, *go gunguγa* тебе навстречу, *ти тungiγa* ей навстречу, *тi тingiγa* нам навстречу, *та tangiγa* вам навстречу, *we, ce ungiγa* им навстречу. Но в буришском наречии, по Лейтнеру (стр. 210), этот послелог отмечается и без *-γа* в формах: *ingi* preceding him и *mungi* preceding her.

Послелог (частица) *-ce* отмечен в соединении со всеми местоимениями: *ẑа ce, go guce, пе ce, ти тuce, тi тice, та тace, we uce, se ce, te ce, ce ce*. Кроме того, записан следующий пример: *ẑа-ce han pul bi* (*duwa*), *bim* (*du-łum*) мною одна копейка имеется, имелась, у меня одна копейка есть, была.

§ 24. Числительные:

1	*han, hen, häk*	18	*túrum altāmbu*
2	*haltó, altán*	19	*truma hučó*
3	*iskí, iské*	20	*altár*
4	*wálto*	30	*altár ka túrum*
5	*cendó*	40	*haltó altár*
6	*bešíndo*	50	*haltó altár ka túrum*
7	*tālú*	60	*iskí altár*
8	*altāmbu*	70	*iskí altár ka túrum*
9	*hučó*	100	*ta*
10	*túrum*	112	*tá ka trumá altó*
11	*túrum han*	135	*häk tá ka altár ka trumá cendo.*

Грирсон приводит слегка отличающиеся формы. Порядковые не записаны. Различные формы первых трех числительных употребляются в зависимости от различия в категории (роде) имен. Наименование исчисляемых предметов ставится после количественных во множественном числе.

На вигезимальность в системе счисления, общую с другими гиндукушскими языками, равно как на общий корень числительных 2, 4, 8 и 20 обращено внимание уже Томашеком, им же произведен опыт сопоставления вершикских и бурушских числительных с числительными иных языков.

§ 25. Вершикский глагол различает две основы: настоящую, от которой образуются настоящие времена (настояще-будущее и настоящее определенное), отглагольное имя (неопределенное наклонение) и некоторые другие формы, и прошедшую, от которой образуются прошедшие времена и повелительное наклонение, 2-е лицо единств. ч. которого представляет, большею частью, эту основу в чистом виде.

По характеру этих двух основ встречающиеся в записях глаголы могут быть разделены на три разряда. К первому принадлежат глаголы, настоящая основа которых исходит на *-y*, а прошедшая соответственно на *-n*. Таковы глаголы:

yay-a взять, приобретать,	прош.	осн.	*yan-a*
a-yay-a спать, засыпать,	»	»	*a-yan-a*
a-may-a делаться, становиться,	»	»	*a-man-a*
da-may-a рождаться,	»	»	*da-man-a*
γay-a смотреть,	»	»	*γan-a*
siy-a сказать,	»	»	*sen-i*
a-xatiy-a не говорить,	»	»	*a-xatän*
ayi-siy-a » »	»	»	*ayi-sen*

duhoy-a схватить,	прош. осн. *duhon-i*
a-tuhoy-a не схватывать,	» » *a-tuhun-a*
ä-sqay-a убить,	» » *ä-sqan-a*
łay-a мочь, быть в состоянии,	» » (*ulan*)[1]

a-wul-a (*o-wley-um*)[2] не мочь, не быть в состоянии.

Вторую группу образуют глаголы с настоящей основой на *-č* (иногда *-ç̌*), который в прошедшей основе исчезает или чередуется с *-y* (реже *-t*, *-k*); это *č* характерно для настоящей основы, и вероятно его происхождение от гл. *äča* делать. К этому разряду принадлежат глаголы:

yārč-a заботиться, беречь, холить,	прош. осн. *yār-a*
małtarč-a мазать,	» » *małtar-a*
herč-a плакать,	» » *her*
da-γašč-a находить,	» » *daγaš-i*
a-te-γašč-a не находить,	» » *a-te-γaš-a*
germinč-a писать,	» » (*girmin*)[3]
γainč-a казаться,	» » *γain-a*[4]
deč-a[5] ударить, побить,	» » *deł-a*
ēcič-a[6] зажечь,	» » *ēc-a*
yavič-a[6] искать,	» » *yav-i*
a-valč-a упасть, падать,	» » *a-vał-a*
vašč-a » »	» » *vaščiy-a*[7]
uç̌-a дать, отдать,	» » *uçiy-en*,[7] *uy-a*, *n-u*[8]
šiç̌-a есть,	» » *šiy*
cuč-a нести,	» » *cuy-a*
gučač-a ложиться спать,	» » *gučay-a*
hulǰač-a садиться, сажать верхом,	» » *hulǰay*
(*nitsch-am*)[9] итти, уходить,	» » *ney-am*
äč-a делать,	» » *et-i*

[1] По Лейтнеру (стр. 204), пов. накл. гл. to be able.

[2] По Биддёльфу (стр. XII), буришский praesens.

[3] Буриш. пов. накл. гл. to write (Лейтнер, стр. 207).

[4] Ср. основы гл. *yay: yan* смотреть.

[5] Из **delč* или **delǰ*; последняя форма в буришском засвидетельствована Лейтнером: *dejaba* or *deljaba* I am striking (стр. 221 Note).

[6] Эти формы отличаются от предыдущих наличностью *-i-* перед *-č-* и позволяют предполагать происхождение *ēc-ič-a* из **ēc-äča* и *yav-ič-a* из **yav-äča*.

[7] Образованы наращением на настоящую основу *-iy-*.

[8] Прошедшая основа гл. *uç̌a* давать представляет три типа образования.

[9] По Лейтнеру (стр. 221), будущ. время.

pateč-a оставить, осн. прош. *patit-a*
γarč-a брать, хватать, » » *γark-i*.

К третьей группе принадлежат немногочисленные глаголы с настоящею основой на *-š*:

yeš-a видеть,	прош. осн.	*yec-a*
diš-a привести,	» »	*dic-a*
du-γariš-a, *de-γariš-a* спрашивать,	» »	*du-γaras-a*, *du-γaris-a*
huruš-a сесть, сажать,	» »	*hurut-a*.

Наконец, некоторые глаголы дают возможность определить лишь одну из двух основ, почему их трудно отнести к той или другой группе. Таковы: *bal-i*, *bal-a* охватить, схватить, достичь, *gal-a*, *žo*, *cur-a* итти, уходить, *day-a* приходить.

§ 26. От этих двух основ производятся все формы вершикского глагола, следуя двум типам образования: основному и причастному, т. е. образуясь в первом случае непосредственно от основы, во втором — от соответствующего причастия. И основные и причастные формы являются в простом и сложном виде в зависимости от отсутствия или наличия вспомогательного глагола. Их структура, повидимому, вполне симметрична: каждой основной форме соответствует причастная; но представлены они в наличных материалах неодинаково.

При этом наблюдается различие между вершикским и буришским диалектами: в первом преобладает причастный тип образования (сложные времена допускают лишь одно исключение); в буришском сложные времена основного типа образования, простые — преимущественно причастного, поскольку позволяют судить материалы Лейтнера и Биддёльфа.

Формы основного типа получаются присоединением к одной из двух глагольных основ соответственно окончаний:

Един. ч. 1 и 2 л.: *-a*
3 л. м. р. (I кат.) *-i*
ж. р. (II кат.) *-u*
Множ. ч.: *-an*, *-en* (*-än*).

Для III и IV категорий в вершикском особых окончаний не отмечено; в буришском в некоторых случаях они отличны от окончаний I и II кат.

Формы причастного типа присоединяют те же окончания к образованному от соответствующей основы причастию на *-um*. В 1-м лице ед. ч. окончание отсутствует: *auulam* я не могу, значит буквально: я слабый, больной, немощный (соответствующее прилагательное имеется в виде

awulum)[1]. Во множественном числе окончание *-en*. Огласовка причастной формы глагола меняется в зависимости от лица (ср. § 8):

Ед. ч.	1 л.:	*-am*
	2 л.:	*-um, -im*
	3 л. м. р.	*-im, -em, -um*
	ж. р.	*-em, -um*
Мн. ч.:		*-am, -im, -em, -um.*

Сложные формы получаются путем сложения простых (как основных, так и причастных) со вспомогательным глаголом.

§ 27. Вспомогательный глагол, означающий «быть, существовать, иметься, становиться», имеет лишь простые формы: одну основную и одну причастную; первая употребляется в значении настоящего времени, вторая — прошедшего.

	Основная форма (наст. время)	Причастная форма (прош. время)
Ед. ч. 1 и 2 л.	*ba*	*ba-m*
3 л. I кат. (м. р.)	*bay*	*ba-m*
II кат. (ж. р.)	*bu, bo*	*bu-m*
III кат. (жив.)	*bi*	*bi-m*
IV кат. (неодуш.)	*duwa*	*dulu-m*
Мн. ч.	*ban*	*ba-m.*

Возможно, что во множественном числе существуют особые формы для III и IV-й категорий, но они не отмечены в записях. Основою надо считать *ba*, с которою слились личные окончания, указанные выше. Суффикс причастной формы *-m*. Формы IV категории: *duwa* и *dulum* объясняются наличными в буришском параллельными формами: *bia*||*bila*||*dila*. Соответствующие отрицательные формы образуются префиксацией отрицания *a-* и заменой начального звонкого *b-* глухим *-p-* (см. § 12): *apa, upam* и т. д.

§ 28. Отглагольное имя (неопределенное наклонение) получается от настоящей основы прибавлением окончания *-a*. Примеры: *ža čāypak yay-a łayam* (*awulam*) я чайник взять могу (не могу), *ža gus mucuç-a łayam* (*awulam*) я жену ее-взять могу (не могу).

Вероятно, окончание *-a* тожественно с достигательною (направительною) частицей *-a* в именах, как напр., *bāzār-a* на базар, *mušk-a* в лес и т. д., см. § 22. В вершикском не отмечены случаи употребления отглагольного

[1] Вообще, многие прилагательные имеют окончание *-um*: *matum* черный, *burum* белый.

имени с послелогами, но в буришском (как и в иранских припамирских) подобные сочетания имеют место.

§ 29. Настояще-будущее время сохранило 1-е л. мн. ч., образованное непосредственно от основы прибавлением к ней окончания мн. ч. *-an*. Остальные формы образуются от причастия, огласовка которого меняется: 3 л. м. р. ед. ч. *-i-*, 3 л. ж. р. ед. ч. и 2 л. *-u-*, 1 л. ед. ч. и все формы мн. ч. *-a-*. К причастию прибавляются соответствующие окончания. 1-е лицо ед. ч. представляет собою причастие в чистом виде. Особые формы для III и IV категорий не записаны. В буришском сохранился бо́льший параллелизм основного и причастного типов, и почти все формы представлены двояко.

Настояще-будущее время гл. *γarča* брать, хватать.

Ед. ч. 1 л.	*ža γarč-am*	Мн. ч. 1 л.	*mi γar-čan*
2 л.	*un γarč-um-a*	2 л. *ma*	*γarč-am-en.*
3 л. м. р.	*ne γarč-im-i*	3 л. *we*	
ж. р.	*mu γarč-um-u*		

Настояще-будущее употребляется главным образом в значении будущего времени; в тексте имеется лишь один пример употребления его в качестве настоящего, при этом в общем смысле: *ai šiçimi* не ест (вообще) (I, 18). Настоящее же действие или состояние выражается посредством сложного настоящего определенного времени.

§ 30. Сложные времена настоящей основы, это — настоящее определенное и условное (иначе прошедшее многократное). 1-е лицо мн. ч. обоих времен, подобно настояще-будущему, образуется непосредственно от основы, прибавляя к ней окончание *-an*. Остальные формы состоят из причастия (огласовка 1-го лица *-a-*, остальных *-u-*), сложного с настоящим временем вспомогательного глагола *ba* — для настоящего определенного времени, и частицею *cek* — для условного времени.

Гл. *γarča* брать, хватать.

Настоящее определенное время.		Условное (прошедшее многократное) время.	
Ед. ч. 1 л.	*ža γarč-am ba*	Ед. ч. 1 л.	*ža γarč-am cek*
2 л.	*un γarč-um ba*	2 и 3 лл.	*un, ne, mu γarč-um cek*
3 л. м. р.	*ne γarč-um bay*		
ж. р.	*mu γarč-um bu*		
Мн. ч. 1 л.	*mi γarč-an ban*	Мн. ч. 1 л.	*mi γarč-an cek*
2 л.	*ma γarč-um ban*	2 и 3 лл.	*ma, we γarč-um cek.*
3 л.	*we γarč-um ban.*		

Настоящее определенное время можно считать единственной формой выражения настоящего времени, так как настояще-будущее приобрело значение будущего. Форма, сложная с неизменяемой частицей *cek*, выражает ирреальное условие (если бы...бы), а также многократно повторявшееся в прошлом действие.

В буришском наречии сложные времена образуются непосредственно от основы, но параллельно имеется несколько случаев и причастных образований. В буришском отмечен еще Imperfect, не встретившийся в вершикских записях. Он образуется сложением настоящей основы с прошедшим временем вспомогательного гл. *ba*.

§ 31. Прошедшая основа проявляется в повелительном наклонении, прошедших временах (основном и причастном), давнопрошедшем времени и деепричастии.

Повелительное наклонение отмечено во 2 лице ед. и мн. чисел; в единств. ч. оно представляет или чистую основу или наращенную окончанием *-e*; во мн. ч. окончание *-ing* (ср. такой же суффикс мн. ч. в именах): *γark* бери, хватай, мн. ч. *γark-ing*, *sen-e* говори, скажи, мн. ч. *sen-ing*.

§ 32. Прошедшее время параллельно представлено двумя рядами форм: основными и причастными. Способ образования тех и других один и тот же: прибавляются соответствующие окончания: в 1-м случае — к основе, во 2-м — к причастию; в 1-м л. причастной формы окончание отсутствует. Причастие имеет огласовку: в 1 л. *-a-*, во 2 л. и 3 л. ж. р. *-u-*, в остальных *-i-*.

Прошедшее вр. гл. *γarča* брать, хватать.

	Основной тип.	Причастный тип.
Ед. ч. 1 л.	*γark-a*	*γark-am*
2 л.	*γark-a*	*γark-um-a*
3 л. м. р.	*γark-i*	*γark-im-i*
ж. р.	*γark-u*	*γark-um-u*
Мн. ч.	*γark-en*	*γark-im-en.*

В текстах встречается исключительно основная форма; повидимому, она для вершикского должна считаться преобладающей. В буришском обратное явление: обоим исследователям (Лейтнеру и Биддёльфу) под именем Perfect известна лишь причастная форма.

§ 33. Прошедшее деепричастие получается из прошедшей основы прибавлением особого префикса *n-* с различной огласовкой: *ne-*, *nu-*, *ni-*: *nu-maltar* помазав, *nu-her* заплакав, *ne-γa* посмотрев, *n-ēte* сделав, *neγan* шед, шедши. (В последнем случае исход *-an* не принадлежит к основе,

а, повидимому, является тем же деепричастным показателем, но присоединенным в качестве суффикса).

§ 34. **К сложным временам прошедшей основы** относится давно-прошедшее время. Оно образуется сложением причастия с прошедшим временем вспомогательного глагола *bam*. Причастная огласовка в 1-м лице ед. ч. *-a-*, в остальных *-u-*; дополнительные окончания не прибавляются.

Давнопрошедшее время гл. *γarča* брать, хватать.

Ед. ч. 1 л.	*γark-am bam*
2 и 3 л. м. р.	*γark-um bam*
3 л. ж. р.	*γark-um bum*
Мн. ч.	*γark-um bam*

В буришском это время, как и другие сложные, образуется непосредственно от основы.

Имеется несколько примеров употребления для III категории особой формы прошедшего времени, образованной путем сложения прошедшего причастия с настоящим временем вспомогательного глагола, именно: *γain-um bi* показалось, *a-qayn-um bi* не показалось, *ža dic-um bi* мною приведено (во всех случаях говорится о животном).

Кроме того, в тексте (I, 23) встречается форма *huljam bay* от гл. *huljača* садиться верхом, прош. основ. *hulja*, *huljay*. Эту форму можно назвать, по аналогии с настоящим определенным временем, — прошедшим определенным. В буришском имеется аналогичная форма (образованная, впрочем, по примеру других сложных времен, непосредственно от основы), называемая Биддёльфом и Лейтнером Preterite.

§ 35. **В сложных формах, когда речь идет о предметах III и IV категорий, вспомогательный глагол согласуется с ними и ставится** в форме соответствующей категории. Примеры (наст. опр. вр.): *γainč-um bi* кажется, (давно-прошедш. вр.): *ža dic-um bim* мною было приведено, я привел, *ža maltar-um bim* мною было помазано, я помазал, *hulja-m bim* было посажено, положено, *ža äsqan-um bim* мною было убито, я убил (говорится во всех случаях о животных); сюда же относятся три приведенных выше примера сложной формы прошедшего времени (*γainum bi* и др.).

Такое же согласование с обладаемым предметом имеет глагол *ba*, *bam*, когда он употребляется со значением «быть, иметься, иметь»; в этих случаях или логический субъект выражается косвенным падежом или ему сопутствует частица *-ce*. Примеры выше.

§ 36. **Многие глаголы, подобно именам, употребляются исключительно с префиксальными местоименными характеристиками,**

указывающими главное лицо (или предмет), участвующее в действии (активно или пассивно). Местоименная характеристика в таких случаях совершенно сливается с глаголом; без нее глагол не может существовать. Каждый глагол допускает только одну характеристику; ее значение (субъективное или объективное) определяется значением глагола. Характеристики те же, что и у имен. В остальном глаголы с местоименными префиксами ничем не отличаются от простых глаголов.

Гл. *a-yay-a* спать, засыпать.

	Наст.-буд. вр.	Наст. опр. вр. (также условное время).
Ед. ч. 1 л.	*ǯa a-yay-at*	*ǯa a-yay-at ƀa (cek)*
2 л.	*un gu-yay-um-a*	*un gu-yay-um ƀa (cek)*
3 л. м. р.	*ne ä-yay-im-i*	*ne ä-yay-um ƀay (cek)*
ж. р.	*ти ти-yay-um-u*	*ти ти-yay-um ƀu (cek)*
Мн. ч. 1 л.	*mi mi-yay-an*	*mi mi-yay-an ƀan (cek)*
2 л.	*ma ma-yay-im-en*	*ma ma-yay-um ƀan (cek)*
3 л.	*we u-yay-im-en*	*we u-yay-um ƀan (cek).*

Так же образуются времена и прошедшей основы:

Прош. вр. (основной тип).

Ед. ч. 1 л.	*ǯa a-yan-a*	Мн. ч. 1 л.	*mi mi-yan-en*
2 л.	*un go-yan-a*	2 л.	*ma ma-yan-en*
3 л. м. р.	*ne ä-yan-i*	3 л.	*we u-yan-en.*
ж. р.	*ти ти-yan-u*		

Так же спрягается гл. *a-valč-a* падать и другие: *ǯa a-valč-at*, *un gu-valč-um-a* и т. д.

Подобно именам, некоторые глаголы уже утрачивают иногда местоименный префикс, в прочих случаях обязательный. Примером может служить глагол *a-may-a* делаться, становиться, который в 3-м лице, даже женск. р., употребляется уже без префиксальной характеристики:

	Наст.-буд. вр.	Прош. вр.
Ед. ч. 1 л.	*ǯa a-may-at*	*a-man-a*
2 л.	*un gu-may-um-a*	*gu-man-a*
3 л. м. р.	*ne mai-m-i*	*man-i*
ж. р.	*ти may-um-u*	*man-u*
Мн. ч. 1 л.	*mi mi-may-an*	*mi-man-en*
2 л.	*ma ma-may-am-en*	*ma-man-en*
3 л.	*we u-may-am-en*	*u-man-en.*

Примером обязательной префикации характеристики, указывающей объект действия (субъект состояния), может служить глагол *ä-sqay-a* убивать:

Наст.-буд. вр.	*ẑa akar ä-sqayam*	я себя убиваю,
	ẑa un gu-sqay-am	» тебя »
	ẑa ne ä-sqay-am	» его »
	ẑa mu-sqay-am	» ее »
	ẑa ma ma-sqay-am	» вас »
	ẑa we u-sqay-am	» их »
	ẑa o-sqay-am	» » »
	ẑa ce ä-sqay-am	» » » (животных),
	ne mi me-sqai-m-i	он нас убивает.

В этих примерах видно уже некоторое разложение системы префиксации: как и в именах, наиболее употребительный префикс 3-го лица ед. ч. *ä-* начинает вытеснять другие; он вытеснил уже фонетически близкий к нему префикс 1-го лица и также употребляется применительно к именам III категории (животным). В 3-м лице ж. р. отпало самостоятельное местоимение, а в 3-м л. мн. ч. употребляется выражение как с ним, так и без него.

Многие глаголы употребляются уже обычно без префиксов, но в некоторых случаях префикс обязателен; это имеет место всегда, когда действие имеет логическим объектом (пассивное состояние имеет логическим субъектом) женщину. Примеры: *ẑa hurušam* я сижу, сажусь, *ẑa ä-hurušam* я сажаю (его), *ẑa mu-hurušam* я сажаю (ее), *ẑa u-hurušam* я сажаю (их), *suča* везти, вести, нести, *mu-suča* брать жену (вести ее), *ẑa yavičam* я ищу, *ẑa mu-yavičam* я ищу (ее), *ẑa u-yavičam* я ищу (их) (о людях), *ẑa ce yavičam* я их ищу (о животных).

Местоименный префикс указывает также лицо, на которое направлено действие (косвенный объект): *ẑa goγa g-uçam* я тебе тебе-даю, *ẑa goγa m-uçam*[1] я тебе женщине-даю, *ẑa m-uçam*[1] я женщине-даю, *ẑa maγa ma-uçam* я вам вам-даю; но в то же время употребительны формы и без префиксов: *ẑa neγa uçam* я ему даю, *ẑa weγa uçam* я им даю, *ma ẑaγa uçimen* вы мне даете, *ma weγa uçimen* вы им даете, *ma mumuγa uçimen* вы ей даете.

То же наблюдается в глаголе *äça* делать: *ẑa äčam* я делаю, сделаю, *ẑa un g-učam* (или *gu-čam*) я тебе делаю, *ẑa mu m-očam* (или *mo-čam*)

[1] Из этих примеров видно, что префиксальная характеристика *mu-*, *m-* характеризует не 3 л. ж. р., а женскую (II-ю) категорию вообще.

я ей делаю, *ne mi m-äčimi* (или *mä-čimi*) он нам делает, *ne un g-ŭti* он тебе сделал, *ne mi m-ētii* (I, 35) он нам сделал.

Префиксальные формы глагола *yay-a* взять, брать показывают различные значения характеристик: *ža yayam* я беру, *ža mu-yayam* я беру (ее), *ža u-yana* я взял (их), *ža ce yana* я их взял (о животных), *ža mu-yana* я взял (ее), *ža aya mu-yana* я себе взяла, *un mu-yana* ты взял (ее), *un gukara mu-yana* ты себе взяла, *un gukara yana* ты себе взял, *n-i-ya* взятый, взявший, взяв, *nu-mu-ya* взятая, взявшая, взяв.

§ 37. В прошедших деепричастных формах, уже имеющих, в качестве префикса, деепричастный показатель *n-*, местоименные характеристики занимают следующее за ним место, как это видно в последних двух примерах. Когда глагол имеет характеристики во всех формах, получается особое деепричастное спряжение, которым выражается действие, предшествовавшее другому действию.

Деепричастное спряжение гл. *a-maya* делаться, становиться.

Ед. ч.	1 л.		*ža xafa n-a-ma gal-a*
	2 л.		*un xafa nu-ku-ma gal-a*
	3 л.	м. р.	*ne xafa n-i-ma gal-i*
		ж. р.	*mu xafa nu-mu-ma gal-u*
Мн. ч.	1 л.		*mi xafa ni-mi-ma gal-än*
	2 л.		*ma xafa na-ma-ma gal-än*
	3 л.		*we xafa n-u-ma gal-än.*

Перевод: я (ты, он и т. д.) огорчен (-а, -ы) сделавшись ушел (-а, -и).

Деепричастное спряжение гл. *a-yaya* спать, засыпать.

Ед. ч.	1 л.		*ža n-a-yan a-wilji yec-a*
	2 л.		*un nu-ku-yan gu-wilji yec-a*
	3 л.	м. р.	*ne n-e-yan wilji yec-i*
		ж. р.	*mu nu-mu-yan mu-wilji yec-u*
Мн. ч.	1 л.		*mi ne-me-yan mi-wilji yec-en*
	2 л.		*ma na-ma-yan ma-wilji yec-en*
	3 л.		*we n-u-yan wilji yec-en.*

Перевод: я (ты, он и т. д.) заснув сновидение видел (-а, -и).

Глаголы, характеристика которых указывает направление действия, прямой или косвенный объект, сохраняют ее в том же значении в деепричастии: *n-ä-sqan* убив (его), *nu-mo-sqan* убив (ее), *n-u-sqan* убив (их); *n-u* дав (ему), *ce n-u* им дав (о животных), *nu-m-u* дав (ей); *ni-del* ударив (его), *nu-mu-del* ударив (ее), *n-u-del* ударив (их), *ce ni-del* их ударив

(о животных); *n-e-hulǯa* посадив (его), *nu-mu-hulǯa* посадив (ее), *n-u-hulǯa* посадив (их).

§ 38. Глаголы, сложные с предлогом *d*- (*du*-, *di*-, *da*-), помещают местоименную характеристику в виде инфикса. В зависимости от значения глагола она указывает субъект или объект действия.

Прош. вр. гл. *damaya* рождаться.

Ед. ч. 1 л.	*ž̊a d-a-man-a*	Мн. ч. 1 л.	*mi di-mi-man-en*
2 л.	*un du-ku-man-a*	2 л.	*ma da-ma-man-en*
3 л. м. р.	*ne d-i-man-i*	3 л.	*we d-u-man-en.*
ж. р.	*mu du-mu-man-u*		

Наст.-буд. вр.

1 л.	*ž̊a d-a-may-am*
2 л.	*un du-ku-may-m-a* и т. д.

Гл. *diša* приводить, привозить, приносить.

Наст.-буд. вр.		Прош. вр.	
ž̊a d-i-šam	я привожу (его)	*ž̊a d-i-c-a*	я привел (его)
ž̊a du-mu-š-am	» » (ее)	*ž̊a du-mu-c-a*	» » (ее)
ž̊a d-u-š-am	» » (их)	*ž̊a d-u-c-a*	» » (их).

От гл. *duγariša* спрашивать, существует два ряда форм: с местоименными характеристиками и без них:

(с местоименными характеристиками)

ž̊a ne d-e-γariš-am	я спрашиваю его
ž̊a mu du-mu-γariš-am	» » ее
ž̊a ma da-ma-γariš-am	» » вас

(без них)

ž̊a goγa du-γariš-am	» » тебя
ž̊a mumuγa du-γariš-am	» » ее
ž̊a maγa du-γariš-am	» » вас.

Глаголы со значением «приходить» и «находить» представляют значительные отступления от описанного типа. Глагол «приходить» недостаточный. От него употребительны лишь прошедшее и давнопрошедшее времена.

Прош. вр.

Ед. ч. 1 л.	*ž̊a d-a-y-a*	Мн. ч. 1 л.	*mi de-me-y-a*
2 л.	*un du-ku-y-a*	2 л.	*ma da-ma-y-a*
3 л. м. р.	*ne d-i-y-a* (*d-i-a*)	3 л.	*we d-u-y-a.*
ж. р.	*mu du-mu-y-a*		

По форме это время представляет собою деепричастное спряжение и может быть переведено на русский язык приблизительно близкими народными формами: я (ты, он и т. д.) пришедши; необходимо лишь прибавить изменяемость по лицам, числам и родам.

Давнопрошедшее время представляет обычный тип спряжения, лишь с большими фонетическими изменениями.

Ед. ч. 1 л.		*ža d-a-y-am bam*	Мн. ч. 1 л.	*mi de-me-m bam*
2 л.		*uп du-k-am bam*	2 л.	*ma da-ma-m bam*
3 л.	м. р.	*пе d-i-m bam*	3 л.	*uе d-u-m bam*
	ж. р.	*mu du-m-um bam*		

Во всех формах, кроме 1-го лица, глагольный корень внешне исчезает.

Глагол *dayašča* найти, находить представляет также значительные уклонения от нормы. Во всех его формах отчетливо выражена возможность употребления косвенных падежей 2 л. и 3 л. ж. р. ед. ч., вместо именительного, для обозначения логического субъекта. Во всех формах прошедшего времени, а также мн. числа наст.-буд. времени, отсутствуют морфологические показатели лиц. В сложных формах, относящихся к III и IV категориям, наблюдается двойное согласование: префиксальная характеристика меняется в зависимости от лица логического (активного) субъекта, вспомогательный глагол остается неизменным, согласуясь с категорией логического (пассивного) объекта.

Настояще-будущее время.

		Единственное число.		Множественное число.
1 л.		*ža d-u-yašč-am*	1 л.	*mi de-me-yašč-im-i*
2 л.		*gu (uп) du-ko-yašč-um-a*	2 л.	*ma da-ma-yašč-im-i*
3 л.	м. р.	*пе d-e-yašč-im-i*	3 л.	*uе d-o-yašč-im-i.*
	ж. р.	*mumu (mu) du-mu-yašč-um-u*		

Настоящее определенное время (I и II кат.).

		Единственное число.		Множественное число.
1 л.		*ža d-a-yašč-am ba*	1 л.	*mi de-me-yašč-an ban*
2 л.		*gu (uп) du-ko-yašč-um ba*	2 л.	*ma da-ma-yašč-um ban*
3 л.	м. р.	*пе d-e-yašč-um bay*	3 л.	*uе d-o-yašč-um ban.*
	ж. р.	*mumu (mu) du-mo-yašč-um bu*		

Настоящее определенное время III и IV кат.

Ед. ч. 1 л. *ža de-yašč-um bi* (III кат.), *duwa* (IV кат.) и т. д.

Прошедшее время.

Единственное число.		Множественное число.	
1 л.	*ža d-a-γaš-i*	1 л.	*mi de-me-γaš-i*
2 л.	*gu (un) de-ko-γaš-i*[1]	2 л.	*ta da-ma-γaš-i*
3 л. м. р.	*ne d-e-γaš-i*	3 л.	*we d-u-γaš-i.*
ж. р.	*tumu (mu) dumo-γaš-i*		

Давнопрошедшее время (I и II кат.).

Единственное число.		Множественное число.	
1 л.	*ža d-a-γaš-iy-am bam*	1 л.	*mi de-me-γaš-im bam*
2 л.	*gu (un) du-ko-γaš-im bam*	2 л.	*ta da-ma-γaš-im bam*
3 л. м. р.	*ne d-e-γaš-im bam*	3 л.	*we d-o-γaš-im bam.*
ж. р.	*tumu (mu) du-mu-γaš-im bum*		

Давнопрошедшее время III и IV кат.

Ед. ч. 1 л.	*ža da-γaš-um bim* (III кат.), *dułum* (IV кат.)
2 л.	*gu (un) du-ko-γaš-um bim, dułum*
3 л. ж. р.	*tumu (mu) du-mo-γaš-im bim, dułum*
м. р.	*ne d-e-γaš-im bim, dułum*
Мн. ч. 1 л.	*mi de-me-γaš-im bim, dułum*
2 л.	*ta da-ma-γaš-im bim, dułum*
3 л.	*we d-o γaš-um bim, dułum.*

§ 39. Общие свойства рассмотренных префиксальных глаголов могут быть выражены следующим образом.

1. Глаголы префиксального типа имеют в качестве префикса местоименную характеристику, определяющую лицо, категорию (род) или число субъекта или объекта (прямого или косвенного) действия.

2. Наличность местоименной характеристики не постоянна: часто наблюдается опущение префиксов 1 и 3 лл. (или смешение их между собою); наибольшею устойчивостью отличается префикс женского рода.

3. Стечения префиксов не наблюдается: во всех случаях на лицо только один префикс; свойство его определяется значением глагола и обстоятельствами (иногда не выражаемыми в речи) его применения.

4. Обычно глаголы непереходные имеют префикс, определяющий логический субъект действия.

5. Глаголы переходные имеют префикс, выражающий объект (прямой или косвенный) или субъект действия, в зависимости от степени устойчивости префикса и его значения для выразительной силы глагола.

---

[1] Вероятно, *du-ko-γaš-i.*

6. Префикс женского рода выражает категорию (род), а не лицо; поэтому он употребляется во всех случаях, когда выражается отношение глагола к лицу соответствующей категории, как к субъекту или объекту (прямому или косвенному), вытесняя префиксы лица и числа.

7. Так как один и тот же префикс (в особенности префикс женского рода) может быть употреблен и в субъективном и в объективном значении, а, с другой стороны, префиксы, выражающие количество, вместе с тем необходимо являются субъективными или объективными, то едва ли может быть принято разделение префиксальных глаголов на субъективные, объективные, количественные и т. п.

8. Существенная особенность вершикского (и буришского) глагола, это — возможность одновременно воспринимать его, как активно, так и пассивно. Этой особенностью объясняется как употребление в некоторых случаях косвенного падежа для выражения логического субъекта, так и согласование вспомогательного глагола сложных времен с логическим объектом III и IV категорий и отсутствие в некоторых случаях личных суффиксов.

§ 40. В предшествующем изложении была сделана попытка установления и систематизации отдельных фактов вершикского наречия, поскольку то представлялось возможным на основании наличных материалов. Многие факты остаются еще недостаточно освещенными, многие языковые формы еще неизвестны: их существование можно только предполагать. Но все же даже имеющиеся сведения позволяют создать представление об общем строе вершикской речи.

Фонетика проста и сравнительно мало оригинальна. Единственный, свойственный вершикскому наречию и отсутствующий в окружающих языках, это — звук *ł*. Церебральные звуки не имеют существенного значения для вершикской фонетики; к тому же, они наличны обширной языковой территории иранских (белуджского, афганского, мунджанского, ваханского) и дардских языков, не говоря уже об индийских и дравидских. Стремление вершикского наречия к слоговому уподоблению гласных сближает его с турецкими, а также дравидскими (телугу) языками. Наиболее своеобразным явлением в области фонетики надо считать замену звонкого глухим между гласными. Насколько известно, подобная замена отмечена лишь в некоторых южно-дагестанских языках (доклад А. Н. Генко в Яфетическом Институте 12 июня 1925 г.) (физиологическое объяснение этого явления дано Л. В. Щербою).

Особенности вершикского наречия в области морфологической и в связи с этим также синтаксической и семасиологической более значительны.

Главнейшим отличительным свойством является то чрезвычайно большое значение, которое имеют для языка местоимения, точнее, местоименные или категорные характеристики, по крайней мере, в значительной его части, представленной префиксальными именами и глаголами. Местоимения, в лице своих характеристик, так сказать, гипертрофируются, вторгаются в область имен и глаголов и срастаются настолько тесно с ними, что те не могут существовать без этих дополнительных характеристик, указывающих их отношение к лицу. В этом резкое отличие обоих диалектов канджутского языка от других языков, употребляющих местоименные аффиксы, где они носят более или менее привычный характер, но отнюдь не обязательный.

В связи с этим явлением находится слабое развитие или даже отсутствие личных глагольных суффиксов, так как они представляются излишними, раз отношение глагола к лицу выражено уже, помимо контекста, в необходимой форме. Поэтому глаголы, собственно говоря, не имеют личных суффиксов или имеют только один (*-а*) для 1 и 2 лица единственного числа. Те суффиксы, которые могли бы считаться личными, выражают категорию (м. *-i*, ж. *-и*) и число (*-п*). Даже глаголы, употребляющиеся без префиксальных характеристик, сохраняют в основном спряжении ту же структуру и не отличают 1-го лица от 2-го: контекст или конкретная обстановка указывают, о ком идет речь.

При такой конструкции все глаголы представляются как бы безличными, определяя только действие или состояние (активное или пассивное): направление действия относительно субъекта или объекта выражается преимущественно местоименною префиксальною характеристикой, одинаковою в обоих случаях. Значение глагола, контекст и реальная обстановка показывают, о субъекте или объекте идет речь. В связи с подобным восприятием глагола находится отсутствие формальной разницы между активным и пассивным значением глагола: каждая глагольная форма может иметь и то и другое, в зависимости от общего смысла речи. Глагол, характеризованный местоименными префиксальными характеристиками, занимает центральное место вершикской фразы. И субъект, и объект являются лишь придатками, уточняющими глагольный смысл, но вовсе не обязательными. Поэтому логический субъект может быть выражен и неохарактеризованным падежом и косвенным и даже одним из них с послелогом (*-се*), формально не отличаясь от объекта. Очевидно, вследствие такого понимания глагола, именная флексия получила слабое развитие: отношения между именами определяются значением глагола и другими способами, в частности адвербиальными послелогами, сохраняющими иногда свое первоначальное самостоятельное значение.

Материалы еще недостаточны, чтобы эти утверждения могли быть обоснованы в полной мере, но все наличные формы и тексты допускают такое понимание строя вершикской речи.

И как раз к области языковой типологии относятся все те свойства вершикского наречия, которые наиболее сближают его с языками дравидскими, мунда (сантали), а также абхазским и некоторыми другими горскими языками Кавказа. Работа по определению принадлежности вершикского наречия (равно как и буришского) к семье яфетических языков, и его места среди них исполнена Н. Я. Марром. Здесь же уместно остановиться на некоторых языковых фактах, общих вершикскому с другими языками, в частности географически более близкими.

Совершенно естественно, что в клубке языков, окружающих восточный Гиндукуш, имеется много словарных элементов, общих двум или нескольким языкам. В большинстве случаев еще преждевременно говорить о заимствовании одним языком из другого; осторожнее пока ограничиться лишь установлением факта большей или меньшей лексической общности рассматриваемых языков, хотя в отдельных случаях картина лексической миграции более ясна.

Новоперсидский (а с ним и арабский) вклад в вершикский словарь довольно значителен. Беглый просмотр словаря убеждает в этом; при этом форма заимствованных слов (огласовка, в частности передача *â* через *ă̄*, *ē* и *ō*, а иногда и перемены в согласных элементах) показывает, что процесс начался давно и продолжается по сей день. К старо-иранским заимствованиям относится прежде всего вспомогательный глагол *ba* (см. выше), восходящий к корню *bu* и представленный в иранской форме во всех дардских (кафирских, читральском, шина, кашмирском) языках. Сюда же должно быть отнесено местоимение 1-го лица *ž́a*, очевидно, вместе с вахан. *žö* (*žü*, *žə*), мундж. *zå* (*zə*), ишкаш. *azi*, *az*, орошор. *az* и проч., восходящее к *azəm*. Весьма любопытны соответствия, которые мы находим в припамирских диалектах вершикским словам *ž́ačk* погремушка, бубенчик, колокольчик и *načk* клюв (оба с исходом на *-čk*). Первому соответствуют читральск. *žačk*, ишкаш. *žuḷ*, шугн., бартанг., орошор. *γ̌ōl*, рушан. *γ̌ul*, перс. *zang*. Второму соответствуют ваханск. *nöčk*, сарыкол. *nüsk* (Томашек, стр. 781), язгул. *nəl*, шугн., руш., бартанг., орош., ишк., перс. *nul*, перс. *nuk*. В обоих случаях вершикскому *-čk* соответствует *-l* шугнанской группы припамирских диалектов. Интересно также, что буришск., читральск. *shapik*, *шапик* хлеб, существует в форме *x̌apik* (блин, особый сорт хлеба, употребляемый в некоторых случаях) в некоторых довольно отдаленных диалектах шугнанской группы, отсутствуя в ближайших к буришскому. Вер-

шикскому *tuxli* баран (старше 2-х лет) соответствует не только в соседнем ваханском *təxli*, *tᵊxli* баран (холощеный), но и в географически отдаленных орошорском и бартангском *tuxle, tuxli* баран (от 1 до 2 лет), отсутствуя в промежуточном шугнанском. Зато вершикск. *pat äča* оставлять и буришск. *kau etas* звать отражаются в шугнанском как *pattēwdōu*, *qīwdōu* и *qīw čidou* соответственно с тем же значением. Некоторые другие подобные соответствия между канджутским и восточно-иранскими языками указываются в словаре. Точно также имеется словарный запас, общий канджутскому и дардским языкам. В качестве примера можно указать на вершикское *daman* хозяин, господин, брокпа *damōn*, шина *dabōn* бог; вершикск. *pu* огонь, брокпа *phu*; верш. *uṭ* верблюд, шина *ūnt*, кашмир. *uṭ, ūṭh*; вершикск. *žakun* осел, шина, брокпа *zhakun* (т. е. *žakun*); однако вершикск. *hayura* лошадь соответствует кашмир. *guṛu*, новоинд. *ghōrā*, санскр. *ghoṭaka-*, а не шина *ashpō* (т. е. *ašpō*), мундж. *yōsp*. Турецкие элементы представлены в вершикск. *čumar* железо, шина *chimar*, кафир. (башгали) *chimr* и т. д. и вершикск. *tereq* тополь.

Из адвербиальных послелогов и частиц вершик. *yaṭe*, обозначающий инструментальность, объясняется из вершикских же материалов (см. выше). Но аналогичный ему по значению буришск. послелог *kath* находит себе полное соответствие в шугн. *qati*, *qatīr*, язг. *qatay*, таджицк. *qati* — предлоге и послелоге с инструментальным и комитативным значением; причем и на иранской почве эта частица едва ли может найти удовлетворительное объяснение. Буришский послелог *-er*, *-yer* со значением, по Лейтнеру, to, before может иметь себе эквивалентом вершикский суффикс *-ar-* (в местоимении *akara*, см. выше). На соответствующий ему сарыкольский суффикс дательного падежа *-ar* уже давно было указано Шоу. Ныне сюда нужно прибавить дополнительно все иные разновидности этого чисто иранского суффикса (как бы его ни этимологизировать): *-ar(d)*, *-ur(d)*, *-ir(d)*, *-rad, -re, -r*. Вершикский и буришский послелог *-cum* уже сопоставлялся с вах. *sa, tsa*; сюда надо добавить предлог *cə, ca* (в шугнанской группе) с тем же значением. Вершикский послелог *-ce* может найти себе соответствие в инструментальном (также достигательном) суффиксе памирских языков *-ic*, *-ac*. Вершик. *-paya*, буришск. *-patch*, обозначающее стремление, достижение, находит аналогию в шугн., вах. *pa, pə* с тем же значением. Вершикские местные послелоги *-ulä, -la, -lum* находят себе соответствие в дравидских языках, где местный суффикс представлен в виде *uḷḷi, oḷḷi, ōḷ, aḷḷi*: телугу *illu* дом. Точно также морфологические показатели множественного числа *-ng* (со всеми его разновидностями) и *-šku* могут быть сопоставлены с дравидскими *nga, ga* (в тамильском), *ng, sk* (гонди), *nga, ga,*

ska (куи). Наконец, причастный (а также адъективный) суффикс *-(и)т* сходен с таким же суффиксом *ит* в тамильском языке.

Количество этих сближений (конечно, при нынешнем состоянии наших материалов, не всегда достоверных) не позволяет считать их чисто случайными совпадениями. К тому же соображения не лингвистического характера подтверждают возможность подобных сопоставлений. Материальная культура всей горной страны к северу и югу от восточного Гиндукуша в существенных чертах едина. В духовной культуре, в частности в фольклоре, также имеется много элементов, совпадающих даже в деталях. Возможность общности многих языковых фактов вершикского и дравидских языков, с одной стороны, иранских, с другой, вполне допустима: известно дравидское влияние на белуджский язык.

Смешанная природа обоих наречий канджутского языка: вершикского и буришского несомнецна, современный состав его образовался путем скрещения самых различных языковых элементов. Уточнение доли каждого из них в создании канджутского языка, в частности вершикского наречия,— задача будущего, возможная при наличии более обширных материалов.

Вершикский текст с подстрочным переводом.

mənás. I. 1. *ƀam apám — iské óc̣̆ukon ƀam.* 2. *aƚtán úc̣̆ukon*
Рассказ. I. 1. было не-было — три их-братья было. 2. два их-братья

ħén nani mu-cúm ƀam. 3. *ħen ā́c̣̆u ħen nani mu-cúm*
одна мать она-от было. 3. один его-брат одна мать она-от

ƀam. 4... 5. *ne ā́čuɣon íya se ƀúšu yā́rčum cek.*
было. 4... 5. тот младший его-собственный тот теленок ухаживал.

6. *we unúyu úya ce ƀúša aí yā́rčum cek.* 7. *häk*
6. те они-старшие их собственные те телята не ухаживал. 7. один

uƚiú né-ka íya se ayí yā́ri. 8. *we aƚtán*
день он-также его-собственный тот не позаботился. 8. те два

uc̣̆ukón ne ā́c̣̆u ƀúšu ā́sqanen. 9. *ne día ka: se*
их-братья тот его-брат теленок его-убили. 9. тот пришедши как: тот

ƀúšu apí. 10. *to yávī.* 11. *se ā́sqanum déɣaši.* 12. *galí*
теленок нет. 10. там искал. 11. тот его-убитое им-найдено. 12. пошел

te rátuƚä. 13. *tamā́šā́ éti ka: han uṭ ne íñgiɣa*
тот степь-в. 13. глядение сделал как: один верблюд тот ему-навстречу

día. 14. *se uṭ yárki, se búšu mułtán ka žü*
пришедши. 14. тот верблюд взял, тот теленок кровь и испражнения

se úṭe xat-ce małtári. 15. *ne yáni ka: se úṭe*
тот верблюд рот-(?) помазал. 15. тот посмотрел как: того верблюда

damán día. 16. *ne se búšu damán hḗri-štay.*
хозяин пришедши. 16. тот того теленка хозяин плакал-(?).

17. *séni ka: lē açú, gu úṭe ža búšu šīy.*
17. сказал, что: о мой-брат, твой верблюд мой теленок съел.

18. *ne séni ka: lē áçu, tahí axátäne: úṭe búšu*
18. тот сказал что: о мой-брат, так не-говори: верблюд теленок

aí šiçimi. 19. *ne séni ka: xat-ce múłtan ka žü*
не ест. 19. тот сказал что: рот-(?) кровь и испражнения

duwá-š-qaynum bi. 20. *ža cərám bādšā ápaya arz áčam.*
имеется-(?)-показалось. 20. я пойду царь он-к, жалоба сделаю.

21. *ne úṭe damán séni ka: un arz aínä: ža*
21. тот верблюда хозяин сказал что: ты жалоба не-ходи: мой

uṭ gu búšu úšułä. 22. *ne hałás se uṭ*
верблюд твой теленок возмещение-в. 22. тот парень тот верблюд

yaṭé huljáy rāhí éti. 23. *we uçukón yánen*
верх сел-верхом, отправление сделал. 23. те его-братья посмотрели

ka: ne áçu uṭ yaṭé huljám bay, día 24. *we*
как: тот его-брат верблюд верх верхом-севший, пришедши. 24. те

sénen ka: lē kambáxt, uṭ ánum dicá? 25. *se*
сказали что: о несчастный, верблюд откуда его-привел? 25. тот

mā́ne? 26. *ne séni ka: ža búšu ásqanen.* 27. *ža se*
кто? 26. тот сказал что: мой теленок его-убили. 27. я тот

ásqanum garç néte, 28. *uṭ yána.* 29. *we úya*
его-убитое торговля сделав, 28. верблюд взял. 29. те их-собственные

ce búša núsqan, nīa, cúyen bāzā́ra. 30. *sése duyárasen: ōc*
те телята их-убив, взяв, отнесли на-базар 30. люди спросили: те

bo? 31. *we sénen ka: gucé ásqanuma úṭe gandí úçan ban.*
что? 31. те сказали что: эти убитые верблюд ради отдаем.

32. *sése sénen ka: lä aqulapíma, ásqanuma búša gandí mā́ne*
32. люди сказали что: о безумные, убитые телята ради кто

uṭ úćum ƀan? 33. *we úya ďorŭ-cum xǝǯál numa*
верблюд дают? 33. те их-собственные поступок-от стыд им-сделавшись

rāĥí ťten. 34. *ƀúša nusqán, na uṭ dúγaši,*
отправление сделали. 34. телята их-убив, ни верблюд ими-найдено,

na ƀúša. 35. *we úya ƀaránguči sénen ka: ne kamƀáxt*
ни телята, 35. те они-сами между сказали что: тот несчастный

mi másqara mētii, 36. *mi ne náni mósqayan.* 37. *we ne*
мы насмешка нас-сделал. 36. мы его мать ее-убъем. 37. те его

náni músqanen. 38. *ne ṭarés maní.* 39. *ne íya*
мать ее-убили. 38. тот сирота сделался. 39. тот его-собственный

náni mu-gúṭas žakún yaṭé numúhulǯa. 40. *nuhēr, díya*
мать ее-труп осел верх ее-посадив. 40. заплакав, он пришедши

žaγá-ulä. 41. *hen hir cāĺ yáyum ƀay.* 42. *né-ka to*
место-в. 41. один человек умолот берет. 42. он-также там

ƀurúṭi. 43. *se žakún te cāĺa galí.* 44. *ne hir*
сел. 43. тот осел тот умолот-в пошел. 44. тот человек

dáñ-yaṭe dēli. 45. *se gúṭas yāra valí.* 46. *haĺás to*
камень-помощью ударил. 45. тот труп вниз упал. 46. парень там

diyá ƀéri-štay. 47. *séni ka: ža náni mósqana.* 48. *ža*
пришедши заплакал-(?). 47. сказал что: моя мать ее-убил. 48. я

cǝrám ƀādšā āpaya, arz āčam. 49. *ne séni ka: ža aĺtán*
пойду царь он-к, жалоба сделаю. 49. тот сказал что: я двое

ayū gušiñgá ƀan. 50. *we ƀaránguči néγa gúya*
мои-дети женщины имеются. 50. те между посмотрев твой-собственный

úš-uĺä yáne. 51. *ne haĺás mu muníi äy*
удовлетворение-в возьми. 51. тот парень та та-старшая его-дочь

numúya, galí, díya íya há-ĺa. 52. *we*
она-взятая, пошел, он-пришедши свой-собственный дом-в. 52. те

úćukon ďuγárasen ka: komú ánum dumucá? 53. *ne séni*
их-братья спросили что: эта откуда ее-привел? 53. тот сказал

ka: áya náni mu-gúṭas numú, komú muyána:
что: мой-собственный мать ее-труп она-отданная, эта ее-взял.

54. *wé-ka náni numósqan cúyen ƀāžāra.* 55. *sése ďuγárasen*
54. они-также мать ее-убив понесли на-базар. 55. люди спросили

ka: *se* *gúṭas* *bắłtum* *ắčum ban?* 56. *we* *sénen* *ka*: *šüwá*
что: тот эрун что делаете? 56. те сказали что: красивый

gus *mu-gandí* *účan ban.* 57. *sése* *izắ* *uċíyen,* *rāhí*
девушка она-ради отдаем. 57. люди притеснение дали, отправление

ếten.
сделали.

II. 1. *han* *bułtú* *qōzī́* *kitếp* *séni.* 2. *kitếp-ułä* *yéci* *ka*:
II. 1. один день судья книга читал. 2. книга-в увидел что:

yáṭes *ắčuyun,* *nī* *yusánum* *bay* *ka*: *ne* *áqulkam.* 3. *qōzī́*
голова маленькая, борода длинная есть что: тот глупец. 3. судья

yéci *ka*: *ža* *yáṭes* *ắčuyun,* *ža* *nī* *yusánum.*
увидел что: моя голова маленькая, моя борода большая.

4. *íya* *ắs-ułä* *séni* *ka*: *yáṭes* *ắčuyun* *ắča*
4. его-собственный его-сердце-в сказал что: голова маленькая сделать

awúlam, *áya* *nī* *gagáyu* *ắčam.* 5. *bắrum* *qačí*
не могу, моя-собственная борода короткая сделаю. 5. сколько ножницы

yávī *ka,* *atéyaši.* 6. *rén-* *yaṭe* *nī-ce* *duhóni.*
искал как, не нашел. 6. рука- помощью борода-(?) схватил.

7. *káṭar* *čirắy-ce* *duhóni,* *ếci.* 8. *nī-ce* *pu*
7. половина светильник-(?) схватил, зажег. 8. борода-(?) огонь

balí, *rén-ce* *balí.* 9. *íya* *reṇ* *ílǰi* *yaní.*
схватил, рука-(?) схватил. 9. его-собственный рука он-назад взял

10. *nī* *pát* *éti,* *nī* *kúl-ce* *balí.* 11. *qōzī́*
10. борода оставление сделал, борода вся-(?) схватил. 11. судья

buṭ *šarmandá* *maní.* 12. *bo* *kitếp-ułä* *dułúm* *ka,* *te*
очень пристыженный сделался. 12. что книга-в было что, тот

can, *nếte* *payng.*
правильный, сделавши неправильный.

Перевод.

I. Рассказ. 1. Было не было — три брата было. 2. Два брата от одной матери были, 3, один брат от другой матери был. 4. У них было три теленка.[1] 5. Младший своего теленка берег, 6, старшие своих телят не берегли. 7. Однажды и он за своим не доглядел. 8. Те два брата теленка

[1] Эта фраза в вершикском тексте пропущена.

того брата убили. 9. Он пришел: теленка нет. 10. Стал там искать, 11, нашел его труп; 12, пошел (с ним) в степь. 13. Увидел, что навстречу ему идет верблюд. 14. Он схватил верблюда и намазал его морду кровью и испражнениями теленка. 15. Увидел, что пришел хозяин верблюда. 16. Хозяин теленка заплакал, 17, сказал: «э брат, твой верблюд съел моего теленка». 18. Тот сказал: «э брат, так не говори: верблюд теленка не ест». 19. Тот сказал: «его морда вымазана кровью и испражнениями; 20, я пойду к царю, пожалуюсь». 21. Хозяин верблюда сказал: «ты с жалобой не ходи: пусть мой верблюд будет возмещением твоего теленка». 22. Парень сел на верблюда, отправился в путь. 23. Братья увидели, что их брат приехал, сидя на верблюде. 24. Они сказали: «э несчастный, откуда привел верблюда? 25, он чей?» 26. Он сказал: «вы моего теленка убили; 27, я продав его труп, 28, взял верблюда». 29. Они убили своих телят, взяли (их трупы), понесли на базар. 30. Люди спросили: «это что?». 31. Они сказали: «вот эти трупы за верблюда отдаем». 32. Люди сказали: «э, глупцы, разве даст кто-нибудь верблюда за убитых телят?». 33. Они, устыдившись своего поступка, ушли. 34. Убив телят, они не получили ни верблюда, ни телят. 35. Они сказали друг другу: «тот негодник над нами посмеялся; 36, мы убьем его мать». 37. Они убили его мать; 38, он сделался сиротой. 39. Положил тело своей матери на осла, 40, плача, пришел в одно место. 41. Один человек (там) умолот собирал. 42. Он сел возле. 43. Осел пошел в зерно; 44, тот человек ударил (его) камнем; 45, тело свалилось. 46. Парень туда подошел, заплакал, 47, сказал: «ты мою мать убил, 48, я пойду к царю, пожалуюсь». 49. Тот сказал: «у меня две дочери, 50, выбери одну из них и возьми себе в утешение». 51. Парень взял его старшую дочь, отправился и пришел в свой дом. 52. Братья спросили: «откуда ты привел ее?». 53. Он сказал: «я отдал тело своей матери и взял ее (в обмен)». 54. Они тоже убили мать, понесли (ее тело) на базар. 55. Люди спросили: «что вы делаете с этим телом?». 56. Они сказали: «отдаем за красивую девушку». 57. Люди их изругали, они ушли.

II. 1. Однажды судья книгу читал. 2. В книге увидел, что (у кого) голова маленькая, а борода длинная, тот глупец. 3. Судья увидел: «у меня голова маленькая, а борода длинная». 4. В своем сердце сказал: «с маленькой головой сделать (ничего) не могу: сделаю свою бороду короткой». Сколько ножниц ни искал, не нашел; 6, рукой схватил бороду, 7, половину (ее) опустил в светильник, зажег. 8. Огонь охватил бороду, достиг руки. 9. Он взял назад свою руку, 10, бороду выпустил: огонь охватил всю бороду. 11. Судья очень устыдился: чтó в книге было, — то правильно; сделанное неправильно.

ПРИМЕЧАНИЯ.

mənas: обе сказки были записаны первоначально по-шугнански со слов Саид-Шо-Фозыля из Поршнива. Представляя весьма удобный материал, обе они были переведены на вершикское наречие.

I. (1) *bam* причастная (прошедшая) форма гл. быть, иметься (см. § 27); *apam* то же с отрицанием, см. § 12. *iske* три, трое, о различии между *iski* и *iske* см. § 24. *oćukon*, вернее *ućukon*, как в 2 (оставлена, как в этом, так и в других случаях, первоначальная запись), «их братья», с мест. префиксом 3 л. мн. ч. *u-(o-)*; от *aću* «мой брат» неместоименной формы нет, поэтому потребность в ней, как в этом случае, так и в 3, удовлетворяется местоименной формой 3 лица, приобретающей уже общее (неместоименное) значение; множеств. число мест. префикса объясняется постановкой самого имени во множ. числе: в 3, где имя (также в общем значении) стоит в един. числе, мест. преф. поставлен единственного числа.

(2) *altan* два, двое; о различии между *halto* и *altan* см. § 24. *ućukon*, см. (1). *hen* один, одна; о различии между тремя формами этого числительного: *han*, *hen*, *häk* см. § 24; имеются примеры: *hen nani* одна мать, *hen äću* один брат, *hen yē* один сын, *han uṭ* один верблюд, *han ha* один дом, *han pul* одна копейка, *han bultu*, *häk ultu* однажды. *mu-cum*: послелог *cum* с мест. префиксом женск. рода, относящимся к слову *nani*.

(3) *äću*, см. (1), *oćukon*.

(4) по небрежности запись пропущена.

(5) *ne äčuyon*, *se bušu*: в этих случаях местоимения совершенно утратили указательный характер и обратились в определенный член; такие примеры в тексте весьма многочисленны, см. § 13. *äčuyon* маленький, младший; также записано *äčuyun* (II, 3) и *əčuyun* (gl.). *íya* его собственный, свой, свой собственный, сам, префиксально, полностью формы перечислены в § 16; часто употребляется в сочетании с указательным местоимением (в данном случае *se*) в значении члена, предшествуя ему. *yārčum cek* прош. многокр. вр. гл. *yārča* ухаживать, заботиться, наблюдать.

(6) *unuyu* большие, старшие; мн. ч. от прилагательного *nii* с мест. префиксом 3 л. мн. ч. *u-*; образование мн. ч. на *-yu* аналогично таковому же в *yū* его дети от *äy* его дочь и *yē* его сын и ряде имен на *-en* (см. § 19, 4). *uya ce*, см. (5). *buša* мн. ч. от *bušu* теленок, см. § 19, 1. *ai* глагольное отрицание, встречающееся также в формах: *ayi-* и *a-*; в различных местах текста записано то слитно, то раздельно, смотря по произношению в каждом случае.

(7) *häk ultu* однажды, см. выше, (2). *ne-ka* он также, и он, в противоположность *ke-ne* вот этот, именно этот. *íya se*, см. (5); *se* относится к подра-

зумеваем. *ƀuši. yārī* прошедш. основн. вр., обычное повествовательное время, в противоположность *yārčum cek* (5) постоянно заботился, много раз наблюдал.

(8) *we uc̨ukon*: *we* в значении указательного местоимения, *uc̨ukon* заменяет, очевидно, недостающую общую форму: те два брата (ср. 1, *oc̨ukon*), а, может быть, поставлено вместо *äc̨ukon* его два брата, что может быть объяснено ослаблением местоименного значения префикса и влиянием множ. числа имени. *ne* относится к *äc̨u*; к *ƀuši* было бы *se. äc̨u* в общем (не местоименном) значении; «их брат» было бы *uc̨u. äsqanen* прошед. основн. вр. с мест. преф. *ä-* (I катег., муж. р.): его убили (они, вы, мы) или он убит (ими, вами, нами, вообще несколькими). Так как имена III категории (животн.) не имеют особого местоименного префикса, то употребляется глагол или без префикса или ставит его в I (муж.) категории.

(9) *ne* в личном значении. *dia* = *d-i-a* = *d-i-y-a*; деепричастное прошедшее время, с местоименной характеристикой 3 лица *-i-*; буквально лучше всего перевести простонародным русским: он пришедши, он был пришедши. Союз *ka* употребляется как для сочинения, так и для подчинения предложений, в частности перед прямой речью. *api* отрицательная форма III категории наст. вр. гл. *ƀa*, см. § 27; о переходе *ƀ* в *p* см. § 12.

(10) *to* там, *ko* где. *yavī* он искал, им искано; 3 л. прош. осн. вр. гл. *yaviča*.

(11) *äsqanum* прошедш. причастие с мест. префиксом *ä-*: то убитое, оно убитое, труп. *deγaši* он нашел, им найдено; см. § 38.

(12) *g̨ali* прошедш. основн. вр., 3 л. ед. ч. м. р. недостаточного глагола, записанного только в прошедш. вр.: *ža, un gaƚá, ne galí, mu g̨aƚú, mi, ma, we gaƚán. te* указательн. мест. IV категории в значении неопредел. члена, относится к *rat-uƚä*: *rat* степь, пустырь, необработанная поверхность с послелог. *-uƚä*, см. § 22.

(13) *tamāšā ēti* он посмотрел, им взглянуто; прошедш. вр. 3 л. ед. ч. м. р. сложного глагола *tamāšā äča. uṭ* верблюд; ср. шина *ūnt*, кашмир. *ūṭh, uṭ. iñgiγa, ingiγa* ему навстречу; см. § 23.

(14) *γarki* он взял, им взято; прошедш. основн. время гл. *γarča* взять, схватить, 3 л. ед. ч. м. р. *se ƀuši* неоформлен. (именит.) падеж в значении родительного: *se ƀuši muƚtan ka žü* кровь и испражнения того теленка. *se uṭe* косвенный падеж в значении родительного, определ. сл. *xat-(ce)* рот, во рту; о послелоге *-ce* см. §§ 22 и 23; едва ли можно соединять *ce*, как местоимение мн. ч. III категории, с *maƚtari. maƚtari* он обмазал, им обмазано; 3 л. ед. ч. м. р. прошедш. основн. вр. гл. *maltarča*.

(15) *γani* 3 л. ед. ч. м. р. прош. основн. вр. гл. *γaya* = *tamāšā äča* (см. 13). *daman* хозяин, бог.

(16) *ne* относится к *daman*, *se* относится к *bušu*. *heri-štay*: *heri-* 3 л. ед. ч. м. р. прош. осн. вр. гл.*'herča*: он заплакал, им заплакано; *-štay* — ?

(17) *seni* он сказал, им сказано, 3 л. ед. ч. м. р. пр. осн. вр. гл. *siya*. *lē*, *lä* обращение к мужчине; обращение к женщине *da*. *aḉu* мой брат, местоимен. форма 1-го лица слова «брат», см. § 15. *gu* косв. пад. мест. 2 л. в знач. родит. пад. к *uṭe*. *uṭe* косв. пад. в значении логическ. субъекта. *šīy* он съел, им съедено, 3 л. ед. ч. м. р. пр. осн. вр. гл. *šiḉa*.

(18) *axatäne* не говори, 2 л. ед. ч. пов. накл. гл. *axatiya* = *ayi siya* не говорить, без отрицания не употребляется. *aí šiḉimi* не съест, не ест, 3 л. ед. м. р. наст.-буд. вр. гл. *šiḉa*; довольно редкий случай употребления наст.-буд. вр. в значении настоящего.

(19) *duwaš-qaynum bi*: *qaynum bi* прош. причастн. вр. III кат. гл. *γainča* казаться, видеться, с заменою звонкого *γ* глухим *q*; см. § 12; *duwaš-* может быть = *duwa* + *š*, но и в таком случае *-š-* остается не объясненным.

(20) *cэγam* недостаточн. гл. со знач. итти; неопр. накл. *cэγaγa*. *äṗaya* послелог с мест. префикс 3 л. *ä-*. *äčam* 1 л. наст.-буд. вр. гл. *äča*.

(21) *ne* относится к *daman*. *ainä* пов. накл. недостаточн. гл. со знач. итти с отриц. *ai-*; прошедш. основа *nä*, *ne*(*y*). *uš-ulä*: *uš* штраф, долг, возмещение с послелог *-ulä* (см. § 22).

(22) *huläs*, *haläs* парень, юноша, брат (префиксально), см. § 15. *yaṭe* послелог, см. § 22. *hulǰay* 3 л. ед. ч. м. р. прош. осн. вр. гл. *hulǰača* сесть верхом. *rāhi ēti* прош. вр. сложн. гл. *rāhi äča* отправиться в путь.

(23) *γanen* пр. осн. вр. мн. ч. 3 л., ср. 15. *hulǰam bay* «верхом севший есть», прош. опр. вр. 3 л. ед. ч. гл. *hulǰača*. *senen* мн. ч. пр. основ. вр. гл. *siya*, ср. 17.

(24) *ḍica* 2 л. ед. ч. прош. осн. вр. гл. *diša* привести; *d-i-c-a* ты (я) его привел, тобою (мною) он приведен = префикс *d-*, характеристика I кат. (муж. р.) *-i-*, указывающая объект действия или субъект состояния (так как особой характеристики для предметов III категории не имеется, то употребляется или характеристика I кат. или глагол без характер.), прошедшая основа *-c-*, суффикс 1 и 2 л. ед. ч. *-a*. Буквальный перевод: верблюд откуда он приведен тобою (или мною) или верблюда откуда его привел ты (или я).

(25) *se* относится к предшеств. *uṭ* (III категор.).

(26) *ža bušu äsqanen*: помимо подстрочного перевода, фраза так же буквально может быть переведена: мой теленок он убит вами (нами, ими); *ä-sqan-en* = местоименный префикс I кат. (ср. 24, *ḍica*) + прошед. основа гл. убивать + суффикс множеств. числа.

(27) *garḉ nēte* прошедш. деепричастие сложн. гл. *garḉ äča* продать; *nēte* не имеет показателей лица и числа и может относиться ко всем лицам и числам;

поэтому вся фраза может быть так же буквально передана: мною тот его труп был продан.

(28) *uṭ yana*: *yana* 1-е или 2 л. ед. ч. прош. осн. вр. гл. *yaya*: (ты) я взял, (тобою) мною взято; поэтому одинаково возможен перевод: верблюд мною (или тобою) взят; в данном контексте значения, заключенные в скобки, отпадают.

(29) *nusqan* прошедшее деепричастие; *n-u-sqan* = показатель прош. деепричастия *n-* + местоимен. характеристика множ. числа I категории, в данном случае заменяющей III-ю (см. 24, *dica*) + прошедш. основа гл. *usqaya;* поэтому *nusqan* может также значить: они быв убиты. *nīa* или *niya* не вполне ясная форма прошедшего деепричастия гл. *yaya,* которая может рассматриваться как *ni-ya,* т. е., как состоящая лишь из деепричастн. показателя *n-* (с огласовкой *-i-*) и основы *ya-* (с отпадением конечного *-n* прошедшей основы *yan-*), без местоименной характерист.; но также возможно рассматривать ее как *n-i-ya,* т. е., в составе того же деепричастн. показателя, но без огласовки, местоименной характеристики I кат. *-i-* и, наконец, основы; для II кат. (жен.) имеется форма *nu-mų-ya*, состав которой ясен; см. (51). *cuyen* отнесли или ими отнесено, 3 л. мн. ч. пр. осн. вр. гл. *cuča* везти, вести, нести. *bāzāra* заимств., о суффиксе *-a* см. § 22.

(30) *sese* косв. пад. в значении логич. субъекта от *ses* люди, народ. *duyarasen* они спросили, ими спрошено, мн. ч. пр. осн. вр. гл. *duyariša. ōc bo* это что? *ōc* = *ce*, мест. III кат. мн. ч.; *bo*, вероятно, от гл. *ba*; если спрашивается об одном предмете, употребительно *se bo?* ср. II, 12.

(31) *guce* эти, вот эти; мест. III кат. мн. ч. с усилит. част. *gu*, см. § 13. *äsqanuma* мн. ч. от *äsqanum*, см. § 19, 1. *uṭe gandi* косв. пад. от *uṭ* при послелоге *gandi* (см. § 22); *učan ban* наст. опр. вр. 1 л. мн. ч. гл. *uča*: мы даем, нами дается.

(32) *aqulapima* глупцы, безумцы, мн. ч.: *aqul-a-pi-m-a*. *äsqanuma* прилагательное к *buša*, ср. 31. *učum ban* наст. опр. вр. (прич. форма) мн. ч. гл. *uča*, относится к *māne*.

(33) *numa* = *n-u-ma*, деeприч. прош. гл. *amaya* делаться, становиться, с мест. характ. 3 л. мн. ч., см. § 37.

(34) *na....na* ни....ни. *duyaši* они нашли, ими найдено, см. § 38.

(35) *harangući* между; в буришском имеется, по Лейтнеру, два слова с тем же значением: *harang* и *makutshi*. *mētii* нам сделал он, нам сделано им, 3 л. пр. вр. гл. *äča* в префикс. форме; см. § 36.

(36) *mosqayan* наст.-буд. вр. гл. *äsqaya*, см. § 36.

(37) *musqanen* пр. вр. гл. *äsqaya*, см. § 36.

(38) *tares* сирота.

(39) *mani* пр. вр. гл. *maya*, 3 л. м. р. ед. ч. *mu-guṭas* тело, труп (говорится

только о человеке), с мест. преф. ж. р. *mu-*; ср. ваханск., ишкаш. *gəndos*. *numuhulǰa* = *nu-mu-hulǰa* посадив ее, или она быв посажена; дееприч. прош. с мест. характерист. ж. р.

(40) *nuher* прош. дееприч. гл. *herča* плакать. *ž̆aγa-ułä: ž̆aγa* место, с послелог. *-ułä*.

(41) *hir* человек, мужчина. *cāł* умолот, зерно обмолоченное и приготовленное к веянию. *yayum bay* наст. опр. вр. 3 л. м. р. ед. ч. гл. *yaya* брать, взять.

(42) *huruṭi* пр. осн. вр. 3 л. ед. ч. м. р. гл. *huruša* сажать, садиться.

(44) *dañ-yaṭe*: *dañ* камень с послелог. *yaṭe*. *dēli* 3 л. ед. ч. м. р. пр. вр. гл. *dēča* ударить, побить; он побил, им побито.

(45) *vali* 3 л. ед. ч. пр. вр. гл. *avalča* падать.

(47) *mosqana* ты (я) ее убил, она тобою (мною) убита, 2 л. (или 1 л.) ед. ч. пр. вр. гл. *äsqaya* с преф. ж. р.

(49) *ayū gušiñga* дочери; *ayū hurikya* сыновья. *a-yū* мои-дети представляет собою множеств. число, как от *ay* моя-дочь, так и от *a-yē* мой-сын (в 3-ем лице *yū* мн. ч. от *äy* и *yē*). Поэтому, когда реальная обстановка или контекст не достаточно показывает, о сыновьях или дочерях идет речь, прибавляется *hurikya* мужчины, в первом случае, и *gušiñga* женщины, во втором; *gušiñga* множ. число от *gus* женщина, твоя жена (*aus, awus* моя жена).

(50) *neγa* посмотрев, посмотрено, дееприч. прошедш. гл. *γaya* (с утратою конечного *n*). *gīya*, также *gu iya* твой собственный, тебе самому, см. § 16. *yane* 2 л. пов. накл. гл. *yaya*.

(51) *munii* та старшая, она старшая, прил. *nii* с преф. *mu-*, см. § 15. *numuya* взяв ее, она быв взята, она взяв; дееприч. прош. гл. *yaya* (с утратою конечного *n*); ср. 29 и 50. *hała* домой, см. § 22.

(52) *komu, kumu* местоимен. женск. р. *mu* с указат. преф. *ko-, ku-*, см. § 13. *dumuca* ее привел ты (я), она приведена тобой (мной), пр. осн. вр. ед. ч. 2 (или 1-го) лица с женск. преф., ср. 24.

(53) *numu* дав ей, ее; она отдана; ей дано; прош. дееприч. гл. *uça* (с потерей конечного *-y*); см. § 37. *muyana* ее взял я (ты), она взята мной (тобой), пр. осн. вр. 1 (или 2) л. ед. ч. с женск. мест. преф. гл. *yaya*.

(56) *gus* девушка, женщина (в общем смысле), также префиксально *g-us* твоя жена, в противоположность *a-us, a-wus* моя жена. Повидимому, имеется случай перехода от частного значения *gus* (твоя жена) к общему (женщина, девушка вообще). В буришском точно такое же явление, и *gus* имеет два значения. Лейтнер, хотя указывает в одном месте (стр. XII), что *gus* thy wife надо отличать от *gûs* a woman, но в другом (стр. 197) он дает обратное различие: *guss* is the name for woman, but *gûs* thy wife; так что с предлагаемым им

различием не приходится считаться. *mu-gandi* послелог с префиксом *mu-*, см. § 22.

(57) *uçiyen* вариант прош. вр. гл. *uça,* образованный от прошедш. основы *uçiy-*: дали они (вы, мы), дано ими (вами, нами).

II.(1) *han bultu* = *häk ultu* см. I. (2). *seni* прош. вр. гл. *siya* говорить, также читать.

(2) *yeci* он увидел, им увидено, 3 л. ед. ч. м. р. прош. вр. гл. *yeša. yates* голова; ср. послелог. *yate* и *yotes* ягненок (до 6 мес.). *nī γusanum bay*: *nī* борода принадлежит к IV категории, *bay* согласуется по I категории с обладателем *nī*; фраза может быть столь же буквально переведена: длинно-бородый есть, или длинная борода обладаема им (т. е. лицом I категории). *aqulkat* заимств., ср. *aqulapíma.*

(3) *ža nī* вместо *ža a-nī,* см. §§ 15 и 17.

(4) *äs* его сердце, префиксальное имя 3 л., см. § 15. *äča* единств. пример употребл. неопред. накл. в тексте. *awulam* отрицат. форма 1 л. ед. ч. наст.-буд. вр. гл. *awula* не мочь, не быть в состоянии, положительная форма *laya. gagayu* короткий, -ая.

(5) *ateγaši* отриц. форма гл. *deγaši,* см. § 38; о чередовании *d*||*t* при отрицании см. § 12.

(6) *duhōni* он схватил, им схвачено, 3 л. ед. ч. м. р. пр. осн. вр. гл. *duhoya.*

(7) *ēci* он зажег, им зажжено, 3 л. ед. ч. м. р. пр. осн. вр. гл. *ēciča.*

(8) *pu* огонь, мн. ч. *puing. bali* он схватил, им схвачено, пр. осн. вр. 3 л. ед. ч. м. р.; остальные формы этого глагола не записаны.

(9) *ilǯi* префиксальный послелог, см. § 22. *yani* он взял, им взято, 3 л. ед. ч. м. р. пр. осн. вр. гл. *yaya.*

(10) *pat ēti* 3 л. ед. ч. м. р. пр. вр. сложн. гл. *pat äča*: он оставил, им оставлено.

(11) *but* очень, много. *mani* сделался, стал, 3 л. м. р. ед. ч. пр. вр. гл. *maya.*

(12) *bo* что; то, что; ср. I, 30. *dulum* причастн. форма (прош. вр.) IV кат. гл. *ba. te* мест. IV кат. в соответств. с *dulum. nĕte* допускает без ущерба для смысла два понимания: 1) *ne-te* его то, его тот (поступок), где *ne* (мест. I кат.) определяет *te* (мест. IV кат.) и 2) *n-ēte* дееприч. прошедш. гл. *äča*: сделанное, сделавши. *payng* неправильный, ложный.

Словарь.

Слова расположены в алфавитном порядке согласных; гласные не приняты во внимание. Слова, начинающиеся с гласных, помещены впереди. Согласные расположены в порядке букв латинского алфавита, причем буквы, снабженные дополнительными знаками, помещены после букв, неимеющих таковых; *γ* помещена после *g*.

Невершикские слова, местами приводимые, помещены в транскрипции источника. Встречающиеся в текстах слова снабжены ссылкой на текст. Глаголы и некоторые другие слова, записанные при составлении грамматических записей, отмечены буквами *gr*. Пометка *gl*. обозначает, что слово записано только при составлении словаря. Префиксальные слова помещены с префиксом 1-го или 3-го лица: при гласном характере обеих характеристик не получалось различия в месте нахождения слова.

Примеры и сопоставления, взятые из других языков, за некоторыми исключениями, не имеют в виду этимологию слова, что делать в большинстве случаев было бы преждевременно. Обычно эти примеры приводятся из географически смежных, мало известных языков, и имеют целью облегчение дальнейшей работы.

a, gr., I, 18, также *aí*, I, 6, 18, 21, *ayí*, I, 7 отрицание не; проклит.

u, gl., слеза.

ōc, I, 30, это? мн. ч. указ. мест. III кат., вместо *ce* (см.).

acé, gl., след, мн. ч. *acẹ́ing*.

écíča, gr., зажигать; наст.-буд., *ḗcíčam*, прош. *ḗca*, 3 л. ед. ч. м. р. *ḗci*, II, 7.

ắča, gr., II, 4, делать, сделать, в соединении с именами образует сложные глаголы:

tamāšā́ ắča, I, 13, смотреть, глядеть.

arz ắča, I, 20, жаловаться.

rāhí ắča, I, 22, 39, 57, отправляться в путь.

γarç̌ ắča, I, 27, продать.

másqara ắča, I, 35, насмехаться, издеваться, вредить.

pat ắča, II, 10, оставить.

наст.-буд. ед.: *ắčam*, I, 20, II, 4, *ắčuma*, *ắčimi*, *ắčumu*, мн. *ắčan*, *ắčimen*; наст. опр. мн. 2, 3 л. *ắčum ban*, I, 55; пов. ед. *ḗte*, мн. *ḗting*; прош. осн. ед. *ḗta*, *ḗti*, I, 13, 22, также *ḗtii*, мн. *ḗten*, I, 33, 57; деепрleft. *nḗte*, I, 27; отрицательно: наст.-буд. *ayḗčam* и т. д.; прош. осн. *ayḗta* и т. д.; префиксальные формы см. § 36.

əčuγún, gl., также *ắčuγun*, II, 3, 4, *ắčuγon*, I, 5, маленький, младший;

ср. шина *čunu*, читр. *cēq*, вах. *cəqlay*, язг. *cigag*, ишк. *čuṭ*.

ačás, gl., баран от 1 года до 2 лет, мн. ч. *ačáši*.

áçu, açú, gr., I, 17, 18, мой брат (если говорящее лицо мужчина), моя сестра (если говорящее лицо женщина), мн. ч. *áçukon; ā́çu*, I, 3, 8, 23, его брат, ее сестра; мн. ч. *ā́çukon* его братья заменяется часто через *úçukón*, I, 2, 8, 23, 52, их братья. Остальные формы и дополнительные замечания см. §§ 15 и 17; также ср. слова *ayast*, *hulās*.

úça, gr., давать, отдавать.
наст.-буд. ед. *úçam* и т. д., мн. *úçimen*; наст.-опр. ед. *úçam ba*, мн. 1 л. *úçan ban*, I, 31, 56; 2 и 3 л. *úçum ban*, I, 32; усл.-многокр. *úçam cek* и т. д.; прош. (основ.) *úya* и т. д., также *uçíya* и т. д.; прош. (прич.) *úyam* и т. д.; префиксальные формы см. § 36.

uhó, gl., сова, филин, мн. ч. *úhumi*.

ahūlal, gl., бабочка, мотылек, мн. ч. *ahūlalanj*.

aíhem, gl., неосторожный, несведущий; *a-*, *ai-* отрицание (см.).

áken, gl., печень; префиксальная форма 1 л.

akúin gunj, также *akúin bultú*, gl., сегодня, см. *gunj* и *bultú*.

akár, gr., я сам; префикс. мест.; см. § 16, где указаны остальные формы.

ul, gl., желудок, его желудок (префиксально), мн. ч. *úlčing*; см. *awul*.

ílči, gr., его глаз, мн. ч. *ílčimu*, остальн. формы см. § 15.

ílji, gr., II, 9, назад, от (него), префиксальн. форма 3 л.

úlkiš, gl., нора, гнездо, ножны, мн. ч. *úlkiyáng*; формально оба слова представляют разновидности мн. ч.

alqá, gl., петля, заимств.

alyán, gl., стремя, мн. ч. *alyáyu*, ср. *alyás*.

alyás, gl., удила, мундштук, мн. ч. *alyáši*, ср. *alyán* стремя.

ultú, I, 7, день (при определении времени), также *bultú* (см.); ср. также *gunj* и *hepultú*.

altámbu, gr., восемь, ср. след.

altán, gr., I, 2, 8, 49, два, две, также *haltó*.

altár, gr., двадцать, ср. предш.

amboxčán, gl., вторая жена, мн. ч. *amboxčániš*, заимств., ср. вах., ишк. *ambóy*, шугн.-руш. *ābīn*.

amáya, gr., мне стать, мне сделаться; префиксально, см. §§ 36 и 37; ср. *dámaya*.

ā́meš, gl., палец (префиксально), мн. ч. *ā́mac*.

amūtúg, gl., теперь, сейчас.

un, I, 21, ты, местоим. 2 л., см. § 13.

ā́ndus, gl., болото, топь.

íngiya, íñgiya, gr., I, 13, ему навстречу, спереди, префиксально, остальные формы см. § 23.

ingitəki, gl., белолобый, с отметиной на лбу (говорится о крупном рогатом скоте).

ánum, I, 24, 52, откуда?

apá, apám, gr., I, 1, отрицат. формы гл. быть, иметься, см. *ba* и § 27.

ā́paya, gr., I, 20, 48, к нему, перед ним, префиксальн. послелог, остальные формы см. § 23.

áqulkam, II, 2, малоумный, глупец, заимств.

aqulapím, I, 32, глупец, безумный, мн. ч. *áqulapíma;* сложн. из заимств. *áqul* и отриц. формы наст. вр. III категории гл. быть, иметься, см. § 27.

úru, gl., ноготь, их ноготь, префиксально, см. *awúru*.

iríč, gl., почка, мн. ч. *iríčmu*.

urk, gl., волк, мн. ч. *urka*; заимств.

arz, I, 20, 21, 48, жалоба, заимств.

as, gr., мое сердце, живот, брюхо, префиксально, остальн. формы см. § 15; *ásułä*, II, 4, в своем сердце, про себя.

iskí, gr., три, также *iské* I, 1, см. § 24.

iskíł, gl., лицо, его лицо, префиксально.

iskím, gl., шелк; ср. шина *sikim*.

asúmen, gl., звезда, мн. ч. *asúmiyu*.

ásqaya, gr., убить его, быть убитым ему, префиксально.

повел. ед. ч. *ásqan*, мн. *ásqaning*; прошедш. (осн.) *ásqana* он убит мною (тобой), *mósqana*, I, 47, она убита мною (тобой), *ásqanen*, I, 8, 26 он убит нами (вами, ими); *músqanen*, I, 37, она убита нами (вами, ими); причаст. прош. ед. *ásqanum*, I, 11, 27, мн. *ásqanuma*, I, 31, 32; остальные формы см. §§ 36 и 37.

asúr, gl., близкий, средний, середина; ср. *as*.

äš, gr., моя, его шея, префиксально, остальные формы см. § 15, ср. *ášṭing* рост, талия, стан.

aúški, gl., изголовье.

úšulä, I, 21, 50, взамен, *uš* штраф, возмещение.

iškár, gl., овод, слепень, оса, мн. ч. *iškárišu*; ср. след.

iškárk, gl., желтый, ср. пред.

išpít, gl., люцерна.

išqá behék, gl., ивовый куст, мн. ч. *išqá behékičing*, ср. *behék*.

išqám, gl., голубой, серый.

išqúr, gl., светло-красный (о крупном рогатом скоте).

ášṭing, gr., рост, стан, талия, префиксально, остальные формы см. § 15, по форме мн. ч. от *äš* шея.

atúhoya см. *duhóya*.

uṭ, I, 13, 14, 21, 22, 23, 24 др., верблюд; косв. пад. *úṭe*, I, 14, 15, 17 др.; мн. ч. *uṭánj*; ср. шина *ūnt*, кашмир. *ūṭh*, *uṭ*.

aválča, gr., падать, упасть; префиксально; ср. гл. *vašča*.

наст.-буд. ед. 1 л. *aválčam*, 2 л. *guválčuma*; прош. ед. 1 л. *avála*, 2 л. *guvála*, 3 л. *valí* I, 45.

awúl, gl., мое сердце, желудок, живот, с преф. 1 л., см. *ul*.

awúla, gr., не мочь, не быть в состоянии, отриц. форма гл. *łáya* (см.).

наст.-буд. ед. 1 л. *awúlam* II, 4.

awúlum, gl., больной, слабый, прич. гл. *awúla*.

awúru, gl., мой ноготь, преф. 1 л., см. *uru*.

áwus, gl., моя жена, преф. 1 л., см. *gus*, мн. ч. *awíšindaru*.

awwál, gl., первый, заимств.

axátiya, gr., не говорить, отриц. форма к гл. *síya* говорить; ср. *xat* рот.

наст.-буд. *axátiyam* и т. д.; наст. опр. ед.: *axátiyam ba*, *axátim ba*, *axátim bay*, *axátim bu*, мн.: *axáčan ban*, *axátim ban*; пов. накл. ед. *axáten*, также *axátäne*, I, 18; прош. (осн.) ед. *axátena*, *axáteni* и т. д.

ay, gl., моя дочь, *äy*, I, 51, его дочь, префиксально, остальн. формы не записаны, мн. ч. см. *ayū*, также прим. I, 49.

ayé, gl., мой сын, *yē* его сын, префиксально, остальные формы не записаны, мн. ч. см. *ayū*, также прим. к I, 49.

ayū́, I, 49, мои дети, мн. ч. для *ay* и *ayé* (см.); *yū* его дети, дети, мн. ч. для *äy* и *yē*; префиксально, остальн. формы не записаны, см. прим. I, 49.

áya, gr., I, 53, II, 4 мой собственный, свой, префиксально; для 2 л. *gúya*, I, 50; 3 л. *íya*, I, 5, 7 др., 3 л. мн. ч. *úya*, I, 6, 29 др.; см. также § 16.

ayást, gr., моя сестра (говорящее лицо мужчина), мн. ч. *ayástaru*; префиксально, остальные формы см. § 15; ср. шугн.-руш. *yax*.

ayáš, gl., небо.

ayíšen, gl., гость, мн. ч. *awišu*.

ayáya, gr., спать, засыпать (мне), префиксально, см. §§ 36 и 37; ср. гл. *yaya*.

izā́, I, 57, посрамление, оскорбление, заимств.

ā́zkir, gl., тесть, мн. ч. *ā́staru*; вероятно, *āz* + *hir*.

āzkúz, gl., теща, мн. ч. *āzkúšindaru*; вероятно, *az* + *gus*.

ažó, gl., дурной, плохой, испорченный.

ažūbarínkiš, gl., ревнивый, завистливый; по форме мн. ч. с показателем -*š*; для начальной части ср. *ažó*.

ažałúk, gl., волна.

ba, *bam*, gr., быть, иметься, вспомог. гл., см. § 27.

ba, gl., просо.

bo, gl., семя, мн. ч. *boíng*.

bo, I, 30, II, 12, что? см. прим. I, 30.

bábur, gl., леопард, заимств., мн. ч. *bábrenj*.

bādšā́, I, 20, 48, царь, заимств.

behḗ, gl., самка, мн. ч. *behēnj*; употребляется в сложении со многими названиями животных, напр., *behē-uk* сука и т. д.

behék, gl., ивовое дерево, мн. ч. *behékičing*.

buk, gl., горло.

bakát, gl., лен, конопля.

bał, gl., стена.

bał, gl., мозг, костный мозг.

bal, gl., орех, мн. ч. *báling*.

bäł, gl., железная лопата, заимств., мн. ч. *bélčing*.

būł, gl., источник, родник, ключ.

balbát, gl., гусь, мн. ч. *balbátišu*; ср. вах. *batbat*.

**balíča* (отглагольн. имя на месте не записано) охватить, схватить, достигнуть, быть охваченным, схваченным, достигнутым.

наст.-буд.: *žá-ce*, *gó-guce*, *né-ce*, *mú-muce*, *mí-mice*, *má-mace*, *wé-uce* *balíčimi*; остальные формы соответственно: наст.-опр. *balíčum bi* (*duwa*), многокр.-услов. *balíčum cek*, прош. (осн.) *balí*, II, 8, 10, прош. (прич.) *balími*, давно-прош. *bałúm dułúm* (*bim*).

bálčiriš, gl., испражнения лошади, формально мн. ч. с показателем -*š*; ср. шугн., руш., орош. *riš* жидкие испражнения человека и крупного рогатого скота, также *bal* (см.).

baldá, gl., груз, ноша.

balk, gl., доска.

bałuqá, gl., молот, мн. ч. *bałuqáčing*.

bełás, gl., овца старше 2 лет, мн. ч. *bélišu*.

bełásu-čap, gl., баранина; ср. *čap* мясо.

bałt, gl., яблоко, мн. ч. *báłting*.

bułtú, II, 1, день (при определении времени); ср. *ułtú*.

bắłtum, I, 55, что? как?

bumbałteн, gl., щиколотка.

boňǰú, gl., скала.

bāp, gl., дед, мн. ч. *bāpíštaru*; ср. вах. *pūp*, мундж. *pōp*, шугн., руш., бартанг., язг. *bōb*.

bépa, gl., як, кутас, мн. ч. *bépanj*; *behḗ-bepa* самка яка.

bēáql, gl., глупый, заимств.

bará, gl., струнный музыкальный инструмент, ребаб, мн. ч. *baránj*.

barcé, gl., шуба, мн. ч. *barcéng*.

barč̣, gl., мост.

bárdum, gl., красный.

bắrum, II, 5, сколько, столько, много.

burúm, gl., белый.

barés, gl., жила, артерия, мн. ч. *baréšu*.

buš, gl., кот, мн. ч. *bušánj*; *behḗ-buš* кошка, мн. ч. *behḗ-bušanj*; ср. перс. *pušak*, шугн.-рушан. *puš*, *piš*, *paš*.

bašá, gl., одеяло, покрывало, чалма, мн. ч. *bašámu*.

búšu, I, 5, 8, др., телёнок, телка до 1 года, мн. ч. *búša*, I, 6, 29, 32, 34; ср. санскр. *vatsa*.

bīšké, gl., козья шерсть, нитка из козьей шерсти, отдельный волос на теле.

bešíndo, gr., шесть.

baṭ, gl., кожа, кожа для шитья сапог, мн. ч. *baṭúng*; ср. *waṭ* кора.

buṭ, gl., II, 11 очень, много.

buṭár, gl., козленок старше 1 года, мн. ч. *buṭárišu*.

bay, gl., зима.

buyé, gl., деревянная лопата, мн. ч. *buyéng*; ср. перс.-памир., шугн.-руш. *fay*, вах. *päy*, мундж. *fiya*, *fəya*.

bayú, gl., соль.

biyá, gl., корова, мн. ч. *biyánj*.

biyénum, gl., узкий, тесный.

bāzắra, I, 29, 54, на базар, заимств.

ce, gr., I, 6, 29 др., они, те, мн. ч. от *se*, см. § 13.

cúča, gr., вести, везти, нести; префиксально.

неопр. *тисúča* нести ее, ей нести; наст.-буд. *cúčam* и т. д.; прош. (осн.) ед. *cúya*, мн. *cúyen* I, 29, 54; пов. ед. *cu*, мн. *cúing*.

cigír, gl., коза старше 2 лет, мн. ч. *cigírišu*.

cigírkum-čap, gl., козлятина, см. *cigír* и *čap*.

cek, gr., I, 5, 6, вспомогательн. гл. частица, употреб. для образов. услов.-многокр. вр., см. § 30.

cāł, I, 41 зерно, умолот; *cắła*, I, 43, в зерно.

cäł, gl., вода.

cełắm, gl., самец, мн. ч. *cełämá*.

cum, gr., I, 2, 3, 33, послелог, см. § 22.

can, II, 12, правильный, верный, справедливый.

cendó, gr., пять.

cura, также *cərá*, gr., итти, недостаточн. наст.-буд. ед. *cərám* I, 20, 48, *cúruma*, *cərémi*, *cərému*, мн. *cərán*, *cərémen*; наст.-опр. *cərám ba* и т. д.; усл.-мног. *cərám cek* и т. д.

ceríng, gl., внутренности, кишки; формально мн. ч., ср. *ceríš*.

ceríš, gl., корень, мн. ч. *cereháng*, ср. *ceríng*.

cerớx, gl., искра, мн. ч. *ceráxišu*, ср. вах. *cerax*, шугн.-руш., язг. *ceraxák*, иш. *ceraxök*, мундж. *teraxnök*.

čidín, gl., котел, мн. ч. *čidīw*, ср. ишк., язг. *čidán*.

čayé, gl., галка, мн. ч. *čayétu*.

čayúrum, gl., холодный.

čik, gl., весь, все; ср. читр. *čik*, ишк. *ǰük*.

čūl, gl., коса женская, ср. ишк. *čūd*.

čam, gl., голодный; ср. читр. *čuy*.

čumár, gl., железо; общее заимств. в гиндукуш. диал., ср. тур. *timur*.

čumárikiš, gl., козий мех (в особенности употребляемый при плавании), мн. ч. *čumarinkíya*.; ср. предшеств.

čamā́x, gl., зажигалка, заимств., читр. *čamāx*, вах. *čuxmūx*, ишк. *čaxmāx* и т. д.

čanúm, gl., узкий, тесный.

čap, gl., мясо.

čaqar-wáltu, gl., четверть, расстояние между указательным пальцем и мизинцем; см. *walto*; ср. перс., ишк. *čōrangušt*.

čirā́y, *çirā́y*, gl., II, 7, светильник, заимств.

čarx, gl., коршун, ястреб, мн. ч. *čárxišu*, заимств.

čüst, gr., красивый.

čiš, gl., дикий, вспыльчивый.

čaxreyurú, gl., точильный камень, заимств., ср. перс. *čarxrḗg*.

čāynák, gr., чайник; заимств.

çəçüring, gl., стружки, только мн. ч.

çen, gl., воробей, мн. ч. *çīw*, *çīu*; ср. язг. *čiγ̌aḏ*.

çángu, gl., хромой, со сломанной ногой.

da, gr., о, эй, обращение к женщине, ср. *lä*.

du, gl., козленок, козочка до 1 года, мн. ч. *duwá*.

díca, см. *diša*.

dḗča, gr., ударить, побить, бросить.

наст.-буд. *dḗčam* и т. д., прош. (осн.) 1 и 2 л. *dḗla*, 3 л. м. р. *dḗli*, I, 44; префиксальные формы см. § 37.

daf, *ḍaf*, gl., бубен, мн. ч. *ḍafánj*, заимств.

dayú, gl., клей; ср. след.

dayúe, *dayóe*, gl., незрелый, сырой, необработанный; ср. предш. и след.

dayúm, gl., мука; ср. предш.

duyáriša, gr., спрашивать.

прош. (осн.) ед. *duyárisa* и т. д., мн. *duyárasen* (*duyáresen*), I, 30, 52, 55; нов. *déyares* спроси его, *dumúyares* спроси ее; остальные формы см. § 38; при отрицании *d* заменяется *t*.

dáyašča, gr., найти, находить; таблицу спряжения см. § 38.

doyóy, gl., полдень.

duhóya, gr., схватить, брать.

наст.-буд. *duhóyam* и т. д.; прош. (осн.) *duhúna*, *duhóni*, II, 6, 7, и т. д.; отрицательно: наст.-буд. *atúhoyam* и т. д.; прош. (осн.) *atúhuna* и т. д.

duhónas, gl., дверная ручка, петля; ср. *duhóya*.

díkutum, gl., худой, тощий.

dalá, gl., оросительный канал, мн. ч. *dalámu*.

delk, gl., навоз, удобрение; ср. вах. *δart*, ишк. *wūḍéḷ*.

duƚúm II, 12, см. *ƀa*, также § 27.

doƚ-tiš, gl., вихрь, стремительный ветер; ср. *tiš* ветер.

dómu, gl., правый.

damán, I, 15, 16, 21, хозяин, господин; ср. *damaya*, также брокпа *damōn* бог, авест. *daman*, *dāmay*.

dámaya, gr., рождаться, ср. *amáya*, префиксально, см. § 38.

dēn, gl., год.

dan, gl., гора; ср. *dañ* и *dang*.

dañ, I, 44, камень; ср. *dan* и *dang*.

dang, gl., твердый, жесткий; ср. *dan* и *dañ*, также читр., шина *dang*.

dirí, gl., сухой.

dorŭ́, I, 33, дело, поступок.

daróγu, *darúγu*, gl., палка, посох, костыль.

dart, gl., гной.

dəráxt, gl., дерево, заимств.

das, gl., пещера, мн. ч. *dašíng*.

dasé, gl., заплата, мн. ч. *daséng*.

dúsi, gl., вывихнутый.

dasā́n, также *dasən*, gl., девушка, девочка, мн. ч. *gušíñga*, см. *gus*.

díša, gl., приводить, приносить, привозить; префиксально, см. §§ 38, также 34 и 35.

datú, gl., осень.

dēw, gl., кошмар, страшный сон, нечистая сила, мн. ч. *dēwánj*, заимств.

dawú, gl., дождь.

díwasi, gl., усталый.

dexésum, gl., тряпка, лоскут.

dáya, gr., я пришел; недостаточн. гл., на лицо только формы производн. от прошедшей основы; см. § 38.

ḍuq, gl., холм, бугор; ср. язг. *poq*, шугн.-руш. *ƀuq*, *ƀoq*.

ḍos, gl., грудь, мн. ч., *díling*.

farengí, gl., ситец, заимств.

gu, gl., сажа.

gu, I, 17, 21, косв. пад. мест. 2 л., см. § 13.

ǧē, *gyē*, gl., снег.

ǧē-tiš, *gyē-tiš*, gl., снежная буря, мятель; ср. *tiš* ветер.

ǧaƀí, gl., скрипка.

gucé, I, 31, эти, вот эти, см. § 13.

gačé, gl., прут, хлыст, мн. ч. *gačéng*.

gučáča, gr., ложиться спать.
наст.-буд. *gučáčam*; наст. опр. *gučáčam ƀa*; пов. ед. *gučá*, мн. *gučáing*; прош. (осн.) *gučáya*; прош. (прич.) *gučáyam*; давнопрош. *gučáyam ƀam*.

gagánum-aql, gl., тупой, непонятливый; *aql* заимств.; ср. *gagayu*.

gagáyu, II, 4, короткий; формально мн. ч.

gaƚá, gr., я, ты шел, ушел, недостаточн. прош. (осн.) ед. *gaƚá*, *galí*, I, 12, 43, 51, *gaƚú*, мн. *gaƚā́n*.

gíli, gl., гвоздь, мн. ч. *gíličin*; ср. *gilínum*.

galgí, gl., крыло.

gilínum, gl., тонкий; ср. *gili*.

gilā́s, gl., кружка, заимств.

gamƀúri, gl., цветок, мн. ч. *gamƀúrimu*.

gan, gl., дорога, тропа, мн. ч. *gánčing*.

gūnčáṭ, gl., утром; ср. *gunj*.

gandí, I, 31, 32, 56, для, ради, преф. послелог, см. § 22.

gandáƚ, gl., бревно.

ǧáñgi, gl., топор, мн. ч. *ǧáñgičing*.

gangoltaras, gl., проводник, см. *gan*.

gunj, gl., день (при счете времени, ср. *ƀuƚtú*), мн. ч. *gunjí*, также *kuc*; ср. *gūnčáṭ*.

ganǰ, gl., ручное веретено, мн. ч. *ganǰíčing*.

gūr, gl., пшеница.
gir, gl., пила, мн. ч. *giričing*.
garú, gl., весна.
garç ắča, I, 27, см. *ắča*.
gark, gl., горох.
gírkis, gl., крыса, мышь, мн. ч. *gírkišu*.
garúm, gl., жаркий, горячий; ср. *garú*, также перс. *garm*.
germínča, gr., писать.
наст.-буд. *germínčam* и т. д.
g'rínj, gl., рис, заимств.
gert, gyert, gl., пыль.
garáting, gl., стружки, сор; формально мн. ч.
gīrwắn, gl., воротник, заимств., мн. ч. *gīrwắyu*.
gās, gl., толстая шерстяная нитка для тканья паласов, мн. ч. *gāšu*.
gus, I, 56, женщина, жена, см. *awús*, мн. ч. *gušíñga*, I, 49.
guštinyandír, gl., дряхлый, согбенный; едва ли одно слово.
gaṭ, gl., узел, мн. ч. *gaṭó*.
gáṭu, gl., штаны (обычно носимые), ср. *gaṭ*.
gúṭas, I, 39, 45 др., покойник, труп человека, мн. ч. *guṭášu*; ср. вах., ишк. *gənḍos* труп животного.
guwārá, gl., колыбель, заимств., мн. ч. *guwāránj*.
gaz, gl., мера длины, равная расстоянию от середины груди до конца пальцев вытянутой руки, заимств.
γókures, gl., ворон, мн. ч. *γókurešu*.
γáłyo, gl., червяк, мн. ч. *γałyúmu*.
γamú, gl., лед, мн. ч. *γamúnj*.
γámun, gl., ворона, мн. ч. *γámuyu*.
γumúršak, gl., бедро, мн. ч. *γumuršáking*; ср. *šak*.
γen, gl., вор, мн. ч. *γéndaru*.
γan, gl., пятка, мн. ч. *γáyu*.
γon, gl., перепел, мн. ч. *γúyu*.
γaník, gl., только один, единственный.
γaínča, gr., казаться, делаться; ср. *γáya*.
наст.-буд. *γaínčam* и т. д.; наст. опр. III кат. *γaínčum bi*; прош. (осн.) *γaína* и т. д.; отрицательно: прош. опред. III кат. *aqáynum*; см. также прим. I, 19.
γōp, gl., тина, ил.
γūpás, gl., бумажная нитка.
γarbḗl, gl., сито, решето, заимств., мн. ч. *γarbḗličing*.
γarča, gr., брать, схватить, взять; таблицу спряжения см. §§ 29-32.
γórkun, gl., лягушка, мн. ч. *γórkuyu*.
γaráš, gl., бобовое растение; ср. ишк. *karṓš*, вах. *kəroš*.
γarḗy, gl., пестрый (о крупном рогатом скоте).
γási, gl., гнилой.
γusánum, II, 2, длинный.
γaš, gl., пена.
γášū, gl., лук.
γašḗp, gl., сорока, мн. ч. *γašḗpišu*.
γoṭ, gl., немой; ср. читр. *γoṭ*, шина *čáṭu*.
γaténj, gl., меч, сабля, мн. ч. *γatéhang*; ср. *γaténj*.
γáya, gr., смотреть, видеть; ср. *γaínča*.
наст.-буд. *γáyam* и т. д.; прош.-осн. ед. *γána*, *γáni*, I, 15, мн. *γánen*, I, 23; пов. ед. *γáne*, мн. *γáning*; дееприч.: *néγa*, I, 50.
ha, gr., дом, мн. ч. *hakíčang*; *háła* I, 51, домой, в дом, *háłä* дома, *háłum* из дому.
hučṓ, gr., девять.
húçu, gl., сапоги (высокие, мягкие), мн. ч. *húçumu*.

hayúr, gl., лошадь, заимств., мн. ч. *hayúra*.

huk, gl., собака, мн. ч. *huká*; *behé-uk* сука, мн. ч. *beké-ukanj*.

häk (?), gl., полный (?).

häk, см. *han*.

hāl, gl., лисица, мн. ч. *hāljú*; *behé-hal* самка, мн. ч. *behé-halju*.

hil, gl., губа, мн. ч. *híling*.

halí, gl., береста, мн. ч. *halíng*.

huló, gl., испражнения мелкого рогатого скота.

holā, gl., наружный, снаружи; ср. *ha*.

haldén, gl., козел старше 2-х лет, мн. ч. *haldīw*.

huljáča, gr., сажать, садиться верхом. наст.-буд. *huljáčam*; наст. опр. *huljáčam ba*; усл.-многокр. *huljáčam cek* и т. д.; прош. осн. ед. 1 л. *huljáya*, 3 л. *huljáy* I, 22; прош. прич. *huljáyam* и т. д.; прош. опред. ед. 3 л. *huljám bay* I, 23; давнопр. *huljáyam bam* и т. д.; давнопрош. III кат. *huljám bim*; повел. ед. *huljá*, мн. *huljáing*; деепричастия (префиксально) см. § 37.

hālkít, gl., коза старше 1 года, мн. ч. *hālkitdarú*.

hálmunes, gl., ребро, мн. ч. *hálmuyu*.

halánj, gl., луна; по форме мн. ч. с показ. -*anj*.

hílinkiš, gl., пламя; по форме мн. ч. с показ. -*iš*.

hulās, *halās*, I, 22, 46, 51, парень, юноша, молодой человек, брат женщины; ср. *aču* и *ayást*, также § 15; мн. ч. *dulāšu*.

haltó, см. *altán*.

humá, gl., брод, мн. ч. *humaíng*.

haménj, gl., сыр, творог.

hun, gl., дрова.

han, I, 13, II, 1, один, также *häk*, I, 7, и *hen*, I, 2, 3, 41; см. § 24.

hing, gl., дверь, мн. ч. *hiníčang*.

hunzé, gl., стрела, пуля, мн. ч. *hunzéng*.

hepultú, gl., завтра (*hen* + *bultú* с *b*‖*p*).

hir, I, 44, человек, муж, мужчина, мн. ч. *huri*, *hurikya*.

har, gl., бык, мн. ч. *haryó*.

har bultú, gl., ежедневно; *har* заимств., *bultú*, день.

har šām, gl., каждый вечер; заимств.

haré, gl., ячмень; ср. вах. *yörk*, *yürk*.

hérča, gr., плакать.
наст.-буд. *hérčam*; наст. опр. *hérčam ba*; усл.-многокр. *hérčam cek* и т. д.; пов. ед. *her*, мн. *héring*; дееприч. *nuhér* I, 40.

harč, gl., плуг, соха, мн. ч. *háreng*.

hurgás, gl., толстый, жирный.

hurúyu, gl., пот; ср. перс. *araq*; заимств.

harált, gl., облако.

haránguči, I, 35, 50, между.

huráp, gl., корыто, мн. ч. *hurápa*.

hurúša, gr., сажать, садиться.
наст.-буд. *hurúšam* и т. д.; пов. ед. *hurúṭ*, мн. *hurúṭing*; прош. (осн.) ед. *hurúṭa*, *hurúṭi*, I, 42; префиксальные формы см. § 36.

haryáš, gl., моча.

hāsa, gl., месяц (промежуток времени).

hesk, gl., гребень, мн. ч. *heskíčing*.

hasíl, gl., свежий, новый.

hútes, gl., нога, мн. ч. *húṭing*.

huyéltare, gl., пастух, мн. ч. *huyēltárču*, ср. *huyēs*, также *gangoltarás* проводник.

ḥuyḗs, gl., стадо мелкого рогатого скота.

ḥayvṓn, gl., единица (голова) крупного рогатого скота, заимств.

ǰōndṓr, gl., голова мелкого рогатого скота, заимств.

ka, I, 9, 13 сл., союз что, как, и; ср. перс. *ki*.

ke, gr., мн. ч. мест. 3 л. (указ.) IV-ой кат., см. § 13.

kīu, gl., блоха.

киc см. *gunj*.

kaç̣, gl., каменистый низкий берег, в высокую воду заливаемый водой.

kukúres, gl., щенок, мн. ч. *kukúrešu*; *behḗ-kukures* самка, мн. ч. *behḗ-kukurešu*; ср. санскр. *kukkura*.

koł, gl., овраг, выбоина в скале, неглубокая пещера; ср. ишк., мундж. *kər*, *kör*, язг. *kər*, орош. *kur*.

kul, II, 10, весь, заимств.

kółum отсюда.

komú, I, 52, 53, вот она, вот эта, см. § 13.

kamá, gl., войлок, кошма, мн. ч. *kamámu*, также *kamánj*.

kambáxt, I, 24, 35, несчастный, неудачник, презренный, заимств.

kūná, gl., палка, жердь, шест, мн. ч. *kūnášku*.

kápun, gl., ложка, мн. ч. *kápəyu*; ср. вах. *kapč*, ишк. *kōfč*, мундж. *káfčia*, язг. *kēbǰ*, перс. *kafč*; заимств.

karú, gl., вошь, мн. ч. *karúmu*.

karútu, gl., глухой; ср. читр. *karútu*, перс., ишк., язг., шугн. *kar*.

kurtáni, gl., мужская рубашка, заимств.; мн. ч. *kurtánimu*, также *kurtáničing*.

karvā́si, gl., грубая бумажная ткань, заимств.

küš, gl., калека, со сломанной рукой; ср. читр. *küš*.

kašālá, gl., висячий, болтающийся, заимств.

kitḗp, II, 1, книга, заимств.

káṭar, II, 7, половина.

kyang, gl., листья, мн. ч. от *ṭap* (см.).

lä, I, 32, о, эй, обращение к мужчине, также *lē*, I, 17, 18, 24; ср. *da*.

län, gl., спокойный, выносливый.

latúkres, gl., круглый.

łāmán, gl., пола, заимств., мн. ч. *łāmáyu*, ср. перс. *dâman*.

łáya, gr., мочь, быть в состоянии; ср. *awúla*.

mä, gl., зуб, мн. ч. *mā́mu*.

mu, I, 39, 51 сл., она, та, см. § 13.

mi, I, 35, 36, мы, см. § 13.

ma, gr., вы, см. § 13.

māł, gl., земля.

mōl, gl., мелкий рогатый скот, заимств.

mā́lç̣, gl., подбородок, мн. ч. *mā́lç̣ing*.

mełmeł, gl., усы, мн. ч. *mełméling*.

mulpilyáng, gl., ресницы.

mułtán, I, 14, 19, кровь.

małtárča, gr., мазать; ср. *mułtán* и *maltáš*, также перс. *mâlīdan*. наст.-буд. *małtárčam*; наст. опред. *małtárčam ba* и т. д.; прош. осн. *małtára*, *maltári* I, 14; давнопрош. *małtáram bam* и т. д.; давнопрош. III кат. *małtáram bim*; дееприч. *numáltar*; пов. *małtár*.

maltáš, gl., масло; ср. *małtárča*.

māmú, gl., молоко.

mən, gl., каждый, всякий.

mãne, I, 25, 32, кто, никто, чей, чье; ср. *mən*.

mundáq, gl., большой кожаный мешок для переноски.

mənás, I, рассказ, сказка.

manũš, gl., мешок из козьей кожи.

minyáš, gl., переправа.

marč, *murč*, gl., перец, заимств.

marúk, gl., сливки; ср. вах. *mərik*, ишк. *mārik*; заимств..

maristán, gl., раб, рабыня, мн. ч. *maristándaru*; ср. читр., шина *maristan*.

masqará, I, 35, насмешка, разрушение, порча, заимств.

muš, gl., нос.

mušk, gr., лес.

mušt, gl., горсть одной руки, заимств.

muštúk, gl., кулак, заимств., мн. ч. *muštúka*.

matúm, gl., черный.

matãn, gl., далекий.

na — na, I, 34, ни — ни.

níi, gr., большой, старший; префиксально; *muníi*, I, 51, она велика, *unúyu*, I, 6, они велики, остальные формы см. § 15.

nĩ, II, 2, 4 сл., борода, его борода, мн. ч. *nĩmu*, префикс., см. § 15.

ne, I, 5, 8 сл., он, тот, мест. 3 л. I кат., см. § 13.

načk, gl., клюв; ср. вах. *nöčk*, сарык., *nüsk*, шугн.-руш. *nul*, язг. *nəl*.

nõf, gl., пуп, заимств.

náye, gl., испражнения человека и крупного рогатого скота, мн. ч. *nayíng*.

néka, I, 7, 42, см. § 13.

nāl, gl., тень.

nāl, gl., ярмо, мн. ч. *nālčing*.

nīl, gl., голубой, синий, заимств.

ñām, gl., сладкий.

náni, I, 2, 3 сл., мать, мн. ч. *nánistaru*; заимств.

núngus, gl., колено, мн. ч. *núngušu*.

ñnyá, gl., медведь, мн. ч. *ñnyámu*; *behē-nya* медведица.

narúci, gl., гермафродит, ср. перс. *nar* мужчина.

nāxúy, gl., бобовое растение, заимств.

néyam, gr., я шел, пошел, пр. вр. недост. гл. итти.

прош. прич. ед. *néyam*, *néma*, *némi*, *nému*; давнопрош. *néyam bam* и т. д.; дееприч. *néyan*; пов. *ne* (*nä*), с отриц. *aíne* (*aínä*), I, 21.

pu, II, 8, огонь, мн. ч. *puíng*, ср. брокпа *phu*.

páku, gl., хлеб, хлебная лепешка.

pul, gr., копейка, деньги; заим.

púlčing, gl., кисти, бахрома; заимств.

polyó, gl., перо, мн. ч. *polyóčing*.

pilás, gl., мягкий; ср. читр. *pelás*, *plás*.

pulúti, gl., бутон, почка, мн. ч. *pulútimu*.

pen, gl., муха, мн. ч. *píu*.

punj, gl., иней.

pénas, gl., волос, мн. ч. *pénešu*.

parĩ, gl., кошмар, страшный сон, фея, нечистая сила, мн. ч. *parĩting*, заимств.

pári, gl., озеро, пруд, водовместилище, мн. ч. *párimu*.

párce, gl., мягкая плоская шапка с завернутыми краями, мн. ч. *párcemu*.

puš, gl., женская рубашка; мн. ч. *púhang*.

pīšōnī, gl., лоб, заимств.
púštin, gl., кислый.
pat, II, 10, см. *pat ăča*.
peṭ, gl., желчь.
páte, gl., блюдо, мн. ч. *pátemu*.
peṭék, gl., женское головное покрывало, мн. ч. *peṭékičing*.
pitík, gl., овца от 1 до 2 лет, мн. ч. *pitíkišu*.
péting, gl., зола, пепел; формально множ. ч. на *-ing*.
payen, gl., голова мелкого рогатого скота (термин употребляется в качестве счетной единицы); ср. шугн. *pis*, руш. *pos*, вах. *pus*.
payng, II, 12, неправильный, ложный, ошибочный.
qačí, II, 5, пожницы, заимств.
qaf, gl., коготь, заимств.
qəlḗč, gl., мера длины, равная расстоянию между концами пальцев вытянутых рук; заимств.
qalám, gr., перо для письма, заимств.
qoqó, gl , болезнь зоба.
qaqám, gl., горький.
qārqámuš, gl., петух; *behḗ-qārqámuš* курица; ср. вах. *körk*, ишк. *kərčin* петух, мундж. *kəriya*, язг. *karǰ* курица.
qōzī, II, 1, 3, 11, судья, заимств.
rafḗq, gl., любовник, любовница, заимств.; мн. ч. *rafḗqendaru*.
rāhí, I, 22, 33, 57, см. *rāhí ăča*.
ren, *reṅ*, II, 6, 8, 9, рука, мн. ч. *reṅg*.
rat, I, 12, степь, необработанное ровное пространство.
se, I, 5, 7 сл., мест. 3 л. III кат., см. § 13.
sa, gl., солнце.
suγá, gl., левый.
sáγún, gl., внук, внучка, племянник, племянница, мн. ч. *sáγúndaru*.
säł, gl., иголка, мн. ч. *säłang*.
san, gl., селезенка (?).
sān, gl., плотная бумажная ткань, бязь, заимств.
séndeguč, gl., берег.
sandān, gl., наковальня, заимств.
sápa, gl., копыто, ср. перс. *sumb*.
sar, gl., шерстяная нитка.
sar, gl., заяц, мн. ч. *sáryu*; *behḗ-sar* зайчиха, мн. ч. *behḗ-saryu*.
súrqun, gl., гром.
surúyu, gl., кусок материи; по форме мн. ч. на *-yu*, ср. *sar* шерстяная нитка; мн. ч. *surúyučing*.
ses, *sése*, I, 30, 32 сл., люди, народ.
sésen, gl., локоть, мн. ч. *séseyu*.
sāṭik, gl., вчера, вечером.
sitār, gl., трехструнный музыкальный инструмент, сетар, заимств.
saw, gl., песок, мн. ч. *sawkyáng*, ср. *kyang*.
síya, gr., говорить, сказать, читать. наст.-буд. ед. *síyam*, *síma*, *sími*, *símu*, мн. *síyan*, *símen*; наст. опр. ед. *síyam ba*, *sim ba*, *sim bay*, *sim bu*, мн. *síyan ban*, *sim ban*; пов. ед. *séne*, мн. *séning*; прош. (осн.) ед. *séna*, *séni*, I, 17, 18, 19 сл., мн. *sénen*, I, 24, 31 сл.; отриц. формою является гл. *axátiya* (см.), но также прибавляется отриц. частица *ayí-* ко всем формам: *ayísiya* и т. д.
šē, gl., овечья шерсть.
šiç̣a, gr., есть.
наст.-буд. ед. *šíç̣am*, *šíç̣uma*, *šíç̣umi*, также *šíç̣imi* I, 18, *šíç̣umu*, мн. *ší-*

ç̣an, *šíç̣umen*; пов. ед. *še*, мн. *šiing*; прош. (осн.) ед. *šíya*, *šĩy*, I, 17, *šíyu*, мн. *šíyen*; прош. (проч.) ед. *šíyam*, *šíma*, *šími*, *šímu*, мн. *šímen*; давнопрош. *šíyam bam*, *šim bam*, *šim bum* и т. д.

šāhĩn, gl., мелкий ястреб, мн. ч. *šāhĩyu*, заимств.

šáhar, gl., город, заимств.

šak, gl., берцовая кость; ср. *γumuršak*.

šōkum, *šūkum*, gl., широкий.

šílan, gl., хвост; ср. читр. *šilōx*.

šilan-ce-bərún, gl., белохвостый; составное прилагат., см. предш. и *burúm* белый.

šōlt, gl., крыша, мн. ч. *šōltíčing*.

šām, gl., вечер, заимств.

šümán, gl., пояс, стягивающий панталоны, мн. ч. *šümáyu*.

šön, *šün*, gl., слепой; ср. шина *šēwó*.

šiní, gl., лето.

šung, gl., долина, мн. ч. *šungášku*.

šōqá, gl., сукно для верхнего платья, халат, мн. ч. *šōkámu*; ср. *šōkum*.

šar, gl., ветвь (древесная), мн. ч. *šaránj*.

šarmandá, II, 11, пристыженный, заимств.

širángu, gl., белоголовый.

šáṭo, gl., яички (животных и человека), мн. ч. *šáṭum*.

šūtum, gl., печь, очаг, мн. ч. *šūtuma*.

šüwá, I, 56, красивый, хороший.

šawōlék, gl., верхние очень широкие штаны, мн. ч. *šawōléking*, заимств.

tu, gl., слюна; ср. сарык. *tü*, вах. *tuf*, язг. *tof*, шугн.-руш. *tufč*.

ta, gr., сто.

to, I, 10, 42, 46, там, туда; ср. *te*.

te, I, 12, 43 др., мест. 3 л., см. § 13.

tahí, I, 18, так, таким образом.

tak, gl., пуговица; мн. ч. *takíčing*; ср. перс.-памир. *tukma*, *təkmá*.

tik, gl., земля, почва, пыль.

tal, gl., замок, мн. ч. *tálčing*.

tal, gl., береза, мн. ч. *taling*.

tal, gl., голубь, мн. ч. *taljú*.

tul, gl., змея, мн. ч. *tulánj*.

tūl, gl., шило, мн. ч. *tulčing*.

telā́, gl., орех (грецкий) (дерево и плоды), мн. ч. *telā́ng*; ср. вах. *ṭor*.

tālú, gr., семь.

taláγar, gl., лихорадка.

tilihàng, gl., седло; ср. ш.-р. *talīg*, потник.

tólum, gr., оттуда.

tam, gl., молния.

túmal, gl., ухо, мн. ч. *tumalíng*.

tumal-če-guwáši, gl., серьга, ушное украшение, сложное слово (см предш.).

túməna, gl., другой.

taméne, gl., также *taméne-den*, прошлый год, см. *túməna* и *den*.

támang, gl., поводья, узда.

tamāšā́, I, 13, зрелище, заимств.

tan, gl., тело, заимств.

ten, gl., кость, мн. ч. *tenǰó*.

tanj, gl., ляшка, голень.

tánum, gl., высокий.

tanés, gl., острие, наконечник, мн. ч. *tanáng*.

tap, gl., лист, мн. ч. *tapóng*, также *kyang*.

tapús, gl., орел, мн. ч. *tapúšu*.

taq, gl., гладкий, скользкий.

toqúm, gl., покрывало, потник, попона, мн. ч. *toqumičing*; ср. тур., вах. *tuqum*.

tēr, gl., гной, грязный; ср. перс.-памир. *tēr* черный.

tur, gl., рог, мн. ч. *turyáng*; ср. сл.
tur, gl., плеть, мн. ч. *turíčing*; ср. сл. и предш.
tūr, gl., сеть, ср. перс. *târ* и предш.
túrum, gr., десять.
traṅg, gl., подпруга, мн. ч. *traṅgíčing*, заимств.
taráq, gl., голый.
teréq, gl., пирамидальный тополь, мн. ч. *teréqičing*, заимств. из тур.
tarés, I, 38, сирота.
tas, gl., дым.
tis, gl., яма для сохранения зерна на зиму, мн. ч. *tišánj*.
tiš, gl., ветер.
teš, gl., бровь, мн. ч. *tehá*.
túšhaɫaɫ, gl., жених, невеста, мн. ч. *tušhaɫáɫəšu*.
tēšk, gl., нож, мн. ч. *tēškáng*, ср. перс. *tēša* топор.
téštik, gl., расстояние от мизинца до большого пальца, четверть.
táti, gl., отец, мн. ч. *tátištaru*; ср. вах., шугн. *tat*, ишк., мундж. *tot*, читр. *tat* и т. д.
tuwā́k, gl., ружье, мн. ч. *tuwā́kičing*; ср. мундж. *təfák*.
tux, gl., пар, туман.
tuxlí, gl., баран старше 2-х лет, мн. ч. *tuxlímu*; ср. вах. *təxli*, *tᵊxli* баран холощеный, орош., бартанг. *tuxle*, *tuxli* баран 1-2 лет.
tuxlí-čap, gl., баранина, см. *tuxlí* и *čap*.
taxtabánd, gl., частокол, изгородь, заимств.
tēz, gl., острый, заимств.
ṭiká, gl., подушка, заимств.
ṭāmbúk, gl., лук для стрельбы, мн. ч. *ṭāmbúkičing*.
ṭiṅgán, gl., яйцо, мн. ч. *ṭiṅgáyu*.
ṭong, gl., груша, мн. ч. *ṭongíčing*; ср. кашмир. *ṭonk*.
ṭap, gl., ночь.
ṭōq, gl., пень, мн. ч. *ṭōqa*.
ṭeṭé, gl., канат, толстая веревка, мн. ч. *ṭeṭéšku*.
ṭax, gl., жаждущий; ср. вах., ишк. *ṭax*, перс. *tašná*.
vērí, gl., запах.
vašča, gr., падать, упасть; ср. *avaɫča*. наст.-буд. *vásčam*, *vásčuma*, *vaščimi* и т. д.; прош. (осн.) *vásčiya* и т. д.
we I, 6, 8 сл., мн. ч. мест. 3 л., см. § 13.
wẹ́-aɫtan, gl., оба, см. *we* и *aɫtán*.
wec, gl., теленок, телка после 1 года, мн. ч. *wecó*, ср. вах. *wö̌šk*, ишк. *wasuk*, *wusuk*, язг. *wus*, *winč*.
waɫ, gl., самец (в сложных словах, в противоположность *behḗ*, см.): *waɫ-hayúr* жеребец, *waɫ-žakún* осел, *waɫ-qār-qámuš* петух.
wáɫdes, gl., спина; ср. мундж. *wurgṓr*.
wáɫdes-dúsum, gl., горбатый, см. предш.
wáɫto, gr., четыре, ср. *aɫtan*.
waryán, gl., труп животного, мн. ч. *waryáyu*.
wurúta, gl., сидящий на корточках; ср. *hurúša*.
waṭ, gl., кора; ср. *baṭ*.
waw, gl., бабушка, мн. ч. *wawíštaru*.
waxt, gl., время, заимств.
xafá, gr., огорченный, печальный; заимств.
xəǰál, I, 33, пристыженный, заимств.
xūk, gl., свинья, заимств.
xakín, gl., невестка, жена сына, мн. ч. *xakíndaru*.
xaltá, gl., мешок, заимств.

xałxúčing, gl., тина, ил; по форме множ. ч.

xork, gl., солома, мякина, сено, трава, мн. ч. *xorkíčing*.

xórpet, gl., легкое.

xūs, gl., кашель; санскр. *kāsa*, *kās*.

xēš, gl., родство, родственник, заимств.

xat, I, 14, 19, рот, ср. *axátiya*.

xawáng, gl., одеяло, мн. ч. *xawángičing*, ср. шугн.-руш. *x̌ewīnč* грубая бумажная ткань.

yē см. *ayē*.

yéci см. *yéša*.

yan, gl., ручка, захват, ср. *yaya*.

yana см. *yaya*.

yúngus, gl., язык.

yánǰi, gl., мельница (водяная); ср. мундж. *yoňδ-* молоть.

yāra I, 45, низкий, вниз, внизу.

yārča, gr., заботиться, беречь, холить. наст.-буд. *yārčam*; наст. опр. *yārčam ba*; услов.-многокр. *yārčam cek* и т. д.; прош. осн. ед. *yāra*, *yāri*, I, 7; прош. причастн. ед. *yāram*; давнопрош. *yāram bam* и т. д., пов. ед. *yār* (*yāre*), мн. *yāring*.

yarikíy, gl., постель, мн. ч. *yárikičing*.

yast см. *ayast*.

yaténǰ, gl., сабля, меч, мн. ч. *yatéhang*; ср. *γaténǰ*.

yaṭé, I, 22, 23, послелог, сверху, при помощи, см. § 22; ср. *yáṭes*.

yáṭes, II, 2, 3, 4, голова, мн. ч. *yáṭišu*, ср. предш. и сл.

yóṭes, gl., ягненок до 8 месяцев, мн. ч. *yóṭišu*; ср. предш.

yéša, gl., видеть.
наст.-буд. *yéšam* и т. д.; прош. (осн.) ед. *yeca*, *yéci*, II, 2, 3, *yecu*.

yáviča, gr., искать.
наст.-буд. *yávičam* и т. д.; прош. осн. ед. *yávia*, *yávī* I, 10, II, 5; прош. прич. *yáviam*; давнопрош. *yáviam bam* и т. д.; префиксальные формы см. § 36.

yáya, gr., взять, брать, приобретать.
наст.-буд. *yáyam* и т. д.; наст. опр. ед. 3 л. *yáyum bay*, I, 41; прош. осн. ед. *yána* I, 28, *yáni* II, 9, *yánu*, мн. *yánen*; пов. ед. *yáne* I, 50, мн. *yániṅg*; префиксальные формы см. § 36.

za, gl., мокрый, влажный; ср. читр., шина *za*.

zangár, gl., ржавчина, заимств.; ср. вах. *zəngor*, перс. *zang*.

ža I, 17, 20 др., личн. мест. 1 л., см. § 13.

žü, I, 14, 19, испражнения.

žü, gl., абрикос, мн. ч. *žüing*.

žo, gr., иди, пов. накл. недост. гл., мн. ч. *žóing* идите.

žačk, gl., погремушка, бубенчик, колокольчик; ср. читр. *žačk*, ишк. *žuḷ*, шугн.-руш. *γ̌ōl*, *γ̌ūl*.

žayá, I, 40, место, заимств.; ср. читр. *žaya*.

žayár, gl., зоб (птичий), заимств.; ср. перс. *zahâr*, вах. *žiγár*, ишк. *žoγár*.

žakún, I, 39, 43, осел, мн. ч. *žakúyu*.

žiṅgé, gl., рукав; ср. ишк. *zül*, *zöl*, ор., бартанг. *zū*, язг. *zow*, руш. *zāy*, шугн. *zuγ̌*; мн. ч. *žiṅgému*, также *žiṅgéčing*.

ženǰér, gl., цепь, заимств., мн. ч. *ženǰéričing*.

žīp, gl., карман, заимств., мн. ч. *žípičing*.

———

*

Указатель к вершикско-русскому словарю.[1]

Абрикос žü
артерия bares
бабочка ahūlal
бабушка waw
базар bāzāra
баран (от 1 года до 2-х лет) ačas, (старше 2-х лет) tuxli
баранина bełäsu-čap, tuxli-čap
бахрома pulčing
бедро γumuršak
белоголовый širangu
белолобый ingitəki
белохвостый šilancebərun
белый burum
берег sendeguč, kač̣
береза tał
береста hali
беречь yārč̣a
близкий asur
блоха kīu
блюдо pate
бобовое растение nāxuy, γaraš
болото āndus
болтающийся kašāla
больной awulum
большой nii
борода nı
брат (женщины) hułäs, (мужчины) ač̣u
брать γarča, yaya, duhoya
бревно gandał
бровь teš
брод huma
бросить dēča
брюхо as
бубен ḍaf
бубенчик žačk
бугор ḍuq
буря (снежная) gyē-tiš
бутон puluti
бык har
быть ba , (в состоянии) łaya
бязь sān
везти cuča
верблюд uṭ
верблюдица behē-uṭ
веревка (толстая) ṭeṭe
веретено (ручное) ganǰ
верный can
весна garu
вести cuča
весь kul, čik
ветвь (дерева) šar
ветер tiš
вечер šām
вечером sāṭik
взять yaya, γarča
видеть yeša, γaya
висячий kašāla
вихрь doł-tiš
влажный za
вниз, внизу yāra
внук saγun
внутренности cering
внучка saγun
вода cäł
водовместилище pari
возмещение (в) ušułä
войлок kama
волк urk
волна ažałuk
волос penas, (на теле) biške
волчиха behē-urk
вор γen
воробей č̣en
ворон γokures
ворона γamun
воротник gırwān
восемь ałtāmbu
вот (эта, она) komu, (эти, они) guce
вошь karu

[1] Указатель имеет целью лишь облегчение пользования вершикско-русским словарем, не представляя собою самостоятельного словаря.

вредить masqara äča
время waxt
вспыльчивый čiš
всякий mən
вы ma
выбоина в скале koł
вывихнутый dusi
выносливый län
высокий tanum
галка čaγe
гвоздь gili
гермафродит naruci
гладкий taq
глаз ilči
глупый, глупец aqulkam, aqulapim, bēaql
глухой karutu
глядеть tamāšā äča
гнездо ulkiš
гнилой γasi
гной dart, tēr
говорить siya
год den, (прошлый) tamene
голень tanj
голова yatcs, (крупного рогатого скота) hayvōn, (мелкого рогатого скота) jōndōr, (как единица счета) payen
голодный čam
голубой (серый) išqam, (синий) nil
голубь tał
голый taraq
гора dan
горбатый wałdes-dusum
горло buk
город šahar
горох gark
горсть (одной руки) mušt
горький qaqam
горячий garum
господин daman
гость ayišen
гребень hesk
гром surqun
грудь ḍos
груз balda
груша ṭong
грязный tēr
губа hił
гусь balbat
давать uča
далекий matän
дать uča
два ałtan, hałto
двадцать ałtar
дверь hing
девочка, девушка dasän
девять hučo
дед bāp
делать äča
делаться amaya, γainča
дело dorū̊
день (при определении времени) ułtu, bułtu, (при счете gunj, kuc)
деньги pul
дерево dəraxt
десять turum
дикий čiš
длинный γusanum
для gandi
днем bułtu, ułtu
дождь dawu
долина šung
дом ha
домой hała
дорога gan; отправиться в дорогу rāhi äča
доска balk
достичь *baliča
дочь ay
дрова hun
другой tuməna
дряхлый guštinγandir
дурной ažo
дым tas
единственный γanik
ежевечерне har šām
ежедневно har bułtu
есть šiča
жаждущий ṭax
жалоба arz
жаловаться arz äča
жаркий garum
железо čumar
желтый iškark
желудок uł, awul
желчь peṭ
жена awus, gus, (2-ая) amboxčan, (сына) xakin
жених tušhałał
женщина gus
жердь kūna
жеребец wał-haγur
жесткий dang
живот as
жила bares
жирный hurgas
забор taxtaband
заботиться yārča
завистливый ažūbarinkiš
завтра hepułtu
зажечь ēciča

зажигалка čamāx
зайчиха behē-sar
замок taỉ
запах vēri
заплакать herča
заплата dase
заснуть, засыпать ayaya
захват (ручка) yan
заяц sar
звезда asumen
земля māỉ, tik
зерно (умолот) cāỉ
зима bay
змея tuỉ
зоб (болезнь) qoqo, (у животных) žaγar
зола peting
зрелище tamāšā
зуб mā
и ka
ива (дерево) behek, (куст) išqa-behek
иголка säỉ
из cum
изголовье auški
изгородь taxtaband
издеваться masqara äča
ил xaỉxučing, γōp
именно (они, эти) guce, (она, эта) komu
иметь, иметься ba
иней punj
искать yaviča
испражнения žü, (человека и крупного рогатого скота) naγe, (мелкого рогатого скота) huỉo, (лошади) balčiriš

источник (воды) būỉ
итти səra, žo, neyam, (уходить) gaỉa
к äpaya, paya
каждый mən
казаться γainča
как (союз) ka
как? (наречие) bäỉtum
калека (со сломанной рукой) küš, (со сломанной ногой) çangu
камень daḣ, (точильный) čaxreγuru
канал (оросительн.) daỉa
канат ṭeṭe
карман žīp
кашель xūs
кислый puštin
кисть pulčing
кишки cering
клей daγu
клюв načk
ключ (родник) būỉ
книга kitēp
кобыла behē-haγur
коготь qaf
кожа baṭ
коза (до 1 года) du, (от 1 года до 2-х лет) hālkit, (старше 2-х лет) cigir
козел (до 1 года) du, (от 1 года до 2-х лет) buṭar, (старше 2-х лет) haỉden
козлятина cigirkum-čap
колено nungus
колокольчик žačk
колыбель guwāra

конопля bakaṭ
копыто sapa
кора waṭ
корень ceriš
корова biya
короткий gagayu
коршун čarx
корыто hurap
коса (женская) čūỉ
костыль daruγu
кость ten, (берцовая) šak̇
кот buś̌
котел čidin
кошка buś̌, behē-buś̌
кошма kama
кошмар dēw, parı
красивый šüwa, čüst
красный bardum, (светло-красный) išqur
кровь muỉtan
круглый latukres
кружка gilās
крыло galgi
крыса girkis
крыша šöỉt
кулак mušṭuk
курица qārqamuš, behē-qārqamuš
кусок (материи) suruyu
левый suγa
легкое xorpet
лед γamu
лен bakaṭ
леопард babur
лепешка (хлебная) paku
лес mušk
лето šini
лисица hāỉ
лист tap

лихорадка talaγar
лицо iskiƚ
лоб pišōni
ложиться (спать) gučača
ложка kapun
ложный payng
локоть sesen
лопата (деревянная) buye, (железная) bāƚ
лоскут dexesum
лошадь haγur
лук (растение) γašü, (оружие) ṭāmbuk
луна halanj
любовник,-ица rafēq
люди ses
люцерна išpit
лягушка γorkun
ляпка tanj
мазать maƚtarča
маленький əčuγun
масло maƚtaš
мать nani
медведица behĕ-nya
медведь ĥnya
между harangući
мельница (водяная) yanji
место žaγa
месяц (промежуток времени) häsa •
метель gyē-tiš
мех (для плавания) čumarikiš
мешок xalta, (из козьей шкуры) manüš, (большой кожаный) munḍaq
меч yatenj, γatenj
младший əčuγun
много buṭ, bärum
мозг baƚ
молния tam
молодой человек huƚäs
молоко māmu
молот baƚuqa
мост barč̣
мотылек ahūlal
моча haryaš
мочь ƚaya
муж, мужчина hir
музыкальный инструмент (струнный, сетар) sitār, (трехструнный, ребаб) bara
мука daγum
мундштук (удила) aƚγas
муха pen
мы mi
мышь girkis
мягкий pilas
мякина xork
мясо čap
наверх, наверху, yaṭe
навоз deƚk
навстречу iñgiγa
назад ilji
найти daγašča
наковальня sandān
наконечник tanes
народ ses
наружный hoƚā
насмехаться masqara äča
насмешка masqara
находить daγašča
не a, ai, ayi, (быть, иметь, иметься) apam, (быть в состоянии, мочь), awula, (говорить) axatiya
небо ayaš́
невеста tušhaƚaƚ
невестка (жена сына) xakin
незрелый, необработанный daγue
немой γoṭ
неосторожный aihem
непонятливый gaganumaql
неправильный payng
несведущий aihem
нести cuča
несчастный, неудачник kambaxt
ни-ни na-na
низкий yāra
нитка (бумажная) γūpas, (шерстяная) sar, (из козьей шерсти) biśke, (толстая шерстяная для тканья паласов) gās
новый hasil
нога huṭes; со сломанной ногой čangu
ноготь uru, awuru
нож tēšk
ножницы qači
ножны ulkiš
нос muš́
ночь ṭap
ноша balda
оба we-aƚtan
облако haraƚt
овод iškar
овраг koƚ
овца (от 1 года до 2-х лет) pitik, (старше 2-х лет) beƚäs

огонь pu
огорченный xafa
одеяло (покрывало) baša, (постель) xawang
один,-на, hen, han, häk, (только) γanik
озеро pari
он ne, она mu
орел tapus
орех (очищенный) bal, (дерево и плоды) teľä
оса iškar
осел žakun, waľ-žakun
осень datu
оскорбление izā
ослица žakun, behē-žakun
оставить pat äča
острие tanes
острый tēz
от ilji, cum
отдавать, отдать uča
отец tati
откуда? anum
отнести cuča
отправиться (в путь) rāhi äča
отсюда koľum
оттуда toľum
охватить *baliča
очаг šütum
очень buṭ
падать avalča, vašča
палец ämeš
палка (посох) daroγu, (жердь, шест) kūna
панталоны gaṭu
пар tux
парень haľäs, huľäs
пастух huyēľtare
пена γaš́
пень ṭōq
пепел peting
первый awwal
перед äraya, raya
перепел γon
переправа minyaš́
перец marč, murč
перо (птичье) polγo, (для письма) qalam
песок saw
пестрый γarēy
петля alqa, (дверная) duhonas
петух qārqamuš, waľ-qārqamuš
печальный xafa
печень aken
печь šütum
пещера das, (неглубокая) koľ
пила gir
писать germinča
плакать herča
пламя hilinkiš
племянник,-ица saγun
плеть tur
плохой až́o
плуг harč̣
побить dēča
поводья tamang
погремушка žačk
подбородок mäľč̣
подпруга traṅg
подушка ṭika
покойник guṭas
покрывало (одеяло) baša, (женское головное) peṭek, (попона) toqum
пола ľāman
полдень doγoy
полный (?) häk
половина kaṭar
помощью (посредством) yaṭe
попона toqum
порча masqara
посадить huruša, (верхом) huljača
посмотреть γaya
посох daroγu, daruγu
посрамление izā
постель yarikiy, (одеяло) xawang
поступок dorů
пот huruγu
потник toqum
почва tik
почка (бутон) puluti
почки irič
пояс (стягивающий штаны) šüman
правильный can
правый domu
презренный kambaxt
привести, привозить, принести, приводить diša
приобретать, приобрести yaya
пристыженный šarmanda, xəjal
приходить, прийти daya
проводник gangoltaras
продавать garč̣ äča
просо ba
пространство (необработанное), степь rat
прошлый (год) tamene

пруд pari
прут gače
пуговица tak
пуля hunze
пуп nōf
путь gan; пуститься в путь rāhi äča
пшеница gūr
пыль gyert, tik
пятка γan
пять cẹndo
раб, рабыня maristan
ради gandi
размах (обеих рук) qə-lēč̣
рассказ mənas
расстояние (от мизинца до указательного пальца) čaqar-waltu, (от мизинца до большого пальца) teštik, (от середины груди до конца среднего пальца вытянутой руки) gaz, (между концами пальцев вытянутых рук) qəlēč̣
ребро halmunes
ревнивый ažübarinkiš
ресницы mulpilyang •
решето γarbēl
ржавчина zangar
рис grinǰ
рог tur
родиться damaya
родник būl
родственник, - ица, родство xēš
рост aṣ̌ting
рот xat
рубашка (мужская) kur tani, (женская) puš
ружье tuwäk
рука ren; со сломанной рукой küš
рукав žinge
ручка yan, (дверная) du-honas
рынок bāzāra
сабля yatenǰ, γatenǰ
садиться, сажать huruša, (верхом) hulǰača
сажа gu
самец celäm, (в сложных словах) wal-
самка behē
сапоги (высокие мягкие) hučụ
сверху yaṭe
светильник čirāγ, c̣irāγ
светло-красный išqur
свинья xūk
свой aya
сделать äča
сегодня akuin gunj, akuin bultu
седло tilihang
сейчас amūtug
селезенка (?) san
семя bo
семь tālu
сено xork
сердце as
середина asur
серый išqam
серьга tumal-če-guwaši
сестра (мужчины) ayast, (женщины) ačụ
сесть huruša, (верхом) hulǰača
сеть tūr
сидящий (на корточках) wuruta
сила (нечистая) dēw, parī
синий nil
сирота tares
ситец farengi
сито γarbēl
сказать siya
сказка mənas
скала bonju
скользкий taq
сколько bärum
скот (мелкий рогатый) mōl
скотина (единица крупного рогатого скота) hayvōn, (мелкого) ǰōn-dōr
скрипка ġabi
слабый awulum
сладкий hām
след ace
слеза u
слепой šōn, šün
сливки maruk
слюна tu
смотреть γaya, yeša, tamāšā äča
снег ġē, gyē
собака huk
сова uho
согбенный guštinγandir
солнце sa
солома xork
соль bayu
сор garaṭing

сорока γašēp
соха harč̦
спать ayaya
спереди iñgiγa
спина waꝉdes
спокойный län
справедливый can
спрашивать, спросить duγariša
средний asur
стадо (мелкого рогатого скота) huyēs
стан aș̌ting
становиться, стать amaya
старший uii
стена baꝉ
степь rat
сто ta
столько bärum
стрела hunze
стремительный (ветер) doꝉ (tiš)
стремя aꝉγan
стружки garaṭing, č̦əč̦uring
судья qōzı
сука behē-uk
сукно šöqa
сухой diri
схватить γarča, duhoya, *balića
съесть šič̦a
сын yē
сыр hamenǰ
сырой daγue, daγoe
та mu
так, таким образом tahi
талия aș̌ting
там to

твердый dang
творог hamenǰ
теленок, телка (до 1 года) bušu, (после 1 года) wec
тело tan
тень nāꝉ
теперь amūtug
тесный čanum, biyēnum
тесть āzkir
теща āzkuz
тина γōp, xaꝉxučing
ткань бумажная белая (грубая) karvāsi, (высшего качества) sān
толстый hurgas
тонкий gilinum
тополь (пирамидальный) tereq
топор g̓aṅgi
тонь āndus
тот ne
тощий dikutum
трава xork
три iske, iski
тропа gan
труп (человека) guṭas, (животного) warγan
тряпка dexesum
туда to
туман tux
тупоумный, тупой gaganum-aql
ты un, gu
убивать, убить äsqaya
увидеть yeša, γaya
ударить dēča
удила aꝉγas
удобрение deꝉk

узел gaṭ
узкий biyēnum, čanum
упасть avalča, vašča
усталый diwasi
усы meꝉmeꝉ
утром gūnč̦aṭ
ухо tumaꝉ
уходить, уйти gaꝉa
филин uho
халат šöqa
хвост šiꝉan
хлеб (лепешка хлебная) paku
хлыст gače
хозяин daman
холить yārča
холм d̦uq
холодный čaγurum
хороший šüwa
хромой č̦angu
худой (плохой) až́o, (тощий) dikutum
царь bādš́ā
цветок gamburi
цепь ženjēr
чайник čāynak
чалма baša
чей? чье? mäne
человек hir
червяк γaꝉγo
черный matum
четверть (от мизинца до указательного пальца) čaqar-waꝉtu, (от мизинца до большого пальца) tešuik
четыре waꝉto
читать siya
что? bäꝉtum

что (союз) ka
шапка (мягкая, плоская с завернутыми кверху краями) parce
шаровары ś̌awōlek
шелк iskim
шерсть (овечья) ś̌ē, (козья) biś̌ke
шест kūna
шесть beșindo
шея äš
шило tūɫ
широкий šökum, šükum
штаны (обычные) gâṭu, (верхние, очень широкие) ś̌awōlek
штраф uš
штука (крупного рогатого скота) hayvōn, (мелкого) ǰōndōr, (мелкого, как счетная единица) payen
шуба barce
щенок kukures
щиколотка bumbaɫten
э! эй! (обращение к мужчине) lē, lä, (к женщине) da
это? ōc
юноша huɫäs, haɫäs
я ź̌a
яблоко baɫt
ягненок (до 6 месяцев) yoṭes
язык yungus
яички (животных и человека) ś̌aṭo
яйцо (птичье) ṭiṅgan
як, кутас bepa
яма (для сохранения зерна на зиму) tis
ярмо nāɫ
ястреб čarx, (мелкий) šāhin
ячмень hare.

ПРИБАВЛЕНИЕ.

Вершикский перевод притчи о блудном сыне.

В 1-ой части VIII тома Linguistic Survey of India Грирсоном помещен вершикский перевод притчи о блудном сыне, перепечатанный им из его же Specimen Translations in the Languages of the North Western Frontier и исполненный в 1898 г. Khan Sahib Abdul Hakim Khan-ом.

Эта довольно обширная запись дает новый материал сравнительно с тем, который использован при составлении предшествующего очерка. Хотя, повидимому, текст записан весьма старательно, он к сожалению не свободен от весьма крупных погрешностей, особенно, в разделении слов: местами несколько слов слиты в одно, местами одно слово разделено на два. Конечно, это отразилось на правильности подстрочного перевода и, — что гораздо важнее, — повидимому, осталось незамеченным Грирсоном: в небольшом, занимающем всего одну страницу, грамматическом введении к тексту он допускает ряд существенных ошибок, которые могут дать превратное представление о грамматике языка. Казалось поэтому полезным, в виду почти полного отсутствия вершикских записей, исправив явные недоразумения в разделении слов, снабдить текст комментарием, подобно тому, как это сделано с помещенными выше.

Текст дает новый словарный материал, правда, не очень обширный, недостававшие примеры грамматических форм, что позволяет подкрепить новыми основаниями опыт вершикской грамматики. К числу таких недостававших примеров надо отнести, — если мною правильно понята эта форма, — образование 3-го лица наст.-будущ. времени непосредственно от основы, а не при помощи причастия, как то наблюдается в слове *yai* (37) вместо обычного (ср. § 29) *yaimi*. Все встречающиеся в тексте глагольные формы легко поддаются определению. Разделение имен на категории и отражение

этого разделения в глаголе выражено глагольными формами, употребленными в (53) и (54). Существование в именах особого суффикса единичности (наряду с суффиксами множественности) проявляется в тексте в употреблении формы единичности *duw-en* (47) наряду с записанными мною *du* (для единств. ч.) и *duw-a* (для множеств., ср. § 19,1). Интересно употребление суффикса множественности *-ing* в качестве образовательного суффикса для имен прилагательных: *buṭ quwat-ing* (9). В тексте встречается новый комитативный послелог *-inga*; в самостоятельном (адвербиальном) значении употреблено *ūla* (42), в очерке отмеченное в форме трех различных послелогов: *uła*, *ułä*, *ułum*, что может подкрепить сближение этих послелогов с именем *au-ul* «живот, желудок, сердце». Новый текст, объясняя и подтверждая старое, возбуждает и новые вопросы: частица *-ne* (8) неясна, равно как остается невыясненным значение частицы *-chi* (т. е., *-či*) (5); то же надо сказать о некоторых других формах.

В помещаемом ниже разборе, по возможности, устраняются погрешности, допущенные в записи Khan Sahib Abdul Hakim Khan-a. К наиболее существенным ошибкам Грирсона надо отнести следующие: *bi-ka* не значит it is; это два самостоятельных слова *bi ka*: *bi* наст. вр. вспомог. гл., 3 л. ед. ч. III кат., *ka* союз. Не существует формы *ayur* со значением I am, как полагает Грирсон, основываясь на сочетании *ayur*(*chamba*) I am (dying); перевод правилен, но анализ неверен: нужно *ayurcham ba*, где вспомогат. глагол представлен формою *ba*, *ayurcham* причастие глагола *ayurcha*. Не существует вовсе слова *ashi*, которое будто бы значит he has been: *ashi* конечная часть слова *doghaṣhi* (34) и (55)— прошедш. врем. основн. формы гл. *dayašča* (ср. § 38). Правильно указывая, что отглагольное имя образуется на *-a*, Грирсон, наряду с правильно относимою к глагольным именам формою *tsura* the act of coming, причисляет сюда же *tsiragha* (going), не замечая, что последняя форма представляет собою фонетический вариант первой, осложненной послелогом *-ɣha*. К Present Participle им относятся такие формы, как *shi-chan-ka* и *eta-ka*, у которых общего лишь не связанный с ними союз *ka*: *ṣhichan* множ. ч. наст.-буд. вр., *eta* единств. ч. прош. вр., оба в основной, не в причастной форме. *asur* может быть прилагательным или наречием (связывается с прономинальными *as* сердце, середина), но никак не причастием. Ошибочное утверждение что «Past Participle usually ends in *i*», вызвано рядом недоразумений: таких слов, как *chini* (having gone), *uldi* (having come), *ēpini* (having approached), не существует: в примечаниях (6, 12, 15) показано, как нужно читать их и чем вызвано недоразумение; но и после исправлений рассматриваемые формы не заключают в себе вовсе

причастных элементов, морфологическим показателем которых является *-m*. *dehimi*, хотя и удовлетворяет этому признаку, но по наличности окончания *-i-*, характерного для простого прошедшего времени, должно быть отнесено к нему. *nihāne* не только не Past Participle со значением having called, но ничего глагольного не представляет: это заимствованное из персидского наречие. *diyēh* простое прошедшее время без всякого причастного элемента. Остальные формы, принимаемые Грирсоном за Past Participles, относятся к деепричастиям (ср. §§ 33 и 37), но это может быть объяснено разною терминологиею. Возможно, по той же причине Грирсон считает *tṣurum-uleh* (37) Gerund. Примеры Present Tense также неудачны. Взятое из текста (27) сочетание *a-mayā a-pa* не может быть переведено I am not becoming; в соответствующем примечании указано, как надо понимать эти слова, не имеющие в контексте непосредственного отношения одно к другому. Слова *qalchum* (it falleth) которое приводится Грирсоном в качестве второго примера настоящего времени, не существует: из контекста (3) можно взять только сочетание *deshqalchum bi* — сложная форма настоящего определенного времени соответствующего глагола.

Остальные погрешности, допущенные Грирсоном, менее существенны и сводятся или к неправильному переводу или к недостаточно полному объяснению грамматических форм, что вполне может быть объяснено недостаточностью или необработанностью материала. Сюда должны быть отнесены замечания Грирсона, относящиеся к вспомогательному глаголу. Грирсон различает формы *bi* и *bi-ka*, из которых вторая не может быть отличаема от первой, как уже указано; *a-pā* переводится им I am not и *ba* thou art, тогда как каждая из них может одинаково относиться к обоим лицам (1-ому и 2-ому), разница лишь та, что 1-ая форма отрицательна, вторая положительна; *bān*, переводимое им you are, может относиться ко всем 3-м лицам мн. ч. Точно также в формах прошедшего (Past) времени им проводится несуществующее в действительности различие между формами 1-го и 2-го лица, что может быть объяснено лишь комбинаторным их значением.

---

(1) *Han hire altan yū bam* «у одного человека было два сына»: *hire* косвенный падеж в значении логического субъекта; о нем см. § 20, где указаны другие примеры; относительно *han* см. примеч. I, 2, под слов. *hen*; ожидалось бы скорее *hen hire*; *yū* — см. прим. I, 49; *bam* причастн. (прошедш.) форма вспомогательного глагола, см. § 27.

(2) *Khenē ēchughn yē tati-gha sennī*: «(этот) младший сын сказал отцу»: *khenē* Грирсона в текстах I и II всюду соответствует *kene*; разнице в количестве гласного не следует придавать значение по мотивам, указанным в § 7; более существенно различие в указательной частице (о ней см. § 13): чрез *kh* Грирсон передает задненебный глухой спирант *x*; *ēchughn* в Словаре записано в формах *эčuγun, äčuγun, äčuγon*; *yē* — см. прим. I, 49; *tati-gha*: о послелоге *-γa* см. §§ 22 и 23, *tati* см. Сл., s. v.; *sennī* прош. (основ.) вр. 3 л. ед. ч. муж. р. гл. *siya,* см. Сл. и тексты I, II, где всегда *séni*; у Грирсона также имеется запись (40) *se-nika* (судя по разбивке, им не понятая, хотя перевод и верен), т. е. *seni ka* или *seni-ka.*

(3) *lē tati*, *gūyȧ gute māl-tsum ja-gha desh qalchum bīka ja-gha ū*: текст, повидимому, не совсем понят, чем объясняется неправильная разбивка; нужно: °*deshqalchum bī ka*° «о отец, из твоего этого имущества мне что приходится, мне дай»: *lē* обычное обращение к мужчине; см. примеч. I, 17 др.; *gūya*, см. прим. I, 50; *gute* мест. 3 л. IV кат. ед. ч. с указательн. префикс. *gu-* это, этот, см. § 13; *māl*, см. Сл., где, наряду с *māľ* земля, имеется *mōl* мелкий рогатый скот, также вообще имущество; *-tsum*, т. е. *cum*, послелог (см. §§ 22 и 23); *ja-gha* мне, местоим. 1-го л. с послелогом *-γa* (см. § 23); *desh qalchum bīka*, подстрочно переводимое Грирсоном also falleth if, ошибочно; нужно *deshqalchum bī*, т. е. *dešqalčum bi* «приходится, приходящее есть», настоящее определенное время (причастн. форма) ед. ч. 3 л. III кат. гл. **dešqalča*. Этот глагол в такой форме не представлен в наличных материалах, но в буришском имеется глагол *dáshkaltas* (Лейтнер, стр. 222) (по Биддёльфу, *dushkultuss*) со значением to arrive; буришский инфинитив производится от прошедшей основы, соответствующая настоящая основа должна быть (см. § 25) представлена в виде **de-šqalč-,* по типу *äč-*‖*et-*. Форма *dešqalčum bi* согласована в своем вспомогательном глаголе *bi* с III категорией *māl*, ср. § 35, и может служить дополнением приведенных там примеров, а также парадигмы наст. опр. вр. гл. *γarča* (§ 30); *ka* союз, связывающий подчиненное предложение с подчиняющим (см. примеч. I, 9), аналогично конструкции II, 5, 12; *ū* повелит. наклон. гл. *uċa* дать (см. Сл., s. v).

(4) *Nē hire iya daulat phaki* «тот человек свое имущество разделил»: *hire* см. (1); *nē* см. § 13; *iya* см. § 16; *daulat* имущество, богатство, заимств.; *phaki* 3 л. м. р. ед. ч. прошедшего времени основной формы глагола значащего делить, разделить; прошедш. основа *phak-*, на-

стоящая основа не засвидетельствована; Хейворд в Vocabularies помещает ясинск. *phákiu* share, чему в буришск. и в шина соответствует *bargo*.

(5) *Bērum gunz tshechi ēchughn yē iya māl sāf dēhimi mathana rāhi e-ti* «через несколько дней младший сын свое имущество целиком собрал(?), далеко отправился»: *bērum* (в Словаре *bärum* столько, сколько, много) Грирсоном переводится через a few, повидимому, обозначает неопределенное количество; *gunz*, ср. Сл., где *gunj*, день; *tsechi* Грирсоном переводится after, в прочих записях отсутствует, очевидно, *tse-chi*, т. е., *ce-či*, где *či*, повидимому, плеонастическая частица; по крайней мере, так она употреблена в *haranguči* (I, 35, 50), ср. *harang* (10, 36), и в *gandichi* (41), ср. *gandi* (I, 31 др.); *ce*, вероятно, послелог *-ce* к предшествующему *gunz*, как в примерах, перечисленных в §§ 22 и 23, но может быть и мест. мн. ч. 3 л. III кат. *sāf* на чисто, целиком, совсем, заимств.; также встречается (7) в форме *sēf*, более характерной для языка, в виду наличности *kitâb*||*kitēp*; *dēhimi* 3 л. м. р. ед. ч. прошедш. вр. причастн. формы, почему прошедш. основа этого глагола должна быть *dēhi-*; в других записях этот глагол не встречается. Грирсон переводит его чрез having collected, но возможно, что это встречающийся у Лейтнера глагол *démiyas* (прош. основа *dемi*) to scatter; *mathana* далекий, далеко, в Сл. *matän*; *rāhi e-ti*, надо *rāhi eti*, отправился в путь, ср. I, 22, 57.

(6) *Te jagha chinī bad-mastī nete iya daulat ēspaloi* «прибыв в то место, ведя дурную жизнь, он растратил свое состояние»: *te jagha chinī* разбито неправильно, следует *te jagha-chi nī*; *-chi* должно быть отнесено к предшествующему, см. (5); *te* с утратою указательного значения, см. § 13; *jagha* место, страна, заимств., см. Сл. s. v. *žaya*; *nī* прошедш. деепр. 3 л. ед. ч. м. р. гл. итти, уходить; в других вершикских записях разбираемая форма отсутствует, но она на лицо у Биддёльфа и Лейтнера; *bad-mastī*, заимств., дурное поведение, образ жизни; *nete* дееприч. прош. гл. делать, см. Сл. s. v. *äča*, также примеч. I, 27; *ēspaloi* в других вершикских записях отсутствует, по переводу Грирсона, lost; однако, кажется более правильным производство от имеющегося у Лейтнера буришск. *éspalas* (прош. основа *espal-*) to light, в таком случае *ēspaloi* 3 л. м. р. ед. ч. прошедш. основного времени.

(7) *Basha sēf khulētika te mulko-lo buṭ draghánj mani* «когда совершенно растратил, в той стране сильный голод(?) наступил»: *basha* когда, по Хейворду, *bashar*, буришск. *beshal*; *sēf* см. выше (5); *khulētika* сле-

дует читать *khul ēti ka*: *ēti* уже встречавшаяся форма от гл. *äča* (см. Сл. s. v.); *khul* в других местах не встречается, но, считаясь с переводом Грирсона *khuletika* he spent, надо полагать, что *khul* заимств. *xâlī*, *xalī* пустой, опорожненный; *mulko-lo*, лучше *mulk-olo*, в стране; заимств. *mulk* с местным суффиксом *-ulä*, *-lä*, см. § 22; *buṭ* очень, много, см. Сл.; *draghanj* переводится Грирсоном famine; в иных местах не встречается; в буришск., по Грирсону, *chham* и в Словаре *čam* голодный; *mani* он сделался, прошедш. вр. гл. *ámaya*, см. Сл. s. v.

(8) *tshechine nē hir buṭ taraq mani* «потом тот человек очутился в сильной нужде»: *tsechine* Грирсон переводит after that, но едва ли *-ne* можно считать местоим. 3 л. I кат., ср. прим. к (14); относительно *tsechi* см. выше (5); *nē hir*, ср. (1) *han hire*, относительно прямого и косвенного падежей см. §§ 20 и 21; *taraq* Грирсоном переводится in want, по Словарю — голый.

(9) *Nē nī buṭ quwating hir-inga just mani* «тот, пойдя, очень зажиточного человека нашел»: *quwating*, по Грирсону, wealthy, множеств. число от *quwat* (заимств.), образованное суффикс. *-ing* (см. § 19, 6); в данном случае множ. числ. употребл. в значении прилагательного или, иначе, суффикс. множ. числа *-ing* служит морфологическим показателем имени прилагательн.; ср. так же образованное *payng* (II, 12); *hir-inga*, по Грирсону, man-with состоит из *hir* и послелога *-inga*; в прочих вершикских материалах он отмечен только в форме *-ngi*, *-ngu*, в соединении с послелогом *-γa* обозначая направление (см. § 23); текст позволяет установить его самостоятельность, как и в буришском, притом в комитативном значении; весьма возможно сближение этого послелога с суффиксом множеств. ч. *-ing*; *just*, по Грирсону, joined, вероятно, заимств. сущ., вместе с *mani* образующее безличный оборот: «нахождение, обретение сделалось».

(10) *Nē hire iya maling harang khūk yārcha ēri* «тот человек между своими стадами свиней пасти послал»: *mal-ing* Грирсоном переводится чрез fields, но в данном случае правильнее разуметь под этим словом мелкий рогатый скот (ср. 3); *harang*, по Грирсону, in, точнее, среди, между; ср. *haranguči*; *khūk* заимств.; *yārcha* заботиться, беречь, холить, пасти, неопред. накл., см. Сл. s. v., также в текстах; *ēri* 3 л. ед. ч. м. р. прош. основн. вр.; в прочих вершикских текстах этот глагол не отмечен; у Лейтнера записан гл. *éras* в значении to send.

(11) *Nē hire armān dulumka khuwe khūke-shu tsum bas manum nishi duljacham tsekka. Mene nē-gha a-yum bam* «у того человека бывало желание: от этих свиней оставшееся поев, я насытился бы, и никто ему

не давал»: *armān* заимств.; вм. *dulumka* нужно *dulum-ka*: *dulum* причастн. (прошедш.) вр. ед. ч. IV кат. вспом. гл. (см. § 27) и союз *ka*, ср. примеч. к (3); *khuwe* мн. ч. мест. 3 л. I кат. с указательной частицей *khu-* (в других записях *ku-*, *ke-*), ср. (2) s. v. *khenē*; употребление местоимения I категории непонятно, следовало бы III-ей; *khūke-shu tsum*, т. е. *khūkeshu-tsum*, мн. ч. от. *khūk* с послелогом *tsum*, см. § 19, 3; *bas*, по переводу Грирсона, spare, достаточный, остающийся, излишний, заимств.; *mamum* причастие прошедшее префиксального глагола *amaya* делаться, становиться (см. Сл. s. v).; *nishi* деепричастие глагола *šiča* есть (см. Сл. s. v.); *duljacham tsekka*, нужно *duljacham tsek ka*: союз *ka* непосредственно не связан с *cek*, хотя энклитически примыкает к нему; *duljacham tsek* условно-многократное вр. 1 л. ед. ч. (см. § 30) глагола *duljača* быть сытым, насыщаться; в вершикских записях этот глагол отсутствует, но в карточном словаре К. Г. Залемана, со ссылкой на Громбчевского, имеется прилагательное *дульджа* сытый. Форме *duljačam* в буришск. соответствует *aul äčam*, что значит буквально: мой-живот (желудок) я-делаю. Повидимому, в *duljačam* имеется тот же корень *-ul-*, предшествуемый префиксом *d-* (см. § 38) и сопровождаемый гл. *äčam* (*ačam*); появление *-j-* должно объясняться фонетически; *mene*, в Сл. *mäne*, кто, никто; *nē-gha* ему, мест. 3 л. с послелогом *-γa* (см. § 23); *a-yum bam* давнопрошедшее вр. 3 л. ед. ч. гл. *uča* дать, давать (см. Сл.) с отрицанием *ai*, сократившимся в *ay-*; причастная огласовка *-u-* отсутствует или слилась с коренным гласным *u* (основа *u-* или *uy-*), поэтому лучше *ay-u-m bam*.

(12) *Hō fahm uldi iya jīnga baring eti* «потом в сознание пришел, с собой слова сказал (сделал)» (разделение неправильно): *hō*, по Грирсону, then; в соответствующем значении у Хейворда *heta*, у Лейтнера — *etéulu*, *etulu*, все указательной основы *te*, *et*; *fahm uldi iya jīnga*, вероятно, нужно *fahmul di iya-jīnga*, где *fahm*, заимств., рассудок, сознание, с послелогом *-ulä*, сократившимся в *-ul*; *di*, у Биддёльфа *dī*, деепричастие (past part.) глагола *daya* приходить; *iyajīnga*, вероятно, местоимение *iya* с послелогом *inga*, причем появление *-j-* должно объясняться фонетическими причинами, ср. прим. к (11); возможно, впрочем, чтение *diya jīnga*, где *diya* 3 л. пр. вр. м. р. того же глагола (см. Сл. s. v. *daya*), а *jīnga*, по Грирсону, self-to, не засвидетельствовано в других записях (послелог *-inga* во всяком случае не подлежит сомнению); *baring eti* слова сделал; *baring* мн. ч. с суффиксом *-ing*.

(13) *bērum mazdūri-shu jā tati daulato-lo paqu nishi dulja bas mayimbi* «сколько слуг в имении моего отца пищу вкушая сыты, и избыток остается»: *mazdūri-shu* слуги, мн. ч. с суффиксом *-šu* || *-išu*; *jā tati daulato-lo* (лучше *daulat-olo*) «в имении моего отца, по милости моего отца, благодаря благоденствию моего отца»; *-olo* фонетическая разновидность послелога *-ulu*, ср. прим. к (7); *paqu*, по Грирсону, food, в Сл. *paku* хлеб; *mayimbi*, надо *mayim bi*, наст.-опред. вр. ед. ч. 3 л. III кат. гл. *amaya* делаться, становиться; единствен. число и III категория употреблены для согласования с *paqu*, а не с *mazdūrishu*.

(14) *ja chhamene ayur chamba*, нужно °*ayurcham ba* «я от голода умираю»: *chhamene* Грирсон переводит чрез from hunger; у Хейворда *chaminí* голод, Биддёльф дает *chum* hunger и *chumini* hungry, в Слов. отмечено *čam* голодный; повидимому, здесь имеется особый суффикс *-ne* || *-ene*, наличный также в *tshechine*, см. (8); *ayurcham ba* я умираю, настоящ. определ. вр. 1 л. ед. ч. гл. *ayurcha* (прономинального); в других вершикских записях этот глагол не встречается; Лейтнер приводит неопред. накл. *airas* (для всех лиц) и спряжение наст. опр. вр. *áirits-chaba*; ср. также давнопрош. причаст. вр. 3 л. ед. ч. *yurm bam* (33).

(15) *Diyēh tatī ēpini baring e-cham* «встав, к отцу пойдя, слова скажу (сделаю)»: *diyēh* переводится Грирсоном having risen; в других местах этот глагол незасвидетельствован, но у Биддёльфа и Лейтнера в значении to rise имеется глагол *diêess*, *diées*; *diyēh*, очевидно, деепричастная форма от соответствующего вершикского глагола аналогично *dī* от гл. приходить; вместо *tati ēpini* следует *tati-ēpi ni*, где *ēpi*, также *epiye*, см. (19), послелог направления вместо *äpaya* (см. § 22); *ni*, ср. выше (6) *nī*, дееприч., идя, шедши; *e-cham*, надо *echam*, или *äčam*, сделаю, наст.-буд. вр. гл. *äča*.

(16) *leh tati, Khudai ga go gungī sharmanda a-mana* «о отец, пред богом и пред тобой я сделался грешником (пристыженным)»: *leh* обращение, ср. выше (3) *lē*; *Khudai*, заимств., бог; *ga* фонетич. разновидн. союза *ka*; *go gungī* пред тобою, мест. 2 л. в косвен. падеже с прономинальн. послелогом (также во 2 лице) *gungi*, см. § 23; *sharmanda* пристыженный, заимств.; *a-mana* прошедш. (основн.) время 1 (также 2) л. ед. ч. прономинальн. глагола *amaya*.

(17) *Ja go-gha gū-yē a-mayā layiq a-pā* «я для тебя твоим сыном быть (делаться) не достоин»: *go-gha* тебе, для тебя, местоим. 2 л. с послелогом *-γa*, см. § 23; *gū-yē* твой сын, прономинальная форма с префикс. 2 л., см. Сл. s. v. *ayē*; *layiq* достойный, заимств.; *a-pā* отриц. форм. вспом. гл., см. §§ 27 и 12.

*

(18) *Ja gū-ya hen muzdur tulum nete hurut*: «сделав меня подобным одному (какому-нибудь) своему работнику, прими (посади)»: *ja* косв. пад., зависящ. от *nete*; *gu-ya hen muzdur tulum*: *tulum*, неизвестное другим записям, в переводе Грирсона, like; очевидно, послелог *-ulum* и указательный корень *t-*; *hen muzdur* обычное сочетание формы *hen*, в противоположность *han hire*, см. выше (1); *gu-ya* твой собственный, возвр. мест. с префикс. 2 л., см. § 16; *hurut* повелит. наклон. 2 л. ед. ч. гл. *huruša*, см. Сл. s. v.

(19) *Diyēh tati epiye gali* «встав, к отцу пошел»: *epiye*, ср. выше (15) *ēpi*; *gali* пошел, отправился, 3 л. ед. ч. м. р. прошедш. (основн.) вр. недостаточн. гл., см. Сл. s. v. *gala*.

(20) *mathanum tsura tati yē yetsi* «издалека идущего отец сына увидал»: *mathanum* = *mathana* или *matän*, см. выше (5), с исходным суффиксом *-um*, см. § 22; *tsura* неопр. накл. (отглагольн. имя) гл. итти, в Словаре *cura*, *cəra*; *yetsi* прош. основн. вр. 3 л. ед. ч. м. р. гл. *yeša* видеть, см. Сл. s. v.

(21) *nē es gholi* «его сердце загорелось»: *es*, в Сл. *äs*, его сердце, префикс. форма 3 лица; *gholi* прош. основн. вр. 3 л. ед. ч. от глагола, отсутствующего в других вершикских записях; у Биддёльфа *gholáss* to burn.

(22) *nuhū gali*, по Грирсону, «running went»: *nu-hū* по форме деепричастие от глагола с прошедш. основ. *-hū*, в наличных материалах не представленного; возможно сопоставление с вершикск. гл. *hulǰača* сажать верхом (см. Слов.) и буришск. *haiyetuss* (Биддёльф) и *háyetas* (Лейтнер), т. е., очевидно, сложных *hulǰ-ača*, *hay-etas*.

(23) *tati yē inga dagho mani* «отец с сыном обнялся»: *dagho* Грирсон переводит neck, что кажется сомнительным; в соответствующем месте буришск. текста имеется *baghū*, переводимое Грирсоном embrace; последнее значение более вероятно; ни одно из этих слов в других местах не встречается; устанавливается и в этом случае соответствие *b* || *d*, как в других случаях (ср. *bila* || *dila*, см. § 27); *mani* 3 л. ед. ч. м. р. пр. вр. гл. *maya*, но никоим образом не embraced, как переводит Грирсон.

(24) *bah eti* «поцеловал»: *bah* поцелуй, буришск. *bān*, шугнан.-рушанск. *bā*, персидск. *busa*.

(25) *yē tati-ghą sennī* «сын отцу сказал».

(26) *leh tati*, *ja unga Khudai ingi sharmanda a-mana* «о отец, я пред тобою и богом виновен (пристыженным сделался)»: вместо *ja unga Khudai ingi* следует °*un ga*°, как выше *Khudai ga go gungi* (16); *un* (также *ung*)

именительн. (неохарактеризован.) падеж личн. мест. 2 л. (см. § 13); *ga* союз, вместо *ka*, как в (16); *ingi* послелог с характерист. 3 л. *i-*, § см. 23.

(27) *ja akhōlum ilja go-gha gū-yē a-mayā lāyiq a-pā* «я отныне для тебя твоим сыном быть недостоин»: *akhōlum* отныне, отсюда, в Словаре *kolum*, см. § 22; *ilja* после, от, послелог, в Словаре *ilji*, см. § 22.

(28) *tati i-ya shādar-bāka bandēsh eti* «отец своим слугам приказание сделал»: *shādar-bāka* переводится Грирсоном servants-to: *shādar*, очевидно, заимств., *bāka* Грирсоном относится к числу postpositions со значением to, из других записей неизвестно; *bandēsh* заимств.

(29) *buṭ shuwa gaṭunz dits khenē-gha ēvaling* «много хороших одежд принеся, его оденьте (на него набросьте)»: *shuwa*, в Словаре *šūwa*, красивый, хороший; *gaṭunz*, мн. ч. с показател. множ. *-nz* (или *-nj*) (см. § 19,5); в Словаре *gáṭu* штаны (обычно носимые), возможно, что одежда вообще; у Биддёльфа *guttoo*, pl. *guttong* clothes; *dits*, по Грирсону, bringing; точное определение этой формы от глаг. *diša* приносить затруднительно; возможно, что это повелит. накл. 2 л. ед. ч., но кажется более вероятным считать ее деепричастием: отсутствие префиксального показателя *n-* в таком случае объясняется тем, что этот глагол уже сложный с префиксом *d-* (ср. § 38); *ēvaling* по Грирсону, put-on-him; окончание *-ing* показывает, что по форме это 2 л. мн. ч. пов. накл., *ē-* (вместо *ä-*) может быть префиксом 3 л., в таком случае основа глагола *val-*, и *ēvaling* должно быть производимо от гл. *avalča* падать (см. Сл. s. v.), с переходным значением («набросить»).

(30) *han borondo khenē e-mesh-uleh de-ling* «одно кольцо ему на палец наденьте»; *borondo* кольцо, перстень, в соответствующ. месте буришского текста *burundō*, в карточном словаре М. С. Андреева (см. § 2) *бурондо*, в карточн. слов. К. Г. Залемана со ссылкой на Громбчевского (G 49) *брунду*; *khenē* в значении родительного падежа, определяя следующее *e-mesh-uleh* (см. § 21); *e-mesh-uleh* ему на палец, на его палец; в Словаре *ämeš* палец, *e-* (вместо *ä-*) префиксальн. характеристика 3 л.; *-uleh* (вместо *-ulä*) местный послелог; *de-ling*, следует *del-ing*, повелит. накл. 2 л. мн. ч. гл. *dēča* ударить, побить, бросить (см. Сл. s. v.).

(31) *kaush khenē-gha ētaying* «башмаки ему наденьте»: *kaush* заимств.; *ētaying* по форме 2 л. мн. ч. пов. накл.; кажется, можно производить эту форму исключительно от гл. *äča* делать, хотя от него соответств. форма *ēting* и хотя, повидимому, этому противоречит буришский перевод, где *ēltāin*.

(32) *ho paqu shichanka khushāni e-chan* «тогда пищу будем есть и будем веселиться»: *shichanka*, следует *shichan ka*, неправильное соединение двух слов: *shichan* наст.-будущ. вр. 1 л. мн. ч. гл. *šiça* есть (см. Сл. s. v.) и *ka* союз; *khushāni* заимств.; *e-chan*, следует *echan*, или *äčan*, 1 л. мн. ч. наст.-буд. вр. гл. *äča* делать.

(33) *Gūya-ki jā a-yē yurm bam, amutuk jāndu mani* «ибо мой сын был мертв, теперь живым сделался»: *gūya-ki* неизвестное из других записей выражение, по Грирсону, as-if; *jā a-yē* мой сын, ср. § 17; *yurm bam*, вероятно, *yurᵘm bam*, 3 л. ед. ч. м. р. давнопрошедш. причастн. вр. (без местоимен. префикса) прономинальн. гл. *ayurcha* умереть, см. (14), в других вершикских текстах не засвидетельствованного, но в буриш., согласно Лейтнеру и Биддёльфу, представленного префиксальной формой 3 л. м. р. *iiras*; *amutuk* теперь, в Словаре *amūtug*, по Лейтнеру, *mutu*; *jāndu* живой, заимств.

(34) *wālum bam, dā dogh-ashi* «был потерян, и нашелся»: *wālum bam* давнопрошедш. время глагола *avalča* падать, упасть; *dā*, по Грирсону, again; *dogh-ashi*, следует *doghashi*, нашелся, прош. вр. гл. *daγašča*, см. § 38, где *deγaši* 3 л. ед. ч., *duγaši* 3 л. мн. ч.

(35) *hō wē khushāni e-tin* «тогда они веселились»: *e-tin*, следует *ēten*, мн. ч. прош. вр. гл. *äča* делать.

(36) *nē nū yē te wulēh i-ya maling harang bam* «его старший сын в то время на своих полях был»: *nū*, в Словаре *nii*, большой, старший; *te wulēh*, следует *te-wulēh*, тогда, в то время: *te* указательн. местоим. III категории, *wulēh* (вместо *-ułä*, *-ʷułä*, *-uułä*) послелог, у Лейтнера *eteulu*, *teulu* с тем же значением; ср. выше (18) *tulum*.

(37) *tōlum tsurumuleh hā-gha asur girāsha ka gharing e-cha hāwāz nē tumalchi yai* «отправившись оттуда и приблизившись к дому, он услышал звуки пляски и пения (буквально: оттуда идя к дому близко плясать и песни делать звук его ухо взял)»: *tōlum* оттуда, в Словаре *tołum*; *tsurumuleh*, лучше *tsurum-uleh* (г. е. *curum-ułä*), причастие (*curum*) недостаточного глагола *cura, cəra* итти (см. Сл. s. v.) с послелогом *-ułä*, имеющем в этом случае темпоральное значение; *hā-gha*: *ha* дом (см. Сл.) с послелогом *-γa*; *asur* (см. Сл.) близкий, приближаясь; *girāsha*, по Грирсону, dancing, другим вершикским текстам неизвестно; по Лейтнеру, в буришск. имеется *giretas* to dance, очевидно, сложное из *gir* и *etas*; *girasha* нужно рассматривать как неопределенное наклонение или отглагольное имя; *gharing e-cha*, следует *gharing echa*, по Грирсону, singing; в буришск., по Лейтнеру и Биддёльфу, имеется *gharing etas* to sing; *gharing* мн. ч. с суффикс.

-(*i*)*ng*, песня, пенис; как *girāsha*, так и *gharing echa* являются определяющими по отношению к следующему *hāwāz* (заимств.); *nē*, определяет следующее *tumal-*; *tumalchi* лучше *tumal-chi*: *tumal* ухо, в Словаре *tumal*; о частице *-chi* см. (5); в Словаре имеется *tumal-če-guwaši* (см.) серьга, ушное украшение, где также появляется эта частица; *yai*, по Грирсону, reached; ожидалось бы прош. вр. *yani*, тогда как *yai* наст.-буд. вр. 3 л. м. р. ед. ч. гл. *yaya* взять, брать, приобретать (см. Сл. s. v.); *yai* по форме представляет основной тип образования, тогда как обычно в 3 л. наст.-буд. вр. употребителен причастн. тип *yaimi*.

(38) *hen shādar nihāne dugharisi* «одного слугу потихоньку спросил»: *nihāne*, заимств. персид. *nihân*, по недоразумению переводится Грирсоном having called; *dugharisi* 3 л. ед. ч. м. р. прошедш. (основн.) вр. гл. *duγariša* спрашивать (см. § 38).

(39) *boh girāshum ka boh gharing e-chum bān?* «почему пляшут и почему поют?»: *boh*, в Словаре *bo* что? по Хейворду, *bo* why? *girāshum* (подразумевается *ban*) 3-е (или 2-е) л. мн. ч. наст. опред. вр. гл. *girāsha*, см. (37); *gharing e-chum bān* 3-е (или 2-ое) л. мн. ч. наст. опр. вр. сложного глагола *γaring äča*, см. (37).

(40) *nē se-nika gō go-cho ḍīmbai* «тот сказал: твой брат пришел»: вм. *se-nika* надо *seni ka*, см. (2); *gō go-cho* твой брат, префиксальн. форма 2 л. с притяжат. местоим., см. §§ 15, 17; *ḍimbai*, следует *ḍim bai*, 3 л. ед. ч. м. р. прошедш. определен. вр. недостаточн. гл. *daya* приходить, см. § 38, где нет указания на церебральность *d-*.

(41) *gō tati nē tāza tshura gandichi chasht um-bai* «твой отец ради его благополучного прихода угощение задал»: *tāza* заимств.; *tshura*, ср. *tsurumuleh* (без *h*) (37), неопред. накл. гл. *cura* итти; *gandichi*, также *gandi*, для, ради; о частице *-chi* см. выше (5); *chasht* заимств.; *um-bai*, лучше *um bai*, 3 л. ед. ч. м. р. прошедш. определ. вр. гл. *uča* дать (см. Сл. s. v.).

(42) *nē khafa mani ūla tshirāgha rai a-yeti* «тот огорченным сделался, внутрь (туда) итти не захотел»: *khafa mani* огорчился, огорченным сделался: *khafa* заимств.; *ūla* Грирсоном переводится inside; в соответствующем месте буришск. текста в том же значении находится *ūlo*; в карточном словаре К. Г. Залемана, со ссылкой на Громбчевского, имеется *ýлю* внутри; в самостоятельном (адвербиальном) значении *ūla* представлено впервые в этом тексте: в остальных вершикских записях *-ula*, равно как *-ulä*, *-ulum*, представлены лишь в качестве послелогов (см. § 22); Лейтнер дает гл. *elas* (?), *íles* в значении to penetrate, пов. накл. котор. *ele*(?), *íli*, *ulu ni* = go inside; *tshiragha*

неопр. накл. (отглагольное имя) с послелогом *-γa: сэra-γa*; именно в такой форме в вершикских записях, сделанных в 1915 г., представлен единственный случай соединения отглагольн. имени (неопред. наклон.) с послелогом; ср. выше (41) *tshura gandichi*; *rai a-yeti* не захотел, букв., желания не сделал: *rai*, в буришск. тексте *rāe*, очевидно, заимств., Грирсоном переводится wish; *a-yeti* отриц. форма 3 л. м. р. ед. ч. прош. (основн.) вр. гл. *äča*.

(43) *tati hola dūs, nē hilikini* «отец наружу выйдя, его просил»: *hola* переводится Грирсоном out, в буришск. тексте *hōlo* outside, у Хейворда *holá* outside, в Словаре *holä* наружный; *dūs* переводится Грирсоном having come; эта форма неясна; от гл. *daya* ее образование затруднительно, остается считать ее «неправильным» деепричастием; *hilikini* Грирсон переводит entreated, глагол другим записям неизвестен, форма — 3 л. м. р. ед. ч. прошедш. (основн.) вр.

(44) *nē tatigha juwāb deli kho ghān* «он отцу ответ дал: вот (здесь) сюда смотри»; *juwāb* заимств.; *deli* 3 л. ед. ч. м. р. прош. основн. вр. гл. *deča* бить, ударять (см. Сл. s. v.); *kho* здесь, сюда, в буришск. *khōlē*, в Словаре *kola* сюда; *kho* представляет собою чистую указательную основу *kh-* (в других записях *k-*), наращенную достигательным суффиксом или просто вокализованную); буришск. *khōlē* и вершикск. *kola* имеют еще послелог *-la* с изменением огласовки; *ghān* 2 л. ед. ч. пов. накл. глаг. *γaya* смотреть, видеть (см. Сл. s. v.).

(45) *akhurum den go-gha khizmat e-ta* «столько лет тебе служил»: *akhurum*, по Грирсону, so many; *den* год (см. Сл.); *khizmat* заимств.; *e-ta*, следует *eta*, 1-ое (или 2-ое) л. ед. ч. прош. (основн.) вр. гл. *äča*.

(46) *basha goh hukm-tsum thum a-yeta* «никогда (я) не поступал против твоего приказания»: *goh*, также *gō*, ср. (40, 41), косв. пад. местоим. 2 л. в притяжат. значении, относится к *hukm*; *hukm-tsum thum* против твоей воли, буквально: приказание-от-иначе: *hukm* заимств., *tsum* послелог, *thum* Грирсон переводит otherwise, Лейтнер в значении another приводит *túm* и *thúman*, в Словаре *tumэna* другой, *tamane* другой, прошлый (год); *a-yeta* отрицат. форма 1-го (или 2) лица ед. ч. прош. (основн.) вр. гл. *äča*, ср. (42).

(47) *akhurum e-taka han dūwen ja-gha a-yuyah* «так много делал, и одного козленка мне (ты) не дал»: *e-taka*, следует *eta ka*: *eta*, см. (45), *ka* союз; *dūwen*: *du* козленок, козочка до 1 года, множ. ч. *duwa*; *duwen* форма единичности, осложненная соответствующим суффиксом *-en* (см. § 19, 3 прим.); *a-yuyah*, следует *ay-uyah*, отрицат. форма 2-го (или 1-го) л. ед. ч. прош. (основ.) вр. гл. *uča* давать.

(48) *a-ya yār-inga han na-man nishi khushāni e-cham tsekka* «чтобы я с моими друзьями вместе собравшись (одно сделавшись), поев, веселился (веселье делал) и»: *a-ya* мой собственный, свой, возвр. местоим. с префиксальн. характер. 1-го лица, см. § 16; *yār-inga*: *yār* заимств., *-inga* послелог, выражающий совместность, см. (12); *han* одно, в адвербиальном значении, относясь к следующ. глаг.; *na-man* дееприч. 1-го лица гл. *amaya*, см. § 37; *e-chamtsekka*, следует *echam tsek ka*: *echam tsek* 1 лицо ед. ч. условного многократного времени гл. *äča* (см. § 30); ср. такую же форму в (11) *duljačam cek*; *ka* связывает все предложение со следующим.

(49) *basha gō khenē gū-yē diyeka* «когда этот твой сын пришел»: *gō khenē gū-yē* буквально: твой (вот)-этот твой-сын; вм. *diyeka*, следует *diye ka*: *diye* (в Словаре *diya*, также *dīa*) 3 л. м. р. ед. ч. прош. (основн.) вр. гл. *daya*; *ka*, в виду своего энклитического характера, часто употребляется плеонастически.

(50) *meneka gō daulat kanchninga ēspaloi* «который твое имущество с проститутками растратил»: *meneka*: у Хейворда *menan* who? в Словаре *mən* всякий, каждый и *mäne* кто, чей; частица *-ka*, повидимому, служит для усиления («который к тому же, также, даже») аналогично случаям соединения ее с *ne* в виде *neka*, см. I, 7, 42; *kanchninga* «с проститутками»: заимств. *kanchni* с послелогом *-inga*, аналогично *yār-inga*, см. выше (48).

(51) *ung khenē gandichi chāsht uya* «ты ради него угощение дал»: *ung* именительн. (неохарактеризов.) пад. мест. 2 л. ед. ч., см. (26); *uya* 2-ое (или 1-ое) лицо ед. ч. прошедш. (основн.) врем. гл. *uča*, см. Сл. s. v.

(52) *tati nē-gha sennī leh a-yē, ung mudām jānga ba* «отец ему сказал: о мой сын, ты всегда со мной»: *mudām* заимств.; *jānga* мест. 1 л. *ja* с комитативн. послелог *-inga*; *ba* 2-е (и 1-ое) л. ед. ч. вспом. гл., см. § 27.

(53) *jā boh bika gō bi* «мною что имеется, и тобою имеется»: *jā* и *go* (косвен. пад.) обозначают логическ. субъект; *boh*, в Словаре *bo*, то, что; что̀; *bika*, следует *bi ka*: *bi* (в обоих случаях) 3 л. ед. ч. III кат. наст. (основн.) вр. вспомогат. гл., относится к *boh* и согласовано с ним по III категории имен (см. § 35); *ka* соединяет оба предложения; конструкция всей фразы аналогична II, 12 (см.).

(54) *mi ghā khushāni e-cha munāsib dulum gute gandichi* «для нас веселиться нужно было того ради»: *mi-ghā* мест. 1 л. мн. ч. с послелогом *-γa*; *e-cha*, следует *echa* (т. е. *äča*), делать; *munāsib* заимств.; *dulum* 3 л. ед. ч. IV кат. вспом. гл. (см. § 27); *gute gandichi* вот

почему, вот этого ради; *gu-te* мест. 3 л. III кат. с указательным префиксом *gu-* указывает на обстоятельства, излагаемые в следующем пункте.

(55) *gō khenē go-cho yurm bam*, *jāndu mani*; *wālum bam*, *dā dogh ashi* (т. е. *doghashi*) «твой (этот твой) брат мертв был, живым сделался, был потерян и нашелся»: повторение уже сказанного в (33) и (34).

Ив. Зарубин.

Записки Коллегии Востоковедов, II, вып. 2.
Mémoires du Comité des Orientalistes.

К переводу „Беседы разочарованного с своим духом".

Текст Берлинского папируса 3024, заключающий в себе так называемую беседу разочарованного со своим духом,[1] несмотря на труды Erman'a[2] содержит в себе еще много неясных мест. К числу наиболее непонятных следует отнести отрывок от 68 по 92 строки — конец второй речи духа. Дух приглашает человека справлять веселый день и забыть скорбь. После этих слов следует наш отрывок, повидимому, как пояснение и наглядный пример высказанной мысли. Отрывок состоит из двух частей: первая, строки 68—86, повествует, сколько можно понять, о бедняке, у которого жена и дети унесены волнами и съедены крокодилами; вторая, строки 86—92, — о бедняке, выпрашивающем себе ужин, и о его жене. Обе части являются мало понятными, не столько из-за незнакомых слов, сколько из-за туманности изложения.[3]

Можно с вероятностью предположить, что мы имеем дело с ходячим народным рассказом, который и приводится автором по ассоциации с его мыслью, как всем известный пример, и дается поэтому только намеками. Пример подобного рассказа «кстати» мы имеем в сказке «О потерпевшем кораблекрушение» в рассказе змея: о змеях, живших на острове, девушке и звезде, упавшей с неба.[4] Было бы тщетным пытаться найти более точный смысл нашего отрывка, если бы в египетской литературе не нашлось текста, который невольно напрашивается на сопоставление

---

[1] Издано A. Erman'ом, Das Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele. в Abhandl. d. Berl. Akademie, Phil. Hist. Klasse 1896 г., см. об этом также Б. Тураев, История Египетской Литературы, т. I, Москва. 1920, стр. 68—70.

[2] Erman o. c. Издание перевод и комментарий. Новый перевод у Erman'a, Die Litteratur der Ägypter. Berlin. 1923.

[3] См. Тураев, Ист. Ег. Лит. I 68.

[4] См. Golénischeff, Conte de naufragé в Bibl. d'études II, Le Caire, 1912, русский перевод Голенищева в Вестнике Европы 1883 г. (февраль) и у Тураева, История Древнего Востока, I, 257—259.

с нашими рассказами. Я говорю о недавно изданном папирусе Британского музея 10743, содержащем поучение одного из видных вельмож конца нового царства — Аменемопе.[1] Именно в главе второй этого текста мы встречаем также, повидимому, рассказ «кстати», с первого взгляда малопонятный. Я позволю себе привести сейчас перевод этой главы, в общем следуя переводу Lange[2] за исключением одного места, о котором буду говорить ниже.

Глава вторая. «Остерегайся обездоливать страждущего и причинять насилие слабому, не подымай руки при приближении старца и не подымай слова (?) к великому.

Когда ты послан с неприятным посольством, и ты любишь (?) того, кто это сделал (тебя послал), то не кричи на того, кто тебя обижает и не возражай ему из-за самого себя (сам?).

Кто творит зло, того выбрасывает береговая полоса, и ил ее (Lange — его) тянет его (Lange — назад). Северный ветер спускается, чтобы положить конец его часу, он соединяется с водоворотом (?).[3] Буря сильна. Крокодилы свирепы. Горячий — что же ты тогда?

Он кричит, и его голос (достигает) к небу. «О месяц, который установил его преступление, греби, чтобы злой переправился к нам, которые не сотворили, как он!»

Восставь его. Протяни ему руку свою. Вложи его в руку божию. Наполни чрево его хлебом твоим, чтобы он насытился и пришел в сознание».[4]

Есть затруднение при переводе строк 12—16. Неясно, кто подразумевается под творящим зло. Lange предлагает это отнести к самому посланцу и толкует текст таким образом: если он будет сердиться, то гавань, — место, куда он послан, — не примет его, и ил его (его дурная речь) унесет его назад.[5]

Мне думается, что толкование это немного натянуто, и легче было бы предположить, что эти слова относятся к обидчику посла. Тогда мы имели бы такой смысл: не мсти сам обидчику: береговая полоса выбрасывает его, и ил ее (понимая буквально) уносит его (затягивает).[6]

---

[1] Издание: Lange, Das Weisheitsbuch des Amenemope. Köbenhawn. 1925.

[2] Lange, o. c. 32—37.

[3] Слово: pḫpḫmw — буквально: бушевание воды — можно так перевести. Lange, o. c. 36.

[4] Понимание близкое к моему дает H. Grapow, Die bildlichen Ausdrücke des Ägyptischen. Berlin, 1924, стр. 152.

[5] Lange, o. c. 37—38.

[6] Jnj — нести, уносить, приносить, Lange, o. c. 37.

Не мсти сам: обидчик будет наказан, бог отмстит за тебя. Эта мысль не чужда Египту, как древнему,[1] так и позднему и, в частности, самому Аменемопе.[2]

В главе 3-ей, 21, 22, можно найти то же самое: «Если тебя обижают — смолчи: бог найдет способ отомстить за тебя».[3]

Для пояснения этой главной мысли, повидимому, и приведен весь рассказ, намеченный тоже только в общих чертах. Конец содержит молитвенное восклицание к богу Луны о спасении погибающего. Эта молитва и следующее за нею обращение к послу намекают также очевидно на известное событие приведенного рассказа. Попробуем сопоставить наш рассказ с рассказом Аменемопе.

1. В нашем рассказе принимают какое то участие Wptjw — посланники. Согласно поучению Dw;w, посланничество являлось привилегией знати.[4] В нашем рассказе он еще, кроме того, стоит в противоположности к бедному неджесу, т. е. является знатным.

У Аменемопе говорится о посольстве, но речь обращена к участнику — посланнику. Аменемопе и его сын, к которому обращено поучение, принадлежат к высшей знати.[5]

2. В нашем рассказе угрожает гибель на воде в бурю неджесу, но сам он остается жив, гибнут только жена и дети. У Аменемопе гибель угрожает обидчику, но он также остается невредим.

3. В нашем рассказе играет важную роль слово mḫjjt, которое Erman[6] переводит «наводнение», но вероятнее перевести, как «северный ветер». У Аменемопе тоже mḫj — «северный ветер». Следует отметить, что оба раза северный ветер является неблагоприятным, что редко встречается в египетской литературе.[7] Это обстоятельство роднит оба текста.

4. Опасным местом на реке в нашем рассказе является š;šn ẖr mrjjt,[8] опасная заводь с прибрежными (?) (крокодилами), повидимому береговая полоса Нила с наносным илом, опасными водоворотами и кишащими в ней

---

[1] См. Поучение гераклеопольского царя, Golénischeff. Les papyrus hiératiques de L'Hermitage. 9—14.

[2] Amenemope главы 3, 7, 22, 23, см. Lange o. c. 40, 56, 110, 112 и мног. друг.

[3] Lange o. c. 40.

[4] Б. Тураев, Ист. др. востока, 1, 231.

[5] Lange, o. c. 26, 27.

[6] Erman, o. c., стр. 72, Новый перевод в Lit. der Ägypter тоже самое, но под вопросом.

[7] H. Grapow, o. c., стр. 41—42. Северный ветер только приятен.

[8] mrjjt — букв. «береговые» — по детерминативу судя, одно из названий крокодила.

крокодилами. У Аменемопе тоже mrjj — «берег» [1] — упоминаются также водоворот и крокодилы.

5. В нашем рассказе «крокодилы» — «mrjjt» и ḫntjj. У Аменемопе msḥ тоже «крокодил»; повидимому, эти слова — синонимы.

6. В нашем рассказе пострадавший кричит (своим голосом — ḫrw). У Аменемопе он тоже кричит, и голос (ḫwr) его доходит до неба.

7. В нашем рассказе голодный неджес выпрашивает себе ужин. У Аменемопе говорится о пострадавшем: «наполни чрево его хлебом, чтобы он насытился».

8. В нашем рассказе, вероятно, из слов jw-f mj kjj — «он подобен другому», «он не отвечает на вопросы жены», можно понять, что мы имеем дело с каким то повреждением сознания бедного неджеса. У Аменемопе: нужно наполнить чрево несчастного хлебом, чтобы он насытился и пришел в сознание (ṯm).[2]

После приведенных сопоставлений можно с вероятностью утверждать, что существует какая-то связь между рассказом второй главы Аменемопе и нашим отрывком, притом, как показывает сопоставление, с обоими частями его; эта связь может оказаться более тесной, если предположить, что обе части нашего отрывка — один и тот же рассказ. Это не так невероятно, ибо действующие лица — неджес и его жена — одни и те же. Тогда придется предположить, что автор, рассказав о гибели жены, возвращается назад и говорит о ней, как о живой, во второй части нашего отрывка.

Заманчиво объяснить эту связь таким образом.

В обоих рассказах мы имеем намеки на один и тот же, или на два очень близких народных рассказа, либо на два разных варианта. Этот рассказ можно было бы озаглавить: «Притча или басня о посланце и бедняке». На основании намеков, данных в обоих рассказах, можно было бы так представить себе ее.

Голодный бедняк — неджес, по просьбе и наущению жены совершает преступление: наносит обиду посланнику. В наказание за это он подвергается опасности погибнуть на воде в бурю, но сам остается жив, гибнут лишь жена и дети, и он в отчаянии произносит ту жалобу, о которой мы будем говорить ниже.

Против такого предположения есть несколько очень важных возражений.

---

[1] mrj — обычное слово для берега, побережья, гавани и. т. д.

[2] Возможно еще одно сопоставление: в нашем рассказе дело происходит ночью. Нельзя ли и у Аменемопе в обращении к Луне, которая установила преступление злодея, видеть указание на то же самое?

Первое: в нашем рассказе часто упоминаются жена и дети неджеса. У Аменемопе об них нет никакого упоминания. Зато у Аменемопе описана обида посланника, на которую в нашем рассказе лишь намекается; но рассказы передаются неполно, берется в обоих случаях только то, что может прямо пояснить мысль, выражаемую автором. Так Аменемопе, поясняя, что не надо мстить, в ярких чертах рисует бурю и опасность погибели в воде. Автор нашего папируса, для пояснения своей мысли, какой — увидим ниже, приводит жену и детей и обращает на них главное внимание. Кроме того, конечно, всегда можно предположить, что имелось два варианта притчи.

Второе: в нашем рассказе — бедный, забитый нищий неджес, зарабатывающий упорным трудом себе хлеб насущный.

У Аменемопе обидчик горячий šmm, страстный человек; ничего не говорится ни о его труде, ни о нищенстве; но у Аменемопе слово šmm означает человека горячего, страстного, грешника в противоположность grw—молчаливому, кроткому праведнику.[1]

Возможно, что в нашем рассказе неджес не является также безгрешным. Он работает в праздник; свою жену он ругает очень нелестными словами,[2] которые вероятно должны намекать на какое-то преступление жены.[3] Вспомним, наконец, что эпоха среднего царства, когда написан наш текст, была временем горячей борьбы между знатью и средним классом — неджесами,[4] отразившейся и в литературе.[5] Для знатного этой эпохи всякий неджес должен был казаться по меньшей мере подозрительным, и нравственная репутация неджесов для знатных, а таковым является, по всей вероятности, составитель нашего рассказа, являлась не весьма высокой, вспомним хотя бы первую сказку Папируса Весткар.[6]

Это же обстоятельство может объяснить и то, почему у Аменемопе обидчик не назван неджесом. Это слово, модное для среднего царства, было окончательно забыто в своем социальном значении. Ожидать от

---

[1] Lange, o. c., 21.

[2] Tf}: презрительное указательное местоимение mś-t — очень грубое и неприличное наименование женщины. Erman, o. c.

[3] Интересно обратить внимание на 7 главу поучения Аменемопе. Там, между прочим, говорится: «корабль жадного застрял в иле, а ладья кроткого движется попутным ветром». Lange, o. c. 56.

[4] См. об этом В. В. Струве, Эрмитажный папирус 1116 В и пророческая литература Египта, ЗКВ, т. I, 1925 г.

[5] Например в сказках папируса Весткар: Gressman, Altorient. Texte, 117—121.

[6] Ibidem.

поучения Аменемопе упоминания неджеса—то же, что искать в современных официальных бумагах наименование крестьянина — смердом.

Третье затруднение в том, что приходится допустить в нашем рассказе сначала развязку, в первой части, а потом уже, во второй части, начало предполагаемой нами притчи; но, признав обе части за один рассказ, мы можем предположить, что вторая часть, трудно объяснимая сама по себе, является пояснением первой, главной — именно, пояснением отрицательного отношения неджеса к жене. Примем во внимание, что все время говорится только намеками. Итак существует возможность за двумя этими рассказами усматривать канву одного общего. Какой же смысл тогда получат оба рассказа?

Аменемопе иллюстрирует намеками на эту притчу свою мысль, что не надо отмщать.

Какой же вывод можно сделать относительно нашего отрывка?

Во-первых, для перевода: 1) обе части отрывка нужно признать одним и тем же рассказом; 2) слово mḥjt — надо переводить как «северный ветер»; 3) загадочные слова śś (?)[1] и śśꜣ (?) и wšjb приходится понимать, как какое-то tẖꜣ — оскорбление, преступление по отношению к посланникам. Я рискую переводить наш отрывок так:

«Послушайся меня: слушаться хорошо человеку. Следуй веселому дню, оставь скорбь! . . Бедняк пашет свое поле, он погружает жатву внутрь ладьи, он тащит барку, хотя праздник его приходит. Он увидел выхождение северного ветра, он просыпается в ладье в сумерки, выходит с женою своей и детьми, чтобы погибнуть в опасной заводи ночью среди береговых крокодилов. Когда он может (?) сидеть, он разделяет (?) голосом, говоря: «Я не плачу о той женщине (выражение mst очень грубо), которая (все равно) не будет иметь выхождения с запада к другой на земле... Я скорблю о ее детях, разбитых еще в яйце, они видят лице крокодила, они не будут жить».

Бедняк выпрашивает себе ужин. Его жена говорит ему: «уже к вечеру». Он выходит из дому, чтобы śś (?) к часу, когда он возвращается домой, он подобен другому; жена его расспрашивает (?) его, он не слушает, так как совершил что-то дурное по отношению (?) к посланникам».

Какова же главная мысль этого отрывка?

Дух предлагает человеку забыть скорбь. О чем же скорбит человек? Из предшествующего и последующего текста папируса мы знаем: во-первых,

[1] Слово: śś (?) — непонятно, так как третий знак, не смотря на то, что он тщательно выписан, не может быть отожествлен с известными нам знаками. Erman, o. c., стр. 83.

о погребении,[1] о печальной участи людей после смерти, а во-вторых, о том, что «братья плохи, и друзья недостойны любви»... «добро кинуто на земь повсюду»... «грабят»... «не вспоминают вчерашнего дня и не воздают по делом тотчас»... «наглость превозносится более правости сердца»... «земля полна беззаконий», «грех бьет землю, и нет ему конца».[2]

Сознание всевластия греха — вот, что заставляетъ скорбеть человека.

Обратясь к нашему тексту, отметим, что центром его является точная, дословно приведенная речь бедняка, при суммарном изложении остального. Весь рассказ — как бы фон для этой речи. В ней заключена главная мысль.

Дурная женщина, которая не будет иметь возможности выходить к другой на земле (т. е. не будет иметь выхода с запада), что является наградою праведникам, и чего лишены грешники,[3] противопоставляется детям «разбитым еще в яйце» (в начале своей жизни), но которые все же не будут жить. — Одинакова загробная участь грешницы и безгрешных младенцев. — Мысль, что младенцы безгрешны и поэтому заслуживают лучшей участи после смерти, не чужда Египту. Интересна одна надгробная плита девочки, правда уже греческой эпохи, свидетельствующая об этом.[4] Эта безотрадная мысль влагается в уста нищенствующего трудящегося бедняка, чтобы подчеркнуть жажду жизни, сродственную вообще египтянам.[5]

У Гомера тень Ахилла, вызванная Одиссеем из Ада, жалуется: «лучше последним рабом пахать на земле, чем быть царем в царстве теней!» — — «Кто находится между живыми, тому еще есть надежда, ибо псу живому лучше чем мертвому льву. Живые знают, что умрут, а мертвые уже ничего не знают, и нет им воздаяния, ибо и память о них предана забвению... Иди, ешь с веселием хлеб твой и празднуй в радости сердца... Наслаждайся жизнью с женой твоей, которую ты любишь, во все дни суетной жизни твоей!» (Еккл. 9, 4, 5, 7, 9) — восклицает разочарованный еврейский мудрец. Подобно им и наш египтянин, как бы устами голодного труженика надписи, хочет сказать: «лучше, хотя бы голодным нищим, изнывать в непосильном труде здесь на земле, чем мертвым покоиться в царстве Осириса, ибо гнетущий мрак местопребывания находящихся там!»[6]

---

[1] Erman, o. c., строки 61—68 папируса.

[2] Ibidem, строки 86—96—112.

[3] Книга мертвых: главы выхода днем. Тураев, Литература 127—128.

[4] См. статью A. Erman'a в сборнике для Ed. Sachau, Berlin, 1915.

[5] Тураев, Ист. Др. Вост., I, 253. Тураев, Литература, I, 68.

[6] Лондонская стела жены верховного жреца из Мемфиса. Maspero, Études Egypt., I, 187.

Если так, то ход мыслей духа таков:

Не думай о погребении — это печально, ибо ты не будешь выходить, чтобы видеть солнце. Покоющийся в своей пирамиде столь же несчастен, как и усталый путник, труп которого гнпет на плотине, и с которым беседуют береговые рыбы. Следуй веселому дню! Оставь скорбь! ибо перед лицом смерти равны грешник и невинный младенец.

Никита Мещерский.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

23. تورکیات مجموعه‌سی — журнал по турκологии, издаваемый Турκологическим Институтом Стамбульского Университета под редакцией проф. **Кöпрюлюзадэ Мехеммед Фуада.** Т. I, 1925 г., стр. 350, in 8°.

Состав населения СССР и Турции предопределяет развитие в этих странах особого интереса к туркологии. Не удивительно поэтому, что именно в СССР и Турции почти одновременно возникли в новых условиях существования этих государств после мировой войны специальные туркологические организации: Туркологический Семинарий при Ленинградском Институте Живых Восточных Языков (1924 г.) и Туркологический Институт при Стамбульском Университете (1924—25 г.). Приятно отметить, что основным фондом библиотеки Туркологического Института в Стамбуле является библиотека покойного казанского профессора-тюрколога Н. Ф. Катанова, по происхождению — абаканского турка, питомца Ленинградского Университета, и что среди работников Туркологического Института имеются представители турецких племен СССР.

Энергичный и талантливый организатор Туркологического Института проф. Кöпрюлюзадэ основал при Институте первое в истории туркологии специальное периодическое издание по туркологии تورکیات مجموعه‌سی, первый том коего вышел в августе 1925 г. и был мною получен в бытность мою в Стамбуле. С возникновением этого журнала не прекращается издание органа Литературного Факультета Стамбульского Университета دارالفنون ادبیات فاکولته‌سی مجموعه‌سی, выходящего с 1332—34 г. Х. и заключающего в себе ряд работ и по туркологии.

Вводной статьи от редакции при I т. Туркологического журнала не имеется. На обложке помещено объявление о том, что журнал будет издавать документы и исследования по языку, литературе, истории, географии, этнографии турков, информацию о западно-европейских трудах по

*

турκологии и переводы иноязычных сочинений, выходя 2—4 раза в год томами не менее 20 листов.[1]

Наиболее продуктивным сотрудником журнала является его редактор проф. Кöпрюлюзадэ, как видно из оглавления I т. и из напечатанных на обложке заявок на следующие томы. Состав авторов I т. свидетельствует о том, что редакция ставит своей целью сделать журнал международным органом тюркологии. В отделе первом (исследования) помещены работы тюркологов Турции Кöпрюлюзадэ, Неджиб Асыма, Мехеммед Шерефеддина, Али Джаниба, башкира из СССР Абдулькадыра (переводчик с русского при Тюркологическом Институте), нашего академика В. В. Бартольда (1 — перевод с немецкого перевода «Христианство в Средней Азии в до-монгольскую эпоху» и 2 — перевод с английского «Кто Богра-хан, которому посвящен Кутадгу-билиг?»), немецкого тюрколога Гизе и венгерского Л. Ликети. Отдел второй (заметки и материалы) представлен работами Кöпрюлюзадэ и башкира Абдулькадыра. Отдел третий (критика и библиография) разбит на две части: в первой части даны переводы отзывов Хюара, Мордтмана, Немета об известном труде Кöпрюлюзадэ[2] تورك ادبياتنده ايلك متصوفلر, а во второй ряд рецензий Кöпрюлюзадэ, одна — Мордтмана и переводы рецензий Растарна и русского алтаиста Н. Н. Поппе (последняя на книгу проф. Б. Я. Владимирцова «Чингиз-хан»). Последний отдел дает информацию о тюркологических работах в Турции, Франции, Англии, Германии, Венгрии, Чехо-Словакии, Болгарии, Бельгии, РСФСР, Азербайджанской ССР,[3] Туркестане, при чем оказывается, что осведомленность редакции о тюркологической деятельности в СССР крайне слаба (том составлен до поездки редактора в Ленинград и Баку) и что, с другой стороны, довольно тщательно ведется наблюдение за развитием тюркологии в Западной Европе.

Журнал открывается обширной статьей Кöпрюлюзадэ «Меддахи» (стр. 1—45), которыми из русских тюркологов специально интересуется проф. В. А. Гордлевский. Следующая статья Кöпрюлюзадэ (стр. 119—150) «Лютфи-паша» с резким, но справедливым отзывом в начале статьи о ненаучном издании почтенного библиотекаря Стамбульского Археологического Музея Али-бея تواريخ آل عثمان Лютфи-паши. Тому же неутоми-

---

[1] Т. II печатался в 1926 г., но до января 1927 г. не выходил. *Ред.*

[2] Мой краткий отзыв в «Новом Востоке», № 3 (1923 г.), стр. 552.

[3] Приветливый и внимательный сотрудник университетской библиотеки в Стамбуле, азербайджанец Ахмед Джафар-оглы забыл упомянуть, что помещенный им (стр. 341—343) отзыв о бакинском журнале معارف ومدنيت является переводом с русского моей рецензии в «Новом Востоке», № 5 стр. 417—419, с некоторыми изменениями.

мому автору принадлежит обширная статья (стр. 185—211) «Исторические заметки по этнологии огузов» (о четырех племенах: кайы, салор, баят, джепни). Ветеран туркологии в Турции, энтузиаст проф. Неджиб-Асым сообщает о новом, втором списке изданного им уйгурского сочинения мусульманской эпохи عبة الحقايق (стр. 227—228, с таблицей); кроме описания этого нового списка, хранящегося в библиотеке Айя-София и открытого известным издателем произведений Махмуда Кашгарского и Деде-Коркуда, учителем Келисли Риф'ат беем,[1] автор высказывает свои соображения об открытом тем же лицом в библиотеке Хамидие и переданном в Сулеймание уйгурском букваре, который по мнению проф. Неджиб-Асыма принадлежит Ибн-Арабшаху. Проф. Кöпрюлюзадэ, посвятивший изданному Неджиб-Асымом памятнику пространную статью в прекратившем впоследствии свое существование журнале[2] ملی تتبعلر مجموعسی (т. V), дает справку об авторе عبة الحقايق Эдиб Ахмеде (стр. 255) по сочинению Неваи نسائم المحبة (по известной парижской рукописи куллията Неваи). Проф. М. Шерефеддину принадлежит статья «Религиозные толки в эпоху сельджукидов» (стр. 101—118). Али Джаниб дал жизнеописание поэта Недима (173—184). Спутник Ахмед Зеки Валидова, башкир Абдулькадыр выступил с двумя работами: 1) «О Деде-Коркуде» (стр. 212—219) и 2) «О турецких племенных именах» (стр. 258—265); последняя статья дает названия родовых делений у киргиз-казаков и кара-киргизов с использованием русских материалов.

Желаем успеха Турлогическому Институту в Стамбуле и его печатному органу, дальнейшее процветание коего будет тесно связано с продуктивностью Института в отношении подготовки ученых туркологов на помощь проф. Кöпрюлюзадэ. Желаем также, чтобы в ближайшее время осуществилось постановление[3] Первого Всесоюзного Туркологического Съезда в Баку об издании туркологического органа в СССР и чтобы тогда два туркологических журнала в двух странах, наиболее заинтересованных в всестороннем изучении турецких племен, служили совместно прочной базой для развития туркологии.

А. Самойлович.

---

[1] Я был счастлив познакомиться с этим симпатичнейшим туркологом в стенах Туркологического Института и наслаждаться его простым, живым, пересыпанным народными оборотами, турецким языком.

[2] Моя краткая заметка о нем в «Новом Востоке», № 3, стр. 551.

[3] См. изданный Обществом Обследования и Изучения Азербайджана стенографический отчет (Баку, 1926 г.), стр. 405, а также брошюру Гали Рахима на казанско-татарском языке «Первый Туркологический Курултай и рассмотренные на нем вопросы» (Казань, 1926 г.), стр. 38.

24. تاتار تیاتیری. 1906—1926. Татарский театр (Сборник на татарском языке). Казань, 1926, стр. 255, in 8°. Цена 1 р. 75 к. Тираж 3000 экз.

Давнишние мои личные связи с культурно-просветительными и научными работниками Казани, укреплявшиеся и расширявшиеся во время моих посещений этого города в 1916 и 1925 годах,[1] получили дальнейшее развитие на Первом Всесоюзном Тюркологическом Съезде 1926 г. в Баку, который оправдал одно из своих главных заданий — содействовать сближению между тюркологами всего СССР.

К числу выдающихся казанско-татарских тюркологов, с которыми я познакомился на Съезде, принадлежит Абдуррахман Са'ди, автор многочисленных печатных работ по истории литературы и языкознанию турецких народов, по истории мусульманской культуры и по педагогике.[2] Этот ученый прислал мне недавно в подарок коллективный, с его участием, труд по истории поволжско-татарского театра за 20 лет его существования.

В оглавлении названо 40 статей, из коих в моем экземпляре отсутствует первая: «Несколько слов от коллектива».

Сборник приурочен к 20-летнему юбилею казанско-татарского театра, описание торжественного празднования коего, с воспроизведением некоторых приветствий и поздравительных телеграмм, помещено на стр. 245—255. Ряд небольших статей посвящен умершим артистам Кариеву (стр. 229—238), Эшреф-ханым Синаевой (239), Абдуррахим Адакову (242), Фатиме Асаевой (243). Краткая биография «отца татарской драмы» и артиста Гали Асгар Камалова, получившего к юбилею звание «татарского народного драматурга», дана на стр. 223—226. Краткие свои воспоминания поместили артистка Гульсум Булгарская (219—221) и писатель К. М. Тухфетуллин (208—210) и более подробные — артистка Гизетуллина-Волжская (133—151).

Ряд статей посвящен истории татарского театра в отдельных городах и уездах (Казань, кантоны Татаристана, Акмолинская область, Челябинск, Астрахань, Пермь, Троицк, Семипалатинск, Ульяновск-Симбирск, Кунгур, Самара, Малмыж, Хива, Бухара, Ташкент). Последние из этих статей

---

[1] Двадцать дней в Казани (Вестник Научного Общества Татароведения, № 1—2, 1925 г., стр. 26); Краеведение в ТАССР (журнал Краеведение, 1925 г., № 1—2, стр. 87).

[2] Одним из последних полученных мною его крупных трудов является کشیلك دونیاسندا تل، ئەدەبییات، یازو هم ئالارنك تاریخی ئوسولەری с 44 рисунками. Казань, 1926 г., стр. 246, in 8°. Автор доставил мне также полный список своих работ за 17 лет, 1908—1926 гг., всего 140 печатных листов.

свидетельствуют о роли казанско-татарского театра в зарождении театра узбецкого.[1]

За пределы основной темы сборника: истории театрального дела у поволжских (казанских) татар выходят статьи о театре у азербайджанских турков (стр. 156) и у крымских татар (161). Азербайджанско-турецкий театр, существующий более 50 лет, имеет свою историю.[2] Крымско-татарский театр справил уже свой 25-летний юбилей.[3] В крымской театральной работе принимают участие и некоторые казанские артисты (стр. 164).

Из мелких статей следует еще выделить заметку о работе казанско-татарских артистов при татарской бригаде Красной армии в военное время (стр. 173—6) и сообщение о труппе из пленных татар в лагере под Берлином во время мировой войны (стр. 171—172). Герей Хасанов дал статью «Казанско-татарские рабочие на сцене» (184—189), а К. Шамиль «Татарская детская труппа в Казани» (190—191).

Перечисленные выше материалы представляют выдающийся интерес для суждения о культурных успехах поволжских татар как в центре их расселения, так и в отдаленных от национального центра районах. Но составители сборника не ограничились изданием ценных материалов. Им предпослано несколько статей подъитоживающего характера, из коих как бы кратким введением к последующим является доклад известного общественно-политического работника, педагога, беллетриста и ученого Галимджан Ибрагимова[4] «Праздник 20-летней борьбы» (стр. 5—7, 249—250).

Одной из центральных статей сборника является работа А. Са'ди «Татарская театральная литература и история ее развития» (стр. 8—66). Автор дает очерк истории казанско-татарской драмы от зарождения до наших дней на фоне развития изящной казанско-татарской литературы вообще и в теснейшей связи с изменениями экономических и социальных условий татарской жизни, в связи с борьбой между отдельными классами и внутри классов. Начав с драматических произведений, отражавших борьбу либеральной буржуазии с пережитками феодализма, борьбу западных,

---

[1] О нем см. еще в моей статье «Драматическая литература сартов» (Вестник Общества Востоковедения, № 5, 1916 г.); Б. А. Пестовский, Узбекский театр (Искусство и Жизнь, Ташкент, 1922 г., № 1; продолжение в журн. Наука и Просвещение, Ташкент, 1922 г., № 1).

[2] اذربایجان تورك تیاتروسنك مختصر تاریخچه‌سی . ۱۸۷۳—۱۹۲۳. Составлено комиссией во главе с А. Ахвердовым. Баку, 1923 г, стр. 36, in 8⁰ (с портретами).

[3] Х. Балич قریم تاتار میللی مه‌ده‌نییه‌تینیك تاریخی موقه‌دده‌راتی. В честь 25-летнего юбилея кр.-татарского театра. Бахчисарай, 1926 г., стр. 54, in 16⁰.

[4] К числу его новых работ относится весьма интересный для турколога сборник статей ئیملا، تل، ئه‌ده‌بییات مه‌سئه‌له‌له‌ری (Казань, 1925 г., стр. 143), с которым обязан знакомиться всякий ученый, занимающийся языком и литературой поволжских татар.

европейских течений в татарском обществе с восточными, азиатскими (Абдуррахман Ильясов, Фатих Хамиди, анонимный автор первой комедии 1894 г. «Чистай», давший первые образцы истинно художественной драмы Гали Асгар Камал), А. Са'ди переходит к авторам и произведениям, фиксирующим усиление классового расслоения (буржуазные драматурги: Ф. Амирхан, Гаяз Исхаков; пролетарский драматург Гафур Кул-Ахмедов), уделяет особое внимание Г. Исхакову, приводит, между прочим, отрицательный отзыв ангорской прессы об его драме «Зулейха» (стр. 40) и, наконец, подробно останавливается на периоде после Октябрьской Революции (стр. 42). Дав длинный список пролетарских современных писателей во главе с Галимджаном Ибрагимовым и Ф. Сейфи (стр. 45), автор отмечает пьесы из крестьянской жизни Мир Хейдер Фейзи, выступившего в 1911 году (стр. 47), Г. Ибрагимова (49), из фабричной жизни Ф. Сейфи, Баимбета, «В кровавые дни» Шамиль Усманова, новые пьесы Бурнаша и Эфзал Тагира (стр. 51), а также Керим Эмири (51—52), одну из коих («Пчен Базары») я с удовольствием смотрел в Казанском театре, и ряд других. Автор высказывает надежду (стр. 55), что если не из современных писателей, то из подрастающей пролетарской молодежи начнут выходить творцы долговечных художественных типов новой жизни. В заключение А. Са'ди отмечает появление первой казанско-татарской оперы «Сание», о которой имеется отдельная статья Гали Рахими, перечисляет (56—7) некоторые ненапечатанные пьесы и говорит несколько слов о детских пьесах после Октябрьской Революции (57—58). На стр. 59—66 А. Са'ди дает обзор пьес, переведенных с анатолийско-турецкого, азербайджанско-турецкого, русского и западно-европейских языков, отмечая непопулярность на казанско-татарском книжном рынке переводной литературы.

Вторая крупная статья сборника принадлежит М. Парсину и озаглавлена «Татарский театр за 20 лет» (стр. 67—102). Домашние спектакли начали ставиться еще в 1885—86 годах, благотворительное общество в Касимове устраивало платные спектакли в 1898—99 годах, около этого же времени ставились в разных местах школьные и домашние спектакли, но прочное зарождение татарского театра связывается с революцией 1905 года (стр. 80).

Габеши значительную часть своей небольшой статьи «Музыка на татарской сцене» (стр. 102—111) посвящает коллективному созданию татарских и русских композиторов — опере «Сание».

Сборник снабжен многими снимками.

На страницах Записок Восточного Отделения (т. III, стр. 101) в 1889 г. проф. В. Д. Смирнов отметил зарождение драмы у поволжских

татар, как светлое явление на мрачном фоне засилия в печатном деле представителей старозаветной религиозной литературы (стр. 98—99, 103—104). С тех пор, особенно же с 1917 года характер поволжско-татарской печати решительно изменился,[1] и обзор современных печатных изданий Татреспублики, если бы у кого-нибудь нашлось время для его составления, произвел бы несомненно еще более сильное впечатление на интересующихся Востоком и в частности новым Востоком, чем упоминаемый проф. В. Д. Смирновым перечень средины XIX века академика Дорна.[2]

Ограничиваясь за недостатком времени краткой заметкой об одном только сборнике «Татарский театр», обращаем в заключение внимание Ленинградских востоковедов на необходимость выдвинуть из своих рядов отдельного специалиста по изучению языка и литературы поволжских татар.

А. Самойлович.

25. टाल्स्टाय की कहानियां, लेखक - काउन्ट टाल्स्टाय, सम्पादक - श्रीयुक्त प्रेमचन्द, प्रकाशक - हिन्दी पुस्तक एजेन्सी प्रथम बार मूल्य १) कलकत्ता १९८०.

Ṭālsṭāy kī kahāniyān. Lekhak kāunṭ Ṭālsṭāy, sampādak çriyukt Prem Chand, prakāçak «Hindi pustak Agency» prathama bār, mūlya 1 rup. Kalkattā, 1980, т. е. «Рассказы Толстого. Автор граф Толстой. Обработка почтенного Прем Чанда. Издатель «Hindī pustak Agency», первое издание. Цена 1 рупия. Калькутта, 1980 (от Викрамадитьи), т. е. 1924.

Научное изучение новоиндийских языков и литератур в Европе находится в зачаточном состоянии. Несмотря на огромное количество практических руководств для изучения новоиндийских языков, особенно хиндустани, начало научному их исследованию положено только в последние годы. Европейская индология почти все свое внимание направляет на санскрит и его литературу, меньший интерес для нее представляют среднеиндийские и минимальный — новоиндийские языки и литературы.

Иллюстрацией к этому факту может служить история индийской литературы Винтерница.[3] В ней, при общем объеме в три больших тома, новоиндийским литературам — на всех арийских и дравидийских языках — уделяется всего лишь около 27 страниц, из которых семь посвящено

---

[1] См. блестящий очерк талантливого питомца Казанского университета (ученика проф. Фирсова), проф. Губайдуллина يكى تاتار ادبياتى و فاتح امير خان в изданном от имени Азербайджанского Литературного Общества сборнике № 1 ادبى پارچەلار (Баку, май 1926 г.), стр. 60—79 (с указанием предшествующих работ).

[2] Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten... Werke (Bulletin de l'Acad. etc., t. V). Mélanges Asiatiques etc. V, 533—649.

[3] Winternitz, Geschichte der indischen Litteratur. Leipzig, 1907 — 1920.

Тагору, главным образом потому, конечно, что произведения Тагора переведены на европейские языки.

Если к этому прибавить, что термин «новоиндийские» литературы очень условный, и что ряд «новоиндийских» литератур считает за собою уже тысячелетнюю давность, то указанный факт становится еще более разительным.

С несомненностью можно утверждать, что изучение в Европе древнеиндийского языка и его литературы идет параллельно с уменьшением значения их в культурной жизни Индии, где могущественными факторами становятся новоиндийские языки и литературы, дающие массу как оригинальных произведений, так и переводов с европейских языков.

Европейская художественная литература в последние десятилетия вызывает живейший интерес в Индии. В ней наблюдается значительно более глубокое знание новой европейской литературы, чем в Европе — новоиндийской. На новоиндийских языках ежегодно появляется большое количество переводов с европейских языков литературы технической, научной, — в том числе исторической — и художественной.

По весьма понятным причинам больше всего привлекает внимание индусов литература английская. Ее важнейшие произведения имеются в переводах на различные новоиндийские языки. С английских же переводов сделано большинство переводов немецких и французских авторов, как Гримма (сказки), Жюль Верна, Шекспира, Анатоля Франса и т. д.[1]

Из русских авторов наибольший интерес в Индии вызвал Л. Толстой, пользовавшийся при жизни большою популярностью среди индийских мусульман и индуистов. Сам вождь движения asahayog, т. е. «несотрудничества» (англ. non cooperation) Ганди (Gāndhi) состоял в переписке с Л. Толстым и называл себя его «покорным последователем» (a humble follower of yours).[2]

По возвращении из Африки Ганди усиленно пропагандирует в Индии изучение произведений Толстого, причем наибольшую ценность признает за его произведениями морально-философского характера.

Индийская интеллигенция, прекрасно владея английским языком, знакомилась с произведениями Толстого по английским переводам.

После войны и русской революции интерес к России в Индии еще более возрос. Несмотря на то, что правительственные учебники истории на новоиндийских языках почти совсем исключают самое имя России и, например,

---

[1] Sayyid Abdu'l-Latif, The influence of English literature on Urdu literature. London, 1924.

[2] Бирюков, Толстой и Восток. «Нов. Восток», кн. 6, стр. 392 — 396.

совершенно не упоминают ее в истории мировой войны,[1] индийское общество проявляет живой интерес к Советской России, выражением чего являются многочисленные статьи в газетах и других периодических изданиях, отдельные брошюры и книги. За относительно короткий срок существования советской власти на одном только хинди явилось несколько «Историй советской России».[2]

На общем фоне повышенного интереса к России с новой силой пробудился интерес к Л. Толстому, причем индийские почитатели Толстого стремятся продвинуть в широкие народные круги идеи Толстого, всячески облегчая понимание их. Переделка рассказов Толстого и издание их на хинди осуществлено с этой именно целью, так как индийская интеллигенция довольствовалась английскими переводами.

На хинди рассказы Толстого обработаны Прем Чандом (Prem Chand), крупнейшим писателем современной Индии, автором многочисленных рассказов, повестей, романов и драм. Его сборники повестей и рассказов Saptasaroj («Семь лотосов»), Prempurnimā («Полнолуние любви»), Prempachīsī («Двадцать пять рассказов о любви»), роман Premāçram («Обитель любви») и др. переведены на целый ряд современных индийских языков. За его «блестящее дарование, знание человеческой природы, искусство изображения, занимательность сюжетов и мастерское владение языком» туземная пресса считает его величайшим романистом современности. Уже тот факт, что в заглавие нескольких его произведений входит слово prem, т. е. «любовь», дает некоторое основание думать, что Прем Чанд является последователем идей, выраженных Л. Толстым в его «Письме к Индусу», о любви, как «могущественном факторе в человеческих взаимоотношениях». Чтение же произведений Прем Чанда убеждает нас в глубоком влиянии на него идей Толстого. Так, в одном из последних романов Прем Чанда его герой основывает своеобразную сельскохозяйственную общину, близко напоминающую наши толстовские общины.

Ни в тексте, ни в предисловии издателя нет никаких прямых указаний на то, с какого языка сделан перевод. Однако уже тот факт, что Толстой

---

[1] Так, в одном из учебников по истории (मर्सडन, हिन्दुस्तान की हिन्दी तवारीख Marsden, Hindustān kī hindī tawārīkh, Калькутта, 1919), книге широко распространенной и являющейся учебником в правительственных школах, мы находим такой перечень участников мировой войны: «Со стороны «центральных держав» принимали участие следующие государства: Германия, Австрия, Болгария и Турция, со стороны держав Антанты участвовали: Франция, Англия, Соединенные Штаты Северной Америки, Бельгия, Сербия и некоторые другие незначительные (chhote se) государства» (стр. 154). Россия не упомянута!

[2] Ср. Prof. Prāṇnath Vidyalaṅkar, Rus kā pañcāyatī rājya (т. е. «Советская Россия»). Калькутта, 1924 и много других.

пишется टाल्स्टाय Ṭalsṭay, а не ताल्स्ताय Talstay, заставляет думать, что переводчик пользовался английским текстом; в этом мы убеждаемся вполне, найдя в предисловии вместо «Анна Каренина» — «Eni Karenina».

В предисловии издательство объясняет, почему оно остановилось именно на «рассказах», и отмечая достоинства их, тем самым указывает на принципы, которых держался Прем Чанд, обработавший рассказы. Предисловие это звучит следующим образом.

«Граф Толстой, как известно, написал много, и в настоящее время в Европе нет языка, на котором бы не было перевода его произведений; однако, в зрелом возрасте, когда окончательно установились его общественные и религиозные взгляды, он из своих произведений эти рассказы ставил выше всего. «Анна Каренина», «Севастопольские рассказы» и др. произведения пали в его глазах. Он полагал, что главное достоинство литературы — пробуждение любви ко всем людям. Ее язык и идеи — то и другое — должны быть так просты, чтобы для понимания ее не представлялось никакой трудности даже простому крестьянину. Некоторые рассказы достигают такой высоты, что является мысль, будто они взяты из упанишад. Язык столь легкий и живой, что в чтении найдут удовольствие даже дети».

Переведен 21 рассказ:

1. «Бог правду видит, да не скоро скажет» — Kṣamādān («Милосердый»).

2. «Кавказский пленник» — Rājpūt qaidī («Раджпут пленник»).

3. «Охота пуще неволи» — Dhruv nivasī rich kā çikār («Охота на медведя»).

4. «Чем люди живы» — Manuṣya kā jīvan ādhār kya hai («Что поддерживает жизнь человека»).

5. «Упустишь огонь — не потушишь» — Ek chiṇgarī ghar ko jalā detī hai («От одной искры дом загорается»).

6. «Два старика» — Do vriddh purush («Два старика»).

7. «Где любовь там и бог» — Prem meṅ paramēçvar («В любви бог»).

8. «Сказка об Иване дураке» — Murkh Sumant («Сумант дурак»).

9. «Добрый господин» — Dayālu svāmī («Добрый господин»).

10. «Девочки умнее стариков» — Bāl līlā («Игра детей»).

11. «Ильяс» — Sukh tyāg meṅ hai («Счастье в лишении»).

12. «Как чертенок краюшку хлеба выкупал» — Bhūt aur rōtī («Чорт и хлеб»).

13. «Сколько человеку земли нужно» — Ek admī kō kitnī bhumi chāhiye («Сколько человеку земли нужно»).

14. «Зерно с куриное яйцо» — Andeke barābar dānā («Зерно с куриное яйцо».

15. «Крестник» — Dharm putra («Духовный сын»).

16. «Кающийся грешник» — Dayāmaya kī dayā («Милосердие милосердого»).

17. «Суратская кофейня» — Sūrat kā chāykhānā («Суратская чайная»).

18. «Дорого стоит» — Mahaṅgā saudā («Дорогой товар»).

19. «Ассирийский царь Ассархадон» — Raj Drigpal aur Chandrdev («Раджа Дригпал и Чандрдев»).

20. «Труд, смерть и болезнь» — Rog aur mritya («Болезнь и смерть»).

21. «Три вопроса» — Tīn praçn («Три вопроса»).

Язык Прем Чанда превосходный. Живой, образный, простой; хотя он строго придерживается канона классического хинди и в отличие от Толстого, которого он в подлиннике, правда, не знал, он народных форм не вводит; однако словарь и синтаксис его легко доступны и мало образованному человеку. В местах, где ведутся беседы на религиозные темы, его язык несколько перегружен санскритизмами, соответствующими славянизмам Толстого, но тем не менее он и в этом отношении не переходит известных границ. Мусульманские элементы словаря, вошедшие в народный язык, не изгоняются Прем Чандом, и он относится к ним вполне терпимо.

Уже простой перечень названий отдельных рассказов показывает, что Прем Чанд относился довольно свободно к тексту Толстого, хотя бы и на английском языке. Ряд рассказов получили названия от него, причем некоторые из них, как например «Раджпут пленник», указывают на то, что действие их переносится в Индию.

Дадим полный перевод одного из наиболее коротких рассказов, который к тому же, являясь менее всего измененным, может служить примером наиболее точной передачи, а именно рассказа «Девочки умнее стариков».

Игра детей.

Это было во время праздника Холи.[1] Так как ночью выпал дождь, то по улицам деревни текли ручейки. В одной деревне две маленькие девочки, одетые в новые платья, выйдя на улицу, стали играть. Майя так топнула ногой о землю, что брызги грязи попали в глаза Деваки и испортили ей рубаху. Майя, испугавшись, хотела убежать, как вдруг прибежала мать Деваки. Увидев, что Деваки плачет, она дала Майе пощечину.

[1] Большой индийский праздник приблизительно во время весеннего равноденствия.

Майя стала громко плакать. Ее мать, услышав ее крики, прибежала и сказала: «Что случилось? Зачем бьешь мою дочку?» Слово за слово, она и мать Деваки стали осыпать друг друга бранью.

Постепенно из других домов вышли другие (люди) и вступили в драку. Одна старуха сказала: «Что вы делаете? Сегодня день Холи. К чему эта драка? Перестаньте, успокойтесь!» Но кто стал слушать? — Наконец, Майя и Деваки остановили драку следующим образом.

В то время, как здесь мужчины и женщины все дрались, там Деваки помирилась с Майей и, подойдя к ней, снова начала игру. Вдвоем они провели из лужи канавку и начали пускать по ней травинки. Одна травинка поплыла. Обе побежали за ней и прибежали туда, где происходила драка. [1] Старуха, увидя подбежавших детей, сказала: «И вам не стыдно? Вы деретесь из-за детей, или из-за чего другого? В то время как они, бедняжки, по любви своей все забыли и принялись за свою игру, вы затеяли драку. У девочек больше ума, чем у вас».

Все замолкли и вспомнили слова махатмов: «Пока человек не очистит свою душу как дети, он не может достигнуть господа».

Приведенный рассказ сравнительно с другими подвергнулся небольшим изменениям.

Значительно больше индианизированы другие рассказы, например:

«Ek admī kō kitnī bhūmi chāhiyē».

«Много ли человеку земли нужно».

Толстой.	Прем Чанд.
Приехала из города старшая сестра к меньшой в деревню. Старшая за купцом была в городе, а меньшая за мужиком в деревне.	Однажды Урмила приехала в деревню в гости к своей младшей сестре Нирмиле. Урмила была замужем за богатым купцом, а Нирмила за бедным крестьянином в деревне.
Стала старшая сестра чваниться — свою жизнь в городе выхвалять: как она в городе просторно и чисто живет и ходит, как она детей наряжает, как она сладко ест и пьет и как на катанья, гулянья и в театры ездит.	Урмила. [2] Нирмила, если бы мне пришлось жить в деревне, то я никогда бы не могла привыкнуть. Смотри — мы, живя в городе, как прекрасно одеваемся, едим различные изысканные кушанья, смотрим теа-

[1] Дословно: «Где разгорелась эта Mahābhārata».

[2] Драматизированная форма, примененная в этом, как и в других рассказах, является обычной для индийских романов, повестей и рассказов.

тральные представления и зрелища, гуляем в парках и садах и всегда наслаждаемся удовольствиями.

Обидно стало меньшей сестре, и стала она купеческую жизнь унижать, а свою крестьянскую возвышать.

Не променяю я, говорит, своего житья на твое. Даром, что серо живем, да страху не знаем. Вы и почище живете, да либо много наторгуете, либо вовсе проторгуетесь. И пословица живет: барышу наклад — большой брат. Бывает и то, нынче богат, а завтра под окнами находишься. А наше мужицкое дело вернее: у мужика живот тонок, да долог; богаты не будем, да сыты будем.

Нирмила (гордо):

Ты говоришь это мне? Да я бы никогда не поменялась с тобою! Конечно, мы кушаем грубую простую пищу, но нас не наполняет днем и ночью забота. Вас же всегда гнетет забота. Убыток и прибыль — два родные брата. Кто сегодня раджа, тот завтра нищий. Здесь же всегда живут спокойно. Крестьянин не может сделаться богачем, но никогда не может быть у него недостатка в пище и одежде.

Приведем еще несколько параллелей из того же рассказа:

У Толстого — Пахом продает (для покупки земли) «жеребенка да пчел половину». У Прем Чанда — Матура продал хлеб и быка.

Сёмка, срубивший несколько деревьев, получает имя Даярама.

Вместо Заволжья, куда уходит на новые места Пахом, Матура отправляется в Пенджаб.

Пахом «до Самары плыл по Волге вниз на пароходе, потом пеший верст 400 прошел». У Прем Чанда: «В то время железных дорог не было. С трудом пройдя пешком 300 миль, он прибыл туда».

Пахом из-за Волги идет в башкирские земли; Матура — в Гуджерат.

Подобный же способ пересказа находим и в рассказе «Dayāmaya kī dayā» — «Милосердие милосердого» («Кающийся грешник»).

У Толстого грешник стучится в двери рая; на его стук с ним говорят Петр апостол, пророк Давид, которые его не пускают в рай. Двери рая открывает ему Иоанн богослов.

У Прем Чанда «обличитель» Толстого получает имя Читрагупта. На стук грешника откликаются Йогешвара (Шива), Яжнявалкия, Будда и наконец Кришна.

Подобно тому, как Толстовский грешник вспоминает о земной жизни

святых, грешник Прем Чанда говорит о жизни Йогешвары, Будды и Кришны.

Примером сильно измененного рассказа может служить «Бог в любви» («Prem meṅ paramēçvar»), соответствующий рассказу «Где любовь, там и бог».

Здесь не только изменены личные собственные имена и география Толстого, но и весь рассказ переработан заново. Вместо сапожника является торговец (baniya), очевидно, потому, что сапожник, как лицо очень низкой касты, не может по индийским понятиям читать священную книгу Рамаяну, которой заменено евангелие. Введение торговца вместо сапожника заставило Прем Чанда сочинить новое начало.

Толстой.	Прем Чанд.
«Где любовь там и бог».	«Бог в любви».
Жил в городе сапожник Мартын Авдеич.	В одной деревне жил торговец по имени Мурат.
Жил он в подвале в горенке об одном окне. Окно было на улицу. В окно видно было, как проходили люди; хоть видны были только ноги, но Мартын Авдеич по сапогам узнавал людей. Мартын Авдеич жил давно на одном месте, и знакомства у него было много.	На улице была у него небольшая лавочка. Много времени прошло, как он жил там; поэтому он прекрасно знал всех тамошних жителей.
Работал Авдеич прочно, товар ставил хороший, лишнего не брал и слово держал. Если может к сроку сделать — возьмется, а если нет, так и обманывать не станет, вперед говорит.	Он никогда не обвешивал ни на один dhel[1] и не продавал очищенного коровьего масла (ghī), смешанного с растительным. Если товар был не хорош, то откровенно говорил об этом покупателю, не вводил в обман.
(У Авдеича после смерти других детей остался мальчик).	
...Только подрос мальчик, стал отцу помогать, только бы на него радоваться, напала на Капитошку болезнь, слег мальчик, погорел недельку и помер	...Вырос, и в возрасте двадцати лет и этот мальчик отправился в мир Ямы.[2]

[1] Dhel — $^1/_4$ копейки.

[2] Яма — бог смерти.

...И вот зашел к Авдеичу от Троицы земляк старичек — восьмой уж год странствовал.

...Однажды зашел к нему в гости его старый друг, который восемь лет ходил по святым местам (tīrtha-yātra).

(Старик сказал, что нужно жить для бога). Мартын говорит:

(Друг советует Мурату мужаться, полагаясь на бога).

«А как же для бога жить то?» И сказал старичек: «А жить как для бога, то нам Христос показал. Ты грамоте знаешь? Купи евангелие и читай, там узнаешь, как для бога жить. Там все показано».

Мурат. Благоволите указать средство для укрепления души.

Друг. Неустанно слушайте, читайте, размышляйте о Багавадгите, Бактамала и других книгах. Приступите к изучению книг, которые дадут четверной плод: благое, полезное, приятное и спасение (dharma, artha, kāma, mokṣa).

Мартын читает евангелие от Луки, главу VI. У Прем Чанда Мурат читает «Рамаяну», при чем содержание стихов, конечно, значительно отличается от евангельских. После чтения Мурат ожидает не Христа, а Кришначандру.

Несмотря на то, что действие происходит повидимому в Центральной Индии, снег сохранен, только расчищает его не Степаныч, а кули, старый Лалу.

Лалу, в ответ на ожидания Мурата, говорит: «Если ты любишь господа, то он непременно покажется», — меж тем как Степаныч только слушает.

Как и у Толстого после Степаныча, Мурат после Лалу видит проходящих солдат.

Вместо «в чищеных калошах хозяин из соседнего дома...» — «пришел какой-то крестьянин».

Булочник (roṭivālā) сохранен.

Проходит женщина; но у Прем Чанда ее ребенок не плачет, они только оба прозябли.

Вместо обеда, который предлагает Авдеич женщине, Мурат дает сладости ребенку.

Вся сцена, как сапожник забавляет ребенка, у Прем Чанда выпущена.

У Толстого старуха торговка несет лукошко с яблоками, а через плечо держит мешок щепок. У Прем Чанда торговка несет на голове корзину с яблоками, а на спине мешок с зерном.

Толстой говорит, что Авдеич рассказал старухе притчу о том, как хозяин простил оброчнику весь долг. У Прем Чанда приводится вся притча.

Таким образом, «Talsṭay kī kahāniyāṅ» не есть перевод, а свободная переделка рассказов Толстого. Впрочем, и само слово «sampādak», как назвал себя Прем Чанд, означает скорее переделыватель, чем переводчик.

Для перевода выбраны именно те произведения, которые легче всего поддаются обработке; в переделке Прем Чанда они приобретают вполне индийский характер, и издатель совершенно прав, говоря, что рассказы представляются произведениями самого Прем Чанда.

Для индуизирования Прем Чанд пользуется следующими приемами.

Все русские имена лиц заменены индийскими, равным образом и географические. Кроме указанных примеров, приведем еще несколько мест:

В сказке «Сумант дурак» (Sumant murkh), соответствующей «Сказке об Иване Дураке» Толстого, три брата — Семен, Тарас и Иван обращаются в Виджай (Vijay), Тара (Tara) и Сумантa (Sumant). Так как действие сказки перенесено в Индию, то вместо похода Семена «против индейского царя» Виджай отправляется против царя Цейлона (Laṅka), в другом контексте против Майсурского раджи.

В рассказе «Милосердый» («Kṣamadān») — «Бог правду видит, да не скоро скажет», вместо купца Аксенова, живущего во Владимире, купец Bhagīrath живет в Дэли.

В рассказе «Дорогой товар» (Mahaṅgā saudā) — «Дорого стоит» — вместо Монако, расположенного «между Францией и Италией, на берегу Средиземного моря», представлено маленькое государство в Индии — Майпури.

Вместо «Кавказского пленника» у Прем Чанда «Раджпут пленник» (Rājput qaidi); при этом изображается война между раджпутами и маратами.

В рассказе «Два старика» (Do vriddh purush) вместо Ефима Тарасыча Шевелева — Арджун (Arjun), а вместо Елисея Бодрова — Мохан (Mohan). Арджун и Мохан, как индусы, идут молиться не в Иерусалим, а в Бадринараяну (Badrīnārāyana); они проходят не через Украину (Хохлатчину), а через страну горцев (pahāṛī), а на пути Арджун проходит не через Одессу, а через «Devaprayāg»; вместо Афона является «jagannath».

Только в одном рассказе — «Суратская кофейня» (Sūrat kā chāykhānā) сохранена география, но Прем Чанд уточнил ее, указав, что г. Сурат лежит в Бомбейской провинции.

Далее, Прем Чандом вытравлены все черты, которые связывают произведения с русским бытом; так, действующие лица являются не христианами, а индуистами; евангелие заменено «Рамаяной» Tulsi Das'a,

Bhaktamālā и другими; вместо Христа и христианских святых являются махатмы и Кришна. Праздники — не христианские, а индийские. Умирая, идут в Ямалок (царство Ямы).

Вместо исправника выступает «karmacārī»; крестьяне пашут не лошадьми, а быками и т. д.

Стремление индуизировать рассказ заставляет иногда изменять довольно существенные детали. Основная идея, однако, в каждом рассказе сохранена, равным образом сохранены и главные моменты развития сюжета.

Многочисленные английские переводчики Толстого сохраняют в своих переводах по возможности весь русский колорит; все же своеобразные изменения внесены несомненно самим Прем Чандом.

Прем Чанд видел главные достоинства рассказов Толстого в возвышенных идеях и простоте языка, доступного крестьянам (русским, конечно). Стремясь передать эти идеи на языке, столь же доступном индийскому крестьянину, он и ввел значительные местные изменения и выполнил свою задачу с большим успехом. Местная пресса совершенно права, говоря в отзывах о «Рассказах», что «знаменитый Прем Чанд сообщил им такую прелесть и простоту, что их можно принять за его собственные произведения».

Сказки и рассказы Л. Толстого особенного популярны среди свараджистской интеллигенции, т. е. тех очень многочисленных кругов ее, которые стремятся к политической независимости Индии (svarāj). Помимо моральных идей Толстого, которые для индусов, как отмечено, вовсе не являются новостью, свараджистов привлекают его анархические идеи, отрицание государства. Свараджисты стремятся использовать их в своей борьбе за освобождение от иностранного владычества.

По этой причине представители индийского правительства рассматривают «Сказки и рассказы Л. Толстого» как книжку крамольную. Не безынтересно отметить, что в одной сцене драмы Прем Чанда Saṃgrām («Борьба») полиция, производящая обыск у одного свараджиста заминдара, арестовывает его именно за наличие в его библиотеке рассказов Л. Толстого.[1]

Не лишено вероятия, что идеи Толстого оказали влияние на то, в какой форме выразилась борьба Индии с англичанами в последние годы. Хотя в настоящее время трудно говорить об этом с полной уверенностью, однако тот факт, что вождь освободительного движения Ганди и его ближайшие сотрудники являются последователями Толстого не только на словах, но и

[1] प्रेमचन्द । सँग्राम । कलकत्ता १९७९ стр. 192.

в своих действиях, а также то, что борьба, по крайней мере на своих первоначальных этапах, протекала именно в форме «несотрудничества, не содружества» (asahāyog), сообщает значительную долю вероятности высказанному предположению.[1]

Во всяком случае постановления национального конгресса, которыми было начато несотрудничество, совершенно в Толстовском духе.

Ганди, в противоположность другим группам свараджистской партии, в своей брошюре Kāngres,[2] где он разъяснял смысл принятых постановлений конгресса, придает политической борьбе моральный характер, рассматривает ее как своеобразное нравственно-религиозное дело.

В своих речах в различных концах Индии он всемерно высказывается против применения оружия, так как по его мнению святое дело освобождения страны не должно быть загрязнено пролитием крови. Он не желает свараджа, если со злом, стоящим на пути к нему, нужно бороться при помощи подобного же зла. Для него неприемлема сильная независимая Индия, базирующаяся на тех же основах, что и империалистические державы; он жаждет видеть в Индии сварадж, основанный исключительно на нравственных принципах. Об этом пишет он в многочисленных статьях и брошюрах. Этим же настроением проникнуты следующие ему писатели, среди которых первое место занимает Прем Чанд, близко стоящий к Ганди.

Знаменательно, что Прем Чанд работал над переделкой сказок и рассказов Толстого именно в период несодружества Индии с англо-индийским правительством, и что Ṭalsṭāy kī kahāniyāṅ вышли в серии книжек, популяризировавших идеи несодружества (asahāyog). **А. Баранников.**

26. St. Kramrisch. Grundzüge der indischen Kunst. Avalun-Verlag in Hellerau bei Dresden (1924). Pp. 141+Tfl. 48. in fol.

Книга Стеллы Крамриш принадлежит отчасти к числу нередких теперь, рассуждающих об индийском искусстве книг. До известной степени они нужны, потому что возбуждают широкий интерес к искусству. Притом Ст. Крамриш отличается чрезвычайно выгодно от авторов подобных книг тем, что ей доступны первоисточники, и тем, что она знает Индию на месте. Книга делится на ряд неравных по значению глав: 1. Введение, 2. Миф и форма, 3. Природа, 4. Пространство, 5. Ритм, 6. Моменты последовательного развития, 7. Описание таблиц. Приложение: Библиография, Указатель, Перечень таблиц, Хронология таблиц, Таблицы.

---

[1] То же самое доказывается в книге P. Birukoff, Tolstoï u. der Orient. Zürich-Leipzig (1925). [Сообщение С. Ф. Ольденбурга].

[2] महात्मा गान्धी । कांग्रेस । कलकत्ता १९७८ стр. 3.

Главы до пятой включительно заключают в себе много субъективного и чрезвычайно поэтому спорного, хотя в них есть и ряд тонких замечаний, свидетельствующих о широком знакомстве с подлинниками. Глава шестая дает очень недурное представление о постепенном развитии индийского искусства. Описание таблиц очень хорошо и дает много ценного, непонятен только порядок самих таблиц, в общем со вкусом и знанием подобранных. Хронологический перечень памятников на таблицах очень полезен для ориентировки.

Таблицы воспроизведены в общем очень хорошо, кроме касающихся Аджанты и Эллоры, которые передают увеличенные и потому неясные фотографические снимки; между тем прекрасные снимки этих пещер легко доступны.

Книга несомненно полезная, может быть желательна некоторая фактическая переработка первых пяти глав, в сторону большей объективности.

С. О.

27. Examples of Indian Sculpture at the British Museum. Twelve Collotype Plates selected by **Laurence Binyon** with an Introduction and a foreward by **Sir Hercules Read**. (1923). The Indian Society London. Pp. 12+12 pl. in 4°.

Прекрасная мысль руководила издателями этой небольшой книги. Но выбор всегда субъективен в подобных изданиях и мы хотели бы возразить против присутствия одних и отсутствия других памятников.

Так III, база колонны, не представляет особенного интереса, также как могла бы быть опущена одна из двух фигур в V, потому что они однотипны; совершенно лишней нам кажется деталь VIII, к VII, так как на общей таблице эта деталь, хотя и меньшего размера, гораздо отчетливее видна. На освободившиеся места можно было бы поместить рельефы из Amarāvatī, отсутствие которых непонятно. Может быть у места была бы и яванская бронза. По отношению к некоторым определениям мы хотели бы сделать небольшие замечания. Вряд ли можно отнести женские фигуры (V), предположительно из Mathura, к V—VII вв.; мы считали их более поздними, судя по обостренным деталям лица и очень схематическим ногам. Сидящую фигуру Pattinī, V (в Parvītī—ī долгое, верно, опечатка) мы считали бы древнее XV века; она явно возникла из известного широко распространенного изображения Avalokiteçvara. Avalokiteçvara на XI таблице, вероятно, изображен на Potala, на что указывают скалы под лотосом, предположение это уже ранее было высказано А. К. Кумāрасвāми.

Примечание «Siva in a beneficient form» нам непонятно. Происхождение этой статуетки, к сожалению, неопределенно; мы бы склонны считать ее средне- или северо-индийской работы.

Желательно, чтобы прекрасному примеру Л. Биньона последовали многие музеи, каталоги которых появятся может быть разве через пятьдесят лет. **С. О.**

28. L. Binyon. Asiatic Art in the British Museum (sculpture and painting). Paris and Brussels. (1925). Pp. 74+pl. 64 in fol.

Продолжая начатое им в разобранной здесь выше книжке дело опубликования восточных памятников искусства в Британском Музее, Л. Биньон дал нам в высокой степени полезную книгу.

Образцовое «Введение» дает краткую историю коллекций и касается некоторых существеннейших вопросов музейного дела и изучения восточного искусства, на которых необходимо ближе остановиться.

Как ни велик в настоящее время интерес к искусству Востока, однако, ни в одном из главных городов Европы нет восточного музея, и только Кельн посвятил восточному искусству специальный музей. Лондон при громадном количестве восточных коллекций не имеет специально восточного музея, и Биньон прав, когда жалуется на несколько странное распределение восточных материалов в Британском Музее. Распределение это невольно поразит всякого, кто пожелает заняться изучением какой нибудь серии или группы предметов. К этому любопытному вопросу об английских, специально лондонских музеях я вернусь в другом месте.

По поводу изучения восточного искусства Биньон справедливо предостерегает исследователей от слишком поспешных обобщений: мы еще слишком мало знаем искусство многих стран Востока, чтобы иметь право делать обобщения; нам нужно детальное изучение громадных материалов, которыми мы располагаем и которые очень еще мало разобраны. Биньон, издавая свою книгу, желал этим показать пример другим. Особенно это желательно по отношению к лондонским музеям с их громадными богатствами, слишком еще мало вошедшими в общий научный обиход. Но пример Биньона поучителен и для нас. Надо, чтобы нашим музеям была дана возможность издавать подобные книги, а то мы видим, что сплошь и рядом специалисты, не зная наших коллекций, приходят к неправильным выводам. Подобные книги раскупаются, значит в значительной мере и окупаются.

С. О.

29. E. Waldschmidt. Gandhara Kutscha Turfan. Eine Einführung in die frühmittelalterliche Kunst Zentralasiens. Mit 119 Abbildungen und Karte auf 16 Tafeln und im Text. Leipzig (1925). Pp. 115 in 8°.

Настоящая книжка имеет целью ввести читателя в изучение искусства Восточного Туркестана в раннем средневековьи и познакомить нас с соответствующими коллекциями Берлинского Этнографического Музея. Трудно было лучше выполнить эти две задачи: мы смело решаемся назвать книжку в этом отношении образцовой.

Мы уверены, что книга скоро потребует нового издания и потому позволим себе несколько замечаний. Прежде всего название: речь идет не о всей Средней Азии, так напр., совершенно не затронут материал Западного Туркестана. Думается затем, что автор односторонне посмотрел на дело, говоря только о Гандхаре и ее влиянии. Индийское искусство непосредственно перед Гупта, во время этой династии, и некоторое время спустя имело значительно большее влияние на Среднюю Азию, на Восточный Туркестан и даже Китай, чем Гандхара. Необходимо было сказать об этом искусстве.

Так еще слабо пока изучено искусство Туркестана, что немного рискованно говорить очень определенно о стилях и о распределении по местностям. Вопрос о том, где искать Хинаяну и Махаяну, тоже спорный. Напр., автор, видимо, не знает многоголовых будд в Кумтуре, которые изображены в Отчете о моей экспедиции 1909—1910 гг., также как недостаточно им принят во внимание Шикшин (Шорчук Грюнведеля и Лекока) с его живописью и скульптурой. Также целый ряд вопросов техники фресок остался автору неизвестным. Ему необходимо ознакомиться с материалом не одних только немецких экспедиций.

По отношению к снимкам мы бы хотели посоветовать автору не пользоваться рисунками, которые, в общем, вполне удовлетворительны для выяснения композиций, но не дают достаточно точного представления о стиле и манере письма.

Эти чисто фактические замечания нисколько не имеют ввиду умалить большие достоинства книги д-ра Вальдшмидта, которую мы горячо рекомендуем специалистам и не специалистам. **С. О.**

30. N. J. Krom. Inleiding tot de Hindoe-Javaansche Kunst. Tweede, herziene druck mit 112 platen en kaarten. —'s Gravenhage. Martinus Nijhoff. (1923). Pp. XV + 490 + VIII + 491 + 111 pl. + ненумерованная карта древностей центра и восточной части Явы.

Книга Н. Крома является новым свидетельством того, как много делается голландцами для исследования Индонезии, столь важной для

понимания влияний индийской культуры. При этом работа ведется высоко компетентными людьми, которым предоставляется возможность печатать свои труды своевременно и хорошо. Из трех томов два отданы тексту, третий заключает таблицы, планы и карты.

Богатство содержания чрезвычайно велико и подробный разбор потребовал бы слишком много места. Из двадцати четырех больших глав книги первая посвящена истории археологического и историко-художественного изучения памятников, вторая дает историю Явы в индийское время, с обозрением источников, третья говорит о религиях — брахманизме и буддизме, четвертая касается до-исторических древностей полинезийских и дает известный общий историко-художественный обзор, главы от пятой до двадцать третьей посвящены отдельным памятникам, наконец двадцать четвертая говорит о памятниках из металла и дает общее заключение. В конце соответствующих глав тщательно подобранная литература предмета. Автор, указывая на зависимость яванского искусства от Индии, подчеркивает его единство и своеобразность.

О своей книге автор с удивительной скромностью говорит, что при современном знании индонезийского искусства он не может смотреть на нее, как на руководство. Если даже и согласиться с этой исключительно скромной оценкой, то мы должны всетаки признать, что ни одна область индийского искусства не имеет еще подобного критического обзора памятников и что хорошо было бы, если бы в Индии пример Н. Крома нашел себе подражателей, подобные обзоры больше всего продвигают настоящее изучение памятников искусства.

Относительно атласа, с его прекрасными в общем снимками, можно было бы пожелать несколько больших размеров, так напр., собрание интереснейших бронзовых статуеток из Ngandjoek (табл. 109) настоятельно требует больших снимков. Точно также было бы желательно подробное описание таблиц, так как многие памятники еще не изданы. Конечно, эти замечания ничем не уменьшают громадные достоинства книги.

С. О.

31. Ananda **K. Coomaraswamy.** Catalogue of the Indian Collection in the Museum of fine Arts, Boston. Boston 1923. Parts I and II, pp. VII + + 149 + LXXXVI pl. in 4°. P. I. General Introduction. Part. II. Sculpture. (BM 7875 f. 35).

32. Id. Pour comprendre l'art Hindou. Traduction de **Jean Buhot** avec tableau chronologique, index et bibliographie sommaire autorisée par les Trustees du Musée de Boston et revue par l'auteur. Illustrée de repro-

ductions hors texte et de dessins dans le texte. Edition Bossard. Paris 1926. Pp. 176 + pl. XVI in 16°.

33. Ananda **K. Coomaraswamy.** Introduction to Indian Art containing thirty four illustrations. Adyar Madras. 1923. Pp. XI + 141.

А. К. Кума̄расва̄ми принадлежит громадная заслуга возбуждения широкого интереса к индийскому искусству. Его многочисленные изящные издания, обилие нового опубликованного им материала, исключительный энтузиазм, с которым он работает, и редкое уменье заинтересовать своим предметом, справедливо поставили его в первые ряды новых исследователей индийского искусства. Серьезному изучению индийского искусства в сколько-нибудь значительном масштабе нет еще и полустолетия, причем первые десятилетия оно не выходило из узкого круга специалистов. Этим естественно суживалось и количество известных памятников, которые появляются в доступных местах в значительном количестве только тогда, когда на фоне общего интереса выделяются частные собиратели-любители. Интерес любителя обыкновенно эстетический, а у его поставщиков — материальный. Среди этого любительства, среди эстетизирования, зарождается, наконец, и настоящее изучение с научными подходами, которым на первых порах очень помогают и любители-эстеты своим художественным чутьем. Здесь же появляется и национальный энтузиазм, полезный для того же выявления материала на местах. Он полезен и тем, что показывает нам точку зрения потомков тех людей, которые создавали изучаемые нами памятники. Все эти элементы чрезвычайно нужны для исследования, и ими, к сожалению, нередко пренебрегают специалисты. Так и по отношению к работам А. К. Кума̄расва̄ми мы встречаем очень часто слишком критическое отношение, вызванное его чрезмерно националистическим взглядом на вещи. Этот националистический взгляд проходит красной нитью и сквозь разбираемые нами книги. Достаточно указать, что А. К. Кума̄расва̄ми не подвергает рассмотрению памятников гандхарских, считая их произведениями не индийского, а провинциального — эллинистического искусства, и даже почти отрицая влияние Гандхары на Индию. Такое отношение, несомненно, вредно отзывается на научной объективности, недостаток которой вообще чувствуется в отношении нашего автора к индийским вещам. Он стремится все слишком обособить и не хочет видеть общечеловеческих элементов и в индийском мышлении и в индийском искусстве. Раньше, в прежних своих трудах, он смотрел на все гораздо шире.

Как вообще все издания А. К. Кума̄расва̄ми, и разбираемые здесь чрезвычайно полезны и содержательны. Французское издание представляет

измененный несколько и дополненный перевод (просмотренный автором) введения в Бостонский каталог и снабжен рядом хороших снимков. Книга эта в общем отвечает ощущаемой всеми потребности во введении в индийское искусство и вместе с «Введением», другою книгою того же автора, здесь же разбираемой, является ценным приобретением и будет читаться до того времени, пока мы не получим другого «Введения», составленного на более фактической базе и говорящего об индийском искусстве менее обособленно. С точки зрения такого Введения мы и разберем три книги нашего автора, причем коснемся в конце особо Бостонского каталога.

Мы разойдемся с автором прежде всего в общей постановке вопроса, так как никак не можем согласиться с той почти исключительно религиозной ролью, которую он отводит индийскому искусству, допуская в нем в весьма малой мере светский элемент и усиленно стремясь видеть всюду один символизм. Правда, он оговаривается и упоминает об эстетике светского искусства, как ее нам передает комментарий на знаменитый учебник любви Kāmasūtra, но он не делает попытки собрать и обобщить богатый материал, который дает об искусстве индийская литература. Не может быть сомнения в том, что индийское искуство вовсе не так обособлено, как того хочет автор. Ведь он сам не отрицает иранских влияний и, если бы не его чрезмерно националистическое отношение к материалу, он не смог бы отрицать и широкого влияния эллинистического искусства. Пойдем дальше; чем больше мы изучаем искусство Средней Азии и Дальнего Востока, связь которого с индийским общеизвестна, тем больше придется думать о том, что Индия была не только дающей, но и воспринимающей страной: детальное изучение индийских памятников покажет нам и китайское влияние в них. Раскопки, показавшие глубокую связь между Индией и Передней Азией в чрезвычайно раннее время, готовят нам, может быть, и другие неожиданности. Во всяком случае несомненно одно, что говорить об обособленности Индии не приходится. Тем более непонятно, почему А. К. Кумāрасвāми хочет так обособить Индию? Ведь широкое общение и способность к восприниманию чужого только свидетельствуют о богатстве и силе культуры: обособляется тот, кто боится потерять то немногое, что у него есть, по его мненью, своего. И без того чисто индийские элементы играют очень большую роль в искусстве Индии.

Нельзя также, как того хочет А. К. Кумāрасвāми, считать индийское изобразительное искусство как бы безимянным; мы очень еще мало знаем и различаем художественные школы, но мы знаем, что они были, знаем и имена отдельных мастеров, сам А. К. Кумāрасвāми ссылается на Таранату, который называет художников, мы знаем по надписям разных

скульпторов и вообще художников citrakara. Мы вряд ли, конечно, сможем установить имена многих великих мастеров, создавших замечательные памятники искусства, но некоторых мы, наверное, вызовем из забвенья.

Чем больше мы изучаем индийское искусство, тем больше мы убеждаемся в его общечеловечности и в том, что законы его развития напоминают нам развитие искусства в других странах. Мы, к сожалению, совершенно недостаточно знакомы с индийскими теориями искусства, хотя материал для этого большой; но эти источники не изданы почти, не переведены и совершенно не обработаны настоящим образом. Все рассуждения в этой области основаны на случайных выдержках и не менее случайных сопоставлениях. Технический язык тоже еще не достаточно известен.

Не достаточно также пока выяснен вопрос об отдельных местных школах и мы постоянно видим, что предмет, найденный в какой-нибудь местности, без достаточной проверки считается произведением данной местности. Между тем ясно, что произведения искусства или предметы культа перевозились и привозились даже издалека. А. К. Кумāрасвāми в своих работах слишком мало принимает это во внимание. Это, напр., очень чувствуется по отношению к цейлонским бронзам.

Каталог — описание скульптур в Бостонском Музее — надо приветствовать самым горячим образом. У нас пока очень мало таких каталогов, их отсутствие замедляет обобщающую работу и часто делает ее совершенно невозможной. Каталог очень обстоятельный, постоянно приводятся, где возможно, ссылки на соответствующую литературу. С вопросом датировки, пока еще во многих отношениях очень нам неясной, автор в общем поступает очень осторожно, предпослав к тому же полезное введение «History of Indian sculpture». Придется только оставить под вопросом предположение о том, что мы имеем статуи царей V и VI вв. до нашей эры. Доказательства столь ранних дат пока кажутся неубедительными. Неясна нам также с точностью датировка превосходных статуеток из камня и металла по преимуществу из центральной Индии и частью из Бенгала, которые во многом столь близки статуям периода Гупта. Здесь еще нужна большая работа над обильным, особенно в Индии, материалом, очень часто датированным. Думается, что можно было бы сравнительно быстро придти к надежным выводам. Ранние статуи центральной Индии повлияли на Среднюю Азию, более поздние на Непал и Тибет. Большое собрание средневековых индийских скульптур в Берлине и меньшее, но интересное в Британском Музее ждут своего описания.

Интересно собрание статуеток, по большей части джайнских, с надписями XIV—XVI вв. К сожалению большинство подобных статуеток (их

есть несколько в Ленинграде и вообще в России, найденных при случайных раскопках, с более ранними надписями) плохо сохранилось и потому их точная датировка только до некоторой степени помогает нам.

Интересный каталог А. К. Кумāрасвāми мог бы дать повод еще к целому ряду замечаний благодаря его большой содержательности и обстоятельности описаний, но мы пока выскажем здесь только пожелание, чтобы при переиздании были прибавлены указатели: мест происхождения вещей и датировок. Такие указатели очень ценны для исследователя.

С. О.

34. A. v. Le Coq. Das Lī-Kitābī (= Kőrösi Csoma-Archivum, I, 1925, p. 439—480. Hannover).

35. Id. Osttürkische Gedichte und Erzählungen (= Keleti Szemle, XVIII, 1918—1919, p. 50—118. Budapest).

В 1902 г. проф. Н. Ф. Катанов напечатал «Манчжурско-китайский «ли» на наречии тюрков Китайского Туркестана» (см. ЗВО, XIV, стр. 31—75).[1]

В 1925 г. это же «уложение» для населения Восточного Туркестана в издании (турецкий текст латинскими буквами) и переводе (немецк.) А. Лекока появилось в туркологическом журнале KCsA. К сожалению А. Лекок поздно узнал (p. 440), при конце уже своей работы, через проф. W. Bang'а о вышеприведенной статье Н. Ф. Катанова.

А. Лекок при своем переводе исходил не только из турецкого текста, но и из его источника — китайского текста. Имея теперь новый перевод этого «ли», исполненный при содействии китаиста проф. Haenisch'а, становятся понятны некоторые «забавные недоразумения» (p. 440), допущенные Н. Ф. Катановым, который пользовался только толкованиями туземцев-турков (стр. 32). Но и перевод А. Лекока в некоторых случаях, вне помощи китаиста, оставаясь только в области туркологической, все же не безупречен; причина — искусственный, неправильный с точки зрения турецкого синтаксиса, плохой турецкий язык этого (китайского) уложения.

Строч. 286: «qaraqčī ja ōγrī kälsä hämä qa°wālaššun» А. Лекок переводит: Sollen Sie auch alle mitverfolgen (p. 450), — очевидно, принимая qa°wala — за глагол قوغالامق — قوولامق преследовать, гнать (см.

---

[1] Предварительное сообщение он напечатал об этом «ли» еще в 1893 г., см. Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Вост. Туркестана. Прилож. к LXXIII т. Зап. Имп. Академии Наук, № 8, СПБ., стр. 64—66.

Словарь В. В. Радлова [RW] II, 665: Osm., Krm.), но, ведь, этот глагол преследовать в восточно-турк. наречиях будет qoγla — (см. хотя бы Eastern Turki Grammar, Part III: Vocabulary by G. Raquette),[1] тогда как здесь qa°wala — значит «окружать, осаждать», сравн. джаг. قاپالى (RW. II, 444, 480). Вместо «suzluq (sutluq? ستلوق) qylyp (строч. 391—392) Wenn jemand Schlafheit treibend», — я бы предпочел текст и перевод Н. Ф. Катанова (стр. 39,7 и 62; сравн. 41,19 и 64) بتلوق قيليب отдав (землю) под кумирню. Нельзя ли неизвестное А. Лекоку слово mäγat сблизить с арабск. مِنْقاد нить с бусами (как амулет) на шее ребенка? У Н. Ф. Катанова стоит صاپاق sapaq (стр. 40), что он и переводит через «серьги» (стран. 52).

Стр. 459 (строч. 578—579): «kōčä jäqyp» auf die Strasse gehend (сравн. строч. 590); по Катанову это будет (стр. 41,25; 42,1 и 65) «освещая улицу». Я предполагаю здесь, если бы тому не препятствовал китайский текст, что kōčä значит «курительная свеча» (сравн. буд.-уйгурск. küzi,küsi, монг. küži), и весь перевод будет (сравн. у Лекока стр. 590): если нарисует изображение (богини) Пу-са (бодисатва), повесит его в своем доме и, собравши вечером народ, будет *возжигать курительные свечи* . . ., (то такого человека умерщвляют удушением [повешением]).

Во фразе «bir ēγiz (اغيز) öijini qōšup (строч. 776 — 777) — ein. . . .[2] «Haus» (chines. Flächenmaass), so giebt. . . . или по Катанову: кто возьмет в собственность одно помещение (стр. 68) — к слову اغيز (и öi) я мог бы привести еще из наречия желт. уйгуров aχs, aχy̆s мера длины (напр. при покупке материи).

Вместо фразы يامونلاغى آدم (у Катанова, стр. 49,7 и 73) «если полицейские люди». . . ., у А. Лекока имеется (строч. 1078, сравн. 1057): jā mundaq ādam. . . oder wenn ein solcher Mensch; причем, ввиду непонятности, так как выше ни о каких «таких» людях речь не шла, Лекоку пришлось в скобках после слова Mensch прибавить еще: Streuereinzieher. Я отдаю преимущество тексту и переводу Н. Ф. Катанова.

Двойное слово jäl jemiš (плоды, овощи) очень употребительно в Туркестане, и незачем тут после jäl ставить знак вопроса (строч. 403).

Весь текст «ли» в издании Лекока представляет из себя точную фонетическую запись под диктовку турфанца.

---

[1] Mitteil. d. Sem. f. Orient. Sprachen. Jahr. XVII. Zweite Abt. Westas. Stud., 1914, p. 218.

[2] Точки стоят у A. v. Le Coq'a.

В «Osttürk. Gedichte und Erzählungen» A. v. Le Coq дает тексты на трех наречиях: кучарском (р. 52—78), хамийском и турфанском. С появлением записей на кучарском наречии, каковых до сих пор не было,[1] изучение восточно-туркестанских наречий, хотя бы в первоначальной стадии, можно считать завершенным.[2]

Кучарское наречие, как видно, не представляет в ряду других турецких наречий Вост. Туркестана каких либо крупных особенностей, как бы незначителен и нейтрально-книжен ни был текст, представленный здесь А. Лекоком. По своему содержанию интересны у А. Лекока хамийские тексты; в них много ценных сведений этнографических, географических и экономических по хамийскому оазису, о событиях в 60-х и 70-х годах прошлого (XIX) столетия: о дунганском восстании, об участии в нем хамийцев, о войнах Якуб-бека, о его смерти[3] (р. 95) и проч.

Заслуги А. Лекока в деле изучения Восточного Туркестана весьма почтенны..., приходится пожалеть, что результаты выполненного в 1890-92 гг. путешествия Н. Ф. Катанова по Восточному Туркестану мало известны, а собранный им богатый лингвистический материал так и остается неопубликованным. **С. Малов.**

1926.

36. Dr. Robert Pelissier. Mischär-tatarische Sprachproben, gesammelt im Nordosten des Bezirks Tjèmnikov des Gouvernements Tambov im Herbst 1912. (Abhandl. d. Preuss. Akademie d. Wiss. Jahrgang 1918. Phil.-Hist. Klasse. Nr. 18). Berlin, 1919. [XII + 47; 4°].

R. Pelissier в 1911-12 гг. был в восточных губерниях европейской России с целью изучения в лингвистическом и этнографическом отношениях вотяков, пермяков, мордвы и татар. R. Pelissier предполагал совершить и вторую поездку к нам из Германии, для чего им был выработан детальный научный план. Разразившаяся в 1914 г. европейская война помешала его планам: R. Pelissier был убит во время штурма при Fontenoy на реке Aisne 13 сентября 1914 г.

Научные его материалы частью также погибли, а частью поступили на рассмотрение к специалистам: татарские тесты — к проф. W. Bang'у, а

[1] Нет сведений по кучарскому наречию и в Опыте исслед. урянх. языка Н. Ф. Катанова (Казань, 1903); сравн. кое где замечания в Čagataisches von M. Hartmann (Heidelberg, 1902).

[2] С. Е. Малов, Изучение живых турецких наречий Западного Китая (см. Зап. ЛИЖВЯ, т. I, Ленинград).

[3] Ср. Н. И. Веселовский, Бадаулет Якуб-Бек, аталык Кашгарский, см. ЗВО, т. XI, стр. 87 и след.

мордовские — к проф. Jakobsohn'у, (Marburg) и к проф. Paasonen'у (Helsingfors); фонографические валики теперь хранятся в Психологическом Институте в Берлине, они содержат рассказы, песни с мелодиями, сказки, заговоры, беседы различного содержания, главным образом на пермяцком и татарском языках.[1]

Mischär-tatarische Sprachproben являются посмертным изданием, и над появлением его в свет приложили свои заботы и старания W. Schulze, W. Bang, снабдившие этот труд своими предисловиями, и Elsa Sacharko.

По мишарскому наречию Тамбовской губ. у нас, насколько мне известно, никаких сведений в литературе не имелось, а потому труд этот тем самым уже имеет свое значение.

Тексты здесь записаны русскими буквами (с добавлением некоторых латинских),[2] по содержанию представляют небольшие рассказы этнографические и исторические: рождение, наречение имени, обрезание, свадьба, погребение, поминки, сельское хозяйство, местные легенды и предания и др.[3]

Проф. В. Бангом, в его предисловии, уже указаны особенности данного мишарского наречия и некоторые сомнительные и ошибочные места в сочинении R. Pelissier. С своей стороны мне хотелось бы отметить следующее.

В мишарском говоре Темниковского уезда Тамбовской губ. имеется *j* в начале слов (= џ, ǯ, ج каз.-татарск. языка), имеются только *k* и *g* без звуков заднего ряда *q* и *γ*, — как в большинстве случаев у мишарей и других местностей; наоборот, — нет звука *c* (= рус. ц), вместо чего татарское *č* (ج); в очень малой степени здесь замечается выпадение *g* или замена его через *j* (стр. X и 24: *jitmišä* семидесяти, *izjelär* святые, *üljänne* умершего;[4] окончание род. п. *-nyn*, *-nen*, (а не *-nyη*, *-neη*); встречается у тамбовских мишарей, как и у татар христиан Казанской губ., сокращение супина (причастие буд. вр. в дательн. пад.), *-γa* от глагольных основ,

---

[1] См. Robert Pelissier [некролог]. Kőrösi Csoma-Archivum I, 317—319.

[2] Эти добавления (*j*, *l*, *u*, *ŭ*, *ɛ* и ъ — в значении «а» не полного образования) — сильно затрудняют чтение своеобразного русско-латинского алфавита, и я здесь (в примерах) все передаю алфавитом (латинским), принятым в журн. Keleti Szemle.

[3] Ср. подобного же типа рассказы в соч. W. Pröhle, Balkarische Studien. Kel. Szemle XVI (1915—1916), 121—130.

[4] Ср. к этому почти полное сведéние на нет задне-язычной артикуляции (*k*, *g*, *γ*, *η*) в касимовском диалекте, см. Dr. W. Radloff, Phonetik d. Nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, p. 165 и проф. Е. Д. Поливанов, Фонетические особенности Касимовского диалекта. Москва, 1923, стр. 4 (стеклографическ. изд. Института Востоковедения в Москве. Серия турецких языков. Выпуск I).

оканчивающихся на *-r*, напр. *jibergä* (стр. 8, вм. *jiberergä*) послать, *bĕrĕge* (стр. 9, вм. *bererge*) дать.

Внесу некоторые свои поправки.

Слово *bašqyda* (3,9 и 36) хотя и переводится через Freiwerberin, но, по признанию самого автора, оно для него «unklar», и перевод этот сделан им, путем объяснения мишарей, с русского слова «сваха». На самом деле тут ничего неясного нет, здесь имеется два самых обыкновенных слова: *baš* (главная) + *quda* (*qyda*, сваха); *ǯanaza* (стр. 6) значит не только «молитва за умершего, отпевание» (стр. 47), но и «носилки, похоронные дроги», а потому во фразе «*sunga ǯanazadan alyp bazga jib(b)ärälär*» нет нужды удивляться пропуску *soŋ* после первого слова *ǯanazadan* (стран. 30) и переводить надо вм. «Sodann nach dem Dženaza-Gebet nehmend lassen sie (die Leiche) in die Grube hinab» — так: взявши *с носилок*, опускают (покойника) в могилу. К слову *yzbar* (стр. 38), в котором автор готов предполагать слово *yzba* (= русск. изба) с лишне-добавочным *r*, сравн. *abzar* и *azbar* в казанск.-мишарск., крымск., караимск., казацк., каз.-татарск., касимовск., кумыкс., балкарск. нареч. с значением «двор (скотский), хлев, конюшня»,[1] каковое значение совершенно и подходит к переводу данного места (26,21). Слово *tät-*, *tĕt-* не представляет ничего особенного, чтобы его сопровождать знаком вопроса и оставлять без немецкого перевода (стр. 44), — см. تتك, دتك — мельчить, дробить, крошить, тормошить, теребить (шерсть) и др. во многих тур. наречиях (каз.-татарск., джаг., османск., кашгарск., таранч., барабинск. и др.).[2]

Из отдельных слов тамб.-мишарск. наречия отмечу: *čalu* (луг, стр. 37, от *čal-* косить; догадка К. К. Юдахина); *čil* (носилки, стран. 6 и 37); *üräg ajak* (стоймя, стр. 13 и 46).

Кстати, пользуюсь случаем отметить недоразумение у П. А. Фалева (см. его «Старо-османский перевод крымской поэмы»; ЗКВ I, стр. 141) по поводу выражения ایاغن اورو طورمق.

Незнакомством с этим выражением, пишет П. А. Фалев, объясняется неправильное чтение одного стиха в Qutadγu bilig В. В. Радловым  (Q. B. 41,7) или по Каирской рукописи اداقین اورو.

Выражение вполне понятное, но, продолжает П. А. Фалев, В. В. Радлов признал начертание венской рукописи ошибочным и транскрибировал «адаҕын ӧрў» (см. Das Kudatku Bilik, t. II, 1900, стр. 71).

---

[1] Е. А. Малов, Сведения о мишарях. Казань, 1885, стр. 78 (отд. отт. из Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр., т. IV). W. Bang, Vom Köktürk. zum Osmanischen. 4 Mitteilung, p. 8. Berlin, 1921.

[2] Л. Будагов, Словарь I, 342. В. В. Радлов, Словарь III, 1770—1772, 1391. [KCsA I, 6 (A v. Le Coq. Das Lī-Kitābī), p. 453].

Приписывать В. В. Радлову незнакомство с выражением «*örü tur-*» нет никаких оснований; это выражение целиком, — и отдельно слово *örü*, встречается в Q. B. до того места, на которое ссылается П. А. Фалев (Q. B. 41,7), неоднократно: 15,4, 19,18 с глоссой یوقاری, 25,19, 28,24, 31,34 (сравн. Словарь Радлова, I, 1222—1223, где, кроме уйгурских ссылок на Q. B., приведено и османск. *örü dur-*) и везде читается и переводится В. В. Радловым правильно: вверх, вверху (*örü*) и подняться, встать (*örü tur-*). В. В. Радлов, встречая в Q. B. неоднократно слово *örü* написанным (см. цитаты выше), на 41,7 встретил , которое он и счел ошибочно написанным или вм. *örü*, или вместо *turup* (см. рифму); что сам В. В. Радлов был за свое первое предположение, видно из того, что он это именно выражение *örü* поставил в свой основной текст (не в сноске). Начертание же венской рукописи (41,7) В. В. Радлов считает вполне основательно, по моему, неправильным и следует правильному каирскому варианту اورو (*örü*), так как не известен глагол, от которого могло бы быть это деепричастие . Мне хочется выяснить это недоразумение и дальше. Я думаю, что здесь написание (*örüp*, соб. , с рифмующим *turup*) следует читать и считать за или . В уйгурской письменности можно встретить довольно часто двойное начертание буквы (u) в конце слов или в середине искусственно разъединенного в письме слова; напр., *тии*, *ти* ли? (вопрос. частица, см. Hibet-ul-ḥaqaiq, стамбульское факсимильное издание Неджиб-Асима, стихи: 58, 133, 364 и др.); там-же: *kindüü*, *kindü* (сам он, стих 53); *kärtü*, *kärdüü* (истина, ст. 364); *luu* (дракон, см. Dr. W. Radloff, Uig. Sprachd., p. 10); *sü*, *süü* (войско, во многих памятниках уйг. письм., см. напр., Kuan--ši-im Pusar, Bibl. Budd., t. XIV, p. 116); *boluu*, *bolu* (будучи, Q. B. 31,34); *buu*, *bu* (этот, очень часто в Q. B., см., напр., 23,8, 16, 19, 22 и Miradj-nameh, изд. A. Pavet de Courteille, fol. 44 recto и 53 recto); *oo-qyp*, *oqyp* (приглашая, Q. B. 28,26). Это двойное начертание буквы (*u*) я и хотел бы видеть в конце слова (*örüp*); причем здесь писец, для симметрии выравнивая строчку, как то слишком удлинил вниз черту и загнул ее даже влево , а не вправо . Таковы мои предположения.

Проф. W. Bang в своем предисловии (стр. IX) поправляет выражение «*alyp-it(t)ä*» (24,10) на «*alyp-kitä*». Можно в этом месте предполагать имя существительное *it* (мясо) с плеонастической частицей *tä* (же, именно, и), или же — «*alyp-(p)itä* < *alyp* + *bitä*, т. е. (мясо) забирают все-в лавку. Вернее же всего здесь «*alyp-itä*» уносит; такое выражение (и именно с глаголом *it* — уносить) я слышал от уфимского мишаря (Г. Алпарова).

Думаю, простой случайностью следует объяснить то, что у R. Pelissier нет упоминаний и ссылок на существующую литературу по мишарскому диалекту: ведь, часть рукописей R. Pelissier утеряна или погибла вместе с ним. К списку литературы по мишарскому наречию, данному мной в моей заметке «Из поездки к мишарям. О наречии мишарей Чистопольского уезда»,[1] — теперь я бы добавил, кроме соч. R. Pelissier и вышеупомянутого соч. проф. Е. Д. Поливанова, еще: O. Böhtlingk, Über die Sprache der Jakuten, 1851 (где на многих страницах имеются сведения по наречию нижегородских мишарей) и Г. Филиппов, Крещеные мещеряки в Цивильском и Тетюшском уездах Казанской губ.[2] (здесь имеется глава X: язык исследуемых инородцев). **С. Малов.**

Тарховка.
Лето 1926.

---

[1] Ученые Записки Казанского Университета за 1904 г. (приложение).
[2] Православный Благовестник, под ред. Восторгова, (1915 г. ?), Москва.

Записки Коллегии Востоковедов, II, вып. 2.
Mémoires du Comité des Orientalistes.

По поводу статьи о папирусе 1116 b (ЗКВ, I, 209 и след.).

В качестве выпуска 1-а серии «Истории анархической мысли» (под редакцией А. Борового) появилась книжка С. Я. Лурье «Предтечи анархизма в древнем мире», книгоиздательство «Голос Труда», Москва, 1926 г. Здесь в подстрочном примечании на стр. 37—38 автор уверяет, что летом 1923 г. я выступал на его докладе в Палестинском Обществе, доказывая невозможность его теории, сводящей египетские пророческие тексты, в том числе и эрмитажный папирус № 1116 b к литературной переработке мифа борьбы Сета и Гора. Несмотря на это я, будто бы, в конце моей статьи об эрмитажном папирусе 1116 b, сданной в печать в 1920 г., но напечатанной в 1925 г., изложил вкратце его теорию, хотя в основной части моей статьи «не содержится ни одного довода в пользу связи эрмитажного папируса с мифом о Горе». Из этого делается вывод, что конец статьи противоречит ее основной части и, следовательно, «прибавлен, очевидно, позже» уже под влиянием доклада Лурье, но, как отмечается курсивом, без упоминания имени автора доклада. На это отвечаю:

1) Данный конец имеется уже в сохраненной мною рукописи моей названной статьи. На первой странице моей рукописи написано красным карандашем: № 95. Согласно разъяснению б. редактора изданий РАИМК, И. А. Орбели, эта пометка сделана секретарем издательства РАИМК, и под этим номером 95 моя рукопись была занесена в квитанционную книжку издательства. Данная квитанционная книжка сохранилась у И. А. Орбели, и он, на основании ее, сообщил мне следующие данные о судьбе моей рукописи: она была мною сдана в издательство РАИМК 3 марта 1921 г. На следующий день она была представлена во II Отделение РАИМК и была принята к напечатанию. Через неделю, 11 марта, я взял рукопись обратно, чтобы дополнить недостававшие примечания, а 21 марта того же года рукопись была мною возвращена в редакцию.

Впоследствии я получил ее обратно с первой моей авторской не сверстанной корректурой.[1] Эта последняя также сохранилась у меня, и на первой гранке ее имеется отметка «191», сделанная И. А. Орбели и означающая, согласно его разъяснению, страницу по предполагавшемуся в той стадии верстки тома месту моей статьи. Сверстана была моя статья согласно указанию И. А. Орбели, не позднее весны 1923 г., так как уже 6 мая 1923 г. им были приготовлены два сверстанных и сшитых экземпляра Записок для цензуры, в которые вошла и моя статья. Текст же этой сверстанной корректуры в контрольном экземпляре, сохранившемся у И. А. Орбели, а также моих несверстанной корректуры и рукописи, сохранившихся у меня, не отличается, кроме буквенных поправок, от текста статьи, напечатанной в I томе ЗКВ, стр. 209 сл.

2) То, в чем С. Я. Лурье усмотрел свою теорию, я применил в 1919 г. не к эрмитажному папирусу, а к другому тексту иной эпохи: действительно, на стр. 226 Записок я пытаюсь установить генетическую линию, соединяющую пророчество эрмитажного папируса XII—XIII династии с пророческими памятниками Египта предшествующей и последующей эпох.

3) По поводу моих возражений летом 1923 г. на докладе Лурье я категорически утверждаю, что я не говорил о невозможности, вообще, теории Лурье, а говорил лишь о невозможности применения данной теории к приведенным им конкретным тогда текстам. Приведенный же в моей статье текст, в котором пророчество о мессии и миф о Горе, сыне Осириса, являются, действительно, связанными, а именно текст, изданный P. Lacau (ср. мою статью, там же), был неизвестен Лурье.

В. Струве.

[1] Согласно указанию И. А. Орбели, статья моя была набрана в 1921 или 1922 г.

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

ВЫПУСК 1

(С 4 ТАБЛИЦАМИ И 5 РИСУНКАМИ В ТЕКСТЕ)

ЛЕНИНГРАД
1926

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Август 1926 г.
За Непременного Секретаря, академик *А. Ферсман*

Начато набором в 1925 г. — Окончено печатанием в августе 1926 г.

Издательство Академии Наук СССР

Ленинградский Гублит № 16515 — $14^{1}/_{8}$ печ. лист. — Тираж 800.
Государственная Академическая Типография
В. О., 9 линия 12.

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

ВЫПУСК 2

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Февраль 1927 г.

Непременный Секретарь, академик *С. Ольденбург*

Редактор издания академик *В. В. Бартольд*

Начато набором в марте 1926 г. — Окончено печатанием в феврале 1927 г.

2 тит. л. + 180 стр. + 6 нен.

Ленинградский Гублит № 21794. — 11 3/4 печ. лист. — Тираж 800

Государственная Академическая Типография

В. О., 9 линия 12

Цена 3 руб. 50 коп.

Оглавление — Sommaire

Статьи и Заметки

Articles et Notes

Критика и Библиография — Critique et Bibliographie

Список рецензированных книг — *Comptes-rendus des livres*
